

МАРАТ КОНУРОВ

ПОТЕРЯННЫЙ
РАЙ

РОМАН

Астана
2001

Конуров М.

Потерянный рай: роман. — Астана: «Фолиант»,
2001. — 496 с.

Никакая часть настоящего издания ни в каких целях не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотографирование и запись на носитель, если на это нет письменного разрешения издательства.

ISBN 9965-477-92-2

© Конуров М.С., 2001
© «Фолиант», 2001

Часть
ПЕРВАЯ

КАРАТАС

Седой поспешил к двери, так как на звонок давили настойчиво и подолгу. Непонятная тревога мгновенно ворвалась в беспрерывно ноющее в последнее время сердце. Все эти дни «мотор» его, многое переживший, бился с жуткими перебоями от того, что в нем поселился леденящий холод дурного предчувствия. Ожидания страшного ворочались, словно лопасти бетономешалки, а теперь с ворвавшимся пронзительным звонком в дверь, они закрутились в бешеном темпе, причиняя невероятную боль. Седой съежился, поморщившись от появившейся рези, и стараясь не смотреть на испуганную жену, которой мгновенно передалось его состояние, пробормотал себе под нос с досадой:

– Сколько раз собирался поменять этот проклятый звонок!

Он совсем недавно перебрался в эту квартиру, соблюдая, как ему казалось, все правила конспирации.

«Нет, эту фазенду пока еще никто не знает», – успокоено подумал он, подходя к двери, и эта промелькнувшая мысль подло его обманула.

Он был бродяга старой формации. Никогда не держал дома «волыну», не носил ее с собой и на все «стрелки» ездил пустым, будучи убежденным, что самое мощное оружие – это слово. Он даже дверь не стал менять на металлическую.

В открытую дверь вломились четверо. Все, как на подбор, накачанные, трое со стволами. В руках четвертого был короткий «УЗИ».

Передний приставил пистолет с глушителем к голове Седого и бесцеремонно прижал его к стене. Двое быстро скользнули в комнату, а четвертый, азиатской внешности, стремительно бросил кулак, нанося удар в солнечное сплетение.

Седой от удара сложился пополам, выплюнув воздух из легких.

«Это конец!» – понял он и подумал, – «Только бы не дома!». В детской заплакала дочь, словно почувствовав чужих, плохих людей.

Они втолкали его в комнату и ударом подсечки свалили на пол. Коренастый крепыш выхватил из кармана скотч и, оторвав кусок, набросил его на рот Седого, склеивая намертво губы. Наручники защелкнулись на его вывернутых за спину руках, чудовищно больно сдавливая запястья. Удары посыпались со всех сторон, причем били не разбирая, долго и изощренно. Изворачиваясь как уж на сковороде от пинающих ног, он лишь успел заметить, как метнувшуюся к их маленькой дочке жену повалил азиат и ударил по затылку рукояткой пистолета.

... Седой на свободе был третий год. Освобождался он этим сроком длиною в долгих десять лет с одной из уральских зон. А сколько пришлось ему натерпеться, пытаясь сохранить свою арестантскую чистоту и доброе имя! В лагерях строгого режима свирепствовал режим. Администрация насаживала «зэкам» свой «красный ход», ломая и выкручивая их. Десять лет, которые Седой получил за сберкассу, отгрызнулись ему серо-мутной лагерной тоской. Бесчисленными унижениями, вечными нарами, пропитанными особым «буровским» унынием, и злющим холодом, поедающим остатки здоровья изоляторов.

Седого в лагерях всегда отличала его прямота, арестантская порядочность, нестигаемость, готовность стоять до конца за общее.

Он был среднего роста, худоват. Так как почти не вылазил из «кичи», но на удивление, сохранивший легкие от пагубной «палочки Коха». «Седым» его прозвали давно, еще на «малолетке», из-за пепельно-серого цвета волос. И вот теперь по прошествии лет, отмытаренных лагерях, он вправду стал быстро сесть, будто пытаясь оправдать данную ему в юности кличку. Даже обе брови пробил предательская белизна.

Как-то в «буре» блатные хотели опустить «мужика». «Мужик» ночью съел чужой пайковый хлеб, видно голод доконал его, что он совсем потерял разум.

Это был молодой парень, с маленьким сроком, и живущий в лагере «мужиком». Тихий, безвредный, по зову желудка попавший в жуткий переплет. Несколько блатарей «раскачали» «мужика» его мерзкий поступок. Словесно унизив и умышленно втоптав в грязь надломившуюся, сдающуюся психику.

Давно не видевшие женщин, они в уме уже смаковали предстоящее удовольствие. Осознавший ужас предстоявшего, не зная как теперь спасти свою честь, парень дико озирался по сторонам. Он был морально сломлен и вздрагивал от слов, хлещающих его будто бич, настраиваясь ломануться из хаты.

– Ну, куда ж ты выпрыгнешь, глупый?

Пусть к металлической двери камеры уже предусмотрительно перекрыт. Дорога отрезана.

Но тут поднялся с места Седой, до этого молча наблюдавший за происходящим. Блатари же ошибочно истолковали поведение Седого, как молчаливое согласие.

Седой подошел и успокоил отпрянувшего от него «мужика». Закурил сам и угостил парня. Затем повернулся и ледяным голосом произнес блатарю:

– Уйди из-за спины.

Молодой, подблатовывавший паренек поспешно отошел, недоуменно поглядывая, словно оправдываясь, на своих дружков.

– Ты что, Седой. Хочешь за крысу мазу держать? – с тонкой угрозой, очеривая золотые фиксы и бесшумно подступая, произнес один из сокамерников.

– Крыса вне закона! – поддержал фиксатого зэк с побитым оспой лицом, по кличке «Корявый».

Корявый блатовал в 5-ом отряде, смотрел за кустарями. А это было доходное местечко в лагере, его специально прикрепили к «умельцам» дермантиновые блатюки. Имея за собой пушистые

хвосты, они контролировали доход от продажи искусно изготовленной кустарщины. Седой знал, что часть денег утаивалась от лагерного общака, а на скрысенные «лавэ» приобретался наркотик, которым они кололись в узком кругу.

Старый сиделец, он негодовал за многих в зоне, кто благовал, и знал о них нелицеприятное. Но здесь он был один, в замкнутом пространстве буровской «хаты». И, тем не менее, он не мог отдать им на растерзание этого глупого «мужика». «Ишь, распустили хвосты, словно павлины!», – а вслух произнес внятно, с присутствием металла в голосе:

– Парень оступился, по молодости, не совладал с голодом. Это у него впервые. Здесь достаточно объяснить. Нельзя плодить «ломанушек», «петухов» и прочих. Воры против такого подхода.

– Он вернет съеденную пайку и его никто здесь не тронет! – сказал тогда Седой грозно.

И блатные отступили. Облизываясь и щелкая клыками. Такстая гиен неохотно отступает от жертвы, когда к ней, грозно рыкая, подходит лев. Но гиены не уходят в таких случаях. Они бродят на почтительном расстоянии, боясь подойти ближе, противно повизгивая.

– Смотри, Седой, бя буду! – произнес Корявый.

Фикса многозначительно промолчал, поигрывая изготовленными из хлеба четками. Он повернулся к Седому татуированной спиной и пошел к наре, словно давая стае сигнал отбоя.

Седой не стал отвечать Корявому. Корявый – «пешка», главный у них Фикса. Он сидел рядом со спасенным им «мужиком», чуть было не слетевшим в разряд лагерных «дунях».

Белый от гнева, ни кровинки в лице, Седой не замечал, что сигарета давно истлела и жжет ему пальцы. Наконец, он тяжело поднялся, затушил окурок, бросив его в пятак, и прошел к своим нарам. Он знал, что нажил себе еще одних врагов. Но не боялся и не жалел, насквозь видел их подлую и низменную душонку. Но так уж устроена лагерная жизнь. Пока ты не можешь конкретно сорвать маску, вынужден соблюдать паритет.

Благодарный парень присел у него в ногах и смотрел на Седого признательно. Седой одобряюще кивнул ему одними глазами.

Здесь, в уральских лагерях, авторитет Седого был на высоте. Его уважали «мужики», с ним считались воры, блатные остере-

гались. А подлинные лагерные бродяги, встречаясь с ним на этапах, пересылках, обнимались, делились сокровенным и «чефирили» от души.

Отстрадав свою длиннющую десятку, Седой вернулся в родную Балашиху. Жизнь к тому времени на воле круто поменялась, на дворе был 93-й год.

Встретился кое с кем из братвы, поговорил. Его возвращению искренне обрадовались, устроили ему встречу с ворами, на которой он пытливо выяснил у них непонятные для него моменты.

Многие воры хорошо знали Седого по зонам, другие слышали за него как за порядочного, идейного арестанта. Ему помогли на первое время деньгами из общака и решили для него некоторые жизненно важные вопросы. Дали ему возможность обзавестись жильем и познакомиться с делами по Москве и Балашихе.

День за днем, шаг за шагом Седой вникал во все вопросы и понимал, как сильно изменилась жизнь на свободе за те годы, пока он отбывал свой срок. Седого возмущало то, что появившиеся группировки бандитов беспредельны и не хотят признавать воровское.

Он знал, что уже много именитых босяков погибли под пулями наемных «киллеров». Ему говорили, что на Москве действует созданная ментами организация под названием «Белая стрела». Она, якобы, делает отстрел «воров в законе» и криминальных авторитетов. Но он не верил во все эти бредни, так как для себя он понял, откуда это дует ветер на самом деле.

И когда «законники» предложили ему стать «смотрящим» за Балашихой, Седой отказался, так как воровское для него было свято...

Бандиты били авторитета долго, пока не устали. Высокий, тот, который командовал, присел в кресло, давая волю азиату.

– Смотри, Седой, как пользуют твою жену, смотри, потому что ты уже труп!

Жестоко избитый, Седой лежал со скованными за спиной руками, с грубо заклеенными скотчем губами плакал от унижения и беспомощности. Сквозь залитые кровью веки он видел, как азиат, забросив бессознательное тело жены на кресло, насиловал ее.

– Какие же вы гады, беспредельщики, хуже мусоров, чистые палачи! – шептал, проклиная себя за свой принцип не держать при себе оружия. Он понимал, что обречен, но не боялся этого.

А плакал оттого, что эти отморозки надругались над его супругой, которая 10 лет ждала, а теперь подарила ему крохотную дочурку. Как она просила, умоляла его отойти от преступного мира, уехать к ней на родину в деревню.

Подобрав избитое тело, он спружинился и бросился на высокого, сидевшего в кресле. Но бандит не дремал. Он ожидал от Седого этого броска и хладнокровно выстрелил ему в ногу.

Пуля, выпущенная из ствола с глушителем, отбросила авторитета к стене на пол.

– Факир, давай добьем его и надо валить отсюда, – донеслось до его слуха.

– Нет, Квадрат, мы еще заберем у него «казну», не оставлять же ее. Немой, приподними его, пусть скажет, где у него «казна».

Опьяневшие от вида крови и безнаказанности, бандиты пытали Седого. Перед этим квадратный бандит пристрелил его жену, а теперь тот, кого называли «Немым» урча, точно зверь, включенной электродрелью сверлил ему ногу, выбивая признание.

– Говори, сука, где казна? Скажешь?

Седой терял сознание, но новая боль наоборот возвращала его в явь. От вонзающего в его плоть сверла летели куски мяса и крови.

– Скажешь, где «казна»?

Из последних сил, нечеловеческим усилием воли, Седой приподнял голову и кивнул.

– Сдерните с него скотч.

Слезы перемешивались с кровью и красными ручьями бежали по его щекам, вид его был страшен. Высокий по кличке «Факир» склонился к нему, чтобы расслышать.

– Ты гнусная, мерзкая гадина, – прошептал внятно, растягивая слова от безумной боли, старый бродяга и выплюнул на лицо бандита кровавый стусок.

Последнее, о чем успел подумать «смотрящий», это была мысль о дочке.

Взбешенный Факир разрядил в него всю обойму. Седой несколько раз конвульсивно дернулся и затих.

– Сука, смотри, какой упрямый! Отрубите ему кисть, мы ее отнесем его коммерсанту. Посмотрим, как он запляшет теперь! А то Седой, Седой!

Факир с размаха пнул труп.

Слух о зверском убийстве Седого, его жены и дочери облетел всю Москву. Братва еще не знала достоверно, кто это так чудовищно выкосил семью старого авторитета. Однако даже самые влиятельные мафиози были в шоке. Такая участь могла ожидать каждого из них.

Семью Седого похоронили. А на собравшейся сходке «законники» вынесли приговор:

– Так могли поступить только «отморозки»! Мы найдем, кто это сделал. На них мы поставили крест.

Авторитеты, присутствовавшие на этой сходке, все до единогласно выражали единство с решением «воров в законе».

Прошло не более 10 дней после того, как похоронили семью Седого, а воры уже знали имена изуверов.

Когда Факир принес и, достав из барсетки, бросил на полированную поверхность стола отрубленную кисть Седого, президента АОЗТ ударил столбняк. Он оторопевшим взглядом таранился на нее, пока вдруг с ужасом по татуировке не осознал, что она принадлежала его «крыше», Седому.

– Теперь, гнида, будешь платить нам. И не дай бог где-нибудь вякнешь о том, что ты сейчас видел, я тебя четвертую!

После ухода страшного человека, Факира, президента охватил мандраж. Он вызвал начальника службы безопасности и добрых полчаса кричал на него, заходясь в истерику.

Затем, прогнав, достал из бара виски и, стуча о фужер зубами, выпил. Он метался по кабинету, не зная, что ему предпринять. Руки, ноги дрожали, ходили ходуном.

Тогда он вызвал одну из трех своих длинноногих секретарш и приказал ей сделать ему минет. Синеокая дива, было, вякнула, но он так на нее заорал, что она тут же присела перед ним на коленки.

Она классно старалась, но он ничего не чувствовал – перед глазами лежала мраморно-белая кисть с татуировкой многокупольного собора.

От пережитого шока он так и не смог кончить. Оттолкнув сотрудницу, он ухватился за телефон и долго вызванивал спасительный номер. Обращаться в милицию он боялся. Во-первых, менты могли сдать его Факиру, и тогда... Об этом было даже страшно подумать! А во-вторых, они все равно не смогут обеспечить его безопасность.

Он дозвонился своему старому другу, видному бизнесмену в Москве, и попросил защиты.

В тот же день его свели с «ворами в законе».

* * *

Факир был неплохим боксером. Выросший на окраине одного из сибирских городков, он пробивал себе дорогу, прокладывая ее кулаками. Для него никогда не существовало понятия правоты. Он знал лишь одно правило. Надо бить первым. И он бил. Бил до армии. Бил после армии. С таким нравом его давно должны были сломать, как «беспредельщика». Но Факир, кроме железных кулаков, обладал талантом лидера. Ему повсюду удавалось сплотить вокруг себя самых наглых, туповатых, но претендующих на то, чтобы им повсюду уступали дорогу. Он был высокого роста, мощный. Любил вкусно поесть и хорошо выглядеть.

После армии, благодаря своим качествам, Факиру удалось собрать вокруг себя молодежь. В одном из подвалов поликлиники они устроили штаб, где ежедневно собирались.

Отсюда они шли «качаться» в подвал соседнего подъезда, где пацаны сделали небольшой ремонт, застелили пол резиновой лентой и набили подвал железом: гирями, штангами, гантелями, блочными устройствами. Через стенку был зал для отработки ударов. Здесь с потолка, раскачиваясь, свисали самодельные боксерские мешки, набитые опилками и песком. На стенах были прибиты боковые настенные подушки и деревянные щиты для метания ножей.

Пацанов приходило очень много, это были рядовые бойцы, верхушка же после тренировки возвращалась в штаб.

Две комнаты в штабе были забиты диванами, креслами. На стенах висели ворованные ковры, телевизор, магнитофон. Здесь они обсуждали городские дела, сюда приводили девиц и накачивали их дешевым пойлом. А потом там же пользовали их хором. Факир специально прививал своей банде таким образом инстинкт стаи.

Лишь он по праву атамана удалялся в соседнюю комнату. В детстве поглядывавший в женские туалеты, он был настоящий сексуальный маньяк. Что только не выделял он, возбуждая свою плоть. Минет, анальный секс – это были лишь цветочки для его жертвы.

Он был настоящий изверг, и его боялись свои же члены банды. Он внушал им страх.

В ресторанах они не платили. За такси не давали ни рубля. Время от времени он посылал свою банду сделать рейд в городе в том или ином квартале. И тогда крошились ребра и лопались черепа. Факир сумел подчинить себе город. Его банду боялись все. Бывшие «зэки», спортсмены, такое же бакланье, как он сам, но не желающие подчиняться ему.

Дикий разгул банды Факира прервался в один день. Его самого, четверых его приближенных – Чечена, Культю, Черепа и Квадрата – повязали ранним утром, взяв их прямо из теплых постелей. Город вздохнул и теперь жил в ожидании суда над главарями.

Но Фемида не оправдала их надежд.

Череп и Квадрат вышли из зала суда, отделавшись полугодами, проведенными в СИЗО. Зато теперь их авторитет в банде еще более возрос. Теперь за главного стал Череп.

Факиру и Чечену вменялось в вину нанесение повреждений, квалифицированные как средней тяжести, они получили по четыре года. Культа же отмазался, получив «химию», и уехал отбывать в Северный Казахстан.

* * *

Четыре года лагерей не выправили Факира. Он лишь еще более ожесточился в лагере. В зоне, на общем режиме, Факир сколотил вокруг себя хамье и потихоньку обирал весь отряд. Его приспешники, словно шакалы, рыскали по барaku, отнимая посылки и бандероли у осужденных. Упрямцев избивали смертным боем. За колючей проволокой у них было все необходимое: они досыта жрали, спиртное и анаша не переводились.

Единственное, чего не хватало Факиру, так это женской плоти. Но и тут он нашел выход из положения. Так как зона была голодна, ему без особенного труда удалось подчинить себе при помощи кулаков и подачек в виде продуктов и курава молодого симпатичного паренька.

Паренек был голубоглазый и стройный, симпатичное лицо его было открыто и доверчиво. Несколько раз Факир пустил его под пресс своих наймитов. А когда понял, что парень слабый духом, морально подавлен и за него никто из отряда не решается вступить (тут бы самому не попасть под «молотки»), Факир за-

тянул паренька в отрядную каптерку, выгнав оттуда завхоза. Он угостил его тушенными консервами, дал ему выпить немного водки, а сам потихоньку мацал его, возбуждаясь все больше и больше. Не выдержав искушения, он принудил парня к минету.

– Если не хочешь, чтобы тебя били каждый день, сделай мне хорошо. У тебя будет все: жратва, водка, курево. Все, как сегодня! И об этом никто не будет знать. Только мы вдвоем. А иначе я тебе не завидую, и учти: тебя все равно трахнут. Но тогда уже не будет ничего этого. Давай, не упрямясь.

И слабохарактерный паренек сдался. Взял и сделал минет. Правда, неумело.

Освободившись из лагеря, Факир вернулся в свой город. Перестройка была в самом разгаре. Культя находился тут же, в городе. Но он конфликтовал с Черепом, и поэтому он отпился от банды, и был в стороне от их дел, ожидая Факира. Он и пожаловался главарию, что Череп оборзел, обложил налогами почти все коммерческие киоски в городе, цветочников, частные кафе, автостоянки, таксистов. Что он все подмял под себя, пока они сидели. А Факира он не боится. Говорит, что ему наплевать на него, если он теперь сунется в его дела, то ему крышка.

Одним словом, Факир свирепел все больше, а Культя, зная хорошо его характер, подливал керосинчику. Двое суток они пили на квартире у Культи, заперев двери. На третьи сутки с утра Факир выпил разом полный стакан водки и больше пить отказался. Культя понял, что Черепу кранты.

Весь оставшийся день Факир чистил дуствольный обрез, принесенный подельником. Разобрал два патрона, увеличил заряд пороха и засыпал в оба нарубленные гвозди. Тщательно запывал их.

Часа в два ночи они стояли за дверью, за которой жил Череп с молодой девушкой. Культя, вооруженный ножом, нажал на звонок. Через некоторое время послышался настороженный голос Черепы.

– Кто там?

– Открывай, братуха, это я, Факир! Только что приехал в город и сразу к тебе, браток!

По ту сторону была тишина. Но, видно, Факиру удалось убедить своего воспитанника, потому что щелкнули замки, и в освещенном дверном проеме возник осторожный Череп.

– Факир, братан, ты вернулся! – произнес он, пытаясь разглядеть в темноте подъезда своего бывшего главарию.

– Со свиданьем! – ответил Факир и, мгновенно наставив прямо в лицо обрез, нажал оба курка.

Дуплетный выстрел с усиленным пороховым зарядом разорвал голову Черепа. Куски кровавой каши разбросало по стенам. В подъезде стояло эхо от страшного грохота, и было слышно, как в квартире раздался истошный женский вопль.

Но поделньники уже стремглав выскочили из подъезда и пропали в темноте неосвещенных улиц.

Факир исчез из города и появился в нем двумя неделями позже.

Он сразу же объявился в родном подвале, где терпеливо выслушал рассказ Квadrата о смерти Черепа. Он сказал тогда Квадрату всего три слова, от которых последний чуть было не проглотил язык.

– Его убил я! Если не подчинишься мне, последуешь вслед за ним.

Главенство в банде было моментально восстановлено, Квадрат выбрал жизнь.

При помощи верного Чечена, который также скоро появился и примкнул к банде, и Культи, Факир быстро взял бразды правления в свои руки. Ему достался город, где всю черновую работу уже проделал Череп. Оставалось лишь поддерживать жесткую дисциплину в банде, собирать дань с покоренных территорий, да вот еще разобраться с лидерами двух возникших и окрепших за время его отсидки группировок.

Проведя совещание, на котором присутствовали, кроме него: его правая рука Чечен, Культя и Квадрат, решили, не мешкая нанести удар по конкурентам.

Вскоре в городе запыхали факелы чужих коммерческих киосков, магазинов. На местном рынке многочисленная банда Факира, вооруженная арматурами, устроила погром, перебив всех азербайджанцев, торгующих овощами, цветами.

Взбешенный лидер «нахаловской» группировки с вооруженными боевиками носился по городу на девятке с затонированными стеклами, пытаясь напасть на след Факира. Но все попытки его были тщетны. Факир дождался, когда пыл Нахала иссякнет, и тогда послал Чечена, Квадрата и еще двоих молодых. Культю он не отпускал от себя ни на шаг.

Нахала настигли в сауне. Он расслаблялся с сопровождавшим его боевиком в ожидании, когда к ним подвезут девочек.

Обмотанные простынями, розовые от пара, они застыли, когда в комнату отдыха вошли, вместо ожидаемых боевиками путан, четверо посланных Факиром киллера.

Загremели выстрелы. Чечен стрелял из обреза, Квадрат и молодые – из «ТТ» и «Макарова». Все было кончено мгновенно. Нахал и его приближенный валялись на полу, истекая кровью.

Нахал был еще жив. Чечен приказал молодому добить его. Раздался выстрел, голова соперника дернулась от полученной пули и со стуком упала на паркет.

Ушли так же быстро, как и появились. Прибывшая милиция на месте обнаружила лишь лежавшего без сознания банщика и два трупа в луже крови.

В Нахала попало шесть пуль. Во лбу запекшейся кровяной звездочкой зияла аккуратная дырочка. Милицию вызвали подъехавшие боевики покойного Нахала.

Девуцы были в шоковом состоянии и ничего внятного не смогли рассказать приехавшим «ментам». На боевиков тут же накинули браслеты и, избив, отправили в местный районный ИВС.

Еще один лидер, по кличке «Хохол», сразу же «съехал», и по слухам, целыми днями кололся, вгоняя от страха в вену с каждым разом все большее количество раствора.

Деморализованные общим кризисом в стране, «менты» не слишком рыли это дело. Хотя, в общем-то, не надо было быть Пинкертоном, чтобы не понимать, что за этим убийством и убийством Черепа, а также взрывами на автостоянках и погромом на рынке стоит один человек – Факир. А он теперь правил безраздельно.

Милиция бездействовала, а Факир через близких к нему людей стал давать приличные взятки главным «мусорам».

Вскоре и прокурор, и руководитель следственной части без особых проблем принимали пакеты с деньгами от Факира.

Боевики его банды разъезжали по городу на отобранных у новоявленных коммерсантах машинах. Бесплатно одевались в их магазинах, не платили ни гроша за обеды в их частных кафе.

На состриженные денежные купюры Факир потихоньку оснащал банду, вооружая автоматами, стволами, гранатами.

Но главное, через посланных в Москву людей ему удалось приобрести разнообразную шпионскую технику, подслушивающие устройства, приборы ночного видения и несколько винтовок с оптическим прицелом.

Теперь он удовлетворенно потирал руки, так как у него были амбициозные далеко идущие планы. Насмотревшись видео, он стал мнить из себя Джона Дилинджера.

Он хотел иметь очень много денег. А для этого ему нужна была Москва!

* * *

Наладив дела в родном городе, Факир отправился в белокаменную, прихватив с собой Культю.

Чечена оставил за старшего.

В столице он ознакомился через ранее посланных пацанов с раскладом дел в бизнесе, криминальной иерархии столицы и окружающих ее городов – Электростали, Солнцево, Балашихе, Измайлово, Люберцах.

Москва 90-го напоминала огромный лакомый пирог, начиненный всевозможными яствами. И война за этот пирог шла в самом разгаре. Ему называли имена погибших в борьбе за этот манящий к себе пирог, крупных воров-«законников» и криминальных авторитетов.

Чем больше он вникал, тем яснее становилось, что их здесь никто не ждет, и делиться с заезжими провинциалами не собираются.

Мало-помалу, разноцветная мозаика – карта Москвы, вырисовывалась все отчетливей. И, вместе с тем, для Факира становилась понятной его будущая стратегия.

Он решил начать с «рэкета» крупных коммерсантов и похищения богатых бизнесменов за выкуп. Параллельно осваивать бизнес по продаже недвижимости.

Он не собирался оставаться вечно в Москве, потаенные мысли уводили его в теплые страны, к ласковому бирюзовому морю, где под пальмами бьют барабаны и пляшут сиреневые полуобнаженные мулатки.

Это были его планы, но это потом! Когда у него будут полные карманы денег, он решит, куда ему свалить.

Вот почему был страшен Факир. Он не собирался беречь своих боевиков, не рассчитывал вкладывать деньги в бизнес, биться за какой-то район Москвы, не намеревался жить по глупым воровским либо бандитским понятиям. Понятия – это для слабых. Хищный, такой как он, возьмет силой.

Факир принял стратегию точечного метода ведения «рэкета». Он станет московским Дилинджером, прольет реки крови.

Пробыв в столице два месяца, Факир с Культей вернулись в свой городок.

Члены банды встретили главарей восторженно. У Чечена был полный порядок. «Общак» систематически пополнялся, милиция по-прежнему пребывала в гипнотическом сне, главные «силовики», не брезгуя, продолжали ежемесячно брать соблазнительные свертки. Они их уже ждали, как зарплату.

В городе никто против банды не пыжил.

Факир поделился своими планами с Чеченом и Квадратом. Еще он подтянул на разговор подающего надежды молодого по кличке «Бульдозер». Это был один из тех двух молодых, которые ходили стрелять Нахала. Так его прозвали бандиты за то, что он всюду и везде пер вперед, как бульдозер.

Он обрисовал им радужные перспективы столицы.

– Мы заявим о себе в Москве и заставим считаться с нами всех авторитетов. А тех, кто будет становиться поперек нашей дороги, ждет смерть. Мы будем безжалостны и беспощадны, и тогда Москва, как сочная девка, раздвинет перед нами ноги.

Все присутствующие поддержали Факира, поклялись лидеру в преданности.

– Мы с Культей жили там как монахи, нигде не рисовались лишний раз, одним словом, занимались делом. Поэтому, предлагаю «оттяжку» по полной программе.

Окружение бурно отреагировало на предложение главара. Решено было, пока они выпьют и закусят, подвезти проститутку. Вскоре был накрыт стол, заставленный традиционной икрой, балыком, колбасами, сыром, копченостями. Пить стали привезенные из столицы дорогие виски, коньяк, водку «Смирнов» и «Абсолют» в больших двухлитровых бутылках оригинального исполнения.

Тосты поднимали за Факира, самого крутого парня в этом городе.

– Я покажу им, что есть русский Дилинджер. Я заставляю всех этих столичных авторитетов дрожать при упоминании моего имени.

Факир никогда не отличался скромностью, но сейчас он произносил эти фразы и наблюдал за сообщниками, кто из них усомниться в нем. И еще цель, которую он преследовал: заставить их поверить в то, о чем он им говорит.

Но никто и не думал сомневаться, тем более, что уже подвезли девочек. Присутствующие оживились. Квадрат тут же заста-

вил прибывших путан обнажиться догола. Он не собирался выслушивать никаких возражений. Посмеиваясь, похохатывая от предстоящего удовольствия, скинули с себя одежду мужчины.

– Вот теперь мы все как в раю!

– В раю нам будет так же! – произнес, масляно улыбаясь, Чечен.

«Чеченом» его прозвали за внешнее сходство и за то, что при любой вспышке гнева он хватался за нож и резал. В банде все знали – Чечен даже спать не ложится без ножа.

Путан было шестеро. Двоих, самых приглянувшихся, забрал Факир и отправил в свою «келью», как он называл личную комнату.

Квадрат, для начала, загнал оставшихся девушек под стол. Он решил начать игру «Угадай-ка!». Это была жестокая игра, длившаяся порой по два и более часа. Она изнуряла и изматывала путан. Но игра была истинным развлечением для бандитов, где, кроме удовольствия, они получали кайф от азарта.

Факир, понаблюдав за началом игры, возбудился до необходимой степени и удалился к себе.

Обе путаны были сексуальны. Обнаженные, в одних трусиках, они приятно возбуждали его. У одной из них были большие, словно два спелых апорта, тугие груди, которые Факиру с удовольствием хотелось измять.

Другая, стройненькая, с распущенными волосами, была еще совсем юной. Ее небольшие грудки были нежны и целомудренны.

У первой был большой, сексуальный рот. Она улыбалась, обнажая белоснежные зубки. Ее рот манил к себе.

Юная путана была еще неопытна, пуглива. Ее маленький ротик с нежными губками был испуганно поджат.

Молоденькой он приказал встать на колени и ласкать саму себя. Она это делала неумело, но Факиру некогда было сердиться, так как он развлекался с первой.

Факир оттягивался долго. Он разошелся, и требовал у путан ускорить темп. Наконец, он насытился и прогнал вконец измученных девиц.

Факир никогда не платил проституткам, хотя знал, что среди бандитов это считалось «западло». Путаны и сами не пытались заговаривать о деньгах – себе дороже. Уж им-то было известно о жестоких нравах, царящих в банде Факира. Тут, если что не так скажешь или сделаешь, тебя запросто могут, в лучшем случае,

избить. Но на памяти у них было и другое, при воспоминании о том случае у девчонок волосы вставали дыбом.

Красивую девчонку Таню затащили молодые бандиты. Вначале ее избили, а потом заставили обслужить всех желающих, а их в тот вечер было много. Человек двадцать. Изгалялись весь вечер и всю ночь. В конце концов, кто-то предложил попробовать засунуть ей во влагалище бутылку из-под шампанского. Девчонка уже и не плакала. Она была на грани помешательства. Спасло ее то, что один из молодых, пришедший из города, объявил, что вся милиция, сбившись с ног, разыскивает ее.

Так что девушки никогда не заговаривали о плате за услуги, предпочитая зарабатывать с другими клиентами.

Братва еще куражилась. На полированной поверхности стола кучками лежали деньги.

Чечен проигрывал. И поэтому сидел злой, на грани бешенства. Братки посмеивались над ним:

– У тебя, Чечен, *там*, наверно, березовый сучок. Поэтому ты никак не можешь угадать. Ха-ха-ха ха!

Квадрат и Культя ухаживались над готовым уже взяться за нож Чеченом.

Бульдозер лишь тихонечко посмеивался, не решаясь громко смеяться над авторитетным бандитом.

Девчонки, которым уже досталось от Чечена, трудились вовсю, боясь как бы этот кураж бандитов не закончился плачевно для них.

При виде главаря, появившегося в дверях, братки поуняли пыл.

– Хорош, братва! Давай расход! Культя, ты поедешь со мной. Завтра у нас много дел, поэтому сбор с утра. Культя, через пять минут я жду тебя в машине.

Факир ушел. Квадрат объявил путанам «отбой». Выпорхнув из-за стола, они стали поспешно одеваться, стараясь как можно быстрее ретироваться.

Бандиты разобрали свои «лавэ». Все были оживлены и громко разговаривали. Один Чечен оставался безмолвен. Вместо ожидаемого кайфа, он получил полное разочарование, и еще проиграл кучу денег.

В один из дней Культя привел к Факиру высокого накачанного парня азиатской внешности.

Парень был белолиц. Короткий, черного цвета жесткий волос, острижен ежиком. В больших глазах плавали чернущие зрачки. Густые, хищно изогнутые красивые брови, напоминали угрожающий замах крыльев степного беркута. Под прямым тонким носом – жесткий, упрямый рот. По обе стороны тонких крыльев носа вниз, к подбородку, пролегли две глубокие морщины, завершая портрет.

Факир обратил внимание на ушные раковины стоявшего перед ним парня. Ушные раковины свидетельствовали о чрезвычайной жестокости хозяина. Они были заострены в верхней части и, спускаясь вниз, мочками срастались прямо к скулам.

– Факир, познакомься! Это мой «кент» «Душман», из Северного Казахстана, где я торчал на «химии».

Главарь не спешил протягивать руку, продолжая смотреть на азиата, давая возможность Культе что-либо добавить.

– Душман служил в Афгане, поэтому такая кликуха. Он спортсмен, у себя в городе тоже работал по движениям. Сейчас в розыске. Вот и прикатил ко мне.

Культа замолчал, Факир же продолжал испытывающее-пристально разглядывать парня. Наконец, он разомкнул губы:

– Еще что скажешь, Культа! Говори. Дальше что?

Ответил главарю сам Амир. Он смотрел на Факира прямо, не отводя взгляд, чем понравился лидеру.

– Факир, я о тебе слышал от Кульги, когда он в наших краях отбывал «химию». Он знает, я у себя в городе не последний человек. Сейчас я не могу там находиться.

– Ты у себя в городе не последний человек. Я у себя – первый. Ты понял это?

– Базара нет, ты первый. Если возьмешь – останусь с тобой. Если нет – земля большая!

– Что скажешь, Культа?

– Факир, я за него отвечаю, – произнес Культа.

– отвечать за себя он будет сам. Твоя задача – довести до него наши порядки.

Амир родился и рос на глухой маленькой станции, в семье железнодорожника Бектемира. Он был четвертым и самым младшим ребенком в семье. Его мать Улжан, в молодости раз-

битная черноволосая, черноглазая, белолицая казашка с толстой, тугой косой ниже пояса, была дочерью учителя из соседнего аула. Окончив школу-восьмилетку на казахском языке, Улжан осталась в ауле.

ЕРЕЖЕП

Когда началась война, дочери Ережепа исполнилось пять лет.

Улжан росла развитой девочкой и в свои пять лет скакала на лошади без седла и уздечки, вцепившись ручками в гриву, голыми пятками прижавшись к теплым лоснящимся бокам.

Так как Ережеп был единственным учителем в ауле, на него в районном военкомате наложили бронь. Почти вся аульная молодежь была мобилизована и отправлена на фронт. Война шла где-то далеко и на жизни аула почти не отражалась.

Аул продолжал жить привычным бытом, занимаясь в основном скотоводством. Аульный скот: коровы, быки, лошади, овцы паслись на окрестных пастбищах, доходя до заросшего молодым, сочным камышом озера.

Женщины доили коров, а молоко сливали в деревянную бочку, установленную на скрипучей повозке, которой правил хромой с рождения Сабит. Сабит ходил с перекинутой на тонком кожаном ремешке брезентовой сумкой через плечо. Переваливаясь с ноги на ногу, он прыгал вокруг своей бочки с тетрадью в руках и химическим карандашом, ведя запись надоя каждой из доярок.

Мужчин в ауле осталось мало, и все они были заняты аульными работами. В те годы им ставили трудодни, взамен которых они потом получали чай, муку, сахар, керосин, соль, спички.

Вскоре стали приходиться «похоронки», называемые в народе «каракагаз», что означало «черная бумага». Все чаще раздавались душераздирающие причитания в разных концах аула. Одним из немногих, кто понимал грамоту, был Ережеп, письма и «похоронки» почтальон оставлял ему. Читая аульчанам письма, он стал понимать, какая я огромная и жестокая идет война.

А в сорок третьем, весной, его самого вызвали в район и отменили бронь. Вскоре Ережеп ушел на войну.

Маленькая Улжан осталась одна с матерью в своей невысокой глинобитной землянке.

Отец вернулся в сорок четвертом. Он воевал в пехоте и пропахал на брюхе многие километры земли, за которую воевал. На

фронте ему оторвало левую руку. После ранения он два месяца провалялся в медсанбате, после чего еще два месяца находился в запасном полку, пока его не комиссовали из армии. Вернулся Ережеп в родной аул, добираясь на теплушках, с такими же, как он, списанными подчистую. Прохладной ночью сошел на станции, проводил глазами ночной эшелон и торопливо зашагал в сторону аула.

Он давно не получал писем из дома и очень волновался за дочь Улжан и жену Айганым.

Улжан пошла в школу в восьмилетнем возрасте. Училась хорошо, постигая те науки, которые давались в местной школе. Росла, как и все аульные девчонки, в свободное время выполняя все домашние работы, помогая матери, которая была дояркой.

У казахов говорят: «Заман-тулпар», что означает «Эпоха-скакун». Незаметно для Ережепа и Айганым, Улжан выросла и превратилась в стройную высокую девушку. От отца она переняла любовь к книгам, от матери – стать, степную красоту и любовь к казахским песням. Закончив школу, она не потянулась, как многие ее сверстницы, в райцентр. Домашнее хозяйство было на ее плечах, кроме этого она успевала помогать матери доить аульных коров.

Улжан выросла не по годам взрослой и рассудительной. Она возражала отцу, когда он заводил разговор о ее дальнейшей учебе в райцентре, понимая, как трудно придется маме.

По воскресеньям к ним стали привозить кино и крутить в построенном к тому времени местном клубе. После фильма иногда проводили танцы или аульное собрание.

В свободное время Улжан любила уходить далеко в степь, собирая цветы, наслаждаясь пением птиц, трескотней кузнечиков и сурчиным посвистом. Там она чувствовала себя частью природы, окружавшей ее: степным ковылем, камышом, шелестящим от ветра, ветром, обдувающим окрестные луговины. И тогда она заводила грустные девичьи песни высоким чистым голосом.

Это было время юности, полной потаенных надежд и мечтаний. Какая казахская девушка не мечтает о красивой, «махаббат» – любви! О встрече на веселых играх «алты-бакан», где на наряженных разноцветными лентами высоких качелях она бы взлетала в отблесках ночного костра прямо к темному небу, щедро усыпанному мириадами звезд. Рядом с ней красивый строй-

ный джигит в казахском головном уборе «борике», отороченном мехом сурка или ондатры.

Какая казахская девушка не мечтает о том, как на чьем-нибудь тое она будет мчаться, обгоняя ветер, на белой кобылице, а за ней, в лихой игре «кыз-куу», что значит «догнать девушку», станет скакать во весь опор тот же самый джигит. Припав к разбегающимся гривам быстрых коней, она и он, и только вечная, белопенная от ковыля степь летит под копыта скакунов.

Какая казахская девушка не мечтает, что на самой длительной скачке «аламан-байге», конь ее джигита, что качался с нею на «алты бакане», а позже мчался, догоняя в «кыз-куу», не придет самым первым. И когда он подведет мокрого, в хлопьях пены от долгой бешеной скачки тулпара к ней, она, стыдливо прикрывая взгляд опахалами ресниц, набросит на коня собственноручно вытканый казахский ковер.

О чем только не грезила аульная красавица Улжан, уходя одна в степь. О чем она грустила в своих полных печали песнях? И в один из теплых, июньских вечеров, придя в клуб, она познакомилась с молодым парнем из соседней станции по имени Бектемир.

Сначала ей понравилось его имя, необычное для этих мест, а затем и он сам. Он появлялся в ауле только в те дни, когда в аул привозили кино.

Со станции приходили парни и девушки. Бектемир был в числе их. Он несмело подходил к Улжан, стоявшей всегда чуть в сторонке с подругой, и негромко здоровался. Спрашивал что-нибудь о предстоящем фильме, задавал несколько незначительных вопросов и замолкал.

Когда выключали в зале свет, он садился рядом с Улжан, и на протяжении всей ленты сидел молча. После окончания прощался и уходил.

Так продолжалось все лето. Улжан привыкла к его появлению рядом с ней в клубе, что, приходя в очередной раз на фильм, искала взглядом, если вдруг его не было. Но Бектемир всегда появлялся, даже если запаздывал к началу кино. Вскоре он стал провожать ее до дома. Робкий стыдливый Бектемир безмолвно шагал рядом, отдергивая руку как от ожога, если случайно доводилось соприкоснуться.

Веселая, бесстрашная Улжан сама заводила с ним разговор, расспрашивая о жизни на станции, о его планах.

Он рассказывал ей коротко о своей семье, о работе на железной дороге. Бектемир был ремонтником на своем участке дороги.

Подруги Улжан посмеивались над ее парнем, называя его теленком. А она прежде в девичьих мечтах представлявшая своего джигита другим, вместо того, чтобы прогнать от себя, наоборот тянулась к нему. Все-таки, ей нравилось его смуглое лицо и открытый взгляд, эта его робкая застенчивость отличавшая от других парней.

На осеннем сенокосе, куда Улжан выехала со своими аульчанами, они вновь встретились.

Станционные жители косили на соседнем лугу. Травы все лето стояли сочные, высокие. С тяжелым вздохом ложились под острыми косами, навсегда расставаясь с животельной силой земли. Косцы шли красиво, уступом, оставляя за собой только что шумевшие, теперь лежавшие ровными полосками травы.

Улжан вместе с подругами собирала вилами высохнувшее за ночь сено и грузила на подводу, чтобы отвезти к растущей на глазах скирде.

Здесь, на сенокосе, они встретились. Бектемир рассказывал Улжан, что его от участка послали на заготовку сена для рабочих. Он был так искренне рад, что впервые бойко заговорил с ней. Они глядели друг на друга и смеялись. Просто так, от счастья, от простора вокруг, от запаха скошенных и не скошенных трав, от лучей солнца, золотом заливающих луга.

Дунул ветерок и сорвал легкую косынку с головы Улжан.

– Ой! – вскрикнула она.

Бектемир бросился за ней, она тоже кинулась ловить. Косынку понесло над лугом, развевая, словно специально, уводя их подальше от людских глаз. Они бежали за ней, заразительно смеясь. Вновь налетевший поток ветерка, словно играя с ними, прижал косынку ниже к земле и легонько нес ее над густой, сочной осокой. И когда она, зацепившаяся за траву, на мгновение прервала свой полет, оба почти одновременно бросились к ней с криком:

– Держи! Держи ее! – и, столкнувшись, упали в густую осоку.

Вот тогда Улжан впервые увидела его глаза так близко. Она почувствовала у себя на лице его разгоряченное дыхание, и вдруг он накрыл ее губы своими сухими, потрескавшимися от жары.

Все ее прогулки по степи, все ее грустные песни, ее девичьи грезы о прекрасном джигите воплотились в этот миг в его глазах, в которых было столько страсти и преданности. На губах, которые, неумело целуя ее, что-то шептали. На несмелых руках, которые пытались ласкать ее тело.

Запах налитой, томящей соком травы окружил им головы. В тот момент она забыла обо все на свете: отце, матери, подругах, других аульных парнях, заглядывавшихся на нее. Она стала целовать его робкие губы, опаливая жаром и степным темпераментом. Ее белые руки обвили смуглую шею избранного, и тело ее, гибкое как у степной змеи, призывало джигита к тому, что должно было рано или поздно между ними произойти.

Это был воистину упоительный полет. Полет степной птицы над безумно красивым расшитым ковром степи. И пока ее избранник продолжал ласкать ее, она, словно птаха, купалась в льющихся на осоку лучах солнца.

Так Улжан и Бектемир стали близкими друг для друга людьми.

И теперь, пока длился сенокос, они встречались ежедневно и уходили далеко от людей, за холмы. Она собирала цветы, пела ему любимые песни. Он держал ее за руку и глядел влюбленными глазами.

Лето в степи проходит быстро. Жаркое, сочное от запахов разнотравья, в зеленом шелесте наряженных в белоснежные сарафаны березовых рощ, в несмолкающем щебете вспархивающих из-под ног птиц.

Для аульчан лето – это краткая передышка после морозной, буранной зимы. Чтобы отоцавшая скотина опять нагуляла жирок, а молодежь могла попеть свои песни в отблесках пламени ночного костра, в скрипе взлетаемого ввысь «алты-бакана». Чтобы впрок напиться пахнущего степным дурманыщим запахом жасмина молодого кумыса, играющего, пенящегося в деревянном кесе. В течение отпущенных милостивой природой летних дней, надо успеть остричь овец, впрок запастись сена, заготовить «кезек» и дров, подправить ветхие заборы. Потому что осень коварна, она подкрадывается незаметно. Нужно спешить собрать вызревшие хлеба, обмолотить их и свезти золотящееся драгоценное зерно на тока, где его начнут неспешно молотить в муку. Успевшие все это сделать вовремя, радуются и посмеиваются над затянувшимися морозящими дождями.

Теперь, когда все сделано, не страшны дожди и продувные ветра. Пришедшие вместе с осенней хлябью.

Осенью прибыли сваты в дом однорукого учителя Ережепа и его жены Айганым.

Улжан перед этими днями, набравшись смелости, краснея от стыда, открылась матери о своих отношениях с Бектемиром.

Мать есть мать, она всегда поймет свое, выношенное девять месяцев под сердцем, дитя. Только Ережеп ходил несколько дней хмурый, без конца разглядывая пристально свою дочь, как будто только сегодня ее увидел.

Высокая, стройная, белолицая, в пору расцветшая! – любовался он ею. Но разве такого он желал для своей любимицы, единственной дочери – умницы.

В своих потаенных мыслях надеялся Ережеп, что он сумеет убедить дочь поступить в институт, а ради этого отвезет он ее учиться в областной центр. Он мечтал, что она, получив высшее образование, станет большим человеком. И зять, собственно, будет подстать ей. А тут какой-то железнодорожник, с соседней станции! Разве этого он желал!

– Надо было сразу после окончания восьмилетки отправить ее в город! – досадовал однорукий учитель. И опять сомнения одолевали его – кто знает, что могло случиться тога с ней, еще совсем молоденькой, в большом городе, где полно русских. Могла и за русского замуж выйти!

Для казахов в те годы не было ничего страшней, если дочь выходила замуж за русского. И еще полбеда, если сын женится на русской, кровь переборет, внуки будут казахи. А вот если дочь! Это – беда!

Мучился Ережеп, ходил хмурый, у него пропал аппетит, по ночам он не спал, лежал с открытыми глазами, размышляя о том, как останутся они с Айганым одни в доме.

Неизвестно как бы дальше развивались события, только жена в сердцах выговорила ему:

– Что с тобой? Ты что не ешь, не пьешь? Что не спишь по ночам? Чего ходишь серый, будто дочь твоя не замуж собралась, а в могилу? У каждого человека своя судьба. Любят они друг друга. И не беда, что он простой рабочий. Железнодорожники нужны стране, подумай о том, как бы, если не они. Ты добрался бы с фронта домой?

Что и говорить, умела Айганым говорить с мужем. Могла в нужный момент привести такие аргументы, что и крыть их было нечем.

Повздыхал еще денек Ережеп и как перед неотвратимым, смирился он. Повесил вой пояс на шею. Так издревле велось у казахов. В знак того, что человек признал свою неправоту или смирился, снимал он свой, украшенный узорными серебряными накладками пояс – «белбеу» и вешал его на шею.

За утренним чаем, он промолвил жене, разливавшей по пиалам свежезаваренный чай.

– Пусть посылает сватов, – и все же, не выдержав выпирающее недовольство тем, что он, глава семьи, уступил двум женщинам, – добавил:

– Еще посмотрю, кто приедет, за хорошего парня должны приехать «куда тусуте», уважаемые в окрестностях люди. А нет, так я откажу им! – этими словами Ережеп поставил точку над всеми своими сомнениями и ушел в школу.

После этого разговора прошло не меньше двух недель, а они все не ехали. В сердце Ережепа, булькая, закипая, поднималось негодование.

– Они что испытывают мое терпение? Или, может, этот пропахший креозотом железнодорожник решил отказаться от моей дочери? Надо осторожно выведать у жены, не испортил ли он мою дочь? Если это так, тогда держись. Спуску ему не будет. Я хоть и с одной рукой, уж с этим паршивцем справлюсь.

Так кипел Ережеп к концу второй недели.

И тут приехали сваты.

Молодец Бектемир, постарался. И впрямь оказались известные в этих местах люди. Карим-ага, герой войны, орденоносец, медалист, по такому случаю, он надел все свои награды. Начальник участка, на котором работал Бектемир. Возглавлял процессию уважаемый в округе, строгий старик Байтал-ата. Была и мать парня. Невысокая средних лет смуглая казашка.

Когда гости расселись, Ережеп стал расспрашивать аксакала о его здоровье. Старик сидел прямой, отвечал непринужденно, говорил медленно, неторопливо.

– Э-э, Ережеп, дорогой, достигнув такого возраста, человек как камень, катится вниз по дороге жизни. И сам ты достигнешь этих лет, если будет на то воля аллаха!

Айганым хлопотала, накрывая дастархан для дорогих гостей. На столе появились испеченные днем раньше румяные баурса-

ки, сахар, коровье масло, конфеты, пряники, холодная баранина. Улжан помогала матери, чувствуя, что приезжие рассматривают ее.

Они еще поговорили об урожае, о заготовленном сене на зиму, обсудили разжиревший за лето скот. Начальник участка рассказывал о своих проблемах. Старик Байтал удовлетворенно кивал головой, приговаривая:

– Барекельды, барекельды!

Наконец, когда был выпит чай, опробованы баурсаки и баранина, аксакал заговорил:

– В этом доме есть девушка, Ережеп, не это ли твоя дочь?

– Да, уважаемый ата, это моя дочь, – утвердительно ответил учитель.

– Как тебя зовут, милая?

– Улжан мое имя, ата.

– Барекельды, барекельды! У нас в ауле – я нашу станцию аулом называю, не обессудьте, есть парень по имени Бектемир. Вот сидит его мать, – старик показал на приехавшую с ними женщину, и продолжил:

– Так вот, мы у себя в ауле все его знаем. Хорошего джигита вырастила Раушан.

Приехавшие закивали головами, подтверждая слова старика:

– Очень хороший парень, очень хороший.

– Ережеп и ты Айганым, вы наверняка догадались, что мы пришли засватать вашу Улжан. Скажи нам Ережеп, отдашь свою дочь за нашего Бектемира или нет? Говори прямо, как фронтовик, – потребовал строгий старик.

Ережаеп тоже выдержал нужную в таких случаях паузу и затем ответил:

– Улжан наша единственная дочь, других детей нам аллах не дал. Разве можем мы связывать крылья птицы, которая хочет улететь от родительского очага? Время так пришло, если своей дочке счастья не пожелаем, тогда, кому? Пусть идет! Лишь бы была счастлива!

Ережеп замолчал, а Айганым, не выдержав, расплакалась, разом вспомнив ее совсем маленькой, трудные годы войны, мужа, вернувшегося с фронта с пустым рукавом гимнастерки, заткнутой за пояс и многое другое.

– Барекельды! Не плачь, милая! Радоваться надо, до таких дней дожили, молодых в добрый путь благословляем, – проговорил старик.

Учитель, обрадованный тем, что все благопристойно, выскочил на улицу попросить соседа зарезать барана по такому случаю.

Все прошло хорошо, соблюдены были все приличия, и счастливые Улжан с матерью радовались. Теперь они жили в ожидании свадьбы и готовились к ней.

А вскоре прошла и сама свадьба и Улжан покинула навсегда свой родной аул.

Теперь они с мужем жили в доме его матери. Улжан с первых дней сумела найти общий язык со свекровью. Ее взяли на работу на участок, диспетчером. Работа ей нравилась. День за днем начиналась для нее другая жизнь. А вскоре она отяжелела на ноги и через несколько месяцев подарила счастливому мужу дочь. Девочку называли Аселей.

* * *

Амир рос крепким мальчишкой. Родившийся после трех сестер, он, единственный в семье ребенок мужского пола, пользовался особыми привилегиями.

Бабушка по отцовской линии души в нем не чаяла. Как и все станционные мальчишки он любил скакать на лошадях, ездить на озеро купаться и ловится рыбу. Старушка его баловала, всегда у нее находилось что-нибудь вкусное для любимого внука. Пороется в бездонных карманах своего камзола и вытащит оттуда: то пряник, то конфетку, то «курт» – сухой кислый овечий сыр.

Как и его сестры, доучившись до 5 класса, он поехал учиться в город. Так настаивала мать, и отец сам отвез его в школу-интернат и устроил.

Амиру в интернате сразу же понравилось.

Сам непоседливый, очень энергичный, он моментально влился в коллектив. Ему нравилось здесь все: ходить в столовую, в баню, жить в общежитии. Было очень весело. Он неплохо учился, был очень способным, обладая от природы хорошей памятью. С учителями он всегда находил общий язык. Так как на станции проживало немало русских семей, то Амир, играясь с русскими сверстниками, довольно сносно понимал и говорил на русском.

На выходные Амир с сестрами всегда приезжал домой, добираясь на пассажирском поезде. Старшая сестра Асель к тому времени уже закончив на отлично школу-интернат, поступила

в техникум. Средняя сестра Айзада училась в десятом классе, а младшая Айнура в восьмом. Дома их всегда радостно встречали. Девчонки, покружившись около матери, убегали к подругам, а он при первой возможности ехал в аул навестить родителей мамы.

Постаревшие к тому времени, Ережеп и Айганым всегда безумно радовались приезду внука. Они угощали его самым вкусным, что было в доме, отложенным к приезду своего любимца. Ережеп водил его с собой, рассказывая о том, сколько трудностей аул пережил с тех давних пор. Он заходил проводить соседей и всем с гордостью показывал внука.

– В областном городе учиться, в школе-интернате. Самостоятельный. Сам на поезде уезжает, сам приезжает, – хвастался довольный Ережеп, подкручивая обвисшие поседевшие к тому времени усы.

Айганым всегда приобретала для внука подарок. То наденет на него новенькую рубашку, купленную в райцентре. То достанет из шкафа новенькие ботиночки, оботрет их подолом и поставит перед ним:

– Примерь!

А уж когда Амир учился в старших классах, так к его приезду дед Ережеп обязательно резал барана и звал в гости аульчан.

Айзада к тому времени поступила в юридический институт и была счастливой студенткой.

Отец и мать гордились своими дочерьми, особенно мать. Самой ей в молодости не удалось получить образование, теперь же она не могла нарадоваться, глядя на них.

И еще одно событие произошло за это время в семье Бектемира и Улжан. Они выдали старшую дочь Асель замуж. Парень был хороший. Хотя и городской, но понравился родителям. «Воспитанный, вежливый, уважительный, очень сильно любит их дочь, пылинки с нее сдувает.» Свадьба была по настоянию бабушки Раушан прямо здесь, на станции. Родители Ануара, так звали жениха Асели, приехали на собственной машине. Иногочисленные родственники прибыли на специально выделенном для такого случая автобусе. Отшумела свадьба. Уехала Асель, как когда-то ее мать, в чужой дом, быть женой своему избранному. И, как много лет назад, Ережеп и Айганым, опечаленные, провожали свою Улжан, так теперь Бектемир и Улжан провожали дочь. Такова женская доля!

Вот и Амир закончил школу. Получил аттестат о среднем образовании. Он был такой же, как все его сверстники. Разве что чуточку эгоистичней. Об этом ему неоднократно заявляли девочки из класса, друзья по общежитию. Амир считал, что это от зависти. Вообще-то, он вырос циником. Девушка, с которой ему хотелось дружить, выпалила ему это в лицо. Но ему не хотелось в этом признаваться. Подумал о ней: «Дура!»

В девятом классе он стал посещать секцию бокса. Тренер говорил ему, что у него есть все задатки, чтобы стать хорошим боксером. Ему же больше нравились упражнения с тяжестями. Насмотревшись первых видеофильмов «Командос» с участием Арнольда Шварцнегера, он решил непременно стать таким же.

Два года он разрывался между боксом и культуризмом. И все же к моменту окончания школы он добился успехов в ринге и к тому же неплохо подкачался.

Стоящую перед ним альтернативу – поступать в ВУЗ и уйти, таким образом, от службы, он, не раздумывая, решил однозначно.

Он пойдет служить.

Мысль о том, что, поступив в институт, вновь придется носиться с учебниками по библиотекам и аудиториям, вызывала у него отвращение.

Арнольд! Вот идеал настоящего мужчины. «Командос»! Надо только как следует подготовиться к службе.

Амир вернулся домой.

Отец с матерью были огорчены его решением идти в армию. За него вступилась старая бабушка Раушан.

– Оставьте парня в покое! – потребовала она.

Старики по материнской линии вообще не пытались обсуждать этот вопрос. Им хватало того, что внук не забывает их и приехал проведать. Они готовы были без слов исполнить любой каприз любимца.

Дома Амир жил по жесткому графику. Это что касалось спортивных тренировок. Кросс – каждое утро. Обливание холодной водой. Во дворе он соорудил турник, повесил на него боксерский мешок. Притащил самодельную штангу, гири. Тренировался ежедневно, нещадно.

Сверстников, которые приходили к нему, он приглашал потренироваться. Но никто не мог подтянуться на турнике больше чем он, и в поднятии тяжестей он также преуспел. После того

как он отправил парочку смельчаков, вызвавшихся побоксировать с ним в нокаут, желающих больше не было.

Тогда Амир стал формировать станционных ребят, в большей своей части мирных, для поездок в соседний совхоз на танцы.

Ездили на мотоциклах. В первую же поездку пришлось подражаться. Сбив с ног двоих местных парней, он ретировался. На следующие танцы ехали, вооруженные охотничьими ружьями. Это ему уже нравилось, отдаленно напоминало любимый фильм «Командос».

В совхозе парни со станции впервые заявили о себе. Вид ружей остудил горячие головы деревенских «рембо». Амир сам вызвал желающего подражаться. Против него вышел довольно крепкий парень, на вид постарше его.

Дрались долго. Соперник оказался сильным. Разошлись вничью.

Теперь его стали признавать в совхозе. Однако, Амир не мог оставить положение паритетным. В нем открылось новое качество, которое он тоже для себя никак не оценил – *мстительность*.

Он приехал к совхозу на мотоцикле в один из обычных рабочих дней. Дождавшись, когда стемнеет, надежно укрыл его недалеко в лощине.

С ружьем в руках пробрался к дому своего соперника. Там ярко светились окна, шторы были не задернуты.

С полчаса он лежал, выслеживая. Вот он показался в освещенном окне, ах, он открыл холодильник! Что-то достал. Молоко. В его руках была банка. Пусть попьет напоследок. О последствиях он не думал. О чужой жизни тоже. Он крутой парень. И он будет наказывать тех, кто не хочет признавать его.

В окружающей темноте из дула вырвался сноп пламени. Выстрел был громкий. Послышался звон разбитого стекла. Крик. Обратный путь к мотоциклу он бежал, чувствуя себя истинным «командос».

В совхозе, случалось, дрались, где не дерутся? Но такого еще не было!

В воскресенье, как обычно он приехал на танцы с ребятами. Парень, в которого он стрелял, оказался жив. Осколками стекла ему посекло руки. Они были в бинтах.

Совхозные толпой подошли к станционным. Тот, с которым он дрался в прошлый раз, спросил у Амира, не он ли стрелял?

– Да ты что, Абеныч. Что, на меня это похоже? Стрелять из-за угла западлу!

Абеныч был то ли совхозный простофиля, то ли благородный. Если человек отказывается!

– Не ты? Ну, смотри! Раз нет, значит, разговор исчерпан.

Толпа совхозных отступила. Могло закончиться иначе. В Амуре открылась еще одна доселе неведомая черта – *лицемерие*.

Этому он тоже не дал никакой оценки. «Их была толпа. Я сберег невинных ребят. Будь бы он один, я бы сказал, что стрелял», – хотя знал, что не признался бы ни за что. Потому как лицемерить было проще. А он, избалованный с детства повышенным вниманием к своей персоне, делал все как проще! Ему бы задуматься на тем, что же происходит? Но, уже отравленный ядом цинизма, он сказал себе:

– Они всю жизнь проковыряются здесь, в дерьме!

Отношения с родителями у Амира были нормальными. Как всегда бывает, любящие родители на многие поступки своих детей смотрят снисходительно. Отец к тому времени уже работал начальником. Он целыми днями пропадал на работе. Все, что касалось жизни и деятельности станции, все это напрямую касалось его. У отца был служебный «УАЗик». С которого он почти не слезал.

Необходимо заменить шпалы на каком-то отрезке дороги, сломалась стрелка, как принимать на запасной путь? У сменного мастера больная дочь, нужно организовать ей лечение в областном центре.

Улжан тоже продолжала работать, прибегая домой, хваталась за домашнее хозяйство. Амир помогал по дому, ухаживал за единственной коровой. Поил, давал сено, вычищал стойку. Читать он не любил с детства. Продолжая готовить себя к предстоящей службе, упорно тренировался, бегал, обливание водой стало любимой процедурой.

Он съездил в областной центр, навестить сестру. Там же зашел в военкомат и изъявил желание прыгнуть с парашютом.

Через несколько дней его вызвали на предпрыжковые сборы. Десять дней они жили в казармах в летней воинской части. Парней, желающих прыгать перед службой, оказалось немало, человек сорок. Распорядок дня был почти армейский. Подъем, физзарядка, уборка помещения, завтрак, изучение парашюта.

Затем следовал обед. После обеда пробные укладки парашюта, предпрыжковая отработка на подвесных системах. Одним словом, Амиру это нравилось.

Находясь на сборах, он тоже умудрился устроить драку. Он чувствовал себя сильным, и ему хотелось, чтобы окружающие признали в нем «крутого» парня.

Дело было под вечер. В дальнем углу казармы паренек играл на гитаре и пел песню Розенбаума. Песня эта была исполнена бардом, когда он посещал Афганистан. Ребята подтянулись поближе к поющему. Амир тоже сел рядом. Визуально все друг друга уже знали. Песня нравилась ему, она заводила Амира. Больше всего сейчас захотелось очутиться в Афгане. Там бы он показал, что такое подготовленный «командос».

Под впечатлением песни он почувствовал в себе потребность причинить кому-нибудь боль, кого-то унижить. И он выбрал. Выбрал честно, на вид парень был очень спортивный. Амир крикнул:

– Эй ты! В голубой майке! Принеси-ка воды!

Парень вначале не понял, что обращение к нему. А когда понял, возмутился:

– Ты чё орешь, азиатская рожа, шестёрку нашел что ли?

Ситуация сложилась сама собой. Амир встал и пошел на него. Вокруг них мгновенно образовался живой круг. Тишина повисла в воздухе.

Парень скинул с себя майку, оставшись с голым торсом. Амира это еще больше завело. Чувствовалось, что он настроен на серьезную драку. И она началась.

Амир первый нанес целую серию ударов руками, соперник его пытался уклониться, но не успевал и ушел в глухую защиту. Тогда Амир обхватил его за поясницу, и резким рывком, оторвав от пола, швырнул через грудь. Хотя он и не был борцом, но получилось эффективно. Парень упал, но тут же вскочил на ноги и бросился на Амира. Вот тут он его встретил четко и главное точно. На отходе, в «сай-степ» левый прямой, правый прямой и, уйдя с линии атаки чуть в бок, бросил боковой прямо в челюсть. Его разъяренный соперник, уже будучи в глубоком нокауте, по инерции пробежал еще два шага, и, подломившись в коленях, рухнул лицом в пол.

Все было кончено. Противник повержен. Но почему не слышно аплодисментов? Почему нет торжествующего рёва толпы? Как в римских амфитеатрах во время боев гладиаторов?

Толпа расходилась, глядя на него с осуждением, а несколько парней бросились поднимать окровавленного соперника. «Интересно, стали бы они жалеть меня, если бы проиграл я?» – подумал он.

– Плебеи! Какие из них «командос»? – он усмехнулся с презрением и вышел на улицу.

Десять дней пролетели быстро. Конфликт был забыт. Все участники сбора благополучно отпрыгали, совершив по три прыжка каждый. Автобусом их доставили в город, откуда парни разъехались по домам.

Амир вернулся на станцию.

Возвратившись домой, он первым делом съездил проведать стариков, обрадовав их безмерно своим появлением. Амиру в детстве нравилась аульная жизнь, но теперь он, будучи в городе, почему-то стал стесняться признаваться в том, что он родом с аула.

Находясь у деда и бабушки, он стыдился их, казавшегося когда-то в детстве большим, а теперь вдруг, словно уменьшившегося в размерах дома. В глаза ему стала бросаться убогость домашней обстановки. Да и сам аул теперь смотрелся не таким большим и оживленным.

Пересказав деду Ережепу про свои прыжки с парашютом, выслушав бабушкины охання, Амир уехал.

Он соскучился по своим спортивным снарядам, боксерскому мешку и с нескрываемым удовольствием взялся за тренировки.

На другом конце станции проживали с десяток немецких семей. Жили они здесь очень давно, никто уже и не вспоминал сколько. Почти все они, хоть и с немецким акцентом, но говорили на казахском лучше, чем на русском. Местные жители относились к ним с уважением и ценили как хороших специалистов, мастеров на все руки. Немцы были спокойные, уравновешенные и очень трудолюбивые. Дома в их краю, называемом «Берлином», отличались от других, бросаясь в глаза своими ровными выкрашенными заборами, голубыми ставнями, чисто выбеленными стенами.

Почти все они держали скотину, в каждой семье обязательно имелась корова, свиньи. Сараи для скота были продуманно, аккуратно выстроенные.

Как-то, ещё до парашютных сборов, бегая кросс, Амир попал под сильный ливень. Он рванулся к стоявшему недалеко от «Берлина» в степи стожку, в надежде укрыться и переждать дождь. Пока добежал до стога, футболка на нем вся промокла. Он с размаха бросился в стог и наткнулся на чье-то мягкое, вкусно пахнущее тело. Подняв голову, он увидел перед собой высокую, светловолосую женщину. Женщина была симпатичной и... раздетой по пояс. Она ничуть не смутилась невесть откуда взявшегося парня.

– Ты тоше попал пот этот ужасный лифень. О, Езус Мария, ты фесь мокрый! Становись ближе, скота тошть не тостанет. Сними футполку, я тепе её отошму, я сфою уше фыжала, – произносила она с сильным немецким акцентом.

Растерянный, Амир, беспрекословно снял с себя майку и передал женщине. Она ловко, уверенными движениями белых рук выкрутила её, отжимая воду, и положила в образованную в стоге нишу.

Как зачарованный, смотрел парень на ее тугие белоснежные груди и не мог отвернуть взгляд в сторону.

Немка поймала его полный желаний взгляд и приблизилась к нему, укрываясь от льющихся сверху струй.

– Ты хочешь меня? Гофори, не стесняйся, – немецкий акцент делал её доступней, и Амир внезапно обнял молодую, аппетитную женщину.

Он торопился, нервничал, пытаясь задрать ей юбку. Она, засмеявшись, проговорила:

– Не нато так торопиться! – и сама подняла юбку до пояса, скидывая с себя оранжевые трусики. Опаляя его горячим дыханием, прошептала:

– Потойти поблише. Ну, не стой так, тафай, тафай!

Но Амир и сам уже победил первоначальную растерянность. В общем, все у них вышло первоклассно. Шум дождя заглушал крики немки, он терзал ее, вбивая изо всех сил себя в её белое тело. Потом они познакомились. Ее звали Грета.

Амир спросил, замужем ли она. Грета рассмеялась, она была очень красива. Страхивая соломинки, запутавшиеся в волосах, она отвечала:

– Ну, конечно! Та, я замужем. Его Гансом зофут. Он работает токарем ф ремонтной мастерской. Точка есть, на меня похожа точь-в-точь. Я шла за корофой. Увидала, что тождь путет, хоте-

ла томой успеть отогнать корофу. И витишь, не успела. Промокла фся!

Она улыбалась, улыбка ее красила. Они еще постояли, целуясь, и Грета говорила ему:

– Ты не тумай, что я слапая на переток. Так получилось. Это только с топой!

Дождь уже стих. Спohватившаяся немка ничуть не стесняясь своего случайного любовника, надела трусики, опустила юбку, набросила на себя мокрую кофту. Затем, потянувшись, поцеловала его в губы:

– Ну, латно, я попешала!

И исчезла за стогом, словно ее здесь и не было.

* * *

Вслед за первыми дождями, пришло похолодание. С полей доносился рокот тракторов и комбайнов – это заканчивали собирать урожай.

Небо все чаще заволакивало темными свинцовыми тучами. Рано утром, еще чуть брезжил рассвет, на сжатые поля прилетали стаи диких гусей. Охотники, всю ночь укрывавшиеся, промёрзнув, в скрадках, открывали по ним беспорядочную пальбу. Разжиревшая за лето дичь, тяжело отрываясь от земли, поднималась ввысь, собираясь в стаи и летела прочь, напуганная.

Нарядные всё лето, окружные березовые колки, теперь стояли приунывшие от наступившей неуютности и мокроты. Позолотившиеся листья, отрываясь на сыром предутреннем ветру, летели, кружась в воздухе.

Амир, давно прошедший все военкоматовские медосмотры, жил теперь в ожидании повестки в армию, продолжая усиленно тренироваться. Пару раз съездил в совхоз на танцы, но почему-то ему там было уже неинтересно. Он не мог понять своего настроения.

В ауле у деда, оседлав вороную статную кобылицу, вскакивал в седло и выезжал за околицу, пуская ее вскачь. Кобыла была резвой, своенравной, а он, пустив ее крупным галопом, пригибался поближе к холке, отходя душой, словно в скачке убегал от своего понурого состояния.

Все это происходило из-за Греты. Прекрасная немка, запалила костер в сердце молодого парня и исчезла со словами: «Ну, ладно!»

А вскоре пришла и повестка. До армии оставалось всего десять дней.

Ежедневно Амир продолжать бегать, маршрут его пролегал мимо того самого памятного стога. Но Греты там он никогда не заставал. Он ломал голову как ее увидеть. Глядя на пасущихся невдалеке от стога коров, парень вспомнил, что одна из них, принадлежит Грете, и она за ней обязательно должна прийти. И он словно волк залег, в твердом намерении дожждаться ее.

Уже вечерело, из четырех пасущихся буренок двоих уже угна-ли. За одной из них пришла девочка с прутиком, лет семи, дру-гую, покрикивая и подгоняя палкой, забрала бабка-немка.

Амир терпеливо продолжал ждать. За третьей приехал рус-ский мальчуган на велосипеде. Он увидел Амира и узнал. Его усеянное веснушками лицо расплылось в улыбке.

Амир поманил его пальцем и, дождавшись, когда он подъе-дет, поздоровался.

– Здорово, рыжий!

– Здорово, боксер!

– Ты меня знаешь? – удивился Амир.

– А кто тебя не знает? – удивился в ответ Рыжий.

– Которая твоя? – спросил он пацана.

– Вон та, красная.

– А та чья?

– Пятнистая что ли? Это немки одной. Да белобрысая такая, – Рыжий скорчил рожу, отчего веснушки собрались около носа.

– Ну ладно, езжай! – отпустил его Амир.

Пацан погнал впереди себя корову, подгоняя ее передним ко-лесом велосипеда, наезжая корове на ногу.

– Но-о, курва, куды пошла?!

Амир улыбался: «Во дает, Рыжий!» он уже стал замерзать, как вдруг услышал шорохи, увидел идущую скользящей походкой Грету и невольно залюбовался ею.

Простенькое ситцевое платье, изгибаясь на крутых бедрах, подчеркивало высокие груди. Грета проходила в нескольких ша-гах от него.

Обрадованный, Амир негромко окликнул:

– Грета!

Она обернулась и, увидев его, пошла к стогу. На ее лице не было ни малейшего удивления, словно она была уверена, что он должен был быть там.

Амир рванулся навстречу и протянул руку. Грета подала ему свою и тогда, не в силах больше сдерживаться, рывком притянул ее к себе и обнял.

Грета не сопротивлялась, Амир поцеловал ее, их губы слились. Волосы немки пахли полынью, большие груди упирались возбужденному парню в грудь, а сочные губы были сладкие и податливые. Она немного отклонилась от него, перегнувшись в пояснице назад.

– Кте ты пыл? Почему не прихотил?

И Амир, стораю от стыда, рассказал ей о том, что он вспомнил про корову, вернее то, что она должна прийти за ней.

Грета громко рассмеялась.

– Клупый ты! – и увидев, как вспыхнуло его лицо, проговорила ласково:

– Я опителя тепя, та? Прости. А я каштый тень стесь, тумая мошет, ты штешь?

Амир дернул ее за плечи и прижался к ней. От Греты шел дух домашнего дрожжевого теста и еще чего-то вкусного. Ее тело билa крупная нетерпеливая дрожь. Она обвила его руками за шею и потянула на себя. Они упали у основания скирды на пахучее сено. И опять Амир нервничал, волновался, стараясь все сделать быстрее. И когда, наконец, он вошел в желанное тело, то взрычал как голодный зверь, вонзивший свои острые клыки в долгожданную жертву. Грета извивалась под ним так, словно пыталась уйти из-под него. Так взвизгивает вверх молодая олениха, пытаясь сбросить с себя запрыгнувшую на нее хищную рысь. Ее плоть была прекрасна.

Амир чувствовал, что он сходит с ума от этой красивой немки, так смешно произносившей русские слова.

Он ревновал ее к незнакомому Гансу или Фрицу, представляя, что она так же отдается ему, и почти закипал от ненависти к ее мужу.

Когда они оба немного успокоились, уставшие, счастливые, Амир спросил у нее со злостью:

– Ты с этим Гансом то же, как со мной?

– Но он ше мой муш!

Но в нем уже просыпался собственник, ему было трудно не думать об этом, тем более понять, что она – чужая жена. А он для нее совершенно случайный парень. Он хотел обладать ею, обладать днем и ночью, помногу раз.

– Грета, мне пришла повестка, забирают в армию! – сказал он ей.

– Кокта?

– Скоро. Через неделю.

– Мы еще с топой уфитимся, мой милый, – прошептала она, выскальзывая гибким змеиным движением.

– Я буду ждать тебя завтра.

– Сафтра я не смогу. Мой путет тома. Послезавтра, латно?

Амир сидел у подножия стога, подобрав колени, охватив их обоими руками, и наблюдал за тем как она шла к своей пестрой корове. Ему вновь захотелось ее.

Следующий день тянулся словно вечность. Ночью он не мог заснуть, ворочаясь с боку на бок, представляя свою белокурую Грету в постели с немцем. Проснулся он поздно, в полдень. Позавтракал, потренировался и стал дожидаться вечера.

Опять он прятался в холодном сене в ожидании Греты. Так же как и в прошлый раз одну корову забрала девочка, за другой пришла старуха. За своей буренкой приехал все тот же рыжий шкет. Увидев Амира, он заговорщицки сморщил физиономию, собирая бесчисленные веснушки к носу.

– Че, немку ждешь? – крикнул он.

– Ну-ка, пошел отсюда! – прикрикнул Амир, удивляясь прозорливости пацана. Но Рыжий уже погнал свою корову, как и в прошлый раз ударяя ее колесом.

– Куды пошла, кур-ва! Кому говорю! – ругался матом Рыжий.

Провожая его взглядом, Амир заметил Грету. Его осенило, почему она всегда забирала свою корову последней. Немка шла в надежде увидеть в стогу Амира. Эта мысль согрела его страдавшее в последние дни самолюбие. Шкет на велосипеде приостановился напротив нее, одной ногой уперевшись в землю?

– Боксер там, тебя ждет, – насмешливо сказал он, показывая свою осведомленность.

«Ну рыжий черт, поймаю, ноги выдерну!»

И вновь, как и в прошлый раз Грета принадлежала ему. Опять им периной, постелью, служило пахучее степным разнотравьем колючее сено. Ее зеленые глаза завораживали, притягивали, заставляя беспомощно растворяться в них. Она была колдуньей, эта прекрасная, с немного вздернутым капризно носиком немка. Ее ненасытное, страстное тело выгибалось дугой под ним, напоминая степной, кочевнический лук. А сам Амир, буд-

то посланная этим луком стрела, улетал куда-то ввысь. Купаясь в безграничном, упоительном наслаждении. Он целовал ее тугие груди, брал себе в рот ее розовый, словно спелая клубничка, крупный сосок. Кусая больно зубами, сторя от нестерпимого желания причинить ей боль, откусив этот дразнящий комочек ее плоти. Так, когда-то его далекие предки, одетые в овечьи шкуры, настигали свои жертвы в пылающих пламенем городах русичей и, отбросив в сторону окровавленные кровью кривые сабли, брали их прямо на горах трупов.

Вот и тогда, под ними по-змеиному, извивались молодые, сильные тело русиянок. А озверевшие, рычавшие нукеры, срывали с прекрасных пленниц холщовые одежды, обнажая белые, будто облитые кобыльим молоком тела. И распяв непокорные ноги, наваливаясь тяжелым, грузным телом, чувствовали, как под ними трещат хрупкие девичьи ребрышки.

И вонзали в их сладкие лона свое вздыбленное естество и, зверя, ловили крепкими зубами, которыми запросто перекусывали бараньи кости, прекрасные соски и в ярости откусывали их. Ибо ведущий их, великий потрясатель вселенной, сказал им: «Убейте врага и насладитесь его женщиной!»

– Я приеду после армии и женюсь на тебе, Грета! – сказал возбужденный Амир.

Прекрасная немка, воспылавшая страстью к молодому парню, еще крепче прижалась к нему, не выпуская из себя, прошептала на ухо:

– Успокойся, люпимый, я фся твоя, твоя!

Больше им увидеться до его отъезда не удалось. Каждый вечер он приходил к стогу, но ее пестрая корова больше не паслась на лужайке, и Грета не приходила.

Проводы Амир просил не делать. Настоящий «командос» должен быть готов в любую минуту идти воевать, и причем тут проводы? Он так себя морально подготовил.

Съездил проститься к деду Ережепу и бабушке. Получил их благословение, и, упокоив охающую бабушку Айганым, обнял их и вернулся домой.

Вечером он вновь сходил на окраину «Берлина», но его белокурой немки он не дождался. Он недоумевал, что могло произойти, может, рыжий выдал ее фрицу? Ему очень хотелось напоследок еще раз стать властелином ее тела.

Домой вернулся хмурый. Собрал рюкзак: спортивное трико, туалетные принадлежности, кое-что из продуктов. Затем посидел немного с любимой бабушкой Раушан.

Рано утром, позавтракав, Амир простился с родными. Поцеловал бабулю, мать, обнял отца и пошел к двери. У двери обернулся, бабушка платочком утирала глаза.

– Берегите ее, – попросил он, обращаясь к родителям.

Водитель отцовской служебной машины ждал, он должен был отвезти его в райцентр. Амир сел рядом с ним и попросил проехать через «Берлин», в надежде увидеть Грету. Он понимал, что это слабость для крутого парня, но ничего не мог с собой поделать.

Греты он так и не увидел, и они уехали в райцентр.

В райвоенкомате он отдал повестку офицеру. На площади шла обычная в таких случаях гульба и пьянка. Играла гармонь, вокруг плясали полупьяные призывники и их провожающие. Доносился резкий бой гитары, кто-то пел жалобным голосом, вызывая слезы у окружающих девиц и матерей, стараясь перекричать звуки гармонии:

*«...восемнадцатилетних нас под сто седьмой Указ,
Забрили наголо под барабан.
Из городов больших мальчишек молодых
Забрали в дикий край Афганистан...»*

* * *

В Афганистан Амир действительно попал. Из районного коммисариата их повезли на автобусе в «областной», там, на сборном пункте, собралось человек триста призывников.

Команду «А», около тридцати человек, в числе которых был и Амир, отправили самолетом в город Ташкент. Оттуда, на следующий день, военно-транспортный «АН-12» доставил их в Афганистан.

Когда уезжали из Казахстана, было уже холодно. Здесь же, несмотря на ноябрь, днем было очень жарко, а ночью прохладно.

Всех призывников, а их оказалось более пятисот из разных концов Союза, собрали в учебном центре в Герате. Разбили поротно. В каждой около ста человек. Бравые сержанты в выгоревших на солнце «хэбэшках» разобрали роты по казармам.

Ротой, в которую зачислили Амира, командовал невысокий щуплый сержант с большой, как у головастика, головой по фа-

милиии Дяттерев. Выстроив их и, медленно прохаживаясь вдоль строя, он объявил новобранцам, что с завтрашнего дня они будут проходить, так называемый «афганский карантин». И при этом загадочно улыбался. Головастик объяснил, что срок карантина – две недели, а затем мандатная комиссия определит каждому из них род войск, воинскую специальность и часть, где они будут проходить дальнейшую службу.

Весь оставшийся день ушел на «помывку» в бане, причем вода была лимитирована, один тазик на человека. Затем их переодевали, выдав обмундирование образца сороковых годов. Дед Ережеп в таком пришел с фронта. Переодевшись, все стали похожи друг на друга. Каждому была указана его кровать в казарме и выдано постельное белье.

Тонким фальцетом сержант Дяттерев прокричал, что сейчас он покажет, как следует заправлять кровать, после чего тут же последовала угроза в виде нескольких «...и не дай Бог!». Не дай Бог, кто после этого не так заправит кровать! Не дай Бог, кто до отбоя сядет на эту самую кровать! Не дай Бог, кто закурит в казарме!

Чем дольше сержант перечислял «Не дай Бог!», тем визгливей становился его голос, и больше в нем добавлялось угрозы. Эта познавательная процедура протекала еще около часа. В итоге новобранцам была показана комната сержанта, каптерка, бытовая комната, умывальник и туалет. Все это сопровождалось, опять же, десятками «не дай Бог!».

Амир был уверен, что вся сточеловековая толпа новобранцев в душе уже окрестила головастого сержанта кличкой «Недайбог». Позже выяснится, что он не ошибся. То был последний день, когда им разрешили добить остатки вывезенных из дома продуктов. С завтрашнего дня молодые солдаты становились на довольствие.

Сразу же возник ажиотаж, как всегда имеющий место в таких случаях. Тут же образовались импровизированные дастарханы, на которых чего только не было. Это был последний и самый сытный ужин для них на предстоящие два года.

Утро началось с команды «Рота, подъем!». Непривыкшая быстро соскакивать, не выспавшаяся молодежь, одевалась вяло, словно сонные мухи. Мгновенно послышался тонкий фальцет Недайбога.

– Отбой! Десять секунд, время пошло!

Дождавшись пока рота, словно стадо баранов, мешая друг другу, наконец, отобьется, Недайбог закричал, взвинчивая голос:

– Подъем! Десять секунд, время пошло!

Затем была утренняя физзарядка с голым торсом, включающая в себя пробежку в два километра, которую больше половины не выдержали. Амир бежал свободно, размеренно дыша. Это расстояние ему ни о чем не говорило.

После первого армейского завтрака роту повели на взлетную полосу. Здесь им предстояло познавать мучительные, нудные азы строевой подготовки.

Время в карантине понеслось вскачь, галопом. Целыми днями под пепеляющим солнцем чужого Афгана, новобранцы вбивали толстые подошвы юфтовых ботинок в бетон «взлетки». Отрабатывали средства химической защиты, противогаз, общевойсковой защитный костюм. «Умирали» на брусках спортивного городка, сваренных из труб. Молодежь в основной своей массе, была неподготовлена к службе, физически слаба. Так или иначе, к концу карантина заправка кроватей в казарме, чисто-та исключительная, «отбой-подъем» успевали за десять секунд. Правда, утренние два километра уматывали личный состав на 80 процентов, а дальнейшая шестичасовая строевая подготовка отнимала последние силы и всякий оптимизм.

«Строевая» Амиру не нравилась, но он настроен был вынести и это.

Мандатная комиссия проходила в здании соседней казармы. За длинным столом сидело около десяти офицеров. Главным среди них был бодрый подполковник. Новобранцы входили по одному, называли фамилию, имя, отчество, город, откуда он призван, образование, гражданскую специальность, если спортсмен, то вид спорта и разряд. Специальные солдаты-секретари заводили на каждого отдельную карточку. Каждому, выходящему из «мандатки», задавался один и тот же вопрос:

– Куда тебя?

Ответы были самые разные.

– Герат, артиллерия...

– Герат, в саперы...

– Кандагар, пехота...

– В Кабул, в дивизию...

Очередь продвигалась довольно быстро. Наконец, наступил

черед Амира. Что-то неуловимое в памяти это напоминало... Он вспомнил: старец Каратас говорил, что после смерти души умерших вот так же, в очереди, стоят на прием к Богу, который сидит в окружении своих архангелов. И там распределяют:

– В ад!

– В рай!

– В ад!

А чьи-то души, говорил старец, забирает к себе Демон, и они остаются неприкаянными, страшно мучаясь от этого. Старец говорил об этом настолько убедительно, будто сам лично присутствовал на церемонии распределения человеческих душ.

Амир вошел на комиссию и назвал все требуемые от него анкетные данные. Сидящие за длинным столом офицеры посмотрели на новобранца.

– Три прыжка сделал, говоришь? – потребовал молодой подполковник.

Амир сделал несколько шагов вперед и протянул удостоверение, выданное ему после окончания сборов облвоенкоматом. Подполковник раскрыл картонное удостоверение, взглянул на него и передал солдату-секретарю.

– Подшей к карточке, – приказал он и, обращаясь к Амиру, спросил, – Спортсмен?

– Так точно! Боксер!

– Где хочешь служить? – вопрос был задан конкретно.

– Десантником. Хочу быть разведчиком.

– А сможешь? Выдержишь? Не струсишь?

– Никак нет, не струшу! Выдержу!

Офицеры разглядывали новоявленного, уверенного в себе «супермена».

– Ну что, Ивашков, возьмешь к себе Рембо? – обратился к молодому капитану подполковник. Капитан испытующе осмотрел новобранца и развязно буркнул:

– У меня все «Рембы»! давай его ко мне, у меня как раз Белашов уходит на дембель.

– Свободен, солдат, можешь идти! – отпустил его подполковник.

– Есть! – Амир, стараясь проделывать все четко, развернулся кругом на 180 градусов и покинул «мандатку».

Все внутри ликовало. Его желание сбылось, он зачислен в «командос».

На следующий день после завтрака Дягтерев выкрикнул фамилию Амира и еще двоих.

– Шаг вперед! Собрать личные вещи и через десять минут быть на «взлётке» у «борта» под номером двенадцать, в распоряжение гвардии капитана Ивашкова. Вперед! И не дай Бог!...

Через десять минут Амир и еще двое солдат галопом примчались к «борту» под номером двенадцать.

Бравый, уверенный в себе капитан Ивашков, построил прибывшую в его распоряжение молодежь в одну шеренгу и медленно, как на прогулке, прошелся вдоль строя, оглядывая свое пополнение.

– На первый, по счету рассчитайся!

– Первый! Второй! Третий!.. Пятый!.. Восьмой!.. Одиннадцатый!..

– Так, орелики! С сегодняшнего утра вы зачислены в разведывательно-диверсионную роту гвардейской Особой Воздушно-десантной штурмовой бригады. Командир роты гвардии капитан Ивашков. Это я! Сейчас мы летим в расположение роты под город Кандагар. Все ясно?

– Так точно! – ответ был хором.

– Нале-во! По одному на «борт», бегом марш!

«Борт» весь дрожал, как малярийный больной, казалось, ему никогда не удастся подняться. Но вот изменился звук двигателей и он, натужно урча, как бы неохотно оторвался от земли.

Они летели вначале над равниной. Это были возделанные поля и сверху смотрелись точно расчерченные зелеными геометрическими фигурами.

Затем потянулись горы. «Борт» закричал, поднатужился, набирая необходимую высоту. Амир посмотрел в иллюминатор, увидел внизу идущих вдоль горного хребта вытянувшись в цепочку людей. Сверху было хорошо видно, что за плечами у людей оружие.

– Это духи!

Амир дерзнул усомниться, выкрикнув,

– Откуда вы знаете, ведь вы не смотрели?

– Это их район! – крикнул командир обыденно.

Через два часа «борт» стал садиться на пятачок, посреди которого был белый крест. Недалеко от палаточного городка.

Так началась служба Амира.

Рота спецназа, в которую попал он, состояла из шестидесяти двух штатных «командос». Одиннадцать молодых прилетевших из карантина должны были заменить восемь человек уходящих на «дембель». Двоих из этого призыва дембелей, оказывается, убили, третий подорвался на mine, его комиссовали без одной ноги.

Амир попал в третий взвод. Его назначили вторым номером пулеметного расчета. Первым номером был темноглазый ефрейтор по фамилии Серов. Командовал взводом старшина срочной службы Хандохин. Среднего роста, широкоплечий, очень крепкий на вид парень. Чувствовалось, глядя на него, что характер у него кремень. У него было строгое, мужественное лицо, словно высеченное из камня. Обе прямые, брови были собраны к переносице, губы плотно сжаты. А взгляд такой тяжелый, что, казалось, мог плавить песок под ногами.

Первый день молодым дали возможность отдохнуть, осмотреться, старшина роты передел их, выдав молодым воинам пятнистые береты. Гимнастерки «времен Очакова и покорения Крыма» старшина забрал, объявив, что этой формой они будут пользоваться при проведении хозработ.

Потом за каждым молодым было закреплено личное оружие. Амиру вверили ручной пулемет. Ефрейтор Серов успел напутствовать:

– Смотри молодой, чтоб он всегда блестел, как у кота мудя. Будешь нерадивым, буду долбить как собственного ишака.

Серов, оказывается, отслужил полгода. Их призыв, наконец-то, дождался молодых, и теперь они становились «ежами».

Затем они получили противогазы, саперные лопатки, рюкзаки десантника.

Взводный Хандохин показал палатку, где должен жить Амир. Кроме него во взвод попало еще четыре человека. До конца дня молодежь перезнакомилась друг с другом. Коренастый, невысокий Михайлов родом из Подмосковья, из Сокольников. Второй, кто попал к ним во взвод, был широкоплечий, краснолицый парень из-под Тулы по фамилии Шура Алтунин. Судя по внешнему виду, был не слабый. Третьим оказался высокий сильный горбоносый Фельбуш.

И четвертым был шустрый паренек из Ставрополя. Звали его Серега. Фамилия Дорофеев.

– Кличка моя «Дора», я к ней привык, зовите меня так, – высказался он.

– Это же стремная кличка, женская, – высказался Алтунин Шура. На что Дора мгновенно среагировал.

– Шура, – сказал он, – это тоже, между прочим, женское имя. Я мог бы сказать вам, что кличка моя «Тигр» или «Барс», например, но врать с первых минут знакомства? У нас в Форштате – это наш район, – так вот у нас в Форштате так не принято, Шура, – еще раз подчеркнул он имя Алтунина. Красное лицо Алтунина побагровело еще больше.

Наступила очередь представиться Амиру. Амир рассказал о себе в сжатой форме.

Для солдата все начинается с подъема. Следующий день начался с учебной тревоги.

– Рота! Тревога! – раздался дикий вопль. Обитатели палатки соскочили и, похватав свои вещи, вылетели на улицу с такой скоростью, будто через несколько секунд палатка должна была взлететь в воздух.

– Быстрее, третий взвод, построились! – доносился резкий голос старшины Хандохина.

Амир успел получить все, что ему полагалось, и неся к строю. Вдруг он выронил пулемет из-за того, что не успел пристегнуть тяжелый подсумок. Пулемет кувыркнулся в пыли и тут его подхватил вынырнувший вовремя Фельбуш.

Амир запрыгнул в строй и посмотрел, успели ли другие молодые. Оказывается, в строю стоял Михайлов. Он, насмешливо улыбаясь, глянул на Амира. Алтунин и Дора еще только бежали, таща снаряжение в охапке в руках.

Хандохин дождался, когда молодые полностью экипируются, и скомандовал:

– Третий взвод, смирно!

Рядом раздавались команды:

– Первый взвод, смирно!

– Второй взвод, смирно!

Командир роты, капитан Ивашков, снаряженный по полной боевой, выслушивал доклады командиров взводов. Затем он скомандовал:

– Вольно!

И приказал старшине зачитать список дембелей, уволенных в запас с сегодняшнего дня. «Кусок» зачитал восемь фамилий, а затем имена тех, кто погиб.

– Почтим память погибших, исполняя интернациональный долг! – выкрикнул он.

Десантники сдернули каски и стояли с обнаженными головами. Раздалась команда:

– Демобилизованным бойцам выйти на середину!

Восемь вышеперечисленных дембелей строевым шагом подошли и стали рядом с ротным.

– Повзводно, левое плечо вперед, марш!

Рота вытянулась, чеканя шаг. Зычным голосом капитан Ивашков отдал команду:

– Равнение на честно исполнивших интернациональный долг воинов!

Откуда-то из глубины командирской палатки вначале негромко, а потом на всю мощность раздался «Марш Варшавянки».

«Командос» прошли, подняв клубы пыли, отдав дань уважения, смолк «Марш Славянки». Старшина скомандовал:

– Стой! Вольно! Разойдись!

Дембеля улетали на том же двенадцатом «борту», на котором прилетели «молодые». Вся рота прощалась с ними, все обнимались. Лишь одиннадцать «новичков» стояли кучкой, отдельно.

– А вы, что не хотите пожелать нам «ни пуха»?! – крикнул один из отлетающих. Молодые ожили, поспешили попрощаться.

– К черту! – ответил за всех, крича сквозь шум лопастей тот же «дембель», – главное, не уроните честь роты, молодые! – дал он последнее напутствие, махнув рукой, подпрыгнул и залез в дверь.

Все остальные дембеля уже сидели внутри. «Борт» еще поревел двигателем, винты крутились с бешеной скоростью, подняв вокруг тучу пыли, затем оторвался от земли, и полетел.

Для Амира и его товарищей наступила нелегкая жизнь афганского «молодого».

После утренней физзарядки в их обязанности входило: заправка постелей (разумеется, всех), наведение «марафета» в палатке. Ну, и как всюду в армии: «молодой» бегом туда, «молодой» принеси то-то. Но чересчур здесь не кантовали, как в других частях этой же самой десантно-штурмовой бригады, жесткой «дедовщины» здесь не было.

Разведка, она всегда и во всех армиях была и есть элита. «Старики»-разведчики учили молодых, посадив полукругом на землю.

– Наша особая ДШБ – гвардейская, а мы – «развед-диверсионная рота специального назначения». Запомните, молодежь, такое понятие – «честь роты». Духи нас боятся, они нас по-другому как «командос» не называют. Рядовой солдат «спецназа» равен старику. Вы можете смело дать в рыло любому «молодому» и «ежу» из другой части, хоть «мазуте» – это самоходчики, хоть «дармоедам» – дивизионная артиллерийская ремонтная мастерская, хоть «полкачам». Со стариками держитесь паритетно, уступите им – мы вас задолбим. «Дембелей» уважайте любых. А у себя мы вас чморить не собираемся. У «командос» так не принято, потому, что завтра мы вместе пойдем в дозоры, на точки, в разведвыход, на «боевые». Умирать вместе будем. Просто не борейте, делайте, что вам положено. Ну, а «физику» – тут не обесудьте. Гонять будем страшно. Потому, что гляжу я на вас – одни дохляки, и где только вас собрали?

И тут один заносчивый «молодой» по фамилии Несмыслов, на вид очень крепкий парень, высказался.

– Я, конечно, за всех «молодых» не буду говорить, но себя я дохляком не считаю.

– Вот как? – удивился Хандохин, – А ты что, спортсмен?

– Да, я чемпион города по каратэ.

Старики переглянулись между собой. Хандохин поднялся с места, отряхнул от пыли задницу и прошел в середину круга.

– Возьми штык, – приказал он.

– Что? – не понял Несмыслов.

– Возьми штык! И запомни: я – душман. Пощады не жди, если проиграешь и попадешь к «духам» в плен, знаешь, что они с тобой сделают? Особенно с «командос»?

– Нет, не знаю, – ответил Несмыслов.

– Они сделают из тебя «тюльпан».

– А что это такое?

– Тебя подвешат за ноги, сделают надрез кольцом вокруг грудной клетки и сдерут с живого шкуру. Это и называется «тюльпан». Так уже было. Ты готов? – спросил он оторопевшего «молодого».

Несмыслов держал штык-нож в руках и переминался с ноги на ногу.

– Давай, сволочь! Вперед! – заорал старшина, и сам пошел по кругу, вокруг нерешительного топтавшегося на месте молодого. Хандохин был сосредоточен. Двигаясь по кругу, расставив руки

он вдруг сделал ложное движение, дергая противника. Нервы Несмылова не выдержали, и он сильно ударил, нанося удар снизу вверх. Старшина блокировал удар, остановив широкое, зазубренное лезвие штык-ножа в десяти сантиметрах от себя и чуть отклонившись назад со скоростью отпущенной пружины, нанес удар головой в лицо противнику. Чемпион по каратэ взвыл от боли, схватившись левой рукой за разбитое лицо. Этого мгновения хватило Хандохину. Он нанес мощный удар ногой сбоку, под коленку противника. Несмыслов припал на землю на одно колено и тут последовал безжалостный удар локтем сбоку, в челюсть. Челюсть лязгнула, голова молодого мотнулась, будто держалась не на шее, а на ниточке. Амиру показалось, что сейчас она оторвется. Удар был страшный. Каратист Несмылов упал лицом вниз прямо в пыль, распластав безжизненное тело, однако Хандохин на этом не закончил. Он стремительно выхватил из рук поверженного противника оружие, задрал голову Несмылова вверх, обнажая горло. На секунду Амиру показалось, что сейчас он полоснет, и застыл от ужаса.

Но Хандохин уже отбросил в сторону нож, кинул голову Несмылова обратно в пыль, куда уже натекла кровь из разбитых губ и носа. Он повернулся к молодым, лицо его было жестким.

– Спорт – это одно, а бой насмерть – это другое. И у нас, у «командос» так: сказал слово – должен ответить! Облейте его водой, дайте понюхать нашатыря! – приказал он.

Это был сильнейший урок для молодых. Амир тоже думал о себе, что он супермен. Однако драки в интернате и совхозе, это были мелочи по сравнению с тем, что увидел сейчас. Он сразу уважал стариков.

* * *

Более двух месяцев прошло с того времени, как их привезли сюда. За это время Амир несколько пообвыкся среди «командос». Сложный армейский военный механизм понемногу впускал молодого солдата внутрь своего «клуба». В начале было очень трудно понимать непростые взаимоотношения, сложившиеся между разведчиками «спецназовцами». Старшина Хандохин, например, мог запросто предложить выпить ротному капитану Ивашкову. В то же время мог запаниковать, в страхе наезжая на своих:

– Ты что, еб козу! Сейчас командир вздрючку устроит всем нам.

Первым взводом командовал старший лейтенант Белоусов. Среднего роста, грузноватый, отчего складывалось впечатление, что он невыспавшийся, был флегматиком, невозмутимо спокойным и медлительным.

Ротный, в противовес Белоусову, был быстрым, энергичным холериком. Иногда он не выдерживал и кричал:

– Боровик! Ну-ка, быстро найди Белоусова, что он там онанирует, что ли?

Сержант Боровик был заместителем Белоусова, «замком», как здесь называют. Боровик отвоевал уже полтора года и был старослужащим «командос». Он заходил в палатку офицера и спокойно спрашивал:

– Вы еще не кончили?

– Что не кончил? – спрашивал флегматик взводный.

– Ротный спрашивает, что вы здесь онанируете, что ли?

– Да нет, только настраиваюсь, а что случилось? – отвечал невозмутимый Белоусов.

– Начштаббриг вызывает разведку!

– А-а-а! Скажи, что уже иду.

Капитана уважали не только «командос», но и вся десантура. Его знали и «полкачи» и «дармоеды» «ОРДОВцы» (отдельная рота десантного обеспечения). Ветераны «командос» говорили, что комбриг с ним разговаривает очень уважительно. А «духи» за голову ротного назначили цену 20000 афгани. У него было две Красных звезды, две медали и еще один афганский орден. Он волевал уже два срока.

Амир редко вспоминал о родителях, только когда думал о Грее, вспоминал о доме. Да и то образ белокурой, зеленоглазой немки тут же плотным белым облаком заслонял все остальное. Родителей, стариков. О сестрах он вообще не думал. Оставалась только она.

В редкие свободные минуты он ложился на спину, устремляя взгляд вверх. Грета возникала сразу. «Мокрый стог, колючее сено. Вот она отдается ему. Белые груди мотаются из стороны в сторону». Он вспоминает дальше. «Белые, бесстыдно раскинутые ноги колотятся в такт его движениям. Ее тело выгибается тугой дугой под ним». Воспоминания потекли дальше, но раздалась резкая команда Хандохина:

– Стройся!

Взвод, экипированный по полной боевой, пошел на «тактику». Ветеран «спецназа» старшина Хандохин учил «молодых» воевать. Взвод вначале бежал километров пять, затем стали мелкими перебежками атаковать высоту, наверху которой была пулеметная «точка» «чморей» (не десантников), затем поползли. Четверым «молодым» было приказано уничтожить «точку» противника, забросать ее гранатами.

Вначале пополз Михайлов. Он почти добрался до «точки» на расстояние броска, как Хандохин закричал:

– Михайлов, назад! Ты убит!

Вторым пошел Шура Алтунин. Он очень старался, но выбрал не тот маршрут. Хандохин отозвал его с середины пути. Он забыл его фамилию.

– Назад, «молодой». Ты убит! – и приказал Амиру:

– Вперед! Подумай, еб козу, как правильной – убьют ведь на фуй.

И Амир понял. Алтунин попал в сектор обстрела, там «пулемет» духов мог начисто «подбирать» весь склон. Значит, надо справа, вдоль хребта. Он подтянул покрепче ремни, поправил каску и пополз не вверх, а забирая вправо от лежавших в шахматном порядке «командос». Стараясь сильнее вжиматься в пыльную землю. Уйдя в сторону на достаточное расстояние, он стал ползти по косой, так же забирая вправо и в то же время левее вверх, к хребту. Вскоре он приблизился на расстояние броска, осмотрелся и швырнул гранату. Бросил грамотно, почти на отрываясь от земли. И тут же услышал крик старшины:

– «Точка» уничтожена. Бегом вниз!

Амир бежал и видел, как сообразительный Дора выбрал его маршрут. Вскоре «Дора» тоже выполнил задачу.

Хандохин возмущался:

– Вас четверо было, двое остались живы. На сколько «боевых» вас так хватит? Михайлов убит, потому что, совершая бросок, чуть ли не встал поздороваться с «духами», этот молодец, – он опять забыл фамилию Алтунина, – попер прямо в «пасть», от хорошего пулеметчика там даже мышь не успеет убежать. Ну, эти двое все сделали правильно, – он кивнул на Дору и Амира.

Вечером того же дня Хандохин запил. Когда он запивал, никто, даже ротный, не кантовал его.

Уходить в запой он начал с тех пор, как в разведвыходе третий взвод потерял сержанта Володю Онуприенко. Рассказывали, что это случилось так.

Взвод получил боевое задание совершить поход с целью установления маршрутов караванов с оружием. У командования появились данные, что они стекаются в одну из горных пещер и там концентрируются. Данные эти поступили от «летунов».

Командир роты Ивашков решил отправить на это задание третий взвод. Он целиком доверял старшине Хандохину. Задание было не очень сложное, хотя довольно щекотливое. Ротный знал, что как разведчик Хандохин сочетает в себе все необходимые качества. Пользуется беспрекословным авторитетом у своих «командос», сумел сплотить взвод, люди у него были как на подбор, каждый знал отлично свое воинское дело. Взвод был тренированный, имел на счету более десяти отдельных разведывающих. Но главное, почему ротный верил Хандохину, старшина был настолько стремителен при необходимости, настолько и осторожен. Инструктируя его, ротный подчеркнул:

– Первая задача взвода, проследить, куда именно идет караван, где его конечная база. Вторая, при возможности путем оптического наблюдения установить характер груза. И третья, наиглавнейшая задача – всем вернуться живыми. Это приказ!

Взвод ушел ночью. «Бортом» не стали пользоваться. Его могли засечь и тогда им на хвост сели бы «духи». А для взвода из восемнадцати человек, за сотню километров от базы, это было бы равносильно смерти. Три ночи они упрямо шли к цели, ориентируясь по карте и компасу. К исходу третьей ночи, как только начало светать, оказались на месте. В ущелье, между гор извиваясь змейкой, текла речушка, взвод залег за большим каменным выступом. Двоих «командос» Хандохин отправил прикрывать тыл, двух других послал вправо от основной группы, поставив задачу продвинуться на расстояние полукилометра, замаскироваться и защищать фланг. Аналогичное охранение он отправил закрыть слева. Хандохин был уверен, что «караван» пойдет низом, по ущелью. Район этот полностью контролировался «духами» и им не было необходимости вести его по горам.

Одним словом, стали ждать. Питались сухпайками, воду берегли, экономили, не пили, а только размачивали в ней галеты. Курили только укрывшись под плащ-палаткой. Если один «командос» курил, двое других держали над ним плащ-палатку.

Днем было настоящее пекло, камни раскалялись и лежать на них было мучительно. Ночью же, наоборот, становилось дуборно, весь взвод выбивал зубами морзянку. Так прошли сутки.

У Хандохина был приказ, если каравана не будет двое суток, вызывать «борт» и возвращаться на базу. На второй день караван появился. Собственно не такой уж это был и караван. С десятков ишаков, груженных ящиками. Сопровождали его пятнадцать человек.

Хандохин подал знак: «Внимание! Опасность!»

Старшина осторожно наблюдал в бинокль, рассматривая идущих внизу «духов». Они шли, судя по всему, по хорошо знакомому маршруту. Животные семенили бодро, быстро перебирая своими тонкими ножками. Цокот копыт заглушала журчавшая речушка. Посреди на ишаке ехал бородастый «дух» в темных очках, в зеленой чалме на голове. В руках он держал красный портативный магнитофон, и в такт музыке бил животное ногами по животу. Сюда, где залег взвод, музыка не доносилась. Караван отпустили на предел визуальной досягаемости.

Четверым самым ловким старшина поставил боевую задачу, идти обратной стороной горного хребта, не выпуская «духов» из вида, установить конечную точку, где караван оставит свой груз. Основная группа должна была следовать на расстоянии одного километра, периодически поддерживая радиосвязь с «базой».

Четверка «командос», бесшумно ступая, ушли вперед. Хандохин приказал развернуть рацию и передать краткое сообщение: «Гости приехали, сопровождаю гостей».

Оставив следовать за собой в арьергарде трех человек, приказал им идти за основной группой на дистанции четыреста-пятьсот метров и прикрывать сзади.

Весь день взвод «командос» скрытно двигался за караваном. К концу дня группу встретил разведчик из посланной вперед четверки. Он доложил командиру, что его послал старший – Онуприенко. Караван круто повернул в горы, в сторону ведущих скрытое наблюдение разведчиков.

Хандохин доложил на «базу» сложившуюся ситуацию. «База» ответила незамедлительно, приказ был лаконичен: «Продолжать наблюдение».

Старшина отослал связного обратно. Он очень рассчитывал на Володю Онуприенко. Основная группа, соблюдая осторожность, потихоньку продвигалась вперед. Хандохин сам вел взвод, замыкающими шли пулеметчики «ветеран» ефрейтор Белокрылов и тогда еще «молодой» Серов. В горах начало постепенно темнеть, к вечеру подул холодный, колющий ветер, стало

прохладно. От Онуприенко крадучись, мелкими перебежками опять прибежал связной. Он немного заплутал в стущавшихся сумерках и очень обрадовался, разыскав их. Онуприенко передавал, что преследуемый ими караван вошел в большую пещеру и сбросил груз внутри. Развьюченных животных вывели из пещеры, и они в сопровождении двух «духов» возвращаются назад по старому маршруту.

Оставшиеся моджахеды выставили охрану и остались в пещере. Но главное, о чем сообщил связной, требовало немедленной связи с «базой». С другой стороны ущелья к пещере подходил караван вдвое больший, чем первый. Радист вызвал «базу», после некоторого молчания «база» ответила.

Старшина доложил сложившуюся ситуацию, ответа долго не было. Видно, командир роты передавал выше по инстанции.

И в это время в стороне, где должен был находиться Онуприенко, раздались автоматные очереди. Вскоре они переросли в настоящую пальбу. Тишина гор взорвалась взрывами гранат.

Хандохин понял, что разведчиков Володи обнаружили. Рассредоточившись, взвод залег, заняв оборону. Он ждал сигнала. Красная ракета должна была значить «Прошу подмогу!». Со стороны «духов» огонь был очень плотным, душманы стреляли трассерами. Группа Володи отвечала сдерживающим огнем.

Бой, почему-то, смещался в другую сторону. Ракеты не было. Опытному «командос» Хандохину стало все ясно. Недаром вперед он послал во главе четверки своего лучшего друга сержанта Онуприенко. Володя принял единственно решение в сложившейся ситуации.

Он решил отходить в другую сторону, сдерживая воодушевленных их малочисленностью «духов» и преследуя две цели. Первая – не раскрывать взвод, уводя преследование в другую сторону, и вторая – дать возможность зайти «духам» с тыла.

Хандохин приказал передать на «базу»:

– Веду бой с превышающим числом противником. Склад обнаружен.

Ротный ответил незамедлительно:

– Продержитесь один час.

Старшина приказал радисту быть на постоянном приеме и соблюдая все предосторожности продвигаться вперед вслед за ведущими преследование «духами». Но вскоре вокруг наступи-

ла крошечная темнота. Ориентироваться стало очень трудно. Взвод мог попросту растеряться.

Хандохин принял решение сосредоточиться и ждать. Вдруг стрельба стала затихать, затем прекратилась вовсе.

Разведчики облегченно вздохнули – воевать в темноте, не зная хорошо этих гор, было заранее проигрышным. Да и «духи», видимо, решили прекратить преследование.

В это время с «базы» пришел приказ взводу продержаться до рассвета, по моджахедам будет нанесен удар, ждать подкрепления.

Более получаса стояла неестественная обманчивая тишина в горах. И вдруг, где-то далеко раздался взрыв гранаты, а затем темноту вспороли автоматные очереди.

Что могло случиться там? Видимо отходившая назад группа Володи нарвалась на засаду.

Вскоре опять все стихло. Ночное небо было черным, ни одной звездочки, а на горные хребты будто кто-то сверху вылил огромное количество фиолетовых чернил. Вокруг не видать ни зги. Оставалось ждать рассвета.

Ночь в горах тянулась в сумасшедшем напряжении. Нервы у «командос» были на пределе, но никто не кашлянул, не клацнул оружием. И только оттуда, где были «духи», всю ночь доносилось какое-то брожение. Слышалось, как они перемещались.

Вскоре, где-то за дальними хребтами начало сереть. Стали вырисовываться отдаленные зубцы вершин, с приходом рассвета у притаившихся «командос» стало еще тревожней на душе. Всех мучил вопрос: что с ребятами Онуприенко, почему ночью произошла короткая, словно вспышка огненной зарницы, перестрелка? Взвод продолжал ждать.

И вот, когда долгожданная серость залила все вокруг, и небо посветлело, из-за гор, осторожно поднимаясь, выглянуло солнце. Лучи его, как бы незначай, брызнули по сторонам, словно окончательно подтверждая о том, что свет победил тьму, несмотря на то, что она была такая мучительно долгая для укрывающихся немногочисленных «командос». Наконец, до слуха напряженно слушавшего тишину взвода вначале отдаленно, а потом явственней стал доноситься далекий, идущий со стороны «базы» рокот. Запищала рация, и радист быстро вышел на прием:

– Навесить над противником зеленую лампу. Атакуем. Разгромить склад.

Теперь рокот был ясно слышен. Хандохин скомандовал:

– За мной! Задача войти в соприкосновение с «духами» и уничтожить их.

Воодушевленные подмогой, «командос» в стремительном марш-броске проскочили те несколько горных выступов, отделявших их от душманов. Они увидели, что «духи» поспешно отходят к пещере.

Вышедший во фланг противнику взвод залег. Хандохин достал ракетницу и выстрелил зеленую ракету над отходящими «духами».

– Кинжальным огнем отсечь дорогу «духам» к пещере. Пулеметчики, вперед!

«Командос» почувствовали, что теперь они хозяева положения. Взвод, словно большой механизм, долго терпевший рвотные симптомы, в одно мгновение вырыгнул смертельные потоки свинца. Душманы растерялись, замешкались и залегли. И в этот момент, подлетевшие спасительные стрекозы, сотрясая воздух лопастями, начали перепахивать позицию афганцев «эрэсами».

Было такое впечатление, что горы под залегшими «командос» зашевелились, каково же было «духам». Пара «бортов» зависли низко над землей в тылу у душманов. Оттуда выпрыгивали «командос» и, отбегая от вертолета, открывали огонь в сторону «духов», где под ними, в буквальном смысле, горела земля.

Хандохин дал приказ атаковать и взвод, поливая свинцовым дождем впереди себя, короткими перебежками, пошел в атаку. Соппротивление со стороны душманов было слабое. Лишь редкие автоматные очереди раздавались с их стороны, но, оценив создавшуюся ситуацию, они прекратили стрельбу. Уцелевшие стали сдаваться в плен с поднятыми руками.

Старшина разделил взвод надвое, оставив одну половину принимать пленных, а их было немного, а сам с другой, атаковал пещеру. Вскоре все было кончено. Из грота высунулась винтовка с белой тряпкой. «Духи» поняли, что одна залетевшая в пещеру граната и от них не останется даже тапочек. Тех, кто вышел оттуда, выбрасывая перед собой оружие, оказалось шесть человек, два трупа лежали за валунами.

«Командос» осторожно исследовали внутри. Недалеко от входа дотлевали в выложенном из камня очаге угли, над ними в треноге булькал прокопченный до черноты медный чайник.

А в метрах пяти от костра свисало что-то наподобие челове-

ческого тела. Возбужденные боем «командос» не сразу заметили его. Они подошли ближе и включили армейские фонарики. Увиденное заставило передернуться их. Трудно было назвать тем то, что свисало из-под сводов пещеры.

Без какой-либо одежды, подвешенное за ноги, оно чуть заметно покачивалось. Голые икры, бедра в свете фонарей казались фиолетовыми. Дальше от груди шло обнаженное красное мясо. Кожа человека, надрезанная вокруг грудной клетки, была содрана чулком. Она висела желтым пергаментом, скрывая голову и плечи, из-под нее были видны лишь руки, до локтей.

Никто бы из «командос» сразу в этот момент не смог бы опознать в висящем перед ним человеке, вернее, в труп, Володю Онуприенко, настолько сильным был шок.

И вдруг пулеметчик Серов, пошарив фонарем вокруг, увидел лежавшую в кучке окровавленную пятнистую одежду. А рядом, с огромными выпученными глазами, с вываленным сквозь желтые крупные зубы черным языком, лежала голова Володи Онуприенко.

Серов от ужаса схватил за руку старшину и омертвевшими губами прошептал:

– Командир! Это же Во-ло-дя!

Володино лицо было все в засохшей рубиновыми сгустками крови. Там, где был срез шеи, из запекшегося кровавого месива белело кольцо гортани.

Тишина, наступившая в пещере, была страшной. Наконец, Хандохин, собрав силу воли, для чего-то громко, почти выкрикнув, приказал:

– Снимите его! Положите его в плащ-палатку. Всего! – заорал он, – Серов, Кондаков! Володю на «борт». Остальным пересчитать захваченное оружие, по одному ящичку каждого наименования на «борт», оставшееся заминировать и доложить. Время на все – 10 минут!

– Пошли! – командир взвода кричал нечеловеческим голосом. Никто из «командос» никогда не видел старшину таким безумным.

Он бросился к выходу со зловещим криком:

– Пленных, взятых в пещере, ко мне! Бегом! Бегом, я сказал!

Шесть вертолетов жирными стрекозами сидело в ущелье, рассредоточившись друг от друга на безопасное расстояние. Командовал «спецназом» капитан Ивашков. Часть роты заняла круго-

вую оборону. Пленные безоружные «духи» из пещеры сидели на земле около «борта», их охраняли двое «командос» из первого взвода. Остальные собирали своих убитых и забрасывали их камнями, чтобы трупы не пожрали шакалы. Афганцы носились бегом, «командос» подгоняли их криками и короткими очередями из автоматов в землю.

Шестерых «духов» бегом пригнали Серов, Кондаков и двое охранявших их. Пинками и ударами автоматов они поставили их на колени перед командиром взвода.

Вид Хандохина был страшен.

– Кто это сделал? – он показал на свисавшую сверху веревку, – кто из вас, суки?

Моджахеды в ужасе отползали от страшного «командос». Они поняли, что наступил момент расплаты. Еще вчера они наслаждались пытками, упиваясь от вида крови солдата. А теперь пришел их черед. Худой, до самых глаз заросший бородой, больше других вжался в каменную стенку, будто пытался продавить ее. Его и выдернул за шиворот Хандохин. «Дух», словно загнанный зверь изловчился и укусил старшину за руку. «Афганка» слетела с его головы, обнажая выбритый череп. Бешено обреченно ворочая глазами, он соскочил с колен, намереваясь подняться. От полученного удара его шатало, он не мог найти равновесия.

Хандохин вытащил острый как бритва десантный нож, шагнул к «духу» и вонзил нож в живот. А потом медленно, рывками, слышно было, как разрезаются ребра, вспорол грудную клетку до самого горла. Он вытащил нож и толкнул его в плечо. Труп упал на спину, лившаяся из него черная кровь заливала, пропитывая серый ватный халат.

Старшина тщательно вытер об одежду убитого нож, затем испачканные кровью руки и негромко приказал:

– Расстреляйте их!

Никто из «командос» не посмел возразить, хотя все знали, что за расстрел сдавшихся в плен «духов» – трибунал. Каждый из них давал в особом отделе ДШБ подписку об ознакомлении.

Хандохин продолжал сидеть у трупа убитого им душмана. Он знал, что приказ будет выполнен.

Только Кондаков произнес отчетливо:

– За Володю!

Раздалось несколько длинных очередей, разнося гулкое эхо по пещере. Затем все стихло.

В это время ему доложили о готовности склада к взрыву.

– Уходим к «борту». Все! – и добавил громко:

– Пленные «духи» напали, пришлось их кончить!

Закинув автомат за шею «замок» быстрым шагом пошел на встречу ротному. Когда он доложил капитану Ивашкову об обстановке, называя фамилии трех «командос», которые первыми приняли бой с «духами», ротный прервал его:

– Исавердов и Кравченко живы. Они здесь, на «борту», – и, обойдя комвзвода, выпустил в небо синюю ракету – сигнал отхода.

– Взрывай! – отдал он приказ. Кто-то крутанул взрывную машинку, внутри пещеры гулко ухнуло и затем из нее как из жерла пушки выкатилось огненно-черное пламя. И лишь затем гора, в чреве которой «духи» готовили склад боеприпасов, вздрогнула всей своей толщей и осела вниз.

«Борты» уже бешено молотили винтами, спецназ был внутри, когда капитан пустил желтую ракету.

– Взлетаем! – и сам прыгнул в трясущийся корпус вертолета.

Уже в воздухе капитан взглянул на свои ручные «командирские» часы. От начала до конца операции прошел один час и десять минут. Он приказал радировать первому, командиру ДШБ:

– Боевая задача выполнена. Уничтожено десять «духов», есть пленные. Склад противника взорван, потеря один человек. Идем на «базу».

А еще через один час, выслушав подробный доклад вернувшегося Ивашкова, командир гвардейской особой десантно-штурмовой бригады, с ликованием доложил наверх:

– В результате вертолетной атаки уничтожено скопление противника в количестве до двадцати человек. Захвачен склад с боеприпасами (далее был перечень характера трофеев, наглядность подтверждалась доставленными по одному ящику образцами). Взято в плен десять человек. Потери со стороны спецназа всего лишь один человек!

На войне как на войне!

Командир третьего взвода «командос», отдельной разведывательно-диверсионной роты, старшина срочной службы Хандохин, запьет после того, как писарь из секретной части ДШБ расскажет ему о содержании рапорта об их разведываходе.

Старшина пил четыре дня подряд. Он даже не пошел прощаться с гробом Володи. Пил упрямо и беспросыпно, зло и мол-

ча, наедине с собой. И никто, даже ротный, не сказал ему ни слова. Лишь на пятый день он зашел в палатку Хандохина и молча сел напротив. Старшина взял со стола фляжку с теплым, противным спиртом и плеснул в алюминиевые кружки. Они помянули Онуприенко.

Позже Хандохин вызовет к себе уцелевших Исавердова и Кравченко и расспросит их. Разведчики рассказали, как все произошло.

Когда наседавшие «духи» прекратили стрельбу, они стали быстро уходить и почти в упор навались на засаду. Было уже очень темно, отстреливаясь, отступали назад и не сразу в пылу боя заметили отсутствие сержанта. Исавердов наугад, на автоматные вспышки швырнул последнюю гранату. «Духи» немного преследовали их, а потом будто растворились в сплошной темноте. Они кричали, звали Володю, а потом потихоньку вернулись на то место, где напоролись на засаду. Проползали на брюхе всю ночь в поисках. К утру только поняли, что разведчика захватили «духи». Они обнаружили его упавшую с головы каску, следы крови и характерную борозду на земле, говорившую о том, что его волокли раненного.

Хандохин слушал их, и все больше мрачнел. Лицо было серо и безжизненно. Он поверил двум оставшимся в живых «командос». Исавердов и Кравченко оба воевали по полгода. Не первый раз ходили на «боевые». В трусости не были замечены, оба ловкие и дерзкие. Нет, они бы никогда не бросили товарища.

Таков был вердикт гвардии старшины Хандохина Михаила.

* * *

Жизнь у «командос» на этой войне была невероятно трудной. Если рота не была на «боевых», то ее время проходило в постоянных учениях. Амир, хотя и с трудом, день за днем вживался в серые будни «спецназа», пытаясь стать одним из него. За прошедшие дни он пообвыкся, немного пообтрепался, осунувшееся лицо его приняло злой, как у других, вид. В короткие часы общения он ближе познакомился с парнями из своего призыва.

Коренастый плечистый Михайлов хорошо играл и пел на гитаре. Был довольно образован, на гражданке учился на дипломата в МИМО, к тому же имел звание мастера спорта по боксу. Затем вдруг бросил учебу и пошел в армию. На окружающих он смотрел почему-то снисходительно, на губах у него была вечно

застывшая усмешка. Будто он один из всех знал какую-то неизвестную остальным мудрость жизни.

Рослый, здоровый Степин из Удмуртии был безусловный циник и хам. Слова: образование, Родина, любовь он не воспринимал никак. Излюбленным выражением его было: «Бляха муха».

Но больше Амиру нравился Серега Дора. Ловкий, верткий, пластичный он напоминал крупную сиамскую кошку. Глаза его зеленого цвета, светились сплошным недоверием, внимательно и осторожно изучая все вокруг. Ходил он мягко, почти бесшумно. Был свиреп и мог в любое время, выпустив когти вцепиться и молниеносно укусить.

– Больше всего на свете я люблю бабца! – это таким словом он называл всю женскую половину!

– Ты представляешь, Амир, я ее привожу к себе на Форштадт, на фазенду. У меня там все клево. Музычка, все дела. Наливаю я ей винца и даю взорвать «косяк» дряни. Пару затягов, и бабца готова. Снимаю с нее всю бутафорию, оставляю в чем мать родила. Ну а дальше... Нет такой бабцы, которая мне не даст, Амир. Нужна лишь правильная техника. Немного ласки и ты можешь задирать ей копыта.

– Так ты что дома один жил? – спрашивал Амир.

– Мать вторично замуж вышла, а фазенду все как есть, на меня оставила. Я там раз свою учительницу трахнул (она еще молодая такая, фигурка у нее класс!). После выпускного все набухались, а мы с Марьюшей зашли ко мне. Я ей по пути что-то плел, а она сама пьяненькая. В фазенде присели, я ей музычку включил, винца клевого. А сам взял в сигарету с фильтром косяк вмастырил. И говорю ей: «Я вот столько лет стеснялся, от вас курить прятался, а теперь школа позади, можно я при вас закурю?» Она мне: «Да кури, Сережа!» А я говорю: «Нет, я все же не решусь, вот если бы мы вместе!» И подсунул ей. Ну, она и закурила, полкосяка выдымила и говорит мне: «Я прилягу, Сережа». Я к ней, чтобы до кровати довести, а она меня как обнимет и давай целовать. Так я даже до кровати не довел, там же прямо и отбубухал.

Дора разошелся в своих рассказах, и Амиру было наплевать, врет он или так было в самом деле. Он вспомнил свою прекрасную, смешно говорившую на русском Грету. Ее белое тело, горячую плоть. От воспоминаний во рту все высохло, Амир достал обшитую брезентом защитного цвета фляжку, отвинтил крыш-

ку и стал жадно пить теплую, почти горячую воду. У Сереги видно тоже пересохло в горле, потому что он потянулся к фляжке.

– Дай попить.

Напившись вволю, он хотел было продолжить свои сладкие воспоминания:

– Амир. Так у нее сиськи стоячие!

В это время раздалась команда дневального из их призыва Заицева:

– Рота, по полной боевой, стройся!

Дора огорченно взмахнул рукой, сожалея:

– Ладно, потом доскажу!

Амир уже не расслышал конца его фразы, он стремительно бежал к оружейной палатке третьего взвода и чуть не сшиб на входе Серова.

Не более минуты ушло на полную экипировку. Броник, рюкзак десантника, штык, каска, у Амира еще цинки с лентами и сам пулемет.

Построенную роту осмотрел неторопливый Белоусов. Амир уже знал, что если по тревоге строил не ротный, значит не на «боевые». Скорее, на стрельбы.

Он не ошибся, и это порадовало его. Уметь предугадывать – это хороший прогресс для «командос» из его призыва.

Бежали средним темпом, до стрельбища было около 5 км, но, учитывая, что солнце еще стояло высоко, было довольно жарко. После первого километра «кузькина мать» показалась Амиру красивой девкой. Цинки с лентами отрывали руки. Неплотно подогнанный, «броник» до крови растирал плечи, каска то и дело сползала на глаза. И тогда он видел только пятки ботинок бегущего впереди Доры.

«Каково ему сейчас, после воспоминаний о сиськах учительки?» – позлорадствовал он, мотая головой назад, чтобы откинуть каску.

«Старики» и «ветераны» бежали в хороших, импортных кроссовках, взятых при выходах на караваны. Молодые «командос» люто им завидовали.

Вскоре стало совсем невмоготу. Амир проклинал тяжелые, неудобные цинки, не чувствуя собственных рук.

Впереди кто-то упал, пытаясь тут же подняться. Амир не успел разглядеть кто это. Рота продолжала марш-бросок.

К стрельбищу прибежали взмыленные, и с ходу вступили в «бой». Вначале мелкими перебежками атаковал первый взвод и

третий, второй лежа прикрывал огнем. Затем поменялись ролями. Амир стрелял из пулемета, выпуская длинные, несмотря на злобное шипенье Серова, очереди.

Он ненавидел тяжелые цинки и теперь торопился быстрее расстрелять их, боясь, что вдруг оставшиеся придется переть обратно.

– Короткими бей, тебе говорят, – шипел «первый номер».

Затем отработывали отход роты по той же схеме, что и «атака». И, наконец, «молодых» заставили стрелять по «чучелам». «Старики», «ветераны» и «ежи» отдыхали. Отряхивались.

В общем-то, пулемет начал нравиться Амиру. «Серьезная машина! Вот только цинки таскал бы Серов!», – размечтался он.

Отстрелялись и «молодые». Проверили автоматы, и тут же Белоусов, построив роту, скомандовал:

– Бегом!

И опять успевшие передохнуть старослужащие бежали легко в заветных для «молодых» кроссовках. А «молодежь», волоча ноги, поднимая клубы пыли, словно стадо бизонов. Но теперь хоть были свободны руки.

* * *

Служба для Амира хоть и была, как и для всех, тяжелой, но все же она не была ему в тягость.

Чем больше он постигал боевые науки, тем лучше он понимал их необходимость. И он стремился. Если полз, то бесшумной змеей вжимаясь в землю, используя любые складки местности. Стрелял, тщательно прицеливаясь, оружие изучал с любовью. Мины маскировал на учениях так, что сам потом с трудом находил. Но больше всего любил занятия по рукопашному бою. Здесь он многое успел перенять от злого беспощадного старшины Хандохина, удалого бесшабашного разведчика Кондакова из первого взвода. Амир научился блокировать удары и коротко, не рассусоливая бить в ответ. В ход шло все: руки, ноги, голова, колено, локоть. От борца-сержанта Боровика он перенял его коронный прием «бросок через бедро» и «кочергу». С детства прошедший школу-интернат, в отрыве от дома Амир совершенно не тосковал как некоторые по родственникам. Попав служить в Афган, в опасную, но элитную часть «командос», он наоборот был доволен. Причиной этому было его давнишнее бессловесное соперничество с Абаем.

* * *

Абай был парнем с их станции. Как и один из многих станционных детей, он тоже учился в той же самой школе-интернате, где и Амир. Его родители были тихие, неприметные люди. Отец его работал в соседнем совхозе трактористом, почти всегда ходил в засаленной от мазута телогрейке. От него вечно пахло соляной, мать доила совхозных коров.

Абай был единственным ребенком в семье.

Жили они неподалеку от дома Амира, в небольшом покосившемся домике с давно не крашеным неказистым забором.

В интернате Абай учился старательно. И, хотя учеба давалась ему нелегко, он был очень усидчивым, въедливым учеником, зарабатывая хорошие отметки за счет своей невозмутимой усидчивости.

Амир же, от природы наделенный хорошей памятью, сообразительностью, схватывал на лету все предметы. Учился легко и без труда справлялся с успеваемостью.

Мальчишки-одногодки Амира сами тянулись к нему, и он без особого соперничества верховодил ими.

Вот только Абая не было среди них. Все свое свободное время он читал. Читал с упоительной страстью, все подряд. Но особенно любил исторические книги.

И, хотя был единственным в семье, рос не избалованным, наоборот, крайне сосредоточенным, бережливым мальчиком.

Амир, которого баловали старики, покупая ему в подарок новые вещи, никогда не ценил их. Ему и в голову не приходило, что порванную рубашку можно аккуратно зашить и продолжать носить ее.

Абай же сам старательно латал прохудившиеся сорочки, выстирывал и штопал носки. Очень ценивший любой чужой труд, он всегда бережно относился, будь то к своим вещам, либо окружающим предметам.

Он уважал спорт, но больше увлекался футболом. Тогдашние мировые звезды футбола – Пеле, Гарринча, Яшин, – были кумирами для тысяч мальчишек.

Приезжая домой на каникулы или короткие выходные, Абай брался помогать по хозяйству родителям. Облачившись в старье, он старательно выгребал в сарае навоз, растаскивая его зимой на санках по большому огороду. Вооружившись молотком и гвоздями, деловито осматривал нехитрый забор, поправляя его. У

отца до всего не доходили руки. Убирал снег во дворе, терпеливо откидывая сыпавшуюся с неба крупу, лопата за лопатой, пробивая узкие дорожки сквозь синеватые сугробы.

Он никогда не спрашивал у своих родителей, почему кроме него, они не завели еще детей, смиренно принимая это, как свою участь.

Родителей Абай любил открыто, по сыновнему, ни от кого не пряча своих чувств. Он не стеснялся время от времени прижаться к матери, поцеловать отца. Как и всякий мальчишка, привязанный больше к отцу, он любил ездить с ним на тракторе. Нет, не просто кататься, а ездить, изучая окрестности, наслаждаясь видом высоких сенокосных трав и жирной, только что вспаханной, исходящей паром земли. Ему очень нравилось копаться в технике, и он с удовольствием помогал отцу в ремонте. Отец ездил попеременно на двух тракторах, гусеничном и колесном.

В летние каникулы Абай ежедневно ходил с матерью на дойку. Ему безумно нравилось обходить покорное, сыто мычащее совхозное стадо. Многих коров он узнавал издали, и они узнавали его, доверчиво облизывая ему шершавым языком не по-детски натруженные руки.

Он гладил их, и разговаривал с ними, будто с людьми, одним приговаривая на ушко, хваля их за то, что они хорошо набрали вес, и вымя их полно молоком, чуть прогорклым от степного жулана. Другим выговаривал строго, спрашивая, почему они не поправляются:

– Ну, что ты уставилась на меня? Тебя что, оводы донимают? Почему твое вымя пустое? Потому что не ешь хорошо. Посмотри, какая трава вокруг вымахала, сам бы съел. Все вокруг справные, статные, одна ты ходишь сумрачная среди такого степного раздолья. Не будешь давать молока, осенью тебя отправят на забой, подумай об этом.

Дождавшись, когда доярки закончат дойку и сольют исходящее паром молоко во фляги, Абай вначале вдоволь напивался белого, пенящегося напитка, а потом принимался грузить фляги на тракторный прицеп.

К пятнадцати годам Абай самостоятельно умел управлять обоими тракторами, хорошо знал устройство двигателя и принцип работы. Техника стала для него неотъемлемой частью его жизни и, находясь на учебе в интернате, он скучал по ним.

Он мог разобрать, а затем собрать двигатель, каждый болт, любовно скручивая на свое место, где-то подмазывая маслом, где-то прогоняя чуть заржавевшую резьбу. Мог самостоятельно снять и разобрать каток, обильно смазав его солидолом поставить в гнездо, а затем натянуть гусеницу и вбить извилистый стальной палец.

Теперь на летних каникулах он работал в совхозе, правда, платили ему вдвое меньше чем взрослым, но он был рад. Какая-никакая помощь семье. На заработанные деньги в райцентре можно было купить подарки отцу и маме, себе прикупить одежонку к новому учебному году и, кроме того, пахнувшие непрочитанными строками, исторические книги. Как и все остальные сельские мальчишки, он ездил верхом. Но в отличие от них, Абай не любил без необходимости скакать, очертя голову.

Это соседский парень Амир, выехав со двора давал шенкеля, поднимая коня на дыбы и тут же с места бросал его в сумасшедший галоп. Оставляя за собой клубы серой пыли.

Абай же седлал любовно. Предварительно насухо вытирал спину лошади. Неспешно прилаживал седло, затягивал подпругу, тщательно проверял сбрую, разговаривая с конем, и только потом выезжал со двора, неторопливо по-хозяйски.

Он обязательно проезжал мимо дома аксакала Каратаса, и, если тот сидел на своем обычном месте, то обязательно сходил с коня и здоровался.

И на этот раз аксакал, сидя в тени дерева, что-то чертил на земле своей сучковатой палкой.

Абай остановил лошадь за несколько метров, слез, ведя ее за собой в поводу, подошел к старцу.

– Ассалам алейкум, ата! – протянул он обе руки.

– Ваалейкум салам, дорогой! Далеко ли путь держишь?

– На следующей неделе начнется сенокос, отцу сказали, что он будет косить для жителей станции. Вот я и хочу объехать луга, поглядеть, где нам лучше косить.

– Барекельды, джигит! – похвалил старый Каратас. – Тут только что промчался Амиржан, вихрь парень! Осадил коня на полном скаку, выкрикнул приветствие и опять поскакал. Куда торопится? Ты не знаешь, дорогой? Я что-то обеспокоился. Боюсь, где-нибудь сломает себе шею!

– Не переживай, ата, это он покататься решил, характер у него такой, с места сразу в галоп.

– Да, да, конечно, – мирно согласился старик. – Вот только войдет у него это в привычку! Из-за этой поднятой самим же пыли не успеет разглядеть людей на дороге жизни, растопчет. А в народе говорят: посеешь привычку – пожнешь характер, посеешь характер – пожнешь судьбу! Вот, что я предвижу! Вот, чего боюсь! А так-то он парень хороший, джигит! – старый Каратас огорченно сокрушался, прикрыв глаза, опираясь высохшими узловатыми руками о свою палку. Юноше на мгновение показалось, что она является продолжением его старческих рук.

Старик Каратас был пришлым в этих местах. Видный, высокого роста, ширококостный, с резкими, даже грубыми чертами лица. Выбритая голова всегда была покрыта черной круглой шапочкой – «такьей». Но когда волос немного отрастал, то становилось заметно, что они сплошь седые, белые. Суровое, словно из камня высеченное лицо напоминало степного балбала (в старину кочевники высекали и оставляли в степи в местах своего стойбища каменного человека – балбала, метку). Глубоко посаженные в глазницах, прикрытые нависшими сверху грозно седыми бровями, смотрели на мир умные пронизательные глаза. Крупный, с горбинкой нос дополнял большой рот с резко очерченными губами. Справа от уха, через всю щеку до самого подбородка, дальше скрываясь в обрамляющей лицо белой пышной бороде, тянулся глубокий багровый шрам.

Одни шепотом говорили, что это от удара сабли, другие с видом знатоков нашептывали, что старика ударили спящего топором. Якобы, он был «враг народа» и отбывал срок где-то в «ит жеккен жерде», в краях, где люди ездили на собачьих упряжках. Казахам, привычным к тому, что средством передвижения для них был конь, верблюд, ишпак, в крайнем случае, огиз – бык, страшно было представить, что где-то могут ездить на собаках.

В общем, личность аксакала Каратаса была окружена ореолом таинственности во всей округе.

Однако, несмотря ни на что, люди к нему тянулись как мухи на мед. Шли за советом, кто-то со своей бедой, а кто-то за прорисованием. Это и было самой страшной загадкой старца. Он обладал даром провидения. И уж если предсказывал кому-то наперед, то все, на изумление окружающих соседей, родственников, знакомых, сбывалось в точности. Поэтому от одного к другому, шепотом старинным «узун-кулахом» тянулась легенда о тай-

ной способности Каратаса. Его уважали и в то же время побаивались, КА бояться неведомого, необъяснимого. Удара молнии, раската грома, землетрясения.

Несмотря на свои восемьдесят лет, Каратас был еще очень силен. Свободно ездил на лошади, а когда метал сено, тут еще не каждый мужчина мог посоревноваться с ним. Были очевидцы, которые рассказывали, как в послевоенные годы тогда еще молодой Каратас, рассердившись, ударом кулака свалил наземь упрямого бычка.

И еще один факт, который вызывал кривотолки и пересуды среди аульчан – это жена Каратаса. Она была почти на тридцать лет моложе его. И сейчас, несмотря на пятидесятилетний возраст, сохранила следы своей былой красоты. Вот и пересуды, людям только дай почву для разговоров. Что заставило молодую красавицу уйти с пожилым степным балбалом?

Но все эти кривотолки сразу же умолкали. Стоило лишь шептунам оказаться перед грозным Каратасом, случайно встретившись на улице. Слова и мысли застывали у них, точно превращаясь в густой бараний жир.

Нет, никогда аксакал не повышал голоса на односельчан, не кричал сердито, не топал ногами. По шевелению его белых, как облетевший пух с тополей, бровей замечали односельчане, когда старик гневается, и тогда поспешно старались сгладить ситуацию. Лишь единственный раз за свою историю проживания в этих краях он вышел из себя. Говорили, что это было так.

На одном тое – празднике – выпивший молодой мужчина, которого побаивались в округе, стал избивать камчой свою симпатичную жену.

Это был рослый, крупный джигит. Смуглолицый, с симпатичными усиками, он зачаровывал окрестных молодых на вот таких тоях щемящими сердце переборами домбры и исполняемыми высоким бархатистым тенором казахскими песнями. За ним слыла молва как о покорителе женских сердец, отчаянном драчуне и барымтаче. Он и вправду мог без долгих раздумий пустить в ход свои крепкие кулаки, а то и нож. Темными ночами, говорили, не слазив с коня, уводит совхозный скот. А уж скольких замужних молодок, задурманив своими песнями, втянул в грех!

Ему спяну показалось, что жена строит глазки молодому джигиту. Перепуганные женщины стайкой сгрудились, прижи-

маясь друг к другу. У мужчин не хватало решительности пресечь разошедшегося воспитателя. Бедняжка, как могла, укрывалась от свистящей в воздухе камчи со свинцовым наконечником на конце. Платье ее в нескольких местах лопнуло, обнажая кровавые рубцы.

И тогда к разбушевавшемуся мужу подошел Каратас. Без слов вырвал плетъ, переломил как спичку ее кожаную рукоять. Затем взял со спины одной рукой, другой за пояс брюк, и, словно мальчика, вынес на улицу. Оседланная лошадь джигита стояла метрах в четырех. Словно полено, не сходя с крыльца, метнул Каратас его головой вперед. Джигит упал прямо поперек седла вздрогнувшей от неожиданности лошади. Вот тогда крикнул Каратас-аксакал. Пушкинский Соловей-разбойник мог бы позавидовать ему в тот вечер! Лошадь от испуга присела на задние ноги, а потом, очнувшись, скакнула в темноту, и только и слышно было, как понесла она, не слушая выкриков хозяина.

Говорят, потом разозленный джигит приехал с ружьем, чтобы убить Каратаса. Увидевшие это замерли в ожидании выстрела, когда жаждущий мести молодой мужчина вошел в дом. Не дождавшись ни выстрела, ни самого джигита, соседи под каким-то предлогом, трясаясь от страха, заглянули в комнату. Увиденное поразило их. Оба – суровый Каратас и присмиривший джигит, мирно пили чай, ружье стояло в стороне от стола, в углу.

Так и осталось для всех вечной загадкой, что произошло в доме грозного старца. Ни сам он, ни джигит на эту тему не распространялись.

Как бы то ни было, люди из всей округи уважали старика, почитали его. Он был неперменным гостем на радостных тоях, свадьбах. Даже окружное начальство, чванное, важное, отодвигалось в сторону, уступая место при появлении Каратаса на самом почетном месте – торе, старательно скрывая при этом появлявшееся на их жирных щеках недовольство. И стар, и млад подходили к нему, одни – справиться о здравии, другие – попросить «бата» – благословения.

Если же в доме кого-то случалось несчастье, или кто-то покидал этот бранный мир, то закрыть глаза усопшему, опять же, посылали за аксакалом.

Многое за свою жизнь повидал Каратас. И всякого! Воевал, покуда не навоевался. Истрадавшийся, измученный судьбой,

сдался он на милость НКВД. Рассчитывал на прощение – взамен получил длиннющий, как аркан кочевника, срок и жгучий ярлык, как клеймо – «враг народа».

Составы проносились, принося с собой сумятицу в жизнь станции, на которой, волею судьбы, зацепился и остался Каратас.

Образовавшаяся рядом с железной дорогой, крохотная, она разрослась после Отечественной. Многонациональной же она стала после того, как творец кукурузы Хрущев провозгласил целину. Хлынули с Украины молодые хохлы, везя с собой визгливых розовых поросят для разведения. Перемешались здесь с посланными с Поволжья «отцом народов» немцами, разбавились катающимися как перекасти-поле еще с первой мировой поляками. И уже все вместе, будто в одной большой советской коммуналке, зажили с полуграмотными степняками-казахами.

Жизнь, словно хитрая и коварная красная лисица. Обманула!

Мудрый старец целыми днями просиживал на стволе полусгнившего карагача, в тени другого, еще крепкого, раскидистого, дающего тень и прохладу, и чертил на земле одному только ему ведомые замысловатые иероглифы.

Односельчан разбирало любопытство от желания подсмотреть, что же вычерчивает провидец? Однако он все стирал при приближении кого бы то ни было. И никто, ни один, будь то мужчина или женщина, не знал, о чем так напряженно думает он в это время.

Величественный степной балбал-провидец не размышлял.

Он вспоминал...

* * *

В восемнадцать, оседлав лучшего жеребца самого богатого в округе бая, ускакал, прищпорив скакуна, вслед за прорысившим мимо их аула кавалерийским эскадроном красноармейцев. Сын бедняков-кедеев, в зареве восходящего красного солнца, увидел он счастье для таких же, как он сам. Получив от советской власти винтовку, Каратас стал храбро отвоевывать: сласть – Советам, землю – крестьянам. Воевал удачно и нахраписто, научившись метко стрелять, навскидку поражая цель, и рубить пашкой звучно, с отяжкой, разваливая всадника пополам.

Пули-дуры, свистевшие как осы в знойный день, облетали его стороной. Видно, злодейка-судьба берегла его для себя, чтобы позже полной мерой насладиться муками бесстрашного казаха.

В те годы их лихой эскадрон преследовал отходящие части колчаковцев, в бешеной рубке схватываясь с белогвардейскими конниками. Война, словно раскаленный огненный шар, катилась то в одну, то в другую сторону, выжигая на своем пути сердца, души, аулы и деревни. То отступали красные, отдавая врагу населенные пункты. Затем откатывались белыки, и тогда, торжествуя, взлетал над домом местного богатея красный флаг, как олицетворение пролитой в борьбе крови.

За отвагу и храбрость наградили красного конника Каратаса Орденом Красного Знамени и именным оружием – маузером.

Кончилась та жестокая война, и возвратился домой, в свой родной аул, что был расположен в живописных местах Жетысу, Каратас.

Повсюду зачиналась, словно алая заря, новая жизнь. Новая власть раздавала беднякам землю! Полон гордости и тихого счастья был бывший лихой кавалерист.

Но не все так просто было в переживших разрушительную войну казахских аулах. Силовая политика государства вызывала все более нарастающее глухое недовольство голодных аулов и деревень.

Но Каратас, тогда еще убежденный в правильности политики молодой Советской власти, засучив рукава принялся за работу. Но день ото дня, год за годом, он стал понемногу разубвериваться, видя, как страдает простой народ. А когда в 1927 году под прикрытием конфискации байских хозяйств уполномоченные в кожаных тужурках принялись отбирать скот у сельчан, всю жизнь работавших не разгибая спины, возмущенный разум джигита помутился.

Уполномоченные пришли к нему в дом. Не остановило их то, что он – бывший красный кавалерист, орденосец.

– Пусть твой отец добровольно сдаст скот, – потребовали они, положа глаз на полсотни потом и кровью выращенных отцом овец.

Взбешенный Каратас повыбрасывал наглецов со двора. Как оказалось, зря он дал волю чувствам. Его старый мудрый отец лишь молча, с укоризной во взгляде покачал головой.

– Что ты натворил, сын? Быть теперь беде!

И он не ошибся. Мстительные чинуши, составлявшие список байско-кулацких лиц, подлежащих ссылке, включили в него и семью Каратаса, всех, кроме него самого.

И вот, ранним утром, по свежевывавшему снегу к дому подъехали на широких санях-розвальнях.

Слез не было, они застыли льдинками на глазах у домочадцев, когда собирались в дальний неведомый путь. Каратас смотрел на убеленную сединой бороду сторбившегося отца и скрипел зубами, испивая горькую чашу унижения.

– За что я воевал? – этот вопрос, словно живое существо, укоризненно вырос и осязаемо стоял перед ним; его, казалось, можно было потрогать.

Он стоял посреди двора в не подпоясанной гимнастерке, застывший, будто окаменевшая статуя. Руки и ноги омертвели, а отнявшийся язык отказался повиноваться.

– Аман бол, балам! – успела благословить его любящая мать, выкрикнув уже под скрип отъезжающих со двора саней.

Этот крик в свеженастоянном морозном воздухе острым ядовитым кинжалом вонзился в сердце джигита, и остался в нем навсегда. Каратас почернел от горя. Потеряв счет времени, не различая дня и ночи, вышагивал он в не топленной, выстуженной избе. Горе сломало и раздавило переставшего понимать ситуацию бывшего отчаянного кавалериста.

Сколько раз, обнажив клинов, припав к развевающимся лошадиной гриве, делал он в бешеном галопе на врага. Сколько врагов сразил в беспощадных рубках, выюном вертясь в седле, отбивая падающую на него сверкающую смерть и нанося ответный выпад. И ни разу не дрогнуло сердце, не ослабела предательски рука, он знал – враг перед ним и его надо сразить!

Что же теперь случилось? Враг оказался он сам? Вот почему сломался лихой джигит.

Круглые сутки он метался от стены к стене, охватив голову обеими руками, как вдруг принятое им решение блеснуло спасительным островком надежды. Он решил поехать к своему командиру, разыскать его и рассказать о случившемся. Глупый он был, потому что был темный, необразованный.

Это потом, по прошествии лет, ему станет известно, что в те скорбные дни его боевой командир сидел под пытками в подвалах ОГПУ.

Об этом он узнает позже, когда приговоренный безжалостной тройкой вначале к расстрелу, а потом, будучи помилован и

осужден к двадцати пяти годам, он встретится со своим командиром в глухом таежном лагере.

Но все это будет потом. А пока...

Наутро за ним пришли. Те же самые уполномоченные. Несмотря на первые жгучие морозы, не снявшие своих кожаных тужурок, словно, сняв их, боялись они потерять свой статус. Пришли и арестовали. Как врага Советской власти!

Ну, уж нет! Будто содрал с себя пелену непроглядности Каратас. Не бывать этому!

Двумя ударами могучих кулаков сбил с ног наглецов, свалил и растоптал, словно обезумевший атан, одного, другого. Обезоружил обоих, отняв винтовки и наганы. Затем, связав как баранов, бросил их в сани и вывез в центр аула.

Хотел расстрелять на виду у всех обиженных аульчан, однако увидел в глазах земляков темный страх. Молча вывалил их лежать кулями в снег, оседлал отнятого у них коня и ускакал прочь, швырнув из-под копыт пригоршни холодного снега в испуганные лица.

Смутные это были времена!

По всей округе людей пачками забирали и ссылали в лагерь. Иногда целыми семьями. Только теперь стал понимать Каратас, что конфискация скота и ссылка его семьи – не самое страшное. Репрессии, словно огромные катки, катились, подминая под себя бесчисленные судьбы.

Тройки ОГПУ безжалостно приговаривали к расстрелу, и тут же приводили в исполнение.

Больше года скитался Каратас, прячась в труднодоступных лесах. Порой, охотясь, забредал в горы соседей-киргизов. В осторожных разговорах с охотниками и табунщиками-киргизами он выведал, что у них происходит то же самое. Сутками джигит не слезал с коня, добывая себе пропитание охотой на диких животных, замерзал в круговертных горных буранах, когда вокруг ни зги не было видно, рискуя свалиться в пропасть вместе с верным конем.

Уходил от погони вышедших на его след верховых милиционеров, вплавь переплывая на коне ледяную, стусившуюся как кисель воду горной реки Каратал.

В те годы в Казахстане раз за разом вспыхивали волнения, которые жестоко подавлялись красноармейцами. Впоследствии Каратас узнает от грамотных людей, что более трехсот восста-

ний было расстреляно и растерзано властью, за которую он воевал. Народ, спасаясь от красного гнета, грузил темными ночами немудреный скарб на спины худых мосластых кляч и малоизвестными горными тропами пробирался за кордон, навсегда покидая родину.

Плач стоял над казахской землей!

Окаменевшие сердца людей, вынужденных бежать, покидая земли предков, политую кровью в битвах с джунгарами, наполнились скорбью. Окрестные вековые горы огласились проклятиями в адрес «красных манкуртов». Люди уходили в горьком безмолвии. Храпя и оглашая горы предсмертным ржанием, срывались в пропасть кони, унося за собой в вечную могилу горемычных седоков. Тропы извилисто тянулись все выше, вкручиваясь в облака, неся на себе карабкавшихся в отчаянии людей, оставляя за собой умерших, разбившихся.

Темной ночью Каратас увел за собой свой аул. Не все пошли за ним, остались немощные старики и старухи, отдав свое «бата»-благословение молодым.

Долог и труден был тот путь. Даже теперь он, прикрыв глаза нависшими веками, словно бесконечную ленту черно-белого немого кино, видел тот тягостный путь.

По узкой тропе, которую в народе называли «касқыр-жол», что означало «волчья тропа», поднимались люди. Спотыкаясь, прядали ушами обезумевшие от высоты кони, дико ворочая умными глазищами.

Впереди во главе с Каратасом шли пятеро молодых, вооруженных джигитов. Легкие облачка, словно выпавший снег, лежали где-то внизу, укрыв от взгляда глубокие ущелья и расщелины.

Изнемогая и задыхаясь от усталости, смахивая льющийся струйками по измученным лицам солоноватый пот, люди время от времени оглядывались назад. Туда, где оставалась родная земля, которую уже не было видно. Она растворилась где-то внизу. Между ними, затапливая уже пройденный путь, стелился густой, словно сметана, холодный туман.

Люди шли и плакали.

Каратас шагал угрюмый, поскрипывая зубами, в груди была звенящая пустота, тягучая. Такую же пустоту он будет испытывать позже, в лагере, и, сравнивая ее со звуками, исходящими от удара куском железа о стылую металлическую рельсу, оглашавшую лагерьный подъем, будет поражаться схожести.

Китай!

Издревле кочевой народ – казахи ждали из-за этих гор беды. Из-за этих гор, подталкиваемые грозными шуршутскими копьями Поднебесной империи, на казахов обрушивались проклятые джунгары, извечные враги. Разруху и гибель несли они на землю кочевников. Куда же теперь направляется горстка отчаявшихся людей? В огнедышащую пасть дракона?

Тяжелые мысли больнее, чем разряженный горный воздух, разрывали грудь Каратасу.

На ту сторону они перешли. Но разве можно найти обетованную землю на чужбине, бросив свою? Чужое небо над головой, а здесь оно было черное, хоть везде оно единое. Чужие горы перед взором – какие-то вылинявшие, хотя это те же горы, только лишь другая сторона их. Чужая земля – обманчиво рыжая, но и она, если приглядеться, почти такая же, как и на родине.

Но нет! Сердце джигита разрывалось от тоски. Не мог он обрести себя в изгнании. Многоголосая речь на базарах напоминала ему сорочиный галдеж в перепуганном сумрачном лесу. Будто маленькая дождевая капелька, упав, растворилась в мутном ливневом потоке, – так терялись казахи в этом огромном народе.

Словно душеприказчице, Каратас доверял старой домбре, привезенной с собой с родины, свои самые заветные песни. Черными ночами, в одиночестве он пел их, словно подвывал, устремив потухший безжизненный взгляд сквозь шанырак ветхой дырявой юрты в беззвездное, будто вымазанное дегтем небо. Старая высушенная домбра хорошо понимала его, отзывалась нежнейшими переборами, рассказывая о том, какой дивный белопенный ковыль на родине, то вскрикивала летящим журавлиным клином, с тоской покидающим живописные земли Жетысу, то горестно плакала песню-«жоктау», поющую о смерти:

Горе! О горе, казахи!

Земля раскисла от наших слез!

Куда мы бредем, покидая отчизну?

Где, в каких краях, наши белые кости омочит дождь?

– О, всемогущий Аллах, что же со мной произошло, что я, красный конник, орденоносец, очутился здесь? – Каратас негодовал.

Стоило ему прикрыть на мгновение веки, как перед глазами всплывала сторбленная от свалившегося горя спина отца, слезы,

застывшие на глазах убеленной сединой матери, ничего не понимающая в происходящем племянница, дочка умершей от болезни сестры.

Гнев перехватывал горло, мешая дышать, ярость медленно, точно кок-чай, закипающий на слабом огне, поднималась внутри, заполняя всего его. Решение пришло не сразу, долго колебался Каратас, прежде чем принять его. А решил он вновь пересечь границу и пробраться в родные места, чтобы узнать какие-нибудь новости о судьбе родителей.

Дорога к родному порогу всегда короче. Звездной июньской ночью, обмотав копыта похрапывающего коня кусками старой кошмы, чтобы не цокали, прокрался в аул. Словно вор, опасющийся встречи с людьми, пробираясь задворками достиг он двора своего родственника. Но встреча эта не принесла им радости. Перепутанный вначале ночным стуком, а затем еще больше невесть откуда взявшимся джигитом, родственник даже забыл пригласить его в дом, напоить горячим чаем.

Тряся руками, словно отмахиваясь от шайтана, он с горем пополам рассказал о том, что от его стариков не было никаких известий, а самого Каратаса объявили «врагом народа». Еще удалось узнать, что его разыскивают люди из ОГПУ, несколько раз они заезжали в их аул.

– Ну что ж, я теперь должен как шакал прятаться, но в руки им все равно не дамся! – скрипнул зубами в темноте Каратас, а родственнику притушено сказал:

– О моем приходе сюда забудь! Для своего же блага! – и, не прощаясь, взлетел в седло, еще через минуту растворившись в ночи.

Словно перекасти-поле, сорванное с места налетевшим безжалостным ветром, бросало одинокого всадника от аула к аулу, от уезда к уезду. И отовсюду ему приходилось уходить вскачь, поручив свою судьбу быстрому, Серому в яблоках, коню. Так, гонимый будто волк, уходя от обложивших его охотников, очутился он под стенами древней Бухары.

Сюда, спасаясь от красной чумы, как зайцы на спасительный островок во время разлива, стекались разномастные недобитые белогвардейцы, растерявшие своих джигитов в стычках с красноармейцами курбаши, фанатики-муллы – под зеленое знамя эмира.

Каратас боялся, что здесь узнают о его прошлом, но, к счастью, все обошлось. Его зачислили в мусульманскую сотню, а вскоре назначили «он-баши» – десятником.

Служба была беззаботной и сытой. Постепенно Каратас осмотрелся и теперь его все чаще стал мучить вопрос, на который он не мог найти ответ. Как он, красный кавалерист, сражавшийся с беляками, вдруг есть из одного котелка с бывшими врагами? Все в его голове перепуталось, он и здесь чувствовал себя изгоем, все чаще лоя на себе настороженные взгляды односотенцев. Что могло бы случиться дальше, быть может, бежал бы он темной ночью, но только случай, произошедший с ним, заставил его забыть на время красных, белых, зеленых и остаться на службе эмира.

Глубокой ночью Каратас со своим десятком, находясь в карауле, проезжал по маршруту, объезжая патрулируемый ими участок старого города. Он-баши ехал впереди, остальные, сгрудившись в кучки по два-три человека, трусили за ним. Вдруг откуда-то из узкого переуллка раздался душераздирающий женский крик, молящий о помощи.

Десятник, не раздумывая, рванул уздечку, с места подняв Серого в яблоках на дыбы, бросая его в сторону крика, на узкую темную улочку с высокими глинобитными заборами – дувалами по обе стороны. Он слышал, как за спиной торопясь, чтобы не отстать от своего командира, подхлестывают коней его люди. Улочка оказалось длинной и извилистой, оттуда из глубины вновь, раздирая темно-фиолетовую темноту ночи, вылетел крик. Он-баши имел приказ сотника в ночном охранении пресекать случаи мародерства, краж, арестовывать паникеров, сеющих смуту среди горожан по мере приближения красных отрядов к священной Бухаре. Дувал, у которого Каратас осадил Серого в яблоках, был освещен отблесками пламени занявшихся пожаром дворовых построек.

В ярких сполохах огня пред ним предстала омерзительная картина.

Посредине двора в луже черной крови, раскинув руки, лежал труп старика. Полуотрубленная голова с перепачканной кровью седой бородой была противоестественно вывернута в сторону от тела.

Двое перепоясанных крест-накрест пулеметными лентами пьяных джигита, покачиваясь на нетвердых ногах, тащили

из дома какой-то скarb и грузили на стоявшую посреди двора двухколесную арбу, на которой лежал большой черный, прокопченный казан, груда старых одеял, медная посуда. А из-под этой дряхлой арбы доносились из полупридушенного женского горла хрипящие крики. Сквозь казавшуюся охваченной огнем поднятой в яростной схватке пыли, виднелись змеино переплетенные чьи-то тела. Это все, что успел увидеть за одно короткое мгновение Каратас.

– Аруах! – вырвался из мощной грудной клетки он-баши гор-танный, древний кочевничий боевой уран, от которого приседали на задние ноги кони.

Оба басмача от неожиданности выронили из рук большой, украшенный узорами деревянный сундук, который они усердно тащили к арбе, переступая через труп зарубленного старика. Вскинув головы, они увидели возвышавшуюся над дувалом фигуру всадника и мгновенно обнажили кривые сабли.

Вырвав стальной клинок из ножен, он-баши без раздумий вонзил шпоры, и не жалея скакуна, послал его через полуобрушившийся дувал, одним махом оказавшись в освещенном пожаром дворе.

Каратас закружился, как взбешенный шайтан, сверкая полостальной стали. Отбив длинный выпад жирного, бородатого басмача, он стремительно ударил шашкой плашмя по голове врага. Басмач рухнул как подкошенный, выронив из руки саблю.

Во двор уже влетали сарбазы из его десятка, окружая второго басмача, давя его лошадьми, как из-под арбы громыхнули выстрелы. Пуля тоненько взвизгнула чуть выше уха, сорвав с головы он-баши старую чалму, другая обожгла шею. Но в это самое время уже кто-то из его сарбазов метнул волосяной аркан, вырвав стрелявшего в него.

Пере Каратасом поставили на ноги стиснутого в локтях арканом молодого джигита, с трудом державшегося на ногах. Под черной барашковой папачой было смуглое лицо, обрамленное отрастающей бородкой.

Каратас приказал двум сарбазам отвести задержанных под конвоем к жуз-баши, сорвав с них оружие и отняв коней. У большого, изготовленного из тутового дерева колеса арбы, забившись, как ящерица, подобрал под себя ноги, сидела истерзанная молодая девушка, прикрывая в страхе обеими руками свое изорванное на груди платье. В отблесках полыхающего пламе-

ни, падающего на ее молодое, красивое лицо, большие, словно маслины, черные глаза были наполнены страхом и отчаянием.

Каратас дал команду потушить занимающийся пожар.

– Поторапливайтесь, джигиты, – попросил он.

Но стоило ему сделать полшага в ее сторону, как девушка еще плотнее вжалась спиной в спицы колеса, поджав ноги под себя, а глаза вспыхнули нескрываемой ненавистью.

Тогда он-баши отвернувшись, поднял с земли тюк и развернул его. Тюк оказался кошмой. Он расстелил ее на земле и, подождав одного из своих джигитов на помощь, подняли и перенесли тело убитого, устраивая его на кошму. Вынув из кармана большой белый платок, накрыл им лицо старика.

Было уже далеко за полночь, когда джигитам удалось потушить пламя, во дворе воняло пожарищем, в воздухе летала хлопьями сажа. Он-баши уже сидя в седле зычным голосом отдал команду и джигиты, бряцая оружием, сели на похрапывающих от нетерпения коней и покинули двор. Каратас знал, что как только они уедут, осторожно убедившись в этом, выскользнут из своих домов соседи. Они похоронят старика и утешат чуть не ставшую жертвой насилия молодую девушку.

«Негодяи!» – подумал он, вспомнив трех пьяных мародеров.

Лошадь под ним мягко трусила, а сам он, покачиваясь в седле, никак не мог стряхнуть с себя возникшее словно наваждение: взгляд огромных черных глаз настороженной прекрасной серпы.

Время жизни! Слово поток, бегущий с заснеженных гор, сгустившийся, тягучий!

А коварная и подлая человеческая память периодически окунает его в эту студеную струящуюся воду ушедшего безвозвратно времени.

Мудрый старец-провидец, Каратас целыми днями просиживал на стволе полусгнившего карагача, в тени другого, еще крепкого, раскидистого, дающего тень и прохладу, и чертил сучковатой палкой на земле одному только ему ведомые замысловатые иероглифы.

Односельчан разбирало любопытство от желания подсмотреть, что же вычерчивает провидец? Однако он все стирал с земли при приближении кого бы то ни было. И никто, ни один, будь то мужчина или женщина, не знал, о чем так напряженно думает он в это время.

*Величественный степной балбал-провидец не думал.
Он вспоминал...*

* * *

Присев на корточки отдышаться под вековой сосной, Каратас наблюдал как множество «зэка» в черных лагерных бушлатах, сгорбившись, передвигаются по белому девственному снегу тайги, напоминая жуков-короедов. Сколько же лесу он повалил, бывший красный конник, сарбаз эмира, затем одинокий бродяга, подхваченный и закруженный оторванный лист в водовороте жизни...

Тогда, в те смутные дни, выпросив у жуз-баши несколько часов, Каратас сумел отыскать ту узенькую, каких сотни похожих друг на друга, улочку и навестить несчастную девушку, чей образ теперь неотступно преследовал его повсюду.

Спрыгнув с коня, прошагав через двор, он вошел в заскрипевшую противно дверь. В сумрачной комнате в лучах дневного света струившихся сквозь подслеповатые оконца он-баши разглядел застывшую, словно камень, выгнувшуюся как стрела, стройную женскую фигуру с кумганом в руках.

Каратас негромко поздоровался, назвал свое имя, объяснил цель приезда и выразил соболезнование. Девушка еще некоторое время стояла не двигаясь, разглядывая своего спасителя, а когда наконец узнала, сорвалась с места неуловимым движением легконогой лани.

– Прошу вас, проходите. Присаживайтесь сюда, – ее голос был тихий, ласковый, в котором, преломляясь, сквозили нотки невыплаканной грусти. Она подстелила поверх кошмы длинное, сшитое из разноцветных лоскутов одеяло, подала подушку под локоть. Поставила перед ним низенький мусульманский столик и тут же поспешила раздувать уголь в самоваре. Каратас, сидя, молча наблюдал за скользящей бесшумно по дому юной красавицей.

Только восточные женщины могут так передвигаться, выдавая в движениях одновременно застенчивость и покорность, уважение и немой зов. Он-баши спросил ее имя.

– Юлдуз, – шепотом ответила юная пери. Она ставила на стол свежие, недавно испеченные в тандире пресные лепешки, желтое коровье масло в пиалушке, какие-то сладости.

– А меня зовут Каратас, – назвалса он ей, – я служу в войсках эмира он-баши.

Он стал рассказывать о том, что сам он в этих краях недавно, и в ту ночь он примчался сюда, услышав крики о помощи. К тому времени Юлдуз уже разлила по пиалам дразнящий, свежесваренный, горячий кок-чай. С печалью в подрагивающем, желая сорваться на плач голосе, рассказывала она о себе, об умершей рано матери. О тех роковых событиях, когда пьяные сарбазы у нее на глазах зарубили старого отца, известного в округе гончарных дел мастера. Каратас понемногу отхлебывал из пиалы и не отрываясь глядел в ее красивые глаза, полные печали.

По ее смуглому лицу с удивительно ровной, гладкой кожей пробегали тени смущения, оттого что она сидит без паранджи перед незнакомым мужчиной.

Тонкие, изогнутые, словно крылья птицы в полете, красивые брови едва заметно сращивались у переносицы изящного носика, губы цвета перспелой вишни, которые она чуть покусывала от волнения, казалось, вот-вот лопнут и из них брызнет молодая, горячая кровь. Он-баши пытался отвлечь ее от горьких дум, рассказывая что-то на его взгляд интересное, веселое. Она в ответ благодарно улыбалась и тогда на ее щеках, словно звездочки, вспыхивали две маленькие ямочки, которые украшали и без того прекрасное лицо.

Пробыв ровно столько, сколько можно по мусульманским обычаям в доме, где нет мужчины, он-баши вежливо поблагодарил хозяйку и покинул двор.

Именно этот, с полуразрушенным дувалом и огромным старым с растрескавшейся толстой корой орехом, двор он и будет по крупницам восстанавливать в памяти, под хруст снега, скрипящего под сотнями ног еле тащившихся под дулами винтовок зэка. Визгливый, хрипящий от злобы лай лагерных псов не сможет заглушить стоявший в ушах уже много лет звонкий, рассыпчатый смех его любимой Юлдуз.

Юлдуз, Юлдуз! Звездочка!

Из-за сопки доносился звук ударов колотушки о стылый рельс, это значило, что зона уже рядом. В бараке топят буржуйки, там можно будет погрызть сухарей, а затем, запив водой из растопленного снега, вперемежку с еловыми хвоинками, упасть на жесткую деревянную нару и, прикрыв глаза, отдаться своим самым сладким воспоминаниям.

После того первого памятного посещения он-баши теперь при любой возможности стал приезжать у Юлдуз. Несмотря на ее протесты, он, убедив ее принять, оставлял ей немного денег, привозил с собой еду и сладости. Он заметил, что дивная пери тянется к нему, и каждый его приезд становится радостью для нее. Вскоре он мог прикасаться к ней, взяв в свои руки ее маленькие ладони, любоваться ими. Дело молодое, и два вспыхнувших любовью сердца не устояли перед натиском желания обладать друг другом.

То была сказочная ночь! Маленькая яркая звездочка Юлдуз отдалась во власть эмировскому он-баши, своему спасителю. Обезумевший от счастья, он целовал ее полные сока вишневые губы, говорил те слова, которые дотоле никогда никому не произносил, носил и кружил ее на руках в полутемной комнате так, что многочисленные тоненькие косички ее распахнутым веером кружились вместе с ней. В счастливом безумии они упали на тонкие курпачи и здесь же, на глиняном полу принялись срывать друг с друга мешающие им одежды.

Звонкий смех рассыпался по комнате, от ее обнаженного тела исходил запах мускуса, а само оно было прекрасно в слабом отблеске керосиновой лампы с прокоптившимся стеклом. Крупные сформировавшиеся груди с острыми сосочками напоминали зрелые гранаты. Тоненькая, хрупкая талия перетекала в широкие бедра с сильными, длинными ногами.

Словно дивная древнегреческая амфора предстала она перед ним и от этого тогда он, он-баши, ошалел еще больше, не веря в то, что это сокровище может теперь принадлежать ему.

И он взял ее, словно изголодавшийся зверь, урча от наслаждения и сладости нетронутого до него никем божественного тела.

Вновь и вновь они упивались взаимными ласками, называя друг друга в ночном полубреду сладкими, как щербет, словами.

Юная возлюбленная оказалась не только дивной пери, в миндалевидных глубинах глаз которой тонул теперь молодой сарбаз. Она оказалась неутомимой и пылкой на любовь, жар ее тела-амфоры, казалось, сжигал его, а ее руки – ветви чинары, обвивая, ласкали всего. Затем уставшие, но счастливые, они лежали притихшие, она лежала у него на груди, и он свободной рукой гладил бархат ее кожи, лишь было слышно, как в тишине ночи во дворе всхрапывал его Серый в яблоках, ударяя копытами о землю.

Он уехал тогда лишь чуть только забрезжил рассвет за окном и тонкая сереющая полоска зачинающегося дня, будто лезвие кинжала прорезало небосвод. Словно вор тихонько выскользнул он во двор, поцеловав у дверей свою сладкую пери, отвязал недоуздок скакуна, не сядя в седло, тихонько вывел в поводу со двора своего нетерпеливого друга.

С этого дня для него все вокруг стало выглядеть в другом свете. Где-то в глубине души загорелась словно лучина, надежда на счастье и оттого становилось ее более тревожно.

После всего того, что произошло с ним в жизни, когда его родителей: престарелого отца и недомогающую мать увезли куда-то работники ОГПУ, затем пришли чтобы арестовать его самого, бывшего красного конника. После всех его мытарств и страданий в чужой разноликой и разноразличной стране шуршут, свинцово-студеной реки Каратал, в водах которой он бы утонул, не спаси его верный Серый в яблоках. После всего этого обрести счастье, стать обладателем бесценного клада, тут уж точно есть место для вселения в душу страха.

Используя доброе отношение жуз-баши, Каратас при каждой возможности скакал в район старого города, чтобы проводить свою возлюбленную. Время их встреч пролетало стремительно быстро, ведь для влюбленных всегда не хватает драгоценных минут и часов.

И однажды, в одну из таких встреч, Юлдуз краснея и пряча лицо, сгорая от стыда и волнения, произнесла еле слышным шепотом признание, от которого у неустрашимого сарбаза дрогнуло сердце и перехватило дыхание.

– Батыр-ага, – прошептала она, обращаясь к нему, – у меня... у меня.. у нас, кажется, будет ребенок, – произнесла она и застыла, словно изваяние, испугавшись собственной смелости.

Это потом, в прокопченной дымом огня пещере, где они будут скрываться, прячась от людей, его любимая признается ему, что в тот миг испугалась, что он бросит ее. Каково же было услышать ту новость воину-сарбазу, упоительно купавшемуся в собственном счастье?

А тогда...

Он, растерявшийся оттого, что мог ослышаться, несмело взял ее маленькую ладонь в свои руки и тихо переспросил:

– Ты только что сказала, что у нас будет ребенок? Я не ослышался?

– Да! – полувыдохнула она, одновременно опустив завесу длинных, загнутых кверху опахал ресниц и едва кивнув головой.

Долго молчал тогда он-баши, еле заметно шевеля пальцами, поглаживая машинально ее ладонь. Мысли вихрем пронеслись в его взбудораженном, словно пчелиный улей, мозгу. Он знал, что красные полки все ближе подступают к владениям эмира, недалек тот час, когда они захлопнут ловушку, окружив священный город.

А что должен будет делать он? Бывший красный кавалерист, имеющий награду от советской власти. Неужели он станет стрелять в своих товарищей, рубиться с ними в сумасшедшей кавалеристской атаке? Что будет с его дивной маленькой пери, с его будущим плоть от плоти ребенком?

Он-баши уже тогда понимал, что не устоит разношерстная армия эмира, несмотря на то, что ее обучают заокеанские английские и пакистанские советники, перед катящейся, словно лавина с гор, Красной армией. Не устоит, потому что он знал, какова неустрашимая ярость голодных оборванных мужиков, голытьбы, вставших под знамя и провозгласивших лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Перепуганная и притихшая от его молчания Юлдуз сидела, не смея вытянуть руку из его нервно подрагивающих сильных пальцев. А когда он, наконец, обнял ее, прижав к своей груди, и прошептал на ухо: «Любимая, я счастлив!», – она неожиданно для себя расплакалась, видимо, его тревожное состояние передалось и ей. Как только мог, он утешил свою маленькую пери, убедив ее в том, что все хорошо и нет повода проливать напрасно горькие слезы, потому что он безмерно любит ее и никогда не оставит без своей мужской защиты.

Словно сыпучий песок в песчаных часах, перетекая день в ночь, а ночь в день, бежало время. Он-баши все труднее было находить короткие минуты для того, чтобы вырваться из расположения сотни и проведать любимую.

По мере приближения красных, сарбазы эмира стали злей и подозрительней, неотступный страх, преследовавший их, одних поверг в пьянство, других – в дезертирство, превратившееся впоследствии в массовое. Был издан приказ эмира: в ночное время никого не впускать и не выпускать из города.

Он все еще, по глупости, разделял для себя красную армию, в которой он воевал, проливая кровь, – отдельно, а власть – со-

ветскую власть, этих новоявленных чиновников, одетых в черные кожаные тужурки, – отдельно. Армия для него была родная, и стрелять в нее он бы не смог, несмотря на принесенные ему этой властью обиды.

Каратас мучительно искал выход из создавшегося положения. И в один из дней ему показалось, что он нашел решение. Теперь только не медлить, беременность Юлдуз была уже на пятом месяце, уже скоро ей нельзя будет ехать верхом на коне, надо бежать, и бежать сейчас.

Осторожно, стараясь не волновать ее, он посвятил в подробности своего плана возлюбленную. Он-баши боялся услышать отказ. Зачем и от кого бежать юной девушке, дочери убитого сарбазами эмира гончара? Для нее приход красных в их город должен был вселять радость избавления от ненавистных, вечно пьяных, наглых и жадных беспредельных, безжалостных басмачей. Ведь те, кто должен был прийти, они такие же, как и она – бедные и неимущие, идущие дать равенство, братство и свободу всем угнетенным, обиженным, страждущим. Но разве может любящее женское сердце хоть на миг оторваться от своего возлюбленного, несмотря на то, что он белый, красный, зеленый! Разве могла бы будущая мать, пять месяцев носившая к тому времени будущего их ребенка, оторваться от своего любимого мужчины, гонимого, чужого среди чужих и своих. Разве не должна была она, сжав его руку в запястье, прошептать ту единственную фразу, которую он потом будет с благодарностью вспоминать всю свою тернистую жизнь?

– Я с Вами, батыр-ага, хоть на край света, не бросайте меня, – и чуть замерев от смущения, – Я люблю Вас, рожу для Вас настоящего джигита!

Он тогда порывисто обнял свою маленькую пери, одним движением вскинув на руки и кружа ее по комнате. Затем поставил на ноги смущенную, алый румянец явственно проступал, заливая ее смуглые щеки.

Уезжал он-баши удовлетворенный тем, что раскрыл возлюбленной свою тайну, но больше всего его поразила неудержная готовность маленькой хатун следовать за ним.

Теперь нельзя было оттягивать задуманное им. Необходимо было хитростью вызнать у жуз-баши ежесуточно меняющийся пароль, для того чтобы подобраться вплотную к Западным воротам. Не прошло и недели, такой случай подвернулся ему.

Жуз-баши, крепко выпивший в тот вечер, разошелся настолько, что ему все было нипочем. И вот, как-то ближе к полночи, он вызвал к себе исполнительного и верного, как ему казалось, десятника, и приказал тому раздобыть вина.

Каратас давно уже ждал подходящего случая, а тут вот он, случай сам пришел к нему с приказом сотника. Он-баши глубоко согнулся в пояском поклоне, выражая свою почтительность постоянно хмельному в последнее время начальнику.

– Слушаю, таксыр, и повинуюсь! Но скажите мне пароль, на случай, если напорюсь на ночной патруль...

– Пароль, говоришь? Пароль! А пароль на сегодня таков – «Слава джихаду!». Уразумел? – пророкотал грозный сотник.

– Слава джихаду! – повторил он-баши, пятясь задом, все так же, не разгибая спины, исчезая в стувившейся ночи.

У лихого джигита все его имущество при себе, на случай похода. В седельных сумках припасено необходимое: соль, кресало, чтобы высечь искру, пара шаровар и нижних рубаш, патроны. Он скакал теперь во весь опор, оглашая тесные улочки старого города эхом бешеного галопа, ориентируясь в темноте в хорошо знакомых глинобитных лабиринтах.

Сборы Юлдуз были короткими. Всего не увезти, а самое необходимое она давно уже приготовила и уложила в хуржины. Вот только как решиться покинуть отцовский кров? На кого его оставить?

Хатун уже сидела в седле, укрыв лицо паранджой и обхватив крепко двумя руками любимого мужчину, из-за которого решилась на этот безумный и рискованный побег.

Он-баши коротко прочитал знакомую ему суру из корана, призывая Всевышнего дать им свое покровительство, затем, со словами: «Аминь», провел сложенными вместе ладонями по лицу.

– В путь! – коротко бросил он, не то себе, не то хатун, прильнувшей к нему сзади, а, может, Серому в яблоках мощному скакуну, на которого возложил теперь отчаянный сарбаз две судьбы.

Ехали долго, временами останавливаясь и прислушиваясь к ночным улицам. Серый в яблоках нетерпеливо похрапывал, по его крупному телу пробегала нервная дрожь, он притоптывал попеременно передними ногами, переступая ими с места на место.

Вот, наконец, кривая узкая улочка закончилась, вывела их на крохотную площадь. За ней чернеющие в сполохах огня чадящих факелов большие старинные ворота, называемые «Западными». Отсюда уходили караваны в далекие Кызылкумы, а дальше простиралась безжизненная Бетпак-дала, и лишь за ней лежали благодатные степи.

Это был трудный, очень трудный маршрут, тем более он непреодолим для его находящейся в положении слабой хатун. Каратас решил запутать следы, направляясь поначалу в сторону Кызылкумов. Он знал, что если будет погоня, то сарбазы не рискнут втянуться далеко в эти смертельно опасные знойные пески, решив, что беглецы сами умрут от жары и жажды, или от укусов бесчисленных кишмя кишящих ядовитых тварей. Путь он-баши будет лежать в горы.

Спешившись с коня, Каратас долго наблюдал за часовыми у ворот, его же самого в темноте стоявшим на страже было не заметить. Сарбазы были навеселе, об этом он-баши догадался, разглядев, как один из них все чаще прикладывался к торсуку, видимо, наполненному вином, а затем громко крикнул, подзывая напарника на мягком каракалпакском языке.

– Эй, Хаджед! Иди сюда, приложись к этой священной посудине. Выпей и ты почувствуешь, что даже эта темная ночь прекрасней, чем кажется.

Он-баши засек, что оседланные кони часовых прядают ушами, привязанные невдалеке от ворот.

– Пора! – прошептал тихонько себе в бороду Каратас, и, дав знак хатун, чтобы крепче держалась, несильно ударил пятками Серого в яблоках в бока. Лошадь, негромко цокая подкованными копытами, неспешно приближалась к сарбазам.

– Стой! Пароль! – раздался угрожающий выкрик каракалпака.

– Слава джихаду! – громко ответил он-баши, и искусственно рассмеявшись, начал витиеватую речь.

– Везу вам юную красотку, если в карманах ваших халатов найдется несколько динаров, я охотно уступаю ее храбрым эмира, охраняющим ночной покой священного города.

Возбужденные, скучающие джигиты охотно подошли к торговцу молоденькими девочками, уже предвкушая заранее плотские утехы. Потерявшие осторожность часовые приблизились совсем близко.

– Пусть откроет лицо, мы должны убедиться, что ты не привез нам старуху Жалмауз, у которой нет ни одного даже гнилого зуба во рту, а из того, нужного нам места не сыплется песок!

Каракалпак хищно блеснул глазами и оглушительно громко расхохотался, довольный своей шуткой, приблизив к Юлдуз факел. Рука он-баши, лихого рубака, стремительно взмахнула в темноте дважды. Слышно было только свист рассекаемого ночного воздуха, стук тел, с шумом упавших на устланную булыжником площадь. Звук крови, булькающей из среза шеи каракалпака, напоминал льющуюся толчками из открытого бурдюка воду.

Дорого к воротам была открыта. Однако он-баши не торопился. Спрыгнув с коня, он передал поводья Серого в яблоках юной хатун. Бесшумно, скользящими шагами, стараясь не испугать чужих коней, он подкрался к ним и отвязал поводья. Подтянув подпруги седел, он подвел их к своему скакуну, чтобы кони привыкли друг к другу. Нагнувшись к зарубленному каракалпаку, он-баши снял с него винтовку, отстегнул от пояса кривую саблю. Собрав все оружие, он хорошенько приладил его в седельных сумках. Теперь надо было торопиться. Ему с большим трудом удалось снять тяжелые перекладки, вырубленные из старой чинары, удерживающие створки закрытыми, и отворить одну половину высоких старинных ворот.

Скакали галопом в полной темноте, рискуя разбиться сами и угробить коней. Надо было стремительно уходить, выбирать фору во времени. Он-баши знал, что скоро приедут менять или проверять часовых у ворот и обнаружат их тела. И тогда начнется погоня. А по следу пустят лучших следопытов, неутомимых всадников, с приказом настичь беглецов и привезти их головы в хурджине. Но опытный Каратас сам не новичок в таких делах, стремительно уходил по прямой, словно стрела, выпущенная из тугого лука.

Три дня и три ночи скакали они, останавливаясь лишь за тем, чтобы сориентироваться и дать изнемогающим коням короткую передышку. Вокруг были красные песчаные барханы, от которых кровью наливались глаза и становилось нестерпимо больно. Он-баши видел, как страдает его юная хатун, обессиленная, еле держащаяся в седле.

Наступил час, когда погоня, идущая за ними, зашла довольно далеко в пески. Теперь настало время закручивать их, дабы

сбить с толка, а потом заставить потерять вообще. Недаром говорят: у преследуемого сто дорог, а у преследующего – одна. Наконец, Каратас сменил направление и, не давая отдыха еле державшимся на ногах коням, погнал их в сторону гор. Заводная гнедая лошадь, не выдержав, пала, и сколько не пытался ее поднять в отчаянии он-баши, тянувший за повод, она не встала. Косила на него взглядом, как бы укоряя за то, что он загнал ее насмерть. Затем в последней попытке подняться засучила ногами, задирая длинную шею, обнажая крупные зубы, и, вытянувшись во весь рост, сдохла.

Они ушли от погони. Счастливая звезда сопровождала им в те дни, теперь Каратас, убедившись, что сарбазы эмира потеряли их, дал отдохнуть вконец измотанной хатун. Уложив ее на потных конских пополах, напоил коней. Серый в яблоках выглядел лучше, чем вороная, хотя и он напоминал теперь клячу с выпирающими полукружьями ребер и костлявым крупом.

– Ничего, справишься, – подумал он-баши, засыпая в обнимку с винтовкой рядом со своей прекрасной пери, измученной, и оттого, казалось, ставшей еще меньше.

Дальше им придется пробираться только ночами, словно хищным зверям, днем можно было напороться на конные разъезды красных.

На следующий день, ближе к вечеру, он накормил свою возлюбленную горячей похлебкой, приготовленной, рискуя быть замеченными, на костре. Юлдуз, проспавшая почти сутки, теперь выглядела немного бодрее. Отдохнувшая, поев, она повеселела, чем приподняла настроение и Каратасу.

Оседлав напоенных коней, сарбаз поднял на руки похудевшую за эти дни хатун и усадил в седло.

Ехали ночами напролет, останавливаясь с рассветом в укромных местах, используя складки местности – низины и овраги. Молодой отчаянный джигит бережно ухаживал за своей подругой, которую он вверг в столь тягостное путешествие. Он кормил ее сушеным мясом, готовил для нее жидкую похлебку и крошил в нее сухие лепешки, а затем наливал приготовленный на костре горячий чай, и наполовину наполнив пиалу, протягивал ей. Каратас безумно полюбил эту хрупкую юную женщину, которую однажды он спас от бесчестья, ставшую ему женой, возлюбленной, спутницей, будущей матерью их ребенка. Ни разу не отчаялась она за время бегства. Ни разу не пожаловалась на

страх или усталость, мужественно перенося дорожные тяготы. Выросшая в городе, хатун не переставала удивляться способности возлюбленного вести их маленький караван по одному ему известным приметам в обступавшей их густой темени.

Каратас упорно шел в направлении гор, больше двух недель прошло с того дня, как они выбрали этот курс. Вброд переправились через несколько не очень глубоких, равнинных речек, с каждым шагом все ближе приближаясь к цели, удаляясь от опасных мест. И вот однажды на исходе ночи, в сереющей предрассветной дымке наступающего утра на горизонте расплывчато, словно изъеденные зубы старой кобылы, показались изломанные гребни.

Это были отроги родного Алатау. Каратас и Юлдуз оба облегченно вздохнули. Сидя верхом в седлах, они любовались красотой природы, словно залитой расплавленным золотом поднимающегося из-за гор солнца.

Достигнув предгорья, они сделали привал и как следует подкрепились. Расседланные кони, напившись вволю воды из журчавшего неподалеку ручья, мирно паслись, аппетитно похрустывая сочной травой, в изобилии растущей на склонах. Каратас и Юлдуз лежали в обнимку, устремив взгляды в высокое синее небо, по которому белыми барашками, кучерявясь, плыли неведомо куда легкие облака. Вокруг стояла тишина, лишь легенький ветерок чуть заметно колыхал густые стебли в изголовье путников. Было прекрасно, все вокруг дышало спокойствием.

Дальше их путь пролегал среди этих ущелий. Привыкшие к равнине лошади без конца спотыкались, прядали ушами, вздрагивая всем телом, подавали назад, когда на каменных кручах изпод копыт, срываясь вниз, дробясь, улетали в пропасть камни.

Еле заметная тропка, скользя змейкой, уходила вверх.

Батыр шел впереди, ведя за собой в поводу Серого в яблоках, в особо трудных местах подбадривая коня.

Он привез свою возлюбленную в ту самую пещеру, о которой уже рассказывал хатун, еще будучи на службе у эмира. Ее показал ему старый местный охотник «беркутчи» в ту пору, когда он одиноко скитался в горах после расправы над ОГПУ-шниками в родном ауле.

Вход не был замечен со стороны тропы. Небольшое овальное отверстие было прикрыто разросшимся вокруг кустарником горного ирбиса. Природа точно специально создала это укры-

тие для такого как он, гонимого, преследуемого, прятавшегося от людей.

Прямо за выступом скалы было довольно большое каменное плато, сплошь поросшее травой и кустарником. Тут же неподалеку еле слышно струился тонкий ручей чистой, бегущей откуда-то сверху горной, пресной воды.

Батыр снял с седла уставшую женщину, сбросил на землю хурджины и переметные сумы и, расседлав коней, отпустил их пастись.

Он завел обомлевшую от путешествия по горам Юлдуз в каменный грот. Здесь свободно могли бы при необходимости найти приют и разместиться добрый десяток человек. Грот, словно выдолбленный волшебным зубилом в чреве скалы, был просторен, с высоким каменным сводом. Он был скупо освещен сочившимися сквозь небольшое отверстие в потолке, преломляющимися словно кривые лезвия лучами дневного света. Юлдуз, задрав голову вверх, внимательно как хозяйка рассматривала потолок, стены своего нового жилища. В правом, дальнем от входа освещенном углу был заботливо выложен человеческими руками очаг из черных, прокопченных дымом камней. Может, его сложил тот самый охотник, а может кто-то другой, еще раньше. Но видно было, что очагом уже давным-давно никто не пользовался, и это отрадно успокоило влюбленных. Значит, люди здесь не бывают.

Каратасу необходимо было время для того, чтобы осмотреться, оглядеться, спуститься вниз, в окрестные аулы, разведать обстановку. Первый вопрос, который теперь мучил его: продолжают ли его разыскивать или, может, о нем уже давно позабыли, как-никак, а уже около двух лет прошло с той памятной зимы. А пока они проживут здесь. Он будет охотиться, добывая пищу своей чудной хатун, благо в этих горах водилось много еликов, зайцев, горных круторогих архаров. Вот так день за днем стали обживать это давнее ему уже однажды, а теперь вместе с любимой женщиной, прибежище.

Старый, мудрый Каратас целыми днями просиживал на излюбленном стволе карагача, лежавшего здесь уже не один десяток лет, в тени другого, раскидистого, дающего тень и прохладу, и чертил своей сучковатой палкой на земле одному ему ведомые замысловатые знаки. Со стороны могло казаться, что он дремал, ибо его

крупная, широкая в плечах, но уже сгорбленная фигура была неподвижна, а набрякшие веки – прикрытыми.

В наброшенном на плечи, несмотря на любую погоду, чапане, он был похож на большую, отлетавшую свой век птицу-беркута, подрастерявшую в жизненных бурях свое грозное оперение. Его сохранившая следы было красоты русская жена порой трижды могла подходить к нему, чтобы позвать к чаю, не решаясь отвлечь своего грозного мужа от бесконечных дум.

С появлением их в этих местах, люди смотрели с любопытством на эту странную, невесту откуда взявшуюся пару. Таким был Каратас, человек, про которого шептались, что он в прошлом «враг народа», другие, что наоборот, он в гражданскую волевал за красных, третьи, что он был сарбазом у эмира и вообще за ним тянется темный шлейф: каких-то лагерей, где он отсидел чуть ли не двадцать лет.

Людям всегда хотелось бесшумно подойти и хотя бы издали посмотреть, что же он там вычеркивает на земле. Какие непонятные знаки и фигуры чертит этот убеленный сединой, завоевавший признание в округе как провидец. И никто, ни один, будь то мужчина или женщина, никто из аульчан не знал, о чем он думает в это время. Величественный, с крупным лицом, словно бы вырубленным из камня, обрамленный белой бородой – он ни о чем не думал.

Он вспоминал...

* * *

Да, он вспоминал. Теперь, когда его жизнь стремительно и неотвратимо приближалась к своему концу, и он уже сквозь прикрытые, набрякшие веки видел пока еще смутные очертания этого конца, он ежедневно садился на свое излюбленное место и вспоминал, словно расставлял вехи.

Нет, он не думал о бренности жизни, о ее неизбежном конце и уже тем более как-то цепляясь, словно за соломинку, стараясь продлить эту жизнь. Он совсем не боялся прихода смерти, так как рассматривал это лишь как окончание жизни. Смерть не раз и не два касалась его, обдавая запахом тленности. Это в молодости и потом, позже – он негодовал по поводу несправедливостей, неправды, трусости и подлости, обмана и лизоблюдства. Все это давно

прошло. Теперь же он лишь вспоминал. И если о чем сожалел, так это, что Аллах не дал ему больше детей.

* * *

Та пещера стала для них не просто убежищем. Она благо-склонно предоставила им свой кров, двум молодым, красивым человекам, прятавшимся от таких же человек, в горах.

Он целыми днями охотился в окрестностях, возвращался в грот с добычей. И пока он ловкими и быстрыми движениями свеживал тушу, Юлдуз успевала наносить воду, растопить очаг, установить над огнем казан. В его отсутствии забот тоже хватало. Надо было починить прохудившуюся одежду, заштопать или наложить аккуратную латку, испечь лепешки на углях из привезенной мужем муки. Собрать в окрестностях дикий лук, чеснок, листья кизила для приправ, возделывать шкуры убитых животных. Она все чаще теперь прерывала работу и присаживалась, прислушиваясь с удивлением к толчкам в ставшем вдруг большим животе. Там, в утробе все чаще заявлял о себе будущий человек, настойчиво требуя появления на белый свет.

За эти несколько месяцев Каратас не однажды побывал тайно в домах уцелевших родичей. От них он узнал, что его служба у эмира не была здесь ни для кого тайной. Неведомо, каким уж образом проводали об этом власти, но только не зря говорят в народе: «Шила в мешке не утаишь».

Отяжелевшая на ноги его хатун все чаще и чаще темными становившимися прохладными и дождливыми ночами стеснительно ложила его руку на свой разбухший непомерно живот. Оттуда, из чрева доносились явственно резкие толчки, прямо в руку батыра.

– Ножкой бьет, – смущенно шептала хатун.

– Батыр будет, видишь, как пинает, – удовлетворенно отвечал шепотом Каратас, обнимая горячо любимую им женщину.

– Когда? – спрашивал он.

– Уже скоро! Я так волнуюсь! – отвечала юная красавица, утыкаясь лицом ему в широкую грудь.

– Успокойся, любимая! Звездочка моя! Вот родишь, и я отвезу тебя в надежное место, есть у меня здесь неподалеку родственник один. Я договорюсь, чтобы ты пожила у него, а я за это время разыщу все же своего командира. Он отстоит меня, я уверен, не даст меня в обиду. Ведь на мне нет крови красных.

И так лежали они, двое любящих, в холодной горной пещере, словно звери, таясь от людей. Он, внушив ей надежду о том, что все будет хорошо, сам успокоенный, засыпал рядом с любимой, прислушиваясь к ее ровному дыханию.

Батыр действительно рассчитывал на своего близкого по отцовской линии родственника. И хотя он знал, что тот трясся от страха в каждый приезд Каратаса, боясь, что об этом узнают власти, все же надеялся, что у него он сможет укрыть хатун, после того как она родит. В последний его приезд глубокой ночью, он попросил родича приготовить для него немного муки и соли, обещая через неделю заехать. Ему же оставил подстреленного в горах крупного елика.

В тот злополучный вечер батыр заблаговременно стал готовиться в дорогу. Тщательно почистил винтовку, вычистил Серого в яблоках, проверил маузер, подточил саблю. Непонятное, смутное беспокойство, растекаясь, заполняло его и передавалось хатун. Он, чтобы успокоить ее говорил ласковые, нежные слова. Но любящая женщина сердцем чувствует беду. Вот и хатун беспокойно сновала перед ним, не находя себе места, пытаясь отговорить от этой поездки.

– Не надо уезжать, батыр ага! Я прошу Вас остаться на некоторое время. Я чувствую, что уже скоро – она положила ладонь на круглый, выпирающий живот, – пожалуйста, не уезжайте, я боюсь оставаться одна.

Каратас, стараясь успокоить ее, мечущуюся, произнес:

– Это всего лишь на один день, любимая. Я должен съездить за мукой, а заодно и решить наш главный вопрос о тебе и нашем будущем батыре! Не волнуйся! Завтра я вернусь!

* * *

Эх, знал бы он тогда! Разве поехал бы? Старый провидец встретился, расправив ссутулившуюся спину, осмотрелся по сторонам, бросая вокруг из-под нависших век острый, орлиный взгляд. Но улица была в это время суток безлюдна, народ был на работе, лишь из-за соседних домов, там, где была зеленая лужайка, доносились отчаянные детские крики – это ребяташки гонялись за мячом.

Откуда-то нарастал шум стремительно идущего поезда. Некоторое время он сидел, вслушиваясь, затем вновь впал в привычное состояние, продолжив чертить на покрытой мелкой пылью земле.

Никто, ни один, будь то мужчина или женщина, никто не знал, о чем он думает в это время. Величественный, с крупным лицом, словно вырубленным из камня, обрамленным белой бородой, он не думал.

* * *

Каратас вспоминал.

Картина прощания в тот роковой вечер воспроизводилась до мельчайших подробностей и штрихов. Он и теперь помнит, как застыли ее изломанные в тревоге красивые брови, как вздрагивали покусанные от волнения спелые, чувственные губы.

Солнце уже пряталось за зазубринами дальних вершин, когда батыр прощался с женой. Он обнял ее напоследок, шепнув на ушко что-то особенно ласковое, и вскочил в седло. Серый в яблоках заплясал под тяжестью крупного седока и, перебирая тонкими сильными ногами, тронулся к тропе.

Каратас правильно рассчитал свое время. Пару часов, а то и более ему было необходимо на дорогу к аулу. Приученный за эти годы к предельной осторожности, он рассчитывал оставить коня в укромном месте, а самому пешему прокрасться поближе к дому родственника и наблюдать за ним. Годы скитания приучили его никогда не расставаться с оружием, спать вполуха и не доверять тишине. Он знал, что тишина обманчива и таит в себе зло, что она расхолаживает человека, а потом взрывается подло, вонзая из-за угла коварный нож в спину.

Да, именно об этом он думал, лежа в ночи, укрывшись за небольшой кучей старой слежавшейся рисовой соломы, глядя в низкое, словно прижавшееся к земле небо, с огромными, величиной с пуговицу звездами. В ауле было тихо, окна, погруженные в спячку, не освещались, лишь кое-где побреживали голодные аульные псы.

У дома родственника было спокойно. В покосившейся, ветхой овчарне взблеивали изредка овцы. И все-таки подсознательное шестое чувство не давало ему подняться. Это было полужвериное смутное чутье притаившейся опасности. Доверяясь ему, он решил еще понаблюдать, беспокоясь лишь за оставленного неподалеку Серого в яблоках.

Как ни долго тянется прохладная осенняя ночь, вскоре из-за гор, белея, потянулся предрассветный туман. Медленно затепливая ущелье, он пополз в сторону долины.

И тогда он поднялся, оторвав неохотно от земли свое тело, держа в одной руке винтовку, другой придерживая путавшуюся в ногах саблю, пригнувшись, стараясь ступать бесшумно, направился к землянке. Достигнув двери и прижавшись спиной к стене, он некоторое время пытливо вслушивался.

Но не было слышно ничего подозрительного.

Тогда он негромко постучал в мутное стекло подслеповатого окошка. За окном было тихо, он постучал еще и еще раз условленным стуком. Наконец послышалось какое-то движение, он узнал приглушенный, хрипящий кашель сородича, выглядывающего в окно, и дал ему возможность разглядеть себя.

Если бы не тот серый полумрак зачинавшегося дня, батыр успел бы разглядеть расширившиеся зрачки в узеньких полосках глаз. Родич, узнав, кивнул ему головой и Каратас переместился к двери. Он слышал за стенкой кряхтенье и шаркающие по глиняному полу шаги. Наконец, напарив в темноте запоры, чьи-то руки отперли дверь, и она предательски закрипела, приглашая вовнутрь.

Батыр выждал секунду, другую, и, оглянувшись по сторонам, не заметив ничего, что могло насторожить его, успокоенный шагнул через порог.

В одно мгновение он почувствовал уперевшиеся в его тело стволы винтовок, а из глубины темноты чей-то грубый голос отдал приказ:

– Не двигаться, стреляем без предупреждения. Брось оружие и подними руки вверх!

Десятки проклятий самому себе вихрем пронесли в голове мятежного батыра. Ведь как просила его не ехать юная хатун. Ее глаза, полные немой мольбы, всплыли в оцепеневшем на доли секунды мозгу. Каратас привыкал к темноте. Его рысьи глаза уже различили стоявшего перед ним, перепоясанного кожаными ремнями человека с направленным на него наганом.

Он мгновенно присел вниз и, крутанувшись юлой, сделал стремительный кувырок через порог и перекатившись вокруг своей оси несколько раз, ушел с линии огня. А вслед ему загрохотали выстрелы и раздались встревоженные крики. Проклиная предателя-родственника, Каратас вскочил на ноги и, петляя по-заячьи, рванул в сторону, туда, где он оставил своего верного Серого в яблоках.

Вдгонку ему поднялась стрельба, переполошавшая спящий мирный аул. Пули взвизгивали тонко, по-щелячьи, где-то ря-

дом над головой. Тот же грубый голос теперь остервенело, срываясь на истошный крик, отдавал команды. Батыр несясь вперед, не разбирая дороги словно большой зверь-касқыр, уходил от засады, устроенной ему. Он был уже на полпути к Серому в яблоках, когда услышал за спиной понесшийся со стороны переположенного аула дробный, тяжелый топот многих коней.

– Не меньше десяти! – определил он в отчаянии, поддавая скорости.

Никогда он так не бежал, только потом еще раз ему доведется бежать так же, уходя от преследующих его оголтелых вохровских псов. Но это будет позже. А топот стремительно приближался, но вот и он, верный Серый в яблоках. Словно почуяв беду, увидев летящего к нему хозяина, он заржал, поднявшись на дыбы, сотрясая воздух копытами передних ног и бросился навстречу.

– Хорошо, что не отпустил ему подпругу, хоть это предусмотрено, – ругнул себя батыр, мигом оказавшись в привычном седле.

Он бросил любимца с места в галоп, упав лицом на развевающуюся шелковистую гриву коня. Вслед ему палили из винтовок, и батыр молил Всевышнего об одном, чтобы пули-дуры миновали его уносившего от беды друга. Умный конь, словно понимая опасность случившегося, выпущенной из тугого лука стрелой стался над густой травой, отрываясь понемногу от погони. Но и хорошо отдохнувшие кони преследователей хоть и отставали, но шли все настырно, будто задавшись идеей оседлавших их всадников, настигнуть.

Безумная скачка продолжалась, давно исчез из виду белевшими домиками аул. Батыр, повинаясь волчьему инстинкту, уходил, уводя погоню в сторону от логова, где ждала его, метаясь в безлюдной каменной пещере жена, будущая мать его ребенка. Так, преследуемый жаждущими его крови, восторженными погоней – уходит прочь крупным наметом одинокий волк, уводит за собой преследователей с единственной целью – обезопасить дожидавшуюся в логове подругу.

Серый в яблоках весь был взмылен, с его крупного тела кусками опадала белая пена, пропадая в поднятой им пыли.

Впереди потянулись колючие кустарники, батыр направлял коня к спасательным горам. Там он мог, скрывшись за скалами, оторваться от них и в этот раз. Он оглянулся назад, видно было,

что чекисты прилично отстали, они торопили выбившихся из сил коней.

Теперь им пульей не достать. «Пора и Серому в яблоках дать отдохнуть», – с облегчением подумал Каратас, сдерживая и переводя его на шаг.

Видно, чекисты предугадали его маршрут, нацеленный к скалистым каньонам. Батыр не сумел разглядеть, что преследователей стало меньше. Двоих, хорошо знающих местные горы, командир послал наперерез, приказав опередить бандита и устроить засаду.

Каратас неспроста уводил погоню в сторону Орлиной горы. Там, за ней, начинался знаменитый «Каскыр-жол» – Волчья тропа. Он хотел внушить чекистам мысль о том, что он пришел из-за кордона и пытается уйти туда же. Это могло обезопасить хатун, они тогда не стали бы шнырять по окрестным вершинам.

Не слезая с седла, батыр, сам испытывающий чувство голода, однако, не смея положить себе в рот хотя бы крохотный кусочек, кормил прямо из седла лепешками Серого в яблоках. Конь съедал, хрустя зубами, и благодарно всхрапывая, крепчая и набираясь сил. Едва заметная тропа терялась из-под копыт вдруг, вновь выныривая за раскидистыми кустами боярышника. Здесь, на высоте, становилось прохладно, приближалась ночь. Дальше идти было опасно, можно утробить себя и коня, сорвавшись в пропасть.

Пришлось сделать привал. Каратас напоил коня водой из кожаного бурдюка, вынул изо рта удила и пустил его пастись. Сам же, обняв винтовку, прилег за большой камень и, прикрыв глаза, погрузился в чуткий сон. Он знал, что и его гонители сейчас набираются сил, ибо ни один здравый человек не пойдет ночью в горах с конем.

Он дремал, и в то же время думал о хатун, оставшейся беспомощно одинокой в пещере. Вот-вот у нее могли начаться схватки. Что, если она родит, не дождавшись его? Лишь бы удалось оторваться от этих красных манкуртов, вцепившихся в него, словно весенние клещи. Только зачало утро, Каратас покормил Серого в яблоках оставшимися лепешками, позволив себе съесть одну. Надо было тоже подкрепиться.

Сверху он смутно различил движение в лагере чекистов и хмуро усмехнулся.

Он не хотел проливать крови и поэтому за все это время не

произвел ни одного выстрела в сторону «гэпэушников», хотя давно уже мог при его снайперской меткости сократить вдвое их количество. Подтянув подпругу и обласкав скакуна, батыр сел в седло и тронулся в путь.

Еще один день он упрямо двигался к намеченной цели. Еще одну ночь коченел от пронизывающего, колючего ветра, проклинавшая манкуртов.

На третий день он уже был близок к пику Орлиной, когда совсем неожиданно для него, вконец растерявшегося из-за лежащей перед ним скалы, словно гром среди ясного дня раздались выстрелы. Горячие осы пронеслись рядом с головой, дзенькнув, следующие были точней. Одна из них впиалась в левое плечо, мгновенно превратив руку в плеть, а следующая! Следующая ударила заржавшему Серому в яблоках прямо в голову, батыр лишь успел соскочить с него, вырвав ноги из стремян, как его любимец рухнул словно подкошенный.

Каратас лежал, укрывшись Серым в яблоках, как щитом, чувствуя, как его верный конь, вздрагивая всем телом каждый раз, одну за другой принимает в себя смертоносные свинцовые заряды. Он глядел на хозяина большими умными глазами, приподняв из последних сил красивую голову, словно в недоумении пытаясь спросить:

– Что же произошло? Разве не я унес тебя от погони, разве не я. Серый в яблоках, разорвал в бешеном галопе дистанцию между нами и преследователями так, что пули их нас уже не доставали? Разве не я третьи сутки нес тебя по нехоженным тропам, терпеливо поднимая все выше? Как же ты, хозяин. Мог допустить, недосмотреть, просчитаться, что нас здесь встретили смертельным для меня роем?

Серый в яблоках умирал. Из черного, как огромная слива глаза его, нарастая, скатилась последняя прощальная слеза. Каратас закричал утробно, а затем взвыл по-звериному, закусив в зубах до хруста деревянную рукоятку камчи. Он выл протяжно, по-волчьи, впервые за эти страдальческие годы, нарушив уставленное им же табу, одну за другой посылал пули в засевших за скалой чекистов.

Те били в ответ прицельно, не давая передышки. Каратас, чувствуя, что раненая рука деревенеет от потери крови, отложил оружие и, лежа на спине, ощупал рану. Она оказалась сквозной.

«Кажется, кость не повреждена», – успокоился батыр.

Он разодрал зубами полу стеганого халата, вырвав кусок ваты, скатал из нее два шарика, и, кривясь от боли, заткнул ими входное и выходное отверстия.

Продолжая изредка отстреливаться, он напряженно искал выход из создавшейся ситуации. Ясно было, что эти двое пытаются удержать его под огнем до прихода основной группы.

А они торопятся. Если не уйти сейчас, тогда конец. Обложат как зверя, а боеприпасов уже остается немного.

Батыр лихорадочно огляделся по сторонам. Он лежал прямо на тропе, справа нависал большой каменный выступ, слева зияла пропасть. Нужно было вырваться из этих клещей. Но он почему-то все медлил, кружилась голова и мучительно хотелось пить.

Пересчитал патроны, их оставалось всего пять. Вот и они. Он обернулся и увидел. Их уже можно было различать, так близко они были.

Из-за скалы внимательно следили за каждым его движением. Стоило ему чуть пошевелиться, как оттуда тут же прилетал горячий свинец.

Как же трудно заставить себя оторвать тело от земли, когда ты одновременно корячишься на двух мушках.

И все же он решился. Собрав волю и спружинившись, он выпрыгнул из-за давшего ему укрытие ценой жизни Серого в яблоках. Раскаленные осы полетели рядом, однако джигит уже проскочил те самые опасные несколько метров. Теперь стали стрелять другие, что подбирались снизу, видя, как он уходит.

Он карабкался по камням, забирая все правей, пока не скрылся из виду.

Каратас знал. Что они пешие буду идти за ним до тех пор, пока не возьмут его, либо пристрелят.

Сейчас они охотники, обложившие его, словно зверя и не дадут ему ни одного шанса. Ни одного!

Он понимал это, и все же упрямо лез, надеясь на чудо. Батыр знал одно, что надо бороться до самого конца. Поэтому упорно карабкался, срывая до крови ногти об острые камни, чувствуя, что теряет силы. где-то позади что-то кричали, перекликаясь друг с другом растерянные манкурты.

На его пути возникла гигантская утюгообразная скала. «Надо пытаться обмануть их, заставив пойти слева, пусть думают, что для меня важно перемахнуть через Орлиную».

Поднявшись метров десять, он сорвал с головы платок и бросил его на землю. Они обязательно увидят его, он был уверен в этом, продолжая ползти вверх почти на четвереньках. Еще выше сбросил с себя халат и тоже кинул на тропинку. Взобравшись на кручу, с большими усилиями вскарабкался на растущее рядом со скалой дерево и, сильно оттолкнувшись, прыгнул на скалу. Вот теперь надо быстро назад к острию спасительного утеса и обогнуть его справа – он бежал вниз, стремясь успеть. Падал, ехал вниз на животе, сдирая кожу, вскакивал и вновь бежал.

Замысел его удался. Погоня в азарте вот-вот достигь беглеца, купилась на его хитрость и стала огибать скалу слева. Он все еще стоял, прижавшись лопатками к скале, лицом в ту сторону, откуда могли прийти манкурты, и боялся поверить в удачу. Загнанный, он держал оружие навскидку, готовясь дорого продать свою жизнь. Крупный пот градом лился по грязному лицу и, попадая в глаза, разъедал их. Однако батыр не смахивал его, боясь шелохнуться.

Вдруг у него за спиной послышался тихий шорох и звук осыпавшихся камней. Тело Каратаса пронзило словно молнией. Он резко повернулся, готовый стрелять, и обомлел.

Прямо перед ним, метрах в семи, нервно колотя хвостом о камни, стоял могучий крупный зверь. Это был снежный барс.

Красивый, пластичный, с черными пятнами по длинному, мускулистому туловищу. Он смотрел на батыра зелеными, не мигающими глазами, и в груди его начинал рождаться тот самый рык.

Каратас знал, что после этого рыка хищник взовьется и в одном прыжке собьет его. А стрелять ему было нельзя. Он был лишен этого шанса. Выстрел услышат манкурты, и тогда ему уже не уйти от них. Он должен убить эту, ставшую поперек дороги могучую кошку, только ножом.

Батыр смотрел барсу прямо в глаза не отводя взгляд, осторожно опустил винтовку на землю и вынул из ножен обоюдоострый кривой канжар.

– Давай мы разойдемся миром, зверь, – негромко проговорил батыр, обращаясь к пятнистому красавцу, – ну, что тебе стоит уйти с моего пути, разве ты не видишь, меня и так обложили эти! – он чуть заметно мотнул головой в ту сторону, куда ушли чекисты.

Барс словно пронизывал изумрудным взглядом человека и скалил огромные, белые как снег грозные клыки. Каратас понял, вот сейчас он кинется, и весь изнемогающий от усталости и боли в кровоточащем плече поджался в комок, изготовившись к смертельной схватке.

— Я знаю, что ты сильный зверь. Но я знаю, что ты благородный. Прошу тебя, уступи мне всего один раз, не потому что я боюсь чекистов или тебя. Мне очень нужно попасть к моей подруге, она должна рожать, понимаешь ли ты? У тебя ведь тоже, наверное, есть подруга?

Озабоченный странным поведением двуногого, владыка снежных вершин вдруг потерял свой воинственный настрой. Словно бы поняв человека, он перестал рычать и бить хвостом о землю. Его взволнованный сильный хвост, к счастью батыра, расслабился, упругие белые подушки лап обмякли. Еще какое-то мгновение он продолжал сверлить врага пожелтевшими зрачками. Затем взгляд его потух, окончательно потеряв всякий интерес к нему, хищник развернулся и тремя изумительными, полными грации и гармонии с природой прыжками ушел вверх, по почти отвесно нависшему над ними выступу.

Батыр выдохнул зажатый в легких воздух и только теперь осмелился смахнуть выступившие на лбу липкие капли. Надо было идти, чекисты могли вернуться. Забросив за спину винтовку и преодолевая одеревенелость мышц, он побежал вниз, прочь.

Таков закон. Повинуясь инстинкту сохранения детенышей, самец вызывает огонь на себя, и заманивает охотников в другую сторону, чтобы обезопасить самку. Но слишком далеко он забрался от своего логова.

Бежать вниз не по тропе оказалось еще труднее, чем взбираться вверх. Склоны были сплошь заросшие колючим, злым кустарником с острыми шипами. Они безжалостно впивались в выбросившего стеганный чапан джигита, разрывая в клочья тонкую рубаху и грудь.

Он уходил от преследователей, удаляясь все дальше, срываясь на выскальзывающих из под ног камнях, летел кувыркаясь через голову, и вновь вскакивая на ноги, продолжая бег. Это, граничащее с безумием бегство, продолжалось весь день, до тех пор, пока вокруг не потемнело враз, словно горы кто-то невидимый сверху накрыл плотной толстой кошмой.

Разом стало темно, хоть глаз выколи. Одновременно с наступившей ночью. Батыр вполз в глубокую расщелину, щелкая зу-

бами от холода. Все тело избитое, иссеченное о камни, изодранное до крови, мучительно лихорадило, его било в ознобе, его мучили голод и жажда. Камни вокруг были влажными, а кое-где в углублениях скопилась вода. Ее пытался выпить батыр, шумно втягивая в себя капельки живительной влаги вместе с землей, излизывая языком камня, где только и была спасительная влага.

Вконец заочевневший, он бредил, в лихорадочном дремотном сне ему чудились таинственные шорохи, до его слуха доносился далекий вой. Он вскидывался, но вокруг была темень, а ночь в горах всегда полна звуков. Батыр вслушивался, затем напряжение спадало, и он вновь впадал в забытие. Его разбитое тело, точно рыба, выброшенная на берег, до утра колотилось о камни.

С рассветом, лишь только сумрачный свет коснулся окружающего ландшафта, Каратас, сконцентрировав последние силы, продолжил свой путь. Он умышленно пробирался сквозь поросшую местность, там, где никак не проехать всадникам. Где-то в полдень ему удалось выбраться к стремительной, шумной студеной речушке. Здесь до ломоты в зубах, до боли в кишках напился ледяной воды, осторожно, кривясь от страданий, обмыл изодранную плоть, сплошь разбитую. Батыр сумел изловчиться и поймать несколько серебристых с маленькими черными крапинками форелей.

Разжигать костер было опасно, и он съел трех из них сырыми, еще трепыхавшимися в зубах. Две рыбки он спрятал за пазуху, их он съест завтра.

Набив живот, батыр немного отлежался, спрятавшись в зарослях, давая возможность желудку побороться с сырой пищей.

Немного поднабравшись энергии, он снова побежал трусцой, теперь торопясь, стараясь нагнать упущенное время.

Этот и еще один день батыр упорно двигался наперекор судьбе, еще две коварные ночи дубея в горах. Солнце стояло уже высоко, опалая его, когда он, кашляя до тошноты, до рези в легких, почти что в агонии, достиг заветного грота. Вот и она. Зеленая дужайка, залитая золотистыми лучами на каменном плато у входа в пещеру.

Вороной конь дико всхрапнул, почуяв невесть откуда взявшегося на площадке страшного, изодранного человека.

Он бешено ворочал влажными глазами, передергивая острыми ушами, отбегал в сторону, готовый дать отпор как вдруг узнал в нём хозяина.

Конь присмирел, потянулся к батыру, мягкими, шелковистыми губами обнюхивая и ощупывая знакомое тело. Джигит обнял лошадь за шею, и, вспомнив Серого в яблоках, смахнул набежавшую на глаза непрошеную влагу.

В пещере было тихо. Недоброе предчувствие черными, змеями скользнули по сердцу батыра. Он негромко окликнул хатун, произнеся ласково её имя. В ответ была тишина. Ещё несколько секунд простоял он, давая возможность глазам попривыкнуть к сумраку обиталища.

И вдруг, словно нагнаившуюся суровую тишь разорвал тонкий и захлебывающийся детский плач. Батыр обомлел. Измочаленное сердце его, как будто треснув, замерло.

Цепкий взор вырвал из мрака груды шкур из которых истошно и надрывно вырывался детский, леденящий душу крик.

Каратас рванулсЯ вглубь и увидел свою маленькую, любимую пери. Свою нежную и мужественную хатун. Вся нагая, бедра и таз обильно измазанные сгустками застывшей черной крови, она была страшна и мертва.

Батыр взял её себе на колени и гладил неживое лицо. Слезы, прорвавшиеся будто грозный, горный сель лились сплошным потоком по небритым щекам и падали на лицо любимой женщины.

Тело хатун ещё хранило остатки тепла. Видно было, что она умерла совсем недавно. Всего лишь, на каких-нибудь полтора часа он опоздал к ней. Но ведь он так торопился, бежал, карабкался, полз... и всё же опоздал. Словно обкурившийся опия из туркменского кальяна, батыр был страшен.

Безмолвно покачиваясь из стороны в сторону, он пустыми будто вытекшими глазами тупо смотрел в никуда перед собой. Что то шептал: может ласково звал ушедшую, не дождавшись его хатун. Может, проклинал свою, выпавшую краплёной картой, горькую долю. А может затуманившийся мозг начал тихо сходить с ума.

Мозг хоть и заledenел, но картина происшедшего всё яснее и отчетливей стала в нём прорисовываться.

Не в силах больше сдерживать пришедшее время произвести на свет дитя, хатун билась головой о камни от разрывающей её хрупкое тело и кости адской боли. Искусала все губы и исцарапалась, кричала и звала на помощь его и не дозвоалась.

Она поскидывала с себя всю одежду, никогда ранее не рожавшая, видно решила, что она ей станет мешать. Бедная девочка,

обезумев от страха, успела приготовить выдолбленную из дерева лохань с водой, чтобы омыть ребенка. И только потом легла рожать. Видно, роды были ужасные, когда крохотный человечек вышел, она стала истекать кровью. Скорее всего, потеряла сознание. А когда пришла в себя, поняла что умирает. И чтобы спасти сына, в предсмертных судорогах умирающая мать дотянулась, и, изогнувшись, по звериному, зубами перегрызла пуповину дитю.

Юдуз! Юдуз! Звездочка, горевшая для него в окружающем полном коварства и вероломства мире. Доверившаяся ему из чувства благодарности, почувствовавшая себя защищенной, нужной, полюбив безоглядно, она осмелилась забеременеть от него, и потом девять долгих месяцев носить под сердцем плод.

«Она звала меня, звала и не дозволясь!»

Каратас сидел ополоумевший, продолжая сжимать в объятиях любимое им, еще недавно страстное тело жены, проклиная «манкуртов» – чекистов.

Он уже не плакал безутешно, не скулил по-волчьи, как-то тихо клацал зубами и взвизгивал по-пёсьи.

Ребёнок взорал так, что он торопливо освободился от покинувшей его навсегда хатун, и поспешно взял в охапку шкуру горной козы и развернул её. В потоке падающего света сквозь дыру в потолке свода, перед ним тряся тонкими, морщинистыми ногами лежал розовый мальчик. Да, это был сын!

Пуповина, перевязанная черной волосяной нитью, немного кровоточила. Ребёнок вдруг притих, почувствовал прикосновение человеческих рук. Он лежал, хлопая раскрытыми глазенками и разевая маленький синий ротик, наверное, инстинктивно в поисках материнской груди. Не находя её он опять весь сморщился, стал некрасивым и заплакал сначала тихо, а затем требовательно и обидчиво.

Месяца два назад Каратас изловил в ущелье дикую козочку с выводком. Он привез их сюда, и обрадованная хатун стала понемногу приучать её. Она доила привязанную к скале на длинном аркане животину, выдаивая не до конца, оставляя молоко козлятам. Теперь они заметно подросли, но не убегали в лес, продолжая толкаться неподалеку от матери.

– Сейчас, сейчас малыш. Я тебя накормлю, – бормотал батыр, доя беспокойно бляевшую, нервно вздрагивающую от боли, причиняемой его неумелыми руками козу.

Молоко было жирное и пенистое. Батыр вымыл руки, взяв

тряпочку мочил её в молоке и выжимал в приоткрытый в ожидании ротик сына.

Хоронил он хатун в стороне от тропы, выдолбив просторную глубокую могилу. Он вынес мертвую жену из пещеры на солнце, положив ее на войлочную конскую попону. Осторожно и с любовью обмыл ее при жизни гибкое и желанное тело, а затем обернул в отрез ситца. Опуская хатун в холодную, сырую землю Каратас беззвучно рыдал, глотая горючие слезы, шепча ушедшей в иной мир сладчайшие слова.

Вот и всё. Высокий рыжий холм вперемежку с камнями. Теперь её нет. Он бы и сам улёгся рядом с нею, для чего ему теперь было жить?

А как же тогда крошечное тельце, замотанное в тряпки и шкуры?

Так горько ему было! Батыр, не в силах вынести этой кары, вскричал:

– О небо, почему ты не разверзнешься и не поразишь меня?!

* * *

Неширокая и мелкая, стремительно текущая с гор речка Салкын-су, была в это время года очень шумна. Сгустившаяся после ночной прохлады вода, громко шипела, ворочая по дну гладкие обточенные годами валуны. Скоро уже согласно законам здешней природы, её накроет сначала выпавшими осадками снега, из которого она, ещё борясь, будет пробиваться, а чуть позже скуёт наступившими морозами.

По припорошенной первым выпавшим пушком, тропе, оставляя позади черные отметины, спускался вороной конь, неся на себе крупного наездника.

Всадник был безоружен. К груди он прижимал завернутый в шкуру свёрток.

Редкие чабаны, попадавшие в этих местах, вечно напуганные, завидев его встревожено и в то же время с любопытством вглядывались в огромного джигита. Трудно было в нем узнать отчаянного Каратаса, почерневшего от горя, заросшего до глаз густой бородой. И все же старожилы этих мест узнавали, и замирали от удивления: почему без оружия, почему открыто, не прячась и что это за свёрток он прижимает к себе?

Мерно цокали копыта, иноходец косил глазами вбок, скидывал голову, на что всадник не обращал внимания.

Небольшой городок Капал, издавна считавшийся узловым на пути контрабандистов, растянулся привольно в ущелье.

Укрытые от солнца раскидистыми кронами карагачей, выбеленные известью саманные домики гляделись мирными и ленивыми.

Вон уже виден красивый кирпичный фасад, бывший дом известного в округе купца Колесникова. Теперь над ним, на древке обвисал выцветший за лето на жарком солнце флаг. Здесь, в этом здании советская власть устроила «приют для сирот». Сюда направлялся вороной конь, проваливая копыта в мелкой придорожной пыли, понукаемый странным всадником.

Что ему оставалось делать? Одинокому бараньему окатышу на сумасшедшей дороге жизни! В горах наступала зима, в пещере становилось промозгло. После похорон хатун он больше месяца ещё провёл там.

Кормил дитя козым молоком, не имея возможности покинуть логово ни на минуту, зарезал по очереди и съел обоих козлят. Не спал ни одной ночи, чутко вслушиваясь в тихий сап младенца. О чём только не передумал он за эти дни? Однако теперь отчего-то не клял судьбу, не сатанел, а наоборот день ото дня становился смиреннее и как будто ниже ростом. Когда, наконец, стало отчетливо ясно, что ребёнку не выжить в подкрадывающейся словно лисица зиме, он оседлал отвыкшего за это время жеребца.

У высокого с растрескавшейся корой пирамидального тополя, всадник остановил скакуна и бережно двумя руками обхватив свёрток, сполз с лошади.

Со стороны видно было как он, пошатываясь, тяжелыми шагами взойшёл на некрашеное крыльцо и скрылся за дверью.

Появился он спустя некоторое время. Один. Без свёртка. Прошёл к коню, с трудом взобрался в седло и поехал прочь. Он устал бороться с превосходящей его по силе и коварству злодейкой-судьбой и поэтому ехал сдаваться власти. Батыр отдал сына в руки добросердечной женщине, хозяйке приюта.

При этом не назвал своего имени, ни фамилии, сказав, что нашёл дитя по дороге сюда, кем-то брошенное на обочине. Единственное о чём он попросил эту женщину, поставить ребёнку в документе датой рождения сегодняшнее число.

Он надеялся, таким образом, впоследствии отыскать своего сына. Он был «враг народа», гонимый и преследуемый. Сейчас

даже под самыми изуверскими пытками он бы не признался, что младенец его дитя. Потому что он знал, если чекисты вырвут у него это признание, то кроха уже с пеленок будет заклеймен этим страшным тавром на всю жизнь.

В районном отделении милиции Каратас сдался в руки уполномоченному НКВД – молодому кривоногому, кряжистому казаху в пенсне с мощными руками палача.

Разочарованный в справедливости советской власти, испытывший за кордоном исконную кочевническую тоску по родным местам, так и не ставший своим под сенью зеленого знамени эмира, он вверил себя всевышнему, отдаваясь на закланье в лапы манкуртов-чекистов.

Составы гремели через станцию, не останавливаясь, перестуком колес скоротечно выбивая тяжелую морзянку: всё су-мя-ты-ца, всё су-мя-ти-ца!

И словно не споря с этой жестокой истиной жизни, старик продолжал водить сучковатой, длинной, отполированной за эти годы руками палкой по земле.

И никто: ни один, будь то мужчина или женщина, никто не знал, о чем он думает в это время, выводя и стирая одному ему известные знаки.

Величественный, с крупным лицом словно бы вырубленным из камня, обрамленным белой бородой он не думал.

Он вспоминал...

* * *

В лето пятьдесят третьего года он возвращался, тащась, из далекой Монголии. Последние пять лет «враг народа» «зэка» Каратас загибался в выжженных солнцем степях, горах и пустынях братской страны. За его спиной, укрытой «зэковским», на рыбьем меху бушлатом, болтался тощий сидор, в котором позвякивали кружка с ложкой, во внутреннем кармане, заколотом булавкой, чтобы не выпала, лежала справка. Как и десятки тысяч «зэков», Каратас был освобождён по амнистии, находившегося в агонии Берии.

Всего лишь в два зловещих слова были вбиты, оплетенные колючей проволокой, ужасные двадцать лет, с кровью и мясом вырванные манкуртами из жизни. На душе было пусто как в трепавшемся за плечами сидоре. Лишь изредка, будто ложка о

кружку, что-то взвизывало. Это была не прекратившаяся, несмотря на годы, боль о сыне, отданном в приют.

Эта позвякивавшая тоска гнала его теперь в жаркий и пыльный город, куда бы, если не она, он никогда бы не поехал.

Добирался на чем придется. Пешком, на чьей-то, принадлежащей доброй душе телеге, на товарняках и пассажирских поездах. Где-то в вагоне нарвался на возвращавшихся как и он, из каких-то степных лагерей уголовников. Блатари пили спирт и играли засаленными картами. Лапали приглянувшихся девок и женщин, угрожая мужьям острыми жиганскими финками. Увидев мученика – «зэка», они сразу определили в нем не своего. Каратас в лагерях на лесоповале, а позже на рудниках, хорошо усвоил все шулерские примочки в карточной игре. Один молодой вор, с которым сдружился он на прииске, обучил его всем хитростям и тонкостям.

Эти же оказались «сявки», хоть и строили из себя прожженных урок. Но хоть и «сявки» они были, но деньги у них водились, и одеты были добротнo. Видно, «подломили» уже где-нибудь по пути магазин. С ними и сел играть Каратас.

– А на что шпилить будешь, воши поставишь на кон?

– Ставлю гнидник и сидор!

– Во дает, «враг народа», очумел от радости! – воскликнул весь татуированный, щелкая колодой об колено.

Играли скоро, уже через час «зэка» Каратас выиграл все имеющиеся у «сявок» деньги, еще через час они сидели перед ним все трое раздетые в одних кальсонах. Куча разномастной одежды громоздилась рядом с победителем. Закончив игру, он отобрал из тряпок для себя лучшее, сложил деньги в карман, возвращая ненужные кишки опростоволосившимся «блатюкам».

– Еще слово вякнешь, кадык вырву. Я хоть по 58-ой чалился, меня все воры от Иркутска до Магадана знали. Многие, такие как Туз и Колыма за руку здоровались. А с Червонцем я с одной чашки кушал.

«Зэка» Каратас так посмотрел на татуированного, что тот поспешно отложил оказавшуюся в руках финку. Понял, этот «битый фрайер» вырвет...

Так вот он оказался на пыльных улицах послевоенного Капала при деньгах и неплохо одетый.

В приюте его встретила красивая, молодая девушка. Она и была здесь старшей. Каратас предъявил ей свою справку, а за-

тем долго и очень путано объяснял этой русской девушке свою одиссею.

Наконец ему удалось более-менее вразумительно рассказать ей о том, что он сдал своего родного сына в этот приют. Удивительно добрая девушка поразила огрубевшего зэка своей отзывчивостью. Они вместе просмотрели все папки с личными делами. Все было безнадежно. За эти годы много раз поменялись «хозяйки» Дома малюток. Детей отправляли отсюда по разным детдомам. Ни имени, ни фамилии своего сына он не знал.

«Зэка» Каратас горько заплакал, роняя крупные слезы. Не плакал, когда его пытали манкурты-чекисты, вгоняя в зажатые в тисках пальцы иголки под ногти. Не плакал, когда с обмороженными руками и ногами шел по этапу. Не плакал, когда «суки» в лагере срубили голову лучшему другу-вору Червонцу. А тут заплакал. От безысходности и невозможности найти единокровное свое дитя.

Молодая «хозяйка» приюта глядела молча, понимая, проникнувшись жалостью к этому большому, несчастному человеку. Прошло два дня. Каратас навестил могилу своей незабвенной хатун. Он установил в ее изголовье вырубленную из тополя широкую доску с полумесяцем и химическим карандашом, арабской вязью написал любимое имя.

Большого он сделать пока не мог.

Возвратившись в Капал, он напоролся на патруль милиционеров. Тщательно изучив его справку, «лягавые» закрыли его в отделении. Напрасно он объяснял им цель своего приезда, никто его здесь не знал. И тогда он вспомнил о доброй русской девушке.

– «Хозяйка» приюта сможет подтвердить, что я был у нее.

Милиционеры вызвали девушку в отделение. Она не отрицала, что этот мужчина действительно приходил, разыскивая своего сына. Блюстителям порядка лень было возиться с ним. Отняв у него последние деньги, они вытолкали его на улицу, пообещав, если еще раз попадется им на глаза, упрятать за решетку. Никого горемыка не знал в этом городе, денег попросить было не у кого, и он поплелся опять в приют.

Понявшая ситуацию, добрая душа – «хозяйка» приюта взяла его на временную работу. Нужно было поправить покосившуюся крышу, наносить воду, наколоть дрова. Поселила она его в сарайчике, какая-никакая, а крыша над головой. Весь пер-

сонал состоял из четырех теток, вечно пьяного завхоза с красной рожей и Валентины – «хозяйки».

С утра до позднего вечера Каратас работал, сам-себе находя занятие. Немного осмотрелся, во всяком случае, не выглядел уже так угрюмо как в первые дни. Постепенно наладились у него отношения с Валентиной. Она была единственным человеком, с кем Каратас разговаривал и поделился прожитым.

Оказывается, несмотря на молодость, Валентина тоже побывала на войне. Добровольцем ушла на фронт, оставив родителей и брата.

Валентина была санитаром в пехотном батальоне, который, отступая, поредел, напоминая гребень со сломанными зубьями. Переформированный, пополненный батальон дрался под Ростовом, цеплялся за Батайск, вгрызался в землю на крутых берегах Дона-батюшки.

Из самого пекла выносила на себе хрупкая девушка раненых – здоровенных солдат, презирая пули, свистящие вокруг, противный квакающий вой немецких пехотных мин. Скрипя землей на зубах, километр за километром пятился батальон, отдавая врагу Украину. Вскоре ее «ридна Украина» оказалась оккупированной, под немцами. А батальон продолжал отступать. Под Новороссийском встали насмерть.

Огрубела девушка в нелегкой окопной жизни среди солдат, когда даже «до ветра» сходить – проблема, кругом одни мужики. Над бруствером не поднять головы, вот и бегала в дальний окоп, где садилась, отгородившись плащ-палаткой.

А когда в войне наступил перелом и батальон ползком, перебежками, двинулся на Запад, в лютом бою подсек ее на бегу осколком. Потом был госпиталь в Астрахани. Сюда принес ей черное известие сотрудник СМЕРША о том, что на освобожденной территории Украины расстрелян ее отец за пособничество немцам. Во время оккупации он был старостой в селе. Брат пропал без вести, а мать осудили как жену предателя.

Это горе сразило смелую девушку. Рана ее вновь открылась, причиняя невероятные страдания. Мурыжил ее СМЕРШ, мурыжил, да так и оставил в покое. Все же ее фронтовая биография сыграла роль, да плюс пролитая кровь, да плюс Орден Красной Звезды, да медалька за оборону Новороссийска.

Так и осталась девушка при госпитале. Насмотрелась она и

смерти в лицо, на умирающих и не хотевших умирать, на раненых, оставшихся калеками на всю жизнь.

Госпиталь к тому времени перебросили в Казахстан, в этот крохотный, покрытый пылью городок. И когда в очередной раз пришла передислокация, Валентина решила остаться.

Она теперь была совершенно одна на белом свете. На «ридну Украину» ей ехать было незачем. Как бы там смотрели на нее, дочь немецкого старосты? Бросали бы камнями, плевали вслед?

Тут она и зацепилась, устроившись в местный Дом малюток, отдавая крошечным деткам остатки своего тепла. Так ей было легче забыть кошмарные военные годы.

Очень скоро стали понимать друг-друга два человека, изломанные судьбой. Один больше, другая меньше. Вначале из чувства сострадания, этой извечной человеческой доброты потянулись навстречу, а узнав потаенное, вдруг внезапно полюбили, несмотря на такую разницу в возрасте. Вот ведь какая штука жизнь. Не предугадать в ней, где потеряешь, а где найдешь!

Вначале скрывали они в себе вспыхнувшее чувство, но вскоре, не в состоянии совладать с ним больше, а тем более таить его, потекли, точно два иссыхающих ручейка и слились, бросившись в объятья, забыв обо всем на свете.

Так бы, может, и шло все по-доброму, если бы не краснорожий завхоз. Сам давно похотливо шмыгавший вокруг молодой девушки, вдруг узнал, что она спуталась с приблудившимся каторжником. Стал он создавать сплетни, оскверняя Валентину самыми грязными словами. Терпеть это было невыносимо и унижительно. После долгих уговоров Каратасу удалось убедить ее уехать с ним куда-нибудь подальше от этих мест. И когда она, наконец, согласилась, уволившись с работы, собрав свои вещи, они стояли на вокзале.

– Я сейчас приду, жди меня здесь, – сказал он ей, исчезнув неожиданно в наступившей ночи.

Он добрался бегом к домику, где жил краснорожий завхоз. Тот как раз сидел за столом и уплетал за обе щеки ломтики сала, закусывая хлебом. Не дав последнему опомниться, впечатал в него тяжелый кулак Каратас. Вбивая ему в пасть розовое сало, и одновременно выбив ему все верхние и нижние зубы.

Ушел, оставив выть на полу, корячившегося от боли негодая.

А еще через полчаса они уже ехали в переполненном поезде, уносясь все дальше от проклятого города.

Тот путь был долог.

Каратас объяснил Валентине, что ему с его ярлыком «враг народа», в город лучше не соваться. Им бы прижиться тихо на каком-нибудь полустанке, не привлекая к себе внимания. Валентина согласилась с ним, и они стали пробовать, сходя с поезда на тихих, облюбованных разъездах, небольших железнодорожных станциях. Но им не везло, и они снова садились в поезд, продолжая свой путь в неизвестность. Повсюду от них шарахались, завидя справку, точно от зачумленных

Где-то за Акмолой, в пути, за кружкой чая разговорился Каратас с пожилым казахом. Рассказал ему о своем желании обустроиться на небольшом разъезде, получить работу.

Сердобольный казах почему-то проникся к проблеме попутчика и посоветовал ему разыскать Сеита-аксакала, который жил на станции, что между Кокшетау и Кзыл-Жаром.

– Имя Сеита из рода атыгай-клансу известно в тех краях. Если он захочет похлопотать за тебя, считай, что тебе повезло.

Поздно вечером, когда край горизонта затянуло темной, точно деготь чернотой, сошли Каратас и Валентина с поезда в месте, где должен был проживать неведомый Сеит. В руках у Каратаса было два фанерных чемодана с вещами Валентины, а за спиной все тот же сидор. Переступая по промасленным шпалам, выбрались к будке стрелочника и спросили дорогу.

– В доме Сеита-аксакала сегодня начался большой той. Его сын привел в дом невесту. А вы кто ему будете? – с любопытством допытывался стрелочник.

– Просто знакомые.

– А-а-а! – понимающе протянул железнодорожник и доходчиво объяснил, как пройти им к дому аксакала.

Спотыкаясь в стусившейся темноте по незнакомой улице, они пробирались к единственному освещенному дому. О том, что именно там идет той, чувствовалось на расстоянии. Оттуда легкий ветерок доносил дразнящие пустой желудок Каратаса, запахи варившегося мяса. Валентина тоже была голодна и измотана.

Вот он, дом аксакала. У забора хрумкая овсом, переступали с ноги на ногу несколько привязанных лошадей. Во дворе в разных местах был разведен огонь, над которым булькали казаны с наваристой сурпой.

По периметру, держа в руках посуду, суетливо бегали женщи-

ны. Молодой высокий джигит негромко отдавал указания по хозяйству.

К нему нерешительно направились пришельцы. Никто из носившихся в полумраке людей, не обратил на них внимания.

– Нам бы с Сеит-аксакалом увидаться, – кляня себя за робость, негромко попросил Каратас.

Джигит, которому видно и без того было не до них, лишь мельком глянул, и увидев, что стоявший человек с чемоданами старше его возрастом, сдержанно поздоровался. Видимо он принял их за гостей, приехавших на той с опозданием.

Он показал им, куда следует пройти, учтиво проводил до дома и передал мужчине постарше.

В комнате освещенной электрической лампочкой, на полу застеленном курпачами, степенно восседали белобородые старцы, расположившись вокруг низенького столика, заставленного едой.

Мужчина, пропустивший Каратаса с женой вовнутрь, закрыл за ними дверь.

– Ассалам алейкум аксакал! Поздравляю Вас с этим радостным днем. Двое молодых, что соединили свои сердца, пусть будут счастливы. Вам, дожившим до таких радостных дней, пусть Аллах пошлет здоровья и еще больше счастливых лет.

Аксакалы, разглядывавшие с интересом незнакомого большого казаха с русской женщиной, закивали бородами, любезно отвечая на приветствие. Они задвигались, ужимаясь.

– Добро пожаловать! В этом доме сегодня большой той. Вот сидит среди нас уважаемый Сеит. Его первенец привел в дом самую красивую в округе девушку, сделав ее женой. Этому все мы бесконечно радуемся.

Каратасу уступили место, пропустив его к столу. Пожилой человек, который сопровождал их сюда, увел Валентину на женскую половину. И тут подали к столу мясо. Это было большое деревянное блюдо, на котором дымились огромные куски, сводящими с ума вкусным запахом. Посреди, возвышаясь, лежала баранья голова.

Юркий паренек обнес присутствующих медным тазом, из кумгана поливая теплой водой на кисти старцам.

Когда все помыли и обтерли руки, Сеит-аксакал взял баранью голову и, как знак особого уважения, почтительно протянул ее отцу невесты.

Двое старцев вынув из карманов узкие складные ножички, раскрыли их и принялись тщательно крошить мясо. Получалось это у них очень ловко, быстро мелькали лезвия, и большие куски превращались в мелкие кусочки. Все это вместе с тонко раскатанным тестом поливалось сверху горячим, исходящим паром туздыком.

По приглашению Сеита-аксакала старцы приступили к еде. Стал есть и Каратас. Мясо сладчайшим сахаром таяло у него во рту, до того оно было вкусное. За долгие, долгие прошедшие двадцать лет, Каратас почти-что напрочь забыл этот самый вкусный для кочевника вкус бесбармака. Он ел медленно, наслаждаясь каждым кусочком, положенным в рот. Старцы тоже ели степенно, не спеша, нахваливая мясо, вели разговоры и, угощая друг друга по степной традиции, подвигали лучшие куски. После мяса на стол подали сорпу в деревянных кесе. Каратас взял в руки пиалу и понемногу, смакуя, отхлебывал из нее, зажмурился от удовольствия глаза.

Когда старцы покончили с мясом и напились вдоволь вкусного, наваристого бульона, со стола тут же убрали блюдо, смели обглоданные косточки и унесли посуду.

Сеит-аксакал был среднего телосложения. Одетый в полувоенный китель, хорошего, добротного сукна, в наброшенном на плечи бархатном чапане, он выглядел нарядно и внушительно. Проникновенное лицо украшала небольшая борода. Кожа была светлая, черты правильные, даже благородные. В глубоко посаженных глазах светился живой ум и проницательность. Он заговорил медленно, негромко, словно прислушиваясь к журчанию произносимых слов, тщательно вымеривая их.

– Вижу я, что ты человек не простой. Видно по тебе, что исходил ты немало дорог и повидал много всякого на своем пути! Может быть, ты расскажешь нам кто ты и как твое имя. И что это за русская девушка рядом с тобой? Откуда ты, из какого рода и куда ты направляешься? Нуждаешься ли ты в помощи, если да, то скажи в чем?

Закончив свою речь, глава рода застыл в ожидании, а взоры старцев устремились на пришельца. А он не отвечал. Молчание затянулось, а тишина к комнате сгущалась. И тогда, наконец, Каратас с трудом разлепив губы, разорвал безмолвие суровым голосом.

– Эта Божья жизнь – словно хвост красной лисицы, манит, дразнит и убегает, обманывая! О, аксакалы! Когда я родился, ро-

дители нарекли меня, дав имя Каратас, что значит «Черный камень». Эта русская девушка, что сопровождает меня – моя жена! Я из рода найман, что живут вдоль границы с Китаем, в далеких от этих мест, горах Талды-Корган. Вся моя жизнь изрезана, искромсана, словно черными оврагами, и черный камень проклятья тяжким бременем рвет мою душу. Ваши лица украшают нажитые вами белые бороды. Я расскажу вам свою грустную историю, аксакалы и попрошу совета. Но, я прошу вас, то, что вы услышите из моих уст сегодня, пусть останется тайной под этим шаныраком, – Каратас замолчал.

И опять в комнате наступила тишь. Старцы, степенно поворачивая шеи, посмотрели друг на друга. Без слов. Одними глазами, только лучистыми взглядами советуясь меж собой.

– Баракельды, азамат! Хоть сегодня в нашем маленьком ауле большая радость, но время недаром обелило наши головы. Раз в такой день высокая судьба послала нам гостя из далеких краев, – что ж, мы готовы выслушать тебя и даем тебе слово: то, что ты расскажешь, навсегда останется здесь. Говори.

– Великая степь много веков назад за все страдания нашего кочевого народа, явила величайшую милость. Это домбра! Две ее тонкие струны в умелых руках способны передать нам живое дыхание окружающей нас степи, переливы жаворонка, купающегося в золотых лучах солнца, тэ омные всплески одинокого степного озера, донести чарующий любого казаха запах жусана. Дробный топот сказочных аргамаков, и испуганное бегство стада вольных куланов. Она, домбра, может вознести ввысь, а может низвергнуть в непроглядную пропасть.

С ранних лет я полюбил этот инструмент. Я брал его с трепетом на коротких привалах и в унылой пещере, на далеких отсюда лесоповалах и чужих землях Монголии. Только благодаря ей, я выжил в своей жизни. Последние годы я был лишен домбры – этого чудесного дара. И я тосковал по ней. Иногда я играл на ней в уме. В своих грезях я трогал чарующий гриф и легонько, бережно касался струны. Я мечтал о ней как о родной земле, как о своих близких, как о любимой женщине. Она снилась мне душевными ночами, в забывчивом сне я гладил деку кончиками пальцев, чуть прикасаясь. Только ей одной, я доверял свои самые сокровенные мысли и густой, как деготь, гнев.

Уа, аксакалы! Вы, наверное, заметили влагу в глазах джигита? Это от радости встречи с ней. Вон я вижу, аксакал, за Вашей спи-

ной белеет, словно горло лебедя, гриф домбры. Позвольте мне взять ее в руки. Я хочу исполнить для вас «жыр» – сказание. Это повествование будет звучать о моей собственной судьбе.

Долгая речь чужака заинтриговала сидящих в ожидании. Белобородые старцы с неподдельным интересом следили за странным пришельцем, поражаясь тем, как он осторожно принял инструмент. Бережно, словно взял в руки тонкий хрупкий сосуд, который боялся разбить, он погладил дерево загорелой ладонью. Приложил ее вначале к сердцу, а затем к губам. Он что-то нашептывал домбре, удивляя стариков своим поведением, и только потом слегка тронул заветные струны. Тронул и замер. Видно было, что сидящий перед ними усталый человек очарован бесценными волшебными звуками, изливающимися из деки. Наконец, он требовательно пробежал по струнам, они тут же послушно отозвались, и тогда...

Тогда он заиграл. И запел...

*В нетерпении за край улетел бы, но в бессилии
Он потерянный свой рай, проклиная в небо синее!*

*Средь живых в мечтах о смерти, но взлететь не может он,
Пленник он земли вот этой, он землю взял в полон.*

*Он судьбою не доволен, жизни он не враг, не друг,
И коварные вороны каркают, кружась вокруг.*

*Мало ль яду он отпил, как же стены сокрушить?
Если крыльев нет и сил, как же соколу прожить?*

*Отвернулась зло судьба! Что ни делай – все обман,
Убегал он от тебя, сын степеней – белый кулан.*

*От родной травы, воды, из своей степи однажды,
Убегают, чтоб беды нахлебаться, словно жажды.*

*Что же делать неприкаянному, злой судьбою обожженному,
Если трогают руками – душу, сердце обнаженные.*

*О, Судьба! Он не жаждал ничего, лишь тепла земли счастливой!
Так кулану отчего, не дала красивой гривы?*

*Прятался он от погонь, но нашли, спастись-то как?
Над норой его – огонь, он теперь не Змей – Червяк.*

*Родичи, мои родные, я плутал, блуждал в пути,
Но дороги нет отныне, кроме как свой дом найти!..*

Вот, напоследок всхлипнув, словно пожаловавшись, стихла домбра. Каратас широкой плоской кистью накрыл струны сверху и дотянул, выбрасывая из легких завершающее отчаянное:

– Уа!...

Он смотрел на аксакалов прямо, не отводя взгляда, презрев страх, в глаза самой безжалостной судьбе. Он закончил петь и глаза его, точно кто-то в них плеснул кобыльего молока, были белы от гнева и пусты.

Аксакалы сидели молча, несколько ошарашенные услышанным, сами дожившие до седых бород, повидавшие на своем веку всякого горького, они, изумленные, глядели на Каратаса.

– Уа! Мудрые аксакалы! Перед вами я сейчас, раздвинув ребра, влез в свою грудь и отросшими огрубевшими ногтями поднял с души, отложившуюся за годы, словно ил, всю горечь. Отчизна – наша мать, и, когда над ней нависала черной тучей опасность, я брал в руки оружие, и выходил на ее защиту. Но почему, о мудрые, она дважды поступала со мной как злая мачеха? Несмотря на то, что я оба раза проливал кровь за нее? Словно древний язычник, я принес в жертву ей двоих самых близких людей: свою незабвенную хатун и крошечного сына. Если она была сердита на меня, почему она не пощадила моих престарелых отца и мать, и юную племянницу? Разве на них тоже лежала печать проклятия?

– Двадцать лет я, словно червь, ползал, уворачиваясь от безжалостных пинков судьбы, питаюсь собственными вшами. Если Отчизна – мать, разве может она быть так жестока к одному из своих, пусть даже бесчисленных, сынов? А если она злая лютая мачеха, тогда стоило ли мне замерзать на лютых сибирских морозах, на лесоповалах и рудниках, в стылых окопах укрывая изъеденное клопами тело?

Из далеких отсюда, родных мне мест Талды-Корган, я качусь сорванным с места «перекати-полем», пересекая казахскую степь по диагонали с юга на север. И нигде мне не удастся зацепиться. Люди шарахаются от меня, точно от больного проказы, уз-

навая, что на мне клеймо – «враг народа». Ваша станция Киа-лы – это окраинный аул на земле Отечества. Дальше за ней начинается Россия. Это последний клочок земли, где бы я мог при-тулиться и с годами пустить корни. Судьба загнала меня, она су-нула обе мои ноги в один сапог. Как я могу идти? Я устал с ней сражаться, никому не удавалось побороть судьбу. Я снимаю свой пояс и вешаю его себе на шею в знак покорности ей... Я сдаюсь! Что вы скажете мне?

Замолчал Каратас.

Величественно, изредка прикасаясь к белым бородам, слов-но убеждаясь на месте ли, молчали аксакалы. Все ждали, что же скажет Сеит. Что ответит он загнанному словно кулан во время облавы каторжнику? Не убоится ли он гнева власти, оставив в ау-ле «врага народа», дав ему свое покровительство? Может, скажет ему: «Иди, «жолшы» – путник своей дорогой. Не могу из-за тебя одного навлекать немилость на целый аул». А, может наоборот, ведь «жолшы» этот тоже казах, как можно выгнать его, если по-даться последнему некуда?

Призادумались старцы, поскребывая затылки. И так вроде бы верно и так тоже. Словно вспененный в бурдюке кумыс, от-стаивалась тишина.

Наконец, ее нарушил уважаемый в округе Сеит-аксакал, гла-ва рода клансу:

– Батыр! – промолвил он, – Да, судьба не всегда была мило-стива к народу. Мы, сидящие здесь, тоже хлебнули из общей ча-ши страдания. Может не в такой степени, что ты, но на то ты и батыр! И не надо сердиться на Отчизну. Разве можно сердить-ся на мать? А с судьбой борись до конца! Сними свой пояс с шеи и подпоясайся, будто мы и не видели этого. Не к лицу батыру склонять голову, какой пример ты окажешь молодым? Ты не только найман, ты сын своего народа. Нельзя, разуверившись в справедливости власти, отказаться от собственного народа.

Сеит перевел дыхание, вдумываясь в смысл своих слов, и ста-раясь наполнить их, словно взвешивал на незримых весах.

– Оставайся здесь, батыр. Это твоя земля. Время залечит и за-рубцует твои раны и уймет боль сердца. Потерянного не вер-нуть, такова участь живых. Раздели ясный день и темную ночь со своим народом, что достанется на его долю, то перенесешь и ты, дорогой! Чем будут питаться твои соплеменники, тем и ты бу-дешь сыт. Сегодня мы протянем тебе свою руку, дадим место у

нашего дастархана, подвинемся у очага, делясь теплом. Кто знает...? Может, завтра мы обратимся к тебе за помощью? И ты не откажешь нам!

— Благодарю вас, аксакалы! Простите меня за мою минутную слабость. Уж больно горько мне стало. Действительно, батыр не должен смиряться и поддаваться злодейке. Я постараюсь оказаться достойным вашего милосердия. Если, я не успею отблагодарить вас, от бога вернется вам ваше добро.

* * *

Со времен Аттилы — великого воина и царя беспощадных гуннов до Томирис — царицы Сакской, до хана Аблая и дальше — степь, великая степь выживала благодаря мудрости одного на сотню, на тысячу, на сто тысяч сынов своих. И когда шли ордой, поднимая за собой застилавшие до горизонта, до неба тучи пыли, гремя и лязгая оружием, покоряя, ставя на колени, уничтожая непокорных и гордых — города, племена и целые народы. И потом, когда отбивались от грозных шурушутских наймитов, таких же кочевых джунгар. Мудрость народа в устах вот таких, как Сеит, аксакалов, останавливала горячие головы жаждавших тщеславия ханов, смирляла гнев собственного народа, мирила враждующие степные племена перед всеобщей бедой. Вот так случилось и тогда.

* * *

Много, много лет прошло с той поры. Десятки раз оглашая окрестности тоскливыми, сжимающими сердце кликами, улетали на юг журавлиные стаи. В преддверии наступающей неуютности, падали на землю округи тяжелые капли. Ветер, вольный степной летний ветер, вдруг к осени остервенел, пригибая к земле тяжело идущие по небу темные свинцовые тучи. А потом из них обрушивались хлесткие хрипящие дожди, избивая застывшую в недоумении землю.

Тощие станционные собаки, забивались куда-то в щели, не рискуя рыскать, как раньше, в поисках не обглоданной кости.

А затем однажды выпадала пороша — легкая, быстро тающая в ладонях. И уж потом приходила зима, долгая в этих местах, в отличие от родных Жетысу. Она задувала все вокруг сугробами и круговертными буранами. Лютела с каждым днем трескучими морозами, выкладывая неповторимые узоры на желтые от

электрического света, подслеповатые стекла окон станционных домишек.

Но жизнь здесь не замирала. Наоборот, становилась оживленной, назло сатанеющей день ото дня природе.

Стальные нити рельсов звенели на морозе особенно жалобно, грозя хрустнуть и переломиться пополам. А после задувных буранов всем миром выходили жители с лопатами на очистку путей, запрягая покрытых инеем низких лошадок в волокуши. Дорога должна работать бесперебойно, ибо она была носителем жизни в этом неумолимом движении.

Так шло время. Торопливо, год за годом. Словно настенные ходики. Тик-так, тик-так.

Как ни долго тянется суровая зима, всегда на смену ей приходит весна. Даже там, в далеком Заполярье, в деревянных, насквозь продуваемых бараках, где умерших за ночь некуда девать, и их, затвердевших, просто ставили снаружи, как частокол, прислонив к стенкам барачков. Но даже там, вслед за стужей наступает оттепель. Иначе не выжить! Человек и живет тем, что всегда за леденящими морозами наступает бодрящая капель. Она предвестница радости, приходящей вместе с первыми ласковыми лучами солнца, растапливающего эту безмолвную искрящуюся белую массу.

И вот уже потекли, весело зажурчали ручьи. Защебетали проснувшиеся птицы. Задышала земля. Запарила. Проклюнулись зеленые росточки. Вначале осторожно, затем распрямились, и уж потом потянулись смело, навстречу льющемуся с небес расплавленному золоту.

Но самое трогательное сжавшееся за холодную зиму сердце человека – это оглашающий клич птичьих стай. Из высокой небесной сини, они извещают переживших зимнюю лютость людей-человеков о своем возвращении.

Много, много весен и зим пробежало с того дня, как Каратас остался на этом маленьком пятачке надежды. За эти годы крохотная, притулившаяся к стальным нитям станция, разрослась. Превратилась в крупный, очень крупный железнодорожный узел. Со своей школой, с клубом, с мастерскими. Во всем этом принимал он непосредственное участие. Работал остервенело, не покладая рук, чтобы никто не смог упрекнуть за него даже прах мудрого Сеита.

Да, ушел из жизни аксакал. Унес с собой нераскрытую для аульчан тайну Каратаса. Как и обещал. Лишь только домыслы,

только догадки, только легенды, созданные самими аульчанами и людьми в округе, обволакивали теперь прошлое старца-провидца Каратаса.

А он состарился за минувшие годы. Что сделаешь, не в силах человек остановить время. Да и не нужно это.

Разве не в этом та, особая сладость жизни, когда по прошествии жизненных бурь, изрядно тебя истрепавших, ты можешь, прикрыв глаза, уподобляясь излетанному беркуту, вспоминать... Восстанавливать, словно дивную мозаику, частицу за частицей выкладывать, воссоздавая узор поступков, слов, времени. Ушедшего времени!

Он тогда сдал своего сына в приют, в руки добросердечной стареющей женщины, а себя, себя он вверил всевышнему Аллаху, отдал как на закланье Тэнгри-таниру.

* * *

В тот год, как назло шли проливные дожди. Словно рассердившись на этих глупых людей, крушивших на своем пути все подряд: культуру, мысль, устои, выкашивавших цвет, гордость народа. Лили свирепые холодные воды. Будто Бог решил утопить в хляби неразумный народ.

Каратаса везли в протекающем сквозь бесчисленные щели «Столыпине» в далекую сибирскую глухомань. В вагоне было сыро и дуборно. Люди грелись лишь собственным теплом и еще слабым, едва исходящим от соседей. Кормили совсем паскудно. Четыреста граммов серого липкого, отрубного хлеба, да один раз в сутки кипятка да чашку баланды с темными картофельными очистками. Никто из осужденных не разговаривал друг с другом. Бацилла страха от всеобщего доноительства пропитала качающийся на рельсах островок страдания.

Везли долго, очень долго. День сменяла ночь. Ее сменял день. Голод терзал желудок, разрывал внутренности. Мороз пробирался до самых костей, выстуживая их. К утру, сползая, выкарабкиваясь из-под лежащих повально людей к параше – здоровой, плескавшейся зловонием бочке, обнаруживались окочурившиеся за ночь. Их прятали под самые нижние нары, не выдавая конвою. Чтобы получить на них заветные «четырёхсотграммовки». И черное гнусное пойло. Отдавали лишь, когда конвой сам забирал мертвяков. Но места трупов тут же пополнялись. И на полустанках в вагон догружали новых страдалыцев, так что количество в «Столыпине» не уменьшалось.

Конвой не задавался вопросом, куда же они вмещаются. Ведь при любом раскладе он не резиновый. Нет. Все они прекрасно знали. Что каждый день подыхают презренные «враги народа». И стреляли без жалости во враждебные по идеологии рожи, стоило только выглянуть им в небольшое, опутанное колючей проволокой оконце «Столыпина».

Наконец, привезли в тайгу. На строящуюся железнодорожную ветку Абакан-Тайшет, на так называемые «общие работы». Сколько радости, сколько пищи для малярийных комаров, для таежного гнуса!

Сырым, продирающим утром выгрузили «зэка» под остервенелый, захлебывающийся, срывающийся на хрип, лай конвойных псов. Выстроили пятерками и погнали. Погнали, как скот. Слезы тогда душили Каратаса, сжимавшего от бессилия кулаки. Разве это солнце свободы бросился он отвоевывать для таких же, как сам он, кедеев? Этап брел, отстававших, падавших, конвой добивал штыками. Уцелевшие брели к зоне.

Вот, наконец, и она. Огромные дощатые ворота из неотесанных горбылей с вышками по обе стороны со скрипом растворились, гостеприимно приглашая в «предзонник». Здоровые краснорожие нарядчики с крепкими палками в руках разделили строй на две половины, формируя бригады. Над головой колыхался кумачовый транспарант: «Кто не работает – тот не ест!».

Каратас попал в бригаду «тачечников». Он еще не знал толком, что это значит. А пока он устраивался в грубо сколоченном наспех просторном бараке. Ему было отведено место на вагонке. Все его имущество болталось на нем, потому он и влез, втиснувшись в свое убежище, данное ему в награду за то, что он проливал кровь за эту власть. Обувь снимать нельзя – так посоветовал ему какой-то сердобольный «доходяга», из тех, кто уже здесь был, видимо, давно.

– Сопрут, – прошептал он.

В бараке разместилось, по меньшей мере, человек двести. У противоположной от входа стороны стояла печь – «буржуйка». Около нее, собравшись, грелись с десятков человек.

– Это «урки», – просветил тот же «доходяга», оказавшийся соседом по вагонке, – с ними нельзя спорить, им не противоречь, зарубят ночью или удавят, – бормотал он, цепenea от страха, себе внушаемого.

В бараке люто, сыро и холодно, пол был земляной. Лишь там, где жили «урки», сплошь застлан еловыми ветками. «Урки»

кипятили на потрескивающей весело «буржуйке» в жестяных банках темно-бурое варево и с наслаждением попивали, жмурия от удовольствия глаза.

– Это они «цифирь» пьют. Напиток такой. Из чая делают, – шептал на ухо сосед.

Каратасу не терпелось спросить: «А где они его берут?» – так и вертелся на языке вопрос о чае, тронувший бы любого степняка, но не спросил, сдержался. Придет время, и он сам все узнает.

«Общие работы». Такое безобидное сочетание всего двух слов. Всего двух. А сколько кроется за этим? Это те самые работы, которые безжалостно загоняют в землю производящих их. В бригаде «тачечников» Каратасу выдали тяжелую кузовную тачку с деревянным колесом. Долгие дни, и месяцы, и годы это изобретение человечества станет гневом и яростью, болью и страданием его. По расхлябистой, расхлестанной дождями земле нужно катить ее, наполненную густым месивом грунта, на насыпь. Там тачку нужно было перевернуть и толкать ее обратно. Ноги, обутые в старые дырявые ботинки, были мокрыми, вязли в засасывающей почве. Колесо тачки, облепленное наворачиваемыми комьями грязи, почти не крутилось и он толкал ее перед собой из последних сил.

Быстро, очень быстро он усвоил волчий закон лагеря. Не верь, не бойся, не проси! Да и кого просить? И о чем. Никто здесь никому и ничем не мог помочь. Каждый думал о себе. Выжить, Любой ценой выжить.

Каратас тащил свой крест, скрипел зубами, и лицо его было страшно в потеках дождя. Бессильная злоба кипела в нем.

– Они отняли у меня мать, отца, племянницу. Они обрекли меня на муки скитания, на бесславие. О, манкурты! Из-за вас я потерял свою любимую маленькую «хатун» Юлдуз и сына! Сына, своего сына которому я не дал даже имени. О, проклятые манкурты! Взамен вы всучили мне вот эту проклятую тачку! – стонал батыр.

И так каждый день. Кубометры, норма, кубометры, норма. И чавкать, чтобы не сдохнуть, черную крапивную баланду, проталкивая ее липкой «четырёхсотграммовкой».

Каратас всегда хотел жить. Он был очень жизнелюбив. И когда будучи мальцом пас байские отары, и потом, когда, обнажив сверкающую полоску стали, в составе конной лавы мчался на-

встречу своей смерти. И в чужом Китае, и выплывая из свинцовых вод Каратала. А уж затем, как повстречал свою незабвенную чистую, точно лунный свет, любовь! В те дни он верил, что все плохое в его жизни уже позади. Ах, как глуп он был!

«Доходяга», сосед по «вагонке», нагружал его тачку, еле-еле ворочая лопатой. На его худом изможденном лице вздувались взявшиеся откуда-то жилы. Каратасу казалось – они вот-вот лопнут. Он наблюдал за тем, как из последних сил дохлый зэк вытаскивает черенок из чавкающего грунта. С чудовищным напряжением поднимает и опрокидывает ее в ящик. И опять ему надо вталкивать лопату в хлябь, ворочать ею внутри ее, набирая. И вновь тужиться, тянуть из хляби, а потом, вдохнув воздух в тощие легкие, подпереть худую костлявую коленку под рукоятку. Всем телом навалиться, как перед решительным, последним боем.

Он тоже сидел по «58-ой». Интеллентик. То ли врач, то ли вякнул не то. А, может, портрет «отца народов» уронил на демонстрации. Вот вам и «мы наш, мы новый мир построим!».

По небритым щекам Доходяги текли непрерывные слезы. А с отросших лохмотьев волос, сбиваемые на обтянутые скулы дождевыми каплями, падали крупные серые вши и ползали по измученному лицу.

– О, Танир! Вечное синее небо! Даже тебя меня лишили. Оно лежит здесь, прямо на кронах промокших елей, рванными хмурыми обрывками.

Всегда жаждавший жизни, Каратас просил у неба только одного, как милости, как избавленья. Молил послать ему смерть.

Но, видимо у каждого, живущего на этой грешной земле, своя чаша. И только испив ее предопределенность, может покинуть душа брренное тело. А до тех пор будет оно волочиться по матушке землице. Вот и ему отмерила судьба полной мерой, до краев наполнив этот сосуд ядом.

Семь тысяч и триста рассветов ему придется соскакивать под мерзкий звук колотушки об рельс, возвещающий страдальцам о новой жизни, потому что вся она втиснута в этот день, который предстоит прожить. Кубометры, тачка, норма... А того, кто не выполнит – на ночь в стылый карцер. Ледяной бетонный склеп, без окна над дверью, под потолком скупая желтая лампочка, забранная в решетку. На десяточку, с выводом на работу.

А пока бегом на развод, со всех ног, чтобы не оказаться последним. Последнего пристреливают.

Так прошел год. Триста шестьдесят пять дней протащился он в хлюпающей, холодной жиже, в круговерти снежных буранов, с головы до ног облепленный белой порошей.

Раздалбливая очоженевший грунт при помощи стального клина и кувалды, думал, по глупости, что главное – пережить зиму, а придет весна и вдохнет она новые силы в его ослабевший за это время организм.

Тогда уже сковырнулся его напарник Доходяга. Последнее время он сильно ослабел, еле-еле передвигал ноги и Каратас тратил на него драгоценные силы, волоча его в строю, так как выпавший оттуда тут же становился трупом. Прямо в висок всаживали конвойные штык, чтобы наверняка. И отлетала в тот же миг чья-то истстрадавшаяся душа, воспаряясь ввысь над бредущей несчастной колонной, не видимая взгляду человеческому. Но если внимательно присмотреться, в том месте, где устремлялась душа вверх, морозный воздух начинал сверкать, и, искрясь и кружась, словно радуясь, утекал в высокое небо.

Доходяга-напарник уже почти не жил, его пустые глаза были наполнены смертью. И, несмотря на то, что степняк втапкивал в его давно заросший грязными клочьями волосьев рот, сбереженный замерзший щипок от своей заветной «четырёхсотграммовки», чтобы поддержать его, Доходяга с каждым шагом приближался к конечному финалу существования.

Каратас и себе клал стылый кусочек. Он тщательно рассасывал его, оттаивал во рту, и тогда, когда он размягчал, наслаждался безумным вкусом щипка. А слюну, напрочь пропитавшуюся этой вкуснятиной, неторопливо проглатывал, блаженно прикрывая при этом глаза.

Вот что это такое – хлеб! Цену ему можно понять только вот так.

Тащась в строю, и уже не чувствуя лихорадившего озноба, он вспоминал гибкую фигурку» своей хатун. Вот она, пригнувшись, словно переломившись в поясе, расставляет перед ним белые, только что испеченные в тандыре горячие лепешки. Вот он, не отрывая взгляда, зачарованный ее покорной красотой, берет в руки большую толстую лепешку и разрывает ее пополам. Одну половину он протягивает ей, своей любимой звездочке, а другую надкусывает, не отводя от нее глаз.

Доходяга умер ночью, когда Каратас задремал.

Перед тем Каратас проверил его, он еще дышал. Правда, как-то с обидой. Из измученных глазниц его беспрерывно, не пре-

кращаясь, текли горячие слезы. Он ничего не говорил ни о себе, ни о ком-то, не жалился, не цеплялся за жизнь, лишь только плакал и плакал.

А ночью батыр каким-то шестым чувством понял, что рядом с ним, сбоку, лежит уже не живой человек, а труп. Доходяга лежал прямо, как солдат, вытянувшийся по стойке «смирно». В полумраке продуваемого барака его изможденное лицо с тонким, острым, как клювик носом, было устремлено вверх, в крытый круглыми елями с не обрубленными ветками потолок. Каратас заглянул в его глаза и ужаснулся. Слезы бедолаги застыли от холода и зрачки, еле заметные в последние дни жизни, будто растворились в них. Каратас ногтем отковырнул обледеневшую ледяную дорожку слез от небритой, покрывшейся инеем щеки Доходяги и провел двумя ладонями по своему лицу.

– Бисмилля иррахман иррахим! Да примет Всевышний его душу! – прошептал он, пораженный этой смертью.

Утром Доходягу-напарника лагерные придурки выволокли из барака за ноги, колотя головой о стылый земляной пол, сорвали с него, покрывавшие его тело лохмотья, и голого поставили прямо у входа в барак. Теперь каждый день, выбегая на работу и возвращаясь вечером, Каратас глядел в пустые глаза Доходяги, и ему казалось, что за прошедший день тот удлинился.

«А, может, Доходяга встал на цыпочки, – мелькала мысль, – чтобы выглянуть из-за заставленных перед ним трупов на Каратаса». Все же он делил с ним щипок от своей «четрехсотграммовки»!

Прошел год с тех пор, как пригнали его в этот лагерь. Не год, а страшная година.

Мало-помалу, жадный до жизни, его организм воспрям. И хотя ему всегда мучительно хотелось есть, и весь он страдал от прекращающегося чувства голода, он научил себя на время забывать об этом.

В лагере царили жестокие законы – только так можно было выжить. Все здесь происходило по высочайшему принципу, диктуемому самой борьбой за выживание: ты умри сегодня, а я умру завтра!

Вечно голодный, униженный, он все же не растерял своего степного достоинства. Каждый день, глядя, как на глазах опускаются люди, большие люди, занимавшие до лагеря чудовищно

высокие посты на свободе, он брезгливо отворачивался при виде их, ковыряющихся, в надежде найти что-нибудь съедобное в вылитых помоях.

– Нет, я таким не стану! – скрипел зубами степняк-батыр, – Уж лучше сдохну!

Как-то раз в полумраке барака его сдернул с нар молоденький «зэк», «шестерка» у «урок». Поцокивая языком сквозь щербатые, черные от «чифира» зубы, он выпалил в лицо Каратасу:

– Че расшеперился, чурка вонючая, вытряхивайся сюды, надоть портянки состирнуть, – «шестерка» бросил ему на лицо вонючие липкие тряпки.

Кровь ударила в голову батыру. Даже в гибельных подвалах НКВД его так не унижали «чекисты». Били смертным боем, пинали ногами, подвешивали, вывернув руки, под потолок, ломали пальцы, зажимая в тисках, требуя от него каких-то невысказанных признаний. Глубоко под ногти вкручивали стальные струны со специальными заусенцами на концах. Поили, истрадавшегося, водой, разбавленной уксусом. Жгли ему спину раскаленным добела на огне стальным прутом. Неделями круглые сутки не давали ему спать, допрашивая под заливающим светом от мощного прожектора.

И тогда он хотел одного – выжить. Но выплевывая изо рта сквозь выбитые зубы кровавую пену, он находил в себе силы шептать проклятья красным «манкуртам».

Но даже они, «манкурты», вымучивая его тело, казня изощренно, все же не унижали так, как только что сделал этот молоденький «шестерка».

Ясно осознавая, что «урки» в бараке всех застращали, что у них, у каждого, в голенище острая финка, скупающая по мягкой человеческой плоти, изо всей силы батыр впечатал свой кулак прямо в расползшийся было в подлой улыбке рот «шестерки». «Шестерка» отлетел и, ударившись затылком о сучковатую ножку нары, изумленно застыл, соображая.

И в этот миг озверевший батыр, следуя принципу «ты умри сейчас, а я после тебя», воткнул прямо в вылупленные глаза давно, после «манкуртовских» струн, потерявшие чувствительность, два растопыренных пальца. Не человеческим криком, не звериным воем, а какой-то раненой птицей заголосил «шестерка», мгновенно ослепнув. Неспешно, плохо повинующимися пальцами, поковырялся забывший человеческий облик батыр в глазницах «шестерки» и вырвал оттуда глазные яблоки.

Обливаясь кровью, рухнул «шестерка» на земляной пол. Сквозь ладони его рук текла алая жижа. Каратас переступил через умирающего, и, провожаемый сотнями глаз ошарашенных каторжан, направился в угол, откуда на него смотрели восхищенные им «урки».

Он подошел туда, точно к эшафоту, ясно осознавая, что сейчас они, прямо из сидячего положения, взовьются и окажутся на нем. Облепят его и станут резать на куски. Так уже было. Много раз резали они за неповиновение «врагов народа».

Но не дрогнул джигит. Остановившись в метре от главного «пахана», он раскрыл окровавленную ладонь, на которой лежали два человеческих глаза. Глядя прямо на не отвернувшего насмешливого взгляда «пахана», он тремя пальцами левой руки ухватил выскальзывающий от крови и слизи глаз «шестерки», и медленно поднес к губам, положил его в рот.

Ни один мускул не дрогнул на его окаменевшем лице. Ничем не выдал своего волнения строгий «пахан». Батыр языком подогнал упругий скользкий комочек на коренные зубы и, не отрывая взора от «пахана», стал жевать. Струйка крови выскользнула из уголка его жестких губ и потекла змейкой по подбородку. Он утер ее тыльной стороной ладони только после того, как прожевал и проглотил глаз. А второй бросил себе под ногу и, гадливо морщась, раздавил изодранным до дыр башмаком. Он ждал...

Вот теперь они кинутся на него. Он уже чувствовал у себя под ребрами холодные клинки «жиганских» финок. И это на удивление его бодрило. Он был уже не просто обреченный лагерник, он был загнанный зверь в образе изможденного человека. И, как зверь, он стоял, пытливо вглядываясь в портрет главаря, даже не выпуская из горла рыка, не скаля клыки. Он был хищник, готовый принять эту самую смерть, которой почему-то так боятся!

Но «пахан» медлил, изумленные «урки» прицокивали языками, пораженные поступком ничтожного «чурки» — «врага народа». Им так хотелось воткнуть ему в горло ножи, что они изнывали от нетерпенья. Как вдруг главарь, будто решив, наконец, труднодостижимый кроссворд, устало махнул рукой Каратасу, милуя и отпуская его.

«Урки» не поняли. Вопросительно и враждебно приподнялись с мест, руки их, словно змеи, скользнули к голенищам, к закусавшим ножам.

– Ша! – рявкнул «пахан», даже не встав с места, – Вякать? Сявки! – и, чуть сбавив тон, но вычеканивая каждое слово, отчетливо произнес:

– Он заслужил право на жизнь! Пусть живет!

Вот и тогда Смерть, старая костлявая старуха с источенной косой в руках, только было, метнула к нему свои тощие иссохшие руки, пытаясь вцепиться в каторжника длинными когтистыми пальцами. Только было, растянула в слюнявой улыбке тонкие злые губы, радуясь. Только хотела она взмахнуть... Но и тогда Азраил – добрый ангел – шепнул ему в ухо: «Еще не пришло твоё время!»

Он развернулся и ушел с достоинством, сохраненным такой чудовищно жестокой ценой.

А как же он должен был поступить? Выстирать липкие вонючие портянки «шестерке»? Так уж устроена эта жизнь! Сильный гнет слабого. Унижает. Топчет. Чтобы, наступив на его не противившееся тщедушное тело, обтерев об него ноги, возвыситься самому. Встать *над* толпой.

Единожды предав свои принципы, всю жизнь будешь потом кланяться. Сгибаться угодливо в поясе, сдергивать шапку, по песьи заглядывая в глаза, уверяя в своей преданности. Думать – одно, делать – другое, говорить – третье. Из страха. Да и думать со временем станешь угодливо. Это – липучее, рабское, – оно быстро становится нормой. Потому что слаб человек. Ему необходимо оправдать себя, свои слова, поступки. Трясаясь за благополучие, за краюху хлеба, брошенную с обильного стола. Один раз ты возьмешь эти портянки в руки, и все. Пропал человек! Превратился в подлую гиену.

Разве стоит жизнь того?!!

Погруженный в нелегкие, тягучие, словно кишки только что освежеванного барана, мысли, Каратас резко распрямил незаметно для себя согнувшуюся спину, поднял голову, опущенную под тяжестью воспоминаний вниз. Стер с лица земли сучковатой, отполированной за долгие годы палкой вычерченные знаки. Поправил сползший было с плеч чапан и прислушался к происходящему вокруг.

Станция жила своей жизнью. Порой старцу казалось, что он и станция – два соперника. Потому что он теперь жил воспоминаниями, а она – своими повседневными заботами.

Грохотали проходящие составы. Урчали двигателями натужно работающие трактора. Откуда-то с полей ветер приносил пьянящий запах налитых соком не скошенных трав. А вечером, как только день предательски начинал пятиться к горизонту, к станции приближался топот и мычание сытых коров, бестолковое бляение тупых овец. Он тогда не на шутку сердился на нее, свою соперницу, и почти вслух негодующим полусшепотом начинал ругать:

— Что ей до моих воспоминаний? Разве может она понять мою боль по прожитым годам, по безвинно сгинувшим моим старикам, по маленькой хатун? Где мой сын? Что ей, этой притулившейся к стальным рельсам станции, вечно пахнущей мазутом и креозотом, до моей печали? Она встречает и провожает поезда, семафорит одним зеленым, другим — красным глазом. Точно лицемерная девка, не приглянувшись тут же выдает стоп, ну а тех, кто люб, сама зазывает чарами. Где же ей взять время проникнуться к взбередевшим ранам Каратаса?

Так ругал провидец свою, ставшую ему родной, станцию, распеаясь в полусшепоте, как вдруг игривое ржание коней за окном умиротворяло его, проливая бальзам на суровое сердце. Жесткие складки на лбу неохотно расправлялись, суровые седые брови разглаживались. Он тут же вспоминал Серого в яблоках, и, продолжая полемику с ней, мягчел:

— Я понимаю, тебе сейчас не до меня. У тебя страда. В такое время день год потом кормит. Это хорошо, что все комбайны вышли на уборку. Трактора вроде бы исправно работают. Конечно, надо успеть, как бы не грянули эти бездушные дожди, предвещающие новые заморозки. Необходимо все успеть вывезти с полей. Скот в этом году, видимо, хорошо отъелся. Сена накошено много, выстоит холодную зиму скотина. Вот закончится «полундра», отмоются все, передохнут от жатвы, а там, глядишь, начнутся радостные тои. Вон, сколько невест вымахало. Настоящие степные красавицы. Быстроглазые, пугливые, как сайгаки, стыдливые. Да и джигитов не меньше, и еще растут. Скоро, вот и соседские дети, Амирджан и Абай джигитами станут. Я уж не сержусь на тебя. Все понимаю, у тебя своих забот — полон рот. А составы должны идти. Пусть они грохочут. Разве лучше было бы, если бы они не шли? Разве ж не таким грохочущим составом приехали и мы с Валентиной на эту богом забытую в то время станцию? Разве не здесь мне протянул руку помощи мудрый Сеит-маркым?

Да уж, трудное то было время! Если бы отвернулись от нас тогда теперешние мои земляки, куда бы мы подались тогда? А ведь я ради этой земли воевал, проливал свою кровь в гражданскую, а потом в Отечественную. Не за то, чтобы стереть несправедливо приклеенный мне ярлык! Нет! А затем, чтобы оберечь ее, свой народ от нужеземцев, хотевших поработить.

А обида? Ну, что ж обида? Разве не мудро сказал мне маркым-Сеит? «Нельзя сердиться на мать-отчизну, свой народ. Пусть даже он порой неразумен!»

Ты уж не обижайся на меня, мой аул. Я ли не рад твоему процветанию! Только бы ты хоть иногда и меня вспоминал. Много ли мне надо, старику?

Каратас незаметно для себя добрел, умиляясь своей возвышенной любовью к своей земле, народу, аулу. И тогда ему уже не сиделось на месте, хотелось пойти туда, на поля, внести свою лепту.

Большегрузные составы шли тяжело, серьезно. Озабоченные, они грохотали, натружено, безжалостно давя своей тяжестью на белеющие полированные нити рельс.

«Они вообще непонятные, эти большегрузные. То требуют запретного цвета, жалуясь на усталость, требуя передышки, то вдруг пронзительно гудят, переполашивая станцию, негодую, что им навстречу выкатили красный глаз.

Вот пассажирские – те проще. Пролетают весело, особенно вечером. Впрочем, эти негодники приманивают к себе замороженные взоры станционной молодежи. Освещенными быстро мелькающими окнами тянут за собой. И увлекают в какую-то даль. А нашим несмышленишкам кажется, что в той стране, куда весело проскакивает пассажирский, им будет легче, проще жить. С неба на них свалится манна небесная! А того не понимают, что надо жить там, где земля тебе подарила жизнь, где лежат твои предки в заветренной степи, поросшим пенистым как кумыс ковылем! И что высший долг человека – отблагодарить ее своим трудом, заботой о родном крае! Ведь недаром говорят у казахов: «Чем на чужбине быть падишахом, так уж лучше на родной земле прахом!» А казахи мудрый народ!...

Вот и соседский парнишка Амирджан озабочивает. Уж больно ершистый и надменный. Над людьми надсмехается, старшим дорогу не уступает, к младшим безжалостен. Вот только его, Каратаса, побаивается, хоть и стар он, а все же может еще одним

суровым окриком осадить неразумного. Хотя юноша сам тянется к нему, уж, сколько лет вьется рядом, да уж какой-то волчий у него характер. Отчего бы это? Родители, Бектемир с Улжан, хорошие люди, сердечные казахи. Уж как я с ним только не говорил. И топал сердито ногами и палкой замахивался, прогоняя, прочь волчонка и по-хорошему беседовал. Убеждал его.

Но вот наваждение какое! Стоит только прикрыть мне глаза, как я вижу его, Амирджана обезлюдевшим, по локоть в человеческой крови, презирающим род человеческий. После этих видений у меня начинает болеть голова. Как уберечь людей от этого волчонка. Ведь когда он вырастет и превратится в настоящего каскыра, много горя принесет он. Многим, ох многим от него станет плохо. Что же делать? Кому об этом скажешь? Подумают люди, из ума выжил старик!

Другое дело Абай! Совестьливый, участливый ко всему. Хоть и молод, а труда не чурается, душой болеет за происходящее в ауле. Даст Аллах, вырастет из него сын народа!»

День ото дня, коротая время на своем излюбленном месте, под старым, раскидистым карагачем, просиживал старец Каратас, укоряя время в том, что оно столь быстротечно.

Продолжая чертить длинной, сучковатой палкой сухую, обожженную за лето землю, вычерчивая только ему одному ведомые знаки, он казался со стороны задремавшим. Но не дремал он. Он боролся со своим извечным врагом, ставшим теперь его собственной тенью, вторым Каратасом, всегда спорящим с ним, иногда выводя из равновесия. Этим врагом была его память! День ото дня она погружала его, оттягивая назад, в прошлое, насильно принуждала вспоминать, вспоминать, вспоминать!

Он вспомнил как спиленная, огромная ель, ломая толстые ветви, падая, словно ударом хлыста стеганула по земле, подминающая под себя почерневшие сугробы, хрупкое, измученное тело аемляка-киргиза.

Киргиз был учителем в райцентре. У него осталась большая жена и несколько ребятишек. Что-то не так сказал об «отце народов» и схватил за это «десяточку».

«Десяточка» не считалась большим сроком среди тех, у кого пролетарскими судами были определены четвертаки. Но и «десяточку» не суждено было дотянуть киргизу. Чересчур он был мягкий и интеллигентный. «Четырехсотграммовку» проглатывал вмах, а потом смотрел по сторонам обиженно, жалобно.

Тугой ствол ели напрочь перебил ему спинной позвоночник. Каратас из-за толстого комеля видел, как выдернули его из-под лесины «краснопогонники». Киргиз был еще жив, он то ли плакал от боли, то ли о чем-то просил охрану. Однако, не тронула никого из них эта просьба. Да и зачем было им возиться с киргизом? Чтобы не тратить патроны, просто воткнули ему штык в висок. С размаха. Был киргиз – не стало киргиза!

Вспоминал Каратас покрытую инеем тайгу, в сизоватом маре,в крякающую от крутого мороза. Черными двуногими муравьями кишела она, недоумевающая: «Что это за жалкие существа, со слезящимися красными глазами, заостренными худыми носами, покрытые лохмотьями и язвами, словно опоенные наркотическим зельем, семенящие с согбенными спинами? Вдруг вгрызаются в живые тела вековых красавиц, острыми, противно визжащими зубьями пил-двуручек, машут железными топорами, раз за разом нанося раны, откалывая живую плоть?»

И тайга, суровая, дремучая, мстила как могла. Обрушивала на ковыляющих двуногих круговертные, завывающие бураны, жгла их, продирая до самых костей леденящими морозами, погребала многих из них, обрушиваясь хлыстами. Но почему-то не отступали двуногие, продолжали, обезумевши разрывать таежную тишь визгом пил и стуком топориков.

Ах, не знала добрая матушка-тайга, что, двуногие эти гонимы под страхом смерти другими двуногими. И что нет у них выбора!

Сколько зим и весен пил он черную баланду, заедал «четырехсотграммовкой», кормил плотью и поил кровью таежный гнус, засыпал на опостылевших нарах, свернувшись в большой клубок, поддерживал огонь в костре огромными, черными вшами, падающих с прожариваемой рубахи? Сколько тачек грунта, сваленных хлыстов, кубометров наломанной киркой руды? Кто это может теперь подсчитать и измерить? Какая статистика?

А командир? Его лихой, разудалый рубака-«комэска»? Его любимый командир, которому собирался рассказать о своей беде, его кумир-орденоносец, с кем сотни раз бок о бок летели, прижимаясь к развивающимся гривам навстречу гибельным пулеметам, сшибались в яростных конных лавах.

Это была одна из самых незаживающих ран Каратаса, незаживающая даже под бременем прошедших лет. Кровь с этой раны продолжает сочиться, заставляя тело в прерывистых снах коржиться и выгибаться дугой до боли в позвоночнике.

Этот этап на «Студеный ключ» не забудут те, кто остался жив и добрались до Студеного. Из восьмисот человек, что вышли из лагеря, дошли, как оказалось только пятьсот. Триста горемык остались лежать, коченея вдоль таежной дороги, по которой гнали колонну целых две недели. Черными пятнами на изорванном снегу, не зарытые, не оплаканные никем, ставшие пищей для таежного зверья.

Что это за страшное время и как такое можно забыть? Он тогда и сам чуть было не полег. Где-то на середине пути надломился, силы были на исходе, истощенный организм еле-еле подготавливал бранные ноги, заставляя шаг за шагом бросать их вперед. Стылая «четырёхграммовка» да кипяток, да рваный сон на холодном снегу сделали все же свое дело. Простуженные легкие рвало на куски, содрогая промерзшее туловище. Безудержный сухой кашель выматывал усталый организм, отнимая последнюю энергию. Тощий, местами насквозь изодранный бушлат не спасал от пронизывающего острыми иглами мороза. Худосочные башмаки, подвязанные тряпочными лентами, отодранными от подола рубахи, окончательно развалились, обнажая наружу обмотанные лохмотьями ступни. Поморожены были уши, щеки, нос. Глаза батыра непрерывно слезились от безмолвного, искрящегося снега, лежавшего вокруг. Их резало так, будто в них насыпали песка.

«Зэки» брели отрешенные, каждый шаг их напоминал последний. Сама обреченность катилась вместе со строем, опустошая еле из последних сил стучавшие сердца, лишая надежды на жизнь, еще теплившуюся в воспаленных мозгах.

Отстающих, выпадавших из строя, налетая, тут же рвали на куски, захлебываясь желтой пеной, текущей от ярости, хрипящие конвойные псы. Но бедняги даже не закрывались, не кричали. Обессиленные, вымученные, они безучастно принимали собственную смерть, с каждым оторванным острыми клыками куском почти обескровленной плоти.

Сытые, одетые в добротные овчинные полушубки и тулупы, в толстые катаные пимы, «краснопогонники» равнодушно обозревали картину, лениво поощряя:

– Ату его! Ату! Ату!

Долгий был тот этап, жуткий, смертный. Но Каратас все же дошел. Потому что он так решил для себя.

– Не дождутся эти гады, что я вот также выпаду из строя и они пустят на меня своих мерзких собак. Не предоставляю я им этого удовольствия. Я дойду! Во чтобы то не стало! Я еще поживу! – внушал он себе – и шел...

Лагерь «Студеный ключ» встретил их этап безжалостно. Прямо за вахтой, штабелями, будто поленья, были выложены застывшие трупы.

Этап приняли и тут же разогнали по баракам. Выжившие, добравшиеся «зэки» беззвучно плакали, входя в эти нехитрые строения, которые казались им дворцами, все еще не веря тому, что они все же доплелись.

Каратас и теперь, не смотря на то, что это было так давно, хорошо помнил, как он казнился в те дни, как смеялся над собой.

– Чему же ты радуешься глупец? – задавался он вопросом, – Тому, что ты добрался? Ну и что? Продлишь еще свои страдания! Дашь возможность сволочам радоваться, наслаждаться твоими муками.

Но тут же другой, более сильный и живучий голос в нем говорил, пресекая первый, упавший духом, готовый сломиться:

– Не смей, и думать об этом. Какие бы еще более ужасные страдания не уготовила тебе судьба, борись до конца! За тобой твой народ, земля, где-то сын твой растет, не зная отца. Ради этого ты должен пройти все круги ада, уготованные этими лютыми людьми.

Снедаемый противоречиями, он все же постепенно обжился на новом месте. Струпьями облезли обмороженные части тела. Стали затягиваться, рубцеваться, как на собаке.

Могучий организм, привыкший за годы к лишениям, переборол противный кашель, успокоил постепенно грудь. Какое никакое тепло барака, горячая банда и жажда жизни оживили его. Тело перестало знобить, тряся его в лихорадке ломать, выворачивая суставы. С каждым днем он понемногу крепчал и чувствовал, как возвращаются в него ушедшие силы.

«Зэки» «Студеного» работали на руднике, в шахте. Это был каторжный труд. Руду рубили вручную, кирками. Этих называли «рубщиками». Другие лопатами грузили их на небольшие деревянные вагонетки и по ржавой узкоколейке толкали к стволу. Ствол шахты был горизонтальный и там где он словно огромная нора вгрызался в землю, там свод крепился при помощи «рудстоек». А дальше штольни не крепили, считалось, что это

слишком дорого. Хотя то в одном, то в другом штреке происходили обвалы породы и тогда часто гибли «зэки». Почти все забои утопали. Это выступали грунтовые воды, но даже там где ее не было, царила ужасающая сырость, и от недостатка вентиляции кружилась голова и тошнота подступала к горлу.

Лагерная администрация редко спускалась вниз, поэтому здесь хозяевами были откормленные нарядчики и бригадиры, помощники и их холоуи. Они шныряли по забоям вооруженные крепкими палками по трое-четверо и подгоняли изнемогающих, выбившихся из сил каторжников, осыпая их сквернейшими, злобными ругательствами и зуботычинами, не раздумывая, пуская в ход дрыны. Они требовали одного – норму. Того, кто не выполнял на ночь в жилой зоне закрывали в карцер и урезали и без того скудную пайку.

Лагерные придурки многие сами были осуждены по «58-ой». В прошлом партийные и советские работники, командиры Красной армии и работники НКВД. Много их тогда пришло в лагерь, после расстрела Ежова. Борясь за двойную пайку да лишний черпак баланды, они давно уже потеряли всякую мораль. Поэтому шли по трупам, выслуживаясь перед сегодняшними хозяевами. Готовы были забить до смерти любого. Только перед блатными они робели, тушевались, стоя навтыжку, чувствуя в них смертельную опасность.

Здесь в полумраке еле освещаемых штолен и забоев ничего не стоило блатарям сунуть остро заточенный рашпиль особо прытким придуркам меж ребер. Поэтому и носились они стаями, трусливо озираясь, напоминая гиен, опасливо обходя лежбища уголовников.

Никто из «блатных» не работал. Спускаясь в шахту, они неспешно добирались по выработкам к своим оборудованным куткам, где было сухо и застелено досками. Здесь они добывали прерванный по подъему сон, варили густой «чифир», доедали отобранные у «врагов народа» посылки и травили нескончаемые байки о своих надуманных подвигах на свободе. Карты почти не покидали их рук. Почти у каждого «блатного» в кармане была затасканная колода, и они вертели их ловкими, тонкими пальцами, чисто фокусники, то, рассыпая их веером, то одним движением собирая, вгоняя одну в другую.

«Фартовые» тоже были не все едины. Они делились на масти. Еще попадались те, кто называл себя «урками», были и «воры в

законе», были и те, кто, как их называли «подворовывал». Рядом с ними, мельтеша, подстраиваясь «под воров» в манере прикида, суетились «шестерки». Так называемые «сявки». Хотя и одевались они, подражая вора и уркам в «восьмиклинки» и «хромачи» в «гармошку», но их сразу можно было вычислить.

Каратас хватывал таких из толпы мгновенно. Воры и урки вели себя уравновешенно, базарили негромко с тонкой иронией сквозящей в голосе, они если и «ботали по фене», то к месту. «Сявки» же при разговоре срывались на крик, нервничая, психовали, распускали татуированные, синие пальцы в жестикуляции, треща как сороки, обрушивая на испуганных «фраеров» потоки жаргонной речи.

Здесь, на «Студеном», куда по блатному беспроволочному телеграфу докатилась история с вырванными глазами, степняка уголовники встретили настороженно. А после случая, когда он бросился с острой киркой на ударившего его палкой «подшальника», помощника бригадира, вот тут его позвал к себе «пахан» лагерных уроков.

Батыр хорошо помнит тот день, когда в забой, где он рубил, остервенело кусками выворачивая руду, пришли за ним «сявки».

– Тебя, чурка, «пахан» наш зовет. Чапай за нами, да не зыркай моргалами, а то мы тебе враз свет выключим.

Скрипя зубами, проглотил степняк обиду, кулаки его сжались, белея в темноте, но стерпел он, и пошел вслед за «шестерками».

Его привели в один из кутков. В уютной норке было совсем не так как в забое. Надежную и хорошо освещенную нору «фартовые» обустроили дощатыми топчанами, покрытыми бушлатами и «фуфанами». На перевернутом вверх дном ящике, резались в карты трое блатных.

– Короля тебе в масть, век воли не видать!

– Буби тут не пляшут, Веня, так что наше вам с кисточкой!

Увидев подошедшего «фраера» они отложили карты в сторону, потирая ладони в предвкушении разнообразия.

– Чё хавальник разинул фраерок, может, хочешь стирь погонять. С тебя и выиграть нечего, обнищал весь, – говорили, удивленно оглядывая мощного степняка.

– Ну-ка коцы покажь, може на коцы сыграть?

– Да чё с фраером-то, у него без стир можно отнять, – с ленцой, ковыряясь в щербатых прочифирённых зубах, произнёс сосед того, который требовал показать ботинки.

«Пахана» Каратас, отвлеченный напирющими на него уголовниками, сразу не успел высмотреть. Он лежал в углу на топчане, давая выговориться своим подручным, внимательно прощупывал буравящим, колючим взглядом стоявшего перед ним «врага народа».

Батыр почувствовал этот взгляд, идущий из глубины кутка и посмотрел туда. Приподнявшийся с лежака «пахан» был щуплым и с едва заметным ущербом. Одета на нём чистая, белая косоворотка выпирала, морщась на спине. И хотя горбик был совсем небольшой, но выглядел очень зловеще. Следующее, на что обратил внимание степняк, это его ноги. Обутые в сверкающие, как зеркало, начищенные до блеска, новехонькие «комсовставовские» «хромачи», слегка приспущенные в «гармошку».

Не успел «пахан» опустить их с топчана, как к нему метнулся молоденький «уркачонок», подставляя главарю маленькую табуреточку, заодно рукавом пиджака смахивая пылинки со сверкающих сапог.

Лицо «урки» было жёстким и хищным. Колючие серые зрачки сидели глубоко в глазницах настороженные – это были глаза волка.

Длинный, с чуткими ноздрями, нос угрожающе нависал над бесчувственным ртом, который приоткрылся, обнажая два ряда сплошь червонных зубов.

– Значит, ты и есть тот фраер, шо «сявке» на Тайшете гляделки вытащил? – выговорил сквозь золото зубов урка.

– Отвечай? – зашикали вокруг блатные и «сявки» – когда тебя сам Туз спрашивает.

– Ты уже услышал, шо меня «Тузом» зовут. Мне придурки пожаловались, шо ты и тут, на «Студеном», грабки распускаешь? Кайлюгой размахиваешь, норму не хочешь выполнять. Шо-ж это станет, когда все народные враги вдруг станут махать инструментом. Кто же будет социализм строить? А, фраерок? Може, тебе рашпилю захотелось под ребро, или може, тебе лампочку выключить? Это на Тайшете прохезало, здесь мы тебя на куски порежем! Бойся, фраер!

Батыр видел, что «фартовые» уже взяли за ножи, стальные жала их зловеще отсвечивали в свете кутка.

Страх холодными струйками пота противно заскользил по спине Каратаса. Помня о том, что нельзя ему поддаваться, этому гадкому чувству, батыр вздохнул полную грудь и ответил «пахану»:

– Мне, конечно, не понятны ваши блатные законы, по которым вы живете. Вижу я, что ты хоть и убогий, а тебя здесь боятся. Значит ты сильный человек. Ты грозишь зарезать меня из-за случая в Тайшетском лагере. Там меня хотели унижить, поэтому я убил ту «шестерку». Если бы ты, Туз, знал, каким пыткам я подвергся в подвалах НКВД, ты бы понял меня. Я знаю, что одно твое слово, и меня действительно изрежут на куски твои «шестерки».

Каратас видел, как дернулись к нему после этих слов блатные, взметая лезвия, но он заставил себя не шелохнуться.

– Хочешь убить меня, убей! Но не заставляй унижаться, – попросил он «урку».

В «норке» повисла мрачная тишина, не предвещавшая ничего хорошего, тишина пахла смертью. Наконец, буравящий его взглядом пахан расцепил тонкие, злые губы и произнес:

– Шо тебя валить? Это ж запросто. Ну, шо от твоей смерти, нам срок сбавят? Подгребай сюда, «фраер», я уважаю смелых людей. Будешь мне, Тузу, за житуху свою базлать. А то уж надоедо их романтические этюды выслушивать, – «урка» взглядом серых глаз указал на блатных.

– Пропустите «фраера»! – отдал он приказ.

Уголовники тут же потеряли всякий интерес к степняку, вернули на место ножи и вновь схватились за карты.

Туз приказал заварить «чифир», и стал угощать присевшего у топчана на табурет Каратаса.

Вот тут-то впервые за долгие годы после ареста Каратас выпил густо заваренный чай. И, как истинный степняк, любящий и понимающий толк в нем, он пил и смаковал, наслаждаясь. Сразу же зашумело в голове, батыр почувствовал, как стремительно побежала кровь по венам, застучала в висках. Это было воистину наслаждение!

«Пахан» угостил степняка папиросами, но Каратас, поблагодарив, отказался.

Они пили «купец», опуская в него желтые куски сахара. Сахар был твердый, его с трудом раскусывал «урка».

Каратас не громко, вполголоса стал повествовать ему свою нерадостную историю. Видно было, что Тузу занятно послушать о другой жизни, совсем не похожей на его. Туз отхлебывал варено-глоточками, с видом человека никуда не спешащего и, внимательно слушая, прицокивал по блатной привычке языком.

Он так искренне дивился рассказу Каратаса, для него было непонятно, чего ради поперся этот бедный степняк вслед за Красной Армией?

– Шо ж тебе не воровалось, дуралей ты? У вас же самые отважные, табуны воруют? Для чего тебе надо было вслед за большевиками? Я вот ни за красных, ни за белых, мой покойный родитель еще при царе-батюшке на Хитровом рынке славился как первостатейный шнифер. Я, Туз, по стопам батюшки, царствие ему небесное, – Туз деланно перекрестился, – пошел. Мне шо лагерь, шо свобода! На свободе ж, конечно, лучше, гам ведь шма-ры!.. Да в зоне то ж хорошо, у тут закон наш. Ну, рассказывай дальше, что было, – разрешил он.

Вечером, когда их пригнали в жилую зону, Туз приказал очистить место на вагонке рядом с собой – для Каратаса. Чем-то, видно, приглянулся степняк хищному «урке».

Так постепенно сжился батыр рядом с волком-«паханом». Вечерами они пили вместе чай и Каратас рассказывал ему про пещеру, по службу у эмира. Про хатун и сына он говорил с болью в голосе.

Горбун был первый человек за время, проведенное в неволе, перед кем Каратас открыл изболевшуюся душу. Он выслушивал его серьезно, без насмешек, пытаясь понять степняка. Иногда перебивал и принимался говорить о своем. Его тоже было необыкновенно интересно слушать. Для Каратаса жизнь Туза вообще была туманной, непонятной. Но он начинал уважать этого уголовника за его внутренний дух.

В те дни тайга заливалась протяжными черными дождями, небо опускалось совсем низко к земле, и висло рваными клочьями над самыми верхушками крон. Высокие, похожие на свечи ели притихли, напуганные от беспрестанно льющейся сверху неуютной воды. Слышался грохот переполнившей берега реки, текущей где-то за лагерем, которой Каратас никогда не видел. Рано утром, когда жилая зона окутывалась клубами идущего от реки густого тумана, откуда-то из глубины мокрой тайги доносились тоскливые звуки трубящих лосей. В бараке, всегда сыром, влажный воздух был холодным и душным, от него под утро сырела одежда. Люди спасались, тесно прижимаясь, согревая себя идущим слабым теплом тел друг друга.

Ночами строение сотрясалось надрывным хрипом и сухим, разрывающим тощие грудные клетки зэков удушающим

кашлем. Сырость штолен и забоев рудника, а после него продаваемые жилища, косили людей как серпом. По утрам многие еле поднимались, колотаясь зубами от охватывающего и ломающего все тело жара. Ворочая разбухшими от сухости во рту, одеревеневшими языками, умоляли они нарядчиков и бригадиров об отгуле, для того, чтобы попасть на прием к лагерному фельдшеру.

Каратас же, наоборот, окреп за последнее время. Дружба с Тузом пошла ему на пользу. Туз на многое раскрыл глаза степняку, он день за днем терпеливо обучал своего подопечного законам и уловкам лагерной жизни. Туз был королем среди уголовников и чувствовал себя в этой среде, как рыба в воде. От него Каратас постепеннее научился нормам поведения с начальством, с придурками, с уголовниками. Со временем он стал чувствовать на себе признание среди прибалтанных.

Покровительство над ним самого Туза открыло ему доступ к столовой. Теперь степняк не голодал, да и завхоз стал благосклонней к нему, выдав ему хоть и ношенные, но крепкие, из толстой свиной кожи ботинки, пробитые желтыми ржавяющими в сырости гвоздями. И хотя батыр продолжал работать все также рубщиком в забое, вечерами Туз неизменно звал его к себе и они проводили время в беседах. Туз стал спасительной отдушиной в жизни Каратаса в гибельной лагерной обстановке.

Теперь, когда здоровье восстановилось, он стал подумывать о своей затаенной мечте. Она стала заполнять его всего, и вскоре уже не оставляла места ни для чего другого. Этой мечтой батыра была дombra...

И однажды, не выдержав, он поделился ею с Тузом. Пахан совершенно равнодушно выслушал разволновавшегося степняка и в конце пообещал помочь. Наступил день, когда Каратас приступил к изготовлению любимицы!

Добра! Как много она значит для кочевника. Этот нехитрый инструмент, при помощи которого слепой степной күйши донес до страшного Шынгысхана весть о гибели на охоте его старшего сына, хана Жошы. Она пользовалась в кочевом народе огромной не имеющей границ любовью.

Прошло немало недель и месяцев, пока она была готова. Каратас был безмерно благодарен Тузу, научившему его прятать, уберегая от свирепых шмонов, части от нее. Все эти дни и ночи он жил одержимый созданием, превращением казалось бы

несбыточной мечты в реальность. И вот наступил день, когда домбра была готова.

Спустившись, как обычно в шахту, Каратас не пошел в забой, сегодня был особенный день, праздник. Его дарил король уголовников – Туз. Это он договорился с бригадиром, дав последнему папирос, чтобы тот освободил степняка от работы. И теперь батыр, сидя в уютном кутке Туза, бережно и с трепетом натягивал заветные струны на деку инструмента. Это была отдельная история, и опять здесь не обошлось без помощи всеильного «урки». По его приказу уголовники выкрали одну из самых свирепых конвойных овчарок и забили ее. Мясо, естественно, было съедено не особо разборчивыми блатарями, а из тонкой кишки чрезмерно лютый собака Каратас при помощи старинного степного рецепта изготовил их. Конечно, это были не те струны, но что делать, сейчас он был рад этому. Хотя, впрочем, терпение и умение батыра было вознаграждено. Хорошо натянутые, теперь и они звучали вполне сносно. А так как батыр и сам уже давным-давно не слушал настоящий инструмент, эта, казалось ему, выдавала воистину волшебные звуки.

Блатные в кутке, как обычно, резались в карты, проводя за игрой время. Туз, от нечего делать, разглядывал свое отражение в носке начищенного «шестеркой» хромового сапога, цыкая от нетерпения послушать взволнованного степняка. Напоив крепко заваренным чаем, он требовательно попросил Каратаса:

– Ну, шо батырь, давай-ка, сбациай для души. Че ты можешь? Жаль, наших ты не знаешь, а то бы уркаганскую сполнить!

Каратас, не желая дальше испытывать терпение Туза, которому был в душе благодарен за то, что его мечта, о которой даже немислимо было думать в его недавнем прошлом – теперь воплотилась. Вообще, в его лагерной жизни наступил крутой поворот, и за все это он в своих молитвах Всевышнему возносил имя своего ущербного физически всеильного покровителя – Туза.

Каратас решил сыграть и спеть для него песню любимого им Биржана. Он коротко, в сдержанной форме повествовал горбуну предысторию этой песни.

Уголовники, тоже заинтересованные рассказом «врага народа» отложили в сторону стирки и ждали.

Пальцы батыра, изувеченные пытками, истосковавшиеся, преодолели одеревенелость и стали бегать по тонкому грифу. Дом-

бра издала вначале гортанные, сухие звуки, но вскоре, почувствовав силу рук и злость игрока, вылила нужные нотки. И в тишине штольни эхом вылился резонанс аккордов. Она зазвучала мягко, затем выдала полные грусти, тоскливые нотки и степняк-батыр, почувствовавший как защипало в глазах и остро резануло по сердцу, запел.

Первые нотки полузабытых фраз батыр начал выводить осторожно, негромко, чутко вслушиваясь в мотив. Так опытные участники старинной степной игры «аламан» – байги пускают рвущего удила, водящего красными от нетерпения глазами аргамака, вначале осторожно, прислушиваясь к его дыханию и топоту, и только потом, убедившись, что все нормально, отпускают его в сумасшедший галоп. И тогда летит конь, словно сказочный тулпар, почти не касаясь тонкими, изящными ногами земли, ветер упруго хлещет, развевая шелковистую гриву и степь, великая несется навстречу

Вот так и Каратас. Закончив первый куплет, заиграл ярче с удалю, струны тут же отозвались. И тогда второй куплет он поднял выше и вложил в него не расплескавшуюся любовь, накопленную за эти годы.

Его степь, его горы с кряжистыми хребтами и белоснежными вершинами, всегда жили в нем, давая силы претерпевать страдания и разлуку с родиной. Бывало так, что порой он ловил себя на том, что эта милая сердцу картина от времени тускнеет. Ведь кругом была тайга, мохнатая, дремучая, негостеприимная. А вот сейчас, она вновь ожила в его памяти, словно отреставрированная, засияла свежими, ярчайшими, наполненными разноцветным степным колоритом красками. Каратас пел и умилялся словам песни, таким сильным и мудрым. Его голос то вскипал, то вдруг вскрикивал испуганной гусиной стаей, взлетевших над зелеными зарослями камыша, то опускался, будто к тихой глади степного озера, по которому бесшумно скользили пара лебедей. Когда, допев последний куплет и проиграв длинный наигрыш, батыр замолк, блатные, не умеющие сдерживать эмоции, разразились восхищенными возгласами:

– Во бацает! Мазево! И кишки подлого пса, смотри как воют! Ну ты даешь, «враг народа»! Давай че-нибудь про любовь!

Но Каратас не обращал внимания на них. Он глядел на Туза, ожидая его реакцию. А тот лежал, все также облокотившись на правую руку.левой рукой при помощи палочки Туз с наслажде-

нием почесывал свой горбик. Никаких других эмоций на его лице не было. Каратаса его равнодушие немного обидело.

– Хорошая песня! – вдруг разлепил свои тонкие губы «урка», – И поешь ты хорошо, с душой, я так понял, что исстрадалась твоя душенька по степи. Што ж, я вот по Белокаменной скорблю. Уж забывать меня стали голубки с малин, ни писем давно не шлют, ни посылочек. Как доберусь до них, так наказывать буду. Видать уж под другими фатовыми пребывают. Бабы – они же, как суки, кто погладит, тому и руку лижут, – Туз едко и смачно выругался, проняла все же видимо его песня Каратаса, – Давай, басмач, продолжать знакомить нас со своей культурой, играй, – махнул он нетерпеливо рукой.

Всю рабочую смену отдавался музыке батыр. Сыграл знаменитый күй «Аксак-Кулан», «Сары-Арка», «Кулагер», спел несколько песен знаменитого в степи борца Балуан-Шолака.

Возвращался он в строю «зэков» счастливый и ничто не раздражало его: ни лай конвойных псов, ни окрики «краснопогонников», ни вид утрюмых бараков в зоне.

Но радость того дня, как оказалось, не закончилась, он встретил своего кумира, человека, которому он безгранично верил и хотел разыскать в те годы, когда его объявили «врагом народа».

И вот этого человека он встретил здесь, на «Студеном»! Каратас боялся поверить своим глазам.

На «Студеный» пришел новый этап. Он притащился в те дни, когда сезон дождей, льющих с небес, неожиданно прекратился и природа замерла в ожидании первой пороши.

Так что новоприбывшим повезло. Всего лишь с десятков человек полегло по дороге, да и сам этап был крошечный, около сотни.

Как и все обитатели строения, Каратас рассматривал со своей вагонки новичков. Жидкой толпой теснились они посреди любопытствующего барака, переминаясь с ноги на ногу, готовые свалиться от усталости.

Вид «этапников» внушал жалость. Это была горстка голодных, измученных, затравленных людей, одетых в изодранные, грязные лохмотья.

В полумраке света, падающего на их лица, промелькнуло одно. Но почему так знаком этот острый прищур глаз, эти упрямо залегшие складки на лбу у переносицы, смелый разлет бровей. Что же, что в них такого знакомого, родного? Батыр приподнял-

ся с нары, и, вытянувшись вперед продолжал всматриваться. Догадка, как удар плетью, обожгла его вдруг, осенила. Сомнений не могло быть. Эта шея с острым кадыком могла принадлежать только ему. Его родному командиру. Вскрикнув, боясь обознаться, батыр бросился вниз и метнулся к проходу в сторону мучеников.

Командир!

Да, это был он. Вернее он и не он. В памяти батыра «комэск» запечатлелся быстрым и решительным, с твердым голосом, весь перетянутый кожаными ремнями, в кубанке с алым верхом. А этот, стоявший перед ним человек, казалось, был и ростом ниже. Испуганный его взгляд тревожно шарил по лицу Каратаса красными, слезящимися глазами. И все же это был он.

– Жолдас командир, это же я, Каратас, – вымолвил батыр, протягивая навстречу обессиленному этапнику обе руки, спеша принять в свои объятия.

Не забыть до конца своих дней ему эту встречу. Она ошеломила и что-то в нем надломилось. Про себя он уже все знал. И за несколько лет пребывания в лагерях как-то свyksя с тем, что произошло в его жизни. Он действительно, «враг народа». Ведь это он, а никто другой состоял на службе у эмира. Ведь это он был десятником «он-баши» у заклятого врага Советской власти. Так что наказание он получил можно сказать по заслугам. Вот только все равно многое не вяжется в его трагедии, если разбирать поэтапно, что повлекло за собой следующее. Но это никому уже не интересно. Есть срок, есть вот этот барак, есть Туз-король блатных и его сегодняшняя жизнь.

Но вот, командир! Он то почему здесь? Ему не терпелось выпросить поскорее ответы на свои бесчисленные вопросы.

Наконец-то признавший его «комэск», безвольно припал, прижался давно небритой худой щекой к лицу своего бывшего лихого разведчика. Как-то странно заширкал носом, все сильнее вжимаясь в плечо степняка, пальцами рук, теребя на нем лагерную робу. Батыр вдруг понял это состояние своего товарища, он суетливо похлопал по выпиравшим лопаткам ладонью, прося успокоиться, и сам порывисто прижал к себе человека, вслед за которым, не раз скакал в губительные атаки.

Мир опять, в который уже раз будто перевернулся в его помутненном сознании. Вот только барак оставался баракom. Он заметил, как со всех вагонок пялятся на него сотни насторожен-

ных глаз, а из угла, где блатные только что резались в стары, донеслось изумленное:

– Хляди-ка, Туз, твой басмач подельника встретил чо ли, как лобызает!

Этот выкрик «фартовых» вернул батыра в его действительное лагерное состояние. Взяв себя в руки, он повел друга к завхозу, хлопотать, чтоб выделил место и выдал пайку.

Чуть позже он напоит кипятком боевого товарища, отдаст тому свою кровную «четырёхсотграммовку», и как богатство, положит перед ним очищенную целую луковицу. Сам молча наблюдал, как ест командир, держа в одной руке хлеб, а другую, подставив лопаточкой, чтобы не уронить ни крошки. Видно было, что он измучен проделанной дорогой и теперь, напившись вволю горячего кипятка, проглотив прожеванный хлеб, уже засыпал, сидя. Каратас взял на себя заботу, заставив его лечь. Сунул ему под голову котомку.

Бури противоречий, давно, словно муть, осевшие, всколыхнувшись, поднялись, заполняя мятежную душу.

О, Аллах! Всевидящий и всемогущий, милостивый и справедливый! В те далекие, сырые, промозглые дни, когда красное, будто воспаленное, как глаза у эзков, солнце натужно всплывало над замеревшей тайгой, мысли батыра метались как сполохи молнии во время грозы.

Из кратких рассказов командира, из его усталых недомолвок Каратас все пытался сложить мозаику событий перекатами грома, разносившегося по огромной стране. Его собственная судьба казалось, растворилась в тысячах и тысячах растоптанных судеб. Растоптанных ли? Этот вопрос мучил его, не давая ему покоя. Он, словно огромный гад, то замирал, свернувшись в клубок, там, внутри его, то вдруг начинал шевелиться, причиняя ему невыносимую боль. Гад расправлялся, заполняя его всего, внушая ему жуткий, леденящий страх, селя в его и без того трепещущей душе.

А история, которую урывками, поведал его «комэск» была шокирующей для полуграмотного степняка.

– В каком году мы с тобой расстались? – напрягая вымученное лицо, спрашивал командир.

– В двадцать третьем, осенью, я после госпиталя приехал в эскадрон. Не помните?

– Да, забыл, Каратас! Чего уж таить! – он досадливо помор-

щился, словно сквозь воспаленное ангиной горло, протолкнул слюну!

– Знаешь, сколько воды утекло с тех пор? Я ведь вырос до комбрига! – произнес он, ошарашивая и без того изумленного степняка своим признанием:

– После Колчака на Врангеля ходил, Сиваш брал. За Махно гонялся. В тридцатом с Фрунзе Эмира Бухарского прогонял с трона.

– Эмира? Вы сказали Эмира?

– Да, Эмира Бухарского!

– Так ведь я как раз в то время был его сарбазом.

– Ты воевал против советской власти?

– Нет, я не воевал против Советской власти. В том то и дело! Мы с тобой вместе в атаку ходили. Ты должен мне верить.

И теперь Каратас рассказывал ему свои злоключения. О том, как он попал в войска Эмира, и как он встретил хатун, и как бежал потом. А, рассказав, не переставал удивляться тому, как могли посадить военачальника такого крупного ранга. Окончательно запутался батыр.

– Ты ж пойми Каратас, когда меня взяли, я поначалу возмутился, но меня быстро осадил. Вначале потребовали дать показания на высшее руководство армии, да что там армии, еще вы-ы-ше! – командир говорил шепотом. Он и сейчас боялся говорить на эту тему, может даже в своем бывшем подчиненном подозревая провокатора. Видимо лагерные мытарства и его уже чему-то научили. И в него проникла всеобщие микробы страха и недоверия.

– Я, конечно, был ошарашен и взбешен, – продолжил он, – ведь на честнейших людей предлагали клеветать, на проверенных бойцов революции. А потом мне в лицо суют их лжепризнания против меня. Тут я и выдохся. Командующий армией прямо излагал в них что я, являюсь его ставленником и принадлежу в числе многих знакомых мне комдивов и комбригов к троцкистам. Что целью нашего заговора являлся захват власти в ЦК партии, совнарком. А потом из меня стали заживо вытягивать жилы.

Командир замолчал. По его небритым щекам текли горькие слезы обид. Острый кадык двигался вверх-вниз, грозя порвать тонкую, с еле заметными синими прожилками шею.

Он утер их ладонями грязных рук, размазав по щетине.

– И что же Вы? Написали против них?

– Я не дал показания. Я признался. Я не смог выдержать те изуверские пытки, которым они подвергали меня ежедневно. Они привели мою жену, избитую до полусмерти и сказали, что будут насиловать ее до тех пор, пока не умрет на моих глазах. И тогда я поставил свою подпись на всех бумагах.

Он опять зарыдал. Степняк изумленно наблюдал, как плакал, словно беспомощный ребенок комбриг Его боевой товарищ. Сердце его суровело.

Лагерная жизнь Каратаса продолжалась. И ничто в ней не изменилось. Все также свирепствовали ироды-придурки, огромная масса «зэка» продолжала безропотно повиноваться, мечтая лишь об одном: наесться от пуза. Цинга и туберкулез выкашивали людей, словно косилкой. Каторжный труд на руднике, в сырости и полумраке, ежедневная норма доканывали слабых, особенно интеллигентных. Выживали сильные. На место «ско-вырнувшихся» продолжали приходить этапы.

Самым странным для Каратаса стало то, что он уже полностью освоился с этой жуткой системой селекции. Он стал лагерным человеком. Таким же, как его покровитель Туз.

Конечно, до Туза ему было далеко, но в чем-то он выравнился с убогим королем урок. В чем же? В жестокости. В звериной жестокости. Это Туз открыл ему глаза на то, что лагерь не стоит рассматривать как страдание или свалившееся горе. Для таких как Туз зона была лишь временной переменой жительства от малины. Так они говорили, «фартовые».

Каратас понял одно для себя. Он должен выжить. Не для того, чтобы как говорит его командир, донести до самого мудрого из людей о бесчинствах, творимых здесь.

– Товарищ Сталин не знает обо всем этом. Он один. Вокруг него враги мировой революции. Это они за его спиной расстреляли ярких и преданных Советской власти большевиков. Это они упрятали за решетку весь цвет тех, кто как и я тонул в гнилых водах Сиваша и брал Перекоп. Мы должны бежать Каратас. Необходимо дойти до товарища Сталина и рассказать ему кошмарную правду, о том, что здесь происходит. Мы должны стать острием его карающего копья, которое он направит в подлое сердце гидры контрреволюции, – в глазах комбрига стоял лихорадочный блеск от чувства собственной ответственности перед товарищем Сталиным. Он хватал батыра то и дело за плечо и,

заглядывая прямо в лицо, возбужденно шептал, без конца оглядываясь по сторонам, – Я верю, тебе, Каратас. Придет день, когда мы с тобой будем готовы к побегу. Мы дойдем до него, обязательно дойдем. Только это мне дает веру и силы в моей борьбе!

И хотя Каратас был не очень грамотен и внутренне продолжал любить своего командира, все же он не был согласен с ним.

«Наверно это из-за того, что я совсем озверел», – думал он, – Товарищ Сталин может и хороший человек, но я верил Ленину. Вот товарищ Ленин не допустил бы этих кошмаров. Он был за таких как я, простых бедняков!»

– Сколько вон их тут – как любит выражаться Туз, – революционеров, бывших большевиков, командиров Красной Армии. А ничего, работают в одном забое с бывшими колчаковцами, деникинцами, дутовцами, Петлюровцами. Как за здорово живешь! Жрут рядом, спят рядом, в одном строю ходят. Че же они, ежель такие непримиримые, тут не режут друг дружку?

Такой простой истиной загонял Туз в угол, пытавшегося попервой что-то противоречить Каратаса.

– А мы, воры! Урки! Как у Вас зовут? Во! Джигиты! Нам ни-по-чем любая власть. Был батюшка-царь, мы крали. Керенский пришел, мы крадем. Большевики верх взяли, мы продолжаем красть. И наш закон справедливый. А ты хляди, че они с тобой сделали? Ты воевал за Советскую власть, а тебе в награду кирку в руки на двадцать лет. Вот! А полководец твой! – Туз театрально покрутил пальцем у виска.

– Ты живи пока, не тужи. С Тузом не пропадешь. А как прищичит зеленый прокурор, уйдем в тайгу. Может, если в масть, так и в Белокаменную доберемся, – мечтал король «фартовых».

Каратас молча отхлебывал из кружки и раздумывал. У него была другая правда. Все перепуталось в его голове: Туз... Сталин... Урки...

Нет же, у батыра свой путь.

Он конечно даже представить не мог, что же он будет делать, окажись на свободе? Будет ли служить Советской власти? Но она его не примет. Более того, она будет преследовать его. Кажется, Туз прав. Но одно он знал точно. Довелись очутиться на воле, он бы разыскал сына, о котором тосковал. А потом? Что потом? Это был самый трудный и коварный вопрос. Может быть ушел бы в Китай. С сыном. А там джигит, настоящий джигит не пропадет.

Вот такая была она, правда Каратаса. И еще он очень соскучился по своей степи, родным местам. Иногда в мыслях он уносился вскачь на горячем аргамаче по плоской зеленой равнине. В прозрачном небе парил вольный степной беркут, раскинув мощные крылья. А над степью, причудливой, сказочно красивой, рассыпался охапкой весенних тюльпанов девичий, журчащий смех. Вот они стайкой брызнули к белым, как перевернутые чаши юртам. Озорные, быстроглазые, с тонкими черными косичками, из под саукеле, гибкие в поясе.

– Мой народ! Как я хочу к тебе!

Взгляд, устремленный в бесцветное душное небо тайги, возвращал батыра в лагерное бытие и тогда он спохватывался.

– Ничего, батыр. Это все будет. Я еще увижу свою степь и милых моему сердцу казахов. И если для этого надо пройти еще семь кругов ада, я пройду этот путь! – шептал батыр, сцепив от бессильной злобы губы.

Его отношения с Тузом продолжали оставаться прежними. Батыр и сам не знал, как их оценивать. Они не были приятелями, ни тем более единомышленниками. Скорее звериный инстинкт сближал их обоих. История о том, что «враг народа» вырвал глаза шестерке, облетела все зоны в округе. Это был поступок, заслуживающий уважения, с точки зрения таких как Туз. И потому он заинтересовался степняком. А, рассмотрев вблизи от скуки, привязался к рослому, нелюдимому казаху. Но у Туза своя истина. «Свой не свой – на дороге не стой!» – любит приговаривать горбун. Каратас из коротких обрывков лагерных легенд, услышанных от приבלатовывающих знал, что авторитет у него среди своих непререкаемый. Да и немало людишек собственноручно порешил «фартовый». Ума и свирепости у ущербного короля блатарей хватило бы на десяток людей. Потому и боялся одного только взгляда почти бесцветных глаз, в минуты, когда они подергивались будто болотной тиной.

А для Каратаса знакомство и общение с Тузом открыло неведомые, тайные пружины лагерного бытия. В продолжительных беседах за чифиром, горбун раз за разом ложил на лопатки прошедшего огонь, воду и медные трубы батыра, своей неумолимой логикой. Как бы то ни было, а степняка тянуло к Тузу и сам был интересен ему. Но случись, если он захочет отнять его, батыра жизнь, Каратас постарается успеть первым. Туз не Туз – рука его не дрогнет. Но если кто-то вдруг посягнет со стороны на жизнь

«короля», вот тут Каратас грудью закроет пахана. Такие сложились отношения между ними. Оба они это знали, во всяком случае, догадывались. И пока они устраивают обоих.

В один из дней пришел этап из лагеря «Гремучий».

В их бараке появился щеголеватый «махновец». Вместе с ним пришли десятка три прибалтанных, полностью признающих его власть и пара-тройка шестерок, что вечно трутся около авторитета.

«Махновец» был молод, не более тридцати от роду. Весь нахрапистый, разбитной, порывистый, чем создавал вокруг себя сутолоку и движение. Чернявый, с блатной золотой фиксой во рту, дьявольски красив. Он оглядывал окружающих озорными, черными, как угли, жгучими глазами, будто прожигал насквозь. Манеры у вновь прибывшего авторитета были как у английского лорда. И хотя Каратас не понимал значения этого слова, для себя он отметил, что умение держаться у «махновца» соответствовали человеку знатному в своей среде. Он был гибкий и в движениях напоминал батыру скользкую, с блескучей чешуей, изгибающуюся степную гадюку. От него так и веяло угрозой. По всему было видно, что авторитет чрезвычайно жесток и опасен. Особенно это бросалось в глаза, когда он от смеха на самой высокой ноте вдруг суровел так, что лицо его белело, а глаза вспыхивали алыми, кровавыми зарницами.

Отзывался он на кличку «Артист». С приходом на «Студеный» Артиста и его кодлы, блатари, признававшие Туза, как-то опасливо подобрались, присматриваясь к пришельцу, соизмеряя свои силы с его кодлой. Руки блатарей то и дело скользили к голенищам, ощупывая их на всякий случай, чтобы убедиться, на месте ли ножи. Шестерки Туза как-то враз увяли, старались передвигаться таким образом, чтобы не попадаться поперек дороги новому авторитету.

Местные блатари и сам Каратас с интересом поглядывали на Туза. Пахан ничуть не измену своего привычного образа жизни, оставаясь равнодушным к приходу этого этапа. Весь его вид как бы говорил: «Че зашуршали как мыши в сене?»

И хотя Туз, как и подобает человеку его ранга, встретил блатных этапников, накормив их, напоив чифиром, позаботился о том, чтобы завхоз выделил им места поближе к буржуйке, все-таки Артист и его кодла «распустили хвосты, точно павлины». Так любил выражаться Туз, давая метко определение.

Вновь прибывший авторитет тут же выбросил с места блатного по кличке «Кесарь», заняв его нару. Кесарь молча покосился на равнодушно наблюдавшего за этой сценой Туза, забрал свои вещи и, скрипя зубами, перебрался на другое место. Рядом с собой золотозубый «махновец» положил своего приближенного. Тот в свою очередь тоже прогнал блатари из окружения Туза.

Все, даже многочисленные «58 статьи» наблюдали с интересом и затаенной жутью за происходящим. С Тузом им, в общем-то, жилось неплохо. Правда, его блатари частенько поколачивали «врагов народа», но с этим уже свыклись. А как будет теперь, никто не знал? И от этого страх, исходящий из сотен трепещущих душ, обитателей барака, наполнял мрачное жилище.

Дни текли как ветхая крыша барака во время занудных дождей. Нанизываемые вереницей на огромный, без видимого конца шампур, они были похожи один на другой, словно близнецы.

Каждое утро взрывалось звуками железной колотушки, остервенело бьющей об холодный металл висевшего посреди лагеря рельса. И сразу же все живое приходило в движение. В тот же миг, захлебываясь хрипом от злобы, взлаивали лагерные овчарки. По всем баракам разбегались придурки с дубинками в руках, с пеной на губах. С выкаченными из орбит глазами, они пинками подгоняли и без того бегущих на выход заключенных.

Затем оголтелую, полубольную сонную массу выстраивали, выравнивали и начинали выкрикивать номера «зэков». Названный обязан был сдернуть головной убор, сделать шаг вперед и громко назвать статью, дату начала и конца срока. В это время плац напоминал кусок падали, кишашей черными червями.

Затем следовал так называемый «завтрак», где каждый получал свою заветную пайку и кружку теплого буро покрашенного кипятка.

Теперь немного оживших «зэков» гнали строиться на развод. Это была самая неприятная процедура для лагерников.

Осенью, когда солнце, как назло, задерживалось всходить, прячась где-то за далекими кронами, а с неба сеял противный мелкий дождь, и в морозные зимние дни, когда природа лютела, приводя в ярость конвой, приходилось изо дня в день выставлять на плацу, дожидаясь окончания этой ненавистной процедуры. Тысячи окоченелых челюстей выбивали зубами морзянку, а самые отчаянные зло выщучивали: «Блажен тот, у кого зубы выпали!»

После развода лагерников побригадно гнали на работу. Огромный проваленный зев шахтной штольни равнодушно впускал в себя тощих человечков, обреченных четырнадцать часов копошиться в его душном нутре, стараясь выполнить норму.

Тем временем обстановка в бараке продолжала незримо накаляться. Это не бросалось в глаза несведущим «врагам народа», ибо поглощенные всецело собственным несчастьем, они не жили лагерной жизнью. Они не были лагерными людьми. Стать лагерным человеком – это целая наука, и ее не каждому заключенному удастся постичь.

«Враги народа», осужденные советским судом, и в лагерях продолжали цепляться за свою принадлежность к существующей системе, строю, власти. Будучи отвергнутыми своей партией, они мечтали, надеялись на то, что произошла ошибка, может даже чудовищная, но продолжали слепо верить, что она разберется, и все встанет на свои места.

Это была главная трагедия этих людей.

Одни из них в самом деле оказались мягкотелыми. НКВД растоптало их, буквально сломало. Но, будучи именно слабыми духом, они хотели надеяться, что их простят, восстановят в рядах партии, и тогда они снова займут свои престижные места. И станут сильными.

Другие – их было меньше. Сумасшедшие фанатики, одержимые идеей коммунизма, такие как командир Каратаса. Эти верили, что товарищ Сталин, мудрый, заботливый отец народов, не знает подлинной картины. А за его спиной тщедушные карлик Ягода и Ежов расправляются с лучшими сынами, подлинными борцами пролетариата. И, будучи одоленными навязчивой целью во что бы то ни стало донести правду до товарища Сталина, многие безрассудно погибали. Потому что не были лагерными людьми.

А лагерный человек жил тем, что 24 часа в сутки выстраивал планы, как бы ему уклониться от работы, набить брюхо, чтобы не испытывать чувство голода. Как быть теплее одетым и всегда находиться ближе к теплу. Поэтому блатари, будучи лагерными людьми до мозга костей, спокойно переносили те же зоновские трудности, успешно находя для себя отдушину.

Каратас, которого адаптировал к сложной науке выживания профессор этого университета Туз, имея перед собою более реальную цель – выжить, сумел стать лагерным человеком. Вот по

этой самой причине он видел, как сгущается и без того смрадный воздух в бараке. Ничто не укрывалось от орлиного взора степного батыра.

В проходе у Артиста пили разбавленный спирт и поедали отобранные у «врагов народа» посылки. А когда кто-то из тех, у кого отняли, канючил с просьбой отделить ему хоть немного, в ответ раздавались взрывы хохота и неслись матюки, пересыпанные угрозами и жаргоном по фене. Захмелевшие блатари запрыгивали верхом на подобных просителей, пообещав им выделить в награду кусок из их же посылки, оголтело скакали по бараку, играя в «чапая», подгоняя тумаками человека-лошадь. А окружение Артиста подбадривало разбойничьим свистом, улюлюканьем.

И хотя люди Туза до прихода Артиста точно так же отнимали посылки, так же поколачивали «врагов народа», все же в бараке что-то незримое происходило. В воздухе уже словно пахло угрозой. От того, что все, что вытворяли блатари Артиста, было направлено к тому, чтобы зацепить Туза.

Но опытный психолог, «урка» никак не реагировал на перемены, происходившие в бараке. Он выжидал, затаившись, словно ядовитый паук, внимательно следя за своей паутиной, которую безжалостно рвали с одобрения главаря люди Артиста.

Туз лежал на своей наре, рядом с весело потрескивающей буржуйкой, и, как обычно, с отсутствующим видом рассматривал свое отражение в глянцево начищенных носках своих сапог.

Вот к этим сапогам прицепился Артист. Может, оченьглянулись они блатному, а может это было только поводом, но так или иначе, Артист подкрался к проходу Туза. Перебрасывая из рук в руки шелестящую колоду, он предложил «урке» сыграть в картишки.

Конечно, Туз мог и отказаться, сославшись на что-нибудь. Но разве может настоящий «пахан» отвергнуть предложение поиграть? А, может, этого и ждал король «фартовых»? Игрок то он был высшего класса, шулер. Никто из блатных не садился играть с ним.

Пахан без тени удивления посмотрел на Артиста. Он приподнялся с нары, спустил ноги на пол, устланный еловыми ветками, и одернул топорщившуюся косоворотку.

Оглядев с ног до головы затаившего в уголках губ усмешку Артиста, урка сделал блатарю приглашающий жест рукой, призывая присесть напротив.

– А на что играть будем, Артист? – глухим голосом спросил он.
– Твои прохоря сыграем, Туз. У меня такое чувство, будто они тебе жмут. Не по тебе коды сшиты.

Шайка Артиста тут же, по-шакальи стали подбираться к проходу горбуна, заинтригованные. Они уже чувствовали грядущие многообещающие перемены, мечтая свергнуть вконец власть Туза и стать главными. А остальных деловых пахана подмять под себя.

Да и люди Туза тоже потянули носом застоявшийся смрад обиталища, зачуяли, куда клонит Артист. Эти не хотели отдавать корону первенства, и поэтому поджались, оцетинились, стремительно ворочая затаившими страх зрачками.

– А ты что поставишь на кон, Артист? – окинув наглеца бесцветными пустыми глазами, спросил Туз.

– Твою жизнь поставлю! Если влетишь мне – прохоря снимешь. Если я влечу, то оставлю тебя жить, Туз. Устраивает тебя такой расклад, Туз?

Пахан как-то очень тяжело выдохнул, будто выталкивая из себя противоречия, мучавшие его. Теми же пустыми глазами оглядел внимательно настороженный барак, видимо взвешивая расклад сил. Наткнувшись на затаившиеся в напряжении глаза Каратаса, взгляд горбуна потяжелел. Откуда-то из глубины болотной тины проступили зрачки. Каратас понял, что игра будет за право жить.

– Нет, Артист, так не бывает. Признаю, ты лихой босьяк. Две жизни будут на кону. Твоя и моя. Разыграем хитрованку, че там! Али слабо?

«Если они тронут Туза, буду рубить их как поленья», – решил для себя батыр, – «Все равно с Артистом нам не разойтись»!

Степняк незаметно просунул руку под набитый соломой матрац, где лежал припрятанный принесенный им топор. Он чувствовал, как накалялась обстановка среди уголовников. Джигит понимал, что не поделить двум уркам власть, и обязательно будет кровавая резня. Батыр в душе был благодарен королю за многое и не мог занимать нейтралитет. Кроме всего прочего, он не сомневался в том, что если Артист убьет Туза, со временем его люди доберутся и до него. Всей своей широкой степной натурой он ненавидел молодого красивого авторитета, нарушившего сложившуюся жизнь.

Каратас со своей нары не расслышал, о чем еще переброси-

лись два соперника. Он увидел, как Артист, быстро манипулируя белыми холеными пальцами, стал раздавать.

Играть должны были три партии. Вот осторожно, будто прикасался к чему-то, способному укусить, взял карты в руки «пахан». Поднял, и чертыхнувшись, тут же бросил их обратно на поверхность служившего им столом перевернутого ящика из-под динамита.

– Твои не пляшут, Туз! Мои стары бьют тебя круто, – с этими словами Артист, красуясь золотой фиксой в улыбке, засветил свои козыри. – Один – ноль! – проговорил он.

– Один – ноль! – выдохнуло с тревогой окружение Туза.

– Один – ноль! – воскликнули блатары Артиста.

Теперь уже Туз принялся мешать колоду. Тасовал он, в отличие от молодого «махновца», медленно, словно раздумывая над случившимся. Его длинный зловеющий нос, казалось, еще больше удлинился, нависая над тонкими, почти бескровными полосками губ. Худые кисти короля оставались бесстрастны, как и сам он, лишь вначале пустые болотные зрачки, вдруг повеяли холodom и в них промелькнули волчьи искорки.

Каратасу были знакомы эти всполохи, время от времени нарождавшиеся в глазах его лагерного учителя, внешне обманчиво флегматичного. До степняка теперь дошло, что появившиеся вспышки были предвестниками какой-то леденящей сцены, которую определил для себя царствующий над блатарями пахан. От этого осознания батыру стало легче. Он только теперь, выдохнув зажатый в легких воздух, вдохнул полной грудью.

– Не тяни кобылу за хвост, Туз, раздавай.

В ответ горбун, наконец, закончил пуршить и так же неторопливо приступил к раздаче. Артист внимательно следил за руками урки, стараясь подметить подкладку. Но колода давно уже была заряжена так, как было нужно ущербному «урке». Просмотрел молодой авторитет, проглядел. Хотя внешне все было пристойно. Зацепиться за что-либо не было оснований.

Оба главаря потянули от стола свои карты, точно судьбы. Туз и на этот раз был спокоен, Артист же немного нервничал.

Некоторое время оба всматривались в розданные стары. Те, кто сидели ближе, наверняка заметили, как стали, портя его, проступать на красивом лице Артиста лиловые пятна и забежали на скулах злые желваки. Туз, наоборот был безмолвен, и кожа его, обычно пепельного цвета, вдруг зародила еле заметный ру-

мянец на щеках. Наконец руки молодого беспредельщика дрогнули, и он бросил стары на ящик.

– Голый васер! – выдавил он из себя напряженно.

Пахан, не отрывая взгляда от начинающего нервничать Артиста, раскрыл свои карты.

– Мои быют, Артист, сам видишь! Один – один! – объявил Туз, точно приговор, складывая полоски губ, словно припечатывая их друг к другу.

– Моя раздача – прорычал молодой авторитет, уже чувствуя витающий над ним проигрыш, и схватил колоду.

– Замени стары! – вдруг потребовал пахан.

– Че, стары не устраивают? – рявкнул «махновец».

– Поменяй стары! Имею право требовать – упрямо настаивал противник.

– Чья будет колода?

– Вытянешь на удачу!

– Ладно, урка! Гони стары! – согласился Артист.

Туз тут же достал из-под бушлата карты и положил ее на ящик рядом с уже игранной колодой. Со стороны эта, которую достал Туз ничем не отличалась от прежней. Но это только внешне. Каратас и все блатары знали, что они обе крапленые. Только вот коцки знал один владелец.

Туз накрыл две колоды платком и потребовал от глядевшего с придыханием молоденького сторонника Артиста:

– Помешай под тряпкой, да не крои варнак.

Оба главаря, не отрывая глаз, фиксировали движения блатаря мешавшего, покрывшись потом. Молодой «беспредельщик» суетливо колдовал под материей, видимо, пытаясь на ощупь угадать, какую подсунуть под своего лидера, с тревогой понимая, что будет с ним в случае, если главарь возьмет не свою. Наконец, нервы Артиста не выдержали:

– Хватит, фарт не замешаешь!

Он уже вздрагивал, дожидаясь, глядя, как пытающийся угодить «беспредельщик», проглатывая слюни, убирал вороватые, разрисованные татуировкой кисти.

– Тяни, Артист – предложил «пахан».

Артист нетерпеливо сунул правую руку под платок. Трогая то одну, то другую.

– Не мадай, сам вякнул. Тут кому какой крест ляжет. Тяни! – потребовал Туз.

Авторитет боязливо, будто змею, вытащил колоду, и, бросив на нее взгляд, не сумел сдержать негодования. Чертыхнулся.

Блатари, с чудовищным напряжением наблюдавшие за этой сценой, поняли, что Артисту не повезло.

– Раздавай! – приказал Туз, с интересом делая открытие для себя, видя, как медленно покрывается мелкой предательской испариной лоб «махновца».

Теперь Артист вгонял не так быстро, как в первый раз он тасовал свою колоду. Его холеные пальцы держали ее, тасуя осторожно, словно это могла быть граната, способная взорваться. Он перебирал стирами, будто пытаясь угадать где, за какой из них его благо!

И вот, окончательно обессилив, он раздал их. Четыре листа он положил перед «уркой», столько же около себя. Никто из них не притрагивался к стирам. Они внимательно изучали прямоугольники, лежавшие кверху рубашкой.

– Мать, моя родная мама! – произнес Артист обреченно и взял карты со стола.

Окружающие смотрели на него. Тишина была такой, что слышно было затаенное дыхание блатарей. Артист долго настраивался, не решаясь взглянуть, на его лице то вспыхивала, то гасла надежда. Затем он вскрыл их, ударив костяшками пальцев о дерево ящика.

Это были валет «буби», дама «треф», король «черви» и туз «крестовый». Теперь все, как один, повернулись к «урке».

Глаза Пахана не светились искорками, они опять опустели, подернулись болотной тиной. Каратас понял, что Пахан решил участь молодого красивого «махновца». Разлепив губы-полоски, он негромко утвердительно произнес, глядя в свои стары:

– Карточная мать – продажная шлюха! – и с этими словами он аккуратно положил свои карты на стол так, чтобы «фартовым» стало видно.

Тихий ропот прокатился от блатаря к блатарю.

Это были три туза – бубновый, тревовый и червовый, и четвертой картой, не оставляющей для молодого авторитета ни одного шанса, был король «бубни».

– Два – один! Ты проиграл, Артист.

Красавец-«махновец» вскочил, словно его подбросила с места невидимая катапульта, и изо всех сил пнул ногой деревянный ящик. Ящик перевернулся, и нога «махновца», пролетев над ящиком, воткнулась в грудь сидевшего, подобравшись, «пахана».

Артист выхватил нож, не желая умирать из-за проигрыша. Это было страшное оскорбление, нанесенное королю урок. Но то, что произошло в следующие секунды, повергло всех в ужас, а затем в смятение.

Никто не ожидал такой молниеносной реакции и быстроты от флегматичного Туза. Словно скрученная до отказа, виток за витком, пружина, крутнувшись после полученного удара «пахан», чуть заваливаясь на левый бок, с хрипом выбросив воздух из горла. И тут же, соскакивая, вырвал из-под бушлата, лежавшего в изголовье, длинную, сверкающую острым жалом, прямую полоску стали, и, не разогнув до конца ног, стремительно махнул ею в направлении «махновца».

Красивая, немного обезображенная гримасой злобы, голова Артиста слетела с тела, еще по инерции сделавшего шаг в сторону прохода, словно кочан капусты. Из среза высокой благородной шеи фонтаном вверх ударила тугой струей темно-рубиновая кровь, заливая окружающих.

Звериный, утробно-ликующий вой вырвался из грудей восторжествовавших сторонников «пахана».

Затаивший злобу на пришельцев с Гремучего, Кесарь, сидя на верхней наре, метнул топор в одного из приспешников Артиста. Топор, дважды прокрутившись в воздухе, с хрустом воткнулся между лопаток блатаря, разрубив позвоночник. Блатарь осел, хлюпнув, словно бурдюк, который проткнули.

А на проходе уже закипела яростная схватка. Урки, сторонники пахана, лихорадочно вонзали выхваченные из голенищ сапог ножи в горло прибывших из Гремучего. Резали их люто и с ненавистью.

Каратас, опомнившись от первого шока, выхватил топор и ринулся к проходу Туза, прыгая по верхним нарам.

Крупный, с татуировкой на лбу «махновец» устрашающего вида, приближенный Артиста, с криком: «Тварь горбатая!» вытащил клинок ножа, до самой рукоятки вогнанного в грудь одного из людей Туза, и бросился, замахиаясь окровавленным жалом, на Пахана.

И несдобровать бы Тузу, трудно стало ему размахивать длинным клинком, заточенным так, чтобы сечь, но не колоть.

И вот тут, не раздумывая, взмахнул колуном Каратас, настигнув врага, обрушил он ему на череп, раскроив как гнилой арбуз напополам.

Точно подкошенный, рухнул «махновец», заляпав кровью Туза. Благодарно взглянул на степняка урка.

И в это время откуда-то издали прилетел пущенный кем-то топор и впился прямо в щеку батыра, разрубив мышцы лица и травмируя кость.

Батыр залился кровью, схватившись обеими руками за разрубленную щеку.

А в это время в проходе уже все стихало. Там и тут трупы. В основном, это были сторонники Артиста. Но и трое-четверо блатарей – людей Туза, корчась от боли, лежали на полу, еще живые.

Из-под дальних нар слышался визг, это по-поросычьи пронзительно и противно визжал молоденький махновец, тот, что мешал колоды. Вскоре визг прекратился. Его дорезали.

Каратас, зажимая рану, с изумлением глядел, как Туз, присев на свою нару, спокойно и буднично разувается, стягивая с себя свои хромовые сапоги, из-за которых все и произошло.

Неспешно разувшись, урка взял в руки сверкающие хромачи и бросил их на глазах у всех на грудь обезглавленного туловища Артиста. И, сплюнув, буднично произнес:

– Прохоря хотел? Возьми прохоря!

В сыром бараке пахло кровью и смертью, еще изредка раздавались стоны умирающих.

Откуда-то из-под вагонки Туз достал фляжку со спиртом и, отвинтив крышку, протянул ее Каратасу.

– На, залей спиртом, батырь. Пустяковая рана, заживет как на собаке.

* * *

Воспоминания текли, словно воды желтой мутной степной реки. Струясь почти бесшумно, они уносили провидца Каратаса далеко-далеко от этой мирной, пахнущей липами, станции.

Он настолько глубоко погружался в эти воды. Обретая неведомость, уносясь вместе с ними, что порой к яви его не могли вернуть ни рев трактора, тащившегося по соседней улице, ни грохот пронесшейся машины, поднявшей тучу пыли, ни скрип далекой телеги. Лишь только незримые импульсы еще неслышимого состава возвращали его в действительность.

Каким-то особым чутьем провидец чувствовал приближение железного зверя. Еще не раздавались тепловозные гудки, еще

застывшие равнодушно, вытянув, словно гусаки шеи, безмолвно взирали семафоры, но старец уже почувствовав, встрепенувшись, настораживался.

Вначале широкая загорелая кисть, сжимающая палку, вздрагивала и переставала вычерчивать странные знаки. Затем выпрямлялась согнутая от тяжести лет спина, разворачивались еще широкие плечи, поднимая грудь. Голова степного бал бала приобретала хищную гордую осанку, и уже на лице его не оставалось и следа о» увлекших его воспоминаний. Он теперь весь был в ожидании. Напряженная спина была прямой, а лицо повернуто в сторону, откуда теперь по одному ему ведомым признакам, должен был, взрывая тишину, вырваться стальной аргатак.

И вот, наконец, подтверждая догадки старца, через некоторое время вдали послышался вначале слабо различимый звук. Он прилетел совсем незаметно, и казалось, что ничто вокруг не изменилось. Но на самом деле, если быть очень наблюдательным, то можно было заметить, что высоко в небе кружившая пара стервятников перестала вычерчивать широкие круги. Словно испугавшись чего-то вдруг, мощными взмахами крыльев, они стали подниматься выше, набирая высоту.

На какое-то время замерла жизнь в окрестностях станции. Застыли перепуганные сурки, прервав на полутоне свой безмятежный посвист. Невидимые, бесчисленные степные птички попрятались в редкой выгоревшей траве. И даже вечно беспричинно и бестолково тявкающие собаки, и те припали к земле беспокойно, колотя об нее облинявшими хвостами.

А состав тем временем вырвался из-за крутого поворота, и теперь вытягивая во всю длину свое гибкое разноцветное тело, стремительно приближался.

Грохот, лязг и хриплая мощь посылаемых гудков наполнили округу суматохой. Где-то в диспетчерской, словно обозленная змея, шипела рация с приказом пропустить его, в мегафон кричал дежурный, и его запинаящийся голос стозвонно отзывался на всю крохотную привокзальную площадь.

Давая прямой путь, ожили высокие жирафы шеи семафоров, вначале замигав, а затем выкатив зеленый глаз.

Голова состава уже влетела на главный путь, в то время как гибкое тело еще продолжало вытягиваться.

Скоро все стихнет. Прогрохочет он, распутив бродивших вдоль магистралей кур и уток. Унесется в далекую даль. Путь у него ох

неблизкий. Приспустятся из голубой выси ближе к земле стервятники, высматривая падаль. Легкий теплый ветер унесет далеко в степь вонь и смрад. Затаившиеся на время, псы загавкают, переругиваясь друг с другом за еще прошлогоднюю не поделенную кость. И все опять пойдет своим чередом.

И никто из разъездных жителей, кроме жены провидца, не будет знать, что в коротких полудрежных снах, эти тревожные гудки напоминают старцу звуки лагерного «квакуна», орущего при приближении очередного этапа. Щелканье бича станционного пастуха, ранехонько собирающего коровье стадо, прозвучат хлестко, как звуки выстрелов из самозарядной «винтовки Токарева», что были на вооружении у лагерных конвоиров. А предутренний лай аульных собак вгонит в полусонное сознание провидца ужас от идущих по следу конвойных овчарок, обложивших, как тогда! И нет спасенья от них на целой огромной земле!

Тогда! Тогда! Тому вот уже сорок с лихвой лет. Говорят, годы всему дают забвенье. Ан, нет. Не всегда.

Чем больше проходит буранных зим в этих краях и запоздалых весен, сухих, пыльных летних вечеров, промозглых осенних ночей, тем явственней оживает в памяти та да-а-ле-е-кая картина!

По глубоким задутым сугробам, по пояс в снегу, поднимаюсь и падая, бегут двое. А за ними, словно черные кляксы, распластавшись, роняя от злобы из хрипящих пастей розовую слюну и взвихряя снег, настигая, стремительно летят псы. И на целой планете, на целой планете никуда от них не деться!

Они тогда ушли в побег втроем – командир, Туз и Каратас. Заманил-таки зеленый прокурор! Но вот жаль, с опозданием, все из-за Туза.

Каратас и сейчас, по прошествии стольких лет ругался сквозь зубы, погружаясь в плавные воды струящейся реки воспоминаний.

В один из дней вызвал он погибающих от холода и сырости, от непосильного труда, Каратаса и командира к себе в куточек.

В лагере, тем временем, шло следствие по делу о резне в бараке. Уже увезли нескольких блатарей из окружения Туза в тюрьму – раскалывать. Но, видно, молчали те пока еще, так как Туза не трогали.

Каратаса, в числе многих «врагов народа», дергали к дознавателю. Открестился он, мол, ничего не ведаю, смотреть боялся, что там у блатных произошло. Да и другие молчали – себе дороже. Начальство неизвестно как поведет себя, а им жить охота. Кому хочется почувствовать у себя в боку остро заточенный штырь. Все же надеются «враги народа» на снисхождение к ним. Вдруг и впрямь разберутся в их деле да отпустят на свободу; а, может, и в партии восстановят, должность вернут.

Так или иначе, но Туза пока не арестовывали. Тянул он что-то с побегом, выжидал, затаившись. Были у него, конечно, свои информаторы в штабе – за золотишко.

Так прошла вся весна, в тревожном затишье, и большая часть лета, когда потянул он их в свой барачный проход.

– Ну, че, батырь, побежишь со мной? Комсюка твоего тож прихватим, ты ж его не бросишь! Мож, масть бубном ляжет, так доберемся до Белокаменной. Щас лучше идти, болота скоро подморозит, так плутать не надо будет.

Получив согласие батыря и его бывшего командира, стал готовить Туз побег.

Уходить запланировали в назначенный день, утром. По заброшенной штольне через лаз выйти далеко за лагерем. Каратас должен был нести золото. Не много – не мало, а около пуда. Поэтому стал подкармливать его, отощавшего, «урка», давая ему еду, которую пряча, скрытно, делил Каратас с командиром.

Уже все было готово к побегу. Заколбасили одну из конвойных собак, закоптили мясо на первое время, сухарей насушили мешок. Топоры и ножи были готовы, но самое главное у Туза (вот уж истинный «пахан» был) неведомо откуда оказался наган. Настоящий, тускло поблескивающий в полумраке кутка, с темно-рыжими пулями в промасленном барабане.

– Видал? Полная обойма и ишо в запасе есть. Так что, с Тузом не пропадешь. Держись за Туза, выведу я тебя, батырь, на свободу. По гроб жизни будешь обязан мне, на меня будешь служить, не на ханов разных да коммунистов, «фартовым» станешь, воровскую веру примешь! А комсюка твоего отпустим, пусть добывает, мукак, правду. Он еще ничего не понял, туды ему и дорога.

Странный человек был Туз. Всю свою жизнь крал и грабил. Жил на воровских малинах и притонах в Марьиной роще. Соблюдал свято свои неписанные законы и, являясь королем среди себе подобных, не доверял ни одному из них. Вот и тогда, когда

пришло время уходить в побег, с собой взял фраера-степняка да ярого коммуниста-большевика, правда, бывшего, да все равно.

Рванули сразу же после развода, как только спустились в шахту. Худой длинный нарядчик из блатных получил строгий приказ сдать карточки за них троих на съеме так, как будто они в строю. Видно, отсыпал рыжего металла и ему пахан.

Каратас догадывался, что кто-то будет страховать их побег. Может, Кесарь. Только ему доверял Туз, предан был грозному урке этот матерый убийца.

Это потом узнает батыр, что рыли подкоп от штольни двое из белогвардейцев да один бывший чекист. Специально так подобрал Пахан, чтобы классовые враги были, да приглядывали друг за другом, чтобы не сдали Туза. Он хорошо кормил их за это, спирту давал, а как стал готов лаз, всех троих по его приказу задушили ночью сподручные.

Это была довольно тесная дыра, еле подкрепленная кое-где стойками. Лезли долго, казалось конца этому душному лазу никогда не будет. Время словно остановилось, будто жизнь в очередной раз поставила испытание этой самой узкой норой, в чреве которой, извиваясь, словно змеи, урчали три хищных зверя, каждый со своей правдой в груди.

Подкоп кончился неожиданно, впереди вдруг чуточку блеснул кривой, словно лезвие ножа, лучик света. Каратас, ползущий первым, сразу не сообразил, что этот луч проникает извне, и только когда головой уперся в тупик, услышал злобный хрип пахана:

– Тормози, кочевник, куды разогнался, как червь дождевой! Здесь бить надо вверх, круши инструментом, тут выход.

Батыр, задыхаясь в тесноте, вытащил топор и, изловчившись, стал долбить вверх, целясь в то место, откуда проникал этот тонкий лучик. Сырая земля сыпалась ему прямо в лицо, попадала в слезящиеся глаза, но он упрямо продолжал бить и бить. И вот, наконец, целый кусок вывалился ему на грудь и в темный лаз ударил сноп искрящегося дневного света. Батыр лежал, не смея пошевелиться, даже не пытаясь избавиться от больно ударившей холодной земли. Лишь шипенье урки вывело его из этого состояния:

– Вперед, кочевник! Вперед, гад, чаво разлежся!

Никогда не забыть Каратасу тот бег.

Поверх чуней у всех троих были накручены портянки, вываренные в специальном растворе из ядреного табака-самоса-

да. Так псы след не берут, воротят они морды от этого ужасного запаха, и задрав их, взлаивают, словно оправдываясь за свою беспомощность.

Только бег, только рывок может спасти беглецов. И не думал никогда Каратас, что так может бегать Туз, король блатарей. Ведь бежали весь день. Весь день, лишь с короткими остановками, уходя все дальше от лагеря.

Уже прохладный воздух подступающей осени разрывал грудь, легкие сипели, выбрасывая прерывистый хрип, сердце скакало в груди, словно бешеный попрыгунчик, грозя вот-вот разорваться, лопнуть от этого сумасшедшего бега.

Мчась без разбора вперед, перемахивая через буреломы, едва успевая уклоняться от целивших ему прямо в лицо веток и сучьев, раздирающих в клочья лагерный бушлат, Каратас вспомнил свой бег в тот злополучный день. День когда, потеряв своего любимца Серого в яблоках, он уходил от погони, от обложивших его чекистов. Вот и опять, как и в который раз судьба бросила его в пекло. Вновь преследуемый, он, спасаясь, бежит. И только бег, бег, бег может унести его от ужасной погони.

Кто может понять беглеца? Когда на целой огромной планете с ее морскими пучинами и океанскими темными глубинами, покрытыми снежными шапками величественными горами и простирающимися на тысячи километров знойными пустынями, колышущимися ковылем степями и грозной неприступной тайгой-матушкой, – на целой планете нет места для беглеца! Только тот, кто бежал сам, хотя бы раз в жизни.

Вот что такое побег!

Командир уже спекся, совсем обессилил он. Хоть и подпытывал его Каратас в лагере, да видно недостаточно. Очень уж скоро он выдохся. Он не бежал, подобно Каратасу. Его бросало из стороны в сторону, будто под ногами его был не таежный мох, а ускользающая палуба корабля в штормящем океане. Лицо его, итак землисто-серого цвета, было белым, как бумага, ни кровинки в лице, полоски губ – иссиня-черные, искривлены в чудовищной гримасе боли. Командир судорожно хватал ртом, словно выгрызал кусками этот предосенний воздух, и только в безумно выкаченных глазах глубоко сидела безудержная, фанатичная идея – дойти, добежать до товарища Сталина.

И Каратас, и командир – оба понимали, что рука у урки не дрогнет, и шмальнет он в спину безо всяких раздумий, – не зря

же он пристроился сзади, замыкающим, – только стоит упасть обессиленному. Но пахан знал, что командир не сломится, чувствовал всей кожей король, что внутри тщедушного тела сидит, словно вбитый кувалдой, клин – идея! А такие не ломаются. Только сердце может лопнуть на бегу. Ну, тогда – жмур. А со жмура какой спрос?

Каратас чуть сбавил темп бега, жалея командира. Теперь он все чаще оглядывался, озираясь на бегу, словно волк – всем телом. Но что поразило батыра: урка бежал свободней, легче всех. И, хотя он рысил налегке, за спиной Каратаса сидор с «рыжьем» больно бил по плечам, стирая до крови плечи. Да еще сидор с мясом и прочим. Командира тянул назад мешок с сухарями.

«Пахан» бежал налегке, лишь нетяжелая скрутка была закреплена за его спиной, зрительно слившись, и оттого еще больше, до ужасающих размеров, увеличив горб. Вот только пот непрерывной струей бежал по его лицу и, сбегая, сочился струей с его длинного злого носа. На ногах его тоже были чуни, легкие, удобные из оленьего меха.

– Вперед, поднимай ноги, гаденыш! Красноперые-то сытые, враз догонят! – шипел он, подгоняя с лютой злобой.

Бег. Целый день. В никуда, ведь кругом Советская власть. Даже тайга, эти, казалось бы, безмолвные, безразличные мохнатые ели, – и те на службе у этой власти.

Так продолжалось пять дней. Пять. Сумасшедшего бега. И только ночи, прохладные, даже холодные, спасали их. Так в гибельном гоне, спасаясь от преследователей, умирают сайгаки. Несущиеся по степи почти не касаясь такрыа своими тонкими ногами.словно в самолетные сопла, втягивая в себя дрожащий от сотен копыт пыльный воздух. А потом, не выдержав скорости, лопаются их сердца, переполненные ужасом и кровью. И тогда летят они на землю, по которой только что мчались, и все становится напрасным. Этот сумасшедший галоп. Падают они, переворачиваясь через голову, и остаются, распластавшись, на том месте. Другие – те, что злей и выносливей, уйдут от погони. А им? Им не судьба!

С наступлением ночи валились беглецы кто где и лежали безмолвно около часа, колыхаясь между жизнью и смертью. И только потом, чуточку ожившие, радуясь отступившей гадкой старухе, точно черви, ползли навстречу друг другу. Собравшимся доставал Каратас из мешка закопченную псину да горстку суха-

рей и делил между товарищами по несчастью. И тогда все принимались рвать зубами упругое мясо конвойного пса и раскалывать, травмируя до крови десны, черные сухари. И засыпали от усталости, проваливаясь в бездонную пропасть, а очнувшись, вспоминали про пищу и вновь рвали мясо, урча по-звериному.

А утром, лишь только брезжил рассвет, отрезвляя их выпавшим на сырую от пота одежду белым закристаллизовавшимся инеем, поднимались беглецы, помогая друг другу, и долго стояли, шатаясь на негнущихся, раздутых за ночь ногах. Макушки елей, качаясь, плыли в глазах, и серое колючее небо не предвещало им ничего хорошего. «Раз решили вы вырваться за круг, который вам определен и очерчен, значит, не ждите добра» – словно говорило оно им.

И только злобно угрожающий полукрик-полустон урки, словно укол ножом, возвращал их в действительность:

– Че хавальники раззявили, вражины народные! Бег, только бег нам теперь товарищ, вперед, а не то определяю по маслине и оставляю жмуровать. Вот уж отбегаетесь! Вперед!

И, как ни странно, ни Каратас, ни командир не протестовали и не делали попыток возразить против такого обращения.

Хотя внутренне батыр был настороже, – кто его знает, что в голове у «пахана». Только попробовал бы он причинить злой умысел против командира! За него батыр зарубил бы, не задумываясь, Туза.

С этими мыслями они начинали свой бег, и это не он был вовсе, а какая-то странная, припадающая на обе ноги ходьба, стремящаяся к бегу. Но злость и инерция делали свое дело, и шаг за шагом ноги несчастных двигались все быстрее, и вот они уже трусили. Вначале шатко и валко, но набирая темп от безысходности, понимая правду урки, что он их надежда на спасение. А стояние на месте – гибель. Ведь если достигнут краснопере, никто не поведет их обратно. Зашмаляют и бросят в буераке, росомаха доест, обглодает. Дождем омоет косточки, и будут они белеть в дремотной чаще, мало ли их разбросано по тайге. А в доказательство руку отрубят каждому и отнесут в лагерь начальнику три левых, или правых. Покажут и «зэкам» для устрашения, и, в конце концов, бросят конвойным псам, вскормленным на человечине, на съедение.

Бег, бег, бег... Только в нем избавление от ужаса быть пойманным.

Как ни тосковала свободолюбивая душа Каратаса по воле, как ни страдал он от ущемленного достоинства чувствовать себя изгоем. А он признавал себя им. Он не считал себя наказанным властью Советской по заслугам, а был убежден в том, что эта власть, за которую он воевал, растоптала его, отняла у него самое дорогое, затравила, словно зверя и превратила в раба. Раба!

Промозглыми ночами в бараке, коченея от холода, кутаясь в полудреме в жалкие лагерные лохмотья, батыр видел один и тот же сон.

Степь. Без конца и края. Под высоким голубым куполом бездонного всепоглощающего неба. Облитая божественными золотыми льющимися лучами солнца. Вся покрытая белопенными волнами ковыля, выгибающегося под дуновением легкого вольного ветерка. У линии горизонта усталая красными тюльпанами.словно кто-то щедрой рукой разбросал по степи огромные рубины.

Как бы ни страдал батыр от неволи, колючих злых окриков конвоя, лая захлебывающихся в ярости, натасканных на людей овчарок, – он никогда бы не решился на этот безумный побег.

Одуревшие от безделья блатары, вечно голодные, угодливые, трясущиеся за свою жизнь «враги народа», непосильный каторжный труд, голод и холод – все это не шло в сравнение с тем, что он услышал от Мустафы.

В лагерь пришел очередной этап. Среди прочего люда, словно выцветший оторвавшийся листок, задутый непредсказуемыми ветрами в края, куда «Макар телят не гонял», был один казах.

Звали его Мустафа. Он был маленького росточка, но занимал очень большой пост в правительстве Казахстана и был осужден по 58-ой статье за антисоветскую деятельность как «враг народа».

Этап пришел летом, когда на Севере наконец-то наступает долгожданное тепло и «зэки» бродят по зоне, несколько одуревшие от непривычного зноя, наседающего комарья и гнуса.

Каратас, как опытный лагерный сиделец, настороженно встретил земляка. За годы, проведенные в неволе, он давно уяснил для себя одну главную истину: никому нельзя доверяться. Здесь все через одного были стукачами. Стучали за кусок черного хлеба. За закрутку махры, продавали с потрохами друг друга.

Но все же Мустафа был один единственный казах, которого

он встретил за это время. Батыр был безумно рад появившейся теперь возможности поговорить на родном языке.

О, эта сладчайшая казахская речь, слова, которые можно слышать, произносить их, зная, что тебя понимают. Они были для него слаще самой вкусной пищи на свете.

Батыр помог земляку определиться в соседнем бараке. Развел с нарядчиком, чтобы устроить Мустафу на более-менее легкую, по их лагерным меркам, работу. Поделится куском хлеба. Что еще может дать сам обездоленный?

Мустафа был белолицый казах, с благородными чертами лица, его маленькие глазки смотрели на окружающее цепко, пытливо, вместе с тем очень настороженно. Невысокого роста, щуплый, стриженный, в спецробе, он смотрелся, будто мальчишка. Его миниатюрные, видимо прежде холеные ручки, яростно жестикулировали, когда он говорил. Его казахский, несмотря на то, что он прекрасно владел и русским, был безупречен. Он был очень образован, но, как и командир, слепо был предан Советской власти, и, по его собственным разговорам, уже неоднократно писал товарищу Сталину о своей невинности.

Работая в Правительстве, он, естественно, слишком много знал, и очень боялся этого. И когда полуграмотный Каратас задавал какие-то колючие вопросы, Мустафа съеживался, словно еж, в клубочек, настораживался. Его маленький рот поджимался, а глазки, глубоко посаженные в сети мелких морщин, напоминали паучков.

Каратас в своих мытарствах, а позже, будучи в застенках НКВД, почти ничего не знал о том, какая ужасная судьба постигла его родной любимый народ. Что-то обрывками доходило до него, в тюрьмах и пересылках об этом шептались «враги народа». Чудовищный голод. Говорили, что он повсюду: в Поволжье, на Украине. Но батыр, в силу своей малограмотности и очень скудной информации, не мог представить себе масштабов случившегося. И вот повествование маленького зека Мустафы повергло его в шок. В ужас. Волосы на крупной стриженной голове батыра зашевелились от кошмара услышанного.

– Голод, прокатившийся по нашей Родине, был страшен, – рассказывал Мустафа. Талды-Корган, Семей, их окрестности, вся степь в направлении китайской границы, была устлана костями и разлагающимися трупами людей. Женщины и дети, старики и старухи валялись мертвые, с выклеванными глазами, вздутые от жары, словно валуны разбросанные по степи.

Мустафа говорил шепотом, при этом его маленькие глазки увеличивались в размерах, а ротик уродливо кривился то ли от страшных воспоминаний, то ли от боязни того, что он об этом говорит вслух:

– Я видел собственными глазами, как стервятники растаскивали по степи вырванные синие внутренности, небо было черным от воронья. Будто со всего мира слетелись они на жуткий пир. Но еще страшнее этого я видел картину!

Мустафа от ужаса воспоминаний поежился, так, будто он замерз.

– О, великое вечное небо! О, Аллах! – пробормотал, обращаясь к богу, идейный атеист-коммунист, – Даже боюсь говорить об этом.

– Говори! – потребовал батыр, – что ты расквакался, как «колбака» - лягушка «боюсь говорить». Рассказывай!

– «Ай-далада» – в безлюдной степи я наткнулся на одинокую ужасно ветхую юрту. Она была настолько старой, кошма на ней вся изодранная, в дырах, что казалось, ее вот-вот унесет в степь всякий порыв ветерка. По пути перед этим я видел вдоль дороги трупы. Трупы, трупы... Удивленный тому, откуда взялось здесь жилище, я зашел в нее и застал там такую картину.

Бывший партийный функционер опять закатил глаза-паучки вверх, в темный потолок барака, и теперь его шепот почти растворялся в его крошечном рте. Он беспокойно озирался по сторонам в страхе, что кто-то подслушивает его. Теперь он говорил почти беззвучно. Батыр различал его слова, напряженно вслушиваясь в них, угадывая их смысл по движениям губ, обезображивающей его мимике лица, жестикуляции кукольных рук:

– Там сидело несколько старух и одна молодая женщина. Взгляд ее был безумен. Вид старух был ужасен. Они напоминали сказочных ведьм – «жезтырнаков». Седые, редкие волосы были всклокочены, висели слипшимися пучками. Все они были высохшими, будто египетские мумии и шамкали беззубыми проваленными ртами от нетерпения, в предвкушении скорой пищи.

Посреди юрты полыхал очаг, над которым кипел большой казан. Дым стлался по юрте сизыми слоями, еле струясь, утекал в открытый шанырак. В казане кипела вода, почему-то черного цвета. Она вся бурлила, выплескивалась, перекатываясь внутри белой пеной.

– О, аллах! О, аллах! – Мустафа схватился обеими руками за голову, стеная, – Там из черного, бурлящего варева показывались

то детские, крошечные ручки, – по благородным щекам бывшего коммуниста, партийного функционера неожиданно потекли светлые слезинки, – то детские маленькие головки. Ох-хо-хо-хо-хо! Танир! Вечное небо! Я выскочил из этой юрты и бросился к машине и далее плохо помню.

Никогда не плакал батыр Каратас. Ни тогда, когда увезли его седого отца и старенькую мать с племянницей в Сибирь. Ни тогда, когда он вынужденно бежал в соседний Китай и там глубоко тосковал по Родине. Ни тогда, когда своими руками отдал кровь от крови, плоть от плоти своего выстрадавшего, родного сына в приют власти, которая преследовала его, словно зверя. Ни тогда, когда в подвалах НКВД его топтали кованными сапогами, выбивая нелепые признания, крушили ему ребра, выворачивали пальцы, загоняя иглы под ногти. Он не плакал. Он, как тот человек из кем-то в детстве рассказанной сказки, каменел, каменел, каменел. Пока не превратился в каменного балбала!

Теперь же, выслушав жуткий рассказ Мустафы, он почти ничего не видя перед собой, выбрался из барака и спрятался, укрывшись от взора «вертухая» с дощатой вышки. Не потому, что он боялся его, ему было уже ничего не страшно. Он хотел остаться наедине со своим горем.

И вот тут он заплакал. Вначале просто потекли слезы. Затем они хлынули из глаз, словно сель сумасшедшим потоком. Его давно обледеневшее, омертвевшее сердце, вдруг в одночасье растопило, словно айсберг и он взвыл от непереносимой боли, переполняющей сердце, захлебываясь слезами – водами айсберга.

– А-а-а-а-а! Мой народ! Мой народ! Мой бедный народ! – стонал он, безумно скрежеща зубами, стирая их, ломая их, выворачивая их еще уцелевших из кровоточащих, распухших десен.

Сколько пролежал так, он не знал, лил да лил слезы, нос разбух и горел огнем, горло осипло, он потерял голос.словно «Жыңды» – выживший из ума, повторял одно и тоже, теперь уже почти беззвучно, вместо голоса сип и свист.

Несмотря на то, что батыр, больше жизни любил волю, тосковал по ней и рвался всей израненной душой на свободу, в свою степь. Видел ее во снах. Забывчивых, беспокойных. Занесенной до края белыми сугробами. Осенней, мокрой, с улетающими, оглашающими окрестности, журавлями. И все же он никогда бы не решился на этот побег. Никогда. А вот после того, что он услышал, решился. Он просто больше не мог быть и существовать

в неволе. Душа его, рвалась на свободу, туда, где жил и изнемогал его народ, его горячо любимые КАЗАХИ!

Закончился тот сумасшедший бег, вымотав беглецов, отняв у них последние силы. Теперь они брели по тайге, а злое, рваное клочьями небо, словно на проклятых, сыпало на головы побегушников снег. Ранний в этом году, он шел крупными хлопьями в одночасье, перекрасив окружающую тайгу. Скоро все вокруг стало белым. На густых, мохнатых лапах елей, теперь он лежал шапками, словно белая вата. С неба сыпало и сыпало как из огромного, прохудившегося мешка и идти стало трудно. Ноги вязли в искрящейся массе. Но «урка», ориентируясь по компасу, упрямо подгонял поделыников.

Теперь по ночам они жгли костер и, прижимаясь к огню, раскалывали заросшими челюстями сухари, которых становилось катастрофически меньше. Топили снег, и пили кипяток, постоянный на еловых хвоинках, отогревая замерзшие внутренности. Затем ложились подстелив под себя наломанные пушистые лапы, тесно прижавшись друг к другу и засыпали, прислушиваясь к потрескиванию костра.

И как только, хмурясь, брезжил рассвет, приходящий в тайгу неохотно, беглецы поднимались, кряхтя, разогревая промерзшие кости, оттирая снегом прокопченные лица, пили кипяток, заедая выданным на завтрак сухарем и отправлялись в путь.

Командир совсем обессилел, его ослабевший организм, мучил теперь поднявшийся жар, он беспрерывно кашлял, но продолжал идти, стараясь не отставать.

Позади оставались глубокие, словно рваные раны следы, которые тут же засыпала непрекращающаяся снежная крупа. Путники шли и шли ведь упрямство и целеустремленность человека могут преодолеть любые расстояния.

Каратас уже перестал считать дни с тех пор, как они ушли с лагеря. Он шел первым, прокладывая след, разрывая белую, девственную целину. Унылая, равнодушно застывшая тайга плыла мимо. Сколько дней так прошло, может мало, а может много, как перед ними вконец обессиленными, тайга милостиво раступилась.

Они выбрались на опушку. Урка достал из-за пазухи компас и сверился. Впереди внизу под обрывом лежал застывший Енисей.

Взвизгнув по-щенячьи радостно, командир рванулся вперед и, мотаясь из стороны в сторону побежал по краю заснеженного берега.

Выбившийся из сил, Каратас сел на снег и, зачерпнув, сунул в рот горсть. И в это время черная фигура командира, шагнувшая прямо на крутояр, вдруг с коротким выкриком исчезла, словно канула в разверзшуюся у него под ногами почву.

Батыр вскочил и бросился к краю берега. Крутояр был очень высок и скалист. Там где упал командир, берег щетинился острыми выступами камней, сверху напоминающих огромные кабаныи клыки.

Командир по неосторожности шагнувший на наметенную снежную шапку, провалился и теперь чернел в неестественно выгнутой позе, далеко внизу. Каратас побежал вдоль берега в поисках пологого склона.

Наконец-то ему удалось добраться до него. Он лежал лицом вниз, правая нога в голени была сломана. Острая розовая кость, пробив ткань, торчала наружу. Но самое страшное, прямо из бушлата насквозь, пробив внутренности, торчал острый сук. Видно падая, командир попал на дерево и сук, вонзившийся в него, отломился под тяжестью тела. Вокруг него, намокая бушлат, быстро темнело.

Командир слабо стонал, потеряв от боли сознание.

Не зная, что предпринять, батыр в отчаянии упал на снег, избивая руками стылую землю и посылая проклятья всему на свете.

Доле своей горькой, проклятому лагерю, НКВДэшникам, тайге и этому роковому крутояру. Все проклял Каратас. Подоспевший Туз осторожно перевернув командира, осмотрел его и покачал головой.

– Все, отбегался. Идти надо. Добей его, – хмуро добавил урка.

– Что? Что ты сказал? – Каратас поднялся страшный, облепленный снегом, – За командира! Да я за него! Да мы с ним в атаку на пулеметы ходили! – он наступал на уркагана яростно, с перекосенным от злобы лицом. Туз поспешно отступил, вырывая из кармана черный наган и кривя в усмешке тонкие губы.

– Охолонись батырь, а то положу рядышком, пособию красноперым.

– Стреляй! – Каратас рванул на груди бушлат.

Так и стояли они друг против друга, глядя прямо в глаза. Жесткий «король» и взбешенный «враг народа».

В глазах урки веселыми чертиками плясали искорки. Батыр, сжимающий в руках, топор, не отводил взгляда, ожидая, когда искорки в глазах «фартового» потухнут, и зрочки подернутся

словно болотной тиной. Это будет значить, что Туз решил стрелять, вот тогда он стремительно метнет топор.

Да и Пахан знал способность кочевника кидать оружие молниеносно и точно. Наконец Туз спрятал наган в карман и сплюнул зло на снег:

– Ну, тащи тогда, все равно он жмур.

Еще некоторое время, не доверяя «урке» и не сводя с него глаз, батыр достал из мешка кусок тряпки, и туго перебинтовал переломанную ногу командира, причиняя ему, пришедшему от шока в сознание нечеловеческую боль. Командир стонал, кусая себе губы, по его заросшим щекам струйкой текла алая кровь.

– Не бросай меня. Я выживу. Я живучий! Я дойду до товарища Сталина. Дойду! Вырви сук. Не жалеи!

И Каратас рванул, что было силы, вырвав весь окровавленный кусок дерева, и отшвырнул в сторону. Теперь кровь хлынула, заливая пробитую робу, пропитывая снег и расплываясь красным пятном. Степняк, что-то бормоча под нос упрямо обворачивал командира своей разодранной нательной рубахой, пытаясь тщетно остановить кровотечение. Осторожно, чтобы меньше причинить страданий, он подсел на корточки и втащил на себя неудобное тело товарища. С трудом поднялся на ноги и понес его.

Они теперь шли, выбравшись на берег, по тайге, вдоль реки, стараясь не удаляться от нее. Шли целый день, Каратас совсем обессилел. Он весь промок насквозь. Пот лился с него ручьями, командир вначале стонавший теперь молчал, видно опять потерял сознание. И только когда засерело, и на тайгу волнами стал наплывать белесый туман, батыр опустился на землю и спустил с себя тело друга.

Спустя некоторое время, отдышавшись, они с Тузом наломали мохнатые лапы, устроив лежак для командира, и перенесли его туда. Каратас положил ему под голову сидор с рыжим металлом и принялся разжигать костер. У них еще оставалось совсем немного псины и сухарей. Нанизав ее на веточки и разогрев в пламени костра околевшее мясо, они принялись жевать. Немного окрепнув, степняк вскипятил воду и принялся поить раненого.

К ночи командир отмучился. Весь вечер перед смертью, он страшно метался от чудовищной боли, разрывавшей его. Стонал и в бреду молил о помощи, называл чьи-то женские имена, наверно жену, звал к себе мать. Каратас заткнул уши ладонями, не в силах вынести мольбы умирающего.

Туз опять достал нож и милостиво протянул его степняку.

– Говорю тебе, лучше добей. Побойся своего Бога! Он же отходит. Прерви его муки, бей прямо в сердце.

Каратас взял протянутый нож и, подержав его в руках словно взвешивая, вернул Тузу.

– Не могу, – прошептал он и добавил с сожалением, – эх, командир, командир.

– Не жалея его, он наоборот счастливый, отбегался, все равно поймают, – произнес Туз обречено.

Батыр вскинул голову, с удивлением взглянув на Пахана.

– Зачем же мы бежали?

– Затем, что хоть на сутки, на неделю – воля! А ежели масть бубном ляжет, так и попользуемся рыжьем-то. А? Хочешь попользоваться-то? Х-о-очешь, по глазам вижу, хочешь. Золото все лубят, – проговорил он убежденно, с наслаждением.

Командир умирал страшно, в муках.

За несколько минут перед тем, как успокоиться навечно, он открыл глаза, перестав стонать, и осмысленным взглядом посмотрел на Каратаса. Ему вдруг стало легче, осознав свою безнадежность, почти бескровными, белыми губами, он проговорил ясно, с фанатизмом в голосе:

– Ты дойди, Каратас. Ты должен добратся до товарища Сталина. Расскажи ему обо всем, что творится в лагерях. Товарищ Сталин не знает. Это его враги, враги наших завоеваний творят умышленно производ, чтобы сломить молодую Советскую власть. Я как твой бывший командир, приказываю тебе – дойди!

Он замолчал. Боль опять волной накатила на него, потому что лицо его съежилось, перекопилось в чудовищной гримасе. Многогосудальное тело вдруг выгнулось дугой и опало словно тряпка. Командира, его боевого товарища, с кем не раз они мчались в развернутой конной лавине на смерть, с кем делил кусок от лагерной пайки да смрадную баланду, не стало. Он нашел свою смерть в забытой богом тайге, на берегу Енисея.

К вечеру природа стала сходить с ума. Колючее небо совсем навалилось на кроны застывших в испуге насупившихся елей огромным фиолетово-синим платком. Тайга затихла в предчувствии гнева высшего разума и уж совсем неожиданно, протыкая нависшую фиолетовость, закружились, словно большие белые осы, снежинки. Вначале редкие, они зачастили и уже скоро стали валиться, превратившись в сплошную, белую массу. От-

куда-то с севера прилетел ледяной холодный ветер, разрывая тощую робу, словно острыми ножами резал усталые тела беглецов. Замеревшая тайга задвигалась, закрипела в страхе и уже совсем скоро стала метаться в ужасе раскачиваясь с противным скрежетом. Ветер будто выполняя чью-то злую волю, похлывавшую его сюда, лютовал яростно взвизгивая и брызгая снежной слюной, валя с ног двух черных букашечек-человечков. Ели, столько дней равнодушно, даже с презрением наблюдавшие за странным бегом двуногих, прежде напущенные и важные, теперь сами попавшие в немилость, взвыли в отчаянии.

Непрекращающийся и усиливающийся вой, полный страха и мольбы о прощении больно резал уши. Все живое попрыгало в буераках, гнездах, норах. И только двое, две букашечки, взявшись за руки плелись неведомо куда, окончательно смирившиеся с судьбой. Лица обоих были покрыты тонкой ледяной коркой, у одного, бредущего чуть впереди, прямо поверх корки порой пробегали два горячих ручейка-дорожки, растапливая налипший лед. Он оплакивая командира, кое-как наспех заброшенного еловыми лапами.

Двое суток бушевала природа, ежеминутно доканывая сопротивляющихся, неподдающихся букашек, а может вовсе и не они тому виной, может быть это тайга провинилась, а они, по злой воле попали на чужой пир?

Наконец все стихло. Ветер, щелкая клыками, визжа, стал пятиться, отступая. Визг постепенно превратился в поросычье похрюкивание, небо просветлело, будто шкура хамелеона, меняя окраску. Поднялось выше, а еще через некоторое время стало совсем бесцветным и пустым, будто утекло на доклад к верховному разуму. Униженная, оскорбленная тайга отряхивалась от снега, выпрямляясь. Скоро страшное забудется, и она, необъятная ханжа, опять станет важной и неприступной.

А двое продолжали идти. Им оставалось совсем немного. Где-то здесь, уже совсем рядом должна быть деревушка, в которой они укроются. Наконец-то они отдохнут. Истощенные вконец, бросят свои усталые кости на лавки, в жарко натопленной избе.

Деревушка открылась внезапно. Она была небольшой. Как-нибудь два десятка срубов, с темнеющим колодцем, посреди улицы. Она была пустынной. Можно было подумать, что в ней совсем нет людей.

Батыр и горбун лежали в сугробе и жевали снег, наблюдая за

черными рублеными домиками, из труб, которых совсем мирно, отправляя в небо сизоватый дымок, курились печи.

На душе у батыра было пусто, полное безразличие овладело им. Огромная, нечеловеческая усталость заполонило его всего. Ни о чем не хотелось думать. Лежать бы вот так и лежать. И только голод, в последнее время не прекращаясь терзавший его, мог заставить его оторваться от земли.

Батыр, чуть повернув голову, посмотрел на Туза. Урка был страшен. Лагерный лоск давно слетел с «короля». Весь обросший какими-то пегого цвета клочками, торчавших и спутавшихся волосев. Даже горбик его будто увеличился, вырос. Туз тоже жевал снег, и не отрываясь, наблюдал за домами. Глаза уркагана сузились до щелей и слезоточили. Он напоминал уродливого хищника, изготовившегося к прыжку.

А батыр уже предвкушал во рту горячность круто соленой картофелины и почти физически почуял запах только что испеченного, ноздреватого хлеба. Незаметно для себя не выдерживая этой пытки, батыр простонал.

Урка чуть шевельнула головой и внимательно посмотрел на степняка глазами-щелями. Его тонкие губы, спрятанные в пучьях волосев, разжались и оскалились:

– Вон в той избе живет Бурят. Это его кличка. Но он и вправду бурят. Он мой должник. За ним была кровь, его хотели зарубить на Тамракане. Я оставил его жить. Он ждет нас. У него отлежимся пару дней, и он доставит нас до Енисейска. Оттуда уже будет проще. В городе нам приготовили ксивы, одежду, деньги.

Туз замолчал и хищно потянул носом воздух.

– Не нравится мне что-то здесь. Чую, засада?

Батыр не ответил, он уже ни о чем другом не думал, только о хлебе. Огромная, гигантских размеров булка, заполнила его воображение, и он уже не мог выносить эту муку. Во рту стремительно стали выделяться кисловатые слюны, и он постепенно проглатывал их.

Вечерело. В окнах изб вспыхнули желтые тусклые огоньки. Можно было уже идти, крадучись подобраться к избе Бурята. Но горбун все тянул. Он, опять разлепив губы, прошептал почему-то жалобно, будто сетуя на судьбу.

– Чую, засада! – и помолчав, добавил – пойдем батырь. Или пан или пропал!

Туз вынул из кармана наган, и, крутанув барабан видно почувствовал себя уверенней.

С трудом оторвавшись от земли, они сделали первые неуклюжие шаги, преодолевая окаменелость в суставах, пытаясь разогреть промерзшие тела. Будто пьяные, шарахаясь из стороны в сторону, они побежали в направлении заветной избы.

Туз на ходу злобно матерился, хрипло выплевывая слова:

– Будто две вши на простыне. Нас же засекут!

И тогда, когда до избы Бурята оставалось совсем немного, дверь ее вдруг резко растворилась, бросив на сугробы мутный рассеянный свет. Из избы выбежали люди, с винтовками в руках, и тишина разорвалась озлобленным лаем псов.

– Засада! – выкрикнул Туз, мгновенно остановившись, будто наткнулся на невидимую преграду.

Каратас и сам сообразил, что засада. Растерявшись, вдруг опомнился, дернув за рукав горбуна.

– Скорей, в тайгу. Там уйдем.

Проклятый полярный день! Ночь, когда вокруг не темно, а лишь серо, так, будто вечерет.

Они мчались в направлении тайги, по задутой темными сугробами опушке, местами проваливаясь. Позади, захлебываясь от лая, неслись черные овчарки и затрещали сухие винтовочные выстрелы. Туз запетлял по заячьи, а батыр бежал по прямой огромными прыжками, на ходу удивляясь себе: – откуда взялись силы?

Полуобернувшись, он увидел, как крупная овчарка нависая над сугробами, летит прямо на Туза, с каждым прыжком, догоняя его.

– Туз, настигает, стреляй! – выкрикнул он.

Ударил выстрел из нагана. Один, второй. Послышался пронзительный визг.

«Попал!» – мелькнула мысль и боковым зрением, он успел заметить как овчарка дважды, перевернувшись в воздухе, рухнула на снег.

Где-то над головой пели пули, выпускаемые краснопогонниками наугад, на бегу.

В измученной груди все сипело и клочкотало, как в закипающем на горячих углях самоваре. Морозный воздух разрывал легкие, проникая в них маленькими остренькими ножичками.

Уже рядом тайга, тысячу раз проклятая Каратасом, а теперь такая желанная. Но вот, сзади послышалось прерывистое дыхание и тяжелое, мохнатое тело собаки, впиваясь в плечо остры-

ми клыками, обрушилось на спину. От инерции бега и тяжести тела он упал, кувыркнувшись через себя, подминая пса. Но разгоряченный погоней пес не отпустил его, когтями разрывая одежду и тело.

Кругом трещали выстрелы. Каратас пытался дотянуться до горла овчарки. И дотянулся бы. Как вдруг на голову ему обрушился кованный железом приклад. Будто небо рухнуло на землю, что-то лопнуло внутри, рассыпаясь в глазах тысячами разноцветных, красивых звездочек. Он потерял сознание.

Очнулся Каратас от непривычного тепла. Оно, проникая в измученное тело, расслабило мышцы. Было хорошо и уютно. Он лежал, не открывая глаз, как вдруг почувствовал боль в затылке и искусанном плече. Его затошнило, замутило, голова закружилась, и он опять потерял сознание.

Вновь пришел в себя от нестерпимого запаха хлеба, необыкновенно вкусно пахнущего. Этот запах дразнил его, во рту потекла слюна, в желудке противно заныло, и он подумал обреченно: «Убьют. Убьют. Не повезут же живыми назад. Так и не поем хлеба...» – уже с сожалением.

Батыр чуть разлепил глаза, привыкая к желтому свету, сочившемуся из подвешенной к потолку керосиновой лампы.

– Все дадим, – басил уса́тый старшина, – и премию выдадим и муку и сахар. Все получишь сполна, – и тут же добавил, хрустя квашеной капустой и громко чавкая:

– Только сам головы отрубишь, и в мешок положишь. А мешок в сани. С утречка тронемся обратно.

Их было четверо. Трое «краснопогонников». Двое молоденькие, еще безусые, старшина, по всей видимости хохол, и плечистый кряжистый бурят. То, что это Бурят, Каратас сразу же догадался. Все четверо пили неразбавленный спирт, заедая картофелем, посыпая его крупной солью. Молодые «краснопогонники» сидели несколько осоловевшие, каждый раз, хватая воздух ртом после выпитого спирта.

– Не умеете ишо пить, сосунки, идите собак кормите, – приказал хохол подчиненным. Те, приподнялись беспрекословно, загремели посудой на столе и, пошатываясь, вышли из избы.

– Эх, Гаруна жалко, хороший был пес. Этот горбатый застрелил, – пробасил старшина, уже захмелевший.

– А с золотом-то, что будем делать, начальник? Я же его видел. Дашь мне половину, я буду молчать.

Бурят угодливо согнулся в поясе.

– А зачем тебе узкоглазому золото? Рот откроешь, я тебя в лагере сгною. Ты ведь их подельник, они же к тебе шли.

– Хочешь себе все взять начальник? Много не будет? Лучше давай пополам, я тогда буду немой, а лагерем я уже пуганный. А?

– Дак, солдаты же видели золото, их куда?

– А это моя забота, начальник. Я их из нагана кончу, а ты скажешь, что «фартовый» застрелил, и головы в доказательство отвезешь. А башки без тела ничего не скажут. А? Еще и орден тебе дадут и звание. А мне ничего не надо, начальник. Только половину, а?

Туз совсем не подавал признаков жизни.

– Убили его, что ли, – поразился батыр. То, что он услышал, возмутило его до глубины души, – как же это Туз, не разглядел Бурята? Как он мог довериться ему?

Он уже понял, что здесь произошло. Пока они, умирая с каждым шагом, добирались сюда. Видно оперативники просчитали, куда может направляться Туз, зная, что Бурят обязан «урке», направив сюда солдат, во главе с этим здоровым как бугай старшиной. Бурят же видно зная, что Туз идет с золотом, замышлял убить «короля» и завладеть металлом. Теперь же ему придется делиться с прожорливым старшиной.

Мурашки отчаянно метались в голове.

– Эх, если бы не эти веревки! – пожалел он. И в это время он вдруг интуитивно почувствовал, что Туз жив и несказанно обрадовался.

Они лежали вплотную друг к другу, как под него змейкой протиснулась тонкая рука Пахана. Батыр почувствовал нож в руке блатаря и чуточку приподнялся, давая доступ лезвию к веревкам.

Туз резанул руку, от боли Каратас чуть было не дернулся, выругав про себя спасителя. Туз резал. Вот веревка на кистях наконец-то разжалась. Каратас чуть шевельнул ими и почувствовал, что руки свободны. На душе повеселело.

– Ай да Туз. Ай да молодец, с таким действительно не пропадешь.

Тучный старшина опрокинул в рот полстакана спирта, крикнул громко, с удовольствием, и забросил полную жмень капусты.

Он звучно перемалывал пищу, волосатой рукой вытирая толстые губы. Форма на нем сидела как влитая. На широких бога-

тырских плечах, словно игрушечные, висели красные с буквой Т – старшинские погоны.

Руки постепенно отходили, Каратас нащупал пальцами нож, потянул его к себе, примащивая его в ладони, поудобнее для броска.

– Так говоришь половину тебе узкоглазый? – богатырь хохол пьяными глазами осматривал стоявшего перед ним Бурята.

– Да, начальник.

– И эти двое говоришь твоя забота?

– Все сделаю чисто, не сомневайся, начальник, давай быстро решай, – Бурят угодливо улыбался и сгибался, наливая из мутного графина в стакан.

– Ну что ж, косоглазый. На тебе их наган – и старшина, перекрестившись, выложил на стол черный, отсвечивающий ствол.

И в этот миг, высвободив из-под себя руку одним движением, Каратас метнул нож в здоровяка-«краснопогонника». Прямо в горло, по самую рукоятку вонзился нож.

Неподвижно лежавший Туз молниеносно подсек стоявшего к ним спиной Бурята, сшибая того с ног. Мгновение и деревянная ручка нагана оказалась в ладони Батыра. Туз и Бурят боролись, катаясь по полу. Бурят откормленный, сытый, оказавшись наверху, уже сдавил горло урки, выворачивая гортань.

Ему и обрушил на голову всю, что было силу удара Каратас.

Туз соскочил на ноги, держась двумя руками за кадык, хрипя и кашляя, метнулся к стоявшим в углу винтовкам.

В сенях послышался скрип снега. Возвращались солдаты. Через минуту все было кончено. Оба молоденьких, полупьяных краснопогонников лежали на полу, опрокинутые тяжелыми прикладами.

Туз, закончивший связывать Бурята, теперь принялся за них. Старшина из шеи которого тонкой, упругой струей, фонтанировала прямо на стол кровь, засипел, захлюпал пробитым горлом и заваливаясь набок, с шумом упал с лавки.

Закончив с солдатами, Каратас бросился к столу, хватая руками хлеб, капусту, глотая не прожевывая. Картофель, вместе с кожурой забрасывал в рот и проглатывал, не чувствуя ни вкуса, ни запаха.

Туз тоже пристроился на теплое место, где недавно сидел богатырь-старшина и метал в рот куски хлеба, заедая солеными огурцами.

Ели долго. К спирту даже не прикоснулись, не стовариваясь. Понимали, что теперь у них все только начинается. Старшину им не простят. Каратас вскипятил чай, поставив на весело полыхавшую печку, прокопченный чайник. Напившись горячего крепкого напитка, оба приободрились.

Батыр пошел пошарить в сених. Он, положил в мешок кусок мороженной лосятины, набросал черные будто кирпичи булки хлеба, картошки.

В избе брился Туз. Он стоял, вглядываясь в осколок зеркала, выскребал щеки обмыленной опасной бритвой.

Не глядя на степняка, проговорил.

– Давай, приводи себя в порядок.

Закончив бритье, Туз заставил пришедших в себя, отрезвевших солдат раздеться и сложить одежду на лавке. Затем, уложил обоих лицом вниз и не успел батыр ничего сделать, как урка безжалостно выстрелил обоим в затылок. Только дернули головы и упали со стуком на пол.

– Ты зачем их убил? – Каратас схватил винтовку и передернул затвор.

– Глохни, батыры! Какая разница! Их вон Бурят бы шлепнул.

– Они же нам не мешали. Мы могли бы оставить их, не беря грех на душу.

– У тебя что, грехов мало? – взвился «пахан», – Как людей саблей рубал, так не грехи?

– То на войне было, – возразил степняк.

– А тут не война? Ты что, не слышал, как головы хотели рубить и в сани. Наши головы в сани! – Туз вышел из себя и был страшен. Он держал наган, нацелив его прямо в сердце батыру. Батыр тоже держал разъяренного Пахана на мушке и смотрел ему в глаза.

Наконец Туз опустил наган и, снимая напряжение, удовлетворенно проговорил:

– Ловко ты метнул месарь, а то с таким бугаем трудно было бы справиться.

Он заставил Бурята подняться и сесть на грубо сколоченный табурет.

– Садись, сука, я судить тебя не буду. Есть, что сказать напоследок?

Бурят молчал, с сожалением посматривая на сидор с золотом, лежащий в углу.

– Через наши калганы хотел попользоваться рыжьем-то. Тьфу! – Туз плюнул в лицо Буряту и выстрелил в висок, – Не буди лиха, пока оно тихо!

Вот и они теперь, разделившись с «краснопогонниками», оба похожие на бродячих, одичавших псов. Не было теперь им разницы на кого бросаться, кого загрызть, спасая себя. И не повинен был Каратас в смерти двух молоденьких, по приказу ставших краснопогонниками, по воле судьбы их преследователями.

Но старшину-то, богатыря хохла, который отдавал приказ отсечь им башки, жуя капусту, как будто они не люди, убил он, Каратас, бросив точно месарь. Словно, отделив головы от туловища, не убивал он целый внутренний мир, даже два внутренних мира. Хотя, какой там, у Каратаса мир? Его мир умер, когда он вынес из пещеры на руках любимую звездочку-«хатун» и собственноручно похоронил ее. Хотя нет, что за бред он несет? Что ли спятил совсем? А разве не целый мир, его любовь, его тоска по сыну, крошке-ангелу, который болтается теперь по приютам, не увидев в жизни отца, не сосавший материнской груди. А его великая любовь к своему народу? За который он поднялся в гражданскую. За несправедливость, к которой увел он свой аул за кордон, обрекая себя на вечные муки. Разве это не внутренний мир?

А Туз? Хоть он и блатарь, урка. Разве в нем нет внутреннего мира?

Да кто теперь будет это разбирать? Только там, на том справедливом свете, где обитает справедливейший верховный судья, там отмерится каждому по делам его земным.

А пока они псы. Гонимые и преследуемые. Значит, и жить им по песьи. Драться за кость, бежать, полагаясь на резвость ног. И хотя они разных пород, путь у них пока один. И доля одна!

Так спорил с собой он, тогда трясясь в вагоне, истязая себя тяжелыми как камень думами. А поезд медленно, но верно уносил их все дальше от страшных событий, последних дней.

От проклятого лагеря со злыми выкриками вертухаев и придурков, от щелкающих пастей рвущихся с поводков, беснующихся псов, от мерзкого звука лагерной колотушки. Думы, густые как тучи над притихшей тайгой, тяжело плыли в его голове, клоня ее на грудь. И даже голод, недавно пережитый, даже хлеб, его запах не дразнили его. Туз, вольно развалившийся на верхней полке, глядя на него, весело подмигивал, мол, не кручинься ба-тырь, я же тебе говорил со мной не пропадешь!

А страна уже полыхала в огне. В лагерях информации почти не было. Знали, что началась война, что Гитлер напал на первое в мире социалистическое государство. С редких этапов на «Студеном» узнавали рваные обрывки слухов, да и то никто ничего толком не знал. Командир рассказывал ему про железные танки на гусеницах, которыми вооружена эта армия Гитлера. Но Каратас, никогда их не видевший, никак не мог себе представить их. Они представлялись ему в виде сказочных драконов, изрыгающих огонь. Он почему-то все время думал о коннице и войну опять видел в двух развернутых конных лавах, несущихся навстречу друг другу, сверкая шашками. Но одно он понимал отчетливо, что раз идет война, значит опять льется рекой людская кровь. Боялся за свой народ. Опять на многострадальной земле казахов льются материнские слезы, города и аулы охвачены пламенем пожаров.

И только здесь, в вагоне, прислушиваясь к разговорам путников, по крупницам собрал мозаику происходящего. От сердца отлегло. Оказывается на родине у него не идет война.

Она грохочет где-то на западе, где – он, тогда плохо знавший географию, с трудом себе представлял. И опять бури противоречий, волнами перекатывались в душе, поднимая со дна ее всю муть.

Ведь бои идут не на его Родине. И воюют меж собой не народы, а опять идеи. С Гитлером воюет Советская власть. Власть, которая бросила его в лагеря, на черную баланду и общие работы. Власть, которая отняла у него любимых людей, истязала, надругалась над ним. Должен ли он воевать за эту власть? Или как Туз, занять равнодушно полку и радоваться обретенной свободе? Что ему до этой драки? Пусть воюет Советская власть. Ведь она не нуждается в таких как он, презирает, навесив жгучий ярлык. Но ведь она может докатиться и до его родных мест. Что будет тогда?

За окном плыла тайга. Причудливая, околдованная зимой, словно величайший мастер художник написал нескончаемое полотно, текущее за стеклом двумя только цветами, белым и зеленым. Люто возненавидевший матушку, степняк вдруг с удивлением обнаружил в себе неподдельный интерес к этой картине. Вначале он злился внутренне на свою быструю отходчивость в ненависти к тайге, называя ее двуликой. Как вдруг на пятые сутки пути его словно озарило. Это не тайга виновата. Это ее, суро-

вую, но добрую, обезобразили люди. Исковыряли, понастроили бараки, зоны, вышки. Понагнали одних других под конвоем, грозя винтовками и собаками. Заставили первых, униженных и проклятых, пресмыкаться перед собой! Так что матушка тут ни при чем.

Стальная улитка тем временем неуклонно ползла, ныряя, окутанная облаками пара и дыма, то в тоннели, то втягиваясь в ущелья.

С документами у Туза и Каратаса все было в порядке. Как и обещал блатарь, в городе их поджидали люди, схоронили их на первое время. Выправили обоим необходимые бумаги, дали денег, и с великими предосторожностями посадили на поезд. Теперь он Каратас, не казах по бумагам, а якут и фамилию ему дали чужую, непривычную.

В вагоне людей было не очень много. Где-то за Красноярском, в идущих навстречу им составах было набито народу как селедки, люди, спасаясь, ехали на восток. Тащили за собой узлы, чемоданы с немудреным скарбом. Это все, что удалось им схватить с собой, унося ноги от войны. Женщины, дети, больные старики, пережившие кошмары бомбежек и обстрелов, тянулись на Восток, на Север, куда угодно, лишь бы подальше от катящегося грохотававшего вала пламени и дыма. Лица людей были серы и скорбны. Утратившие обжитые дома, хозяйства, сорванные с родных мест, многие, потерявшие родных и близких, они были похожи на помешанных, тронутых рассудком.

Прошедший круги ада, насмотревшийся и сам досыта нахлебавшийся горя в лагерях, степняк наивно предполагал, что на свободе живут сытно и счастливо. Но картина, которую ему довелось увидеть заставила его, даже его содрогнуться. Не страх, не ужас этой картины.

Горе! Всеобщее, всенародное горе витало в самом воздухе. В выцветших, точно материя лицах. В пустых зрачках женщин и стариков. В беззвучно разинутых ртах застыли невысказанные проклятья! Кому? Немцам? Товарищу Сталину? Красной Армией, не сумевшей оборонить их?

Конечно, то, что привелось пережить батыру, этого не забыть до скончания дней. И до последнего дня, вздоха, пока глаза его не закроются навеки, будет терзать его вопрос за что? Почему все так несправедливо было по отношению к нему? Но это потом. Потом. Потом. А тогда, напрягая лоб со взбухшими жила-

ми, стал понимать он с трудом, что свое горе, ему надо унять. В который раз загнать его глубоко внутрь, вбить, чтобы не высывалось. Потому что он, Каратас, слишком хорошо знал, что такой война. Кровь, перемешанная гноем, слезы в отблесках пожара, гарь над землею и небо – застланное вороньем.

Обреченный на волчью осторожность опасаясь лишних распросов, он все больше старался лежать, по лагерной привычке делая вид, что спит, сам же внимательно следя за происходящим. А когда и вправду притомлено засыпал, то снились ему эти страшные айдахары, которые погибший командир называл танками. Ползущие, изрыгающие огонь. Уродливые чудовища. И не было сил от страха заставить себя встать против них.

Батыр, ошарашено пытался вскочить, отряхнуться от страшного виденья, но тело от ужаса было словно ватное. Пересохший язык не повиновался даже тому, чтобы вскрикнуть. Туз, наблюдающий за ним, удовлетворенно цыкал, уверенный в том, что степняку, приснились лагерные кошмары.

И чем ближе поезд подбирался к сердцу России, «к белокаменной», как называл ее «пахан», тем отчетливей наблюдалось отчаяние беженцев, паника, царящая на станциях.

Обгоняя их, извиваясь, грохотали на стылых рельсах железные змеи, груженные военной техникой. Эшелоны, набитые новобранцами.

Как в дурном сне, как в разворошенном муравейнике, все перемешалось в морозном воздухе. Лязг и грохот составов, паровозные гудки, крики чьих-то команд, звуки захлебывающихся гармошек, тех, кого увозили на Запад, стоны и плач тех, кто уезжал на Восток.

Никогда не видевший Москвы, Каратас был поражен ее размерам. В гражданскую, в боевом угаре, он с эскадрой пронесся по многим городам в Сибири, России на Украине. Но белокаменная, которую он мечтал, когда-то увидеть, потому что там жил Ленин, она заставила его необъяснимо сжаться, почувствовать себя крошечным.

Белокаменная! Белокаменная! Опасаясь попасть в руки военного патруля, они сошли с поезда на станции «Москва – Сортировочная». До города добирались в кузове, на попутной машине, переполненном ящиками, бочками. А потом на трамвайчике доехали до Марьиной Рощи.

Каратас, внимательно следивший за поведением Туза, с удивлением отметил про себя об изменениях происходящих с уркой.

Жестокий и свирепый в лагерях пахан, проявивший свою кровожадность в побеге, неожиданно для батыра вдруг помягчел при встрече с городом. Расправились суровые, глубокие складки на лбу, морщинки-паутинки вокруг глаз исчезли. А зрачки – настояренные паучки ожили и наполнились мягким светом.

Мегаполис был на военном положении. Повсюду на улицах, перегораживая, стояли сваренные из рельс противотанковые ежи. Строем передвигались небольшие группы военных, пропуская, уступая дорогу отчаянно сигналившим пятнистым грузовикам. Какие-то памятники возвышались обложенные бесчисленными мешками, наполненными песком. На окнах домов повсюду была светомаскировочная ткань.

Каратас смотрел на все удивленно, не в силах сдержать восторг. И только при виде военных мгновенно сникал, ловя себя на мысли, что вид формы внушает ему страх и желание исчезнуть, раствориться в воздухе.

В Марьиной роще Туз привел его в небольшую избу. Хозяйка дома оказалась высокая, статная женщина, не утратившая былой красоты. Растворив на условный стук дверь, она некоторое время рассматривала «пахана», перенося взгляд больших глаз на Каратаса.

– Ну, здравствуй, хозяйюшка! – проговорил «фартовый», голос его проурчал мягко, ласково.

– Туз! Владыка мой! – женщина тихонько охнула, взявшись рукой за сердце, а затем положила голову на плечо урки, и беззвучно заплакала.

Просто из синих глаз потекли две светлые дорожки. «Король», обняв ее одной рукой, перешагнул порог, увлекая за собой русоволосую женщину.

А к вечеру комнатка набилась людьми. Искушавшиеся, чисто выбритые подельники сидели в новых рубашках, словно шаферы на чужой свадьбе. А народец подбирался крутой, отчаянный. Сытые, розовощекие, по городскому модно и дорого одетые. Ошарашенный, совсем сбитый с толка батыр уже ничего не соображал. Столько событий и информации пало на его бедную голову за последние дни.

Страх только теперь понемногу стал отпускать его. До предела сжатые тяжеленным прессом событий нервы, будто пружины в одночасье расслабились, и сидел батыр пустой изнутри, точно тряпичная кукла. И все же он наблюдал. Пришедшие наперобой обнимали Туза, озорно улыбались, словно говоря:

– Знаем, пахан, срок то у тебя не кончился, значит в побеге ты, как истинный урка!

На степняка никто не обращал внимание, словно его и не было здесь. Но Каратас уже знал этот психологический прием блатных.

В комнатке клубами висел дым от папирос. Блатные, лихо закусив мундштуки, гоняли их из угла рта в угол не прерывая при этом речи. Разговор был витиеватый, словно семечной шелухой пересыпанный жиганской феней. Похохатывая, говорили о разном, но в основном о лагерях. Туз то и дело задавал вопросы, называя при этом клички урок. «Фартовые» отвечали шумно, говорили сразу по несколько человек, перебивая друг друга. Слышались наименования зон, пересыльных тюрем, централов. Кто-то тронул струны гитары, легко пробежаясь по ним. «Шестиструнка» зазвучала негромкими аккордами, звуки ее растворялись в смешочках раскрашенных девиц, в голубом папиросном дыму.

За большим круглым столом звякнули граненые стаканы, наполненные водкой. Туз рассказывавший перед этим про Артиста, про бойню в «Студеном» направил палец на сидевшего рядом Каратаса и проговорил:

– По 58-ой чалился этот батырь. Однако по духу не уступает уркаганам. На «Гремучем» шестерке обе гляделки пальцами вырвал и проглотил. А на «Студеном» если бы не он, так давно бы я жмур был. От смерти кособокой спас меня во время резни.

Блатные одобрено зашумели, зауважав сразу же степняка, девицы стали поглядывать в его сторону, раздевая его липкими взглядами. Громко чокались стаканами, и пили с какой-то удалью, злостью. И вдруг полилась песня. Полилась словно горькая водка в горло уркагана, перехватывая дыхание, вызывая слезы:

*...А в семье прокурора,
Безупречно и вольно
Расцветала как роза,
С золотою косою
Дочь по имени Нина,
Как отец горделива,
Грациозна как серна
И красива собой...*

Кто-то с горечью выкрикнул:

– За тех, кто там! Кто на нарах!

Девицы взялись подпевать. Песня окрепла, девичьи голоса придавали ей особый, жалобно-грустный тон:

*...Вот однажды на танцах,
На веселых и быстрых,
К ней, шикарно одетый,
Подошел паренек.
С виду дивный красавец.
Из преступного мира.
Подошел и на танец
Эту Нину увлек...*

Подвыпившему Каратасу все происходящее казалось сном. Вот одна из девиц под села поближе к нему, прижавшись к плечу мягкой грудью, словно обволакивая его взглядом. Что-то стала нашептывать ему в ухо, обдавая запахом духов и водки. Вокруг засмеялись деловые, подбадривая степняка.

– Не конфузься, видишь маруха глаз на тебя положила. Пользуешься вниманием. Это ж не шалавы какие-нибудь, это ж истинные жучки. Раз с Тузом пришел, на равных тебя примем. Быть тебе уркой, если правильно жить будешь, по вере нашей.

Уши будто заложило ватой, слова, звуки, проникали запоздало. Встрепенулся помотав головой, вырываясь из объятий девицы.

«Где же лагерь? Вышки, вертухай? И вдруг, сквозь помутненное водкой сознание, он вспомнил командира, его последнюю мольбу: Ты должен дойти до товарища Сталина! Эх, командир! Разве есть правда на земле?»

Такая его обуяла бешенная злость за все пережитое, выстраданное, что дышать вдруг стало нечем. Каратас рванул тогда рубаху на груди с треском и выкрикнул в лица блатарей:

– Наливай!

*...А на скамье подсудимых,
Сидит дочь его Нина
И молоденький вор...*

Изо всех сил ударили по струнам пальцы, гитара взорвалась, а песня закончилась. В наступившей тишине было слышно, как всхлипывали девицы и скрипели зубами урки.

Он встал из-за стола, пошатываясь, ему показалось, что он огромный ростом и голова его упирается в потолок. А сидящие блатари все какие-то мелкие, словно карлики. Комната плыла перед глазами, будто карусель, пол выбивался из-под ног. Перед помутненным взором стоял образ умирающего командира.

– Я дошел. Я дошел – проговорил он, разговаривая сам с собой. Девушка, подставив под него свое плечо, тащила его в другую комнату. Он рухнул на кровать, чувствуя, как ее руки, прикасаясь к нему, стаскивают с него одежду.

Совершенно отвыкший от женской плоти, огрубевший в барачной жизни, батыр почувствовал, как девичье тело обвило его. Горячие, требовательные губы накрыли рот, не давая дышать. Плохо соображая, он накрыл рукой большую мягкую грудь, покорно легшую под его ладонь. Что-то восстало в нем. Это пробуждалось мужское начало.

В одно мгновение канула вдруг в никуда, будто в глубокий колодец упало обретенное ведро, память. И несмотря на то, что был пьян, и его большое туловище выходило из подчинения, он налег на жаркое белое тело девушки. Одним порывистым движением разорвал ее сомкнутые ноги и, ворвавшись, соединился. А когда, наконец, взорвался внутри нее, ему показалось, что часть боли, скопившаяся годами, вышла из него.

Опять в сознании, как проклятье, возникла зона. Точно из марева, появился Доходята, выглядывающий его, возвращающего в строю «зэков» в барак, приподнявшись на цыпочки из-за застывших трупов. Мотнув головой, он попытался отогнать виденье и, промывав что-то нечленораздельное, упал головой на девичью грудь, проваливаясь в пелену тревожного сна.

Тяжелые, мучительно-томительные дни потянулись для него. Теперь он был сыт, на воле, рядом с ним, не покидая, крутилась девушка, на которой он вымещал всю свою боль и обиду за изломанную жизнь. Буквально зверел, хрипя утробно, как тот барс, что встал у него на дороге, на узкой тропинке, когда уходил он от чекистов.

Среда, в которой он оказался, угнетала его, он был здесь чужаком, не смотря на покровительство Туза. Туз же выглядел просветленным, то и дело к нему приходили «фартовые». Они о чем-то вполголоса беседовали, и у степняка не было ни малейшего желания вникать в их разговоры. Он все больше пил холодную водку, молча, заедая ее жирной селедкой. Забирал Настю, так ее

звали, в выделенную ему комнатку и пытался расспросить о войне. Она рассказывала ему о Москве, о ночных патрулях, о том, что в городе исчезли керосин, соль и спички. А затем, он включал радио и слушал чей-то суровый голос, сообщающий сводки с фронтов. Трудно ему было понять масштабы разгорающейся битвы. Перечислялись города, незнакомые наименования сел, где шли тяжелые, кровопролитные бои. Каратас просил Настю принести ему еще водки и опять слушал ящик.

В его голове творился полнейший хаос. Боль утраты, обида за перенесенные муки, чувство долга встать грудью за свой народ. Бури противоречий разрывали мозг: «Народ. Что же это такое? Разве не за народ вставали издревле батыры на пути у врагов? А потом были забыты и обмануты ханами, а народ застывал в безмолвии. А он? Разве его не преследовали чекисты-казахи, одни из народа. Не они ли, состоя на службе у власти, загибали в бараний рог свой народ?

Так что же это такое – народ? Отчизна? Да, народ – это история! И в каждом стаде есть паршивая овца. Нельзя из-за нее одной пускать под нож все стадо.

Казахи и степь. Степь и казахи. Жаворонки, купающиеся в золотых лучах солнца. Кош, вышагивающий, растянувшись на жайляу. Топот копыт вольного табуна, несущегося вслед за прячущимся закатом. И звуки домбры. Испокон веков так жили кочевники, и душа их стала вольной - орлиной.

Как бы не обидели тебя твои соплеменники нельзя одной меркой мерять всех. Ведь над тобой надругались люди, пусть даже казахи, а они состоят на службе у власти. Но народ тут ни при чем.

Испокон веков, лишь только степь содрогалась от топота копыт чужих туменов, оседлав боевого аргамака, далеко-далеко от своих кочевий уходили навстречу врагу батыры, чтобы там встретить их. Не допустить вражеских коней на родные просторы, не дать им растоптать беззащитных стариков, женщин и детей. Не дать растоптать им свой народ!

Так что же лежит он в этой воровской берлоге? Ведь если сегодня не встанет он грудью против страшных немецких танков-«айдахаров», докатятся они до его родной земли!

Сожгут милую сердцу степь, изрыгающим из дул пламенем. Обуглят города, в который раз обезлюдятся мирные аулы. Горе и печаль охватят казахскую землю.

Пусть он беглый каторжник, пусть на нем, как рабское ярмо, висит ярлык – враг народа. Он должен, он обязан встать сегодня. Остальное рассудят потомки!»

Горькая водка вмиг потеряла горечь от принятого им решения. Хмель, туманивший голову, мгновенно улетучился. Просветленный мозг стал тут же обдумывать детали. Для него все стало ясным как день. По радио он слышал, что ведется формирование народного ополчения. Враг уже на подступах к Москве. У него есть документы, он пойдет и запишется в ополчение. Только вот как быть с Тузом, отпустит ли он его?

Пусть только попробует встать поперек дороги. Прошло еще сколько-то дней. Каратас продолжал целыми днями слушать радио. Все больше мрачнел, только теперь он стал понемногу прояснять для себя масштабы угрозы для страны.

Туз периодически куда-то исчезал с «фартовыми», иногда пропадая на сутки, двое.

Настя была хорошей в душе девушкой. Она была дочерью вора-марвихера. Отца где-то застрелили, когда он уходил с очередного дела. Матери у нее не было, куда то пропала. Водилась она с шальными людьми, не задумываясь о будущем. Сегодня есть – значит, гуляем, пьем. А завтра? А будет ли оно это завтра?

К Каратасу она быстро привязалась. Заглядывала в лицо ему своими зелеными глазами, отпугивая степняка. Видел он в них дремучую таежную чащу, и это заставляло его вздрагивать. Как то по-бабьи принимала в себя злость и боль Каратаса, пытаясь отвлечь, его увлекая своими чарами.

– Господи! – говорила она. – Какой ты дикий, необузданный, прямо волк-волчище. Я тебя сейчас отогрею, зацелую. Забудешь ты про свое горе.

И он ей пытался что-то сказать, но слова, словно пудовые гири застревали у него в горле. Он зарывался в ее светлые, пушистые волосы и забывался на короткое время.

Туз появился как всегда внезапно, в сопровождении высокого, худого человека. Он заглянул в комнату, увидев Каратаса и Настю, молча кивнул им, и стал раздеваться. Они сели за стол, хозяйка дома стала подавать им еду. Каратас решительно отодвинул Настю и вышел к ним. Он пожал сухую кисть спутника Туза и присел на край выщербленной табуретки, положив руки на стол.

– Выпьешь с нами? – спросил Туз.

– Туз, я утром уйду – проговорил он.

Ни одна жилка не шевельнулась на суровом лице урки. Даже тени удивления не проскользнуло в его вскинутых в упор глазах. Он допил задержавшийся в руках стакан, захрустел соленым огурцом и вытащил из кармана пачку, ловко выбил из нее папиросу. Закурил и товарищ Туза, вопросительно поглядывая на Пахана.

– Куда путь держишь, батырь? – спросил Туз.

– Пойду воевать!

– Воевать? Не навоевался ищо? Думаешь кровью отмыться за старшину? – голос Туза грознел.

– Старшина тут ни при чем! Не могу я пить водку и валяться в постели, когда страна горит в огне.

– Вот ты как заговорил, – произнес урка задумчиво, – в огне, говоришь, горит страна-то? А не она ли бросила тебя в пламя лагерей? Или позабыл, как по утрам трупы железными крючками, зацепив за ребра, вытаскивали из барачков?

– Что ты, Туз! Пусть я буду проклят, если забуду это. Этого нельзя, невозможно забыть. Но сейчас речь не об этом. Во имя своего народа, своей земли, я должен сегодня пойти в окопы, чтобы остановить этих страшных айдахаров, которых называют «танками».

– Фу, ты! Столько горя хлебнул, столько вшей и гнуса покормил, а говоришь, прям как какой-то штымп, – от негодования Туз одним махом опрокинул водку в рот даже не морщась, и продолжил, – Москву не сдадут, сюда немца не пустят. А ворвется, так переживем и это. Нам, уркам, разницы нет, чья власть. У нас своя жизнь.

Каратас знал, что играет с огнем, урка мог и не выпустить его живым из этой берлоги. Он не верит никому.

Лучше было покинуть дом, когда его не было. Но почему-то не смог он так поступить. Где-то в глубине души за многое благодарен он был Тузу. И потому, зная, что многим рискует, решил, что надо уйти по-людски.

Туз, я тебе благодарен. Ты на многие вещи раскрыл мне глаза. В чем-то я согласен с тобой. Но ты пойми, я – не урка. Зачем я буду лепиться «под делового»? Я казахский джигит, батыр. А потому я должен идти воевать.

Каратас заметил боковым зрением, что вышла Настя и слушает его, прислонившись к дверному косяку.

– А как попадешь к «мусорам», так возьмешь на себя старшину?

– Возьму – ответил Каратас.

– Ну, тогда и остальных возьмешь – тех, молоденьких, да и суку Бурята.

– Нет, Туз. Я не грузаль, и, если так случиться, я отвечу лишь за старшину.

– Этим самым ты остальных повесишь на меня, батырь. И ты думаешь после этих слов уйти живым отсюда?

«Урка» смотрел вопросительно. Вот в глазах его промелькнули искорки и пропали. Зрачки-паучки стали уменьшаться и подернулись, словно дымкой тумана.

Это был самый опасный момент. Значит, Туз принял решение в отношении его.

«Было бы глупо на его месте отпустить меня» – подумал он, а вслух произнес:

– Пойми же, Туз, я не мог уйти отсюда, пользуясь твоим отсутствием. Тогда бы ты стал плохо обо мне думать. Я иду воевать. По другому поступить не могу. Так что, давай расстанемся по-хорошему.

«Урка» переглянулся со своим спутником. На изможденном лице спутника отразилась злая кривая усмешка.

В комнатке повисла зловещая тишина. Но тишина была обманчивой, в любую секунду она могла разорваться выстрелами. Батыр хорошо знал, что урка и его друг вооружены, и он стоял перед ними с пустыми руками, положив свою судьбу перед ними на чашу весов.

Слышно было, как за печкой мирно стрекотал сверчок, и не хотелось верить, что сейчас он умрет.

И вдруг «король» переменял свое решение.

– Ладно, батырь. Уж, видно, и вправду не получится из тебя уркаган. А, коль так, лишать тебя жизни я расхотел, все-таки ты меня от ножа уберег. А урки умеют помнить и возвращать долги. Считай, что мы с тобой в расчете. Я тебя отпускаю.

Будто гора упала с плеч Каратаса от слов Пахана. И не то чтобы он убоился принять смерть от рук блатарей, нет, но такой развязки он не хотел.

– Ну, тогда давай выпьем, Туз, на прощанье – проговорил он, подходя к столу. Он наполнил из бутылки стаканы.

– Не поминай меня лихом, урка!

– Иди своей дорогой, – отмахнулся разочарованно «фартый».

Каратас ушел в свою комнату и стал одеваться. Настя вдруг забегала, засуетилась.

– Подожди, я тебе мешок соберу, – крикнула она, хлопая дверцами деревянных шкафов, гремя посудой.

С Настей прощались молча. Батыр крепко прижал ее к груди свободной рукой и отстранился. Дочь вора-«марвихера» глядела на него вызывающе прямо. Руки она держала за спиной. В зеленых глазах ее плавала грусть, и еще немножечко в них проступила влага. Она с расстояния перекрестила его рукой по воздуху и отвернулась.

Молча Каратас вышел из комнаты, не оглядываясь на блатарей, пересек избу, толкнул входную дверь и перешагнул через порог.

Он уходил легким и быстрым шагом. Что-то внутри его говорило о том, что решение, которое он принял, очень большое, важное. И от этого батыр чувствовал ответственность не только перед собой. Более емкое, более возвышенное чувство торопило его, и он спешил, будто мог по какой-то причине опоздать.

«Чтобы завтра поганый немец не топтал сапогами его родную землю, не насиловал тонких, как стебелек ковыля, казахских девушек, он сегодня должен встать против них здесь, на подмосковных полях. Какая разница, что будет потом, когда он прогонит врага. Может, его вновь закуют в кандалы и отправят опять на «Студеный». А, может, расстреляют за старшину. А, может, он найдет свою смерть в единоборстве со страшными айдахарами? Но все это неважно. Неважно. Самое главное сейчас, чтобы документы не вызвали подозрений и его зачислили в ряды ополчения. Ведь враг уже на подходе.

Как же он соскучился по родной стороне!

Нет ничего на свете прекрасней их весенней казахской степи, когда стаявшие сугробы щедро опаивают землю, а теплое солнце заливает золотящимися лучами просторы. Стремясь взметнуться навстречу им, зеленеет все в округе, до самого горизонта. И веселое ржание игривых жеребят, дробный топот их, еще не окрепших, тонких ног, словно волшебная музыка наполняют суровое после зимы безмолвие. Вот за эти просторы, за пасущиеся привольно табуны, за звучание родной речи он должен сегодня встать против немца».

У группы военных, греющихся около чадающего черным дымом костра, Каратас узнал, где находится ближайший штаб народного ополчения.

* * *

Трапецевидное поле, испещренное кружевами звериных следов, было занесено сугробами. Оно упиралось в белесую чащу леса. Слово след гигантской черной змеи, извиваясь, пролегли на белоснежном поле окопы, подковой выгибаясь вокруг небольшой подмосковной деревушки.

Серые бревенчатые дома с ветхими крышами выглядели из окопов совсем мирными. В некоторых топились печи, выбрасывая из труб синий дымок в морозный воздух. Покачиваясь от ветра, на голых стволах многолетних тополей, словно подвешенные корзины, мирно свисали большие гнезда аистов. Слышно было, как в хлеву мычат коровы и пронзительно визжат поросята. Где-то побрехивали псы, а березовый лес, из-за которого ждали немцев, был тих и безмолвен. Вот только в сумрачном скучном небе кружили, будто хлопья сгоревшей бумаги, черные вороны. То спускаясь к земле, то поспешно взмахивая растопыренными крыльями, удирая ввысь, подлые птицы невыносимо громко каркали, накликаая беду.

Каратас сидел на дне окопа, протирая рукавом новой шинели потрепанную винтовку. Видно было, что она пролежала много лет где-то на складах, и местами ее металлические части тронуло ржавчиной. Но зато он получил из рук помкомвзвода три противотанковые гранаты и несколько бутылок с зажигательной смесью.

Он еще и еще раз осматривал лежащую перед ним геометрически очерченную пядь земли, такую тихую и мирную, и ему не хотелось верить, что скоро она покроется дымом и пламенем. Здесь, на этом пятачке, была сосредоточена рота народного ополчения. Люди пришли сюда прямо от станков, не пройдя совершенно никакого военного обучения.

Политрук, усталый от бессонницы, запавшими глубоко в глазницы глазами, осмотрел выстроенное воинство. Покачивая головой, он произнес короткую, совсем не зажигательную, скорее наоборот, речь:

– Вон оттуда, – он рукой показал на еле заметную в сугробах дорогу, выползающую из березовой чащи, – появится немец. Я

не знаю, будут ли это танки или пехота, но я знаю одно – отсюда до окраин Москвы по прямой меньше полсотни километров. И за нами, – он зло ткнул рукой в раскрытую на планшете карту, – нет ни одного вшивого взвода.

Голос политрука в морозном воздухе покрепчал, зазвенел пламенно^

– Через двое суток нам прикроют фланги и тыл. А до тех пор мы должны держать немца здесь, на этом пятачке, и ни шагу назад!

Мороз крепчал, словно проверяя людей, сидевших в стылых окопах, на крепость. И когда появились первые обмороженные, политрук дал команду повзводно уходить в деревушку – отогреваться.

Изба, в которую попал Каратас, была чистенькой и теплой. Весело потрескивали поленья в печи, источая жар от плиты, на которой стоял чугунок и варилась картошка. Тело до такой степени заоченело, что суставы отказывались сгибаться, а мышцы, казалось, отслоились от костей. Ополченцы, скинув сапоги, растирали снегом обмороженные ноги, оглушительно кашляя.

Хозяйка дома, высокая сердобольная старуха, беспрестанно молилась и суетливо бегала по избе, помогая ополченцам, стягивая с них одежду, усаживая поближе к теплу. Угощала чаем, вареной картошкой.

Так в ожидании немца прошли еще сутки. С утра мороз покрепчал еще сильнее.

Взвод Каратаса, покинув теплую избу старухи, направлялся в окопы, когда вдруг послышался рокот. Врасыпную бросились бойцы бегом в спасительные укрытия. Гул все нарастал, теперь уже в наступившей морозной тишине поля явственно различался шум двигателей тяжелой техники, треск мотоциклов.

Политрук отдавал приказы, в десятый раз одни и те же: пулеметчикам отсекай пехоту, танки подпускать на расстояние броска.

– Эх, хотя бы одну пушку! – сокрушались бойцы.

И вот из стылого леса всепожирающим удавом выползла колонна техники. Впереди ехали мотоциклисты. За ними шли грузовики, набитые солдатами, и, замыкая колонну, появились танки.

Батыр посмотрел на соседей. Видно было, что страх сковал бойцов, пришедших на это поле, чтобы принять смертельный

бой. Он и сам, несмотря на лютый мороз, весь взмок, при виде силы, катящейся на них.

Что они могут противопоставить этому стальному валу? Винтовочные выстрелы?

Но он пришел на это поле, чтобы сразиться с врагом, сознательно, значит, нет места страху.

Все происходящее напомнило ему услышанную когда-то в детстве сказку. И мотоциклисты, черными точками катившиеся в сторону деревни, напомнили ему «курт-кумурска» – разных тварей, ползущих, бегущих впереди айдахаров. Вот они приблизились так, что скоро заметят окопы.

И тогда прозвучала команда политрука:

– По немецким захватчикам – огонь!

Тишина разорвалась выстрелами винтовок, автоматов, застрекотали танковые пулеметы. Колесные твари стали разъезжаться в страхе, некоторые завалились на бок, взвихряя снег. Из черных коробочек, напоминая лагерные вши, на белые сугробы выпрыгивали люди, пачкая девственность поля. Стрельба теперь трещала с обеих сторон.

Но вот «айдахары» взревели, выбрасывая из себя черный дым. Поднимая белую пыль, стали расползаться в стороны, изрыгая снопы яркого огненного пламени. Грохот, вырывающийся из их пастей, заглушил беспорядочную пальбу с обеих сторон. «Айдахары» приближались неумолимо, и вскоре легко различались их чешуйчатые тела, разрисованные для маскировки белыми красками и крестами.

Они и вправду были страшными, эти стальные чудовища. Никогда не видевший их прежде, батыр поежился. Гремя, бешено взывая, их когтистые металлические лапы вырывали из заснеженной земли куски ее плоти, разбрасывая вокруг.

От непрестанной прицельной стрельбы из окопов, двуногие твари падали, неестественно хватаясь руками за воздух, роняя оружие. Но на их место тут же вставали новые. И бежали, виляя из стороны в сторону, ползли, скрываясь в надутых складках сугробов и стреляли, прочерчивая ядом пуль, в сторону воинов, заслонивших собой дорогу к сердцу страны.

Бой длился около часа. Уже горели, чадя небо кострами, два «айдахара», подбитые меткими стрелами противотанкового ружья. Два стальных чудовища добрались до окопов, и теперь, яростно крутясь на месте, заживо хоронили ратников.

Прямо на батыра, переваливаясь с боку на бок, полз крупный «айдахар». От его тела валил пар, из хвоста черными клубами вырывался дым. Его раскалившаяся от выстрелов пасть, была красной, и, покачиваясь, выискивала жертву. Всего каких-то два десятка метров разделяло их.

Вдруг «айдахар» взревел, оглушая батыра, вгоняя в его смелое сердце томительную жуть. Батыр рванул на себе тонкую кольчугу-шинель, и, разрывая, сбросил ее на дно окопа. «Айдахар» рыгнул снопом огня. Сгусток яда разорвался рядом со столетним дубом, одиноко стоявшем на этом поле. Дуб, словно взбунтовавшись, рванулся вдруг ввысь, выворачивая из тела земли уродливые кривые корни. Он пролетел по воздуху вертикально не потеряв достоинства, и рухнул на землю так же прямо, как и до этого стоял сотню лет, возле самого окопа.

Вот оно, это чудовище, ради которого он вышел на это поле брани. Если не остановить их, очень быстро они доползут до казахской земли. Он взглянул на небо, его не было видно. Оно было черным от гари и копоти, в воздухе висел смрад сторевавшего пороха и соларки.

Кто-то справа в отчаянии кричал, слов он не разобрал. Как раз в этот миг чудовище взорвалось, выплюнув очередной сгусток смерти.

И тогда Каратас выпрыгнул из окопа, держа в руках две большие противотанковые гранаты, и он поднялся во весь рост, батыр-исполин. Как тогда в комнате, среди блатарей, он почувствовал себя сильным и ответственным за эту схватку, и пошел, призывая аруахов к себе на помощь, прямо на чудовище.

Шаг. Еще шаг. Еще один. Могучей рукой он нанес смертельный удар, бросив прямо под лапу-гусеницу «айдахара» сначала одну, затем, тут же, другую гранату. Чешуйчатая машина, словно запнувшись, остановилась и заревела, ранено кружась на месте.

Но вот из завесы пламени выкатился крупный гад, еще более крупный, чем тот, которого только что ранил батыр. Он плюнул зеленой ядовитой струей, и сразил насмерть бежавшего к нему, приволакивая одну ногу, ратника, с бутылками зажигательной смеси в руках. В этих бутылках таилась смертельная для чудовища жидкость, воспламенявшая их, превращая в смрадный костер. К ним метнулся батыр почти не касаясь земли, преодолев расстояние, выхватил из рук сраженного волшебные сосуды. Одним гигантским прыжком взметнулся вверх, прямо за спину

чудовища, туда, где точно его жабры, находилась ребристая решетка двигателя. Он разбил их оба прямо об броневую чешую гада, мгновенно вспыхнувшего красно-синим пламенем. От жара огня «айдахар» стал трещать и вдруг взорвался, истекая черной гадьей кровью.

А бой гремел, не затухая. Все перемешалось на этой пяди земли, на трапецевидном отрезке ратного поля. Крики мольбы, стрельба, рев «айдахаров», грохот, сотрясающий землю.

Вдруг что-то тупо ударило ему прямо в грудь, будто в него воткнули тяжелое копьё. Падая на переворачивающуюся землю, ему показалось, что он летит в гаревое небо, где мечутся, противно каркая, черные птицы.

С той поры уже прошло много лет.

Рана, полученная в том бою, до сих пор саднит грудь. И, как только она начинает нестерпимо ныть, напоминая о себе, память невольно возвращает старого Каратаса в те студеные дни.

И хотелось бы забыть, вычеркнуть из памяти ту жестокую несправедливость, какую причинили ему люди из Особого Отдела. Но, оказывается, нет такой силы у человека, способной выбить из клеток мозга неприятные для него воспоминания. Так уж устроен человек, что все то, что с ним было, складывается по крохам в один огромный незримый хурджун. И не сбросить его, не выбросить на обочину дороги жизни. Обречен человек нести его вечно, сгибаясь от непосильной тяжести. Уж, казалось бы, сколько прошло лет, сколько стаяло снегов с вершин Алатау, перетекали студенными водами по рекам Жетысу.

Сколько всего поменялось в стране. Ушел в небытие бессмертный «отец народов». Где-то в подвалах Лубянки сгинул Великий Инквизитор – Берия, блеск пенсне которого приводил в ужас маршалов. Прокатился через его родную землю вал хрущевской целины. И упал на стылые комья, гремя, гроб с Брежневым.

Словно пласты истории, должны были ложиться друг на друга эти события, и где в них место для памяти богом забытого старика Каратаса? Но бунтует память, словно шило из мешка, вновь и вновь вылезая наружу. Потому что до этих самых пор, не сумел Каратас ответить себе самому: должен ли он был убивать тогда старшину? Ну, с Бурятом, с тем все понятно – Иуда, он, хоть и Бурят, все равно Иуда.

А тогда, в том бою, он, сразив двух огнедышащих «айдахаров», потерял сознание. Это горячий осколок разорвавшегося

рядом снаряда зазубренными краями пронзил его грудь. И очнулся он уже в решетчатой камере Особого Отдела. До сих пор для него осталось неразгаданной тайной, как он попал туда с поля боя, как «особистам» удалось распознать в нем беглого «зека» Каратаса?

После долгих попыток не сломался он, отрицая и Туза, и старшину, и Бурята, и тех двух молоденьких, убитых ни за понюх табака. Только чудо спасло его от расстрела. Просто вывели бы во двор - и никакого суда. Девять граммов предназначены были ему. Но что-то спасло его. Может быть дух «аруахов», оберегавших его все эти долгие годы? Может быть, то незримое биополе родной земли, окутывающее его на тернистом пути? А, может, и правду сказал «особист», что усатый политрук, чудом выживший в том бою, представил его к награде, описав подвиг Каратаса в схватке со стальными чудовищами, отстоял его? А, может, спасло его то, что немец уже вплотную подошел к окраинам Москвы? Но, как бы там не было, его безжалостная судьба уберегла его от расстрела, от девятиграммового кусочка свинца, так и жаждавшего пронзить его сердце.

Одним словом, всех тех, кого не успевали расстрелять в спешке, грузили в вагоны, опутанные ржавой колючей проволокой, и отправляли вглубь страны.

Вот так он очутился в Монголии.

Здесь, среди безжизненных, желтых сопок, навевающих уныние, он будет бить кувалдой известняк в последующие двенадцать лет.

Тут, на одной из пересылок, он и узнает о трагическом конце Туза в послевоенной Москве.

Отсюда в лето 53-го он выйдет за ворота «предзонника» опустошенный, бесконечно уставший. И совсем не испытывая радости, побредет по вьющейся, словно змейка, дороге, среди усеянных засохшими кустиками холмов в направлении родной земли.

Да, жизнь человека, словно толстая книга – «кітап». И по прошествии времени вновь и вновь рука человека переворачивает ее тяжелые черные страницы.

А где же белые? Да и были ли они в его книге, эти белые страницы? Что можно отнести к ним? Его лихую юность? Или дни, проведенные с его маленькой любимой звездочкой-хатун? Или дни встречи с командиром там, на Студеном? А, может, мину-

ты, когда он совал в рот «доходяге» стылый щипок от «четырехсотграммовки»?

А годы, после того как его приветил мудрый Сеит-аксакал, которые он прожил, чувствуя на себе клеймо недоверия, полупрезрения, без права полоса, но, тем не менее, в сытости и в тепле. Их куда отнести? К черным страницам или к белым? Годы, когда он, не жалея сил, не щадя себя, от зари до заката, вкалывал на благо односельчан, лишь только б забыться в работе, лишь только б не остановить на себе кем-то брошенный косой взгляд. Их куда отнести в этой самой книге жизни, к каким страницам?

Ну, а дни, когда он, Просыпаясь, выходил из дома, ступая с крыльца на рыжую землю, всей грудью вдыхал дух земли, и осознавал, и радовался оттого, что земля, лежащая под ногами – это его родная земля. Что кучерявые барашковые облака, плывущие куда-то – плывут над его землей. Что заливающиеся невидимые глазу где-то в пролившихся золотых лучах солнца птички – поют для его земли. И даже звезды, видимые с его расшатанного крыльца, которые, вдруг соскользнув с небосклона, как с трамплина, падают на его землю. Куда же их отнести, эти дни – к черным или к белым страницам?

Уж такая у него сложилась судьба. Время было такое, огнем-заревом полыхавшее над страной. Сколько их, таких как он, порублено в гражданскую, постреляно в подвалах ЧК, сгинуло с концами в лагерях. Сколько народу сковырнулось во время голода, сколько их, сколько погибло в страшной Отечественной войне. Кто их сосчитает теперь, перемолотых в жерновах времени, событий, войн.

О, Аллах, великий, всемогущий! Я говорю себе «тауба». Как бы не складывалась для меня жизненная книга – «китап», всегда находились какие-то люди – тот же Туз, какие-то встречи – тот же командир, глядя на которых я находил в себе силы не сдаваться злой судьбе.

А сколько прекрасных людей было потом на его пути. Да будет благословенна память Сеита-маркыма. Разве не в его образе воплотилась исконная мудрость казахов?

Да сколько замечательных людей проживают здесь, на станции, в окрестностях. Ведь одним только фактом, что они есть, они уже наградили его, осчастливили. В этом счастье человека. И неважно, что тебе было тяготно, ни к чему сетовать, что выпала трудная доля, нужно радоваться, что такие хорошие люди по-

встречались на пути, и этому надо соответствовать. А что будет, если каждый человек станет сетовать на свою судьбу, в то время когда страдает целый народ. Ведь народ он и состоит из отдельных людей. Значит каждый человек в ответе за судьбу своего народа. Потому что, прежде чем от народа требовать, человек должен свершить для народа.

Как жаль, что столько лет ушло впустую, а ведь за это время он мог очень много сделать. Как жаль... Ну что ж, потерянного не вернешь, но он и так старался трудиться, не покладая рук, чтобы не бросить даже пятнышко на имя благородного Сеита-маркыма. Старался быть отзывчивым к людям, чужую боль воспринимать как свою собственную.

Сколько буйных трав он скошил для совхозного скота, размахивая «литовкой». Сколько земли перепахал, вжимая борону в теплую плоть земли. Сколько зерна перемолол, а ведь это все — хлеб, и этот хлеб для людей.

А эти зимы? Скрипучие, морозные. Эти весны, прошелестевшие как страницы непрочитанной книги. Времена грустных осенних дождей, что навевают на сердце печаль. Разве можно их отнести к черным страницам жизни?

Солнце стояло высоко в зените, словно пытаясь расплавить все вокруг. Не чувствовалось дуновения ветерка, лишь только жаркая духота парила маревом. Даже старый раскидистый карагач, под которым он просиживал последнее время, не давал сегодня тени.

«Что-то все вокруг нынче тихо», — закралась тревогой вдруг мысль. Каратас стал раздумывать об этом, почему же она вдруг побеспокоила его? И, словно ответ на его вопрос, где-то в глубине его зарождаясь и медленно вырастая, появилась саднящая неприятная боль. «Это, наверное, та самая, старая рана дает о себе знать» — подумал он. Но боль, словно опровергая, его догадку стала саднить все сильнее будто, в сердце раскручивалась невидимая пружина.

Никогда прежде такой боли в не было.

Он обеспокоено оглянулся по сторонам, пытаясь увидеть сновашую где-то неподалеку жену. Но боль тут же мгновенно, взорвалась, вонзаясь острым шилом.

Каратас вновь присел на ствол замшелого карагача, и теперь старался не двигаться.

«Все, видно это конец» – протащи́лась в начавшем туманиться мозгу мысль. И, как ни странно, он совсем не испытывал от осознанности скорой смерти, никакого испуга. Лишь прикрыл отяжелевшие вмиг веки, чтобы не тратить последние силы, прекратил чертить палкой на выжженной земле непонятные ни для кого иероглифы.

Теперь для него было важно успеть додумать все то, о чем бы ему хотелось подумать перед уходом в мир иной.

Он с благодарностью подумал о жене своей, Валентине, и пожалел ее. Постарела она с ним, пытаясь подладиться под его суровый характер. Он вспомнил ее молодую, тонкую в стане, когда она, рассыпая свой звонкий смех, трудилась рядом с ним на сенокосе. Все же они прожили с ней в ладу и согласии.

Он пожалел ее вновь, подумав о том, как заголосит она, теперь уж совсем скоро, обнаружив его неживым.

Затем он с нежностью подумал о станции, давшей приют для них с Валентиной. «Ох, и разрослась она за эти годы» – горделиво восхитился он. Хозяйство окрепло – шутка ли, сколько новых домов понастроили. В МТС полно разной техники – трактора, комбайны. Депо расширилось, много людей трудится на железной дороге. И все при деле, при зарплате.

Затем он подумал о соседе Естae, отце Абая. Хороший, трудолюбивый человек. Любит землю, понимает технику. И жена у него хорошая, по-соседски, по-доброму общаются с Валентиной. А какого парня им удалось воспитать! Настоящим сыном народа вырастет парень. Правда, трудная судьба его ждет впереди, как бы ему не сломиться.

К нему являлось видение, от которого он жестоко страдал.

В нем Абай-жан среди тысяч и тысяч посылающих в небо проклятья людей. В его видении полюбившегося ему паренька рвали на части страшные чудовища, внешне напоминающие людей. Они отрывали от него куски окровавленной плоти, лакая кровь, сбегавшую в струйки на землю.

Затем вдруг откуда-то сбоку прокралась беспокойная мысль: если солнце так и дальше будет палить остаток лета, все выгорит на полях, осыпятся уже налитые колосья, порыжеют и опадут травы. Что тогда будет есть долгую зиму совхозный скот?

И, наплывая сверху на эту озабоченность, возникла его маленькая, незабвенная хатун. Он даже постарался приоткрыть отяжелевшие веки и протянуть навстречу ей большие узлова-

тые руки – так близко и так явственно она к нему пришла. Но боль, теперь уже резавшая, кромсавшая вдоль и поперек его натерпевшееся за трудную жизнь сердце, не позволила ему этого сделать. И тогда он мысленно попросил у нее прощения, одновременно прощаясь с ней:

– Я ухожу, Юлдуз, мое время пришло. Не было такого дня, чтобы, проснувшись утром, я не подумал о тебе. И засыпал с твоим святым именем на устах. Прости меня, что не смог дать тебе счастье. Прости меня за то, что я не успел к тебе тогда прийти вовремя. Я спешил, зная, как ты страдаешь одинокая в пещере, в ожидании появления на свет нашего сына. Я рвался к тебе, но был обложен, точно зверь, со всех сторон. Я бежал, срываясь и разбиваясь об острые камни – и все равно опоздал. Прости меня. А наш бедный мальчик, которого ты родила в муках, и, спасая его, пожертвовала собой... Я был вынужден собственными руками отдать его в приют. Всю свою жизнь я прожил, неся на себе эту тяжелейшую ношу из страдания и неумной тоски по нашему сыну. Мне так и не довелось его разыскать. Прости меня. И прощай. Если Всевышний простит меня, то наши души встретятся.

Пытаясь пересилить чудовищную жгучую боль в груди, Каратас вдруг почувствовал очень явственно прикосновение теплой женской руки к его лицу.

«Это ее рука, хатун. Но ведь я еще не умер?» – напрягая мышцы глаз, он все же преодолел свинцовость век и увидел склонившуюся к нему в тревоге жену.

– Что с тобой? – проникло, как сквозь вату, до его слуха.

– Быстрее мальчишек сюда, обоих. Скорей.

Он не сомневался в том, что она исполнит просьбу. Привыкшая неукоснительно выполнять его требования, Валентина обязательно найдет их и приведет к нему. А пока необходимо победить последние тающие силы.

И он опять погрузился в теперь совсем тяжело плывущие, словно темные льдины в стылой кисельной реке, мысли. Теперь они становились бессвязными, с зазубренными, словно у льдин, краями: «Командир... Туз... Доходяга... Бурят... Старшина... Полирук... Сеит...»

– Что с Вами, ата?

Чьи-то заботливые руки тронули его плечи. Чье-то обеспокоенное дыхание, словно дуновение ветерка, почувствовал он на своей заросшей седой бородой щеке.

наконец, стремительно ворвался, озорно и весело разрывая благостную тишину.

Люди на доли секунд отвлеклись на лязг, внесший сумятицу в жизнь станции. А когда они вновь повернулись к провидцу, увидели, что его уже нет среди живых. Большое брненное тело покорно склонило тяжелую голову, прощаясь с односельчанами...

Старый провидец Каратас покинул их. Его многострадальная душа, дождавшись очередного состава, как утверждения жизни на земле, отлетела ввысь.

Со всей округи съехались люди, как когда-то на похороны Сеита-маркыма. На улицах стало тесно от громяхающих бричек, всхрапывающих коней, старых, выдавших виды мотоциклов, автобусов, грузовиков, легковых машин. Кто-то приехал на тракторе.

Провидца положили в большую комнату, головой к Мекке, отгородив занавесью-«шымылдык». Аксакалы, собравшиеся отовсюду, сидели на разостланных на полу курпачах, и обсуждали мельчайшие детали погребения. Было очень важно ничего не упустить. Необходимо встретить достойно каждого пришедшего попрощаться с провидцем. Определить наиболее близких к усопшему, тех, кто станет омыwać его тело. Старики оговорили, чем одарить их. Затем перешли к обсуждению выноса. Утвердили мулла, которому доверили самое главное: вывести специальную суру Корана и прочитать Жаназа.

Вздохнув облегченно после правильного выбора, одобрили инициативу других мулл, вызвавшихся поочередно беспрестанно читать Коран до самого омовения.

Двоих из пожилых, но еще крепких мужчин назначили руководить забоем отобранного для поминок скота. Джигиту, внимательно слушающему их, отдали приказ подобрать крепких парней для рытья могилы. Обо всем, вплоть до маленьких мелочей беспокоились аксакалы, потому что это очень важно: правильно предать земле человека, столь ответственно прошедшего свой жизненный путь.

Во дворе, причитая, голосили женщины. Валентина, жена усопшего, по-казахски пела скорбную песню «Жоктау». Подходившие, обнимая, выражали соболезнование рыдающей безутешно вдове, а женская половина пришедших подпевала ей, вознося добродетели маркыма. Казалось, все вокруг наполнено огромным горем, неожиданно свалившимся на людей.

Аксакалы хмуρο поглаживали убеленные бороды, перебирали четки и время от времени, вздыхая, обращались к Всевышнему с возгласом:

– Йя, алла!

Двое суток Киялы продолжала принимать в себя не прекращающийся поток подъезжавших людей.

Даже чванливые и спесивые жирные чиновники, в быту попирающие людские законы, и те не смогли не приехать в этот раз. Кто знает, что ими двигало? Может, захотели отметиться, может, покрасоваться лишний раз, усевшись на торе. При жизни провидца остерегавшиеся его крутого нрава, может, раскинув мозгами, решили подстраховаться. Все-таки и они смертны. А вдруг как встретятся с ним на том свете?

Вскоре округа дома, где проживал старец, от многочисленности людей напоминал колыхающееся степное озеро. Но не было ни одного человека, кто остался бы голоден или не напоен крепким чаем.

На третий день после полудня, омытого, обряженного в последний путь усопшего провидца на погребальных носилках вынесли на улицу. Рядом с ушедшим в иной мир стоял главный мулла. Людская толпа по его приказу выстроилась в шеренги, как солдаты.

Мулла заговорил.

– Маркым Каратас рядом с нами прожил не один десяток лет. Для старших он был покорным рабом, для младших – выючной лошастью. Кому-то – как брат, кому-то – отец. Аллах не дал ему детей, но мы знаем, что он всех детишек любил как своих собственных. Маркым покинул нас, достойно окончив свой земной путь, отмерянный каждому Всевышним. Позади осталась его супруга Валя, она столько лет берегла его и заботилась о нем. Давайте поблагодарим ее за это.

Тысячеголосая толпа выдохнула:

– Рахме-е-е-т!

Мулла продолжил:

– Если усопший обидел кого-либо при жизни, умышленно или невзначай, прощаем ли мы его?

– Прощ-ща-е-м!

– Остался ли кому-нибудь должен маркым-усопший? Если он должен, его долг переходит к его жене Вале.

– Не-е-ет! – рокотала толпа.

– Тогда я приступаю к чтению «Жаназа»! – объявил мулла.

Похороны мудрого провидца Каратаса прошли пышно. Постепенно люди стали разъезжаться во все стороны, вновь перешивая окрестности. Еще долго будут потом перебирать, обсуждать они эти дни. Сколько было зарезано скота, сколько чапанов было роздано. Все это нужно не усопшему, это нужно и важно живым.

Улицы обезлюдели, и вмиг почувствовали станционные жители себя опустошенными. Точно все они, и стар, и млад, после смерти провидца осиротели...

Часть
ВТОРАЯ

ЖЕЛЬТОКСАН

АБАЙ

Абай тяжело перенес утрату старца-провидца Каратаса.

С детских лет, будучи еще босоногим мальчишкой, с тех самых лет, как он помнит себя он помнил провидца.

В те годы Каратас, еще крепкий мужчина, как-то по особенному заботливо и трепетно относился к маленькому Абаю. И какой бы усталый он не возвращался с сенокоса, всегда находил время поддержать его на руках. Он поднимал его и сажал к себе на шею, изображая лошадь, и маленькому Абаю было страшно вверху. И он от страха сжимал свои коленки, обвивая шею Каратаса. Каратас всегда угощал его чем-нибудь вкусным, в его глубоких карманах всегда находились для Абая сладкие карамельки, липкие пряники. Его жена, русская женщина по имени Валентина, тоже очень любила его и ра-

довалась вместе с мужем, глядя как он забавляется с мальчишкой. Его родители всегда относились к провидцу с глубоким почетом и уважением, говорили о нем только хорошее. Сколько помнит Абай всегда они по-соседски, по-доброму дружили с семьей провидца. Еще маленьким, он впивался руками в жесткую колючую бороду Каратаса, задавая по-детски наивные вопросы:

– А почему луна такая круглая? Почему у вас нету детей?

И Каратас терпеливо объяснял ему. Абай, как и многие станционные учился в интернате, и только на выходные приезжал домой, радуясь встрече с земляками, с родителями, даже с тещей, много лет живущей у них собакой по кличке «Сары-каска». И всегда его родители говорили ему:

– Абай-жан, прежде чем мы тебя посадим за стол и станем кормить, сходи, дорогой, поздоровайся с Каратасом-ата. Он очень любит тебя и всегда с нетерпением ждет.

И сам Абай по-детски, тщательно скрывая, что соскучился по Каратасу, с радостью бежал в приветливый соседний дом. Завидя его, Каратас-ата соскакивал с места, устремляясь к нему и восклицал, обращаясь к жене:

– Смотри, какой джигит к нам приехал!

И, не смотря на то, что Абай говорил ему, что забежал лишь на минутку, отдать «салем», Каратас-ата ненастойчиво умел усаживать его на стул, и принимался расспрашивать о том, как у него идут дела в учебе, какие у него отметки по тем или иным предметом, с кем он дружит в интернате, кто рядом с ним спит, кто его сосед по койке, как к нему относятся учителя, воспитатели. И тогда он увлеченно рассказывал о своих заботах, проблемах, несказанно радуя провидца. Каратас-ата угощал его чем-нибудь вкусным, и говорил:

– Спасибо тебе, Абай, что не забываешь нас. Мы всегда рады тебя видеть, пожалуйста, береги себя, сынок. А теперь беги, тебя ждут твой отец и мама. Они соскучились по тебе. У твоего отца была трудная неделя. Он много работает, да и мама твоя выматалась с совхозным стадом. Беги, порадууй их своими успехами, будь к ним повнимательней.

И окрыленный Абай бежал к себе домой, на душе его было по-детски радостно и безоблачно. А помнится, у Каратаса-ата был высокий гнедой статный конь. Он напоминал Абаю сказочного тулпара и ему, маленькому, очень хотелось сесть на него, хо-

тя он никогда еще не ездил верхом. Помнится, он выглядывал из-за калитки, чтоб не упустить момент, когда Каратас-ата садился в седло, и, собрав поводья, трогал Гнедого с места, выезжая со двора. И однажды случайно увидев затаившегося за щелью калитки маленького Абая, он подозвал его к себе:

– Хочешь покататься на Гнедом? – спросил провидец. Абай утвердительно мотнул в ответ вихрастой головой. Каратас тогда, перевесившись в седле, подхватил его под мышки, и движением крепких сильных рук взметнул вверх, усаживая перед собой в седло. Тонкими ручонками вцепился тогда Абай в темную шелковистую гриву тулпара. До сих пор помнит он тот сладковатый запах пота, исходивший от Гнедого. А через несколько лет он уже без помощи Каратаса сам седлал коня, затягивая подпругу, прилаживал седло на высокой лоснящейся спине. Сам одевал узду и одним махом взбирался вверх. Он себя чувствовал настоящим мужчиной, и старался быть похожим на Каратаса, крепко сидя в седле.

Мальчишки, те, у кого в хозяйстве имелись кони, имели привычку собираться за околицей и устраивать байгу, прежде чем стреноживать лошадей на выпас. Абай любил этот миг ожидания команды, когда все выстраивались в один ряд на храпящих от нетерпения, грызущих удила, конях. Когда после команды степь оглашалась тяжелым топотом копыт и окутывалась пылью, летящей из-под стелющихся над степью лошадей, Абай становился словно частицей Гнедого. Он припадал прямо к шее тулпара, бросив поводья, лишь вцепившись в гриву, шептал прямо в ухо Гнедому, изливаясь в любви к нему и умоляя скакать быстрее.

– Я буду поить тебя чистой родниковой водой, и кормить свежескошенной травой. Чистить каждый день твое могучее тело, только приди первым, пожалуйста... – и никогда скакун его не подводил.

Гнедой, словно человек, всем своим лошадиным умом, каждой клеточкой преданного мальцу тела, понимал детские просьбы Абая, стелясь в сумасшедшем галопе над ровной степью! Храпя и вздрагивая, вырывался далеко вперед, оставляя позади скачущих за ним коней. И тогда Абай рассыпался в щедрых словах благодарности и признательности.

В тот день Абай где-то задержался и пришел в институт с опозданием. Как обычно, на первом этаже было очень много-

людно, и он, опаздывая на очередную пару, торопливо пересекал холл.

– Абай! – среди тысяч голосов он узнал бы этот, принадлежащий его любимой Гаухар.

Он обернулся, выискивая ее взглядом в толпе. Она почти бежала к нему навстречу, почему-то взволнованная.

– Абай! Ну где ты ходишь? Ты что, не знаешь, что произошло?

– Нет, а что?

– На место нашего Динмухамеда Ахмедовича Кунаева назначили из Москвы никому в Республике неизвестного человека.

– Да, но почему ты так взволнована, Гаухар?

– Ты что, Абай, разве нам все равно, кто будет руководить Республикой? Разве у нас нет человека достойного, коренной национальности, способного возглавлять партию? Почему ты молчишь? Мы, прогрессивное студенчество, будущее нашей республики. Мы не можем равнодушно отнестись к этому назначению. До какой поры партийные аппаратчики будут решать за весь народ, какого им надо вождя.

– Подожди, Гаухар. То, что ты рассказала мне – это как снег на голову. Дай мне, пожалуйста, немного времени, чтобы я мог осмыслить, разобраться.

Абай размышлял. В холле института бурлило. Молодежь, собравшись кучками, обсуждала решение Москвы. Доносились горячие выкрики:

– С нами поступают, как с бессловесными баранами, насаждая нам силой чабана. Но мы не бараны. Мы не должны об этом молчать!

– Абай, ты должен выразить своё мнение.

– Но я пока не готов, Гаухар. Необходимо время, чтобы определить свою линию поведения к происшедшему. А пока я предлагаю послушать ребят. Ты видишь, уже начал образовываться своеобразный митинг. Пойдем к ним.

Абай увлёк за собой девушку.

Тем временем в холле, поднявшись на ступеньки ведущей на второй этаж лестницы, один за другим выступали студенты. В основном это были ребята казахской национальности.

В голосах ораторов сквозила обида за народ, за республику:

– Динмухамед Ахмедович сколько сделал для развития экономики республики, социальной защищенности всех слоев населения.

– Я хочу выразить свою точку зрения, – промолвила Гаухар и стала пробираться к ступеням, растискивая колышущие ряды студентов.

Озадаченного Абая оттеснили в сторону за колонну, и он потерял Гаухар из вида.

Он всецело был поглощен собственными размышлениями: «Если наша страна действительно союз братских республик, то почему, в самом деле, не назначить лидером республиканской партии местного товарища? Пусть он будет не коренной национальности, но его обязательно должен знать народ. Гаухар права в этом».

Абай услышал, как зазвенел звонкий голос Гаухар, обращаясь к студентам:

– Все, кто любит нашу Родину – Республику Казахстан, все, кто хотят её независимости, должны сегодня сказать «нет» традиционной кадровой партийной политике. Так было. Но так теперь не должно быть. Достаточно. Слишком много лет наших дедов, отцов и матерей держали на кухне, где только там и только шепотом они выражали своё мнение. Мы, молодежь Казахстана так больше не хотим жить. Мы прогрессивные студенты обязаны выразить свой протест в насаждении нам вождя.

«Она, безусловно, права, – размышлял Абай. Шаг за шагом он терпеливо протискивался сквозь толпу, туда, откуда слышался голос его любимой девушки.

С трудом преодолев последние ряды, отделявшие его от импровизированной трибуны, Абай приблизился к ней.

На ступеньки поднялся молодой парень и горячо заговорил:

– Вчера в нашей республике на пост первого руководителя партии привезли и посадили незнакомого народу Казахстана человека. Партия в лице первого секретаря Горбачева, провозгласила курс на обновление общества, плюрализм мнений, открытость. А что получается на самом деле? Никто не спрашивает мнения народа, кого бы он хотел видеть своим вождем? Кому он доверяет? Это ничто иное, как дискредитация целого общества.

Разволнованный парень на секунду прервался, размышляя над направлением своей речи. Но тут же продолжил:

– Только что передо мной выступила Гаухар. Она затронула наиболее болезненный для всех нас вопрос. Ответьте, чью семью не коснулось култ личности Сталина? Партии удобно держать в страхе и

неведении народ. Потому что таким народом легче управлять. Из года в год выполняются досрочно пятилетние планы в экономике, в сельском хозяйстве. Стали ли мы лучше жить? Это происходит потому, что нет подлинной открытости в обществе. А если не будет ее, не будет и независимости, – он вновь ненадолго прервался.

– Говори! Продолжай! – раздалось из толпы студентов.

– Так вот. В том, что игнорируя мнение казахстанцев, нам назначили незнакомого человека, в этом отчётливо проступает ложь партии и её курса на открытость. Но мы сегодня должны говорить не только о нанесённой обиде. Мы должны потребовать права на самоопределение. Мы не хотим слепо следовать затем, кого мы не знаем. Мы заслуживаем права избрать лидера из числа достойных и заслуженных людей республики. Печальная история наших отцов показала, куда может привести безропотное подчинение и следование за насаждаемыми партией проводниками. Мы хотим и достойны независимого Казахстана. И эту будущую независимость нам надо начать отстаивать уже сегодня!

Парень закончил говорить. Толпа студенчества разразилась аплодисментами, выражая свое единомыслие.

В это время к выступавшему протиснулся молодой студент. Лицо его было знакомо Абая. Он попросил оратора нагнуться, и стал говорить ему на ухо.

– Друзья! Только что сообщили, что студенты всех Алматинских вузов вновь собираются на главной площади. Мы должны быть там. Это наш долг.

– На площади! На площади! – раздались крики. Студенты, совсем недавно митинговавшие, развернулись и дружно потянулись на выход.

– Абай! Ты слышал? Все студенты на площади. Идем же скорей... Ну что ты медлишь?

– Да, да, конечно, идем, Гаухар, – и в это самое время он ощутил в сердце сильный толчок. Точно предупреждало оно его о чем-то. Абай вспомнил пророчество провидца.

– Я не могу отпустить ее одну, – прошептал он неистово.

– Что ты там бормочешь? Что с тобой? Тебе не плохо? – обеспокоенная поведением парня, Гаухар потянула его за руку, пытаясь заглянуть ему в лицо.

– Может, ты не пойдешь Абай? На тебе лица нет. Ты заболел?

– Нет, Гаухар, любимая. Нет. Со мной всё в порядке. Единственная к тебе просьба, держись рядом. Я боюсь за тебя.

Он сжал руку так и ничего не понявшей Гаухар, которая уже увлекла его за собой.

Огромное пространство перед трибунами с которой ежегодно на протяжении десятилетий, партийные вожди любовались послушным, смирным народом, сегодня была заполнена тысячами взбунтовавшихся молодых людей. Студенты вузов, молодежь столицы собрались сюда, чтобы выразить протест.

Учащиеся сельскохозяйственного института текли широкой, полноводной рекой по одной из улиц, выходящих на площадь. Словно река, впадающая в море, растворились они, слившись с колышущимися толпами народа.

А люди продолжали подходить, преодолевая заграждения из автомобилей. Молодежь была до крайности возбуждена. Там и здесь через мегафон раздавались требования выхода к ним бывшего первого руководителя республики.

Но видимо новое руководство не внимало законным требованиям. Привыкшие за годы правления решать за общество абсолютно всё, естественно, они были возмущены до крайности бунтом серой массы. Когда за нее партийные боссы давно уже всё определили. Гигантская империя под названием «Советский Союз» была умышленно создана таким образом, чтобы так называемые «братские республики» не могли даже и думать об отделении. Экономика имела такую схему, что машиностроение было сосредоточено в России, а республики являлись сырьевыми придатками. За народ просчитали всё: рождаемость, смертность, размеры заработной платы, а самое главное на годы вперед, планомерно был просчитан научный, интеллектуальный потенциал.

КГБ, ядовитый гигантский паук, опутал невидимой паутиной не людей, не народы, а образ жизни.

Абай и Гаухар часто обсуждали эти, волновавшие их обоих, темы. На что-то они смотрели одним взглядом, в чем-то были не согласны. Но оба молодых, любящих друг друга человека хотели одного, процветания любимого народа. И потому сегодня, глядя на эти сотни, тысячи взволнованных парней и девушек Абай каждой клеточкой своего тела, ощутил так значимо, свою причастность к будущему республики.

Впервые в его сознании так ёмко встало понятие – народ. Казахи! Свободолюбивые, непокорные племена, для которых по-

стелью служила великая степь, а одеялом – голубое вечное небо. По незримым сосудам истории, от далёких предков, по крови передалось и ему эта непокорная степная гордость. А сегодня впервые он отчетливо осознал, испытывая трепет от головокружительного счастья, что он казах...

Всё – воспитание родителей, бередящие душу рассказы Каратаса, его беспокойство за судьбу родного народа, – в этот миг придали Абаю огромную ответственность за происходящее на этой площади. И от этого чувства почти физически почувствовал он, как за спиной у него расправились сильные крылья.

– Мы пришли сюда, – гремел чей-то голос, – не потому, что мы бунтари. Обида нанесена центром людям, из года в год выполняющим пятилетки досрочно, поднявшим целину, отстаивавшим, свое светлое будущее, погибая на полях гражданской и отечественной войны. Человеку-созидателю, труженику нанесена кровная обида. Она вынудила нас оставить аудитории и прийти сюда. На законном основании мы требуем наших конституционных прав и свобод. Право нации на самоопределение, независимость, открытость. Партийные лидеры, поднявшиеся перед нами на эту трибуну, побрезговали говорить с нами, как с равными, и потому были освистаны и заброшены снегом. Сегодня, здесь на этой площади, проснулась много лет дремавшая гордость казахов.

Абай поднялся на трибуну, заполненную молодежью. Он почувствовал в себе величайшую потребность сказать здесь и сейчас. Отсюда с трибуны он с тревогой увидел, как площадь стремительно оцепляется вооружёнными сапёрными лопатками курсантами пограничного училища. Не страх за себя – обеспокоенность за собравшихся наполнила сердце Абая.

Он поискал взглядом Гаухар и нашел её, стоявшую внизу. Крупные, чёрные глаза любимой распахнуто и доверчиво глядели на него, подбадривая. Абай заговорил в громкоговоритель:

– Брать и сёстры! Площадь со всех сторон окружают солдаты и милиция. Они вооружены. Наши требования носят мирный, политический характер. Мы требуем обеспечить нас работой. Мы требуем своё законное право на применение родного языка. Не поддавайтесь на провокации!

Абай с высоты трибуны вновь и вновь, не прерывая своей речи, с беспокойством оглядывал примыкающие к площади улицы. Отсюда было хорошо видно, что прибывают все новые и новые спецподразделения.

Голос Абая, суровая, звенел над площадью. Вдруг огромная масса народа взбурлила, словно пенящееся море. Всколыхнулась в тревоге. Раздались крики. Упали транспаранты с лозунгами. В морозном настоящем воздухе понеслись ввысь проклятья партийным кровососам, стоны, мольба о помощи. С трех сторон стальными черепахами двинулись на людей бронетранспортеры.

Алые пожарные машины, словно огромные клопы, напившиеся людской крови, перебирая толстыми резиновыми лапами-колесами, направились на беззащитную мечущуюся в поисках спасения человеческую толпу. Из брандспойтов, как из змеиных пастей, в молодежь ударили сбивающие с ног, мощные ледяные струи.

Вслед за бронетранспортерами и пожарными машинами двинулись рабочие дружины - штрейкбрехеров, вооруженных цепями и арматурами. Началась ужасная свалка.

– Что же они делают, гады! Сволочи! – воскликнул ошеломленный Абай, – Они давят свой народ!

Выватив мегафон из рук обезумевши глядевшего сверху на действия курсантов парня, закричал во всю мощь легких, перекрывая вопли и стоны людей:

– Прорывайте кольцо, спасайте женщин и девушек!

Абай потерял из виду Гаухар. Откуда-то, из тысяч криков о помощи, он слышал ее родной, резавший сердце голос.

– Абай! – звала она его, – Аба-а-й!

Он бросил мегафон и прыгнул с трибуны вниз. Люди метались в ужасе. Но куда им было деться, если они были окружены со всех сторон.

– Гаухар, любимая! Гаухар! – напрасно надрывал легкие Абай.

Вот одна из пожарных машин, разрезав толпу, приблизилась к трибуне. В лицо Абаю ударила студеная струя, опрокидывая его. Но даже упасть и спрятаться от воды, было невозможно, так плотно друг к другу метались обреченные люди.

Прямо на облитого с головы до ног Абая с криком «Ура!» бежало несколько солдат, размахивая поблескивающими остро отточенными краями саперными лопатками.

Ужасно вскричав, рухнула под ноги надвигающегося, словно римский легион строя курсантов, молодая женщина. Курсант с плеча рубанул ее по неприкрытой голове саперной лопаткой. Огромные, злобные, хрипящие от злобы псы, бегущие на повод-

ках у милиционеров, набрасывались на мечущуюся стену людей, вырывая оттуда бедняг и рвали их на части.

Все вокруг превратилось в ад. Чадили черным пламенем и дымом горящие автомашины. Душераздирающие стенания, стоны, мольба – все слилось в сплошную торжествующую бесовскую какофонию.

Люди плакали: слезоточивый газ с нежным, видно для издевательства придуманным названием «Черемуха», разъедал глаза. Они рыдали от душевной боли, валясь под ударами арматурин, дубинок и саперных лопаток.

«Эти кровопийцы, претендующие на право стоять над народом, сейчас наблюдают в окна за мясорубкой. Сердца их замирают от счастья удовлетворенной мести за часы пережитого страха» – мелькнуло в голове Абая.

Ударом кулака он свалил милиционера, набросившегося на пытавшуюся в отчаянии закрыться девушку. Взметнув кулаки к небу, он посылал проклятья спрятавшимся за толстыми пуленепробиваемыми стеклами, партийным вождям.

«Гаухар! Любимая Гаухар!» – успевал думать в крошечном аду, уворачиваясь от саперных лопаток о своей любимой.

Обреченным на смерть, обезумевшим людям, удалось прорвать кольцо окружения, и толпы молодежи хлынули с площади. За ними гнались солдаты и милиционеры, рубя лопатками. Сотни и сотни человеческих тел остались лежать, истекая кровью, под ногами неисчислимой рати закованных в латы милиционеров. Парней и девушек за волосы волокли к спецмашинам, забрасывая их внутрь словно поленья.

Напрасно Абай в отчаянии метался в надежде увидеть любимую. Ему было страшно от мысли, что его родная Гаухар сейчас подвергается смертельной опасности. Он продолжал звать ее, но его голос растворялся среди тысяч других.

Абай заметил, что за ним устремилось несколько милиционеров в касках с опущенными забралами. Они настигали. Застывшая на морозе, вставшая колом одежда мешала ему бежать. Он споткнулся об лежавшего в луже крови парня и полетел на заснеженный асфальт. Вскочить ему не удалось. Шквал ударов дубинок, обрушившихся на голову, был убийственным.

Еще пытаюсь увернуться, он ужом вертелся на стылой, окровавленной, земле. Вдруг будто что-то разорвалось внутри черепа. Враз стало темно, и он провалился в жуткую пропасть, погружаясь во мрак, оставляя страшную явь.

Очнулся Абай уже в здании милиции. Придя в сознание, первое, что он почувствовал, это страшная боль, терзавшая его. Кожу лица как-то неестественно стягивало.

Абай сделал попытку ощупать лицо, но избитое тело отказывалось слушать. Немного переждав, он вновь напряг руку, чтобы подтянуть её к голове. Через все его тело, молнией, прожигая насквозь, взметнулась чудовищная вспышка. Булькающий, хриплый стон вырвался из его груди.

– Очнулся наш герой, – услышал Абай чей-то, показавшимся далёким, голос. Он даже не понял, что это говорят о нем, – Тащите в кабинет к следователю.

Оказывается, за ним наблюдали. Абай услышал шаги, не то крадущиеся, не то шаркающие, как вдруг, чьи-то мощные руки подхватили его подмышки и, оторвав от пола, поволокли.

Будто десятки острых ножей одновременно впились в него. Его волокли по длинному коридору, по всей протяженности которого лицом вниз лежали буквально сотни окровавленных людей. Абай понял, что это задержанные с площади.

В ярком свете лампочек, по проходу ходили милиционеры с дубинками в руках и били по голове всякого, кто пытался приподняться, осмотреться.

– Лежать! Всем лежать, не шевелиться! Не разговаривать! – слышалось грозное рычание стражей порядка.

Навстречу Абаю крупный сержант проволок за длинные косы, намотав их на руку как веревку, молоденькую девушку. Бедняжка от боли кричала на весь коридор. Голос ее был до такой степени звонкий и режущий, что на доли секунд Абай забыл о себе.

– Гаухар! – закричал он утробно. Но это была не Гаухар.

Перед какой-то дверью в конце стены милиционеры, тащившие его, приостановились.

В кабинете горела мощная настольная лампа. За широким столом сидел невысокий, толстый казах в гражданском. Абая усадили на стул. Двое встали сзади, за спиной.

Боль была теперь такой пронизывающей, будто его нанизали на огромный металлический штырь, проткнув насквозь.

– Я твой следователь. Ты совершил тяжкое преступление, подбивая молодежь к противоправным действиям. Ты должен дать показания на всех участников, студентов вашего института. Говори, не молчи, – потребовал следователь.

Но что мог сказать Абай? Что он может сказать этим аспидам, после всего, что ему пришлось пережить сегодня на площади?

– Говори! – заорал толстяк.

Абай продолжал молчать. Собрал всю силу воли в кулак, он сдерживался, чтобы не стонать. «Где Гаухар? Что с ней? Удалось ли ей укрыться?», – тупо ворочалось в его мозгу.

– Ты будешь говорить или нет? – взъярился следователь с головой, круглой, точно спелый арбуз.

Абай, глядя на беснующегося толстяка, вспомнил великие слова поэта-мыслителя Абая: «Кровь за левой щекой, жир – за правой щекой», – и криво усмехнулся в ответ.

– Ты пожалеешь об этом! Я заставлю тебя облизывать мне пятки. Врежьте ему! – приказал следователь.

На Абая тут же обрушились прилипающие к телу, удары дубинок. Они приходились по всему туловищу. Укрыться от них было невозможно, и Абай решил держаться, чтобы не упасть к ногам толстяка. Сколько это продолжалось теперь не вспомнить. От болевого шока Абай вновь потерял сознание. Возможно, он рухнул на пол. Выкарабкивался из тьмы, окутавшей его и цепко державшей в своих объятиях, очень долго. Двое суток. Он пришел в себя в крошечной камере, на жестких деревянных нарах.

Избитое, изувеченное тело, было словно чужое. Боль была теперь не острой, тупой. Просто тело не подчинялось ему. Сделав это открытие, он старался не шевелиться, сохраняя силы.

Он вспоминал. В последний раз он видел Гаухар с трибуны. «Почему же он не предупредил ее?», – возникла мысль, как позднее раскаяние. И он вспомнил.

Увидев, что площадь оцепляется со всех сторон тысячами вооруженных курсантов, он возвестил об этом через громкоговоритель. А как было потом? Что было дальше? И он опять мучительно вспоминал. По крупицам из кусочков, восстанавливая картину прошедшего дня, как что-то далекое, давнее.

«Он потерял Гаухар!», – эта мысль вновь овладела им, разрывая сердце, – «Надо было взять ее с собой, на трибуну. Но тогда они оба попали бы в их руки. Может, она спаслась?», – пытался утешить себя.

Абай поразился пророчеству аксакала Каратаса: «Ты будешь голоден и холоден. И унижен».

– Каратас-ата! – закричал он, – Вы меня слышите?

В ответ была тишина могильного склепа. В углу из нависшего

над отхожим местом проржавевшего крана тихо струилась вода. Это действовало на нервы.

«Даже трубы не могут починить, гады!» – подумал он.

Позже Абай узнает, что они текут почти во всех камерах. И сделано это специально. Для морального давления на дух арестованного.

Внезапно Абай почувствовал, что по телу передвигаются мелкие насекомые. Чуть приподняв голову и скосив глаза в мутном свете лампочки, освещавшей камеру, он с ужасом увидел полчища круглых, плоских клопов, ползающих по нему. Они были всюду. Проникали под одежду, расползаясь под ней, кусая. Но самое страшное: они копошившись в открытых ранах головы. И не было сил, чтобы как-то противостоять им. Тело его, всегда энергичное, легкое, послушное, теперь отказывалось служить ему. Он не мог подчинить его к себе. Любое шевеление, даже попытка согнуть палец на руке, вызывало реактивную боль. Оно продолжало быть его, в плане чувственности, но не подчинялось.

Что они со мной сделали? Разве это возможно, чтобы так поступали с людьми в нашем государстве?

О, Аллах! Как он был наивен тогда, в той крошечной камере ИВС. Пройдут годы. Годы страданий в неволе. Ему предстояло пролезть как сквозь игольное ушко, через жерло тоски, унижений.

В первые дни заключения Абай глубоко страдал от неизвестности, которая стеной окружала его. День за днем медленно, тончайшей струйкой песочных часов убывали минуты, часы, буквально вытягивая из него последние моральные силы.

Более недели как выяснилось позже, над ним издевались следователи МВД. Один за другим, сменяя друг друга, по так называемому круговому методу, они продолжали терзать тело и волю молодого парня. Нескончаемые допросы, сопровождаемые жестокими избиениями, довели его до самого крайнего предела. Разбухшие разбитые губы непрерывно кровоточили. Мозг, казалось, вот-вот взорвется.

«Как же это возможно? Ведь мы, молодежь, студенчество вышли на площадь требовать для народа. Наши требования носили мирный характер. Почему они с нами поступают как с лютыми врагами? Ведь они же такие же казахстанцы, как и мы. Значит и они же должны были быть с нами. Но никак не против».

Абай был чист своей безграничной любовью к родному народу. К родной земле. В своей трепетной любви к Гаухар. Мир казался ему необъятным. А сам себе он виделся огромным. Он знал, что люди бывают разные. Хорошие и плохие. Но никогда бы он не мог подумать, что так легко и просто можно правду превратить в кривду.

И когда на него едва пришедшего в себя, после очередной экзекуции вновь замахнулся следователь, Абай выплюнул с презрением ему на мундир кровавый стусок.

Что было потом? Потом его тело находилось между жизнью и смертью. Вначале пинали сапогами. Затем, взяв за руки и за ноги его ватное тело, подбросили вверх.

Нестерпимый яркий дневной свет бил прямо в лицо. Абай почувствовал его и понял, что все еще жив. Долго время он лежал, не открывая глаз. Вокруг было очень тихо. Почему-то, не слышалось лязга металлических дверей и лающих криков команд.

Даже думать о чем-то было больно. Прикрыв веки, он вновь погрузился в липкую пелену бесчувствия. Какие-то клетки мозга то ли предатели, то ли желающие умереть, спасти его тело от дальнейших мук, пытались уговорить от бессмысленного сопротивления другие.

Но те другие, немногочисленные, отчаянно держались.

– Не имеешь права умирать! – кричали они, – За правду надо уметь бороться. А смерть – это дезертирство с поля боя.

В какие-то мгновения он приходил в себя от запаха нашатыря. Люди в белых халатах производили непонятные манипуляции с телом, когда-то принадлежавшим ему. И вновь липкая тряпина вытягивала навстречу щупальца с присосками, погружая его разум в своем омуте.

– Гаухар! – тащилась, исчезая, усталая мысль.

Зеленая, изумрудная степь до самого горизонта. Перламутровые лучи солнца нежно лютятся, лаская все живое. Под удивительно голубым небом, заливаясь, поют беззаботные степные птички. Чуть поскрипывая, переваливаясь с боку на бок, катится за гнедым конем, высокая арба. Арба доверху набита душистой свежескошенной травой.

Светлолицый мальчик с черными, непокорными вьющимися волосами правит конем. Широкая ослепительная улыбка озаряет его лицо. Рядом с ним огромный старик. Это Каратас-ата.

- Смотри Абай-жан, какая красивая земля.
- Да, ата. Красиво.
- У тебя чистая, как это небо, душа, сынок.
- Да, ата. Ведь оно прекрасно.
- Но надо быть прозорливее. Видишь, вон у края горизонта по-чернело.
- Да, ата, теперь вижу. Почему это? Кругом такая идиллия.
- Вот так в жизни сынок. Если не заметишь, увлечешься безмятежно, полной неожиданностью станет для тебя вдруг почерневшее небо.
- Что же делать ата в таком случае?
- Надо любить. Отчизну, родных. Но быть готовым духом и телом к ливню, что обрушится на тебя.
- Я не боюсь промокнуть, ата.
- Ты не прав, сынок. Черный дождь не только промочит твою одежду и тело. Он может размыть душу. Береги ее. Открывай ее только в чистые, ясные дни. А когда приближается черный дождь, умей запахнуться.

Молодой организм Абая яростно боролся. Сантиметр за сантиметром, шаг за шагом двигаясь к жизни, презрев подступившую старуху-смерть.

Он пришел в себя в лазаретной камере. Здесь было тихо и опрятно. Тело, которое, почти не слушалось его, вновь подчинилось мозгу. Оно еще продолжало болеть, и было разноцветным. Исполосованное дубинками, из сплошного синего, теперь оно местами побагровело, плавно переходя в отечную синюшность. Но в большей части спина, плечи, руки и ноги были болезненно желтого цвета. Только грудь меньше всего пострадала. Но, когда Абай провел рукой по все еще саднящей болю голове, то с удивлением обнаружил, что острижен наголо. Раны на голове были зашиты и смазаны зеленкой. И, как ни больно было Абаю, глядя на себя в крошечное карманное зеркальце медсестры, он не смог удержаться от улыбки. Улыбка получилась кривой, невеселой.

Еще несколько дней он пролежал под присмотром врачей. Никто его не тревожил. Проглатывая пищу, которую давали здесь, он тут же засыпал. Это была реакция восстанавливающегося организма.

Вскоре его перевели в одиночную камеру. Теперь он узнал, что его содержат в следственном изоляторе КГБ.

Камера была маленькой, но чистой. Абай с ужасом вспомнил про гнусных насекомых, которых он обнаружил в прежней камере. Но здесь их, к его огромной радости, не было.

Потекли серые тревожные дни неизвестности. На тысячи вопросов, роившихся в голове, не было ответа.

Наконец, его повели на допрос.

«Черный дождь. Умей запахнутья», – тяжело всплыло из недр клеток памяти предупреждение Каратаса-ата, приходившего к нему во время избияния на допросе, а, может, позже.

Нет, на этот раз его не били. Следовательно, вежливый и культурный, умело направлял допрос. Сопоставлял накопившиеся у него факты. Мягко подводил Абая к роли организатора беспорядков на площади.

– Ах! Что они с вами сотворили, – посокрушался он вначале, – но и вы хороши, взвалили на себя роль лидера. Я понимаю, молодость, горячность, желание сразиться за справедливость. Но где проблема, молодой человек Абай? Ее и не было. Руководители партии отправили на заслуженный отдых своего соратника. На его место назначен другой лидер, помоложе. Инициативный, энергичный. А ваша горячность привела к непоправимым последствиям, молодой человек Абай. Вы обвиняетесь по нескольким очень тяжелым статьям, – следовательно принялся загибать пальцы, – Ваша речь, молодой человек Абай, возбудила и побудила молодежь к массовым беспорядкам, – говорил он ненастойчиво, словно крался, – Знаете ли вы, что на площади было сожжено около двадцати легковых автомобилей. Нанесены средние и тяжкие повреждения сотням сотрудников. Но и это не самое главное. Меня интересует вопрос: кто вас поднял на этот бунт? Ведь это же никак иначе нельзя расценить, как подрыв существующего строя, норм Конституции. Вот ведь где зарыта собака. Расскажи мне, молодой человек Абай, кто из высокопоставленных должностных лиц управлял этим процессом. И тогда и автомобили, и статья по умышленному нанесению телесных повреждений, и, – следовательно поднял указательный палец вверх, сделав паузу, – сопротивление органам правопорядка отойдет на задний план.

«Умей запахнутья», – бился наказ провидца.

– Я никого и ничего не знаю, – отвечал Абай устало.

Так как выстраивал факты и события опытный следователь, действительно все происшедшее принимало совсем другой ха-

раakter. Он, мягонько подстелив, укладывал на лопатки Абая. На борцовском языке это называют «туше».

«Ах, если бы он не видел собственными глазами, как они убивали молодежь на площади! Пусть молодежь погорячилась. Пусть пошли против политики партии. Но разве может отец убивать сына только за то, что дети его возмущены их дескридитацией? Тарас Бульба убил сына Андрия, но Андрий предал народ, землю свою, во имя прекрасной полячки. А они встали за будущее казахстанцев. Так что врет этот льстивый следователь. Ему поставлена задача перевернуть все с ног на голову. Вывернуть наизнанку. Перевести мирный про-тест на гнилые рельсы хулиганства», – бурлило внутри Абая.

– Я очень плохо себя чувствую, у меня болит голова. Прошу Вас, отпустите меня в камеру.

– Пожалуйста, – охотно соглашался тонкий психолог следователь, – тебе обязательно надо подумать. Тебя подставили. Но не ты нам нужен. Дай интересующие нас показания, и я постараюсь помочь тебе. Обещаю. Мы знаем, что ты очень хороший студент. И у тебя красивая подружка. Как ее зовут?

– У меня много подружек. Я не знаю, кого вы имеете ввиду.

– Конечно же, Гаухар, молодой человек Абай. Ну хорошо, идите в камеру, отдохните, подумайте.

«Что же делать? Что делать? Они занесли топор над головой моей любимой», – стонал Абай, ворочаясь на жесткой наре одиночной камеры.

С того дня Абай стал вести календарь. Каждое утро он вычерчивал маленький кружочек. Время теперь тянулось мучительно.

Боясь надломиться, он стал тренировать свою память, декларируя вслух любимые стихи.

От стены до двери было три с половиной шага. Или зри широких шага. Вышагивая их, он читал вслух «Мцыри» Лермонтова, поэмы Некрасова, Пушкина. Восстанавливал прошедшие лекции по агрономии. Постепенно стал подчинять покалеченное дубинками тело. Качать пресс. Вспомнил уроки бокса, которым обучался в интернате.

«Теперь эта наука может пригодиться», – думал Абай, с благодарностью вспоминая своего интернатского тренера.

– Я не люблю бить людей, – заявлял он ему.

– Уроки бокса нужны не только для того, чтобы избивать людей. Когда-нибудь в жизни тебе придется защищать себя, своих близких, – настаивал тренер.

Абай вспомнил соседского парня Амира. В памяти всплыли его злые слова, брошенные им после кончины Каратаса-ата:

– Люби свою землю, свой народ! – ухмылялся Амир завещанию провидца, данное им Абаю, – Посмотрим, кто из нас окажется несчастлив! Я всегда буду лидером, «крутым. И я возьму от жизни все, что необходимо для моего счастья. А ты возьми его от абстрактного народа. Ты рохля! – швырял он в лицо ему злые слова.

Но не это ранило Абая. Ему было обидно наблюдать за тем, как Амир изгаляется над предостережением, сказанным аксакалом ему. Абай знал, что Амир сейчас служит в Афганистане, где-то в разведке.

«Боевой парень. Дерзкий. Он мог действительно стать лидером молодежи. Может, армия хорошо подействует на него», – с надеждой рассуждал Абай. И опять тревожные мысли о Гаухар заслоняли все остальное.

Дни, тягучие как смола, нанизывались, словно бусинки на черную нить. По ночам ему снились светлые сны. Снилось мама. Отец, возвращающийся на тракторе с посевной.

Очень часто во сне он видел родные окрестности. Высокие травы, наполненные чудодейственным соком земли, легкий ветерок чуть треплет кусты ракиты у оврага. Игривых рыжих жеребят, смешно вскидывающих в беге тонкие ножки. Во сне он слышал и просыпался от шума влетающего на станцию по горячим рельсам веселого состава. Никогда ему не снились зимние, стылые сны. Только легкие. Летние.

Он досадовал, что ему не снится Гаухар. Но она не приходила к нему в его добрых снах, несмотря на то, что он думал о ней постоянно.

Следователь продолжал все так же мягко стелить. Уговаривая, убеждая его, направлял умело в нужную сторону.

Запахнувший душу, Абай отводил версии кэгэбэшника, сердя его.

– Ты подставляешь своим неразумением Гаухар, молодой человек Абай.

И как не больно было Абаю, он ответил, что Гаухар всего лишь его знакомая, сокурсница. И он не обязан знать, как она себя вела на митинге в институте. А была ли она на площади, Абай вообще не знает.

Видимо, у следователя что-то не выстраивалось в отношении Гаухар. Судя по тому, как он все пытался кроить, ходя вокруг да около, в надежде зацепить за живое. Прижать Абая.

«Надо продолжать держаться этой линии», – убедился в правильности занятой им позиции Абай.

Раны на голове уже затянулись. Осыпалась короста с них. Волосы отросли и опять закучерявились. Шел четвертый месяц с того страшного дня, похожего на пропасть.

– Я хотел тебе помочь. Но ты оказывается глупый парень. Ты идешь по всем статьям. Так что ознакомься, подпиши и жди суд, – следователь деланно сетовал, изображая искреннее разочарование.

– Срок тебе будет очень большой. Потом тебя ждет лагерь, где тебя загонят под нары. А скорее всего сделают из тебя девочку. Так что пеняй на себя. Хотя у тебя есть последний шанс, который ты мог бы использовать. Ты можешь еще раз подумать, ради кого ты должен погибнуть. Выдай нам тех высокопоставленных лиц, которые подбивали вас на необдуманные шаги. Тогда будет переследствие.

Абай подписал листы с обвинительным заключением.

«Не бывать этому! – думал он в ярости, – Я не позволю им поносить мое имя, как сбившегося с пути хулигана. Мы умирали на площади в тот декабрьский день за будущую независимость республики. Она обязательно обретет ее. Система уничтожающая своих детей, рухнет и превратится в прах. Я верю в это, и если мне суждено во имя этого пройти через огонь страданий, горечи, что ж, я пройду».

Вновь потянулись однообразные дни, пугающие своей тишиной. В коридорах изолятора ни звука. Даже не слышно топота надзирателей. Посреди длинного тюремного лабиринта устелена мягкая дорожка, скрадывающая шаги. Но теперь она давила многотонной тяжестью на психику Абая. Он мужался, как мог. Пытался сочинять стихи, но стихи получались неуклюжими. Тогда он забросил эти потуги.

– Нет поэтического дара, – обречено приговорил себя.

Пища, которой здесь кормили, была сравнительно сносной.

Больше всего Абая угнетало неведение. Он пытался поразному моделировать себе ход следствия. Будучи от природы доверчив и воспитан, он все еще продолжал где-то в глубине души надеяться, может быть партия разберется во всем. Ведь допущено чудовищное преступление против народа.

Ах, как он заблуждался!

Вскоре состоялся суд. За день до этого его опять вызвали к следователю.

– Заседание будет закрытым. Родственников на него в зал не допустят. Только свидетели. С адвокатом познакомишься за час до начала процесса. А ведь я тебя предупреждал, молодой человек!

Следователь вызвал надзирателя. Полного смятения Абая увели в камеру.

Весь остаток дня и половину ночи он метался, словно попавший в капкан молодой орел. Сердце его изливалось сочащейся тоской по воле. Он глубоко страдал, думая о маме. «Выдержит ли она это известие? Мама всегда гордилась мною. С какой радостью и гордостью она собирала меня в институт! – вспоминал Абай угнетенно, – А когда я приехал после окончания первого курса, радости родителей, казалось, не было границ. В ауле всем было приятно, что он, парень из их округи учится в институте. Да еще в таком большом городе».

– С плохими не водись. Птицу, которая вырастет беркутом, видно по размаху крыльев. Жеребенка, который превратится в тулпара, видно по его бегу. Ты наша надежда, сын. Вот получишь образование, станешь агрономом, будешь земле отдавать свои знания. В последнее время один за другим меняются агрономы. Не хотят задерживаться здесь. Все метят в город, а кто здесь будет работать?

– Вот я и буду, отец.

– Правильно, сын.

Воспоминания разрывали душу Абая. Чувствуя, как горло пережимает подступивший ком, он восстанавливал в памяти рассказы аксакала Каратаса.

Аксакал доверял ему очень сокровенное. Только ему, никому больше. Они вдвоем хранили тайну этих рассказов. Каратас-ата рассказывал, тогда еще ученику старших классов, коечто из своей лагерной биографии.

– Я тебе не для красного словца рассказываю все это. Жизнь – это сложный путь. Ты Абай-жан должен это знать. И уметь отстоять свою честь. Честь у джигита одна. Потеряешь ее, другую не купишь.

Обессиленный, Абай прилег, и сам не заметил, как заснул.

«Завтра понадобятся силы, чтобы выстоять», – успел подумать он засыпая.

Снились ему какие-то бессвязные сны. Безуспешно пытался он как-то управлять ими. А под утро отчетливо приснилось: *он идет в казенных сапогах, непомерно больших для его ног, по вспаханной пашне. Ноги его вязнут. Он с умилением глядит на дышащую, в ожидании семян землю, а в руке пусто. Нечего бросить.*

Прогнулся от стука чашек в коридоре. Раздавали завтрак.

«Какой нехороший, липучий сон», – подумал он, гадливо вспоминая предутреннее видение.

Суд... Судилище, как и предрекал следователь, было закрытым. Адвокат пришел к нему не за час, а за пятнадцать минут до заседания. Судья. Заседатели. Прокурор.

– Дело твое безнадежное, парень. Срок тебе будет серьезный, – это все, чем обнадежил его защитник.

По обе стороны Абая, сидевшего на скамье подсудимых, застыли конвойные.

– Встать. Суд идет!

Судья долго читал обвинительное заключение. Следователь добросовестно сделал свое дело. Из результатов следствия вытекал ряд статей.

Он, Абай, под воздействием ряда высокопоставленных лиц, имена которых отказался раскрыть, побудил студентов института идти на площадь. С трибуны призывал к свержению существующего строя. Провоцировал молодежь к совершению противоправных действий. Оказал сопротивление при задержании.

Судья еще и еще перечислял преступления Абая, квалифицируя статьи уголовного кодекса.

Затем говорил прокурор. Все то же самое, скрипучим голосом начищенных кирзачей.

Обвинитель потребовал приговорить его к семи годам лишения свободы.

Колкие мурашки пробежали по коже. Словно кто-то вылил на него ушат студеной воды.

«Семь лет! Гады, за что?», – билась мысль.

Адвокат просопел двусмысленную речь. И предоставил характеристику из института. Характеристика была написана трусливо.

«Видно в институте открестились от меня».

– Я прошу слова! – сорвалось с губ Абая от отчаяния.

– Не перебивайте суд. Вам будет предоставлено слово.

Когда его предоставили, Абай догадался, что участь его решена этой четверкой.

«Странно! Аксакал рассказывал, что его судила тройка. Меня судят четверо. Судебная система прогрессирует».

Он поднялся с места. Говорить было очень трудно. Из горла вырывался сип.

«Только бы не потерять достоинство, – молил он неведомого, всесильного, – Хорошо, что нет мамы. Она бы не пережила этого. Да мне так легче будет. А вот если бы отец был рядом, эго придало бы мне сил».

Абай никогда не думал о Боге. Хотя к религии относился с уважением.

«Я совсем один. Никто мне не сможет помочь! Как трудно оставаться одному в такой час!», – мысли метались сполохами молний в душной предгрозовой ночи. Он в отчаянии беззвучно воззвал к духу Каратаса-ата: «Провидец, помогите же мне!».

А вслух произнес:

– Меня обвинили в тяжких преступлениях, которых я не совершал. Я не согласен с вашими обвинениями. Сегодня я беззащитен. Но я верю в то, что пройдет время и вам всем станет стыдно за сегодняшний день. Вы приговариваете сегодня не меня. В моем лице вы распинаете собственных детей, молодежь Казахстана.

– Подсудимый, суд лишает вас последнего слова. Суд удаляет-ся на совещание.

Десять минут.

«Время, достаточное для того, чтобы освежиться стаканом свежесваренного чая. Десять минут им понадобилось, чтобы решить мою участь», – с тоской подумал Абай, глядя на то, как участники процесса возвратятся в зал, занимают свои места.

«Хоть бы стульями так громко не двигали, ведь это ужасно давит на психику», – он пожалел себя.

– Встать. Суд идет. Суд выносит приговор по делу.

Далее судья пресным, скучным голосом вновь перечислял преступления Абая. Читал долго. Прерываясь, позевывал.

Адвокат не смотрел в сторону подзащитного. Рассматривал свои ухоженные ногти. Толстый прокурор был спокоен и безразличен. Он напоминал «мальчиша-плохиша», свершившего свою гадость.

Конвой с нетерпением переминался с ноги на ногу. Ему хотелось быстрого окончания этой процедуры.

«И так все ясно», – говорил их вид. Заседатели были торжественно напряжены, словно звучал гимн Советского Союза. Пешки. Они стояли вытянув шеи, напоминая гусаков.

Стены помещения выкрашены в холодный синий цвет. Несколько рядов деревянных кресел, наполовину сломаны.

«Суды работают как конвейер», – промелькнула мысль.

– ... и приговаривается к лишению свободы...

Понимая, что он обречен, Абаю все же не хотелось верить, что сейчас произойдет страшное. Он весь внутренне съежился. Пальцы, сжатые до боли в кулак, побелели. Почти не дышал

– ... сроком на четыре года с отбытием в колонии усиленного режима. ‘

Стены синего цвета вдруг стали чернеть в глазах Абая, пока не превратились в цвет сажи. Голова закружилась. В ногах в один миг не осталось сил.

– Четыре года! Как же Гаухар? Бедная мама. Отец, – он обессилено сел на скамью.

АМИР

*В Афганистане. В черном тюльпане,
с водкой в стакане, плывем над землей,
стингер стреляет...*

Пел рядовой Дмитричев, перебирая струны гитары. Санинструктор Бондарев внимательно слушал. Открытое, улыбчивое лицо Бондарева было задумчивым. Безалаберный рядовой Яковлев, по кличке Яшка морщил нос. Что-то ему не нравилось. Дора подзуживал незлобливого Овчинникова.

– Как ты говоришь называется ваша деревня?

Гена Овчинников предчувствуя в вопросе Доры очередной подвох злился:

– Ты, Дора, думаешь, что ты офуительно умный?

– Не офуительно, а афуительно.

Разведчики, следившие за развитием событий, покатались со смеху, хватаясь за животы.

Дмитричев невозмутимо продолжал петь. Солнце палило нещадно. Хотелось пить.

«Вода теплая. Ну ее! Потерплю», – лениво подумал Амир, продолжая улыбаться над зацепившимися Дорой и Овчинниковым.

– Ну ладно, кроме шуток, как называется ваша деревня?

– Дора, ты офуительно умный, да?

– Ха-ха-ха-ха...

Хохот раскатывался, то утихая, то вновь взрываясь.

– Ну тебе что, трудно ответить? – загонял в тупик присосавшийся словно клещ, Дора.

– Ну Малая Пурга! – взорал Гена.

Разведчики опять заржали.

– Че смешного? Пошли все на фуй! – терпение Овчинникова лопнуло. Он вскочил, отошел в сторону метров десять и присел в одиночестве.

Однако это не устраивало разведчиков. Им нравилось смеяться над Геной. Они переглянулись. Фельбуш нехотя поднялся и с участливым видом пошел к Овчинникову.

– Гена. Ты че? Правильно ты их послал. Но я то ни при чем. Кончай злиться. Пошли на место.

Овчинников недоверчиво посмотрел на Фельбуша. Однако лицо Лехи было серьезным. Овчинников поднялся, отряхнул зад от прилипших травинки и зашагал обратно. Фельбуш участливо поддерживал его за талию, заглядывая в лицо.

Все знали, что как только Гена усядется среди всех, Леха отмочит какую-нибудь хохму. Один только Овчинников всерьез воспринял опеку Фельбуша. Они сели в тени брезентовой палатки.

– Гена... – начал осторожно Фельбуш.

Овчинников насторожился.

– Расскажи, как ты куму в сарае трахнул.

– Леха, кончай!

Парни, еле сдерживающие себя, тихо прыснули.

– Че ржете? – грозно, делая вид, что серьезно заступается за Гену, крикнул Фельбуш. Сам при этом еле сдерживал улыбку.

– Я тебя как друга прошу. Что в этом такого. Ты же всем, кроме меня рассказывал.

– Пусть они тебе расскажут – Овчинников решил не поддаваться.

– От них не интересно. Расскажи сам. Я же тебе рассказываю без зажимухи, – вкрадчиво подъезжал Фельбуш.

Не купившись даже на спокойный, просительный тон Лехи, доверчивый Овчинников не стал рассказывать. Он был ро-

дом из Удмуртии. Километрах в ста от их главного города Йошкар-Ола, стоит Генина деревня под названием Малая Пурга. Овчинников был чисто деревенский парень. Добрый. От природы очень крепкий. Хотя он невысокого роста, но необычайно силен. Он был очень доверчив и этим пользовались такие, как Дора. Фельбуш тоже любил побалдеть над Овчинниковым. Но, как ни странно, Доре Гена не доверялся вообще. Стоило Доре заговорить с ним, как тот мгновенно замыкался. Уходил в себя, словно улитка, чувствуя опасность. Настораживался. Фельбуш был еще опасней, но Леху он уважал.

За последний разведывход Гена заслужил отпуск. Отпуск в Афгане, это было что-то неземное. Но Гену все любили, и никто ему не позавидовал. Посчитали это справедливым и стали собирать его в путь.

Кто-то отдал новую тельняшку. Дора, вздыхая нацепил на грудь Гениной парадки комплект новеньких армейских знаков.

– От сердца отрываю – заявил он с пафосом.

Михайлов, по кличке Философ, достал из мешка неодеванный голубой берет.

– На, как-никак в отпуск едешь.

Гена выглядел как новая отдраенная монета. Бравый десантник, да и только.

Всем опять хотелось посмеяться, искали повод. Готовые улыбки лукаво бродили на их лицах. Парни знали, что на гражданке Гена не попробовал ни одной девчонки. Он сам как-то раз неосторожно в этом признался. Дора, прослышший как специалист по этой части тихонечко начал.

– Смотри, если не трахнешь никого, лучше не возвращайся. Житья тебе не будет. Ты один из разведроты отпускник, так что должен там за всех нас оттрахать. Понял?

– Понял, понял. Отвали, Дора.

– Я тебе отвалю. Точно говорю. Лучше не приезжай. Правильно? – нарочито громко спросил Дора у остальных.

– Правильно, – поддержали его.

Гена улетел. Его ждали, как ждут дембеля. Пятнадцать суток тянулись для всех, словно вечность. И вот, наконец, он вернулся. Радовались ужасно. Но самое главное, все жили в предвкушении его рассказа.

Наступил вечер. Гена чувствовал неотвратимость исповеди, как рока. И вот, наконец, отбой. Разведчики выпили разбавлен-

ного спирта, который специально берегли на этот день. Пропустили по кругу папироску с гашишем, и приготовились слушать.

– Ну, давай, рассказывай, – потребовал Дора.

– Фули рассказывать? – тут же замкнулся Гена. Дора задохнулся от возмущения.

– Нет, вы только посмотрите на него! Мы его всей ротой собирали в отпуск. Я даже дембельский набор отдал тебе. Чтобы ты там быков удивлял что ли? Воевали все, а в отпуск ты один. Лучше бы вон Леха поехал, – в голосе Доры кипела ярость.

– Ну-ка, гад, рассказывай!

– Да расскажи, Гена, ты че, в натуре! – поддержали Дору.

Видя, что на этот раз не отвертеться, Гена начал повествование. Разведчики тут же придвинулись, тесно собравшись в кучу.

– Ну, приехал я в деревню. Все обрадовались. Форму рассматривают. Я в школу ходил, директору показался. Это в первый день. На второй день дома родственники собрались, пели, плясали. Весело было. На третий день родители соседей пригласили, друзей своих. Всю ночь под гармонь плясали. Я самогону перепил, на четвертый день полдня в себя приходил. Хорошо мать рассолом отпоила.

– Ты сколько дней дома был? – в голосе разведчиков сквозило нетерпение, еле сдерживаемое раздражение.

– Пять суток – невозможно отвечал Гена.

– И что дальше?

– Вечером четвертого дня пошел на танцы в клуб. В деревне первый раз десантника увидели. Все разглядывают. Одна девчонка пригласила танцевать. Весь вечер со мной танцевала.

– И че?

– Я пошел ее провожать.

– И че? И че?

– Проводил и вернулся домой.

– Во, гад! Кровь нам пьет – заорал диким голосом Дора, взвывая с места.

– Как прошел день пятый? – орал уже все хором.

– Днем мать кормила меня пельменями. Про армию расспрашивала. Потом немного отцу помог – Гена, как и все мариинцы окал. И это оканье уже было не вмоготу слышать, – вечером проводы сделали. Утром же уезжать надо было.

– И че, так никого и не трахнул?

Рота была серьезно возмущена. Никогда бы его не простили.

– Да трахнул, трахнул, – вдруг успокоил всех Гена.

– Вот змей, – опять возмутился Дора, возмущенный тем, что Гена так долго шел к этому моменту.

– Тихо ты! – зашикали теперь уже на Дору.

– Говори, Гена, как все было.

– Фули там говорить. Кума наша была, еще соседка одна, мать, отец и я. Выпили самогона. Песню спели. Я немного закосел. Гляжу, соседка поглядывает на меня, глаз положила. Кума опьянела и стала засыпать за столом. Соседка эта показывает на улицу. Я не хотел, но, думаю, потом Дора зае..ет! Вышел на улицу и пошел в хлев. А ее нет и нет. Вдруг слышу, дверь от дома открылась, и она идет. Штатается. Зашла, и я ее завалил. Содрал с нее трусы и трахнул. Она даже не сопротивлялась. Потом пригладелся. А это оказывается кума наша.

Разведрота, слушавшая в необычайном напряжении развязку, покатила со смеху. Ржали так, что, наверное, тряслись окрестные горы. Кто-то сквозь смех орал:

– Тихо! Шас ротный вздрючит! – но никто не слушал. Ржали до слез. До коликов, до судорог в животе.

– Ой, не могу! – корчился от смеха Дора.

– Га-га-га-га-га! – кувыркался Фельбуш.

Философ держался за живот, дрыгал поднятыми вверх ногами, будто крутил велосипед.

Гена сидел невозмутимый.

– Охерели вы что ли!

– Га-га-га-га-га!...

– Хо-хо-хо-хо-хо!...

– Ха-ха-ха-ха-ха!...

– Так ты, наверное, не туда попал? У кумы же, то место на пятке, – умирал, захлебываясь в гоготе, Дора.

– Пошел на фуй! – взъярился Гена и вдруг неожиданно рассмехался сам. Потом стал хохотать вместе со всеми. Потом стал ржать и дополнять подробности.

Заскучавшая, опьяневшая, обкурившаяся разведрота за всю свою историю так никогда не ржала.

В этот раз, сколько не допекал его Фельбуш, сколько не уговаривал, Гена не сдался. Балдеж не удался. Разочарованные разведчики постепенно переключили свое внимание с Гены на Дми-

тричева. Бегаля ловкими пальцами по выдававшему виды грифу, он негромко продолжал петь:

*Последний желтый лист, кружась упал в траву;
Наверное, ты ждешь, что вновь тебя я позову,
Но стоит ли теперь?...*

Амир опять подумал о воде и даже хотел открыть глаза и подняться, но лень вновь переборола. «Как назло ни одного молодого поблизости, чтобы послать», – подумал он с досадой.

Настроение было отвратительное. Можно было сбегать ночью к Верке-чекистке, выпустить в нее всю скопившуюся злость. Но как на зло все чеки давно кончились, а в долг Верка не давала.

Верка – принципиальная проститутка. Есть чеки – она дает без отказа. Нет чеков – подъезжать к ней бесполезно.

Некоторое время Амир лежа продолжал вспоминать, перебирая в памяти тех, у кого могли быть чеки. Затем стал размышлять над тем, кто из них мог бы одолжить ему чек. Оказалось, что те, у кого чеки могли быть, скорее всего ему не займут.

– Шкуры, – заскрипел зубами он. Настроение окончательно испортилось.

– Быстрее бы уйти на боевые. Разжиться трофейным барахлом и выменять на чеки. А тогда уж держись Верка.

– Амир, – раздался голос Катайцева.

Сержант Катайцев был командиром взвода, то есть прямым начальником Амира. Но это только по штатному расписанию. На деле же взводом управляли они оба. В части приказы отдавал Катайцев. В горах же, на разведвыходе, или на боевых, все решал Амир. Не был Катайцев боевым командиром. Духа в нем не было, злости. А в Амуре было. Ротный давно хотел поставить на взвод его, но Амиру было спокойней рядовым. Кроме того, он постоянно был объектом жалоб, нареканий. То молодых побьет. Да еще так люто. То напьется. То мародерничает.

«Пусть себе Катаец салютует в части. Мне меньше проблем. А вот в горах! Там взвод слушает и выполняет его, Амира приказы».

– Амир, – вновь позвал его сержант.

– Чего орешь, – все еще не открывая глаз, раздраженно спросил Амир.

– Там в палатке пленные духи. Четверо. Возьми кого-нибудь, и доставьте их в штаб полка.

– А кто их сейчас охраняет.

– Молодой. Баранов.

– Ну вот его и возьми, – ответил Амир. Подумав про себя: «Ну, вот и развлечение. Давненько на духах удары не отрабатывал».

Он поднялся с земли, сощурившись посмотрел на солнце и зашагал к палатке с моджахедами.

Духи сидели внутри палатки на земле попарно, спиной друг к другу. Руки были связаны за спиной. Двое из них были молодые, ненамного старше его. Третий был в годах. Четвертым оказался старик свирепого вида. Его хищные глаза с ненавистью зыркнули на появившегося Амира из под густых седых бровей. Тонкий горбатый нос старика, казалось, еще больше сгорбился, когда при виде его ощерились губы. В палатке было душно как в бане. Баранов, молодой солдат из последнего призыва, сжимал в руках «калашник» и бдительно следил за ними. Хэбэшка Баранова была пропитана потом и в полумраке палатки казалось, что она намокла от крови.

При виде Амира Баранов подскочил от неожиданности. Он побаивался его. Да и кто из молодых не боялся Амира? Ведь он мог и поколотить под горячую руку.

– Охраняешь? – спросил он, кивнув на духов.

– Так точно.

– Ну и как они?

– Тихие. Сидят смирно. Что-то по-своему лопочут. Вот только старик злой.

– А че он злой?

– Ругается. Глазами ворочает.

– Глазами, говоришь, ворочает? У меня не заворачивает. Приказали нам с тобой, Баран, их в штаб доставить. Но ведь они враги. А значит могут по пути напасть на нас. Согласен?

Баранов, не понимая, куда клонит Амир, на всякий случай согласился.

– Так вот, чтобы этого не случилось, надо в них сейчас охоту отбить. А если в штабе спросят, скажем, что бросились на нас. Понял. Баран?

– Так точно.

– Смотри, шкуру спущу. А сейчас гляди и учись. Старик, говоришь, злой?

Амир шагнул к пленным и отвязал старого от пожилого. Знаком он приказал ему подняться.

Старик оказался высоким, ширококостным. Он держал связанные руки за спиной, широко развернув грудь люто глядел на Амира.

– Ну-ка, старичок, посмотрим, как ты удержишь маваши – обращаясь к душману, проговорил он.

И тут же подготовленным широким ударом маваши нанес удар ногой в голову. Афганец рухнул как полено

– Ура шурави назанед! Дас назанед! – вскрикнули двое молодых духов, пытаясь вскочить на ноги.

Амир мгновенно подскочил к застывшему в оцепенении Баранову и вырвал у него из рук «калаш». Медленными шагами он подошел в одному из молодых и разбивая ему губы в кровь, кроша зубы, вкрутил дуло автомата в рот. Он посмотрел духу в глаза. Глаза его были желтыми от гнева.

– Гневаешься! – утвердительно произнес он, радуясь.

С размаха ударил ногой, обутой в кроссовок, в живот. Дух ойкнул, крутнулся юлой вокруг оси насколько позволяли ему веревки, и завалился на бок.

– Маро бокушед, ура рее кунед! – второй молодой дернулся, но ему мешал тянувший вниз его товарищ.

– Так. Значит, тоже вякаешь? Это хорошо. А как ты удержишь боковой в челюсть? – спросил он духа, зная, что тот ему не ответит.

– Молчишь? Ну, тогда держи!

Короткий, жесткий боковой удар, хрястнув, впечатался в челюсть второго молодого. Афганец, точно куль, рухнул лицом в землю, рядышком с сипевшим первым.

Амир осмотрелся вокруг. Старик лежал без сознания.

– Они же пленные, безоружные, – шептал ошеломленный жестокостью Амира, Баранов.

– Пленные, говоришь? А попадись ты им в руки. Они с тебя заживо шкуру сдерут. Это они сейчас такие тихие. Учись, пока я жив, сосунок. Ну-ка подними этого, – Амир указал на пожилого, передавая «калаш» Баранову.

Баранов несмело, все еще жалея пленных, вынужденно заставил подняться мужчину.

– Ударь ему в пах, – приказал Амир.

Баранов ударил. Неумело. Он лишь скорчился от боли, но не упал.

– Как бьешь, сосунок? Кто тебя учил?

Амир подпрыгнул вверх и, замахнувшись левой, рассекая воздух, в ножницах со всех сил нанес удар правой ногой в лицо пожилому.

Удар был настолько силен, что тот перевернулся в воздухе и рухнул в неестественной позе.

Амир посмотрел на Баранова.

– Понял, как надо бить?

– Понял. Но они же безоружные.

– Баран, ты и есть Баран. И Бараном останешься. Иди притащи воды. Надо привести их в чувство и отвести в штаб.

Амир курил сигарету и с удовлетворением наблюдал за тем, как стал подавать признаки жизни первый молодой дух.

– Это же дети этого старика, – произнес вернувшийся с водой Баранов, – а ты на их глазах отца...

– Какие?

– Вот те двое молодых.

– А-а. Хорошо. Вообще-то надо было с молодых начинать. Ну ладно. Какая разница!

АБАЙ

Все в этом мире движется, течет. Ко всему привыкает человек. Даже к самому страшному несчастью. Обрушивается оно неожиданно и падает многотонной тяжестью. Перехватывает дыхание, сдавливает грудь. Подкашиваются ноги, Липкий, мерзкий пот ручьями струится по телу. Еще вчера жизнь казалась столбовой дорогой, под светлым и высоким небом. Хотелось напевать любимые песни, размышлять, любить, строить планы. А сегодня обрушившееся горе придавило. Мир сузился до внутреннего страха перед неизвестностью. Отчаянья. Высокое небо прижалось к земле. Почернело. Загустело. Развело хляби. Столбовая дорога в один миг прервалась, будто обрезанная. Впереди вокруг, насколько хватает глаз человеческий – зыбкие топи.

Как идти?... Воздух вокруг из чистого, густого как молодой кумыс, превратился в смрадный, и дышать стало невмозможу. Все осталось позади. За чертой! Счастье, надежда, любовь. Песни густым бараньим жиром застыли на губах. Спертый воздух до боли сжимает легкие. Рвет их как клочья старой бумаги. Душа трепещет от безутешной тоски. Она глубоко страдает.

Трясущийся «воронок» вкатился в предзонник лагеря. Этап в этот раз был небольшим. Несколько человек. Лагерь на полу-

острове Мангышлак под названием Новый Узень пользовался дурной славой. Из кратких обрывков фраз Абаю удалось понять, что даже у выдавших виды эзков, трясутся поджилки при упоминании этой зоны.

Вновь прибывшие, несмотря на грозные команды конвоя, осторожно выглядывали из дверей «воронка», словно раздумывая, стоит выходить или нет? Ступив на землю, осужденные робко оглядывались по сторонам. Шурились после темного чрева «автозака» от щедро льющихся лучей палящего солнца.

– Чего рты пораззявили. Всем сесть на корточки, – орал конвой.

Осужденные присели, подчиняясь команде, тесно сбились, точно гуси. Ждали, пока лагерный наряд примет этап у конвоя. Наконец, конвой удалился. Старший наряда молодой, крикливый прапорщик, брал в руки карточку осужденного и выкрикивал фамилию. Осужденный поднимался, называл статью, срок заключения и переходил на сторону наряда.

– Дзиев Каро Гелаевич.

– Статья восемьдесят восьмая, четырнадцать лет.

– Агеев Виктор Петрович.

– Статья сто тридцать четвертая, семь лет.

Один за другим вновь прибывшие поступили в распоряжение лагерного наряда.

– Три дня карантин, затем в зону, – объявил прапорщик.

Так для Абая начался новый виток ада – лагерь. Зона разбросалась посреди пустыни. Вокруг, куда ни кинешь взор, безжизненная песчаная земля, с редкой растительностью. Кусты саксаула одиноко покачивающиеся под слабым ветерком, напоминают скудные бороды аксакалов. Когда солнце стоит в зените, то кажется, что оно хочет расплавить все вокруг.

В воздухе парит неимоверная духота. Будто бы ты вовсе не дышишь. Раскаленный воздух обжигает легкие, они как-то странно хлюпают, от того кажется, что они превратились в торсук с жидкостью. В это время суток все обитатели зоны пытаются спрятаться в тень. Да и там нет спасенья, еще более душно. Но ретивые гайдамаки-прапорщики по контролю за заключенными шныряют неумоимо всюду. Они вытаскивают забившихся по норам эзков, хватающих от зноя воздух, широко раззявленными ртами. Словно рыбы, выброшенные на берег. Лишь бы были на виду.

Две вещи поразили Абая поначалу. Отъявленные чиферисты, несмотря на жару, продолжали пить черное, как деготь кипящее варево. Так называемая черная масть, носила тут, как и все выбеленную в хлорке робу.

Ни к чему невозможно было притронуться. Все вокруг накалено. Железо, кирпичи, бетонные стены. Даже дерево накалялось так, что обжигало. Нервы же заключенных были, словно раскаленные спирали. Плюнь – зашипит. Зэки все, как на подбор были худые. От злости, недостатка воды в организме, плохого питания. Новичков в этой зоне сразу узнавали. Они были более-менее в теле. Проходило немного времени, новички выравнивались, становясь как все. Вода для питья была привозной. Ее возили из городка, невидимого даже с высокой трубы котельной. Зато в такой зной с высоты трубы можно было увидеть светло-зеленое море. Его волны катились, вскипая, но почему-то не пенясь. Оно было почти рядом, но точное расстояние определить, казалось, невозможно. Море радовало. Но, почему же, если оно недалеко, не долетает сюда шум прибоя? Почему не видно крикливых чаек над ним? И тогда всякий, кто дерзал, подвергая себя риску, подняться на трубу, желая увидеть море, понимал, что это мираж. Всего лишь мираж. И за это многие смельчаки попадали в лапы гайдамаков. А у них одна расплата для дерзких – ШИЗО.

Абая нарядчики определили в кузнечный цех. Еще в детстве ему нравилось забегать в кузню в железнодорожных мастерских. Там всегда из под черной горки запекшегося угля алело затаившееся до срока пламя. Большой бородатый кузнец раздувал горн, горка в один миг вспыхивала, озаряя полутемную кузню. Из самого нутра бородач щипцами вытаскивал раскаленный добела металл и бросал на наковальню.

И тогда раздавался звон молота, которому становилось тесно в узкой кузне. Он вырывался на волю и плыл в воздухе меж окрестных домов. Только прогрохотавший состав заглушал этот чудный звон. Потому что в нем было больше ярости. Зато, если из кузни доносился перезвон, то слышавшему его, тут же хотелось запеть. Столь магически он действовал на людей.

Душа Абая в лагере покрылась черной запекшейся коркой. Отсюда уже не было шансов на свободу, как из следственного изолятора. Он мучительно тосковал о Гаухар. Понимая теперь, что за долгих четыре года он может потерять ее, Абая страдал.

Усилием воли он заставил себя заглушить свою великую любовь к ней. И теперь она затаилась где-то глубоко внутри, алая огнем, изредка выбрасывая длинные языки пламени.

Да и сам Абай почернел. Белолицый, светлокожий от рождения он весь потемнел, осунулся. В зеркало на него смотрело совершенно другое лицо. Темная, словно выдубленная, кожа обтягивала острые скулы. Мягкие линии губ посуровели. А глаза, всегда источавшие добро, утонули в запавших глазницах. Будто ведра, упавшие в глубокий колодец, они тускло мерцали слабыми бликами.

Абай совершенно замкнулся. Весь целиком, без остатка ушел в себя. Окружающий мир прекратил для него свое существование. Вокруг была лишь материя. Бараки, зэки, вышки, гайдамаки. Он жил своей болью. Машинально принимал пищу, не сетуя на ее скудность. Исполнял команды. Даже воду, от которой страдали все заключенные, он пил, не чувствуя никакого вкуса. Только оживал в кузне. Здесь, рядом с горном, раздувающим затаившееся пламя, с обледеневшей души оттаивала верхняя корка. Взвихряющийся вверх огонь пробуждал ненадолго застывшие лавой мысли. И тогда, вулканической магмой, клокоча, в пробуждающейся памяти оживали милые сердцу воспоминания.

Жаркая пора сенокоса. Четырехколесный конь «Беларусь», переваливаясь, фырчит, гигантским мечом выставив косилку. Он неумолимо идет вперед по широкому дугу. Абаю кажется, что это боевая колесница царя персов Кира. А трава, покорно ложившаяся под острой косилкой, воины, посмевшие встать на пути войска завоевателя. Он испытывал гордость от осознанности того, что его великие предки саки смогли остановить поход кровожадного царя, в то время, когда целые народы, могущественные страны, скошенной травой ложились под его боевыми колесницами.

Воздух был напоен звуками. Комариный зуд, переливающиеся трели птиц, щелканье и посвист осторожных сурков, жужжание сиреневых стрекоз.

А вот отец останавливает трактор и, выглядывая в поднятое заднее окно, машет отставшему Абаю. Лицо его перепачкано, но глаза весело блестят.

— Мама заждалась нас. Садись, сын, поедем обедать, — звал он.

Абай взбирался на высокую подножку. Прыгал в пропитанное потом, машинным маслом сиденье, рядом с отцом. И они

отправлялись к голубому вагончику с выгоревшей на солнце краской.

Отец рассказывал ему историю их станции. Оказывается, она возникла еще в далекие двадцатые годы. Всем миром строили железную дорогу, стальной нитью тянувшуюся через всю республику. Тогда их станция состояла из нескольких домишек. Она принимала эшелоны на имеющийся лишь один запасной путь. Основной задачей здешних путейцев был ремонт дороги.

– Мы с твоей мамой познакомились в ее ауле Зеренде. А когда поженились, я уехал учиться в Кокшетау в железнодорожное училище. Это были трудные послевоенные годы. После училища меня отправили на нашу станцию. Тогда в ней было всего две улицы. Я работал на железной дороге. Потом пересел на грузовой. Мотался в Кокшетау, Петропавловск за продуктами, запчастями. Мама тоже поначалу работала на ветке. Людей на станции с каждым годом становилось больше. Строились люди. Как ни трудно было, а жили весело. Последним делились. Да и работали дружно. За любую работу брались, не задумываясь.

А вот и мама... В простеньком ситцевом платье, жилетке из черного бархата, она выглядела молодой и красивой. Ее черные волосы, разделенные надвое, аккуратно заплетены в тугую косу. Глаза озорно вспыхивают от радости. Муж и сын возвращаются с сенокоса. В руках она держит большую миску, в которой что-то помешивает. Отец лихо выруливает прямо к ней и глушит трактор. Он степенно прыгивает на землю и справляется у мамы о делах. Абай видит, что матери хочется прижаться к отцу, но она стесняется его. Он деликатно нагибается вниз, делая вид, будто что-то ищет на металлическом полу трактора.

– Абай, – ласково зовет мама. Его терпение лопается, и он выпрыгивает прямо в ее объятия.

– Устал? – заботливо спрашивает она.

Устыдившись своей слабости, он отрицательно машет головой. Мама протягивает ему пиалу. В ней айран. Абай с удовольствием жадно пьет густой, кисловатый напиток.

– Пойдем, я полью воды. Тебе надо после работы умыться. Я приготовила вам удивительное кеспе.

Он идет вслед за мамой. Душа его полна счастья.

По вечерам в бараке было шумно. Вернувшиеся с работы заключенные занимались собой. Одни, с полотенцами, перебро-

шенными через плечо, направлялись в умывальник. Другие переодевались в чистую робу. После дневной, сумасшедшей изнурительной жары, от которой накалялись стены барака, здесь было душно. Пахло дешевым одеколоном, тяжелым духом табака, запахом множества человеческих тел.

Во втором отряде, где числился Абай, народ был разномастный. По возрасту, по длине срока, по иерархической принадлежности. Правила балом здесь, как и во всей зоне многочисленные сэвэптэшники. Были и блатные. Те, которые упорно не одевали повязку, не вступали в лагерную организацию правопорядка. Блатным приходилось нелегко. Начальник режима по кличке Батарейка был явный садист. Ему доставляло огромное удовольствие издеваться над заключенными. Он провоцировал их, подселая к ним в барак лагерных изгоев. Стоило кому-либо выступить против, как бунтаря тут же хватали гайдамаки и волокли в ШИЗО.

Там в раскаленном каменном мешке дубинками гайдамаки выбивали упрямство и сажали на пайку гнилого хлеба и соленую, теплую воду.

Поэтому изолятора ужасно боялись. Батарейку тихо ненавидели. Абая Батарейка почему-то сразу невзлюбил, выделив его из толпы вновь прибывших этапников.

— Против партии! Да я тебя сгною в изоляторе! Я тебя... — красные от пьянства глаза-буравчики Батарейки дико ворочались. Абай молчал. Надо было набраться сил, чтобы молчать. Хотя больше всего ему хотелось дать в морду этому бесновавшемуся придурку в офицерских погонах.

Ни с кем в отряде Абай не сходил. Не потому, что он сторонился людей. Порой ему, наоборот, хотелось бы открыться кому-нибудь. Но он помнил совет аксакала Каратаса. Да и о чем он может говорить? О том, что ему трудно? Но кто его поймет? Здесь каждый думал о себе. Как бы выжить? Найти более слабого. Подставить. Самому подняться выше. Его статья настораживала заключенных. Кое-кто из них слышал отдаленно про декабрьские события на площади в Алма-Ате. Но человека, осужденного за попытку свержения Конституции, Партии — такого они видели впервые. Хотя интерес к нему был только в первые дни. Вскоре на него перестали обращать внимание. Здешний народец привык ко всяким. Ничем не удивишь. Были тут и домушники, и карманники, и грабители, и убийцы. Многие си-

дели за драку, поножовщину, изнасилование. Еще больше было осужденных за хищение государственного имущества. Их называли маслокрадами.

Абай набрался решимости и написал письмо домой. Он знал, что лагерная цензура обязательно прочтет его, поэтому был краток. В нем он сообщил о себе, что у него все хорошо, он здоров. Это для мамы. Для отца написал, что работает в кузне.

Гаухар он даже не делал попытки писать. Для этого он очень ее любил. Именно из любви к ней не хотел обременять девушку своими письмами. Пусть она учится. Со временем забудет его, полюбит хорошего парня и выйдет замуж. У него же теперь долгих четыре года срока. Хотя больше чем полгода уже прошло, пока он находился под следствием, затем, после суда ждал наряд и этап в лагерь.

«Ничего. Три с половиной года надо прожить, стиснув зубы», – думал Абай. Но больше всего его мучил вопрос: «Что будет дальше? Неужели были напрасны наши жертвы? Неужели ничего не изменится и Республика не обретет независимость?»

Эти вопросы, задаваемые им самому себе, не находили ответа и ворочались внутри, бередя душу. Он уже знал, что тысячи студентов по республике отчислены из институтов. Сотни студентов осуждены и приговорены к различным срокам заключения.

Абай-скрипел зубами от бессилия, от несправедливости, душившей его.

Тоскуя по свободе, Абай все чаще думал о судьбе своего народа. «Какая трудная история выпала на долю казахов». От отца, матери, а еще больше от аксакала Каратаса перенял он беззаветную любовь к отчизне. По незримым нитям-генам, с молоком матери всосал в себя Абай любовь к степи, тоскующим звукам домбры, удивительному запаху жусана.

«Наш народ очень добрый, – думал он о казахах, – немного неаккуратный, – сетовал Абай, – Немцы, поляки живущие на станции рук не покладают работают, трудятся. Дома их всегда чисто выбелены, подкрашены как на картинке. Казахам же недостает починить скособоченный забор. Будто кто-то другой придет и за них это сделает. Нет. Так нельзя жить. Необходимо прививать общую культуру его народу. Брать все полезное у аккуратных европейцев. Развивать собственные забытые национальные традиции. А самое главное, надо всем больше работать. И тогда республика зацветет, засверкает гранями, словно бриллиант».

Абай принял решение, как только у него появится возможность, продолжить образование. Пусть он в лагере. Путь к знаниям можно найти независимо от того, где ты. Если и впрямь стремишься к ним. Надо будет написать сокурсникам. Может, кто и пришлет необходимые учебники.

– Я обещал отцу, что стану агрономом. Я должен исполнить данное ему слово. Любой ценой. Здесь буду изучать необходимые науки. А как освобожусь, поступлю на заочное отделение. Буду работать на станции и ездить в Алма-Ату сдавать сессии, – твердо решил он.

АМИР

Разведвзвод, вытянувшись гуськом, втягивался в горы. Экипировка была полной боевой. Тяжелые неудобные бронники давили на плечи. Набитый боеприпасами РД за спиной, тянул назад. Поэтому разведчики шли, слегка наклонившись вперед, уравнивая центр тяжести. Шестнадцать человек уходили выполнять поставленную боевую задачу.

По сведениям командования, в высокогорном кишлаке засел отряд духов. Сюда приходили караваны. Отсюда вниз, в долину на зеленку выбирались душманы. Минировали дороги, устанавливая фугасы. Нападали на блокпосты. Терроризировали долинные кишлаки. Терпение командования лопнуло после расстрела крупной автоколонны.

Колонна, в основном, состояла из «наливников» с топливом, грузовых фургонов груженных боеприпасами. Духи напали неожиданно. Подстерегли колонну на выходе из ущелья. Там, где оно сузилось, словно горлышко бутылки. Душманам удалось бесшумно снять малочисленные заставы, выставленные на окрестных высотах. Их не остановило даже то, что колонну сопровождали танки. Хотя «коробочки» на узкой дороге горного ущелья были прекрасной мишенью для гранатометчиков.

В тот день взвод Катайцева шел по левой стороне ущелья, ограждая возможное нападение. По правой стороне пустили жидкие заставу из пехотинцев. И поплатились за это. Амир сам вел взвод, поставив Катайцева замыкающим. За ним нога в ногу крался мариец Овчинников, вслед за Геной спотыкаясь, проклиная судьбу, тащился молодой разведчик Баранов. Шипя на него сквозь зубы, изрыгая ругательства, упруго перескакивая с

камня на камень бесшумно шел опытный Фельбуш. За Лехой, подражая ему, тянулся молодой ефрейтор Устинов. За Устиновым тяжело ступал Философ. Михайлов был коренной москвич. Жил в Сокольниках. Отдыхать любил ездить на Ленинские Горки. До армии выполнил норматив кандидата в мастера спорта по боксу. Был очень крепким физически, разведчиком. Философом его прозвал грозный старшина разведроты Хандохин. За склонность обсуждать приказы, философствуя на тему как лучше выполнить.

– Выполняй приказ, – хмуря брови, приказывал Хандохин.

– Слушаюсь, товарищ старшина! – подчинялся он, и тут же высказывал свою точку зрения.

– Ты, философ, гребаный! – задыхался от возмущения авторитетный Хандохин. И не находя больше слов, яростно бросал.

– Упал, отжался, сорок раз.

– Есть, отжаться сорок раз.

Философ падал на землю и с удовольствием отжимался. Сорок раз для него было всего лишь разминкой. Поднявшись, он отряхивал руки и нагло кривя тонкие губы в усмешке, благодарил Хандохина.

Спасибо, товарищ старшина. Я как раз думал: «Поотжиматься бы».

Михайлов был грамотен. Читал наизусть «Руслан и Людмила» Пушкина. На всех смотрел с пренебрежением, как на провинциалов. Еще бы! Если они не бывали в Третьяковке, не притрагивались к Василию Блаженному. Он любил играть на гитаре и петь. И еще Философ любил напиваться. Это он совершал как таинство, как ритуал. Напиваться он мог не со всяким. Лишь несколько избранных входили в круг его постоянных собутыльников. Одним из них был Женя Тишков, Простой, добрый парень с длинноватым носом. Симпатичный Кирюшкин мог так же, как и сам Михайлов смаковать выпивку. Иногда Михайлов звал долговязого Аброськина, по кличке Балбес. Ему нравилось читать лекции Аброськину о его узком нравственном мире, о слабой духовности. Мощный, безразличный Балбес слушал с видом человека стремящегося постичь. Но вдруг терял интерес, поднимал кружку со спиртом и произносил кратко:

– Филос, кончай шиздеть.

Балбес был лентяй от природы. Поэтому он даже ленился произносить полностью фамилию или кличку. Философа он называл коротко – «Филос».

Фельбуша называл «Бушем», Огнева – «Огнем», Овчинникова – «Овцой», Дорофеева – «Дорой», но никогда не обижался, когда его называли «Балбесом». Лишь скалился самодовольно, растягивая в улыбке большой рот.

Михайлов сегодня ступал тяжело. Вчера он пил. Сначала с Тишковым, потом со Славой Кирюшкиным. Когда захмелел, позвал Балбеса. Ему захотелось потыкать Аброськина мордой в грязь. Из-за его неграмотности. Потом пел и играл на гитаре. Затем скурил косяк анаши, обматерил Леху и заснул. Сегодня ему было трудно. Наверно, он пытался восстановить картину вчерашней пьянки. Так было всегда, и это доставляло особое удовольствие, можно даже сказать, шик, Философу.

К пьянке он всегда готовился основательно. Добывал хорошую закуску. Он был борзым разведчиком, и потому говорил на «ты» со многими офицерами. Особенно с продовольственниками. Каким-то образом сумел внушить им уважение к своей персоне.

Вызнав у штабного писаря-секретчика, что день будет спокойный, Михайлов начинал пьянку. Напившись, его всегда тянуло подраться. И тогда он придирался ко всякому. Жила в нем какая-то особая злость в пьяном виде. В трезвом – презрение к окружающим.

В роте, старослужащие все как на подбор, были крепкими парнями. Тут запросто можно было получить по сусалам, если не на того нарвешься. Поэтому Философ, дойдя до кондиции, найдя зацепку, тыкал в морду Славе Кирюшкину, выпуская пар. Слава отвечал ему, как мог, и тут же убегал. Пьянка была испорчена. Но для Философа это было почти аншлагом. Он теперь удовлетворенно засыпал. Чтобы назавтра обнимать Кирюшкина, просить прощения и восстанавливать детали пьянки. И так до следующего раза.

В горах взвод беспрекословно выполнял приказы Амира. Он заслужил этот авторитет еще со времен Хандохина. Здесь все выравнивались. Теперь это был слаженный механизм, под названием «разведзвод». Это внизу механизм распадался. Каждый начинал крутиться сам по себе. Михайлов становился «Философом». А Леха – «Бушем».

Еще Хандохин установил неписаное правило. Когда идет взвод, или рота, то вперед посылается авангард, а сзади аррьергард. По бокам застывает боевое охранение, которое занимает

позицию и следит за окружающими горами. Затем, когда рота проходит, двое других занимают охранение, а первые догоняют роту. Амир, перенявший от Хандохина его боевой опыт, свято соблюдал эти законы в горах.

– Если хочешь жить, стреляй первый, – учил его Хандохин. Или:

– В горах не расслабляйтесь, а то станете добычей коршунов.

Далеко внизу по ущелью, маленькими стальными черепашками ползли танки. За ними двигались коробочки грузовиков. Туда, на кручи, по которым двигался взвод, еле слышно доносился рев колонны.

– Духи! – заорал вдруг Баран.

Взвод рухнул словно подкошенный. Без команды.

– Занять оборону! – крикнул Амир.

Разведчики стали расползаться, занимая выгодные позиции. И только тогда послышались далекие очереди. Затем, будто кто-то стал взрывать новогодние хлопушки.

С противоположного склона гор, что нависли над ущельем, велся плотный огонь по колонне. Передняя черепашка-танк плавно, как в замедленном кино стала разворачивать башню, задирая дуло вверх. Как вдруг вспыхнула чадающим высоким ко-стром.

– В топливный бак угодил, бя! – прошептал Леха, оказавшись рядом с Амиром.

– Отставить! – заорал Амир. – Всем вести наблюдение за вершинами нашей стороны. Устинов, заводи рацию. Вызывай «Бархан».

Внизу горели уже несколько «наливников». Колонна беспомощно сгрудилась на узкой дороге, словно стадо баранов. Слышалось гавканье танковых пушек. Стрекотня пулеметов.

– «Бархан»! «Бархан»! Я «Ущелье-2»! «Бархан»! – вызывал Устинов.

Наконец «Бархан» ответил.

– Что у вас «Ущелье - 2»? Докладывайте обстановку.

– «Ущелье - 2» докладывает. Духи напали со стороны «Ущелье один». «Змейка» несет потери. Подбиты две «черепахи». Уничтожены пять «бочек». Прием. Прием.

– «Ущелье - 2». Держите свою сторону. «Змейке» уже не можете. Выполняйте приказ.

– Есть «Бархан», выполнять приказ.

Амир лежал на спине и сверху вниз рассматривал в бинокль растерзанную «змейку». Он почти не испытывал никаких эмоций.

– Воевать не умеют, – равнодушно думал он.

– Гляди, Амир, что они творят. Духи – га-ад-ы! – вскричал Овчинников.

– Заткнись, Гена. У командиров вместо головы задница. Потому и гибнет сейчас «змейка» Где «стрекозы»? Где? По «ущелью – один» надо было разведку посылать, а не «мясо».

Разведчики с презрением называли пехоту «мясом». Амир был доволен собой. Он отдал правильный приказ взводу. «Бархан» подтвердил.

Наконец, в воздухе над ущельем появились «стрекозы».

– Уходим с зоны обстрела. Сейчас с перепуга начнут долбать нас! – крикнул Амир.

Зашипела рация, вызывая на прием.

– «Ущелье - два», уходите. Возвращайтесь на базу. К вам пошли «стрекозы». Обозначьте двумя красными ракетами. Как поняли. Прием.

Сегодня взвод шел в ускоренном темпе. Необходимо было в заданное время выйти на рубеж. Рубеж, это вершины, нависшие над кишлаком. В горах побеждает тот, кто оказывается выше своего противника.

До дембеля призыву Амира оставалось несколько дней. Десять. Или двадцать. А тут этот выход на боевые. И как всегда, третий взвод. А у них одна треть взвода - дембеля: Леха Фельбуш, Огонь, Дора, Философ, Гена Овчинников, Балбес и сам Амир.

«В первом взводе лафа. Дембелей всего трое. Женя Тишков, Дмитри и Слава Кирюшкин. И их не кантуют. Или отцы-командиры решили угрохать их перед самым дембелем, на хер, - размышлял Амир, – хотя, нет. Просто, такое трудное дело доверили нам, третьему взводу, потому что у нас больше дембелей. Охерело все, хоть волком завой. Может к душманам перейти? – от грусти протарахтела, пущенным с горы камешком, тупая мысль, – А, может, в армии остаться? Так армию выводят. Войне шиздец. Хорошо хоть он успел повоевать. Что буду делать на гражданке? Быкам хвосты крутить на станции? Или с красным фонарем шарохаться по рельсам? Ладно, бля, что-нибудь придумаю», – думал он.

Леха в этот раз шел сразу сзади него.

– Чем займешься на гражданке, Леха? – не оборачиваясь, шепотом спросил Амир. В горах, на боевых, Амир сам запрещал разговаривать, а тут нарушил неписаное правило.

– Не знаю. Сопьюсь, наверное. Фули еще делать после войны?

– Зато Дора доберется, наконец, до своих любимых «бабеч». Вот натрахается.

– Доре проще жить. Ему лишь бы дырка была.

– Не боишься, что убьют? – прошептал Амир.

– Да, кому, на фуй, моя жизнь нужна. Духи, те хоть за что-то воюют. А мы за что? За этих долбанов?

Амир оглянулся. Леха пальцами постучал по погонам.

Леха последнее время почему-то ходил сумрачный. Позже Балбес сказал Амиру, что батя у Лехи сидит за что-то. Мать больная. А теперь сестру прикрыли за растрату в магазине. Вот он и сам не свой. Его девчонка, которая год ждала, писала ему письма, вдруг вышла замуж за какого-то завмага. Теперь Леха злой на все и на всех. Материт Брежнева, который загнал армию в Афган. Материт

Горбачева, за то, что выводит армию. Про девчонок слышать не может. Тошнит его. Всех блядьми называет. Одно спасенье у него – гашиш. Как обкуритсЯ, так уставится в одну точку не мигая, так можно подумать, что крыша сдвинулась.

За время службы Амир почти со всеми передрался. Балбесу удачно челюсть сломал. Целый месяц размоченный хлеб сосал. С Философом пришлось повозиться. Он боксер. Но ноги у него открыты. На этом его поймал Амир. Доре он как-то врезал так, что тот в воздухе крутнулся. Зато Дора мстительный. Ночью подкрался и штык-нож всадил. Хорошо, промазал. Не в сердце, в плечо воткнул. Ну, это так, притирка была. Теперь уже никто, ни с кем не дерется. От этого скукота. Изредка молодому врежешь, когда пленные духи есть, так это для него, Амира праздник. Вся рота знала, что Амир бьет пленных. Никто не возражал. Только Философ язвительно улыбался. Все не может успокоиться за свой проигрыш. «Ничего, если нормально вернемся в это раз, надо будет поломать его», – размышлял он.

Подня шагали без привала. Перешли через неширокую горную речку вброд. Амир достаточно хорошо ориентировался в горах и по карте, сказывалась школа Хандохина.

После речки укрывшись за выступом, Амир объявил привал. Он разрешил всем перекусить и покурить. Курить надо было в землю, чтобы разбивать дым.

Он достал из РД сухпак и основательно принялся есть. В горах нужны силы. Закончив еду, Амир велел всем по очереди задрать ноги вверх. Чтобы кровь отхлынула.

И опять они шли остаток дня. Как только стало смеркаться, расположились на ночлег. Амир выставил посты и тоже прилег. Рядом, недалеко от него, развалился под крупным камнем Леха.

Небо выдалось звездным и близким.

«Высоковато забрались», – пронеслась мысль. Звезды были крупные, их казалось, можно было собирать руками.

«Вот если бы они бриллиантовые были. Набрать их и на гражданку. Там продать и тогда весь мир к ногам. Рай на земле. Телки, рестораны, белые пароходы», – незаметно для себя он заснул.

Следующий день они снова шли. Оставалось немного. Тут можно было нарваться на духов. Поэтому шли медленно. Тихо. К заданному рубежу вышли, на удивление, раньше намеченного времени. По ту сторону гребня от них находился кишлак. Амир послал в разведку двоих. Философа и Гену. Хорошая пара. Философ хитрый, осторожный. Гена честный. Они ушли почти на четвереньках, оставив все лишнее. Взвод вслушивался в тишину, в ту сторону, куда они ушли. Завтра утром здесь начнется кутерьма.

«Повоюем напоследок», – злился Амир.

Философ появился через час. Гену он оставил наблюдать.

– Тихо там, – произнес он, – Но духов, чувствуется, много. Надо нам шуршать как мышам до завтра.

– А ты что, лезгинку хотел танцевать? Возвращайся к Гене. Через два часа сменим, – приказал Амир.

Ночь прошла тихо и спокойно. В горах было люто холодно. Взвод выбивал зубами морзянку. Устинов по рации передал, буд-то выстукивал точки, тире.

– «Бархан», «Бархан». Я – «бра-ти-шка», я – «бра-ти-шка». Вышли на ру-беж. В-в-се ти-хо. М-м-но-го ду-хов. Ж-ж-дем в го-го-сти.

Кутерьма началась по плану. Точнее, в срок по времени. Вначале прилетели «летуны», стали стелить «ковры». Так в Афгане называли ковровое бомбометание. Кишлака не стало видно сверху. Желто-рыжий дым застилал его. Взвод, растянувшись в цепь, лежал у гребня и вел наблюдение. А самолеты продолжали карусель. Отбомбившись, они улетели. Казалось, что после такой бомбежки в кишлаке не должно было остаться в живых ни души.

Запищала рация. Устинов схватил наушники.

– Приказ взводу: атаковать кишлак.

– Ты что, Устинов, больной, что ли?

– Приказ, – прошептал Устинов, вытаращив глаза. Амир взял наушники.

– «Бархан», «бархан»! «братишка» на связи, прием, – Амир зло отбросил наушники. Воевать хотелось, а умирать нет. Взвод глядел на Амира.

– «Бархан» приказал атаковать. Сейчас подойдут «стрекозы» с гостями.

– Вот бля, «бархан», – взъерепенился Дора.

– Не ори. Дождемся «стрекоз» и начнем спускаться. По отделениям. Первое идет вниз, второе и третье прикрывает. Затем наоборот. Одним словом, как учили. Огонь не открывать, пока нас не заметят.

Вскоре в небе нарастая маленькими точками, низко над горами пошли «стрекозы».

– Одна, две, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, – веселея, считал Дора.

– Пошли! – скомандовал Амир.

Взвод перебежками, поотделенно стал спускаться. Спуск всегда тяжелее, чем подъем. Молодые торопились, падали, гремя оружием. Амир шел сзади и матерился. Тем временем «стрекозы» уже пролетели сбоку кишлака, выпуская тепловые шашки.

Только что казалось, что кишлак весь в руинах и там не могло быть ни кого в живых. Теперь он разразился организованным огнем. Стреляли из автоматов. Охали «стингеры». Одна «стрекоза» закружилась на месте и, заваливаясь набок, рухнула на склон горы. Хорошо, что на склон. Ее проволокло до низа, и она особо не пострадала. Из ее чрева, словно тараканы, побежали солдатики.

Взвод уже был на подступах к кишлаку и сходу пошел в атаку.

Бой гремел, разгораясь все яростней. Духи сражались отчаянно. Но видно у отцов-командиров сведения были не точные. Потому что огонь со стороны моджахедов был не очень плотный. Видимо, их все же не очень много. А может, погибли под бомбежкой.

Вдруг на встречу взводу, из-за глиняного дувала ударил пулемет. Взвод залег. Пули веером шли над головами. «Стрекозы» высадив десант, опять пошли над кишлаком, швыряя птурсами. Все вокруг горело. Десант шел в атаку. Бои гремели уже в кишлаке, оттуда отмечаясь в небо, летели красные ракеты.

Амир вынул из кармана афганский динар и посмотрел на притаившегося рядом Леху.

– Надо забросать пулемет. Орел или решка? – спросил он. Леха немного подумал и ответил:

– Решка

Амир подбросил монету и поймав раскрыл ладонь. Монета лежала решкой.

– Во, бля. Везет же, – неопределенно выматерился он. И добавил, – прикройте.

Леха полз так, как когда-то учил Хандохин. Сначала в сторону, потом стал срезать угол. Его большое, гибкое тело змеей скользило по пыльной земле.

– Огонь! – приказал Амир, и стал бить длинными очередями по пулемету. Краем глаза продолжал следить за Лехой. Он был уже на расстоянии броска. Вот он затих. Притаился.

«Гранаты достает», – догадался Амир, не переставая стрелять.

Вдруг Леха приподнялся и раз за разом швырнул две гранаты, точно в цель. Раздались взрывы. Дувал вздрогнул в том месте, откуда бил пулемет, и обвалился. В проеме виден был валявшийся душман в полосатом халате.

Леха поднялся во весь рост и пошел не оборачиваясь на встречу взводу. Видно ему надоело ползать.

– Ну, как я его сделал? – довольно кричал он, размахивая возбужденно руками.

– Леха! – заорал вдруг диким голосом Овчинников. Раздалась очередь. Фельбуш споткнулся. Он прошел еще два шага и рухнул, будто скошенный.

Взвод разразился безостановочной стрельбой в пулеметчика. Он уже давно был убит. Но разведчики не переставали стрелять. Свинцовые струи гнали по рыжей земле, кувыряя, мертвое тело.

Амир приподнял товарища, усадив его. Весь комбез со стороны спины был иссечен крупными дырками и залит кровью.

– Крупнокалиберный, – догадался Амир.

Взвод собрался вокруг умирающего Лехи. Никто не воевал. Лицо Лехи было белым как мел. Его с горбинкой нос, мгновенно заострился. На лбу крупными каплями выступил пот.

– Решка выпала. Я знал, – проговорил он. Изо рта хлынула алая кровь. Мутнеющим взглядом Леха осматривал взвод. Остановил свой взгляд на Гене Овчинникове. Приподнял руку, хотел

что-то сказать Гене. Не смог. В пробитой груди засипело, заклокотало. И вдруг он ясно сказал:

– На фуй жил? – и умер.

Амиру показалось, что он увидел, как отлетела Лехина душа. Он закрыл ему глаза.

Бой затухал. Изредка, где-то в глубине кишлака раздавались автоматные очереди.

Гена рыдал, склонившись над мертвым телом.

«А ведь Леха всегда подкалывал его», – подумал Амир. Дора держал Фельбуша за руку и говорил:

– Бля! Мы же собирались с ним ко мне поехать.

– Прочесать кишлак, – приказал Амир, – Дорофеев, Овчинников – убитого на борт.

И, подняв автомат, выбрасывая короткие очереди перед собой, пошел впереди взвода. Разведчики вошли с нижней стороны. Мелкими перебежками они передвигались от сакли к сакле.

Кое-где валялись убитые духи, бараны. Сакли большей частью были пустые.

– Куда все подевались?

Амир сам видел сверху людей на кривых улицах. Позже он узнает, что основная часть духов ушла через киризы. Увели с собой и жителей, оставив заслоны для прикрытия отхода. Так что напрасно взвод двое суток взбирался по козьим тропам, напрасно летуны стелили ковры, а «стрекозы» швыряли «птурсы». И Леха, видать, по большому счету погиб напрасно.

Разведка грузилась на «борт». Впереди несли погибшего, укутанного в сырую плащпалатку. Из выцветшей брезентухи болтаясь, торчали грубые солдатские ботинки. Сегодня они выглядели ужасающе. Заскорузлые, тяжеленные, пробитые желтыми латунными гвоздями.

Он поймал себя на мысли, что считает эти гвозди. Потом он стал думать над смыслом последних Лехиных слов. И понял, что это был не просто мат, не ругательство. Именно это матерное слово передавало полную бессмысленность Лехиной жизни. Об этом он и хотел сказать.

«И не только Лехиной. Бессмысленность всех наших жизней», – Амир подумал о взводе. Затем о роте. Обо всех солдатах, кто был убит здесь, в чужих горах. Кто еще будет убит. Как и все, Леху в муках рожала мать. Затем он ползал. Потом сделал первые шажки. Первый класс. Познавание мира. Где-то первая лю-

бовь. Затем армия. Долг стране, – Амир усмехнулся, – Ладно, он Амир, сам жаждал в десант. Хотел стать крутым. Но Леху-то послали сюда. За кого он жизнь положил? Замполит говорит, интернациональный долг. А сам, сука, барахло с боевых скупает. Чеки копит. Так за какие высокие идеи Леха жизнь отдал? Херня все это. Идеология. Нас держат за баранов».

Амир был страшен. Грязный, голодный, расщепленный тревожными мыслями, он весь клокотал от злости и бешенства.

«Борт» с разведчиками, наконец-то, добрался до базового лагеря. В тот день в третьем взводе был траур.

Первый и второй взвод смотрят как-то виновато. Так провинившийся перед хозяином пес, повизгивая, пытается заглянуть в глаза, помахивая хвостом. Они собрались возле распакованной плащпалатки, насквозь пропитанной кровью. Леха лежал как-то по-особому гордо. Как немой укор всей роте. Амир решил выпить. Не из-за того, что Леху убили. Выпал бы орел, это мог быть он. Война есть война. Просто мерзко было на душе.

Пил Амир с Философом. Он решил сегодня, наконец, избить Философа до полусмерти. Когда выпили изрядно, Амир стал ждать действий со стороны москвича. Он хорошо знал его привычку, напившись придирааться. Но Философ сегодня был странный. Он изменил своим правилам. Тогда Амир высказал все, что он думает о Философе.

– Мне за два вонючих года смертельно надоела твоя ухмыляющаяся физиономия. Я сегодня горю желанием порвать тебя на части.

Философ, сам отчаянный драчун, лихой разведчик, авторитет в роте, он как-то с сожалением посмотрел на Амира, еще больше распаляя его.

– Злой ты человек, Амир, – произнес он и, не оглядываясь, ушел, так и не приняв вызова.

На следующий день, обмытого, одетого в дембельскую парадку, с белыми аксельбантами из парашютных строп, в новом голубом берете, Леху положили в гроб.

– Вот, Леха и поехал на дембель, – произнес кто-то.

Гроб положили в другой. Цинковый. И запаляли. Затем цинковый положили в грубый квадратный, похожий на ящик из-под снарядов, и Дора стал прибивать крышку. Ручка молотка была вымазана салидолом и скользила в руке. Дора несколько раз мазал и бил по пальцам. От неточных ударов гвозди гнулись.

Дора выпрямлял их и вновь забивал. Всех угнетало то, что гвозди гнутся, а он их выпрямляет.

– Взял бы другой, – злились разведчики. Но никто не сказал ни слова. Застыли, словно изваяния.

Зная Лехин характер, Амиру казалось, что сейчас он выскочит из трех гробов. Выхватит у Доры из рук молоток и скажет:

– Гвоздь по-человечески забить не можешь, мудака.

Наконец, все было кончено. Поверх гроба положили сплетенный из бумаги венок. Амир смотрел на роту. Одни стояли вытянувшись, по стойке смирно. Видимо, так они прощались с ним. Другие – сторбившись, будто их всех придавила Лехина смерть. Почти все, даже Философ, вытирали украдкой слезы.

Везти гроб на Родину решили отправить Дору, так как они собирались на дембель ехать вместе, и Гену. Потому что Леха перед смертью что-то хотел сказать Гене.

АБАЙ

Два письма пришли в один день.

Абай только что вернулся в барак из «промзоны», пройдя ставшую привычной процедуру съема. Он зашел в свой проход и увидел на тумбочке белые конверты. Волнуясь, зачем-то осмотрелся по сторонам, затем, вздрагивающей рукой взял их.

Одно из писем было подписано материнской рукой. Второй конверт бросил его в дрожь. Будто разряд тока прошел через все тело. Этот почерк Абай узнал бы из тысячи других. Он взглянул на обратный адрес и засмеялся от счастья. Барак поплыл перед глазами.словно он кружился посреди него на карусели. Двухъярусные кровати, тумбочки, табуреты, зэки, – все поплыло, пробуждая в нем впервые за все время радость.

Обратный адрес говорил ему о том, что его любимая на свободе.

«Ура!» – ликовала его душа.

Абай осторожно вскрыл первое письмо. Трепетными руками достал заветный лист и поцеловал его. Ему показалось, что лист пахнет далеким домом. Все впустил в себя квадратный школьный листок. Правый нижний угол отдавал запахом солидола и солярки. Видимо, отец держал его за это место, читая, что написала мама. Вверху, там, где мама вывела обращение к нему, называя его ласкательно «кулыным» – «жеребенок мой», там расплы-

валось масляное пятно. Наверное, мама прикоснулась к бумаге, не вытерев руки.

Его добрая нежная мама ни словом не обмолвилась в письме о горе, постигшем их семью. О трагедии, свалившейся на их головы. Она писала так, словно отправляла это послание в Алма-Ату сыну, продолжающему учебу в институте.

Как же было трудно читать эти строки Абая. Мама сообщила, что они с отцом живы и здоровы, и просила не переживать за них. Обещала в следующем письме написать поподробнее.

В конце его мудрая мама написала две строчки, которые вызвали в нем сыновнее восхищение. Эти две строчки в одно мгновение успокоили его мечущуюся душу. Закалили его. Так в древние времена дамасские оружейные мастера окунали огненную полоску металла в кипящее масло, превращая ее в сталь. «Какая бы беда не выпала на плечи мужчины, он должен достойно выдержать и пройти через это!»

И уже внизу на листочке расплылась звездочкой капля. «Это ее слеза, упавшая на бумагу», – догадался Абай. Но как бы то ни было, на душе, словно на морском берегу после отлива, стало чище, и он услышал равномерное биение своего сердца.

Письмо Гаухар он решил не читать. Нужно было время успокоиться, прийти в себя, и еще и еще раз осмыслить последние мамины строки.

Абай положил его во внутренний карман, тщательно застегнув пуговицу. Ночью он долго не мог уснуть. Ворочался сбоку на бок. Мысли, встревоженными буревестниками в сполохах молний метались в голове. Ему бы дотянуться сейчас рукою до дома. Прислониться бы головой к маминым коленям. Вдохнуть в себя родимый запах. Сесть бы рядом с отцом в промасленное сидение и взять в руки рычаги. Смотреть бы вполоборота назад, наблюдая, как взрезают острые лемеха плуга жирную черную землю.

Дневная усталость все же взяла свое. Незаметно для себя Абай заснул.

Сон его был беспокойным. Гвалт заполнивших небо грачей, лай собак, какие-то кривые падающие деревья, институтские аудитории, Гаухар, идущая в обнимку, с его следователем.

Он бунтовал во сне, выкрикивая бессвязные фразы. Чья-то рука легла на его голову. Это сосед по кровати успокаивал его.

Наутро он соскочил от шума в барак. Люди одевались по

подъему, топая сапогами, двигая по полу табуреты. Абай соскочил с кровати и принялся одеваться. Состояние было болезненным и разбитым. Он пощупал ладонью лоб. Лицо пылало огнем, по телу волнами пробегал озноб.

Он вспомнил про письмо, спрятанное во внутреннем кармане. Что оно таило в себе? Что пишет ему его любимая Гаухар?

Воспоминания будоражили его горячую голову. Машинально он умылся, сходил с отрядом на завтрак, с бригадой вышел в «промзону»

Конверт жег ему грудь, рука непроизвольно тянулась к карману, но Абай терпел. Прежде, чем его вскрыть, он должен еще раз пролистать свою память. Еще раз осмыслить их отношения с Гаухар.

Находясь уже в прокопченной кузне, раздувая горном тлеющие угли, он отдался во власть воспоминаний.

Это была институтская дискотека. Абай не очень любил их. Он был для них немного закомплексован. После станционной и интернатской жизни, Алма-Ата казалась ему огромным мегаполисом, с непонятными внутренними рычагами, управляющими большим городом. Себя же он чувствовал немного неуверенно. А уж на столичных девушек не решался даже поднять глаз. Они казались ему уж очень эмансипированными, дерзкими, оценивающими. На их курсе было много городских парней и девушек. Они лучше, по моде, были одеты, чем приезжие студенты. Вели себя раскованно, свободно.

На нее его затянул сосед по комнате в общежитии Курман. Огромный танцевальный зал был полон молодежи, сбившейся небольшими стайками. Эстрадники пробовали микрофоны, повторяя без конца:

– Раз, раз, раз... – настраивали инструменты.

Повсюду был слышен приглушенный девичий смех. Абай чувствовал себя немного не в своей тарелке из-за одежды. Ловя на себе чей-то девичий заинтересованный взгляд и улыбку, ему казалось, что они снисходительно улыбаются тому, что он немодно одет. Вдруг недалеко от них он услышал звонкий, как монисто на шее цыганки, рассыпчатый смех.

Это был необыкновенный смех. Так смеяться могла только дивная пери. Абай непроизвольно стал искать взглядом, кому он мог бы принадлежать. Как вдруг тот же смех раздался из группы стоявших справа от него девушек.

Девушка, которая так заразительно смеялась, и вправду оказалась чудной пери из его детских сказок. Высокая, одетая в глубокое платье, облегающее ее тонкую, гибкую, словно тростинка, фигуру. Распущенные волосы волнами обрамляли лицо божественной красоты. Огромные черные глаза, увеличивали, делая их еще больше, длинные загнутые кверху ресницы. Иссиня черные, густые брови таинственно выгибались, бросая вызов. Тонкий, чуть насмешливо вздернутый носик, вздрагивал изящными крыльями при разговоре. Влекущие к себе, наполненные молодой кровью, губы, казалось, брызнут, словно сок переспевшей черешни. Пери смеялась, обнажая ровные, как на подбор, белые жемчужины зубов.

Она была сакской царицей Томирис, красавицей Кыз-Жибек, трагической Енлик одновременно. О, чудо! Раз в столетие, наверное, степь дарит такую красоту. Только таким неземным женщинам могли слагать песни акыны Биржан и Акан-Серы, батыры Балуан-Шорак и Мадии. Никогда бы он не поверил, если бы кто-то сказал ему, что он, Абай, способен на такое. Будто неземная сила увлекла его, заставив, забыв обо всем на свете, сделать эти шаги. Так глупая бабочка летит на огонь и, неосторожно приблизившись, сжигает крылья.

Он подошел к ней, словно инопланетянин, на негнувшихся ногах, к прекрасной землянке-степнячке, и омертвевшими губами прошептал свое имя, подавая ей руку.

Удивленная девушка вложила свою белую тонкую, словно ветвь молодой березы, и опалила его жарчайшим пламенем взгляда.

– Гаухар, – произнесла красавица свое имя, околдовывая навек молодого джигита.

Абай чувствовал, как кровь хлынула ему в лицо. Направляясь к ней, он не знал, примет ли она его руку, назовет ли свое имя. А, может, рассмеется над ним, уничтожив его звонким переливчатым смехом. Но если бы он не подошел, не увлекла бы его неведомая сила, она стала бы сниться ему ночами, дразня за нерешительность. И тогда бы он проклял себя!

Музыканты заиграли что-то мелодичное, и, растерянный, Абай, не зная, что говорить, переминался с ноги на ногу, не выпуская ее ладони.

– Пригласите же меня на танец, Абай! – как чуден был ее голос! Такой чудесной могла быть только песня, разлетающаяся по

весенней степи, улетаая вдаль, в белеющие березовые колки. Пери тихонько шевельнула пальцами, возвращая его на землю.

– Да, да, конечно, я приглашаю Вас, – проговорил, с трудом разлепывая губы. Он сделал шаг на все еще ватных ногах и споткнулся, вызвав взрыв смеха ее подружек у себя за спиной. Абай резко повернулся и бросил разгневанный взгляд на хохотушек.

– Не надо сердиться. У них просто веселое настроение после трудных вступительных экзаменов. Ведь все переволновались. Я сама ужасная трусиха, так боялась, что не пройду по конкурсу.

«Вот уж не подумал бы. Лицемерит. Знает, что, обладая такой внешностью, ей трудно будет отказать в хорошей оценке», – озлобился неожиданно Абай. Он вдруг осмелел и стал разговаривать, рассказывая о себе. Описал свою станцию. Окрестности, людей, живущих там.

Играла музыка, он робко держал ее за талию, стараясь реже дышать, чтобы не так громко стучало сердце. Он наблюдал за ней, пытаясь увидеть насмешливые искорки в ее глазах. Но она на удивление внимательно слушала его. Абаю казалось, что он сейчас утонет в глубоких зрачках, растворится. Ее белые руки доверчиво лежали на его плечах. На каблуках она была почти одного с ним роста, взгляды их пересекались, зачаровывая Абая. Так в ночном небе пересекаются мощные лучи прожекторов.

– А я из-под Уральска. Адайка. – рассмеялась Гаухар, – У нас степь без конца и без края до самого горизонта. Ровная, белопенная от высокого ковыля. Я ее так люблю! – на щеках Гаухар озорно играли ямочки, а волосы удивительно пахли степным разнотравьем, пьяня.

Закончилась музыка, а они все продолжали говорить, не размыкая рук.

– Пойдем?

– Я боюсь оставить тебя, даже не знаю, что со мной происходит. Только если я сейчас отойду, то потеряю навсегда. Прости меня, пожалуйста, за дерзость. Такого со мной еще никогда не было.

– Что же нам делать?

– Давай уйдем отсюда. Сегодня прекрасный вечер, погуляем по городу. Я расскажу тебе об удивительном человеке, жившем на нашей станции.

– А что, он теперь не живет там?

– Он умер.

– Прости, я же не знала.

Незаметно для себя они оказались на улице. Вечер был теплый. Они неторопливо шли по малолюдному тротуару, освещенному редкими желтыми фонарями.

Все происходящее казалось Абаю чудом, сказкой. Он был полон сил, рядом с ним прекрасная девушка с красивым именем. Хотелось запеть во всю мощь легких. Он признался ей в этом.

– Ты знаешь, мне хочется петь. Ты такая красивая, что у меня кружится голова.

– Смотри не упади! – отвечала, улыбаясь, Гаухар.

Пламя, выбившееся из-под горки угля, озарило задумчивое лицо Абая, прервав хлынувший, будто сель, беспощадный поток воспоминаний. Рука вновь потянулась к конверту.

– Ложи пока заготовки в огонь, – попросил он напарника-молотобойца Бекежана, отбывающего срок за разбой.

Абай присел на грубо сколоченную лавку, расстегнул пуговицу кармана и вынул конверт. Осмотрев со всех сторон, осторожно вскрыл его. Так и есть. Конверт открывали в спецчасти, а, может быть, оперативники. Об этом свидетельствовали размазанные потоки канцелярского клея. Абай знал, что цензура отслеживает всю переписку осужденных. Но, кроме этого, догадывался, что за ним персонально установили негласный внутрилагерный надзор.

– Батарейка не может успокоиться, – ему было неприятно, что к письму, написанному его любимой, кто-то прикасался грязными руками. Он развернул лист, сложенный пополам и, трепеща от волнения, стал читать. Первые же строки письма пронзили его своей откровенностью:

Абай!

Любимый, здравствуй! Мир для меня раскололся, с тех пор, как тебя не стало рядом. Находясь среды людей, однокурсников, я чувствую себя одинокой. Стоит вспомнить тебя – в аудитории, на лекции, в комнате общежития, – слезы подступают к глазам, хочется плакать. Мне не хочется ни есть, ни пить, мечтая только об одном: чтобы ты вдруг возник. Как в первый раз, в день, когда мы познакомились.

Любимый мой, напиши мне, как ты живешь. Думаешь ли ты обо мне. Не голоден ли ты, не болен ли? Я готова пешком прибегать к тебе, пройти через любые расстояния.

Глаза Абая предательски затуманились.

Далее Гаухар сообщала, что у нее все нормально. Слово «нормально» было подчеркнуто. Видимо, этим самым она подавала ему знак. В конце письма Гаухар вновь писала о своих чувствах.

Абай, любимый мой! Прости меня за то, что я так часто тебе об этом говорю. Я хочу, чтобы ты верил мне. Что бы не случилось, я стану ждать. Пусть тебя греет тепло моих чувств. Будь мужественным!

Твоя Гаухар.

Сотни микроскопических молоточков били по вискам. Пламя огня казалось всепожирающим, ненасытным. Печальными звуками кобыза застонало затаившееся сердце. Все, что было свято для него в жизни, все, что было чисто, непорочно – возликовало, раздвинув прокопченные стены кузни, поднимая давивший потолок.

– Каратас-ата! — зашептал он, мысленно обращаясь к «аруху»-провидцу, – За что мне судьба послала такое испытание, когда сердце мое замирает от судорожной боли? Разве могу я воспользоваться чистыми чувствами прекрасной, как утро, девушки, имея впереди долгий срок и неизвестность завтрашнего дня? Уж лучше бы она написала, что бросает меня. Я бы пережил и этот удар. Но как мне одолеть то, что я, безумно любя ее, во имя ее должен буду превратиться в камень, застыть и умереть для Гаухар. У нее впереди будущее. Мне же выпала трудная дорога. ««Тахдыр» – судьба», – говорят в моем народе. Я не стану на ее пути. Пусть будет счастлива.

Абай бросил письмо в огонь.

Он выхватил из рук изумленно наблюдавшего за ним Бекежа на молот, и стал остервенело ковать лежащий раскаленный добела металл.

«Гаухар! Любимая моя! Прости меня! Прости меня! Прости меня!» – билась в мозгу просьба о прощении, словно заклинание, с каждым ожесточенным ударом молота. «Прости меня! Прости меня!»

Абай не был полностью уверен в том, что принял правильное решение. Письмо можно сжечь. Но что делать с собой? Как жить? Здесь, в лагере, без любви он пропадет. Но надо быть черзмерным эгоистом, чтобы обречь человека, которого ты безумно

любишь, на столь долгие годы ожидания. Ведь ожидание – это сохранение верности.

Абай понимал, как трудно устоять, когда на тебя обращают внимание. Когда дарят цветы и говорят комплименты. Когда кругом так много красивых парней. И хочется жить.

Он знает, что Гаухар любит его. Что она благородна. Но будет ли честно ему воспользоваться этим? Да и черный червь сомнения мог проснуться в нем. Имя этого гнусного червя – Ревность. А он уже однажды просыпался.

Тогда Гаухар немного приболела. Незначительно. Но Абай разволновался, узнав об этом от ее подруги, и помчался через полгорода на квартиру, где жила она.

Дверь ему открыла девушка по имени Ляззат. Она вместе с Гаухар снимала одну квартиру.

– Ах, Абай! Это ты! Проходи, она немножко разболелась, а я бегу в библиотеку, – Ляззат торопливо махнула ему на бегу рукой, сбегая по лестнице.

Абай скинул туфли и прошел в комнату.

Гаухар спала и была прекрасна во сне. Он невольно залюбовался ею. Черные как смоль, волнистые волосы, были разбросаны по белой наволочке подушки. Белый лоб словно высечен из мрамора. Изогнутые крылья бровей чему-то хмурились во сне. Губы чуть приоткрыты. Высокая лебединая шейка немного напряжена, и оттого было заметно, как на ней пульсировала тоненькая синяя жилка. Точеные хрупкие плечи стекали вниз по подушке.

И только тогда Абай понял, что его любимая лежит обнаженная под облегающей ее тонкой простыней.

Это открытие вызвало в нем лихорадочное волнение. Ему показалось, что он подглядывает за ней. Испытывая неловкость, Абай хотел было тихо уйти, как вдруг, почувствовав его взгляд, присутствие в комнате, Гаухар распахнула глаза.

Некоторое время они молча глядели друг на друга. Огромные глаза ее почти не мигали, на мгновение ему показалось, что сейчас он утонет в их глубине. Не выдержав ее взгляда, Абай зажмурился.

– Абай... – тихо, совсем тихонько прошептали губы любимой. Словно разомкнулись нежнейшие лепестки розы. Она медленно, ему даже показалось, обессилено, протянула руку, касаясь его щеки.

Такого еще не было в их отношениях.

Он тогда покорно потянулся навстречу ее руке. Ладонь любимой была горячей. Абай коснулся ее губами. Затем поцеловал белый изгиб руки у самого локтя. И, осмелившись, а, скорее всего уже не думая ни о чем на свете, дотянулся губами ее трепещущих губ.

Все исчезло: прошлое, будущее, настоящее. Только этот миг. Только ее наполненные сладким соком губы. Только ее глаза, в которые канула вся его недолгая жизнь. Он стал целовать ее, вначале робко, потом жадно. Так, изнуренные зноем в сенокос, косари пьют из родника. Большими глотками, двумя руками держа перед собой кувшин. Так и он обвил любимую за обнаженные плечи, припав к роднику ее рта. Губы Гаухар удивительно мягкой, смиренной плотью, втекали в его ищущие, требовательные.

До сих пор он помнил вкус тех первых поцелуев. Пьянящий жар их, томных, влекущих.

Много времени потом оба они, Абай и Гаухар, вели себя так, будто не было волшебной музыки поцелуев, бережно обходя в разговорах тот памятный день. Словно таинство.

Красивая, веселая Гаухар всегда непроизвольно оказывалась в центре внимания молодежи. Порой, не замечая, как стыдливый Абай остается в стороне от нее. А он начинал страдать. Пробуждаясь, черным червем заворачивалась в нем неведомая доселе ревность.

Не к нему обращенный ее разлетающийся звонкий смех... Вспыхнувший на мгновение перед другим обжигающий взгляд... Кокетливо изогнувшаяся перед модно одетым парнем, рассыпающим ей комплименты, шейка... Взлетающие демонстративно в желании обратить на себя внимание дивные волосы...

Червь ворочался, выгибая свое бесхребетное тело. Он причинял ему боль. Жгучую. Бросая его в ярость. Внутри сердца что-то скреблось. И само оно вдруг сжималось до маленького комочка.

В тот вечер была дискотека. Абай встретил Ляззат и спросил у нее, где Гаухар.

– На танцплощадке. А ты почему не там?

– Меня не пригласили, – пробормотал он, прислушиваясь к стремительно заворачивавшемуся червю. Ноги сами понесли его в ту сторону.

Громко полувизжала, брякала эстрада в темном зале, озаряемом разноцветными бликами цветомузыки. Абай напряженно

пробирался сквозь стоявшую плотно кучками молодежь. Он искал Гаухар. Сделал почти круг, как вдруг увидел ее самозабвенно увлекшуюся в быстром танце. Ах, как грациозно владела она своим стройным телом. Она изумляла молодого красивого парня. словно вспышкой озарило Абая, лицо парня было ему знакомо. «Он с соседнего курса, городской и приезжает в институт на собственной машине». Бедное сердце Абая полетело куда-то далеко вниз, словно в глубокую пропасть. Так ему показалось.

Они танцевали друг напротив друга, перемаргиваясь, смеясь. И парень запросто брал Гаухар за руку, кружа ее вокруг себя, за талию, перегибая, словно тростинку. И смотрелось это очень эффектно. Для других...

Тяжелыми камнепадом застучали мысли: «С машиной. Городской. Вот ее взлетающие демонстративно волосы. Кокетливо изогнутая шейка. Для других... Для других... Кто он? От земли, от бороны». Черный червь уже не просто ворочался, он бунтовал внутри, всасываясь в него.

«Все пропало!» – вспышкой ударила мысль, и тут же: «Сам виноват. Не могу, как другие, смеяться, когда не смешно. Улыбаться, если не весело. Ей со мною скучно. Я все о серьезном, о серьезном. А ей надо танцевать. Вот как сейчас».

По всем струнам одновременно ударил гитарист, барабанщик со всей силы дал дробь. Гаухар изящно перегнулась над поставленным локтем, взмахнув ногой. Красавец поцеловал ее в губы. И все это было так красиво. Для других.

Будто незрячий пошел он, натываясь на чьи-то тела, прочь. Его возмущенно отталкивали. Пихали. Не заметил, как оказался на улице. Глотал воздух кусками. Ему казалось, что воздух так сгустился, и он его выгрызает, чтобы не задохнуться. Червь притих, словно выжидая, как будет действовать Абай. Он лишь подсасывал изнутри.

Абай теперь помнит ясно, как мир в те дни потерял для него звуки и краски. Все стало в одночасье пустым, блеклым, бесцветным. Машинально ел, спал, посещал лекции. Прислушивался к червю, который продолжал подсасывать, и, в свою очередь, следил за ним.

С Гаухар пытался не встречаться. Избегал ее. Несколько дней она не замечала этого. А когда заметила, обеспокоилась. Стала искать его.

Он старался не попадаться ей на глаза. И тогда она не пошла на свою пару, а дождалась его на выходе из аудитории, с лекции.

Абай заметил ее уже поздно. Гаухар без слов взяла его под руку и увлекла за собой.

Они стояли в пустом закутке. Никого вокруг не было.

– Что с тобой, Абай? Почему ты меня сторонишься?

Горло пережимали спазмы. Хотелось промолчать, но Гаухар требовала ответа.

– Ты еще спрашиваешь? Я ведь все видел.

– Что ты видел? – не поняла она.

– Я видел, как самозабвенно ты танцевала с ним. Как ты смеялась ему. Как вспыхивали твои глаза. Как он поцеловал тебя.

Гаухар молчала. Абаяу хотелось бросить ей в лицо что-то чрезмерно обидное. Отомстить. И тут же на смену этому желанию приходили мысли о том, что, возможно, он сам тоже виноват. «Я мало уделял ей внимания. Но ведь я занят учебой! Но она девушка. Она должна чувствовать, что она не одна, я рядом. Может, она, наоборот рада отвлечься? Кто я для нее? Могу ли я требовать верности? И все-таки, ты не имеешь права! О, Боже! Как мне больно! Как больно!».

Гаухар чувствовала себя ужасно виноватой. Она вся как-то в один миг преобразилась. Поблекла. Заглянула ему в глаза. Увидела в них такую расплескавшуюся боль, что ей стало невольно это терпеть. словно нашкодившая школьница, она терла пальцем подоконник. Затем ногтем провела по окрашенной поверхности, оставляя борозду. Ей хотелось попросить прощения.

Абай видел это. Он жаждал этого. И в то же время боялся, вдруг не скажет? Уйдет и жизнь для него остановится.

Черный червь затаился и не подавал признаков жизни. Абай хотел прощения. Он внутренне молил о том, чтобы она попросила. Не во имя мести. Не во имя ущемленного самолюбия. Он страшно боялся ее потерять. Абай застыл в напряжении.

Робко разомкнула губы Гаухар:

Прости меня, Абай... – прошептала она тихонько. Так просят о прощении мать. Отца. Всераскаянно! Всеосознанно! – и вновь ее губы дрогнули, а глаза готовы были заплакать:

– Прости меня, Абай! За боль, которую я тебе причинила.

Жестокая, текущая по волчьим законам лагерная жизнь для Абая была невыносимо трудной. С детства привычный к труду, он был физически крепок, чтобы дать отпор. Но зарешетчатый мир, в который бросила его судьба, был очень сложен для

его светлой души. Никогда не желавший людям зла, наоборот, стремившийся сотворить добро, Абай напоминал человека, попавшего в царство приведенных. Он озирался по сторонам. Вслушивался в непонятную жаргонную речь. Словно еж, мгновенно сворачивался в клубок, оцетиниваясь иглами, стоило кому-то заговорить с ним. Здесь говорили одно, думали другое, вершили третье. Подвох виделся в каждом чужом поступке, в сказанном слове.

Днем, в кузне он целиком отдавался воспоминаниям, плывущим в памяти, словно бумажные кораблики в журчащем ручейке. Тут, в прокопченных насквозь стенах он уединялся со своими мыслями, смирившись с присутствием жестокого напарника Бекежана. Бекежан не обращал внимания на замкнутость молодого парня. Сам он, не унывающий, подвижный, дерзкий молотобоец, постоянно что-то кустарил. Выковывывал причудливые лезвия для ножей. Аксессуары для камина. И сбывал это тайком, выменивая на чай, курево, продукты питания. Несколько раз Бекежан делал попытки приблизить Абая к своему тайному ремеслу. Очень хотелось ему использовать умелые руки. Но Абай прямо заявил:

– Ты можешь заниматься этим на свой страх и риск, сколько угодно. Я тебя не выдам. Но не вынуждай меня делать то, чего я не хочу. Этого не будет.

Неудовлетворенный, Бекежан, первые дни после напряженного разговора дико ворочал глазами. Играл желваками, пытаясь нагнать страха на напарника. Затем успокоился, видя, что парня не удастся подчинить своей воле. С тем пор в их отношениях установился лад. Вместе они ковали то, что им было необходимо для зоны.

Отдельно для себя неукротимый грабитель ковал выгодные изделия. Абая шагал питаться в лагерную столовую и ел там невыносимую, дурно пахнущую бурду. Бекежан в столовую не ходил. А если ходил, то не ел. В потайном курке промзоны у него всегда хранился чай, курево, еда, приносимая ему прапорами в обмен на кустарщину. В отряде тумбочка Бекежана тоже не пустовала. Абай не завидовал напарнику, а тот давно махнул рукой на не умеющего жить в зоне парня. Так и сосуществовали.

Заключенные, приходившие в кузню к Бекежану, опасались Абая. При нем не говорили. Они садились с молотобойцем в темный угол на корточки и о чем-то недолго шептались. После

этого исчезали так же внезапно, как и появлялись. Да и сам Абай специально отворачивался в такие моменты. Его совершенно не интересовало, о чем могли бы говорить за его спиной.

За все время, что они работали вместе, а прошло уже полгода, с тех пор, все, что знал Абай о Бекежане, это то, что он родом из Караганды.

В жилой зоне он почти не видел его. Бекежан жил в другом бараке. Да и там его при желании найти было трудно. Несмотря на то, что зона была локальной, где один отряд от другого отделялся заборами из сетки рабица, а на дверях постоянно дежурил сэвэпэшник, каким-то образом молотобоец умудрялся попадать в нужный отряд. Абай догадывался, что он подкупает их.

Более года прошло с той поры, как Амир попал в этот лагерь. Приходить в жилзону и находиться там становилось мучительным для Абая. Тут не один, так другой лез с вопросами, на которые приходилось отвечать. В каждом вопросе сквозила какая-то гнилая подоплека. Крылась интрига. Разгадывать ее у него не было желания. Да он бы и не мог. Для этого надо было жить лагерной жизнью. Вникать в жестокие законы. Понимать движущиеся механизмы. И главное, самому уметь плести интриги.

Жизнью в бараке верховодили блатные и, так называемые, «крупнорогатые козлы». Ими называли за глаза активистов, занимающих должности председателей совета внутреннего порядка отряда, их заместителей. Завхозов, нарядчиков, бригадиров (бугров) и их помощников.

Настоящих блатных в отряде было мало. Часть их была постоянными обитателями «буров» и ШИЗО. А те, кого на время выпускали оттуда, верховодили технично. Находили общий язык с крупнорогатыми, так называемый, «нейтралитет». Блатные очень быстро осваивались в изменившейся обстановке барака за время их отсидки в «бурах».

Они были очень гибкими людьми. Могли не в кипеш подъехать к мужичку, ударить по чувствам. Если это не проходило, обволакивали объект словесным набором колючей фени, нагоняя страха жестикуляцией татуированных рук. Запутывали в вопросах и ответах, затем жестоко наезжали. Блатные были тонкими психологами. Если чувствовали, что жертва ломанется к мусорам, могли ослабить удавку. Но так или иначе, это была лишь отсрочка во времени. Они умели добивать, делая это по-паучьи. Раскинув невидимые нити паутины изнутри, терпеливо ждали,

когда выбранная жертва, сама не замечая того, запутается. И тогда наступает час торжества. В одно мгновение оказывались они рядом с запутавшимся. Отзывали тихонько в сторону. Где-то в укромном месте садились на корточки. Никто не размахивал руками, не кричал, не сотрясал воздух. Здесь не свобода, здесь лагерь. Мирно беседовали. Со стороны могло показаться, о чем-то ведут беседу. Может, дом вспоминают. Может, на жизнь сетуют. Может, раскаиваются за содеянное. Но это со стороны. А среди присевших, один вдруг покрывался испариной, лихорадочно метался в запутавшихся мыслях. Каждый ответ его изворачивался и преподносился сидящими напротив, как зло, исходившее от него. Хотя и в мыслях у жертвы этого никогда не было. И вот уже глаза его вылезают из орбит, в то время как у сидящих напротив, наоборот, тонут в глазницах ставшие крошечными зрачки, напоминая цепких паучков. Еще несколько минут, и сопротивление будет сломлено. Закивает стриженной поникшей головой тот из сидящих, чьи глазница ворочались, соглашаясь. Это значит, он сдался. Теперь обяжут его. Либо на отоварку в лагерном ларьке. Либо на редкие посылки и бандероли. Либо на деньги, которые он должен будет вынести из скорой долгосрочной свиданки. И сорваться с паутины не возможно. Тихо, без суеты и лишнего шума приблизят твой конец. Сделают жизнь жертвы и без того мрачной – невыносимую.

«Крупнорогатые козлы» лютовали в открытую. У них не было необходимости вуалировать свои действия. Потому что зона считалась «красной». То есть власть в этой зоне принадлежала заключенным, так называемым «ставшим на путь исправления». Буквально же, это значило, что власть в зоне принадлежит «крупнорогатым».

Что же это были за люди? Если блатным для того, чтобы удержаться в этой касте, необходимо было жить по определенным неписанным лагерным законам: не работать, не состоять в общественных организациях, подобно СВП, СКК, СКО и др. Кроме того, постоянно заботиться о пополнении, так называемого, «общака». То, встав на путь исправления, вступив в общественную организацию, бывший преступник становился еще страшней. Он теперь становился «иудой». И на этом пути, чтобы дойти от простого «вязаного зэка» до «крупнорогатого», «иуда» вынужден был пройти путь от «иуды в квадрате», затем «иуды в кубе» и т.д. Вот портрет бывшего насильника, либо убийцы, ставшего «в кубе».

Это были страшные люди. Не останавливающиеся ни перед чем, для достижения собственной цели. Из человеческого имеющие лишь обличье. Никакие духовные и нравственные ценности для подобной категории людей не были святы.

Такие люди правили бал в зоне, куда волею судьбы попал Абай. Только теперь он начал это понимать, да и то отдаленно.

«Крупнорогатым» не нужно было технично подъезжать к жертве. Расставлять паутины. Они вызывали к себе в проход того или иного осужденного и нагло заявляли:

– Принесешь со свиданки «лавэ». Или пойдешь в ШИЗО.

А уж как это обустроить, в этом не было проблемы. Делалось это примитивно просто. Составлялся рапорт на имя хозяина о том, что Иванов, либо Петров курил гашиш. Либо ходил в другой отряд. Либо изготавливает холодное оружие кустарным способом.

Пятнадцать суток ШИЗО обеспечено. А три ШИЗО и один БУР в течение года, и осужденного причисляли в категорию отрицалова. А для этих крытка. Где весь срок в камере. Под замком. На фунте черного, липкого как пластилин хлеба.

Абаю повезло крупно. Их этап не держали в карантине. Сразу выпустили в зону.

В те дни не было в зоне Батарейки. Батарейка обычно обвязывает этап еще в карантине. Тот, кто не вступает в лагерный актив, не одевает повязку, того в трюм. На КИЧУ. КИЧЕЙ называют штрафной изолятор. Там лагерный наряд дубинками становит на путь исправления. По головам, спинам, рукам, ногам. Где-то и сапогами приласкают. И вежливо при этом спрашивают:

– Не оденете ли повязочку? Не вступите ли в актив?

Вступают. А куда деваться? Иначе полжизни отнимут, и все равно обвяжут.

Трудным было положение «мужиков» в «красной» зоне. С одной стороны, если не напишешь заявление о вступлении в актив, житья не будет от «крупнорогатых», да и от рядовых «вязаных» тоже. Станут они ненавидеть, как ненавидят стая черных ворон одну белую. Заклюют. С другой стороны, ни к чему простому «мужику» была повязка. Пятно в лагерной биографии. Где-нибудь на пересыльной тюрьме могли и чести лишить.

Дважды Абая выдергивал к себе председатель совета коллектива отряда.

– Тебе необходимо становиться на путь исправления.

– А вы знаете, за что я осужден?

– Какая разница?

Абай терпеливо объяснял, что он не уголовник, и что ему не от чего исправляться.

«Крупнорогатый» взвился от этих слов взбешенный.

– Ты не политический! У тебя все статьи нашенские. Ты еще вякаешь!

– Пожалуйста, оставьте меня в покое. Я хорошо работаю. Знаю свое дело, лагерный режим не нарушаю, ни в какой актив вступать не стану, - твердо отрезал Абай.

Неизвестно, как могли обернуться события для Абая, но может, удивил, может, подкупил «крупнорогатого» вежливый тон Абая. В зоне никто из заключенных не обращался друг к другу на «вы». В этом Абай был своего рода единственным экземпляром. Но воспитанный так с детства, он, в самом деле, не умел иначе.

– Ладно, посмотрим. Кузнец ты хороший. Держи нос по ветру, в отряде я бог и царь. Понял?

Абай молча пожал плечами.

– Канай в отряд, - мозгом «крупнорогатого» завладели в этот момент другие, более важные мысли, чем воспитательная беседа с кузнецом. Так Абай уцелел и в этот раз.

АМИР

После того как Дора и Гена Овчинников увезли хоронить Леху, в разведроте наступило затишье. Обычно в армии, когда кто-то из призыва, уезжает на дембель, скорей остальных, ему завидуют. И дело совсем не в том, чтобы раньше оказаться дома. Тоскливо провожать человека, с кем два года ел с одного котелка, лил пот на учениях, прикрывал огнем на боевых. То же происходило и на этот раз. Леха тут был ни при чем. У Лехи теперь особое право.

Когда Дора и Гена стали спешно надраивать дембельские бляхи и пуговицы, разведчики затосковали. Все понимали, что этих двоих теперь не встретишь в жизни. Может только случайно. И им ой как не будет хватать оканья Гены и неустойчивости Доры.

И опять как в прошлый раз, когда отправляли в отпуск Гену, всем миром собирали. Потому что они сопровождали Леху. Разведчикам было важно, чтобы они выглядели достойно. Когда парни были готовы, третий взвод собрался.

Осмотрели ребят. Остались довольны.

– Сядем на дорожку, – предложил Дора. Он хотел, было, подложить под зад берет, но Балбес не позволил ему.

– Погоди, не пачкай, – Балбес содрал с себя хэбэшку и подстелил под Дору. Обычно безразличный ко всему происходящему Балбес, удивил взвод своим поступком.

Кто-то подал Доре забитый гашишем косяк.

– Взорви на прощанье с нами.

Дора косяк принял, поднес к носу, с наслаждением втянул в себя запах и проговорил так, будто изрекал мудрость:

– Волшебство! – и чуть погода добавил, – из всех воспоминаний, что увезу с собой из этой гадской страны, с удовольствием буду вспоминать афганский план.

– А нас? – отреагировал взвод.

– А вас, пацаны, – он опять осекся, – вас я всех полюбил, как братьев. Честно.

Дора вытолкнул из легких густой дым и смахнул набежавшую слезу. Взвод никогда бы не мог подумать, что неукротимый Дора мог заплакать.

– Эх, Леха! – с отчаяньем в голосе проговорил он, – щас бы вместе на дембель поехали.

Косяк ходил по кругу. Дошел и до Амира, минуя Катайца. Катайцев не курил гашиш. Не пил вино, не курил гашиш. Но даже с ним расставаться, тоже было жалко.

Амир сделал глубокую затяжку. У него всегда так было. Когда был гашиш, хотелось водки. Когда вдоволь была водка, хотелось гашиша. Сегодня хотелось водки. Он даже почувствовал во рту вкус ее, теплой, противной и прикрыл от удовольствия глаза.

– Че, у всех есть адреса. Давайте спьемся потом, – затронул Дора сотню раз обсуждавшийся вопрос.

Взвод молчал. Молодые, те, кто отслужил год и те, кому служить было еще полгода, молчали. Потому что в этот момент подумали о том, как долго им еще торчать в чужой стране. И сколько еще будет боевых. А может, кого-то как сегодня Леху, повезут «грузом двести».

Дембеля тоже молчали. С одной стороны хотелось домой. С другой стороны боялись. Тут было все ясно и понятно. Там в горах, кишлаках враг-духи, здесь свои.

Постепенно к третьему взводу подтянулись разведчики с первого и второго.

– Фули писать. Хрен знает, что нас ждет на гражданке. Помните, Хандохин писал? Может, бля, остаться нам всем в армии, на сверхсрочную? И мстить за Леху и всех пацанов, кто погиб здесь, – озлобленно и тоскливо выговорил Балбес. Он опять удивил ребят.

– Они же не звали нас в свою страну, – возразил Катайцев.

– Заткнись, Мороженка. Без тебя тошно, – оборвал его Амир.

– Леха был офуительный парень, – высказался Гена, сильно окая. Впервые разведчики не улыбнулись. Пропустили мимо ушей.

– Лехина порция и стакан с водкой, всегда будут стоять на его тумбочке, – сказал, словно дал клятву, Философ.

– Дорофеев! Овчинников! – раздался грозный голос ротного, гвардии капитана Ивашкова.

Ротный показался из-за палатки. Высокий, стройный, дерзкий и как всегда немного «под шафе». Разведчики любили своего ротного. Он был настоящий мужик.

– Самолет что вас ждать будет? Вперед, быстрее. Грузите Фельбуша. Рота пришла в движение. Размышления, навеянные расставанием, разлетелись как стрелянные цинковые гильзы из строчившего автомата.

Поднимая сапогами рыжую пыль чужой земли, разведчики побежали в сторону «взлетки». Прямо за ней извилистыми, острыми хребтами и изломанными, словно зубы старой кобылы, серели враждебные горы.

«Ан-12» трясся, будто в ознобе. Погрузка заканчивалась. Пожилой летчик-майор ругался, торопя солдатиков.

Из кузова шестьдесят шестого выгружали «груз двести», чтобы занести в самолет. Зеленых квадратных ящиков было несколько.

– А где Леха?

– Где Леха? – спрашивали разведчики друг у друга.

Ящики были похожи один на другой. Дора рванул к ним, рассмотрел первый и пропустил мимо себя. Второй он тоже не тронул. А за третий ухватился, останавливая солдатиков-пехотинцев.

– Вот Леха! – крикнул он, – Мы сами занесем его, – обращаясь к солдатикам.

– Не положено! – запротестовал, было, младший сержант-«мясо». Но было поздно. Подскочившие разведчики облепили ящик.

А возражавшему сержанту, Философ без слов, со злостью сунул кулак в печень и встал на его место. Разведчики внесли ящик с Лехой в дрожащий переборками корпус. Аккуратно положили его у борта и сдернули с головы «афганки».

Что-то орал разъяренный майор-летчик. Ничего не было слышно из-за гула двигателей.

Дора и Гена обнялись с ребятами. Разведчики стали выбегать из трясущегося чрева. Замигала красная лампа и словно пасть аллигатора, грозя захлопнуться, стал подниматься трап. Дора и Гена стояли в проеме и махали руками роте.

Амир не стал дожидаться, когда трап закроется. Он развернулся и пошел прочь со «взлетки», остервенело пиная сапогом скудные пучки выгоревшей травы.

Вечером он напился. Один.

Пил разбавленный медицинский спирт из алюминиевой кружки. Вначале хотел предложить Зайцу. Потом подумал, что Заяц начнет канючить разговоры про Леху. Затем вспомнил об Алтуние, но тут же отмахнулся от этой мысли.

«Алтунин станет умничать. Может лучше Дмитрича, с гитарой. Пусть попоет», – и от этой идеи Амир отказался, решив, что лучше уж надраться одному.

Спирт был теплый и противный. Амир заедал его паштетом из сухпайка. Он вдруг вспомнил, как полгода назад они столкнулись с духами.

Десять человек из третьего взвода возвращались с разведывахода. До лагеря оставалось совсем немного. Перемахнуть через невысокую гору. Впереди слышался шум падающего ручья. Видимо это отвлекло и расслабило разведчиков. С душманами столкнулись нос к носу. Обе стороны на мгновение оторопели. Опомнившись, бросились друг на друга. Закипела яростная схватка. Не на жизнь, а на смерть.

Духов было меньше. Их было всего пятеро. Но это были крепкие, выносливые мужчины, с детства привыкшие к горам.

А у разведчиков из десяти, шестеро были молодыми. Прямо на Амира налетел высокий, заросший до самых глаз черной бородой, душман. В руках у него сверкал кривой, длинный нож. Дух сделал колющий выпад. Но Амир прыгнул в сторону и правой ногой подсек ему ногу Душман рухнул грудью на острый валун, Амир со всей силы обрушил ему на голову автомат.

– Бей их! – заорал он, видя как Фельбуш, прижав к скале дву-

мя руками, душит молоденького афганца. Амир выдернул из ножен штык-нож и в одном прыжке воткнул его в бок Лехино-го духа.

Широкоплечий, с выбритой до глянца головой, душман выламывал горло извивающемуся под ним словно угорь, молодому Устинову. Устинов пытался укунить волосатые, крепкие руки врага и вопил, что было сил.

Штык-нож Амир всегда затачивал остро, как бритву. Он прыгнул на спину выбритому душману, и в одно мгновение широким взмахом ножа рассек ему горло. Густая, темная кровь брызнула на лицо Устинова, перепугав его еще больше.

– А-а-а-а-а-а! – орал он снизу, пытаясь выкарабкаться из-под заливающего его кровью противника.

Закончилось все быстро. Оставшихся двоих запинали, навалившись со всех сторон.

Амир почувствовал, что он уже пьян. Он допил оставшийся на дне кружки спирт и ощупал внутренний карман. Оттуда, из-под тонкой материи проступала тонкая пачка чеков.

Дверь в зеленый, выгоревший вагончик Верки была полуоткрыта. Амир еще немного понаблюдав за вагончиком, чтобы не нарваться на офицера.

«Да, плевать. Все равно скоро домой», – притащилась пьяная мысль. Он выскользнул из-под ангара и бегом преодолел расстояние до вагончика, взбежав по шатким ступенькам.

Верка к его радости была одна. Она что-то выстирывала в тазу с мыльной водой. словно вор, Амир окинул изнутри и закрыл дверь на засов. Верка обернулась на шум. В глазах ее не промелькнуло ни удивления, ни радости, ни огорчения.

Из-под выгоревшей комбинации одетой на ней, вываливались наружу большие, сдобные груди. Верка была словно хамелеон. Иногда она казалась Амиру красивой, а иногда, вот как сегодня, смотрелась уродиней.

«Да какая мне разница», – с ожесточением подумал он, подходя к ней вплотную.

– А, это ты, – безразлично произнесла она, откидывая за спину волосы.

Амир вынул из кармана чеки и сунул их, не считая, в мокрую Веркину руку. Он тяжело задышал от разгоравшегося желания, обнимая ее.

– Подожди, мне надо достирать, – пыталась прийти в себя Верка, сама при этом расстегивая хэбэшку Амира.

В пьяной голове все закружилось. Верка опять показалась ему сказочной красавицей. Она возбуждала его. Он задыхался от духоты, обливаясь соленым потом от взятого им бешеного темпа, наседая на Верку, наклоненную к нему задом.

Последние дни Афгана пролетели также быстро, как их темные ночи. Батальон копошился, напоминая навозного жука. Копошение ему придавали многочисленные дембеля, готовые к расставанию. Штабные крысы шуришали словно мыши, готовя увольнительные бумаги. В полк, по слухам, уже привезли новый призыв, взамен старому, уходящему. Ротный Ивашков испытующе рассматривал Амира.

– Может останешься? Подашь рапорт на сверхсрочную. Воюешь ты хорошо, что там на гражданке будешь делать?

– Не знаю, – пожимал плечами Амир, – Видно будет. Тут скучота, сдохнуть можно. Вам тоже надо валить отсюда.

– Куда валить? Я боевой офицер. Пришел сюда лейтенантом, сейчас капитан. Два ордена, медаль заработал. Скоро майора дадут. Может убьют на хер. Как бы то не было, армия – это моя жизнь.

– Поеду домой. Потом видно будет, – опять произнес Амир, убеждая то ли ротного, то ли себя.

– Ну что ж! – после недолгого молчания Ивашков поднялся, – Тогда завтра с утра бэтээром уедете в полк. Оттуда бортом в Союз. Документы тебе к вечеру писарь передаст. Сдай старшине оружие, ну и всю трехмудию.

– А кто со мной едет, товарищ капитан?

Ротный оглянулся у самого выхода палатки. Его навывкате глаза насмешливо скользнули по лицу Амира.

– Твой друг Философ, то есть Михайлов и Кирюшкин, – ответил он.

«Да... Придется еще денек-другой терпеть ухмыляющуюся рожу Философа», – подумал Амир, лицом вниз уткнувшись в матрац.

Вроде только вчера он молодым прибыл в эту чужую, злую страну. Будто совсем недавно гонял до седьмого пота старшина Хандохин. И вот уже завтра службе конец. Афгану конец.

Кто-то из взводных дембелей заглянул в палатку. Но он даже не поднял голову.

– Ты что Амир здесь паришься? Че ротный говорил?

– Завтра домой уезжаю. Шиздец Афгану.

– Да ты что? Один?

– Философ едет и Славка Кирюшкин.

Брезентовая дверь палатки щелкнула, опускаясь. Послышались удаляющиеся шаги. Полное тупое безразличие овладело им.

Обратный путь домой был долг и нуден. После прощания в роте, во время которого Амир почти все время молчал, чокаясь алюминиевой кружкой со своими. Была длинная дорога на бэтэре в полк, в Кандагар.

Когда пришло время садиться на раскаленную, крашенную броню, разведчики стали обниматься.

Слава Кирюшкин веселый симпатяга всем улыбался, желая счастья, как будто лично раздаривал его. Его любили в роте, и он всех любил, даже молодых. Молодые глядели на него с сожалением, тихонько вздыхая. Славка первый забросил чемодан в овальный люк бэтэра и опять рассмеялся, обнажая крепкие, белые зубы.

– Давай разведка! Помните меня! На гражданке буду пить за вас.

– Славка, напиши нам! - выкрикнул отслуживший год, огромный как медведь, армянин Устян.

– Чиркну, чиркну, – обещал всем счастливый Кирюшкин.

Дмитричев, как всегда, перебирая «шестиструнку», пел. Так и не понял Амир за два года этого серьезного, уравновешенного парня.

*Будто знали - игра стоит свеч,
Это наша кроеная месть городам,
Покатались колеса, мосты,
Карбюратор и что у них есть, еще там!*

Дмитрии басил, дотягиваясь лбом ко лбу Философа. Так они попрощались. Без лишних слов.

– Афган, бля, будет вам сниться, – изрек Балбес, обращаясь к Философу, как будто ему не ехать домой через несколько дней.

– Он мне здесь надоел, – возразил упрямый Алтунин.

– Конечно будет сниться, еще много лет будет, – успокоил готовых начать спор, длинноносый Женя Тишков.

Философ попросил у Дмитрича гитару. Тот в ответ отрицательно покачал головой.

– Ты прощайся, Миша, я для вас буду петь.

Амир терпеть не мог всех этих трогательных сцен. Также как и Славка, он швырнул дипломат в отверстие и забрался на брону. Сверху глядел на роту.

«Мы были просто пассажирами в одном поезде. Теперь расходимся, каждый к себе», – думал он.

Бэтээр взревел, выбрасывая черный дым и вонь от сторовшей солярки. Огонь, Степин, Алтунин и Балбес схватили Философа, подняли его вверх и посадили к ногам Славки. Через минуту рота исчезла за завесой поднятой к небу пыли, отбрасываемой из-под колес четырех «бэтээрок».

В Кандагаре, в полку, отмылись в бане от грязи, и одели на себя парадки. Предстоял вечер, где командир полка должен был сказать напутственное слово. Построение по какой-то причине отменили, к радости Амира. А ночью подали «борт».

Ташкент встретил «афганцев» жарой, разноголосицей и оживленной торговлей. Они стояли втроем посреди большого зала аэропорта и глядели друг на друга.

– Вот мы в Союзе, – произнес Славка.

– Надо обмыть это дело, – серьезно, деловито сказал Михайлов. – Щас определимся, где тут тихо и хорошо кормят.

– Не парни, вы гуляйте. А я поехал, – у Амира на душе скребли кошки.

– Ты что Амир. Разведчики так не поступают, – стал возражать Философ. Но Амир протянув руку уже стал прощаться со Славкой.

– Ты не держи зла на меня в такой час, – попросил Философ.

– Да ладно! Ты тоже не злился. Я сам себя не могу понять. Афган нас всех покaleчил. Счастливо добраться до дома, – помахал им Амир, свободной рукой. В другой он держал дембельский дипломат.

– С психикой у него что-то, того, – услышал Амир за спиной участливый голос Философа.

Взяв на площади перед аэропортом такси, Амир разыскал Жамшида. Бывший батальонный повар и здесь пристроился в небольшой уютной кафешке.

Он вышел навстречу Амиру в короткой белой куртке, с кола-

ком на голове. Его загорелое смуглое лицо расплылось в улыбке.

«Во дает, узбек. И там повар, и здесь, будто и не было для него Афгана», – равнодушно подумал Амир. Он зачастую выменивал трофеи с боевых у проворного узбека на гашиш, водку, чеки.

– Амир-жан, живой, красивый, – Жамшид обнял Амира, – проходи, дорогой. Сейчас я тебя кормить буду. Какой ты молодец, что заехал ко мне. Ты что-нибудь привез? – узбек угодливо согнулся в поясе.

– Да так, ничего. Есть немного чеков. Поможешь приобрести подарков для дома?

– Конечно, Амир-жан. Говоришь ничего нет, я знаю тебя. Ты всегда был скромный. В Ташкенте чеки на вес золота. Немного Жамшиду дашь и Жамшид тебе все и сделает. В чековом магазине работает парень из нашей махалли, – сообщил он.

Вскоре на низком столике появились желтые лепешки, кишмиш, урюк, фрукты, горячий зеленый чай.

– Сейчас шурпа будет. Потом плов будет. Потом шашлык будет. Угощайся, дорогой, – Жамшид подвигал кишмиш, наливал и ставил перед Амиром чай. Он по-узбекски отдавал приказы, и молоденькие узбечата суетились, ухаживая.

– Я тебя одену как принца. Э, что принц, как эмира! Немного только Жамшиду дашь чеки, – узбек скользил, будто обмылок в мокрой руке.

Дождавшись, когда десантник, наевшись давно забытой вкуснятины, отвалился от стола, он заговорщически зашептал, склонившись прямо к уху.

– Сейчас одно место поедим. Там пить водка будем. Гашиш тоже есть. И там два девка есть. Огонь! – он взметнул свои черные глаза к потолку, сложив руки ладонями вместе.

– Хочишь девка? – и сам ответил за Амира. – Хочишь, хочишь!

Вон и Киялы. Она открылась взгляду, как только машина обогнула березовый колок, далеко-далеко белея домишками.

Тут такси вынуждено было свернуть с асфальтированной дороги. Дорога до станции была грунтовой. Амир не хотел слезать с поезда на ней. Затем пешком идти через три улицы. Так слаживалась вся эффектность его возвращения. Поэтому он решил приехать из города на такси.

«Пусть все видят, он вернулся с Афгана!»

Машину трясло, и шофер негромко ругался. Вот на взгорке у

изгиба железной дороги открылось старое станционное кладбище. Здесь сельчане похоронили старика Каратаса.

«Твои руки по локоть в человеческой крови», – вспомнил он слова старика и усмехнулся.

– Ты не ошибся, старик. Мне действительно досталось в Афгане. Но я выполнял так называемый интернациональный долг. Так что я почти герой, и ноги мои на месте, – он опять усмехнулся, ощутив орден.

Вспомнил Ташкент, шумный, говорливый, никому там не было дела до парня с орденом на груди. Там все стоило денег. Абсолютно. Всех интересовали только деньги. Даже двух роскошных темноглазых узбечек интриговало наличие у него купюр.

– Это мой брат. У него есть чеки. Много чеков. Заптра он нам даст. А сегодня, – Жамшид сказочно загибал указательный палец, – сегодня ты, Фатима, люби моего брата. Люби его так сильно, чтобы заптра он тебе исделал пода...рок!

– Тьфу, бя, повар проклятый, – ругнулся Амир. Узбечка и впрямь была хороша. Всю ночь, словно ядовитая змея, извивалась она в его крепких объятиях, норовя укусить.

Ничего. Ровным счетом ничего не изменилось здесь. Все та же ремонтная мастерская, из кузни доносится стук кувалды.

А вот этот, кажется, дом Греты. Или следующий? Ничего не изменилось, будто не было на хрен никого Афгана. Нет, это они так жили. Им было нипочем, когда я подышал от жажды в горах, когда смерть обнимала меня волосатой рукой. Грета наверное также как и мне отдавалась кому-нибудь в стогу. А эти вонючие составы два года грохотали через станцию.

Амир незаметно для себя опять распалился.

– Сюда, вот в этот переулок, – сказал он таксисту. Расчет он отдал ему, еще выезжая из города.

Вот он, его родной дом. Чистенький, аккуратный. Выкрашенный голубой краской забор, листья сирени, покрывшиеся осенней ржавчиной.

Машина плавно остановилась напротив калитки.

– Ну, давай, бывай, водила.

Амир выбрался из машины, забрав дембельский дипломат и чемодан с подарками.

Не успел он поднять их с земли, как отворилась входная дверь дома, и на порог выскочила мать. Увидев сына, не всплеснула ру-

ками, не заголосила. Как-то боком, на цыпочках, стала тихонько красться, направляясь к нему. Будто боялась, что это не он, а приведение.

Амир шагнул ей навстречу.

– Ты что, мам? Я вернулся, – проговорил он, принимая на грудь вдруг ослабевшую в ногах мать.

– Амиржан, сынок, если бы ты знал, как мы тебя ждем. Отец твой совсем почернел от переживаний. Дед с бабкой источили меня своими вопросами. О, Алла! Какая же радость, что ты жив и невредим вернулся на родной порог.

– Толеутай, мальчик мой, – окликнула она прибежавшего поглазеть на солдата, соседского малыша, – беги, беги. Разыщи хозяина нашего дома. Скажи ему, что Амир, сын с армии вернулся. Да не забудь с него взять суюнши.

– Не забуду, – прокричал малыш, убегая.

АБАЙ

Жара в эту осень в окрестностях Узени стояла невероятная. В последнее время всё чаще и чаще у Абая возникало желание подняться повыше и посмотреть за забор. Так уж создал бог человека. Плывущему хочется заплыть дальше от берега. Поднимающемуся в горы – перемахнуть через хребет. Даже бредущему по бескрайней степи хочется дойти до горизонта. И увидеть, а что же там дальше? И это прекрасное качество у людей.

Однообразная лагерная жизнь с её сквернословием, конфликтами между заключенными, ежеминутно готовыми разразится кровопролитием. Извечные лагерные интриги, наглость и вседозволенность «крупнорогатых козлов». Всё это давило на психику Абая. Ему хотелось превратиться в маленькую птичку, чтобы вспорхнуть и улететь за высокие заборы. Даже червь он завидовал. Червь – и тот мог уползти из лагеря. Для него, беспозвоночного, не существовали ни «запретка», ни периметр, ни расставленные, словно поганки, вышки.

И всё же не уберется Абай от «шизо». Видно кто-то накапал на ловкого молотобойца Бекежана.

Утром на разводе по лагерному «балаболу»-селектору назвали его фамилию. Ему было приказано явиться к Батарейке. То, что вызвал к себе Батарейка, было дурным знаком. Соотрядники покосились на Абая. Каждый из них и сам он одновременно подумали: что бы это значило?

Отряд строем ушел с развода в «промзону». Абай же, раздираемый догадками, направился в штаб. У дверей его встретил «зек»- посыльный.

– Ты что так медленно плетешься? Давай быстрее!

В тесном мрачном кабинете, развалившись в высоком кресле, восседал гроза всего лагеря. Абай снял при входе головной убор и доложил.

Батарейка рассматривал, его не моргая, маленькими глазками. Так рассматривают с любопытством мохнатую гусеницу, медленно ползущую по земле, занеся над нею ногу, готовясь вот-вот раздавить.

Не спеша, режимник выдвинул ящик стола и достал из него несколько готовых лезвий, заготовок для ножей.

– Вот полюбуйся. Ваши произведения. Узнаешь?

– Впервые вижу, – ответил Абай, покрываясь испариной.

– Послушай меня парень. Я знаю, что сам ты не имеешь отношения к этим шедеврам. Но вот твой напарник. Это его работа. А так как вы работаете вместе, ты не мог не видеть, что он выковыривает.

Батарейка смел со стола заготовки обратно в ящик. Он подал Абаю лист бумаги и авторучку.

– Пиши докладную на мое имя.

– О чем я должен писать?

– Пиши о том, что твой напарник, в свободное время занимается изготовлением холодного оружия.

– Но я не могу так написать.

– Почему?

– Я не стукач.

– Ах, вот как? Тогда я сделаю из тебя соучастника.

– Я не изготавливаю холодного оружия.

И тут Батарейка взорвался:

– Я лишу тебя писем, от этой твоей Гаухар. Я лишу тебя свиданий, я лишу тебя посылок. Я лишу тебя ларька.

Абай съежился так, будто его стегали по голой спине хлыстом. Батарейка вопил, разбрасывая пену со рта:

– Ты будешь писать?

– Никак нет, гражданин начальник.

– ШИЗО! Пятнадцать суток! На хлеб и воду! И это только начало. Ты рассердил меня. Я тебя в порошок сотру!

Батарейка нажал кнопку в углу стола, вызывая наряд. Дверь

тут же распахнулась, и в нее ввалился дюжий прапор по кличке Лось.

– Закрой его в ШИЗО. Но вначале проводи профилактику.

– Слушаюсь! – отрапортовал прапорщик, и рывкнул на Абая:

– Руки!

Абай протянул ему руки, на которые Лось ловко набросил наручники, до боли защелкивая их на кистях.

– Вперед!

Прапор вел его по дорожке в направлении ШИЗО. По обе стороны тянулись заборы из «сетки рабица». Редкие встречные – «сэвэптэшники», за несколько шагов вперед сдергивали с головы убор. Лося в зоне боялись. Рассказывали, что он здорово лютует, избивая тех, кто попал в ШИЗО.

Одинокое мрачное строение изолятора, было полуподвальным. Окна «кичи», забранные стальными жалюзи, так называемым баяном, располагались на уровне земли. Бетонная, серая лестница, спускаясь вниз, вела во внутрь этого островка страданий.

– Вперед! – вновь рывкнул Лось.

И не успел Абай ступить на нее, как прапорщик неожиданно сильно толкнул его рукой в спину. Абай пролетел через весь пролет и упал, ударившись лицом в железную дверь.

Лось тут же набросился на него. Схватив за отворот куртки, он волоком втащил его в темный коридор, бросив на пол. И тут же засвистела в его мощных руках, рассекая воздух, резиновая дубинка.

Лось бил со всей силы. Сплеча. С оттяжкой. Так в гражданскую его предки, казаки, рубили пашкой.

– Хрясь! – слышался звук, впечатывающейся в его тело дубинки.

– Хрясь!

Скованными в наручники руками, Абай безуспешно пытался закрываться. Но Лось знал свое дело. Дубинка доставала всюду. От удара лопнула кожа на спине. Абай почувствовал, как потекла кровь. И в этот момент в металлическую дверь камеры, у которой извивался Абай, кто-то сильно стал барабанить.

– Эй ты, Лось гребанный. Прекрати немедленно, сволочь. А то я тебе, гад ползучий, глаза вырву!

Лось удивленно остановил поднятую в замахе руку. Он подошел к двери и приподняв заслонку, заглянул в волчок.

– А, это ты, вор? Че рычишь. Тебя не трогают.

– Рычишь ты, как бродячий пес, добравшись до незащищенного. Ты ко мне войди, сволочь, я тебе кадык твой поганый вырву. За что бьешь молодого пацана?

– Ладно, вор, успокойся. Разве я бью? Это «резинка» что-то разошлась. Профилактика.

Лось на удивление Абая разговаривал с незнакомцем за дверью спокойно, вежливо, примирительно. Он вынул из кармана большую связку ключей и, отыскав нужный, отомкнул дверь.

– Пятнадцать! - объявил он, вталкивая Абая в маленькую, темную, сырую камеру, - Чтобы тебе не скучно было. А то ты заскучал один, – Лось покручивал оружием, но делал это явно наигранно. Чувствовалось, что он побаивался человека, которого называл вором.

Дверь за спиной Абая с лязгом захлопнулась, и в камере стало еще темнее. Одинокая лампочка в стене, забранная металлической пластиной в дырках, скудно бросала тоненькие, желтые лучинки.

Стоявший перед ним мужчина, совсем не был похож на богатыря.

«Отчего же так испугался его прапорщик?» – с удивлением подумал Абай и спросил об этом у заступника.

– Он почти всех в трюм через дубинку пропускает. Да я вот только за тебя и наехал на него. Глянул в волчок, совсем молоденький ты. А ты что вообще беззубый? Не можешь за себя постоять? За что сидишь-то?

– За декабрьские события в Алма-ате.

– Вот как? И что они тебе пришили?

– Хулиганство, ну и так далее.

– Ну, тогда давай знакомиться. Меня зовут Айтматан! – мужчина протянул ему руку.

– Абай! – пробормотал он, морщась от ужасной боли, исходящей от разорванной спины.

– Проходи парень. Это называется «кича». Тут нары только на ночь отпирают. А днем надо тусоваться по хате. Четыре шага сюда, четыре обратно. Причем, для двоих тусоваться места мало. Так что когда я буду ходить, ты сиди на корточках. И так по очереди.

– А вы сколько дней здесь сидите?

Айтматан удивленно взглянул на Абая:

– Ты со всеми на «вы» разговариваешь?

– Да, со всеми.

– Молодец. Хорошо воспитан. Только вежливость здесь в лагере не в цене. Ты слышал, как я с Лосем говорил?

– Слышал.

– Вот так надо с ними. А иначе затопчут. Порвут. Это же псы цепные. А сижу я здесь уже третью пятнашку.

– Я так не могу! – пожалел Абай.

– Сам- то откуда?

– Я из-под Петропавловска. С небольшой станции.

– А на площади как очутился?

– Я был студент сельскохозяйственного института. Когда по институту прошла весть, что первым руководителем назначили человека не из нашей республики, мы вышли на площадь.

– А тебе не все равно было, кого назначили?

– Понимаете, – стал рассказывать Абай незнакомцу- дело не только в Колбине. В обществе накопилось целый ряд больших проблем.

Впервые за все время, с момента как его посадили, Абай стал говорить с человеком, совершенно не зная его. Но смелость сокамерника невольно вызвала в нем уважение.

– Там стоял и вопрос национальности. Вопрос казахского языка. Социальные вопросы общества.

– Да парень! Куда вас понесло! Государство – это машина. А вы поперли против этой махины. Я слышал, вас там покروшили как капусту: солдаты, менты.

Абай, как ни тяжело ему было вспоминать события того кровавого дня, стал рассказывать сокамернику, как все происходило.

Айтматан расхаживал по камере, огорченно хмыкая. Только теперь Абай рассмотрел, как следует его. Он был высок и ладно скроен. Среднего телосложения. Но в движениях чувствовалась какая-то потаенная сила. Говорил Айтматан быстро, не останавливая словесный поток. Не давая возможности собеседнику вставить слово. А так как говорил убежденно, то и возразить было трудно.

– По сути дела вы революционеры. В стране назначили монарха. Ну, не суть важно, что называется он первый секретарь коммунистической партии. На самом деле, это монарх государства, платящего дань другому, более могущественному. И вы пошли на площадь свергать этого монарха. А это и есть революция. Так

как всякую революцию топят в крови, с вами произошло ровным счетом то, что должно было произойти. И надо заметить, что ваша еще отделалась малой потерей. История помнит много примеров, когда ее топили в реках человеческой крови.

– Но мы ...

– Еще Ленин говорил, что всякая революция тогда что-нибудь стоит, если она умеет защищаться. А вы пошли на площадь горлопанить.

– Неправда. Декабрьские события носили мирный характер стихийного митинга молодежи. Да, мы допустили ошибки, просчеты. Но мы хотели справедливого решения выдвинутых проблем.

– Эх, ты, наивный! - с сарказмом произнес Айтматан.

На ночь контролеры отомкнули от стен металлические нары. Железо было сырым и холодным. Абай ужаснулся, прикоснувшись к ним.

– Да, да. Почкам на «киче» приходит шиздец. Мусора, когда возводили ШИЗО, специально заставляли «козлов» сыпать в раствор соль. Для того чтобы стены изолятора были всегда сырыми. Да это не только в этом лагере. Это повсюду так, во всех зонах. ГУЛАГ еще продолжает жить.

– Откуда вы знаете? - спросил Абай, кляня себя за глупый вопрос.

– Да знаю. Привелось познать. Я проехал много тюрем и лагерей. Меня стараются не держать в зоне. Чтобы с массой не общался. В основном содержат в изоляторе или в ПКТ.

– Вы извините. Я не большой знаток лагерных обозначений. Объясните, что значит ПКТ?

– Ха-ха-ха-ха – расхохотался Айтматан, – Ну, ты даешь студент. ПКТ – это помещение камерного типа. Однако в него сажают на более длительный срок. Шесть месяцев, например. Но там, в хатах по несколько человек сидят. И матрасы выдают. Да, еще там нары не пристегивают к стене. И еда – лагерная норма.

– А здесь?

– А здесь «кича», брат. А на «киче» день летный, день пролетный. Это значит, что сегодня только кипяток. Трижды в день. Так сказать, разгрузка для желудка. А завтра три раза покормят: утром, в обед и вечером, кипяток и хлеб. Вот такие дела, парень.

Абай очень хотел есть. В желудке ужасно сосало и ныло. «Хоть что-нибудь забросить бы в него», – с тоской подумал он.

– Кушать хочешь? – спросил Айтматан.

– Да, – сознался Абай.

– У меня есть хлеб. Возьми, пожуй, – вор подошел к подоконнику и снял с него газетный сверток. Он развернул его. В нем был небольшой кусок темного хлеба. Айтматан протянул его Абаю.

– Возьми.

– Я не возьму.

– Но ты хочешь кушать.

И тогда Абай взорвался.

– Мало ли что я хочу. Вы думаете, я слабак. Могу съесть чужую пайку. Только потому, что хочу кушать, потому что непривычен к голоду. Да я лучше сдохну, но никогда этого не сделаю.

Айтматан очень удивился, но не перебил парня. Он лишь дождался, когда тот завершит говорить и вспышка его угаснет. Только тогда он спокойно произнес:

– Ты прав парень. Лучше умереть, чем съесть чужую пайку. Но сейчас другой случай. Я добровольно хочу поделиться с тобой куском хлеба. Бог ведь велел делиться. Вот я и делюсь. Но учти, я это делаю не со всяким человеком. Одним словом – у меня свои критерии. Тебе их трудно будет понять.

Айтматан разломил хлеб на две равные половины. Обе взвесил в руках и, убедившись в том, что они примерно равны, одну протянул Абаю.

– Ты его не жуй. На киче так нельзя с хлебом. Положи в рот и рассасывай. Так легче обманывать желудок, – посоветовал вор.

– Как вы с таким питанием здесь третью пятнашку выдерживаете?

– А куда деваться? Если выпала такая карта, надо держать, – убежденно, немного яростно ответил он молодому арестанту.

Абай отломил небольшой уголок хлеба, поднес его к носу и понюхал. Хлеб почти не издавал запаха. Он положил его в рот, чувствуя, как мякиш пропитывается слюной.

– Это же спецвыпечка. Сплошные опилки. Так что ты парень на нарах на спине не спи. Без почек останешься. Спи на животе. А лучше вообще не ложись. Туберкулез схватишь.

– А как же спать, – удивился Абай.

– А как лошади спят? – в свою очередь задал вопрос вор. И сам ответил, – стоя.

– Так упадешь же во сне.

– Чтобы не упасть, надо привязывать две руки к батарее.

И это тот человек, которого, как ни странно боялся Лось. Он опять удивил Абая.

Говорят: лиха беда – начало! Час за часом, тонкой струйкой в песочных часах, день сменялся ночью, потянулась страшная, поначалу, «пятнашка». Наблюдая за сокамерником, Абай невольно восхищался им. И многому учился. Теперь по ночам они спали напротив друг друга, привязываясь к батарее. Точно, как лошади. И храпели также, вздрагивая во сне всем телом. Это была очень трудная процедура. Но сон перебарывал организм. А днем тусовались по очереди, рассасывая изоляторную пайку.

Иногда подолгу молчали. Каждый думал о своем. Абай предавался милым сердцу воспоминаниям детства. Думал о Гаухар. Размышлял о своем народе.

– Расскажите о себе, – как-то попросил он сокамерника.

– Что рассказывать? Есть такая песня из кинофильма «Республика ШКИД». Видел?

– Нет. Не довелось.

*По приютам я с детства скитался,
Не имею родного угла,
Ах, занеси я на свет появился,
Ах, зачем меня мать родила!*

Пропел Айтматан.

– Вот и я так. Вырос в детдоме. Затем малолетка. Потом пошли лагеря, лагеря. Держат меня, в основном, в камерах под замком. Как зверя в клетке. За то, что я вор.

– А что такое вор? Это человек, который что-то украл?

Сокaмерник продолжительное время не отвечал. Он продолжал вымеривать расстояние от стены до стены шагами. Затем остановился прямо напротив Абая и стал говорить быстро, словно боялся не успеть.

– Послушай меня, парень. Мы с тобой совершенно разные люди. С разной судьбой. Ты случайный человек в этой системе, я имею в виду зону. Я же будучи вором в законе, нахожусь тут закономерно. И ты, и я мы оба казахи. И для меня, как для казаха безразлична судьба моего народа. И я как ты люблю его. Свою историю. Культуру. Язык. Я прошу тебя, не старайся понять, кто такие воры. Это тебе совершенно ни к чему. Воры – это, прежде всего, люди. И как все люди, они могут быть разными. Тебе до-

статочно видеть меня и составить свое мнение обо мне, как о человеке. Но у нас, у воров, есть главный, основной принцип: мы не занимаемся политикой. Тебе очень трудно сейчас, ты словно попал в преисподнюю. Терпи. Но прошагай достойно этот путь, отмерянный тебе судьбой. А самое главное не озлобись, не потеряй веру в людей. Тебе здесь не место. Постарайся освободиться, – Айтматан замолк так же резко, как начал говорить.

Абай сидел пораженный силой и искренностью сокамерника.

На следующий день с раннего утра, только они с Айтматаном успели выпить покрашенный под цвет чая кипяток, неожиданно забряцали ключи об металл и дверь, противно скрипнув, распахнулась. Невысокий чернявый прапорщик-контролер на ломаном русском произнес, указывая дубинкой на Абая.

– Ты кузнец?

Абай не сразу сообразил, а, поняв, о чем идет речь, утвердительно махнул головой.

– Я.

– Выхади. Нашалник сказал балшой заказ есть тебе. Зона пайдем.

– Но я не досидел еще трое суток, – возразил вдруг Абай. Как ни холодно и голодно было здесь в изоляторе, ему не хотелось расставаться со своим товарищем. Впервые за весь срок он раскрылся перед человеком, встретив отзывчивость с его стороны.

Не выдержав своих мучительных раздумий о любимой Гаухар, Абай поделился с Айтматаном. Он увлеченно рассказал ему о самом сокровенном, впуская в святая святых своего внутреннего мира. Рассказал о противоречиях, которые раздирали его. О письме Гаухар. О том, что он бросил его в огонь, не желая обременять девушку, так как у него срок.

– Она красивая, видная девушка. То, что она написала мне тогда письмо, это могло быть лишь эмоцией. Зачем я буду писать ей. Ведь отвечая, она тем самым возьмет на себя какие-то обязательства. А разве это будет честно с моей стороны?

Айтматан ответил ему:

– Я вижу, что ты ее сильно любишь. И во имя этой любви ты не хочешь связывать ее. Но любовь – это святое чувство. За нее надо бороться. Во все времена за любовь скрещивали шпаги на дуэлях. Пушкин, совершенно не умея стрелять, встал под дуло пистолета Дантеса. Если действительно ее чувство к тебе взаим-

но и искреннее, не унижай Гаухар своим молчанием. Не заставляй ее страдать. Напиши ей, – так Айтматан пробудил, разбудил, умолкнувшие по его воле волшебные струны – глубоко спрятанные чувства к Гаухар.

– Пайдем. Выхади, – требовал контролер.

Абай взглянул на Айтматана с сожалением. О многом еще хотелось ему поговорить с ним. Они были разные. Но Абай почувствовал ту чистую ауру, исходившую от сокамерника по отношению к нему. А главное, за эти дни он сам изменился. Повзрослел. Стал мужественней. Увидел в лице Айтматана человека, не чуждого человеческим ценностям, несмотря на то, что он был лидером преступного мира.

– Давай, революционер. Тебя труба зовет. Держи порох сухим. У тебя срока осталось всего ничего. Больше половины уже за спиной. Удачи тебе, парень.

Айтматан отвернулся и зашагал по камере. Абай посмотрел на прямую спину вора, вздохнул горестно и вышел за дверь.

Зона показалась ему огромной. Больше прежней. После темной, холодной камеры изолятора. Золотой диск солнца лил к земле расплавленные жаркие лучи, несмотря на ранний час. И хотя на киче Абай задыхался от нехватки кислорода, голода, который преследовал его даже во время размышлений. Он шагал вслед за прапорщиком, в направлении к штабу, но чувствовал, что частичку себя он оставил там. На киче.

Его завели к хозяину зоны. Абай терялся в догадках. Это был пожилой подполковник – казах. Видно, многое и многих перевидал за свою жизнь хозяин. Ум и затаенная мудрость светились в его карих глазах, спрятанных от случайного взгляда под набрякшими веками. Абай доложил, как положено. Подполковник внимательно, очень вьедливо рассмотрел Абая и затем как-то совсем по-домашнему на чистом казахском, предложил ему пройти и сесть. Это очень удивило Абая. Обескуражило. Он прошел через весь кабинет по бордовой ковровой дорожке и присел на один из многочисленных стульев, что тянулись вдоль стены.

Хозяин стал говорить на казахском языке.

– Вот твое дело, – он поднял со стола папку с личным делом Абая, – я его прочитал. Изучил и рапорт заместителя по режиму о водворении тебя в карцер, на пятнадцать суток. До сегодняшнего дня я из своего кабинета следил за тобой. Мне хотелось

знать, случайно ли ты оказался в тот день на площади. Или пошел туда по глубокому убеждению. Я наблюдал негласно за твоим образом жизни в лагере. И видел, как глубоко ты страдаешь. Этот мир не для тебя. Здесь сидят преступники. Но ты не преступник, хотя тебя пытаются таковым представить. Скажи мне честно, здесь кроме нас двоих никого нет. Не раскаиваешься ли ты, что вышел на площадь в тот злополучный день?

Хозяин выжидательно смолк. Он ожидал, что ответит Абай. Лагерный опыт говорил Абаю, что распахиваться нельзя. Он помнил и предостережение аксакала Каратаса о черном дожде. Но какая-то незримая нить пролегла между ним и сидящим за широким столом человеком. Тончайшая нить доверия.

– Нет. Я нисколько не жалею ни о чем. И если бы довелось все вернуть, я вновь вышел бы туда, – уверенно заявил он.

– Спасибо, сынок. Не побоялся. Ответил правду. Я хоть и старше тебя намного, но я тоже казах. В те дни и мне было обидно, когда нам навязали Колбина. И если бы не эти погоны, я бы тоже пошел на площадь, – то, что произносил на родном языке уставший, пожилой офицер, шокировало еще не отошедшего от кичи Абая. А хозяин продолжал говорить, – В тот день вы пострадали за свой народ. С этим и живи. Тебе осталось уже не очень много. Я думал, ты выдашь своего напарника Бекежана. Но ты выстоял. Скажи ему, пусть больше не делает заготовок для ножей. То, что он кует разную другую кустарщину – я на это закрою глаза. А теперь иди. Тебе надо прийти в себя после ШИЗО. Завтра приступай к работе. Ее очень много скопилось.

Подполковник взмахнул рукой, отпуская Абая. Но смотрел на него теперь теплым, отцовским взглядом.

С большой радостью Абай вернулся в свою прокопченную кузню. Он очень соскучился по работе. А её действительно набралось достаточно за время его отсутствия. Как-то по-новому он взглянул на все окружающее, после кичи. И на кузню тоже. Раздувая жар, закладывая стальные заготовки под горку покрывшегося словно коростой, угля, Абай чувствовал зуд в ладонях от нетерпения ковать. С Бекежаном встретился обыденно, словно не расставался. Перебросились двумя-тремя фразами. Однако как только остались одни, в кузне, Бекежан подошел к нему и протянул руку.

– Рахмет тебе, братишка Абай. Позволь мне тебя так сегодня назвать. Ты отсидел за меня. Вообще-то, я думал ты сдашь меня.

Я очень рад, что ошибся в тебе. Теперь я твой должник, – объявил молотобоец.

– Ничего ты мне не должен. Единственное, о чем я попрошу, прекрати ковать заготовки для ножей.

– Мазя. Договорились! – в глазах Бекежана стояло нескрываемое уважение к нему, – Ну, как там? – спросил он.

– Как на «киче», как там ещё может быть, – пожал плечами Абай.

– А я подготовился ко встрече. Припас еду, курево, даже водка есть. Сейчас мы с тобой погуляем.

– От еды не откажусь. А водку я не пью. За курево тоже спасибо. Я не курил в изоляторе, тем более что там не положено.

Бекежан радостно суетился. Он достал из курка большой сверток и стал размещать содержимое на столе, покрыв его чистой газетой. Извлек из свертка крупный кусок холодной баранины, колбасу, сыр, головки репчатого лука, чеснока. Крошечные кусочки курта. Поставил на уголь черный чайник.

Вскоре они ели. И эта еда казалась Абаю самой вкусной, чем когда бы то ни было в его жизни.

Работы было столько, что они просили у бригадира разрешения оставаться им с Бекжаном на вторую смену. И только в полночь возвращались в жилзону. Уставшие, но довольные. По просьбе Абая ловкий Бекежан одному ему ведомым путем, сумел передать в ШИЗО продукты и курево Айтматану. От него Абаю пришла крошечная записка. В ней он благодарил Абая и желал ему скорейшего освобождения.

Прошло около месяца, после его выхода с «кичи», как он собрался и написал письмо Гаухар.

«Простишь ли ты меня за долгое молчание? – спрашивал он, – Оказавшись в плену тяжелых обстоятельств я решил не связывать тебя никакими обязательствами. Во всяком случае, считал, что так будет честно с моей стороны. Однако некоторые события, происшедшие со мной здесь, заставили поколебаться и изменить решение. Теперь я пишу тебе это письмо. Твои же я, не вскрывая, бросал в огонь. Не скрою, мне казалось, что бросаю туда свое сердце. Я люблю тебя, Гаухар. И очень сильно. Пожалуйста, ответь мне!»

Абай отправил, и с нетерпением ожидал ответа. А его все не было...

Шли дни. Он глубоко страдал, мучаясь, терзаясь от неизвестности. За это время он получил одновременно два письма из дома. Одно от мамы. Другое от отца. Мамино было, как всегда, наполнено любовью и лаской.

«Абай, сынок! Я очень соскучилась по тебе. Ты мне часто снишься ночами!» – далее она спрашивала: не болеет ли он? Не голоден ли? Сообщала, что отправила на днях посылку. И ещё мама сообщала ему новость об Амуре. Полгода назад она писала, что Амир вернулся с армии. Оказывается, он воевал в Афганистане.

Правительство наградило его орденом. Вся их семья необыкновенно счастлива и гордится им. Теперь же мама сообщает тревожную весть. Амир в городе связался с плохими людьми. Что-то натворил. И сейчас его разыскивает милиция.

Эта новость выбила из колеи Абая, радовавшегося за успехи земляка. Он был искренне огорчен и переживал за него. Как никак, вместе выросли, в одном интернате учились.

«Что же могло произойти с ним?» – не прекращал думать Абай.

Отцовское он перечитал дважды. Оно было написано по-мужски скупое. Отец сообщал Абаю обо всех станционных проблемах. Сетовал на то, что в последнее время реже стали поступать шпалы. Ухудшилось материально-техническое снабжение. Что живущий через два дома сосед Казтай, стал спиваться в последнее время. Не выходит на работу. Запустил трактор. Ещё отец писал о прошедшем сенокосе. Здесь в строках чувствовалась, что он доволен им. Сообщал о том, что перебрал движок, потому что тот стал работать с перебоем, потерял вдруг мощь.

И вот когда он, теряясь в догадках, стал подумывать о том, что почта могла затеряться в дороге, пришло долгожданное письмо от Гаухар. Да, вне сомнений, голубой конверт был надписан её рукой. Родной, красивый почерк. Но что он таит в себе?

Вновь, как тогда, когда он получил письмо, Абай ужасно разволновался. Опять он положил его во внутренний карман лагерьной куртки, решив прочесть в промзоне.

И вот, наконец он один. Бекжан отлучился по своим бесконечным делам, сказав что ненадолго.

Абай несколько раз прошелся из конца в конец по кузне, будто вымеривая её. Переложил с места на место кузнечные инструменты. Наконец он решился и достал из кармана письмо.

Сотни противоречий раздирали его. Развернув сложенный вдвое лист, стал читать, как вдруг первые строки заставили отбросить его в сторону и вновь схватить конверт.

Нет – же! Конверт на самом деле был подписан рукой его любимой. Так почему же первые строки написаны маминым почерком? Что за наваждение? Он взял себя в руки и поднял с пола письмо.

Дорогой мой сынок! Это твоя невеста Гаухар настояла, чтобы первые несколько фраз написала я. А теперь передаю бумагу и ручку ей. Поговорите наедине.

Буквы, слова – все расплзлось у Абая перед глазами. «Как она оказалось рядом с мамой?» – он вновь стал читать.

Абай! Твое письмо я получила. Извини, что сразу не ответила. Я решила поехать к твоим родителям и оттуда написать. Но моя поездка из-за учебы немного затянулась и вот только теперь я пишу тебе. Ты не можешь представить, как я была счастлива, когда получила его. Мир для меня ожил. Он заиграл всеми цветами. Во всем своем буйстве красок. Я тогда поняла, как глубоко и сильно я люблю, когда держала в руках прочитанное письмо. Оказывается, пока ты не отвечал мне, я не жила. Если и любила тебя, то как то в страхе. И только теперь я расправилась в полный рост. Прости меня за мою дерзость, но я приехала к твоим родителям. Назвалась невестой. Ты не представляешь, как они были счастливы. А я! А я будто прикоснулась к тебе. Я поживу у них недельку. Пусть немного привыкнут ко мне. А потом я уеду. И мы вместе будем ждать. Ведь теперь осталось не так уж много. Господи, как я соскучилась! Целую тысячу раз.

Твоя Гаухар

До слуха Абая явственно донесся рокот несуществующего моря, шум прибоя, накатывающего на берег. И даже на губах он вдруг почувствовал соленые брызги морской волны. Он вздрогнул.

Но это был всего лишь его пот, стекающий по щекам на губы. Нет, не пот. Как не стыдно было ему перед собой, перед Айтматаном, даже перед хозяином. Это были соленые слезы выстраданного счастья!

БАНДА

После расправы над группировкой Нахала и окончательного утверждения в лидерстве, банда Факира буквально затерроризировала весь городок. Никто, ни один житель не мог чувствовать себя спокойно, и защищено. Члены банды нагло отнимали у хозяев приглянувшиеся им иномарки. Тех, кто пытался воспротивиться произволу, скручивали на глазах у прохожих, забрасывали в багажник. Упрямцев вывозили за город и жесточайше избивали. Затем, застрашав жертву, везли его к нотариусу и вынуждали выдать доверенность на право управления. Вскоре почти вся банда разъезжала на хороших автомашинах, часть которых продавали на рынке, а деньги сдавали в общак банды.

Пострадавшие, униженные хозяева бесполезно обращались в милицию. Все было схвачено Факиром на уровне начальника. Другие, опасаясь мести, расправы над членами семьи вовсе не делали попыток пожаловаться.

Случай происшедший с известным в городе спортсменом-биатлонистом потряс всех.

Сергей был членом сборной России, чемпионом мира. Горожане гордились именитым земляком, любили его за отзывчивый характер и добрый нрав. Весь город радовался за парня когда ему за высокие заслуги в спорте от имени города подарили новую «Жигули». И вот на эту автомашину положили глаз нена сытные «факиры».

«Факиры» гуляли в тот день в местном, уютном ресторанчике, куда за женой, работавшей в том ресторане, заехал Сергей.

За накрытым столом буйствовали бандиты. Старшим был сравнительно недавно пришедший в банду, но успевший утвердить свой авторитет – «Бульдозер». Это был высокого роста, широкоплечий блондин. Прошедший жестокую подвальную школу кулачных боев, он по праву считался одним из сильнейших бойцов среди «факиров». Но сегодня звено Бульдозера гуляло и ему очень хотелось вновь отличиться перед робеющими его необузданного нрава молодыми бандитами. Вот тут и повстречался ему вошедший, ничего не подозревающий Сергей.

Увидев развалившихся в креслах бандитов, некоторых из которых он знал в лицо, парень кивнул им здороваясь.

– Ты кто таков? – грубо спросил Бульдозер.

– Не заводись, это же свой, Серега, чемпион мира по биатлону, – пытался остудить главаря один из молодых.

– Ты че, адвокат что-ли в натуре? Или он за себя не может сказать? – и вспылив обратился к сдортсмену.

– Че не отвечаешь, тебя же спрашивают?

– Меня зовут Сергей, – спокойноотреагировал парень, – если хочешь, давай познакомимся.

– Ну, тогда садись за стол, не будешь же ты знакомиться стоя. Сергей неохотно присел на край стула, протягивая руку.

– Бульдозер, – представился главарь и потребовал.

– Налейте Сереге, выпьем со знаменитым человеком.

Бандиты рассмеялись.

– Спасибо я не пью, – вежливо отказался Сергей.

– Да ты, в натуре упертый, брезгуешь с нами выпить!

– Я не брезгую, я готовлюсь сейчас к ответственным соревнованиям, и потому мне надо соблюдать форму

– Форму, говоришь. А мы че, выходит не в форме? В принципе можем провериться, мы хоть и не чемпионы, но по рогам дать можем.

– Да нет, ребята, вы меня не так поняли. Я совсем не хотел вас обидеть. Мне действительно нельзя употреблять спиртное и тем более я за рулем.

– Да он в натуре за рулем, ему же тачку подарили.

– Да ты что? – изумился Бульдозер, – че-то нам никто ничего не дарит.

– Ну ладно, ребята, не обижайтесь, я пошел, я всего-то за женой приехал.

Сергей поблагодарил за приглашение, стал из-за стола и зашагал через зал.

Неудовлетворенный Бульдозер курил сигарету и, похмыкивая, смотрел недобрый взглядом в спину удалявшемуся парню.

– Жена у него красивая телка, – с восхищением произнес один из бандитов. Этой фразы хватило, чтобы взорвать чашу самолюбия главаря.

– Вот, гад, везет же. И машину ему подарили и жена у него красивая. Надо наказать спортсмена, чтобы знал свое место. Приготовьтесь, сейчас выйдем вместе с ним, посмотрим его тачку.

В это время Сергей возвращался с женой, держа ее за руку обратно через зал. Ему бы выйти на улицу через черный ход. Но он постеснялся своей жены, не хотелось выглядеть в ее глазах трусом. Хотя она сразу, как только увидела мужа, обеспокоено произнесла.

– Зачем ты присел к этим парням. Это же известные беспредельщики, бандиты. Давай уйдем через задний ход.

– Не беспокойся, все будет нормально. Они к нам не пристанут. Пойдем.

«Факиры» поднялись вслед за прошедшей парой. И пошли сзади, оценивая изящную фигурку жены спортсмена. Один их молодых «факиров» неоднократно делал попытки сблизиться с красивой девушкой. Но серьезная молодая женщина деликатно отклоняла их. Сейчас, чувствуя себя «крутым» среди своих бандитов, он куражился.

– Бульдозер, гляди как у нее крутится зад. Я не выдержу, кончу.

– Не пачкай брюки, сейчас вместе кончим в нее, произнес, подавая надежду Бульдозер. На улице, они подошли вплотную к автомашине Сергея.

– Может подкинешь нас, как никак познакомились.

– Но четверым нельзя сзади, ГАИ за это сразу права отберет.

– Да ладно, чемпион, тебе ли бояться ГАИ?

– Ну, хорошо, садитесь подвезу, – ответил Сергей, видя что от парнейдню отделаться.

Они ехали по широкой главной улице.

– Клёвая тачка. А как со скоростью? За сколько секунд она разгоняется до ста?

– Не знаю, ни разу не засекал, – пожал плечами Сергей.

– Слушай, давай попробуем, а!

– Да нет ребята, в следующий раз.

– Да ты что, чемпион, в натуре, народ тебя вежливо просит, кончай гордиться!

– Я не могу по городу ехать с такой скоростью.

– Ну вот, мы почти на краю, че те стоит, выесть, нажми на педаль, а мы засекём время, и сразу назад.

Вконец раздосадованный Сергей, не зная как отвязаться от наглых пассажиров, решил уступить им.

Вскоре автомобиль выехал на трассу. С правой стороны в наступившей темноте стеной темнели лесонасаждения.

– Ну, давай, чемпион!

– Ребята, Сергей не успел еще хорошо освоить машину, у него нет навыков вождения. И потом мы согласились любезно довести вас. Зачем вы пытаетесь навязать свои увлечения!

– Когда беседуют мужчины, красивым женщинам лучше помолчать. Раз ты Серега неважно водишь, позволь мне сесть за

руль. Это же секундное дело, мы дольше обсуждаем. И потом, это ведь от всего города тебе подарили тачку, значит, и наша доля в ней есть.

– Ну, хорошо, садись. И давайте договоримся, что после этого я вас отвожу, куда вам надо, и мы расстаемся.

– Да какой разговор, чемпион.

– Сережа, одумайся, зачем ты доверяешь незнакомым людям. Но Бульдозер, уже усевшись, успокоил молодую женщину:

– Не переживай, милая, – и погладил ее по оголенной части бедра.

– Ты, что себе позволяешь?! Сережа!

– Слушай, ты! – взорвался Сергей, рванувшись с заднего сидения к наглецу

– Успокойте его! – выкрикнул бандит, рванув автомобиль с места.

Он нажимал газ до упора, свернув вправо направляя машину в глубь лесонасаждений.

– Сережа, куда он едет?

– Ты куда, гад?

– Да заткните вы его! – заорал главарь. Автомобиль пролетел на бешеной скорости еще около километра и остановился.

– Все бензин кончился.

– Какой бензин? Сережа!

Но Сережу уже выволокли из машины и вырубили, обрушив на него град ударов, свалив с ног.

– Что вы делаете, подонки? – кричала жена Сергея.

– Заткнись, сука! – Бульдозер изо всей силы хлестнул ее по щеке, от чего молодая женщина опрокинулась на спину.

– Придержите, чтоб не корябалась! – орал взбешенный бандит, срывая с нее белье.

Держа жертву за руки, все четверо по очереди насиловали красивое молодое тело. Напрасно она взывала к лежавшему без сознания мужу, просила о пощаде. Только насладившись, они отпустили её.

– А ты хотел в штаны кончать! – укорил Бульдозер молодого, – смотри какие ножки, а то обидно, что одному чемпиону досталось. Теперь и мы немножко попользовались.

Бандиты заржали шутке главаря.

В желтом молочном свете молодой луны лежало истерзанное тело женщины, содрогаясь от рыданий.

– Подонки, сволочи! – стенала она, – завтра же вы сядете на скамью подсудимых. «Факиры» в ответ ржали.

– Что ты сказала, стерва? Угрожать вздумала? – Бульдозер вновь наотмашь хлестнул по щеке лежащую под ним женщину.

– Слово пикнешь, мы тебя на куски изрежем!

Вскоре весь городок знал о случившемся с их знаменитым земляком и его женой. Она пыталась покончить с собой, но ее успели спасти. У Сергея бандиты отняли машину. Ни милиция, ни общественность никак не отреагировали на этот чудовищный беспредел. Город затаился в страхе.

АМИР

После короткого разговора с Факиром, Амир, получивший пропуск в банду, теперь все дни сопровождал Культю. На него пока смотрели настороженно, никак не воспринимая.

Культя целыми днями раскатывал на новенькой «девятке», в сопровождении двух молодых и Амира, выполняя различные поручения главаря.

Факир, упорядочивший структуру банды, разделив ее на бригады, теперь каждый вечер давал подробные инструктажи бригадирам. Он разбил город по секторам и закрепил их за бригадами. В их обязанности входило выбивать оттуда чужие группировки, загоняя освободившихся коммерсантов под свою крышу.

Пытаться влезть в долю к нуворишам, собирать дань и устраивать разводки нуворишам.

Над бригадами стояли Культя, Чечен, Квадрат. У Чечена были свои молодые, в их обязанности входило ездить на стрелки с конкурирующими группировками. Как правило, эти стрелки теперь носили мирный характер, но тем не менее могли в любой момент закончиться стрельбой.

Квадрат занимался оперативной деятельностью внутри банды. Порой он исчезал куда-то, и как раз в эти дни в городке вспыхивали коммерческие магазины, озаряя темноту ночей ярким пламенем. Из проносящегося автомобиля без номерных знаков, гремели длинные автоматные очереди и, кружась в воздухе, летели в сторону киосков гранаты.

По утрам перепуганные ночными выстрелами обыватели, на-

талкивались на сторевающие остоны «комков» и зияющие черным зевом выгоревшие окна.

Милиция делала вид, что предпринимает попытки установить личности нападающих, тщательно опрашивая свидетелей, хронометрически выверяя время. Но желающих быть свидетелями, находилось все меньше из-за страха.

Культиа, выполняя поручения Факира, в основном занимался экономической разведкой и вербовкой ментов. Он тщательно подчеркнуто хорошо одевался, следил за тем, чтобы молодые, сопровождавшие его, прилично выглядели. Его день был расписан буквально по часам и состоял из встреч и переговоров с директорами фирм, кооперативов. Порой он ездил на встречи в офисы, только начинающие появляться в то время. Но зачастую он назначал переговоры в ресторанчике. Культиа обладал способностями дипломата, он мог изобразить из себя воспитанного, порядочного молодого человека, понимающего толк в бизнесе.

Культиа интересовали возможности организации совместного вложения денег. Амир и молодые во время бесед сидели за отдельным столом, не вмешиваясь в разговор.

Амиру Культиа периодически выделял небольшие суммы, на которые он снял скромную однокомнатную квартиру, уставленную старой мебелью. В принципе пока его все устраивало, так как на родине он был в розыске за драку, и появиться там пока не мог.

Все свободное время продолжал посвящать тренировкам. Теперь он тренировался в подвале, где уже несколько лет совершенствовались «факиры». Многие бойцы выглядели довольно неплохо, даже эффектно. Молодые, накачанные, они с утра до вечера колотили груши, работали на лапах и спарринговали в парах.

Порой Факир проводил рейтинговые поединки на голых кулаках, формируя в солдатах злость, кровожадность и самое главное ломать всякого, кто встает на пути – за деньги. Во время этих боев, устраиваемых по принципу гладиаторских, работал тотализатор, и все желающие могли ставить на того или иного бойца.

Амир чувствовал, что молодые поглядывают на него с некоторым чувством превосходства в связи с тем, что он сравнительно недавно в банде и у него нет никаких заслуг.

Ситуация складывалась таким образом, что ему необходимо было утвердиться, завоевать уважение. И он решил участво-

вать в следующих рейтинговых боях. Лидировал среди молодых Бульдозер, а также еще несколько парней, заслуживших репутацию сильных. Но они не были бригадами. Бульдозер же был непобедимым бойцом и, кроме того, бригадиром. Авторитет его стремительно рос, а в городе его считали самым ярким беспредельщиком. Наглый, самоуверенный, от природы туповатый, он и в самом деле оправдывал свою кличку, стараясь встать на равных со старыми лидерами банды Культей, Чеченом, Квадратом.

Неоднократно старики осаживали зарывавшегося молодого, указывая ему стойло. Но буйная природа наглеца не давала ему покоя. Он был очень амбициозен.

И все-таки Чечена он побаивался. Уж очень лютый был противник, а главное – коварный. Ничего не стоило Чечену, обнимая при встрече, заглядывая в глаза с притворной радостью, воткнуть свободной рукой нож в спину. А потом мог равнодушно глядеть в мутнеющие зрачки жертвы, ничуть не содрогаясь.

Перед Факиром Бульдозер преклонялся. Однако уважения не проявлял, а считался, чувствуя за ним больше опыта, ума, связей.

Амир умышленно тренировался вполсилы, не раскрывая своих основных качеств: скорости, выносливости. Да и приемы, те, которые он отточил в армии на пленных духах, он до поры до времени не раскрывал. Это были его козыри, и он держал их про запас.

В день, когда должны были состояться бои, они приехали с Культей с переговоров прямо в спортзал. Зал был полон людей, почти все «факиры» были в сборе. Многие, те, которые собирались сегодня участвовать, проводили разминку. Уже готовился список готовых драться. Работал тотализатор, собирались деньги и определялись ставки.

Амир решил не заявляться преждевременно, чтобы не тратить силы на предварительные бои. Потому что видел на тренировках Бульдозера и не сомневался в том, что ему придется драться именно с ним. Нельзя было недооценивать соперника, особенно такого. Он решил ждать.

Тем временем начались стычки первых пар. С первых же минут подвал наполнился шумом и ревом подбадривающих болельщиков. По условиям на противниках не должно было быть ничего, кроме плавок. Сквозь шум и гвалт слышались глухие удары, лязг челюстей и короткие хакающие выкрики дерущихся.

Толпа жаждала крови, и потому каждый диким ревом требовал от бойца, на которого поставил – бить, ломать, выкручивать.

Факир сидел в окружении двух молоденьких соблазнительных путан, ярко раскрашенных, и лениво наблюдал за ходом поединка. Взволнованные девочки выкатывали глаза, вскрикивали тонким фальцетом, хлопая отчаянно в ладоши, взвизгивали и кидались на шею Факиру.

А поединки тем временем приобретали яростный и жестокий характер.

Кулья заговорщически поглядывал на Амира.

– Что, Душман, выдержишь против таких? В штаны не наде-лаешь?

– У меня нет сменных брюк, – хмурился в ответ Амир.

Невысокого роста худощавый паренек, стремительно передвигающийся на импровизированном татами, вдруг ловко, круговым движением ноги, подсек противника, опрокинув его на спину. Еще мгновение, и он взлетел вверх, опускаясь с бешеным криком поверженному на грудь, вонзая в него жесткие пятки.

Лежащий под ним безжизненно распластался, конвульсивно дернув ногами. Зал загудел от восхищения, а победитель, возбужденно прыгая от радости, убежал в раздевалку.

На татами вышла новая пара. Оба крепкие, накаченные, они стояли друг напротив друга и свирепо следили за малейшим движением соперника.

Светловолосый, с широкими плечами, вдруг неожиданно нанес удар левой ногой прямо в голову противника. Паренька качнуло, но он устоял на ногах и тут же ответил, обрушивая град ударов руками и ногами на светловолосого.

Светловолосый, не ожидавший такой бурной атаки, невольно отступил, предпринимая попытки защититься. И когда темп атаки угас, он вдруг ударил неожиданно с разворота пяткой в грудную клетку. Слышно было, как хрустнули ребра и паренек, переломившись в пояснице, припал на колени. А светловолосый мгновенно подпрыгнув, нанес сокрушительный удар локтем в шейный позвонок. Паренек рухнул, уткнувшись лицом в окровавленное татами. Все было кончено. Светловолосый победитель что-то ревел в ответ возбужденным зрителям, а проигравшего, подняв за руки, за ноги унесли.

Среди зрителей, сидевших кто на корточках, кто прямо на полу, сновали, расталкивая, ловкие, коротко остриженные пацаны, собирая деньги, записывая ставки.

Объявили следующую пару. На татами вышел высокий плотный амбал кавказской национальности с татуировкой на груди. Мышцы буфами перекачивались под кожей, сплошь заросшей волосами. Это был дикий и безжалостный боец. За короткое время нахождения в банде, Амир уже дважды успел вступить с ним в конфликт. Он слышал от Кульги, что Грузин заслужил себе авторитет на одной из «стрелок» с «южанами», где он первый открыл огонь и ранил двоих. Кроме того, что он, не задумываясь, нажимал на курок, Грузин умел хорошо и жестоко драться. Об этом свидетельствовала вся его внешность: густые брови, нависшие над глубоко спрятанными глазами, широкий приплюснутый нос, жесткие губы, выдвинутый вперед подбородок и мочки ушей, сросшиеся со скулами.

Его соперник был ниже ростом. Парень увлекался борьбой, так как сразу после удара гонга, он бросился в ноги Грузина. Ему удалось захватить и сбить Грузина на пол. В яростной схватке то один, то другой, рыча от злости и бешенства, оказывались наверху. Борец пытался захватить мощную руку амбала и провести ему болевой прием. Однако прием никак не удавался, и Грузину удалось вырвать изрядно потрепанную руку. Обезумевший от боли, Грузин принялся наносить крутящемуся под ним словно уж борцу, удары руками, коленями, локтями. Вскоре лицо у борца напоминало сплошную кровавую маску. Кровь лилась из рассеченных бровей, носа, из разбитых губ. Однако борец не сдавался, и тогда Грузин, уловив момент, нанес сокрушительный удар кулаком в пах противнику. Этого было достаточно. Скрутившегося от боли, воющего борца под руки увели с татами, густо забрызганного черной кровью.

Некоторое время туда никто не выходил. В зале немного поunyались страсти, кто-то усердно вытирал тряпкой кровь. И вот тут вышел Бульдозер.

– Это мой бой – прошептал Амир.

Кульга удивленно вскинул голову, недоверчиво оглядывая Душмана снизу вверх. В его глазах вначале промелькнуло недоверие, затем интерес, и он закричал на весь зал:

– Душман против Бульдозера! Ставлю пятьсот рублей на Душмана!

Удивленный Факир на мгновение забыл о своих спутниках, и вполоборота повернулся к возбужденному Кульге.

– Ставлю тысячу рублей на Бульдозера, – проговорил он.

Зал загудел как пчелиный улей. Все задвигались, засуетились, подтягиваясь, подползая ближе. Из раздевалки, сверкая лиловыми синяками, ковыляя на разбитых ногах, стали выползать уже отодравшиеся бойцы. Никто в этом зале не смел рассчитывать на победу над Бульдозером, даже мощный Грузин.

А Душман тем временем сбросил с себя все, и, оставшись в одних плавках, выскочил на татами. Он стоял перед высоким широкоплечим Бульдозером, впервые так близко. Будучи сам не маленького роста, Амир почувствовал разницу в длине рук и ног, и внушительные габариты соперника.

Бульдозер был редкий экземпляр. Под метр девяносто он легко жал штангу, лежа на скамье, весом в сто семьдесят килограммов. Воспитанный у матери-пьянчужки, без отца, а потом в подвале под чутким оком Факира, Бульдозер был беспощадным солдатом Факира. Ему было все равно – бить, резать, стрелять. С детства усвоивший железные правила, внушенные лидером банды, убирая с дороги всякого, кто стоит на пути, Бульдозер снисходительно осматривал новичка, примериваясь как удобнее сломать ему шею.

В зале стояла тишина, и только удар гонга, словно наркотик, мгновенно подействовал на затихших зрителей. Молодые закричали, натравливая его на новичка:

- Сломай его, Бульдозер!
- Завали его!
- Поломай ему ребра!
- Сделай его, Бульдозер!

Накрученный ревом толпы, Бульдозер стремительно бросился в атаку. Его мощные ноги, словно поленья, летали над головой Амира, рассекая воздух. Амир как мог, уклонялся, и все же пропустил «маваши» в голову, который буквально потряс его. И хотя он умел держать удар, в голове как будто что-то лопнуло, загудело, и татами вместе с Бульдозером закачалось, выбиваясь из-под ног. Он сделал несколько длинных прыжков назад и в стороны, уворачиваясь, словно от жатки комбайна, неумолимодвигающегося вперед.

Еще один злой удар был пропущен Амиром под коленную чашечку. Его скосило, словно от взмаха отточенной литовки, и он рухнул, кувыркаясь через голову, вылетел за пределы ковра. Стены подвала дрожали от рева толпы:

- Добей его, Бульдозер!!!

Слышно было, как кто-то кричал тонким пронзительным голосом, что ставки удвоились.

И тогда Амир вспомнил своего афганского старшину, грозного Хандохина. Ковыляя, сильно западая на пробитую ногу, он вышел на центр, и вновь осмотрел с головы до ног стоявшего перед ним соперника. Стремительно выпрыгнув вверх, он влетел в объятия не ожидавшего такого приема Бульдозера, обхватив его двумя ногами за талию, а двумя руками обняв за шею. Его голова оказалась прямо на уровне лица Бульдозера. Резко отклонившись назад, он, что было силы, нанес сокрушительный удар головой в лицо врага. Лобовой костью Амир почувствовал, как хрустнул, расплющиваясь, сломанный нос Бульдозера, а губы лопнули на части, и в лицо Амира брызнула злая молодая кровь претендента. И тогда он отпустил руки, продолжая обвинять Бульдозера ногами за талию, резко бросил тело вниз, головой к полу и двумя руками подсек прямо под пятки ноги врага.

Бульдозер рухнул, словно спиленное дерево, с грохотом ударяясь о жесткие доски. Еще секунда, и мощный пресс Амира поднял его над повергнутым Бульдозером, и, словно протыкая врага шпагой, Амир нанес ему удар «цки» прямо в яренную впадину. Голова Бульдозера подскочила вверх и с безжизненным стуком опять упала. Вокруг него расплывалась кровавая лужица.

Все было кончено.

Молодые из бригады Бульдозера, выскочившие возмущенные победой над их лидером, набросились на Амира. На татами закипела драка.

Факир, поставивший на Бульдозера, был зол на новичка за проигранные деньги, поэтому не вмешивался в нечестный бой. Он продолжал потягивать из бутылки пиво, наблюдая за тем, что происходит.

Амир не чувствовал боли. Он не такое прошел в Афгане. И только бешеная злость вынуждала его вертеться, словно сумасшедшего шамана, что-то яростно выкрикивающего, втыкая руки и ноги, ставшие его оружием, в набегающие физиономии врагов.

Драку остановил Культя, поставивший на Душмана, и выигравший.

После боя принявшего душ Амира, опасавшегося нападения со стороны молодых, вызвал к себе Факир.

Факир сидел в своей штабной комнате, хорошо, по тем временам, обставленной. Ему прислуживали те же девицы, что сопровождали его во время тотализатора.

Амир вошел в сопровождении Культи.

– Присядайте, есть разговор.

За свое недолгое пребывание в банде, Амир успел убедиться в том, что Факир был жестокий и изворотливый лидер. Его слово было законом для всех. Факира боялись. Он ежедневно, ежечасно, ежеминутно требовал беспрекословного выполнения поставленных задач, при этом подчеркнуто унижая подчиненных. Рядом с ним неотлучно находились двое всегда вооруженных обрезам, готовых стрелять во всякого, кто смеет прекословить главарю.

Сегодняшний бой явно не понравился Факиру, потому что Душман поколебал устоявшийся авторитет Бульдозера. А у Факира были свои расчеты на бригадира. Кроме того, он проиграл деньги, и теперь ему хотелось, чтобы Душман отработал их.

Последние дни ему поступали тревожные сведения из милиции о том, что молодой въедливый оперативник копает, расследуя дело биатлониста. Оперативнику удалось получить показания потерпевших, результаты судмедэкспертизы, заявления свидетелей, имена которых он держал в тайне. Сыщик, минуя свое прямое руководство, уже неоднократно был замечен в Прокуратуре, где его лично принимал недавно появившийся в городе новый прокурор. Факиру уже поступил сигнал о том, что последний неподкупен и, придя в их город, поставил перед собой и своими сотрудниками задачу покончить с бандой. Поэтому главарь решил разобраться с молодым опером и поручить это дело, в целях проверки, новичку.

– Вот тебе адрес, – Факир положил на стол измятую бумажку и небольшую фотографию, – запомни это лицо. Ты должен выследить и сделать из него отбивную. Это на первый раз. При этом предупредишь, что если он и дальше будет таким активным, тогда мы застрелим его жену. Если он не утомонится, мы убьем ребенка, а затем самого. Дрозд будет все это время рядом с тобой. Он – мои глаза и уши, и если ты сделаешь что-то не так, он там же тебя прикончит. Деньги, которые ты получил сегодня, для тебя незаслуженно велики, поэтому считай их авансом вот за это поручение. Сделаешь все правильно – получишь мою благосклонность. Ты еще никто среди нас, авторитет нужно завоевывать. Через неделю доложишь мне о том, что все сделано правильно. Культа, это твой подопечный, и ты за него отвечаешь. А теперь не мешайте мне отдыхать.

Целую неделю Амир вместе с сопровождавшим его неотлучно Дроздом, следил за домом, в котором жил оперативник. Они вели наблюдение из машины, припаркованной так, чтобы не привлекать к ней внимание, с чердака соседнего дома, поминутно выверяя распорядок дня жертвы.

Вскоре они уже знали, во сколько он выходит из дома. Вместе с ним всегда шла его жена, молодая женщина. Они вели за руки мальчика лет пяти. Потом на остановке расставались. Женщина с ребенком уезжала на автобусе. Опер быстрым шагом торопился на работу. Возвращался домой мент всегда в разное время. Подолгу засиживался в кабинете, его непросто было достать во время дневных перемещений по городу. Так что караулить нужно было в его же подъезде, в момент возвращения домой.

Поначалу Амиру была не по душе задача Факира. Одно дело – бой с Бульдозером, другое дело – покушение на сотрудника милиции. Однако он уже влез в банду, увидел ее могущество, власть в городе. И деньги, которые легко давались, ему не захотелось теперь потерять.

Прошедший суровые дороги Афгана, многократно участвовавший в боевых с «духами», ожесточившийся за прошедшие годы, он сам мог безжалостно проливать кровь любого, вставшего поперек. Ему ничего не стоило передавить тонкую шею следовавшего за ним Дрозда и уйти из города. Однако Амир, рассмотревший структуру, теперь уже точно знал все ее слабые и сильные стороны. Он сам мог стать одним из лидеров. А так как он считал себя настоящим «коммандос», знал свое умение применять оружие, он не сомневался в том, что со временем займет лидирующую роль в банде. Поэтому он должен исполнить приказ Факира.

Сегодня был седьмой день. Завтра Дрозд должен рассказать Факиру, что его приказ исполнен в точности. Поэтому они поджидали сыскаря, сидя в машине, недалеко от его подъезда.

На улице уже сгустилась темнота. В окнах домов, вспыхивая, загорался свет. Загорелся свет и в окнах оперативника.

Дрозд нервничал. Для него эта неделя была мучительной и долгой. Привыкший все время сопровождать главаря, он проводил свое время, разделяя веселье лидера и пользуясь роскошествами со стола Факира. Поэтому он злился, и каждый день торопил Душмана, злобно шипя ему на ухо:

– Чего ты тянешь? Давай сегодня скрути ему кадык. Или, мо-

жет, ты хочешь слинять? Так смотри, я сразу же отстрелю тебе башку.

Амир отмахивался от бандита, как от назойливой мухи. Для него ожидание не было тягостным. Он там, в Афгане, привык сутками вылеживать на крутых горных хребтах, затаившись, под раскаленным солнцем, в ожидании каравана. Поэтому он не спешил.

Двор обезлюдел. Даже бабки, сидевшие целый день на скамейках у подъездов, разбрелись по квартирам.

Но вот, наконец, и он. Среднего роста, худощавый. Амир его узнал, несмотря на темноту, по походке.

– Приготовься, – толкнул он Дрозда, – я сейчас выйду, ты иди позади меня шагов на десять. Когда он зайдет в подъезд, я с ним разберусь.

Оперативник что-то тихо посвистывал себе под нос, и шел торпливым размашистым шагом. Видно было, что он спешил домой к своей жене и ребенку.

Амир беззвучно открыл дверцу машины, и пошел, следуя на расстоянии. И как только опер подошел к подъезду, Амир негромко окликнул его. Он уже был всего в трех шагах от человека, которого преследовал. Подняв ворот свитера вверх, прикрыв им лицо, он вплотную подошел к оглянувшемуся на его оклик и нанес сокрушительный удар ребром ладони по сонной артерии.

Оперативник беззвучно стал заваливаться набок. И тогда Амир стал избивать его одетым на руку кастетом с острыми шипами, по голове, по ребрам лежащего под ним человека. Слышно было, как треснули сломанные кости ключицы, как хрястнул под ударом нос. Амир, оглянувшись на Дрозда, нагнулся к уху стонущего мента, еле подающего признаки жизни, зло и отчетливо проговорил:

– Если будешь копать дело биатлониста, сначала убьем твою жену, затем ребенка, а потом и тебя. Понял? – и изо всей силы нанес удар кастетом в челюсть, сокрушая ее, и отключив из сознания молодого пытливого сотрудника.

– Скорей, – шипел Дрозд, – бежим!

Они за секунды преодолели расстояние до автомобиля, выделенного им для проведения операции. Дрозд прыгнул за руль, включая зажигание. Машина взревела и, ломая кустарники, развернувшись, рванула под темную арку и скрылась из вида.

Дрозд высадил его недалеко от дома, где Душман снимал квартиру. По пути он выбросил в окно окровавленный кастет.

Дома Амир принял ванную, тщательно отмыл руки от крови, осмотрел одежду и убедился, что на ней не было крови. И только после этого почувствовал усталость от прошедшей недели, растянулся на кровати и мгновенно безмятежно уснул.

На следующий день с утра затрещал телефон. Звонил Культя. Он коротко сказал в трубку:

– Факир доволен тобой. Я сейчас заеду, будь готов. Ты заслужил отдых.

Собираться Амиру было просто. Сполоснув лицо под холодной водой, он провел мокрыми ладонями по жестким волосам, приводя в порядок прическу. Заглянул в зеркало и остался доволен собой. Светлая кожа была упругой и гладкой. Мышцы буграми перекачивались под ней.

Весело негромко подпевая проследовал на кухню зажег под чайником газ.

«Я его сделал», – неприязненно подумал он о Бульдозере – «Щенок, возомнил из себя крутого».

Амир понимал, что нажил себе смертельного врага. Молодой авторитет был очень амбициозен. Проиграв Амиру, он несколько уронил свой авторитет как боец. И за это он постарается взять реванш. Причем это будет теперь не на татами. Возможно они нападут на него толпой, а могут просто пристрелить из-за угла.

«Ну, ничего, Культя обещал подогнать ствол. Тогда я с ними справлюсь». Афганский опыт давал ему право так думать.

Пока Амир размышлял, прихлебывая чай, в дверь постучали. Это был условный стук, можно было смело открывать, так как кроме Культи этот стук никто не знал. Однако осторожный Амир на всякий случай прихватил все-таки большой кухонный нож.

– Кто? – спросил он, тихо подкравшись, пытаясь угадать, сколько человек за дверью.

– Открывай, братуха, это я.

Амир щелкнул замком. В приоткрытую дверь прошел Культя. Еще до срока авторитет долгое время ходил с загипсованной рукой. Во время драк он беспощадно лупил, словно култей, гипсом. За что и получил кличку.

Культя был одним из старых членов банды. Он был спортивно сложен и хотя невысок ростом, его подтянутость создавала об-

ратное впечатление. Авторитет тщательно следил за собой, и несмотря на то, что «факиры» предпочитали ходить в спортивных костюмах, Культя носил строгие, модные костюмы и обязательно галстук.

Увидев в руках Амира нож, он одобрительно кивнул головой.

– Здорово, братуха!

– Привет, брат, – Амир отбросил тесак и обнял приятеля.

– Ты готов?

– Как видишь, по твоей команде.

– Ну, поехали, сейчас заскочим в пару мест, а потом перекусим. Нас будут ждать две очаровательные козочки.

Внизу, в машине Культю ожидал его охранник-водитель, лидер был оживлен и говорил не умолкая. Он сообщил, что оперативник которого покалечил Амир, лежит в больнице с переломами и тяжелым сотрясением мозга.

– Это последний удар был тяжелым.

– Ты не расстроился? – с деланной озабоченностью ухмылялся авторитет.

– Расстроился. Можно я ему передачу отнесу? В какой он палате. Они весело грохнули от смеха. Водитель тоже сдержанно заулыбался.

Они заехали в крупный магазин, торгующий одеждой. Здесь Культя ненадолго отлучился. Зато на второй встрече он пробыл не меньше часа. Амир успел задремать, сидя на заднем сиденье.

– Уснул, что ли?

– Да не, просто размечтался.

– О чем гредишь? Поделись. Небось, о шикарной телке?

– Я мечтаю построить для себя рай на земле. Чтобы было денег огромное количество. Ну и неограниченная власть.

– Ого, куда тебя понесло. Каким образом? Ну, насчет лавэ, гут всё понятно. А вот во власть с нашим рылом не пустят.

– Если будут деньги, власть можно купить. Сколько это будет стоить на тот момент, видно будет.

И хотя Культя считался среди «факиров» сообразительным малым, он всё же был несколько озадачен.

– Так я что-то не до конца уяснил. Что ты подразумеваешь под раем?

– Рай на земле, – Амир говорил жестко, так что его приятель, почувствовав стальные нотки в тоне своего протеже, удивленно повернулся.

– Это, как я уже говорил, большие деньжищи! А значит все шикарное. Тачки, отели, квартира, мебель, телки, казино. Но это все, лишь половина рая, а главное власть над людьми.

Культи некоторое время пристально всматривался в лицо Амира, так будто впервые увидел. Что он при этом думал, неизвестно. Скорее всего он разглядел хищника не уступающего ему самому. Наверняка в его сообразительном мозгу промелькнула мысль о том, что этого азиата необходимо опасаться. Как минимум иметь его в союзниках. А вслух произнес:

– Хорошие у тебя мысли, Душман. Мы построим рай.

Обедали они в небольшом частном кафе, которое тоже находилось под крышей «факиров». Культи представил приятеля двум молоденьким девушкам.

– Познакомьтесь, это Амир. Афганец. А это Юлия, это Татьяна.

Судя по тому как повела себя Юлия, коротко стриженная блондинка, стало ясно, что она принадлежит Культе. Блондинка была стройной и очень эффектной. Она с первого взгляда произвела на него впечатление. От зависти рот мгновенно наполнился сладковатой слюной. Татьяна же наоборот была с распущенными волосами. Большеглазая с распухшими словно от поцелуев, капризными губами.

Говорили о разных пустяках. Будучи очень жестоким по характеру, Амир никогда не менял себя в отношениях с девушками. Тем более после того как на него произвела впечатление Юлия, ему уже не хотелось выворачиваться перед ее подругой. Он вспомнил слова своего отдаленного кровожадного предка Шынгыс-хана: «Убить врага и насладиться его женщиной».

Амир вполне разделял этот принцип. Таким он сложился к тому моменту: коварным.

Обед удался на славу. Стол был хорошо сервирован, и ломился от изобилия блюд и закусок. Пили коньяк, закусывали дольками лимона, вывалянного в сахаре. Подали хорошо зажаренный шашлык. Румяные, сочные куски баранины истекали жиром. Юлия все больше и больше нравилась Амиру. Именно такую телку он бы хотел иметь около себя. Он понимал, что пока отстает по уровню авторитета, и количеству денег от Культи. А такие телки как Юлия дорого стоят. Но Амир знал, что у него будут такие деньги. Обязательно будут. Тогда он будет роскошно одет, под ним будет шикарная тачка, а карманы набиты пачками

денег. И эта дочь крутого босса сама, как миленькая, запрыгнет к нему в кровать. Он сделает все для того, чтобы подняться по иерархической ступени вверх. Станет бригадиром, затем одним из лидеров. А если надо... Об этом пока еще страшно, да и рано думать. Но придет время... Ничто его не остановит. Он прошел Афган, пока эти сосунки смотрели телевизор или гнили в своих вонючих зонах. А он в это время умирал от жажды на лысых скалах неприветливых чужих гор.

«Ах, какая у нее улыбка! Белоснежные ровные зубки. Слово россыпь жемчуга. Как озорно торчат ее крепкие небольшие грудки. Она вызывающе красива. Какой изящный, тонко вычерченный носик», – продолжал он восхищаться, не отрывая взгляда. Сделав над собой усилие, Амир с трудом отвел взгляд от ослепительной спутницы приятеля. Татьяне он уделял внимание неохотно, почти не вглядываясь в лицо предназначенной для него девушки.

Еще в машине Культя предупредил приятеля.

– Братуха, имей в виду я с ними сам недавно знаком. Одна из них местная, вторая моя. Она приехала из Москвы к первой. Они подруги. Эта москвичка – дочь большого босса в столице. Крутая девка. Она нужна мне.

Тщательно маскируя взгляды, бросаемые на белокурую богиню, Амир наблюдал за тем, как его приятель ухаживал за ней. Культя подкладывал ей в тарелку салаты, подавал приправу, подливал в бокал, делая все это легко и непринужденно. Его раздражало поведение Культи, потому что он понимал, что сам не обучен таким светским манерам. Он злился.

Когда ему было изучать то, как правильно держать нож и вилку? Там, в Афгане, нужно было учиться хорошо убивать, и Амир прекрасно освоил эту науку.

Была у него там «чекистка» Вера. Она не отказывала никому, кто платил ей. Бывало, за день или за ночь, она зарабатывала кучу чеков. Амир, возвращаясь с боевых, всегда приносил ворох импортного барахла. Он обменивал все это «мешочникам», а потом ночью крадучись, как вор, относил их Вере. На этих чеках была кровь «духов» и его погибших однополчан. Он зверел от этой мысли и беспощадно драл Веру, как бы вымещая на ней всю свою невольную злость. Амир помнил, как всякий раз, возвращаясь от Веры, ему хотелось выть на горы, темнеющие враждебными выступами, – так ему было плохо от этих унижительных процедур.

Пытаясь поухаживать за Татьяной, он наблюдал за Юлией, и сделал для себя открытие. Она напоминала ему Грету. Его прекрасную белокурую немку.

Закончив обед, они направились поплавать. Бассейн был стандартный. Теплая голубая вода, казалось, ждала их. И когда вышла переодетая в купальник Юлия, невольный возглас восхищения вырвался из груди «афганца».

Она была словно выточенная из белого мрамора изящная статуэтка.

Все внутри вскипело, бурля, клокая от желания покорить эту красавицу. Сделать ее красивой ручной хищницей. Подчинить ее себе, обладать ею. Он убьет всякого, кто встанет на его пути.

Амир недобро посмотрел на Культию. «Рано. Придется немного подождать», – подумал он, скрипнув зубами.

Юлия, увлеченная Культией, не обращала внимания на Амира. И это приводило его в бешенство. В конце концов разъяренный, он забрал липнувшую Татьяну и увел в массажный кабинет, и там, выпив подряд две полные рюмки водки, оторвался на испуганной девушке.

БАНДА В МОСКВЕ

После победы над Бульдозером и разборки с оперативником, авторитет Амира стремительно вырос. Сам Факир на одной из общих разборок, на которой присутствовали члены многочисленной банды, объявил о том, что именно Душман разобрался с опером.

Этот опер уже отлежался в больнице и на данный момент утомился.

– Вот так надо поступать с упрямыми. Они должны почувствовать нашу силу и наше влияние. Если мусор копает под тебя, не надо убивать мусора сразу. Вначале надо убить его жену, потому что жену можно найти заново. Если же он не утомится, убить его ребенка и сразу же убить его. Душман заслужил право называться одним из нас. Относитесь к нему так, как он этого заслуживает.

После этого разговора большинство стали признавать Душмана, здоровались с ним, подавая руку, интересуясь, как у него дела. Большую роль в возрастании его авторитета сыграл тот

факт, что он, в принципе, становился правой рукой одного из лидеров и ветеранов банды – Культи. Культию безоговорочно признавали, потому что сам Факир благосклонно относился к Культе и всегда подчеркивал его ум и способность к дипломатии. И только «молодые» Бульдозера и сам он не могли, да и не стремились скрыть ненависти к Душману.

Бульдозер собирался взять реванш за проигранный бой, поэтому ежедневно тщательно тренировался. Он не мог допустить того, что теперь не он сильнейший боец. Было по самолюбию то, что какой-то выскочка азиат, совсем недавно появившись, стремительно взметнулся вверх, и что сам Факир продвигает его повышение. Бандит дал себе слово при первой же возможности отомстить Душману.

В один из дней Факир собрал в своем кабинете всех лидеров банды и бригадиров, и устроил совещание.

Вначале он расспросил «бригадиров» о состоянии дел в их бригадах, выяснил количество людей. Он очень долго и тщательно выпрашивал семейное положение того или иного члена, обеспеченно ли живут его родители, требовал с «бригадира» краткую характеристику, срок пребывания в банде, его спортивные результаты, какими поступками он зарекомендовал себя.

Это было долгое совещание, начавшееся в полдень, которому к вечеру еще не виделось конца. Факира интересовало количество автотранспорта в каждой из бригад, какие машины и на кого они оформлены, техническое состояние автомобилей.

Затем потребовал от бухгалтера по кличке «Кассир» отчет о суммах, собираемых каждой из бригад в отдельности. Долго и скрупулезно разбирался, почему именно такие суммы снимала бригада, из каких коммерческих структур они поступали. Его интересовало все: учредители, уровень, финансовое состояние, тема, которой занималась фирма и ее перспективы.

Чечен доложил Факиру обстановку с конкурирующими группировками. Тут все выглядело неплохо. Дело в том, что стратегия Факира была направлена на то, чтобы выдавить конкурирующие группировки из сферы частного бизнеса.

– Мы создали им ситуацию, в которой они вынужденно, чтобы выжить, полезут «крышевать» государственные конторы. Там они либо сломят шею – то есть их всех пересажают, либо они проделают за нас черную работу, загнав их под себя. Этим самым они приучат «красных директоров» к мысли, что «крыша»

неизбежна. Чтобы осуществить ту задачу, им придется быть очень жестокими, и тогда директора станут искать более лояльную, и придут к Культе. Вот в этот момент ты, Чечен, должен будешь устранить их лидера. А их пацанов подберет Квадрат.

Еще очень долго Факир разбирался с бухгалтером, уточняя, на что тратились деньги. Лоб Кассира покрылся бисером нота при объяснении затратной части.

Затем выяснял количество имеющегося оружия и боеприпасов. Ближе к полночи он объявил о том, что основная часть банды станет перебираться в Москву. Еще около часа длилось уточнение, чьи бригады будут передислоцированы в столицу. Были назначены «квартирмейстеры», Факир дал указание Кассиру выделить им денег для снятия квартир в разных районах.

Он, возмнив из себя полководца, стоял над картой столицы, тыкая в нее острой «финкой» с красивой наборной рукояткой.

– Вот здесь, здесь и здесь, должны быть сняты основные квартиры, где будут жить пацаны. Кроме этого, будут конспиративные, адреса которых буду знать только я один.

Затем приказал подготовить те автомобили, которые будут переброшены в столицу. Тут он предусмотрел все. Три шикарные тачки предназначал для своего передвижения по городу и личных стрелок. Несколько новых отечественных машин бригадам. Для работы Чечена выделить черную «Волгу», три отечественных «девятки», и один скромный, не привлекающий к себе внимания «Запорожец».

– Культя, остаешься здесь, на хозяйстве. Вместе с тобой остается Квадрат со своими. Культя, ты старший. Квадрат, в твою задачу входит сохранение существующих точек, постепенное отвоевывание жирных кусков у наших врагов. Культя, тебе нужно выдерживать дистанцию от деятельности Квадрата, чтобы у всех создавалась иллюзия, что ты занимаешься легальным бизнесом. Репутация должна быть безупречна. Твоего Душмана я забираю с собой. Он воевал в Афгане в разведке, в Москве мне нужна будет разведка. Этим он и будет заниматься там.

Факир назначил сроки выезда «квартирмейстеров» и назначил график отъезда бригад. Всего в Москву должно было выехать около пятидесяти человек.

– При необходимости, Квадрат, будешь присылать мне дополнительно людей. Если у вас тут начнут возникать какие-то проблемы, люди Чечена станут подъезжать, чтобы выправить ситуацию.

– А кто погонит тачку с оружием? - спросил Чечен.

– А вы как думаете? - хитро прищурился Факир.

– Это – самая сложная часть операции, - вырвалось у Чечена, - поэтому нужно определиться, на одной или в нескольких машинах будет осуществляться переброска. Если «спалится» одна, в которой будут все стволы, мы останемся пустые.

– Перебрасывать его одновременно в нескольких, - резко перебил Чечена Факир, – то мы будем рисковать зарекомендовавшими себя солдатами. А знаете, что мы придумаем? – Факир вновь иезуитски оскалился, – Мы повезем все оружие на одной, и поручим это дело новенькому. Я говорю о Душмане. Таким образом, если он «запалит» груз, пострадает один. За то, что «запалит», мы с него спросим, где бы он ни находился. Если благополучно довезет, значит, у него есть фарт. Это будет еще одной проверкой.

– А как мы будем добираться? – спросил бригадир по кличке «Соболь».

– Все бригадиры выедут поездом. Я вас встречу в Москве.

– А ты что, на самолете?

– Соболь, ты что, хочешь меня сдать? Это не твоего ума дело. Я доберусь туда на подводной лодке.

К непримечательному кафе с безобидным названием «Дельфин» на Кутузовском проспекте одна за другой стали подъезжать машины. Сегодня был окончательный сбор банды после ее переезда в Москву.

Факир, как и обещал, удивив «бригадиров», встречал их в столице. Для всех так и осталось секретом, каким образом он их опередил.

Около недели он отвел времени бригадам для того, чтобы они заселились и обустроились по адресам, предоставленным им «квартирмейстерами».

Сегодня с утра «бригадиры» Бульдозер, Абдулла и Соболь получили сигнал сбора. По этой команде они обязаны были обеспечить стопроцентную явку всех членов.

Скромное заведение только к вечеру заполнялось местной шпаной, проезжими в надежде наскоро недорого перекусить, молоденькими проститутками. В дневное время кафе обычно пустовало. Оно было очень удобным с точки зрения расположения, недаром Факир облюбовал его. Имелся запасной выход, от-

куда в случае чего можно было легко уйти во дворы окружающих многоэтажек.

Буквой «П» посреди зала были накрыты столы. Люди Факира стояли на входе, следили за тем, чтобы никто из сотрудников заведения не подслушивал. Когда, наконец, улеглись первые страсти и члены бригад, не видевшие друг друга с той поры как расстались, перездоровались, обнимаясь, Факир приказал всем занять свои места.

Соболь, увидев, что Факир встал, чтобы говорить, постучал вилкой по стоявшему напротив графину с водкой. Мгновенно на-ступила тишина.

– Ну, как устроились? – спросил главварь. В ответ шумно загудели, слышались возгласы:

– Нормально, Факир!

– Устроились хорошо.

– Все по высшему разряду!

– Москва – это большая богатая шлюха, ею овладеет только сильный, – Факир говорил негромко, но отчетливо, – мы приехали сюда, чтобы подмять под себя лакомые кусочки этой роскошной шлюхи. Но я вас сразу хочу предупредить, что внутри нас должна быть железная дисциплина. Трижды в день: утром, в обед и вечером, вы обязаны выходить на связь и докладывать бригадиру о том, что у вас все нормально. Каждая бригада неуко-снительно выполняет приказы своего бригадира. А теперь запомните следующее крепко, потому что от этого будет зависеть ваша жизнь. Если кто-нибудь из вас окажется замечен в употреблении алкоголя, уклонении от тренировок или не выйдет на связь по неуважительной причине, или опоздает на сбор, за эти проступки виновный будет расстрелян перед пацанами. Всем понятно?

– Понятно...

– Понятно... – зазвучал в ответ нестройный хор голосов.

– Тогда ешьте, пейте, расслабляйтесь, а у меня с бригадами еще отдельный разговор.

– За нас! – Факир демонстративно поднял наполненную рюмку водки, одним махом вылил содержимое в рот, и, выбравшись из-за стола, направился в отдельный кабинет. Вслед за ним потянулись «бригадиры».

Когда все вошли, двое боевиков встали за дверьми, охраняя лидеров. Все были серьезны, лишь только Бульдозер исподлобья бросал уничтожающие взгляды на Душмана.

«Хорошо, что они ненавидят друг друга, это мне на руку», – думал Факир, – а вслух проговорил:

– Как видите, я был прав при оценке рисков перегона машины со «стволоми». Душман с честью выполнил свою задачу, – и, уже обращаясь к Душману, притворно растягиваясь в улыбке, проворковал:

– Ты заслужил наше доверие. Вот тебе награда, – Факир бросил на стол тонкую пачку денег, – это за твой риск. А теперь смотрите сюда, – Факир расстегнул кожаный портфель, и достал оттуда уже знакомую всем карту Москвы, – Это кафе будет главным местом нашего ежедневного сбора. В мое отсутствие меня заменяет Чечен. Его приказы для вас – святы. Сбор ежедневно в обед. Вот здесь, на Московском проспекте – запоминайте, – находится небольшой парк. В него можно въехать со стороны проспекта и выехать. А вот здесь есть еще две дороги, которые уходят в микрорайоны. Это очень удобное место для запасного сбора. Запомнили это место?

– Запомнили!

– Этот район столицы называется «Лужники». Здесь есть ма-ленький, но дорогой бар. Это крайний-крайний вариант. Назовем их по порядковым номерам: кафе под шифром «Сбор один», парк – «Сбор два», бар в Лужниках – «Сбор три». В первые два пункта вы имеете право приезжать со своими охранниками. В сбор три – только сами. Бульдозер, в твоей бригаде двенадцать солдат. Под ними будут три машины, ты знаешь какие. Под тобой твоя «Тойота» и два охранника. Абдулла, у тебя три тачки. Ты свой джип передашь Душману. Нельзя бригадиру перемещаться по Москве на джипе, пересядешь на «Ниссан». Отбери себе охранников. У тебя четырнадцать солдат – все твои, двоих возьмешь у меня. Это местные пацаны, они тебе нужны, но ты их должен проверить. Теперь ты, Соболь. Двигаться будешь на скромном «Мерсе», рядом с тобой так же должно быть всегда двое человек. Говорю всем: эти ваши охранники должны быть особо проверенные люди. «Стволы» возите в задних колонках. Я думаю, со временем мы все получим официальные лицензии на право ношения оружия. Получите у Кассира лавэ и закупите необходимые пейджеры и компактные японские рации, потом отчитаетесь каждый перед Кассиром. Для отчета он с вас потребует чеки. Кассир, ты понял? А теперь ты, Душман.

– Слушаю тебя, Факир, – Амир сидел немного в напряжении. Чем-то Факир напоминал ему старшину. Крутой Хандохин там,

в Афгане, тоже был четок и резок, ставя перед разведчиками боевую задачу.

– У тебя будут четыре человека. Я ставлю тебе задачу: ты должен загнать под нашу «крышу» хорошую авторемонтную мастерскую, желательно где-нибудь на окраине. Как ты это сделаешь – твои проблемы, а мы понаблюдаем за тобой. Вот здесь, – Факир, держа в руках позолоченную зажигалку, показал на карте лесной массив, – вот здесь каждое воскресенье ваши солдаты должны тренироваться в стрельбе. Если кто-то не научится попадать точно в лоб, – спрос будет с бригадиров.

О Чечене Факир не обмолвился ни единым словом. Но «бригадиры» и так понимали, что Чечен и здесь будет заниматься тем же, чем и прежде – устранять конкурентов. Чечен привез с собой шестерых проверенных солдат.

«Видимо, они и будут под ним», – молча догадались «бригадиры».

– Этого бродягу кличут «Секретарь». Мы с ним вместе на зоне неплохо куролесили. Москвич, хорошо знает город и «жировые» места, будет моим советником по коммерческим точкам.

Секретарь выглядел очень эффектно. У него было худое, интелгентное лицо с пронзительными глазами, спрятанными за тонкими стеклами золотой оправы. Зачесанные назад жидкие волосы открывали высокий лоб. Чувствовалось что за лобной костью в голове этого человека, уместен массивный, изощренный мозг. Узкие полоски губ кривились в язвительной усмешке, всякий раз, когда он сосредотачивал свой взгляд на дюжих, недалеких умом, бригадирах Факира. Любуясь ухоженными, аристократическими кистями своих рук, украшенными золотыми часами и браслетом, Секретарь, приподняв массивный хрустальный бокал с настоящим французским вином, попросил слова.

– Братва! – сказал он, – Факир точно определил Москву. Это на самом деле супербогатая куртизанка. И отдастся она только сильному. А сильных в Москве много. Даже очень много. Здесь собрались авторитетные воры. Но это воры. У них свое. Москва раздирается на части. На нее претендуют «солнцевская» братва, «кунцевская», «ореховская», «подольская», «люберецкая», и много других, не менее мощных группировок.

Но у всех у них есть свои слабые стороны. Этим мы и воспользуемся. Я знаю Факира. И верю в его ум. Предлагаю этот тост за него.

Бригадиры дружно похватили свои фужеры, и выпили стоя за своего лидера. Затем налегли на еду.

Амир тоже с удовольствием выпил полный бокал вина и с наслаждением чувствовал, как оно начинает горячить кровь. Он внимательно наблюдал за Секретарем. Секретарь ему нравился. Но он был другого уровня бандит. Более высокого, чем Душман и все бригадиры. «У него надо учиться манерам, стилю, а главное – уму» – думал Амир.

На улице лил один из заунывных московских дождей. Бульдозер подъехал к «Дельфину» со своими охранниками для того, чтобы встретиться с Факиром. У него была хорошая идея. Секретарь навел его на крупный гастронорм, который, на удивление, был «бесхозным». И теперь он хотел обмозговать это дело с главарем. Конечно, он и сам мог «наехать» на директора этот магазин, но как рассказал ему Секретарь, директор был достаточно крут. Бульдозера настораживал тот факт, что до сих пор гастронорм оставался бесхозным, то есть не был ни под одной бандитской «крышей». Поэтому он и решил, на всякий случай, посоветоваться с Факиром.

Они с Секретарем предварительно примерно подсчитали ежедневный доход. Цифра была очень сладкой. И теперь Бульдозер напоминал бультерьера, рвущегося с поводка, роющего землю ногами, истекающего слюной, готового разорвать свою жертву на части. Он оставил охранников в машине, приказав им наблюдать за входом. Сам же прошел внутрь.

Молоденький лысый еврейчик, хозяин кафе, торопливо через весь зал прошел ему на встречу, здороваясь с ним, подобострастно растягивая в улыбке рот. Бульдозеру очень нравилось видеть страх в глазах окружающих, чувствовать себя сильным, способным растереть в порошок всякого, кто не склонит перед ним голову. Он, конечно, не знал, каким образом Факир сумел построить взаимоотношения с этим еврейчиком, но, судя по поведению последнего, тот был очень догадливый и ловкий человек.

«Видно, нагнал на него жути Факир, и лавэ пообещал хорошие, ну и плюс ко всему «крышу», – подумал Бульдозер.

– Пожалуйста, дорогой гость. Спасибо вам, что нашли время заглянуть в наше скромное заведение. Я прикажу, сейчас накроют стол. Что будете пить – вино, водку, коньяк, виски?

– Я не пью, – прорычал Бульдозер грозно.

– Понял. Проходите, пожалуйста.

Бульдозер прошел через зал и устроился за одним из угловых столов. Отсюда был отличный обзор, и в случае чего можно было уйти через служебный выход.

Факир почему-то задерживался.

Невысокая, но довольно смазливая официантка подошла к нему с блокнотом и карандашом в руках и предложила сделать заказ. В это время прямо напротив входа, скрипя тормозами, остановился «Мерседес» Факира. Из машины вышел охранник главаря, и, несмотря на дождь, неторопливо осмотревшись по сторонам, вошел внутрь помещения. Так же неспешно, метр за метром, он прощупал взглядом внутренность кафе, даже не остановив своего взора на томящемся в одиночестве Бульдозере. И, только убедившись, что все чисто поднес ко рту небольшую коробочку-рацию и разлепил губы.

Из «Мерседеса» стремительно выскочил еще один охранник, а затем выбрался и сам Факир. Не глядя в стороны, он поднялся по ступенькам, и вошел внутрь кафе, и, словно точно зная, за каким из столов сидит его «бригадир», направился прямо туда. Охранник, стоявший у входа, остался на месте, продолжая вести наблюдение.

– Рассказывай, – потребовал Факир.

– Вот здесь, на Охотном ряду, есть крупный гастроном, – Бульдозер, робея, достал из кармана клочок бумажки и положил на стол, – это Секретарь обозначил сумму предполагаемого дневного дохода, – выговорил молодой парень, технично пытаясь перевести стрелки, в случае неудачи, на Секретаря.

Факир даже не взял бумагу в руки. Он только мельком взглянул на цифру, и тут же, наклонившись почти в упор к своему «бригадиру», задал вопрос:

– Твои действия?

– Ну, я не знаю... Может быть, я заеду к коммерсанту, побазарю с ним, чтобы он нам платил?

– Как твоя кличка, – спросил Факир, изумляя молодого бандита.

– «Бульдозер».

– Так вот, никогда из трактора не выйдет дипломата. Базарить – это не для твоих мозгов. Ты – Бульдозер, вот и при, как бульдозер. Выхвати его и увези за город. Если будет платить, оставь живым, если будет упрямиться, убей его. У тебя что-нибудь еще?

– Нет.

– Тогда закажи мне что-нибудь пожрать.

Бульдозер был ошарашен – Факир отдавал приказание, касающееся жизни человека так спокойно, будто говорил о вчерашней погоде. И, несмотря на то, что сам молодой парень вообще то был безразличен к чужим жизням, тем не менее слова Факира заставили его вздрогнуть.

«Точно так между ожиданием, пока ему принесут пожрать, он может отдать приказ о том, чтобы исполнили меня», – у Бульдозера хватило ума подумать об этом.

Охотный ряд в это время суток как всегда был залит светом фонарей, неоновых реклам, светящихся билбордов.

Многочисленные прохожие были шокированы увиденным. Из служебного входа известного гастронома вышли двое мужчин. Один из них был высокого роста, широкоплечий. Он принял увесистый портфель из рук своего спутника и, направился к припаркованному темно синему «Мерседесу». В момент, когда он стал огибать машину, на высокой скорости к ним подлетела вишневая «девятка» и остановилась, словно вкопанная, едва не задев «Мерседес». Двери распахнулись и из нее выскочили крепкие парни, коротко стриженные, в кожаных куртках.

Все произошло мгновенно, на глазах у ошарашенных прохожих. Короткий шум борьбы, одного из двух мужчин забросили в салон тонированной «девятки»

Машина рванула с места, рядом с «Мерседесом» остался лежать распластанный окровавленный мужчина.

Бульдозер заранее выбрал по карте маршрут. Они ехали в сторону аэропорта «Шереметьево». По обе стороны дороги тянулись белоствольные березовые рощи.

– Вот здесь, на двадцатом километре, этот поворот. Сворачивай в лес, – приказал Бульдозер водителю.

«Девятка» плавно повернула в сторону леса. Дорога дальше пошла ухабистая, здесь заканчивался асфальт. «Тачку» трясло, Бульдозер терпеливо морщился, словно от зубной боли. «Издержки работы», – думал он.

Человек, лежавший на полу между передним и задним сидениями, начал постанывать, подавая признаки жизни.

– Да хватит, Бульдозер. Давай разберемся с ним где-нибудь здесь, куда еще дальше ехать.

– Закрой рот! – лениво отозвался «бригадир». И все же приказал водителю остановиться, – Хорош, тормози тут!

Дождавшись остановки, Бульдозер открыл дверь, и отдал команду:

– Вытаскивайте его!

Двое подручных выволокли из тесного салона пришедшего в себя мужчину.

Еще недавно лощеный, уверенный в себе, он шел под охраной телохранителя к своему «Мерседесу». У него были планы на этот вечер. Он собирался заскочить по дороге к своей любовнице и вместе с ней где-нибудь поужинать. И он никак не мог понять, что произошло. Этот лес, страшные крепкие парни вокруг. Куда его вывезли?

– Кто вы такие? – спросил директор гастронома. Тут же мощный удар сбоку заставил его буквально сложиться пополам. В грудь точно ударили кувалдой. Колени подогнулись, и бизнесмен бессильно опустился на землю. Откуда-то сверху донеслись слова:

– Мы – твоя «крыша». С сегодняшнего дня у тебя появилась «крыша». Ты должен быть рад этому. Ты рад?

– Он не рад, – донеслось сбоку.

– Дайте ему лопату, пусть копает себе могилу. Зароем его, он и так отнял у нас кучу времени. Мы же сегодня собирались в ночной клуб.

Со всех сторон на коммерсанта посыпались удары. Он упал на землю, безуспешно пытаясь закрыть голову руками. Затем его подняли и вручили отшлифованное древко лопаты:

– Копай, сука! Для себя стараешься. А иначе завалим сейчас и бросим неприбранным. Пусть тебя бродячие псы растаскивают по кускам.

Поняв, что эти парни не шутят, и пришел его смертный час, директор от бессилия заплакал. У него блестяще разворачивались дела. Он вложил в этот гастроном весь свой, прежде заработанный на коммерческих сделках, капитал. Щедро раздавая взятки чиновникам из городской мэрии, ему удалось приобрести это обветшалое здание на Охотном ряду. Сделав там первоклассный ремонт, он превратил его в современный супермаркет. «Откуда они взялись на мою голову?». И вновь сильный удар опрокинул его в уже выкопанную неглубокую яму.

– Копай быстрее! – раздался приказ. Он обернулся, поднима-

ясь с земли. Нацелив черное дуло пистолета прямо на него, злобно матерясь, стоял Главный.

– Я буду платить, – произнес несчастный, чувствуя, как противный липкий пот струится по его спине, – Я буду платить! – теперь уже громко повторил он.

На следующий день Бульдозер доложил об удачном наезде на директора гастронома.

Они сидели в «Дельфине», и Факир выслушивал доклады от своих бригадиров.

– Ну, что ж, с почином тебя, Бульдозер! – произнес довольный Факир. И в этот самый момент у молодого бригадира заверещал сотовый телефон.

Бульдозер вопросительно посмотрел на Факира, как бы спрашивая разрешения.

– Ответь, ответь! – позволил главарь. Бульдозер включил сотовый и поднес его к уху. Выражение лица его постепенно менялось, по мере того, как он вслушивался.

– Хорошо, жди от меня указаний, – вымолвил он, защелкивая трубку, – Факир, у нас проблема.

– Что еще за проблема? – недовольно отозвался лидер группировки.

– Эта сука-коммерсант обратился к «подольским» за защитой.

– Какая сука? Какой коммерсант? Говори яснее, – потребовал главарь.

– Я имею ввиду директора гастронома, о котором я тебе только что доложил. Мне сейчас позвонил мой боец Чемпион, ты его знаешь, и сказал, что на него вышли «подольские». Они потребовали встречу.

– Это что значит, они нам набивают «стрелку»?

– Да, Факир. Говорят, «подольские» – крутая группировка. Как будем делать?

Факир долгое время молчал, поскрипывал зубами, желваки перекатывались под упруго натянутой кожей скул. Он вертел в руках свою дорогую зажигалку, постукивая ею об стол. Бригадир молчал и, поглядывая на главаря. Все немного волновались, хотя и рвались в бой. Инстинкт стаи подсказывал собравшимся амбициозным бригадирам, что наступил момент, когда они должны кого-то порвать, с кем-то расправиться. Да и сам Факир прекрасно понимал, что для того, чтобы заявить серьезно о себе

в Москве, необходима кровь. И ее нужно пролить. Чем она авторитетней, тем резче взметнется вверх шкала его рейтинга.

– «Подольские», говоришь? Ну-ну, пусть будут «подольские». Подайте мне карту, – потребовал Факир. Когда подали, и Факир продолжительное время изучал и рассматривал ее. Было заметно, что он тщательно взвешивает обстоятельства, вымеривает расстояния.

– Вот здесь, на Чистых Прудах, есть сквер. «Стрелку» назначайте тут. На нее приеду я один. Пусть это выбьет из колеи «подольских». Соболь, твои люди и твои, Абдулла, должны расположиться вот здесь и здесь, – Факир карандашом показал точное расположение, где должны были укрыться боевики, – Таким образом, вы пропустите их машины ко мне, и после этого замкнете кольцо вокруг. Всем внимательно следить за моими действиями. Каждый из них должен быть взят на мушку. Я буду говорить с ними круто. Если они не отступят, я подам вам знак – подтяну узел галстука и лягу на землю. П тогда открывайте огонь на поражение. Помните: никто не должен уйти оттуда живым! Вы должны будете уложиться в две-три минуты. После этого стволы скинете в «оружейную» машину и уходите врассыпную. Бригадиры, проконтролируйте, чтобы все лежали «на дне», как утопленники. Я сам, при необходимости, выйду на связь. Ясно? – спросил Факир.

– Ясно! – ответили бригадиры.

– У вас в запасе завтрашний день, поэтому рано утром Абдулла и Соболь – проедете на место, лично сориентируетесь, где именно спрячете людей. П посмотрите пути отхода. Теперь ты, Бульдозер, слушай меня внимательно! Ты сегодня свяжешься с «подольскими». Говори с ними дерзко и нагло, постарайся вызвать у них озлобленность. Назначь им «стрелку» на послезавтра, к моменту, когда только начнет смеркаться. А теперь – расход. Душман, ты останешься.

Бригадиры встали, поднимая шум двигаемыми стульями.

Амир сидел напротив Факира, выпуская изо рта колечки дыма и, отслеживая, как постепенно они расплываются в воздухе. Он понимал, что для него главарь приготовил особое задание, в целях скрепления его с бандой кровью. Всем своим видом Амир нарочито показывал свою готовность и безбоязненность.

– Поедем к телкам, отдыхать?

Факир взглянул на него исподлобья, отчетливо понимая борзость в словах Душмана.

– Ты бы лучше не дергался лишний раз, парень. Здесь тебе не война и нет окопов. Ты даже сам не успеешь сообразить, как пропадешь ни за понюшку табака, по одному только движению моих бровей. Лучше слушай, что я тебе сейчас прикажу. Весь расклад ты уже знаешь. Так вот, возьмешь винтовку с оптикой ночного видения, и будешь держать под прицелом того, с кем я буду говорить. Я буду стоять таким, образом, чтобы держать для тебя открытым сектор стрельбы. По моему знаку спускай курок, – Факир помолчал, а затем добавил, – смотри, не промахнись, или случайно не задень меня. Моя кровь дорого стоит. Много наших пацанов ждут только отмашки. Чечен и Бульдозер порвут тебя на куски.

– Понял, Факир. Во мне не сомневайся. А вообще, как-то неплохо получается. Я иду на дело, а ты меня запугиваешь. Если позволишь, я поехал. У меня сегодня есть одно важное дельце.

Сегодня у Амира было назначено свидание с женщиной, которую он решил, во что бы то ни стало завоевать. Для этой цели он объездил не один дорогой бутик Москвы, подбирая на себя модную одежду. И теперь он выглядел «на все сто», по всем параметрам соответствуя «новому русскому».

– Да понял я давно, как только увидел, во что ты упаковался, – проговорил главарь, в очередной раз подчеркивая перед Душманом свою прозорливость.

Афган приучил Амира не останавливаться перед достижением своей цели. После того как банда перебралась в Москву, он только и думал о том как ему разыскать Юлию – это необходимо было сделать таким образом, чтобы об этом не узнал Культи. После долгих раздумий он все же решился и созвонился с Кувалдой. Хотя последний был человеком Квадрата, к Амиру, он относился неплохо.

Кувалда удивился, когда услышал в трубке голос.

– Здорово Кувалда, это Душман тебя беспокоит.

– А- а- а... – долго соображал собеседник на другом конце, и произнес:

– Узнал. Здорово. Как дела?

– Нормально. Осваиваемся понемногу. Слушай братуха, там, в городе осталась телка одна. Татьяной зовут. С распущенными волосами.

– Ну, понял я, о ком идет речь. Видел ее недавно в баре. Говори что надо?

– Братуха, дай ей мой пейджер. Пусть свяжется со мной. Очень надо.

– Да нет проблем. Окажу тебе услугу. Ты ведь о ней не забудешь?

– Какой разговор, братан!

А через несколько дней Амир получил на пейджер сообщение, где высветился номер Татьяны. Он тут же позвонил ей. Она оказалась дома. Амир был очень любезен с девушкой, рассыпая комплементы. Татьяна охотно поддержала беседу. Они поболтали о городе. Затем немного о Москве и тут Амир попросил:

– Танюша, мне жутко надо обсудить один вопрос. Дай мне координаты Юлии. Я скоро буду у вас. Расскажу. Это не телефонный разговор.

– Хорошо. Записывай, – Татьяна ни о чем не догадывалась.

Вот так в руках у Амира оказался телефон Юлии. Он очень волновался, даже переживал, обдумывая всевозможные варианты, как вытащить ее на встречу. Ему казалось, что она не примет его предложения. Отнесется пренебрежительно к нему. Не из-за Культи. Нет. У такой, как Юлия в всегда куча поклонников. Она умна. Образована. Красива. А главное очень богата.

Амир вспотел, вороша эти мысли в голове, словно ворох залежалой соломы. Несколько дней он терзал себя сомнениями. Такое впервые было с ним. Обычно с телками он был уверен, напорист и нагл. Но тут. Тут другой калибр. А она нужна ему. И дело даже не во внешности. Каким-то, почти звериным чутьем, почувял он в ней царственную самку, которую желал видеть рядом. Он представлял себя волком. Хищным. Сильным. Крадущимся в огромном, чужом, заиндевелом лесу. Но Юлию – он так и не смог представить себе в виде волчицы. Пусть молодой, игривой. Она представлялась ему в образе юной, грациозной, гордой оленихи. Длинноногой, нетерпеливо перебирающей стройными ножками, нервно пофыркивающей, вытягивая тонкую изящную шейку, выгибая томно влекущей к себе круп.

Если такая женщина будет с ним, он, Амир, добьется своего. У него будут большие деньги. А дальше с ее помощью он вложит их в легальный бизнес. Он не остановится ни перед чем, во имя этой цели.

Наконец совершенно измотавшись от собственных мыслей, Амир решил на роковой звонок. Трубку подняла сама Юлия. Некоторое время она пыталась вспомнить, а разобравшись весе-

ло рассмеялась. Все напряжение Амира вмиг улетучилось и он почувствовал себя уверенней. Будто безумный стал говорить ей красивые слова.

– Юлия, ты произвела на меня неизгладимое впечатление.

– Да-а?

– Я был просто поражен твоей красотой.

– Вот, как? - она вновь рассмеялась, трубка телефона троекратно перекатывала ее звонкий смех.

Амир, делясь своими впечатлениями о Москве, стал просить ее помочь познать ему город:

– Юлия, Я же кочевник. Мое – это бескрайние степи. Там я бы смог провести тебя к одинокому колодцу. А здесь, в этом огромном мегаполисе, я чувствую себя совершенно беспомощным.

Амир рассказал Юлии историю о том, как его далекие предки саки, захватив крупный европейский город, беспомощно озирались на вымощенных, ухоженных улицах. А потом, разграбив его, разбили свои юрты в поле и поселились в них. Так как город их пугал.

Амир почувствовал, что еще немного и Юлия заинтересуется им. Поэтому он напирал.

– Очень прошу Юлию, позволь мне пригласить тебя куда-нибудь.

Юлия размышляла. Затем, решившись, спросила:

– Куда бы ты хотел меня пригласить?

– Но ведь я всего лишь необузданный кочевник. Я боюсь ударить в грязь лицом. Было бы лучше, если бы ты взяла управление в свои руки.

И опять она смеялась. Ей понравилась перспектива игры, предложенной им, почувствовать себя в роли цивилизованной укротительницы варвара.

И вот их первая встреча. Амир приготовился к ней, тщательно позаботившись о своем костюме. В ювелирном магазине он приобрел толстую, в палец толщиной, золотую цепь с кулоном. Примерил, и, оставшись довольным выбрал массивную цепочку на руку.

Встретились на углу манежной площади. Юлия, одетая в белый брючный костюм, выглядела, как тонкая, хрупкая, китайская статуэтка. Не скрывая любопытства, она рассматривала Амира как диковинку.

А Амир? Он был рад, что состоялась главное. Она пришла на

встречу. С ним. В руках его был большой букет эквадорских, темных, бархатных роз. Он вручил их Юлии со словами:

– Я всегда буду приносить тебе цветы.

Она легко и как должное приняла и это.

– Итак, раз я главная, то пригласи меня в «Метелицу», – потребовала Юлия.

– Слушаюсь и повинуюсь, – Амир по-восточному совершил поклон, приложив руку к сердцу.

Вечер в «Метелице» прошел, как показалось Амиру, замечательно. Они прекрасно поужинали, Юлия любила французский коньяк с икоркой.

– Говорят, что коньяк пьют, заедая фруктами, а я люблю с икорочкой, – заявила она.

Юлия чувствовала себя совершенно непринужденно в дорогой, изысканной «Метелице».

Метрдотель был любезен с ней, подчеркивая свое знакомство. Амир же, наоборот, был напряжен среди богатой, сорящей деньгами, публики. Хотя «хрустов» было достаточно и у него. Их вполне хватало для того, чтобы не отказывать Юлии ни в чем в этот вечер.

Потом, позже, к нему придет это не напускное высокомерие, с каким он будет глядеть на окружающих в крутых супермаркетах, казино, отелях. А пока он хоть и старался держаться независимо, но все равно продолжал чувствовать себя бедняком. Попавшим на пир богачей.

Юлия, конечно же, все подмечала. Она теперь вспоминала, что у Амира прекрасная фигура, припомнив совместное купание в бассейне. Догадавшись, что бывшему «афганцу» трудно разбить скорлупу комплексов, она всячески провоцировала его к раскованности, говоря откровенно:

– Ты не смотри, что они с виду такие важные, все они в недавнем прошлом не знали, что такое «бабочка», «клубный блейзер».

Расставались уже под утро. Амир довез ее домой на своем джипе уставшую, умиротворенную.

Все происходило в точности по заранее расписанному Факиром сценарию.

В назначенный час Душман лежал в кустах, рассматривая через стекло ночной оптики фигуры, высыпавшие из двух автомобилей. Он переводил оптику с одного подъехавшего на другого,

отметив про себя, что «подольские» как на подбор крепкие ребята. Почти все были одеты в просторные кожаные куртки, топорщащиеся на груди.

«Оружие за пазухой», – вычислил он. Приехавшие осматривались по сторонам.

«Наши хорошо замаскировались. Соболь с Абдуллой молодцы. А вот й Факир».

Прямо по аллее на большой скорости неслась «БМВ» Факира. «Подольские» стояли как вкопанные. Никто не сдвинулся с места. «БМВ» провизжала тормозами, остановившись за каких-нибудь десять метров. Фары были включены на дальний свет.

Душману отчетливо было видно изумление на лицах встречающих, когда из нее вышел один Факир. Он направился в их сторону, и, пройдя несколько метров вперед своей машины, остановился. Через некоторое время высокий рослый парень, одетый, в костюм и при галстуке, направился навстречу Факиру. Он тоже сделал несколько шагов вперед, и остановился напротив одинокого наглеца, бросившего вызов могущественной группировке. Так в заснеженной глухой тайге сближаются два могучих зверя, два серых волка, вздыбливая шерсть на загривке, бросая изучающий взгляд исподлобья, нюхая воздух вокруг и соразмеряя силы. Каждый из них оскаливает клыки, вздергивая верхнюю губу, выпуская из груди предостерегающий грозный рык, как бы говоря: «Здесь моя территория!»

«Интересно, о чем они базарят? – изнывал от любопытства Душман, – Видно, и у них знак на «отстрел» – подтягивание узелка галстука», – указательный палец Душмана, лежавший на спусковом крючке, заныл от нетерпения. «Подольский» так и корячился на мушке. «Классная мишень, хорошо то, что он такой большой», – думал Душман. Вначале он держал перекрестье оптики на лбу, затем, подумав, опустил на грудь, правее, туда, где сердце.

Вдруг Факир неожиданно подал сигнал «номер два». По этому сигналу солдаты Факира должны были, как один, встать во весь рост, демонстрируя противнику, что они находятся в кольце, и включить фонари, направив их на «подольских».

Душман с удовлетворением и долей разочарования наблюдал за тем, как пришли в замешательство крутые бандиты. С удовлетворением оттого, что на сегодня стрельба отменяется и завтра у него появится новая возможность встретиться с Юлией. Ра-

зочарован же он был от такого оборота событий, уж очень ему хотелось пустить тяжелую, заждавшуюся в стволе пулю. Он видел, как рослый главарь приехавших на «стрелку» поднял руки вверх, признавая свое поражение. Он что-то отрывисто бросил своим парням, стоявшим в напряжении, и приехавшие стали рассаживаться в машины. Через минуту все было кончено. «Подольские» уехали ни с чем, как и приехали.

На следующий день, во время ежедневного сбора в кафе «Дельфин», Факир поведал бригадирам свой разговор с лидером «подольских». Бригадиры внимательно слушали.

– Я ему говорю: «Меня кличут Факир». Вы приехали говорить за директора гастронома. Так вот. Он взял на себя обязательство платить мне, и он будет платить. А подольский говорит: «Ты кто такой, да мы из тебя сейчас... Я его сразу же заткнул. Говорю: «Ты, урод! Знаешь ли ты, что твой обезьяний лоб сейчас корячится в снайперской оптике ночного видения? И все твои гориллы по моему сигналу в один миг превратятся в трупы». Ну и тут я дал вам сигнал», – закончил Факир свой рассказ.

– Ха-ха-ха! – заржали радостные бригадиры.

Секретарь сдержанно улыбался. Он сидел с видом человека, не сомневавшегося с самого начала в таком раскладе, протирая мягкой замшей стекла золотой оправы.

– Факир, он не обкакался? – хохотал Бульдозер.

– А ты что, не почувствовал? Воняло на весь парк! – съязвил Факир.

– Ха-ха-ха!

– А ты что не смеешься? – Факир внезапно наехал на хмурившегося Амира. Амир равнодушно пожал плечами:

– А че смеяться? Я держал его на мушке. У меня палец ныл от нетерпения спустить курок. А ты в это время поднял наших солдат, его слова прозвучали как упрек. Факир некоторое время помолчал, размышляя над словами Душмана.

– Так было необходимо, мы показали им свою мощь. Если у них не хватит мозгов уговорить, тогда я пошлю тебя. Ты понял, Душман? – в его голосе звучала угроза.

– Мне все ясно, – примирительно произнес Амир.

Спешно перекусив, бригадиры стали разъезжаться, довольные результатом первой «стрелки» со столь известной и сильной группировкой столицы.

Амир, покинув кафе, добрался до ближайшего автомата и позвонил Юлии. Еще утром, разговаривая с ней по телефону, он просил ее о встрече. Она обещала подумать. К его неописуемому удовлетворению, Юлия ждала звонка. Амир стал расспрашивать девушку об ее планах.

– Я собираюсь поехать в сауну, погреться.

– Возьми меня с собой! – дерзнул он. Вначале в трубке возникла пауза. Но ненадолго.

– Хорошо. Подъезжай и жди меня внизу. Я спущусь, – позволила изнеженная красавица, договаривая, – Вообще-то ты не входил в мои планы.

Сауна, в которую его привезла Юлия, была роскошна. Она поражала своим дорогим убранством.

Молочного цвета мраморный пол был застлан огромными дорогими коврами. В переднем зале находился бар, наполненный бутылками чудных форм со сверкающими этикетками. Томно, приглушенно играла зарубежная музыка. Напротив бара стоял длинный сервированный овальный стол. За ним была бильярдная с массивным столом, крытым сочно-зеленым сукном.

– Плита мраморная, – тихонько пояснил сопровождавший их из зала в зал угодливый паренек.

Небольшой спортзал был набит «кеттлеровскими» тренажерами.

– Где прикажете вам накрыть? – паренек знал свое дело. Он был очень услужлив.

– Здесь, – Юлия распорядилась тоном, не терпящим возражений.

Комната была просторна и обставлена шикарной белой кожаной мебелью. Хотелось плюхнуться и утонуть в мягких креслах. Далее шли массажные кабинеты, оборудованные лежаками под хрустящими от новизны простынями. Комнаты отдыха устремили мысли к его нестерпимому вожделению овладеть наконец-то Юлией.

Развесив одежду в специальных металлических шкафчиках, Юлия вышла совершенно нагой, поражая Амира. Она буквально ослепила, ошеломила смелостью, царственной походкой направляясь к сверкающему джакузи. Небольшие груди Юлии были упруги, словно два вызревающих плода. Тончайшая талия, казалось, может переломиться от хрупкости. Зато божественные бедра плавно перетекали в длинные чудные ноги, заканчивающиеся крохотными детскими ступнями.

Грациозным движением Юлия, не обращая внимания на обомлевшего Амира, занесла ножку над бортиком, позволяя голубой воде соприкоснуться со своим выпестованным телом.

Амир, проглотив набежавшую сладкую слюну, торопливо сбросил с себя остатки гардероба, и рванулся с видом охотника, от которого могла ускользнуть добыча. Он был очарован ее дьявольской красотой. «За такую телку я перестреляю хоть сотню!» – билась в мозгу сумасшедшая мысль.

Юлия же поднялась из джакузи и направилась к сауне. Она знала, что делала, разгуливая обнаженной перед азиатским парнем. Искушенная молодая красавица дразнила его. Амир проследовал вслед за ней. Нельзя было неосторожным поведением испортить близость, которую всем своим видом обещала ему Юлия, как награду авансом за его будущие успехи.

Она грелась на верхней полке, улегшись лицом вниз на простынке. Высокую шейку Юлии обрамляла тонкая, из белого золота цепочка с вкрапленными в нее крошечными бриллиантами. Температура в сауне была высокой. Разогревшись, она укутала себя, словно туникой, тканью.

– Что-то я проголодалась! Идем. Выпьем что-нибудь, – покидая парилку, позвала за собой Юлия.

Небольшой стеклянный столик был заставлен хрусталем и фарфором. Внизу томились в ожидании, напитки: холодная водка, коньяк, грузинское вино, соки.

Юлия опустилась на диван, позволяя Амиру ухаживать за собой. Он плеснул ей дорогого вина, а себе – водки, пытаясь увлечь диву разговорами. Дива разморено, лениво ковыряла крохотную жареную перепелку, делая вид, что ей интересно.

Заканчивая обед, Юлия вызвала паренька-массажиста.

– Он будет делать мне возбуждающий массаж. А ты тем временем настраивайся, – приказала она Амиру на глазах паренька.

Поднявшись из-за стола, сытая и расслабленная блондинка проследовала в массажный кабинет. Отбросив в сторону простыню, Юлия вытянулась на столе в ожидании.

Амир уселся в кресло, наблюдая за тем, как паренек приступил к своему искусству. Он несильно пробегался ловкими пальцами по прекрасному телу, заставляя ее вздрагивать. То вдруг нажимал на эрогенные точки, в районе шейки, поясницы, бедер. Юлия стала тихонько постанывать.

Тогда паренек, шепнув на ушко, попросил ее перевернуться

на спину. Так когда-то в Древнем Риме, богатые и изнеженные матроны извивались от истомы, наполняющей их тела, в искусных руках молоденьких рабов-массажистов. Паренек все напористей колдовал, возбуждая отзывчивую плоть юной дивы.

Амир безо всякой ревности следил, как словно утренний бутон розы, пробуждается тело девушки. А оно вздрагивало так, точно его бил слабый разряд тока. Наполненные соком губки Юлии приоткрылись, обнажая крупные жемчужины – белоснежные зубки. Розовые сосочки затвердели, набухли, притягивая взор сгорающего от нетерпения Амира.

Паренек пробежался пальцами прямо по темному треугольнику завитых в маленькие колечки волосков, выпирающему между мраморными бедрами, словно кусочек библейского золотого руна. Юлия взрыдала.

Амир взревел, сам того не замечая. Отбросив паренька в сторону, он стрёб почти невесомое тело русской дивы, и бросился в комнату отдыха. Выбрасывая из груди что-то нечленораздельное, Амир ворвался в ее истекающую плоть и взрычал грозно.

Он драл ее так, как когда-то в Афгане Верку-«чекистку», забыв напроочь о принадлежности Юлии к высокой касте, вонзая беспощадно в тонкую статуэтку – ее тело – свое злое копые.

Теперь они кричали вместе. Она – пронзительно, требуя убыстрить темп, а он хрипло рычал, будто набивающий утробу, проголодавшийся зверь, добравшийся до самых лакомых, сладких мест жертвы.

Позже, когда она, удовлетворенная его темпераментом, не разочарованная в своем ожидании, покорно лежала в его объятиях, Амир безбоязненно заявил ей:

– Ты будешь моей женщиной!

В течение месяца Амир носился по окраинам Москвы на джипе в сопровождении двух человек. Он объездил более двух десятков СТО, подыскивая то единственное, которое бы устроило банду.

В банде насчитывалось около двадцати машин, и необходима была станция техобслуживания, которая бы бесплатно проводила технический осмотр и ремонт автомобилей. Кроме того, оно должно было выплачивать дань из получаемой прибыли за то, что она предоставит ей услуги «крыши». Но что-то у него не ладилось. Одни уже находились под чьей-то мощной крышей, другие географически были расположены так, что это не устра-

ивало Амира, третьи не соответствовали техническим стандартам.

Факир уже косо поглядывал на Амира. Впервые он поинтересовался через две недели после «стрелки» с «подольскими»:

– Ты где пропадаешь? Чем ты занят?

Амир ему ответил, что занимается поиском СТО. Факир недвусмысленно выказал недовольство:

– Ты что, думаешь, что у тебя на это полгода? В то время, как другие бригады заняты серьезными вопросами?

Этот разговор озадачил Амира. Он уже знал характер Факира. И понимал, что если в ближайшие дни он не решит эту проблему, то они возникнут у него. И очень серьезные. Выручил его, как ни странно, Секретарь.

Это произошло после окончания ежедневного «обеденного», сбора в кафе на Кутузовском.

– Что, прижал тебя Факир? – произнес Секретарь, растягивая в ехидной улыбке тонкие губы.

– Да, загадал мне ребус, который не так просто разгадать в столь сжатые сроки, да еще, человеку, плохо знающему Москву.

– Согласен с тобой, – улыбнулся Секретарь, – это не такой уж простой вопрос, как может показаться на первый взгляд. На самом деле, Факир не зря поручил именно тебе эту задачу. Ты человек новый, и тебя будут еще долгое время проверять. Поэтому он и будет бросать тебя «под танки».

Амир поразился осведомленности Секретаря. «Ох, какой проницательный он, этот Секретарь», – размышлял Амир, – «На вид – интеллигентный, похож на коммерсанта, а уже успел в зоне побывать. Не зря Факир так приблизил его к себе. Он очень умный, и надо с ним быть осторожным. Лучше держать его в союзниках».

– Вся твоя проблема заключается в том, что все эти СТО находятся уже под чьей-то «крышей», платят либо «ореховским», либо «кунцевским» или «долгопрудненским». Многие из них «под чеченами» – это один из их бизнесов. С других нечего взять, так как они не соответствуют техническим стандартам, значит у них нет прибыли, – проницательный взгляд Секретаря из-под оправы медленно, сантиметр за сантиметром, прощупывал лицо Амира. Секретарь абсолютно точно угадал, с какими трудностями столкнулся Душман, – Так уж и быть, дам я тебе одно СТО. Но при одном условии: когда-нибудь я попрошу тебя оказать равноценную услугу, и ты – мой должник. Договорились?

– Договорились! – пожал ему в ответ руку Амир, размышляя про себя: «Там видно будет...».

– На Можайском шоссе, сразу за МКАДом, есть станция, которая называется «Реммоторс». Это очень продвинутая станция по московским меркам. И она до сих пор, на удивление, никому не платит, хотя открылась сравнительно давно. Кто-то пустил слух, что станцию «крышует» ГРУ. И поэтому все сейчас выжидают, одним словом «пасут». Я надеюсь, тебе не надо объяснять, что такое ГРУ?

– Нет, мне не надо, – вымолвил Амир.

– Ах да, ты же «афганец». Если я не ошибаюсь, ты под Кандагаром служил?

Секретарь очень ловко, в непринужденной форме всякий раз подчеркивал, что он знает об Амуре буквально все. Даже Факира никогда не интересовали такие подробности. Амир чувствовал себя раздетым догола перед этим, изысканно одетым, лощеным типом.

– Там хозяин – бывший русский еврей. Он вложил в эту станцию серьезные капиталы. Я абсолютно точно знаю, что он связан с ФСБ. Поэтому ты должен нагнать там такой жути, появиться как «летучий голландец», как призрак, не объявляясь, от имени какой группировки ты делаешь ему предъяву. Он должен почувствовать, что понесет убытки, пока его друзья из ФСБ разыщут наехавших. А нести убытки они не любят. Вот по этой причине для него благоразумней вступить с тобой в партнерские отношения. Ну, как я тебе мыслишку подкинул?

– Мысль хорошая. Ну а о цене мы с тобой уже договорились, – ответил Амир.

– Ну, тогда действуй, – благословил Секретарь.

Теперь Амир ехал, претворять в жизнь идею Секретаря. «Сегодня хорошая ночь», – думал он, глядя в открытое окно.

Днем они скупуплезно изучили подъезды к станции. Четверо его людей были тщательно проинструктированы, кто и с какого места должен будет бросать гранаты.

«Сегодня кинем несколько гранат. Через три-четыре дня повторим «гранатометание». К тому времени Секретарь обещал предоставить мне нужную информацию, – размышлял Амир. Информация, на которую он рассчитывал, касалась точного адреса проживания владельца «Реммоторс», номер, марку и

цвет его личного автомобиля, школу, в которой обучаются его дети, – Это как раз будет тот козырь, при помощи которого я положу его на лопатки», – уверенно размышлял Амир.

Мысли Амира неожиданно перескочили к Абаю. Последнее время он непроизвольно размышлял над смыслом слов, сказанных перед смертью стариком Каратасом, в присутствии соседского парнишки Абая.

«Что-то напел старик несуразное, – думал Амир, – Говорил о каком-то призрачном счастье, Абаю завещал не расставаться с землей, с народом. А он топчет зону, уж который год подряд. И вообще неизвестно, выйдет ли он оттуда. У меня же совершенно четкий план: нарубить «капусты», а потом с помощью Юлии, ее больших связей, точнее, связей ее отца, вложить эти деньги в дело. Нет, определенно старик выжил из ума перед смертью. Что-то он тут напутал. Какая земля, какой народ, если мать по телефону говорит, что станция захирела? Все совхозы в округе банкротятся. Как прежде, не обновляется парк техники, нет запчастей. Многие земли запущены из-за нехватки семян, ГСМ, народ не получает зарплату, пенсии. Если государство допускает такую разруху, то при чем здесь слова старика, сказанные Абаю? Земля? Народ?..»

– Душман, мы подъезжаем, – прервал его размышления Кабан, сидевший сбоку.

– Внимание! Всем приготовиться! – резко скомандовал Амир, – Вы, вдвоем, – приказал он сидевшим наготове на заднем сидении бандитам, – остаетесь здесь и занимаете свои точки. Мы проедем дальше. Кабан и Гусь – займут свои. Каждый бросает по три гранаты по сигналу красной ракеты. Возвращаемся по этому же маршруту. После того как вы отбрасаетесь, там начнется паника. У нас будет три-четыре минуты, чтобы выскочить на МКАД. В машине все должно быть чисто. Не исключено, что сработает ментовской план-перехват. Документы у всех в порядке, все зарегистрированы?

– Да, – нестройно ответили пребывавшие в напряжении бандиты. Амир тормознул джип, номера которого предусмотрительно были заляпаны грязью.

– Давай! – проговорил Амир, и двое покинули машину. Он проехал до заранее выбранного места и высадил там Кабана и Гуся.

«Теперь надо ждать пять минут, пока все рассредоточатся по местам. Он немного волновался: одно дело было швырять гра-

наты там, в далеких горах Афгана, где не надо опасаться ментов. Другое дело здесь, как вор, под покровом темноты», – размышляя об этом, Амир вынул из кармана ракетницу, заранее заряженную красной ракетой, и глянул на часы. Пора!

Он запустил двигатель джипа, и, выставив ракетницу в окно, послал ракету в ночное небо. Красная ракета взметнулась ввысь, разметаая за собой шлейф искр. И тут же, как когда-то в горах, одна за другой, загрохотали гранаты, выхватывая очертания разорванных автомобилей, летящих вверх капотов, дверей, колес.

Амир даже не расслышал топота ног, подлетевших к джипу Кабана и Гуся. Они буквально ввалились на еще не успевшее остыть сиденье, вразнобой выкрикивая:

– Сваливаем, Душман!

– Быстрее сваливаем!

Амир и сам уже нажал на педаль газа. Джип скакнул с места, словно ретивый мустанг, с пробуксовкой рванулся вперед, туда, где нужно было забрать еще двоих. А еще через три минуты они мчались по МКАДу, все пятеро молясь об одном: чтобы успеть проскочить заслон перехвата.

Им это удалось. Через час они уже смеялись, проезжая недалеко от центра Москвы, направляясь к себе на квартиры.

Душману Факир позволил снимать отдельную квартиру. Хотя даже Соболь, Абдулла и Бульдозер жили вместе со своими бригадами. Такую честь он оказал лишь Душману и Чечену. На самом деле, это было не оказание чести. Видно Факир и в этом имел свои виды на них.

– Всем лежать на дне! – приказал Душман своим подчиненным, – Никуда не высовываться, кроме как одному человеку за продуктами. Через три дня вся операция дублируется, а уж потом поедет за результатом. – Амир высадил своих подчиненных и направился в сторону района, где он арендовал квартиру.

Это была очень удобная квартира. Хозяева, сдавшие квартиру, сами проживали в Туле. Рядом была автостоянка и продуктовый рынок. Да и сама квартира выглядела приличной. Конечно, район у него далеко не тот, в котором проживала Юлия. Дом Юлии находился на Земляном валу. Там, со слов Секретаря, проживают очень крутые люди.

В квартире Амир принял душ. Он очень любил после напряженного дня принимать контрастный душ. Вначале горячий, почти кипяток, а затем сразу обдать себя ледяной водой. И вновь горячей...

«Прошедший день был трудным. Но если бы не Секретарь, не-известно, сколько бы ему пришлось еще подыскивать нужное СТО.

Да и каким бы боком ему все это вышло. А то нарвался бы на чеченов, а с ними без стрельбы не обойтись. Вот что значит «информация!» – размышлял Амир, уже засыпая.

В последующие три дня он никуда не выезжал. Лишь только посылал из телефона-автомата, стоявшего напротив его дома, условные сообщения на пейджер. На четвертую ночь Амир вновь собрал своих подручных.

В этот раз они изменили тактику. Как и предполагал Амир, территория СТО была залита светом мощных прожекторов. На площадке было много вооруженной охраны, поэтому, понаблюдав издали, Амир отдал лаконичный приказ:

– Подходим к объекту на всей скорости. Вы все четверо выпрыгиваете и бросаете каждый по две гранаты. И сразу же уходите. Кто замешкается, тот останется там, и его разорвет охрана.

На этот раз под ними был не мощный джип Амира, а темно-бежевая «шестерка», которую специально для них угнали люди Соболя. Так что машина наверняка уже была в розыске. Единственным плюсом во всем этом было то, что не засвечивается джип Амира.

И на этот раз все прошло, как задумывали. Дьявольская фортуна Амира сопутствовала ему.

На всей скорости они подлетели почти к самому забору «Реммоторс», Амир остановил машину и четверо его подручных, выскочив из машины, мгновенно стали кидать приготовленные заранее гранаты. И опять - взрывы, паника, и пока многочисленная охрана выкарабкивалась из укрытий, темно-бежевая «шестерка» Амира уже мчалась по МКАДу.

Задание Факира наполовину было выполнено. Теперь же осталась дипломатическая его часть. Секретарь уже подготовил для него необходимую исчерпывающую информацию. Поэтому Амир был уверен, что хозяин не станет взбрыкивать.

Два дня Душман и его люди после этого отлеживались на своих квартирах. Вечером в криминальных сводках Душман увидел репортаж о «Реммоторс». Диктор комментировал, что неизвестные забросали гранатами одно из высокотехнологических СТО, при этом, подметив, что жертв среди обслуживающего персо-

нала нет, но станции причинен крупный материальный ущерб. Почему-то диктор в своем репортаже умолчал о том, что территорию станции забрасывали гранатами дважды.

На третий день Амиру пришло сообщение по пейджеру. Это был условный сигнал, означающий «сбор два». Именно по этому сигналу он обязан был немедленно прибыть в условленный парк на Московском проспекте.

Амир быстренько собрался, послал сообщение на пейджер Кабану. Он решил прихватить его с собой на всякий случай. Оружие брать он не стал.

Спустившись вниз, Амир прошел на стоянку. Здесь, припаркованный, стоял его джип. Запустив двигатель, он медленно вырулил на дорогу.

«Что же там могло приключиться?» – размышлял он. За все время пребывания в Москве, сигнал «сбор два» был впервые послан ему. «Может, у Факира появились новости о «Реммогорс»? Хотя, нет, – он тут же отбросил эту мысль в сторону, – скорее всего, что-то серьезное».

Кабан ждал его в условленном месте. Амир посадил его в машину, и теперь направлялся в сторону Московского проспекта. Он еще плохо ориентировался в Москве, поэтому, как только Кабан устроился на соседнем сидении, Амир тут же вручил ему карту Москвы. Он потребовал с Кабана взять на себя роль штурмана. И, хотя, в общем-то, сообразительный Кабан неплохо справлялся с этой задачей, то и дело Амир взрывался, требуя более точно и заранее определять направление пути.

До проспекта добирались около часа. В это время суток улицы были перегружены автотранспортом. Но Амир довольно умело маневрировал, «подрезая углы» другим автомашинам, громко сигналив, требуя уступить дорогу.

Как оказалось, они приехали последними. В укромно-неприметной пивной в отдельном зале сидели все бригадиры. Но больше всего удивило Амира присутствие Чечена. Секретарь сидел рядом с Факиром. Появление Душмана было встречено с возмущением.

– Почему так долго? – сухо спросил Факир.

– Я выехал сразу после получения сигнала. – Амир вынужден был оправдываться.

– Садись и слушай! – в минуты, когда Факир ставил задачу перед бригадами, он редко отвлекал свои мысли от главной задачи.

Речь шла о какой-то крупной строительной фирме, которую «крышевала» дагестанская группировка.

– Как ты, говоришь, зовут их главного? – спросил Факир у Секретаря.

– Шамиль его зовут, – тут же ответил Секретарь, и продолжил, – этот Шамиль уже несколько лет в Москве, но до этого его не было слышно. Впервые он вынырнул на первых ролях чуть больше года назад. У них была серьезная разборка с «балашихинскими». «Балашихинская» братва взяла под свой контроль строительный бизнес. Вот там и высветился Шамиль. Было несколько крупных перестрелок, «звери» потеряли людей, «балашихинские» понесли потери. После этого долгое время его не было слышно. А сейчас я пробил эту фирму – ее, оказывается, «крышет» Шамиль.

– Что еще скажешь о нем? – спросил Факир.

– Шамиль не простой, голыми руками его не взять, – он никогда не ездит один, его круглосуточно сопровождают две машины с «боевиками». Я думаю, что с ним невозможно будет договориться.

– А зачем нам с ним договариваться? И для чего? – удивился Факир, и тут же отдал приказ:

– Секретарь, ты установи за ним наблюдение. Нужно все высчитать: количество солдат у Шамиля, номера и марки их машин, адреса квартир. Для этой цели мы выделим тебе три «тачки» с людьми. Бульдозер, ты дашь одного человека, – Факир тут же спросил у Бульдозера:

– Кого ты выделишь?

Бульдозер, застигнутый врасплох, пожал широченными плечами, и буркнул:

– Чемпиона.

– Абдулла, кого ты выделишь? – спросил Факир у молодого чернявого бригадира.

– Думаю, что там лучше Хохленка никто не справится.

Факир согласно махнул головой.

– От меня будет Дрозд, – заявил он, – теперь ты, Соболь. Слушай внимательно. Секретарь даст тебе адрес этой конторы. Сделай грубый наезд так, чтобы они задержались, запаниковали и заставили паниковать Шамиля. Если твоих бойцов внизу останавливает охрана, ты знаешь, как с ними нужно поступить. Их главному коммерсанту прямо объяви, что ты от меня и что он будет платить мне.

Факир оставил для дальнейшего разговора Бульдозера и Абдуллу. Всех остальных отпустил.

– Ну что, как там наши друзья – ремонтники? – Секретарь самодовольно улыбался.

– Первый этап работы выполнен, теперь надо ехать на дипломатическое randevu, – высказал свою точку зрения Амир.

– Да, Душман, не тяни с этим, сейчас ни в коем случае нельзя затягивать. Если владелец в ближайшее время не установит, кто на него наехал, – а он сейчас только этим и занимается, – то он обязательно побежит к своим друзьям из ФСБ.

– Ты так считаешь? – спросил Амир.

– Я знаю, что говорю, Душман, поторопись.

Они пожали друг другу руки и разъехались в разные стороны.

На следующий день к началу рабочего дня Амир в сопровождении всех четверых своих подручных, вооруженных короткоствольными израильскими автоматами «УЗИ», въехал на территорию «Реммоторс». От Культи, а позже от Секретаря, Амир перенял манеру одеваться. Сегодня он был одет в дорогой костюм светлого тона.

– Ждите меня на улице. Гусь и Кабан, будьте в машине. Хайдар, и ты, Сухой, прогуливайтесь по территории. Неотрывно следите за входной дверью. Может произойти внезапное. Как выйти мне из кабинета на улицу – это будет моя проблема. Но здесь вы должны будете меня прикрыть.

В небольшом холле первого этажа Амира встретили два дюжих охранника. Амир мгновенно, профессиональным взглядом оценил их обоих, взвешивая их боевые качества.

«Пыжаты, но сырые», – сделал он вывод.

– Мне необходимо пройти к президенту.

– У вас назначена встреча? – спросили охранники.

– Да, доложите ему, что пришел человек от Факира.

В этом заключался стратегический план Факира. Он везде, при каждой возможности, нагло и прямо объявлял свою кличку. Секретарь тоже рекомендовал такое начало. Он сказал тогда:

– Насколько я знаю психологию, это сработает.

Дюжий белобрысый охранник предложил Амиру присесть на одно из кресел, расставленных вдоль стены. Амир не спорил. Устроившись поудобней, он терпеливо ждал. Было слышно, как

охранник докладывает по рации кому-то невидимому. До слуха Амира донеслось упоминание о Факире. А еще через минуту у белобрысого запищала рация.

– Слушаюсь! – рапортовал он.

Подойдя к Амиру, охранник сказал:

– Пойдемте, я провожу вас в приемную.

Они поднялись по узкой винтовой лестнице на второй этаж, и охранник подвел его к двери. В приемной было просторно и напичкано всевозможной оргтехникой. Тихо и мерно работали компьютеры, ксерокс, за столами сидели молодые сотрудницы. Амир обратил внимание на то, что как только он вошел, задвигалась кинокамера, направляя свой объектив прямо на него. Длинноногая дива учтиво проговорила:

– Проходите, пожалуйста! Шеф вас ждет, – распахивая перед ним дверь в кабинет президента.

Лицо президента фирмы сразу же произвело на Амира впечатление о нем, как о человеке умном и дальновидном.

Он был среднего роста, аккуратно зачесанные вверх, волосы изрядно побиты сединой. Умные живые глаза тщательно и оценивающе рассматривали вошедшего. Крупный нос не портил впечатления, а наоборот создавал иллюзию доброты. Одет он был дорого, с каким-то особенным лоском.

Закончив визуальное изучение Амира, владелец кабинета, видимо, остался доволен.

«Наверное, моя внешность подошла под ожидаемые параметры посланца незнакомого грозного Факира» – подумал Амир.

– Проходите, – предложил он, – устраивайтесь поудобнее. Я готов выслушать вас.

Амир никогда не умел дипломатично развивать диалог. Это Кулья был мастером слова. Но он решил учиться этому, глядя на Секретаря, так как стал понимать важность умения говорить. А так как планы Душмана были далеко идущими, то начинать нужно было сегодня, сейчас, вот с этого еврея.

– Вас зовут Зильберквит Марк Александрович. Вы президент фирмы «Реммоторс», – Амир стал сыпать информацией, которой напичкал его Секретарь. Он назвал сильно приближенные к верным цифры инвестиций, вложенных в проект создания СТО «Реммоторс» и обозначил размер предполагаемой прибыли от этих вложений.

Президент внимательно слушал. Слушал не перебивая. На-

оборот, со всей учтивостью предложил выпить чашечку чая, от чего Амир, естественно, отказался.

– Простите, что отвлек вас, – извинился владелец, – продолжайте, пожалуйста.

Амир, как и рекомендовал ему Секретарь, бросил на стол еще несколько козырей. Он назвал адрес его квартиры, номер и цвет его автомобиля, распорядок дня и маршрут ежедневных передвижений по Москве. А когда он дал понять, что им известен адрес школы, где учатся дети, любезность и учтивость с лица Марка Александровича слетела в одно мгновение. Щеки его стали предательски белеть, зрачки мгновенно сузились, а на высоком лбу выступила испарина. Президент расслабил узелок галстука. Расстегнул верхнюю пуговицу ослепительно белой сорочки.

Но это же нечестно с вашей стороны. При чем тут дети? – пробормотал он.

– Дети здесь действительно не при чем, – мгновенноотреагировал Амир, – уверяю, Марк Александрович, вы нас неправильно поняли. Я знаю, что наш разговор записывается на пленку, поэтому вновь уверяю, что все, что известно нам, может быть так же известно вашим недругам, – Амир говорил, поражаясь самому себе, своей, вдруг непонятно откуда взявшейся словесной виртуозности, – Нам известно, что на вас кто-то дважды наехал. Уважаемый Марк Александрович! Эти негодяи причинили вам материальный ущерб. Они разрушают то, что с таким трудом вы создали. Это говорит о том, что у вас и у вашей компании есть очень вероломные враги. Когда нам стало известно, о том, что произошло, Факир сказал мне: «Марк Александрович – умный человек. Поезжай к нему и от моего имени предложи ему дружбу!». Скажу вам по секрету, – продолжал Амир, – Факир – очень серьезный человек, и он всегда достигает своей цели. Кроме того, он держит слово и всегда ценит своих друзей.

Амир видел, что бизнесмен все прекрасно понял. Понял, что люди, забросавшие гранатами территорию его СТО, были людьми Факира.

– Если позволите, я продолжу, – попросил Амир.

Хозяин СТО усиленно размышлял.

– Да, продолжайте, пожалуйста, – наконец, вымолвил он.

– Итак, уважаемый Марк Александрович, Факиру известно о том, что у вас есть могущественные друзья в уважаемой нами ор-

ганизации (Амир намекал на ФСБ). Но он попросил меня сказать вам, о том, что есть мелкие проблемы, из-за которых не стоит беспокоить столь уважаемых людей. Он дает вам гарантию в том, что ни одна недружественная организация этого города не посмеет больше так поступить с вами. Более того, искренне беспокоясь за здоровье членов вашей семьи, он готов выделить людей для их охраны, чтобы ни один волос не упал с их головы. За эту услугу он просит лишь об одном: чтобы наши люди могли бы ремонтировать свои машины, пользуясь услугами вашей станции. Разумеется, бесплатно. Вот, собственно, и все. Как видите, просьба Факира довольно скромная. И еще. Он так же попросил меня передать вам, что если вы будете дружелюбны по отношению к нему, то он обязательно найдет время, чтобы познакомиться с вами лично.

Амир замолчал, и теперь выжидательно следил за бизнесменом.

«Если он сейчас вызовет охрану и попытается меня задержать, вызвав охрану, я уйду через балкон, – размышлял он, – дверь балкона приоткрыта и высота небольшая», – Амир мгновенно рассчитал путь отхода.

Но он не стал вызывать охрану.

– Сколько у вас машин? – по-деловому он перешел сразу к делу.

– Около пятидесяти, – Амир специально преувеличил количество автомобилей.

– Ну, что ж, – проговорил он, наконец, – я готов встретиться с Факиром, – он улыбнулся, разводя руки в стороны, демонстрируя свою готовность к этой встрече, – Всегда, знаете ли, приятно познакомиться с человеком, который так хорошо наслышан о твоих проблемах. Так ему и передайте.

Амир понял, что рандеву закончено, и, поблагодарив еврея за то, что он выслушал его, направился к двери.

Уже на улице, после того, как он миновал дюжих охранников, Амир похвалил себя, отмечая свое новое качество. Он взглядом показал тусовавшимся по территории Сухому и Хайдару: «Отбой!».

Это был первый крупный успех Амира в банде. Он должен был укрепить его авторитет и влияние среди бригадиров. Поднять под себя суперсовременную СТО, такую как «Реммоторс»,

было бы делом нелегким даже для давно существующих на бандитском небосклоне Москвы, группировок.

Амир доложил обо всем Факиру. И теперь сам Факир должен был встретиться с хозяином «Реммоторс».

А тем временем события по строительной фирме развивались стремительно. За прошедшие дни с помощью круглосуточной слежки Факиру удалось собрать необходимую информацию о дагестанской группировке Шамиля. Теперь он знал количество солдат у Шамиля (а их было вдвое больше, чем у Факира). Удалось установить номера и марки автомобилей, на которых передвигались «звери». Высветились несколько конспиративных квартир дагестанцев.

Чемпион, Хохлаев и Дрозд хорошо зарекомендовали себя во время этой операции.

Мало кто в банде знал, что Секретарь снабдил Факира специальной техникой для прослушивания. Теперь Факир обладал возможностью прослушивать любой, нужный ему телефон. Кроме того, с помощью специальных «клопов», он мог слушать разговор собеседников, независимо от места их пребывания. Достаточно было прикрепить такой «клоп» куда-нибудь на одежду «объекта».

События разворачивались таким образом, как и хотел бы видеть Факир. И в один из дней Соболю был отдан приказ совершить «наезд» на фирму.

Рабочий день приближался к концу, когда у подъезда здания бывшего Министерства судостроения, где теперь располагался центральный офис строительной фирмы, одна задругой остановились несколько автомашин. Высыпавшие оттуда люди с масками на лицах, были одеты в камуфляжные костюмы.

Соболь тщательно продумал эту часть операции. И с целью посеять недоумение у охраны фирмы, приказал своим солдатам переодеться в камуфляж. Более десятка человек, вооруженных автоматами, ворвались в холл офиса. Застывшие в растерянности охранники слишком долго соображали. Солдаты Соболя мгновенно обезоружили охранников с криками:

– Это РУБОП! Всем сесть на пол!

– Не сопротивляться!

Согнав их в кучу, заперли под замок в компьютерном зале.

В это время сам Соболев с двумя подручными, отбросив в сторону пытавшегося выяснить, в чем дело помощника президен-

та строительной фирмы, вошел в кабинет, распахнув дверь ударом ноги.

Президентом оказался полный молодой мужчина с пышной шевелюрой зачесанных назад волос, двойным подбородком и со-лидным брюшком, выпирающим из-под рубашки.

Подручные Соболя без слов стали зверски избивать пред-при-нимателя. Соболев включил музыку на всю громкость, так чтобы заглушить стоны. Избитого предпринимателя по прика-зу Соболя посадили в кресло. Один из подручных набросил на шею бизнес-мена тонкую металлическую цепь-удавку, грозя задушить его. И тогда Соболев стал с ним говорить.

– Запоминай, коммерсант все, что я тебе сейчас скажу. Мы – люди Факира. Он пожелал, чтобы твоя фирма стала платить ему, а не Шамилю. Поэтому считай, что мы – твоя новая «крыша».

Бизнесмен находился в состоянии аффекта. Он весь дрожал, крупный пот каплями выступал на его лбу и стекал струйками на подбородок. Подручный Соболя время от времени натягивал ме-таллическую цепь, перекрывая дыхание.

Бизнесмен понял, что сейчас его попросту задушат, и тогда для него прекратится все земное. Исчезнет этот кабинет, по-бар-ски заставленный дорогой мебелью, он лишится интимных ус-луг своих секретарш, никогда ему не ездить больше в своем до-рогом «Линкольне», ощущая себя богатым и знатным. Мир перестанет для него существовать, если он сейчас не согласится с этими страшными людьми, которые так запросто ворвались в его кабинет, несмотря на многочисленную охрану.

«В конце концов, какая мне разница – платить дагестан-цам или этим, новым? Так или иначе, государство не в состоя-нии обеспечить мне и моей фирме безопасность и неприкосно-венность. Потому что государство – это понятие виртуальное, а жизнь – реальная (ее проявление он больно ощущает сейчас на своей шее). И от этого никуда не деться. С этим придется счи-таться. Надо будет дать взятку чиновнику в мэрии, чтобы он уве-личил смету подряда... И тогда моя фирма не понесет никаких убытков. То, что я получу сверх сегодняшней утвержденной сме-ты, мне просто-напросто придется отдать бандитам, неважно, каким. А, может быть, они перестреляют друг друга? А выжив-шие вынуждены будут удариться в бег? И тогда я останусь сам по себе, без их, так называемой «крыши»?» – так, или примерно так рассуждал бизнесмен. А, решившись, стал кивать головой, принимая условия бандитов, соглашаясь платить.

– Ну, вот и паинька. Давно бы так! Вы, коммерсанты, как глупые, неразумные дети, всегда намереваетесь ускользнуть от няни, которая пытается заботиться о вас. И допускаете при этом шалости. Например, подумываете настучать ментам. Но няня вас за это будет ставить в угол. – Соболь милостиво похлопал бизнесмена по его полной щеке, – Я оставляю тебе номер своего пейджера. Сообщи своим обезьянам, что если у них возникнут вопросы, пусть свяжутся со мной.

По приказу Соболя подручный снял с шеи президента строительной фирмы удавку. Соболь бросил на стол перед ошеломленным бизнесменом клочок картона, с накарябанными на нем цифрами.

Стремительно, так же как и ворвались, они покинули помещение, сбегая вниз по ступенькам. А еще через минуту люди, одетые в камуфляж, с масками на лицах, обвешанные оружием, попрыгали в ожидающие их автомобили и растворились в общем потоке множества машин в этот «час пик».

В тот же вечер Соболь послал условное сообщение на пейджер Факиру.

День за днем текли в ожидании «стрелки» с дагестанцами. Однако никто с их стороны не выходил на связь. Это озадачивало Факира. Только Секретарь его успокаивал.

– Все нормально, Факир. Все идет в соответствии с нашим планом. Эти звери сейчас выясняют, кто такой Факир и сколько он весит. Да и не только Шамиль. Ты загадал ребус уже несколькими группировкам, и всех их озадачил.

За это время Факир съездил и повстречался с Марком Александровичем, президентом «Реммоторс». Он был удовлетворен результатом встречи, потому что на ежедневном сборе в кафе на Кутузовском, в присутствии бригадиров он очень лестно отзывался о результате «наезда» Амира на СТО.

Сегодня был день, когда Душман со своими солдатами должен был упражняться в стрельбе. Они ехали на той же бежевой проржавленной «шестерке» в сторону Дубосеково. В багажнике лежала большая спортивная сумка с оружием. Факир установил бригадам жесткий график для упражнений в стрельбе из боевого оружия. И никто из бригадиров не смел нарушить этот график. Факира ужасно боялись. Кроме того, что он абсолютно всех подслушивал, не доверяя никому, даже своей «старой гвардии»

Чечену. Он внедрил в бригады систему тотального доноительства, и теперь никто никому не мог довериться и быть уверенным в том, что уже через час об этом не станет известно Факиру. И тогда провинившегося ожидала расплата.

Кабан и Гусь, Хайдар и Сухой, несмотря на то, что они являлись его, Амира, солдатами, в любой момент могли всадить нож в спину. Амир был убежден в том, что каждый из них, кроме того, что «стучит» Факиру на него, каждый из них в отдельности «стучат» друг на друга. Таким образом, Факиру становилось известно абсолютно все. Не только слова, поступки, но и мысли его подручных. Страшным человеком был Факир!

Когда, наконец, были расставлены пустые стеклянные бутылки, все по очереди стали стрелять по ним. В начале из автомата «АКСУ», затем, из крохотного «УЗИ», демонстрируя друг другу снайперскую меткость, потом из пистолетов «ТТ» и «Макаров».

И снова Амир, как и тогда, во время тренировок, готовясь к бою с Бульдозером, не раскрывал особо своего умения поражать точно, насмерть из любого вида оружия. Стреляя из «ТТ», он нарочито из трех одну пулю посылал в «молоко», хотя ничего не стоило Амиру, безусловно владевшему оружием, попадать из десяти – девять.

Его подручные стреляли довольно посредственно. Однако Амир умышленно восхищался точностью их выстрелов. Он все больше присматривался к этой четверке, навязанной ему Факиром. Изучая их психологический портрет, делал для себя выводы. Все четверо боялись Факира. До приезда в Москву эта четверка была в составе бригады Квадрата. Именно Квадрат нашел их и взрастил, вырвав из полутемных подвалов и сырых теплотрасс. Именно Квадрат обул и одел эту четверку, накормив досыта, дал почувствовать себя людьми. Поэтому Квадрат оставался для них человеком наиболее близким в системе банды.

Кабан был здоровенным парнем, весом около ста килограммов и очень прожорливым, причем ел все подряд, особо не разбираясь в пище.

Гусю дали его кличку за его высокий рост и длинную шею. Он был долговязым и имел привычку подглядывать, вытягивая свою гусиную шею. Именно поэтому Амир не сомневался, в том, что Гусь доносит на него Факиру.

Невысокого роста плотный крепыш по кличке «Хайдар» был татаринком. Все свое детство провел на улицах Казани, в жесто-

ченных боях с соперничающими группировками. Он входил в банду под названием «Хади-Такташ». Их исконными врагами были молодые бандиты из группировок «Грязь» и «Кинопленка». Все эти группировки были так называемой, «воровской» направленности. Но Хайдар не успел стать приверженцем этой идеи. Его родители переехали в сибирский городок тогда, когда Хайдару было только четырнадцать лет. И там он попал в руки Квадрата. С тех пор он в банде. Хайдар был очень свирепым и безжалостным бандитом. Несмотря на то, что физически крепок и прошел через сотни уличных кулачных боев, он, как и Чечен, больше полагался на оружие. Причем для Хайдара не было принципиальной разницы. Он, в отличие от Чечена, не отдавал предпочтения только лишь ножу. Хайдар мог выстрелить, воткнуть вилкой в глаз, рубануть туристическим топориком, выждав момент, когда жертва этого не ожидает. Именно он, Хайдар, первый применил на практике злоеший приказ Факира в их городке – отрубать коммерсантам ступни ног или кисти рук для устрашения тех, кто колебался – платить Факиру либо покойному Нахалу.

Сухой неплохо стрелял из автомата, из пяти – два попадал в стеклянную бутылку, стреляя с двадцати пяти шагов из «Макарова». Он был очень пронырливым, этот невзрачный на вид, худенький паренек. Выросший в детдоме, он всегда выходил «сухим из воды», за что и получил соответствующую кличку.

Собирая и анализируя обрывки фраз, оброненные членами этой четверки, словно невзначай выуживая у них необходимую информацию, постепенно Амир выложил мозаику отношений между Квадратом и Факиром. Амир сделал вывод, что Квадрат тайне ненавидит Факира, считая, что Факир обделил его, оставив в городке на первых ролях не его, а Культю.

Через несколько дней Амир получил на пейджер условный сигнал, означающий «сбор три». К тому времени он уже бывал в Лужниках вместе с Юлией. Там они неплохо проводили время.

Бар, в который приехал Амир по приказу главаря, действительно предназначался для дорогой и изысканной публики. Рядом с Факиром, как всегда по правую сторону, подчеркивая свою значимость, сидел Секретарь. Он становился в Москве правой рукой Факира, оттесняя на задний план Чечена, что особенно не нравилось последнему. Амир подмечал и это.

Они сидели в отдельной кабинке, Факир заранее позаботился о том, чтобы никто не нарушил их покой, выставив людей на улице и заперев дверь. Тут, в кабинке, присутствовали только бригадиры. Факир начал с него.

– Душман, тебе все никак не удастся показать свои афганские способности. Все, что ты делал до этого, это херня, – перед Факиром лежала крошечная складная карта Москвы, – вот здесь, за МКАДом, сразу за Солнцево, есть скромная пивная. Соболев, ты набьешь «стрелку» со «зверями» в этой пивной. Абдулла, со своими людьми рассредоточишься таким образом, чтобы на случай необходимости мог поддержать Чечен. В назначенное время на «стрелку» поедешь ты, Чечен, и назовешься Шамилем моим именем. Пивная открывается за час до «стрелки». Твои люди, Чечен, должны будут до открытия подменить полностью весь персонал. Их там пять человек. Загоните в подсобку без кипеша, свяжите им руки и ноги и заклейте им скотчем рты, чтоб не вякали. Таким образом, персоналом будут твои переодетые боевики, а за стойкой встанет Душман. Именно ты, Душман, должен будешь убрать Шамиля. Остальное все сделают люди Чечена. Люди Абдуллы – на подстраховке. Соболев, ты не светишься. После того, как не станет Шамиля, ты, Соболев, будешь в контакте с этой жирной свиньей, президентом фирмы.

Как всегда, Факир говорил лаконично, отдавая приказ тоном, не терпящим возражений.

Всю ночь Амир не спал. «Стрелка» была назначена завтра. Ворочался с боку на бок в своей однокомнатной квартире, его мысли метались, обращаясь воспоминаниями то к совхозному парню Абенычу, то к Афгану, припоминая день смерти Лехи, то к Юлии, красивой и дорогой самке, то, возвращаясь к своим постаревшим родителям. Сон его был тревожен. Так когда-то он проводил ночи в Афгане перед тем, как отправиться на боевые.

На следующий день в назначенный час все произошло в точности, как предписывал им главарь, за малым исключением того, что один из сотрудников пивной вдруг заупрямился, попытался оказать сопротивление. А так, как времени было в обрез, вот-вот должны были нагрянуть дагестанцы, Чечен попросту полоснул по горлу белобрысого парня на глазах у ужаснувшегося персонала. Все остальные, ошеломленные произошедшим, в один миг стали ручными.

– Какая разница – одним трупом больше, одним меньше, –

пояснил тонколицый злой Чечен своим боевикам, никак не ожидавшим такого расклада.

Персонал заперли под замок. Боевики Чечена мгновенно облачились в сдернутую с людей униформу.

Амир, поправив на себе куртку, подошел к зеркалу и придирчиво осмотрел свое отражение. Внешне он был спокоен. Поправив сбитую прическу, он поднял сумку с «Калашниковым» и прошел на свое место за стойку бара. По-хозяйски осмотревшись, Амир быстро разобрался, где, на каких полках находятся крепкие спиртные напитки, в каких бочках пиво, разглядел и ящики с фисташками и солеными орешками. Все было готово в пивной к приему «гостей». Достав из сумки, Амир тщательно протер белой накрахмаленной салфеткой тускло отсвечивающий «калаш». Снял с предохранителя, и, передернув затвор, дослал патрон в патронник. «Теперь можно косить», – подумал он успокоено.

Дагестанцы подъехали на десять минут раньше условленного времени. Два крутых «БМВ» одна за другой припарковались напротив. Из машин вышли рослые, давно не бритые, с заросшими щеками мужчины кавказской национальности. Даже не осмотревшись по сторонам, они беззаботно, словно дети, вошли в пивную и стали кричать:

– Кто хозяин? Почему не встречаете, шакалы!

– Разнесем вашу пивнушку вдребезги!

Впереди, с массивной золотой цепью на шее, шел свирепого вида кавказец. Он не кричал. Без слов прошел за стол и, присев, стал внимательно осматривать помещение.

К нему и подбежал, угодливо склонив голову, один из боевиков Чечена, выдавая себя за старшего.

– Я прошу прощения, хозяина сейчас нету. Я заведующий залом. Вы Сегодня наши первые клиенты. Что бы вы хотели покушать и выпить? – боевик Чечена положил перед Шамилем кожаную папку меню.

«И последние», – подумал Амир, косясь одновременно на часы, в ожидании Чечена и на автомат

Шамиль молча отодвинул меню в сторону и попросил для себя пива. Сопровождавшие его дагестанцы наотрез отказались от чего бы то ни было. Восемь человек, они сидели за двумя столиками позади Шамиля.

Амир нервничал. Ему казалось, что Шамиль сейчас обо всем

догадается. И тут показалась медленно, скрипя и переваливаясь сбоку на бок, «Волга», на которой должен был приехать Чечен. Вот она осторожно пристроилась позади двух «БМВ», на которых приехали дагестанцы, перекрывая им место для маневра.

Чечен вышел из «Волги» так, будто он приехал по меньшей мере на шестисотом «Мерседесе». Он был в темных очках и голубом джинсовом костюме. В зубах у Чечена был длинный мундштук со вставленной в него сигаретой. Неторопливым шагом он проследовал в пивную и застыл на входе, изображая, что шокирован количеством присутствующих здесь дагестанцев. Для большей убедительности сделал движение, будто намеревался уйти по добру поздорову. Однако к нему навстречу уже бегом бросились два дюжих небритых дагестанца. И опять Чечен удивил Амира своим артистизмом. Он, словно бы опомнившись, не обращая внимания на бегущих, сам направился к столику Шамиля со словами: «Я – Факир».

Правая рука Амира лежала на спрятанном под барной стойкой автомате. Чечен, отодвинув стул, уселся прямо напротив Шамиля и стал что-то тихо и быстро говорить.

«Что же он тянет?» – нервничал Амир. Однако, Чечен осторожно-ничал, пытаясь оттянуть время, пока все дагестанцы не усядутся на свои места. Перебивая Чечена, брызгая слюной, стал орать Шамиль. Выбрасывая из груди гортанные слова, Шамиль махал перед самым лицом Чечена волосатыми руками, обвешенными золотыми браслетами.

– Ты, черт! – кричал он, – Ты еще не знаешь, с кем связался! Сейчас мои люди вначале трахнут тебя, отрежут голову, отрежут твой поганый член, и засунут его в рот! Вот, что ты заслуживаешь!

Амир от Кульги неоднократно слышал, что Чечен виртуоз в работе с ножом. Но он никак не мог предполагать, что последний нарушит приказ Факира. Единственное, что он успел заметить, как сходит кровь с лица Чечена и на щеках проступают белые пятна. Почти неувловимое движение совершил супер-киллер Факира, выбросив руку вперед, словно бы защищаясь от наседавшего на него Шамиля. Фраза дагестанца прервалась на полуслове, как будто он задохнулся от возмущения. Что-то булькнуло, хлюпнуло, и Шамиль осел на стул, схватившись двумя руками за горло. Только тогда Амир увидел, что сквозь пальцы Шамиля упругими струйками прямо на стол брызжет темная кровь.

Чечен что-то дико закричал и в гигантском прыжке бросился на пол в сторону от не успевших ничего понять дагестанцев. Амир выхватил из-под стойки заскучавший «калаш» и резанул длинной очередью по сгрудившимся за столами противникам. Он расстреливал их, как в тире. Что для бывалого афганца восемь безмозглых «зверей», даже не позаботившихся о собственной безопасности? Насколько могущественными они себя чувствовали, но в этот раз они обманулись.

Дагестанцы дергались, как тряпичные куклы в кукольном театре, покорно принимая в себя горячие безжалостные пули, летящие из автомата Амира. Теперь уже стреляли и другие боевики Чечена. Грохот стоял в пивной такой, как когда-то в далеких теперь горах Афгана. Через минуту все было закончено. Восемь трупов лежали так же, сгрудившись, один на другом, как и сидели за столами. Все они были вооружены, но никто из них не сумел воспользоваться своим оружием. Густая кровь, растекаясь, заливала пол в пивной.

Факир был доволен. За несколько месяцев пребывания в Москве ему удалось загнать под свою крышу ряд крупных коммерческих структур. Вобщак банды потекли солидные суммы денег. А главное он заявил о себе в столице. Серьезные криминальные авторитеты города были встревожены и озабочены. В гонку за раздел пирога вступила, немногочисленная по их сведениям, но очень кровавая банда. Секретарь докладывал Факиру о том, что представители нескольких группировок делают попытки сесть за стол переговоров. Факир еще больше ужесточил дисциплину, закрепив специального диспетчера, который ежедневно докладывал ему лично.

Перед бригадами была поставлена жесткая задача: трижды в день, утром, в обед и вечером посылать условные фразы на пейджер Диспетчеру. Диспетчер по указанию главаря разработал целую систему шифров. И обучил им бригадиров. Он же, по приказу лидера ввел тотальное прослушивание телефонов и слежку за отдельными членами банды.

Малоизвестный в банде, Диспетчер быстро набирал злобный вес. Внешне это был маленький, плюгавенький мужичок с глянцевой лысиной. Он был неприметен. Плохо одевался, появлялся невыбритый, в измятой одежде.

Поначалу никто не мог сообразить, что это за типчик. Многие

молодые бандиты по привычке оценивать людей по толщине бицепса, даже успели поиздеваться над Диспетчером. Он терпеливо снес все это. Но теперь стал отслеживать их, прослушивая телефоны и подавать это на блюдецке главарю, постепенно создавая негативное мнение.

Расстрел дагестанцев в пивной вызвал переполох в криминальных кругах города. Городская милиция, в буквальном смысле, сбилась с ног, пытаясь нащупать концы. Однако все их попытки были напрасны. Даже лидеры крупных преступных группировок, в недоумении разводили руками: «Мол сами ничего не можем понять!» А Факир потирал руки. Он позволил бригадирам отметить это событие, бандиты нуждались в разрядке, а потом всем залечь на дно.

Гулять начали ближе к вечеру. Как и тогда когда отмечали благополучный переезд банды в Москву, в большом зале, где были накрыты длинные столы. Факир милостиво разрешил вызывать девочек.

Хозяин заведения, хорошо подсуетился. Столы ломились в буквальном смысле от изобилия еды и питья. И как всегда главарь прежде всего позаботился о безопасности. Диспетчер установил график дежурства боевиков на подъездах. Вход в него должны были охранять двое молодых, крепких парней.

Небольшая стоянка перед кафе стала набиваться подъезжающими автомобилями. Водители высаживали пассажиров-членов банды и отъезжали на заранее оговоренные места парковки. Факир предусмотрел и это, чтобы перед заведением не было автомобильного столпотворения. Лишь только два BMW с мощными двигателями, оставались перед входом, на всякий случай.

Бандиты оживленно обнимались друг с другом по традиции, похлопывая по плечам, крепко пожимали руки. День стоял морозный. На кануне в Москве выпало много снега, поэтому на улице не задерживались. Проходили сразу внутрь. Долгое время рассаживались. Амир, наблюдая со стороны видел, что бандиты кучкуются побригадно.

«Инстинкт стада!» – с презрением подумал он.

Проследив за тем, как усядутся его подручные: Кабан, Гусь, Хайдар и Сухой, Амир проследовал в отдельный кабинет, где намеревался пировать Факир.

Сегодня старшим на вечер был назначен Чечен. Он должен был неотлучно находиться с «братвой», регулировать пьянку и

следить за порядком. Последнее время Чечен стал более демократичней с членами банды. Видимо рассчитывал найти поддержку в массе, после того как его роль в банде стала приниматься, параллельно росту авторитета Секретаря и Диспетчера.

Однако у Секретаря с Амиром складывались хорошие отношения, если их можно было таковыми назвать. К Чечену Секретарь относился очень настороженно, с подозрением. А Чечен не любил Амира, хотя не любил, – это было мягко сказано. Одним словом отношения в банде были далеко не простыми. Факир умышленно стравливал членов группировки, опасаясь бунта на корабле.

С переездом в Москву Факир, находясь под бдительным оком Секретаря, полностью сменил свой стиль.

В городке Факир одевался в джинсовый наряд, подчеркивая свою близость с «братвой». Теперь он стал носить дорогие темные костюмы от «Версаче», «Boss». Кисть его правой руки украшал золотой «Роллекс», усыпанный бриллиантами. Во внутреннем кармане главаря покоился туго набитый бумажник.

Как-то телохранитель лидера, боевик по кличке «Немой», хоча, ляпнул неосторожно, что Факир никогда не выходит из дома, если у него на расходы нет тридцати тысяч. В банде в последнее время поползли смутные слухи о том, что главарь по ночам просаживает крупные суммы денег в роскошных казино. Кто распускал эти слухи, было неизвестно.

Братва, тем временем, уже гуляла всюю. В зале гремела музыка, изрядно выпившие бандиты перемешались. Факир по традиции произнес тост. Говорил он с братвой теперь не так, как когда-то в городке, на блатном жаргоне. Речь Факира была грамотной, словно это говорил культурный бизнесмен, политик. Оттого она была не очень понятна «стриженной братве». Они лишь из страха кивали головами. На самом деле, речь главаря им не нравилась.

Подъехали заранее вызванные проститутки, косяком выпорхнув из машин. «Братва», радуясь и предвкушая скорое удовлетворение плоти, оживленно зашумела. Путаны были со знаменитой Тверской. В основном приезжие с Украины, согласные на нелегкие заработки. Разномастно одетые, увешанные блестящей дешевой бижутерией, замерзшие на холоде в ожидании клиентов, путаны радостно ныряли в тепло помещения. Бандиты тут же, забыв обо всем на свете, бросились расхватывать проститутку.

Факир сидел во главе стола отдельного «штабного» кабинета. По правую руку от него, валяжно развалившись в кресле, скрестив ногу на ногу, возлежал Секретарь. Бригадиры Соболев и Абдулла привели с собой «телок». Это были проститутки на разряд выше тех, с Тверской. Факир и Секретарь были без женщин. Факир даже в этом изменил своей привычке. Теперь он не трахал кого попало, как в городке. Где-то они оттягивались вместе с Секретарем.

Амир тоже был один. Юлию он, естественно, пригласить в этот вертеп не мог. Во-первых, на нее могли запасть Факир или Секретарь. С ними ему пока не совладать. Еще не пришло время. Да и сама Юлия была продажной и легкомысленной. Это пока ей нравилось удивлять и поражать полудикого азиата своей вседозволенностью и водить его с собой, как экспонат. Во времена царя Петра было модно иметь в своем окружении азиата, либо дикого черкеса с имперской окраины.

Изюминкой, украшением стола сегодня был зажаренный целиком молочный поросенок. Шустрый официант, ловко орудовавший огромным сверкающим ножом и двузубой вилкой, виртуозно расправился с хрустящей, истекающей вкуснятиной, отсекая лакомые куски и подавая их сразу же на стол.

Факир с Секретарем вдруг заторопились, поглядывая на часы. Амиру тоже не было смысла оставаться и мешать бригадирам развлекаться со своими телками. Дождавшись, когда лидеры покинут помещение, Амир тоже засобирался.

В большой зале, куда он вышел, был настоящий Содом и Гоморра. Бандиты трахали проституток, где попало, в самых извращенных позах. Все перемешалось здесь: музыка, визг и плач девиц, дикий хохот бандитов, звуки выстрелов пробок бутылок шампанского.

* * *

Хохленок был веселым, неугомонным пареньком. Среднего роста, чернявый, с живыми жгучими глазами, он не выделялся среди членов банды большими бицепсами. Но он с малолетнего возраста крутился в качковых подвалах, там, где формировалось ядро «факиров», И хотя никогда не поднимал тяжелые штанги, участвовал во всех публичных драках вместе со своими. Обладая непоседливым характером, он становился заводилой

среди молодых начинающих бандитов. Зная способности Хохленка, именно его Абдулла выделил от своей бригады для наружной слежки за солдатами Шамиля. За последние годы отчаянный Хохленок значительно прибавил. Авторитет его вырос не только в бригаде, но и в банде, особенно с момента переезда в Москву. То, о чем умалчивали или обходили из боязни мести рядовые бандиты, Хохленок поднимал, требуя пояснений от лидеров. Ставил порой их в невыгодное положение.

Он очень выделялся из общей массы. В последнее время Абдулла косо смотрел на него. А так как мешающий, словно заноза, Хохленок был беспшашным по своей природе, он не выдерживал всех этих ограничений, введенных в банде. Для него не существовало «табу». В его крови наверняка текла вольная казацкая кровь. Мало того, что Хохленок напивался, вопреки запретам, в последние дни он оборзел, обсуждая приказы Абдуллы. Не боялся язвить в разговоре и с самим Факиром. Что касается Секретаря, то Хохленок делал вид, что вообще его не воспринимает. В другой ситуации, может быть, кривая судьбы наоборот взметнула бы балагура и весельчака на гребень иерархической лестницы. Ему бы присмотреться повнимательней к отношениям, вызревающим в банде, осмыслить. Он же, словно неразумный жеребенок, мчался во весь опор к самому краю, где внезапно кончалась под ногами земля, и открывалась зияющая пропасть.

Абдулла теперь, будучи озабочен растущим авторитетом своего молодого подручного, чувствуя, что он закусил удила и выходит из-под контроля, решил подставить его Секретарю. Умный Секретарь быстренько сообразил, как лучше использовать эту ситуацию. Факиру для укрепления внутренней дисциплины нужна была кровь одного из известных членов банды, чтобы на этой крови посеять страх и трепет перед главарем. Секретарь же собирался отомстить глупому, зарвавшемуся бандиту, с другой стороны, оказывая услугу Абдудю, он записывал бригадира к себе в должники.

Взвесив ситуацию и тщательно оценив ее, он не стал откладывать дело в долгий ящик. Секретарь дал задание Диспетчеру следить за Хохленком. Участь становившегося опасным для многих бандита с этой минуты была решена. Ну и ждать долго не пришлось, так как Хохленок сам приблизил свой конец, облегчив всем задачу.

Он не явился на «стрелку». Бригада Абдуллы собиралась вые-х-ать на «стрелку» с «ореховскими», постоянно враждовавши-

ми между собой. Суть была в том, что Абдулла наехал на коммерсанта, занимавшегося перегонном поддержанных автомашин из Германии. Боевики Абдуллы отняли у него почти новенький «Мерседес». Попросту говоря, «кинули», рассчитывая навариться на перепродаже автомобиля. Коммерсант обратился за помощью к «ореховским» бандитам. «Ореховские» в свою очередь, выследили двух парней Абдуллы, и хорошенько избив обоих, одного из них закрыли в подвал, а второго послали с ультиматумом к бригаде. Ультиматум был краток: «Либо вы возвращаете машину, либо мы убьем заложника». Взбешенный Абдулла собирался нанести ответный удар. Членам бригады был отдан приказ собраться в пункте «сбор два». Вот на эту «стрелку» и явился Хохленок.

Вооруженные боевики Абдуллы на трех машинах выехали на встречу с «ореховскими». Она была назначена на заброшенном пустыре за городом. Когда Абдулла обсуждал суть этой «стрелки» с Факиром и предложил главарю свой вариант, возмущенный Факир выхватил из-за пояса автоматический «Стечкин» и чуть было не разрядил в него обойму. Абдулла предлагал Факиру «развести» коммерсанта. Предложить «ореховским» за откупную выпустить их боевика.

– Ты с ума сошел, – шипел Факир, – ни в коем случае нельзя включать заднюю. Убей всех, кто приедет на нее, кроме одного. Вынь из него душу, но узнай, где они содержат твоего человека, а когда освободишь, пусть этот боец собственноручно застрелит «ореховского».

Противники ждали в назначенном месте. Как и все столичные бригады, они были настроены на предварительный разговор. Хотя все до единого были вооружены. Люди Абдуллы открыли огонь, не дожидаясь остановки машин. Палили одновременно из окон всех трех автомобилей. Автоматные очереди частили, словно китайская трещотка, разносясь гулко далеко за пределы пустыря. Кое-кто из «ореховских» все же успел выхватить оружие, раздалась ответная стрельба, которая, впрочем, не могла нанести какого-либо урона «факирам». Машины Абдуллы кружили по большому кругу вокруг «ореховских», непредусмотрительно выбравшихся из своих машин, и щедро поливали свинцом. Все закончилось стремительно. Корчившихся в агонии недобитых врагов тут же достреливали одиночными выстрелами в затылок. Десятерых «ореховских», приехавших на двух машинах, погрузили в их же тачки, облили бензином и подожгли.

Уходили на бешеной скорости, забрав с собой одного недобитого, легко раненного противника, оставив два черных смердящих жареным человеческим мясом костра.

Пытали паренька в подвале, подвесив за ноги к бетонному потолку. Он недолго сопротивлялся, и выдал, где находится взятый в заложники боевик. Вскоре люди Абдуллы нашли его по указанному адресу и привезли в подвал, где освобожденный и подвергнувшийся избиениям боевик Абдуллы, выполняя приказ, собственноручно пристрелил паренька. т

В воскресный день Факир собрал банду в полном составе в лесу, куда приезжали стрелять Амир со своими подручными. Отсюда, из глубинки, звуки стрельбы не доносились до трассы.

Связанного Хохленка Факир приказал вывести на середину.

– Братва, – сказал Факир, – Хохленок предал нас. Он не явился на «стрелку», когда вся его бригада подвергалась смертельному риску. Диспетчер установил, что в это время Хохленок пьянствовал в баре. За предательство – смерть! – Факир вынес приговор.

Взоры нескольких десятков бандитов были обращены к бесшабашному Хохленку. Хотя они были безразличны к чужой жизни, веселого Хохленка всем было жалко, но страх перед Факиром вынуждал их молчать. Понимали, что Хохленок обречен, и жить ему осталось всего несколько минут.

Амир сидел на корточках, несколько отдаленно от общей массы, наблюдая за происходящим. Хохленка ему не было жаль. Амир понимал, что на месте Хохленка сегодня мог оказаться любой другой, в том числе и сам он. Факиру нужна была кровь. И он ее получит любой ценой.

Только теперь чернявый, с казацкой кровью в жилах, паренек осознал, что с ним не шутят. В его жгучих глазах промелькнула тревога. Оглядев насупившихся «факиров», он понял, что помощи ждать не откуда. Здесь разыграна его карга. А жить Хохленку хотелось, ой как хотелось! Несмотря на это, он не стал валяться в ногах и просить пощады у Факира, а возмущенно потребовал от главаря:

– Я че, сука, мало сделал для «факиров»! Развяжи хотя бы руки.

Никто и никогда из членов банды не мог оскорбить Факира и остаться после этого в живых. Да и самому Факиру надоела затянувшаяся показательная церемония «справедливого возмездия». Трижды дернулся в руках лидера «Стечкин», три свинцовых шмеля пронзили насквозь грудь непослушного парня.

Хохленок вскинулся, будто хотел еще что-то бросить оскорбительное, затем подогнулся в коленях и рухнул лицом в мокрую землю.

– Абдулла, закопайте его! – приказал Факир. Члены банды стали разъезжаться.

* * *

Веселый – высокий, белокурый блондин с белесыми бровями в свое время был классным боксером. Мальчишкой он посещал секцию бокса. Ему нравился запах пота в зале. Звуки топота десятков ног,двигающихся в парах. Он хотел стать сильным, поэтому упорно тренировался. Тренер заметил настырного паренька и стал больше уделять ему внимания. Он заставлял Веселого бесконечно прыгать на скакалке, лупить по мешку, бегать кроссы. Появились и первые успехи: призовое место на чемпионате города. Еще через год – области. К восемнадцати годам Веселый выиграл зональный чемпионат и завоевал право на участие в первенстве страны среди «юниоров». Перед ним открывалась боксерская перспектива.

Последний год Веселый сдружился с Толяшей. Толяша приходил тренироваться к ним в зал. Он был на год старше Веселого, пошире в плечах, и, в отличие от приятеля, злой. Вскоре их стали видеть вместе повсюду: на тренировках, дискотеках. Толяша тоже мог стать сильным боксером. Он был левша и работал в правосторонней стойке, неудобной для многих соперников. Сбитый, коренастый Толяша умело входил в ближний бой, мощными ударами проламывал защиту противника, и дальше пускал в ход свой левый боковой. Это был нокаутирующий удар. Трудно было устоять на ногах от такого удара. Именно за этот удар он и получил почетную кличку «Боксер».

Случилось так, что они оба, вначале Веселый, затем Толяша примкнули к группировке «факиров». Сам Факир тогда был на зоне. Веселого подтянул к себе Череп, который управлял на тот момент. Другим польстило, что они быстро завоевали авторитет среди самой многочисленной и беспощадной группировки города.

Постепенно подпали они под установившиеся законы «факиров», выходя вместе со всеми на стычки с противниками. Спортивная жизнь: тренировки, ринг – отодвинулись на задний план,

а на передний все больше выступал пресловутый авторитет в группировке. В один прекрасный день не стало Черепа. Так и осталось тайной для рядовых членов банды, кто его убил. Лишь со временем станут просачиваться слухи, что Черепу застрелил Факир. Но об этом предпочитали говорить шепотом. Веселый и Толяша, наслышанные о нем, особенно не роптали, когда появившийся Факир стал наводить свои порядки.

Друзей главарь подметил и, понаблюдав за ними, стал всячески выделять их. У Факира были свои виды на друзей. Из них, со временем могли получиться хорошие бригадиры. А пока они оба были в бригаде Соболя «звеньевыми». Под каждым из них было несколько человек, составляющих «звено». Соболев был старше по возрасту, да и жизненного опыта и авторитета у него хватало с запасом. Он никогда не был активным спортсменом, как Боксер или Веселый, но был от природы крепкий и дерзкий. За его спиной было три года, проведенные в колонии для несовершеннолетних, где он выжил только благодаря своей смелости.

С друзьями у Соболя складывались нормальные отношения. С их стороны он не ожидал подвоха. Но со временем в дружбе Толяши и Веселого стали появляться первые, почти невидимые трещины. Факир, прошедший лагерь, прекрасно освоил в зоне умение создать интригу. Когда у Толяши появилась машина, Веселый обрадовался. Через некоторое время, после обработки его главарем, он стал косовато поглядывать на друга. Вскоре и Толяша, прежде готовый глотку вырвать всякому, кто скажет бы о друге нелестное слово, порой с завистью посматривал на какие-то успехи Веселого. Тонко, умело, неторопливо, семя за семенем бросал Факир ядовитые отравленные зерна на благодатную теперь почву. В банде их продолжали считать друзьями, да и сами Толяша и «Веселый» так думали, несмотря ни на что, прощая друг другу.

Москва требовала больших денег. Факиру нравилась роскошная жизнь в столице. Ночные кутежи в богатых клубах. Все чаще он подсылал «Веселого» на родину, в городок к «Кассиру» за обшачковскими деньгами.

Нелегко было Квадрату на родине сдерживать натиск расплодившихся конкурентов. После того, как Факир увез самых лучших бойцов в столицу, приток молодых в банду приостановился. А в это время главарь требовал отправки все новых кру-

гленьких сумм. Кулья и Квадрат недоумевали. «Веселый», приезжавший за деньгами рассказывал, что дела у «факиров» идут хорошо. Что загнанные под крышу крупные фирмы, отчисляют солидные суммы.

А Факир опять проигрался. Он проиграл общаковские деньги, и это была немалая сумма. Такую сумму трудно будет затереть. Недостача ее в казне рано или поздно проявится. И опытный интриган решил списать все на «Веселого». Он несколько раз тайно вызывал к себе «Боксера».

– Толяша! Твой кент крыса! Я говорю про «Веселого».

«Боксер» вдруг заупрямился.

– Да нет, Факир, не может этого быть.

– Ты мне не веришь? Век воли не видать! Он крыса! Ты видел у него рыжий браслет на руке? Видел? А у тебя такой есть?

– Нет! – отрицательно покачал головой Толяша, со скрипом соображая, что и вправду, на кисти у друга он видел массивный золотой браслет. «Почему-то Веселый не говорил, на какие лавэ он купил его», – отравленные зерна стали давать первые росточки.

Факир не торопил Боксера, время от времени подбрасывая яд. Он терпеливо объяснял тугодуму Толяше, что Веселый метит на место Соболя. Хотя у Боксера заслуг в банде побольше, чем у его нечистоплотного друга. День за днем заводил главарь своего подручного, убедив, что Веселый запустил руку в обшак, не довозит взятую сумму в целости.

– Этот твой кент – крыса. Ты за него в ответе. Поэтому ты должен убить его. А если ты не сделаешь этого, значит вы вместе крысятничали. Тогда я вас рядышком зарюю.

– Факир, да ты что? Ты же меня знаешь! Я за него не в ответе, может, Веселый и брал, но я тут ни при чем, – дрогнул Толяша. Он уже ничего не соображал. Ядовитые семена, посеянные Факиром, дали всход. Боксер уже не верил другу. А тут еще умирать за чужой куш, он-то знал, что тех денег, что скрысятничал Веселый ему не доставалось.

– Короче, Боксер, сделаешь дело, подгоню тебе «мерс», а то, что Веселый – крыса, – не сомневайся. Зачем тебе за него отвечать, если он твой кент, постоянно дурит тебя, и подставляет. Ведь мы могли расценить все по-другому.

Толяша знал, что будет, если Факир расценит по-другому. Холод пробежался по его спине. Бессвязные картины замелькали

перед его глазами. Холодная сырая могила, в которую зароют, в случае если они подумают, что он имел отношение к деньгам, которые крысил Веселый. И если откажется завалить кента, то его тоже зароют.

«Жить охота! Что я должен за кого-то подыхать. Веселый – крыса!», – накручивал себя Толяша, понимая, что за Факиром банда, против него не попрешь. С другой стороны, замаячил обещанный «мерседес».

Толяша мечтал о такой крутой тачке.

«Если не я, все равно кто-то другой завалит Веселого, – тоскливо подумал Боксер, – но тогда не будет ни «мерседеса», ни меня самого».

– Хорошо, Факир. Я сделаю. Когда надо? – спросил он.

– Даю тебе два дня. С тобой поедет Дрозд. Но вначале объяви ему приговор. Чтобы все было по справедливости, – приказал многоликий Янус – главарь.

Боксер вывез Веселого за город под предлогом, что на дальних дачах их ждет Факир. Присутствие Дрозда усыпило бдительность Веселого. У него и в мыслях не было ничего плохого. Безмятежно он уселся в машину, за рулем которой сидел Дрозд. Толяша устроился сзади. Около часа они выбирались из Москвы на трассу. В салоне играла музыка, Дрозд рассказывал о своих подвигах с «телками». Веселый хохотал. Толяша притулился на заднем сиденье, делая вид, что задремал.

– Притомился Боксер, тоже видать с девочками всю ночь воевал – похихикивал подручный Факира.

Дорога пошла лесом. По обе стороны тянулись белоснежные, нарядные березки. Воздух был чист, хотелось глубоко дышать. Веселый вдыхал полной грудью, высунувшись в окно.

– После Москвы чувствуется контраст, – говорил он.

Дрозд остановил машину.

– Отольем на природе? – предложил он. Веселый рассмеялся. Он вышел из машины и потянулся до хруста молодым, сильным телом.

– Толяша! Хватит дрыхнуть! Такой воздух! Вылезай, подыши, – позаботился он о друге.

– Дыши, дыши! Тебе осталось немного, – проговорил Боксер, выбираясь из машины с наведенным на Веселого пистолетом «ГТ»

– Завязывай, Толяша. Убери в сторону ствол. Ты что, здесь ре-

шил пошмалывать? – ничего не подозревая Веселый, опять потянулся.

– Ты крыса, Веселый, ты запустил в общак свою грязную руку. За это тебя приговорили. Так что, не обижайся, – произнес приговор Боксер.

Веселый недоумевал: «Какой общак? Какие деньги? Ведь он их никогда не брал. Все что он привозил, Факир сам лично пересчитывал», – удивленный поведением друга, он возмутился.

– Кто тебе такую херню сказал? Толяша, ты что несешь? Кто меня приговорил?

Но у Боксера перед глазами уже отчетливо вырисовывался темно-синий «мерседес» с кожаным салоном, с люком, с системой «квадро».

– Боксер, не тяни, – посоветовал Дрозд.

Толяша поднял ствол на уровень груди, нацелив на сердце, и спустил курок. Веселый продолжал стоять, слегка покачнувшись. Под его кожаной курткой на рубаше стало быстро расплываться темное пятно. Скосив глаза, он посмотрел на кровь, потом на Толяшу, затем на Дрозда и только тогда наконец-то все понял. Но было уже поздно. Наверное, он пожалел о своей безалаберности.

«В последнее время Толяша был сам не свой. При разговоре убирав глаза в сторону», – вспомнил Веселый. В голове у него все вдруг помутилось. Березки, словно взявшись за руки, закружились перед глазами, захороводили. Только недавно лившийся в легкие густой воздух, куда-то исчез. Веселый перекосялся в лице, посинел, широко разевая рот как рыба, выброшенная на берег. Невидящими глазами, шаря руками перед собой, он шагнул в направлении Толяши, и, споткнувшись об лежащую корягу, упал в траву. Боксер быстро наклонился к бывшему другу и выстрелил ему в затылок.

ОСВОБОЖДЕНИЕ АБАЯ

Когда на голову человека обрушивается несчастье, оно придавливает его своей многотонной тяжестью. Скрученным легким неведомо становится дышать, а сердце, ухнувшее куда-то вниз, замирает в тревоге. Так устроена жизнь. Несчастье редко кого обходит стороной. И каждому кажется, что оно подкараулило именно его, да еще в самый неподходящий момент. Так бы-

ло и с Абаем. Все, что произошло с ним, эта страшная явь, рухнувшая на молодого, неокрепшего парня, надолго подавила его.

Кошмарные события на площади, изуверские допросы в кабинетах следователей, суд, зона. Пока шло следствие, он еще держался, веря слепо, надеясь в то, что не должно с ним ничего плохого произойти. Потому, что он полюбил. Самую красивую, самую чистую и прекрасную девушку на планете. «Нас нельзя разлучать. Мы любим друг друга» – кричала каждая клеточка его тела.

Он метался по камере в отчаянии, волнуясь за любимую. Успокаивая себя ненадолго, слабо тлеющей надеждой на скорое освобождение. Переживал за несданную сессию. Суд отрезвил его, отрезав безжалостно, дорогу на свободу и скорую встречу с той, которая не покидала его мысли ни на минуту.

От вынесенного приговора, земля будто ушла внезапно из под ног, и он провалился в бездну. Все его чаяния, что его оправдают, отпустят на волю, и он вновь увидит Гаухар, услышит ее чарующий голос, заглянет в большие удивительно чистые глаза, обрамленные темными ресницами, в одночасье рухнули.

Будто одетый в красное, палач, раскаленным добела в пламени тавром, впечатал срок в его обнаженное, любящее сердце. Абай почувствовал, как содрогнулось оно от чудовищной боли, а тело покрылось холодным потом.

Он представил себя тонконогим, неосторожным жеребенком, оторвавшимся от опытных, могучих родителей, попавшим в окружение хищных гиен. Обреченно несущимся по кругу, как SOS посылая в небо, отчаянное ржание, в надежде на спасение. Но спастись ему было не суждено. Другая судьба была уготована ему.

А потом он ждал этапа и боялся ехать в зону. Вспоминая некоторые рассказы провидца о его лагерных перипетиях, Абай, хоть и смутно, но все же представлял себе насколько там ему будет трудно. В свои неполные двадцать, он хоть и не был из робкого десятка, но зона его пугала. Он не знал, кого он там встретит, что за люди будут его окружать, как себя с ними вести. Одно он знал твердо, в обиду себя не даст. – «Если придется, буду стоять до конца» – решил Абай, не замечая, как сжимает кулаки, готовясь отразить любое посягательство на его честь.

Так, наверное, переживает юнга, впервые ступивший на зыбкую палубу судна, непроизвольно примеряя себя к беспощадным условиям, в которых теперь предстоит ему выживать.

Зона его шокировала. Больше года жил с замершим сердцем, в каждом человеке видя опасность для себя. Ему не хотелось возвращаться в пахнувший интригами барак, а, придя поневоле, хотелось раствориться в нем, превратиться в струйку, чтобы затечь в расщелину пола до утра. В промзоне он немного оживал. Гудевший в горне огонь, взвихрившийся длинными языками пламени, вселял в него уверенность. С этой уверенностью он жил до съема. Но, как только пройдя шмон, переступал в жилой лагерь, с досадой ловил себя на мысли, что вновь чувствует себя беззащитным. У него не было конкретных врагов. Все вокруг: ушлые «мужики», блатующие «отрицалова», «крупные лагерные козлы», многочисленные «вязанные», даже зоновские «изгои» — были для него потенциальными врагами. Неизвестно, откуда могла прийти беда. Так и жил он точнее выживал, в затерянной среди желтых песков зоне. В самые трудные минуты, когда уже становилось невозможно дышать под тяжестью испытания, упавшего на него, он мысленно обращался к духу аксакала Каратаса.

Ата! — восклицал он. — Не жазыгым бар! В чем моя вина! Ведь я и вправду не ожидал, что такое может произойти. Я пошел туда на площадь потому, что не мог не пойти с Гаухар. А уже там я, глядя на тысячи таких же, как сам молодых людей осознал, что я казах. А потому я не имел права промолчать, не подняться на ту злосчастную трибуну. Впервые за свою жизнь я почувствовал свою сопричастность и ответственность за происходящее. О, аксакал! Если бы вы только знали, как мне трудно здесь. Я чувствую себя пташкой, попавшей в силки. Помогите же мне! Дайте мне дух! — молил он умершего старца. Но аруах старца оставался безмолвным.

Отчаянно Абая не было предела. Он был один на один со своей ношей. Одиनेшенек в окружении врагов. Противоречивые мысли сполохами вспыхивали в тяжелой голове. Он думал о родителях, пославших его на учебу в город, вместо этого, получившие сына-заключенного. О своей девушке, которую, конечно же, теперь он потерял навсегда. Но еще он рассуждал о мире, так несправедливо устроенном. В силу своей молодости Абай многого не понимал. Например, для чего понадобилось ломать его жизнь, осуждая на столь длительный срок. Неужели же они, по сути еще дети, действительно заслужили такую кару, чтобы ломать их, волочь за волосы, рубить саперными лопатками, давить бронетехникой. Все внутри его восставало против этого терро-

ра, и тогда глаза Абая загорались непокорным блеском, и он готов был идти на запретку, на автомат часового, чтобы крикнуть: «НЕТ!»

По ночам он боялся засыпать. После отбоя по бараку скользили темные тени эков, откуда-то доносилось бульканье жидкости, стук стеклянного горлышка об алюминиевую кружку. До его обоняния доносился характерный запах водки. Скрипели половицы, слышался приглушенный говор. Иногда в проходах происходили разборки «блатных».

Днем, всячески подчеркивая свое презрение и непримиримость к «крупнорогатым козлам», ночами «блатные» пили с ними. А еще, по ночам барачная «шерсть» уводила в туалет кого-то из «петушков». Абай слышал как трое подвыпивших «борзых» уговаривали в полголоса «изгоя» по кличке «Оленька». «Петушок» хныкал, словно ребенок, в надежде разжалобить возбужденных, желавших удовлетворить похоть «крупнорогатых». Но они были непреклонны, обещая «Оленьке» быть с ним ласковыми, и хорошо заплатить. Противно и страшно было Абаю слышать их разговор. Он накрывался с головой одеялом, но даже так слышно было, как вздыхая сползает на пол с верхней шконки «Оленька».

Вот в такую смутную ночь, когда, вконец отчаявшись, обессиленный, словно в белесый туман, он погрузился в сон, пришел к нему старец Каратас.

Сквозь толщу дымки, окутавшей сознание Абая, проступил он. Величественный, суровый, со сдвинутыми сердито кустистыми бровями, будто на невидимой лодке, выплыл провидец. Был он в наброшенном на плечи чапане. Рядом с ним по обе стороны, вздыбливая холки, ощеривая грозные клыки, возлежали два могучих красных волка. Вплотную подступив к нему, зябнувшему под тонким, байковым одеялом, аруах произнес:

– Батыр болсан шыда! Терпи, коли ты батыр. Не распускай слюни, ссылаясь на молодость. У джигита один путь: сохранять честь, что бы не выпало на его долю.

И уже ласково, как когда-то в детстве, провидец, наклонившись к нему, жесткими губами поцеловал его в лоб. Оба красных волка увидев особое отношение властителя к худенькому парню, подползли и лизнули шершавыми языками Абая в руки.

– Мы всегда будем за твоей спиной Абай-жан, знай это, – вымолвив эти слова, аруах так же как появился, медленно скрыл-

ся в наплывающих клубах, неотрывно глядя на него. Оба зверя теперь удалялись смиренными, словно признав его. Уже не было видно провидца, а две пары зелено-красных огоньков их глаз пробивались к нему, лучами-путеводителями.

Среди ночи проснулся, вздрогнув, Абай. Отряхиваясь ото сна, открыл глаза, в бараке было темно, лишь в самом конце, где дремал дневальный, желтым рассеянным светом сочилась скупая лампочка. Огромную силу почувствовал внутри себя джигит. Нет, не в упругих мышцах. Кровь, застоявшаяся в жилах, заструилась быстрее. Глубоко внутри себя ощутил он вдохнутый аруахом дух, а руки все еще горели от прикосновения к ним волчьих языков. Остаток ночи не суждено ему было уснуть. Совсем по взрослому размышлял он до подъема – о жизни.

Воспрял Абай с этой памятной ночи, все последующие дни незримо ощущая за спиной силу провидца. Оба волка при приближении малейшей опасности к нему, скалили стальные клыки, и замысливавший недоброе против него, звериным чутьем чувствовал это и отступал. Так вот, на протяжении лет, хранили они его, шаг за шагом приближая ко дню свободы.

Гаухар регулярно писала ему, и он отвечал ей. Их письма были наполнены трепетной любовью и кроткой нежностью. Тетрадный лист, исписанный руками любимой, ненадолго уносил его за высокие, бетонные заборы. Мысли его, превращаясь в дождевые струйки, тихонечко журча, утекали из зоны, поднырнув под наваленную паутину, просочившись сквозь щели забора. Или согретые его любовью, превращались в воздух и уносились за пределы лагеря при малейшем дуновении знойного ветерочка. Он тогда и не находился на этом чудовищном архипелаге. Лишь бречное тело оставалось в неволе. А душа его бесшумно скользила по тихим аудиториям института. Она тянулась вслед за Гаухар, умиляясь каждому ее движению, взмаху. Зачарованная ее красотой, душа внимала слову, слетевшему с губ любимой.

День свободы пришел. Долгожданный. Вымученный. Выстраданный. Он пришел, а ему не верилось. На вечерней проверке по лагерному селектору зачитали фамилии освобождавшихся назавтра. Сердце его не стучало. Оно застыло в ожидании. В тревоге. А вдруг не назовут его. Напарник Бекежан успокаивал, больно ударяя по плечу. Но боли не чувствовалось, хоть и тяжела была рука молотобойца. И вдруг. Третьей. Нет, четвертой. Как

оглушительный гром. Редкий, почти что не бывающий в этих местах. Как разряд молнии, в кромешной ночи. Как пронзительные звуки карнаев прозвучала над застывшими в безмолвии отрядами его фамилия.

– Осужденный Мырзахметов! Осужден Мырзахмет! Осуж Мырза! – хотя селектор уже вещал что-то другое. Бедное, измочаленное, сердечко встрепенулось и забилося, зачастило быстро, быстро...

«Свобода!» – неслось в возбужденной голове.

«Свобода!» – возликовало в душе. Где-то в глубине, внутри его, словно утренняя зорька, набухая, зарождались щемящие звуки неслыханной им доселе музыки. Это не были звуками домбры, кобыза, либо другого, когда-то видимого им музыкального инструмента. Нет. То были волшебные, чарующие аккорды еще не написанной людьми симфонии.

Она умещала в себя все. Сочившуюся тоску по родителям. Жалостливую, тихую грусть по Гаухар. Его стремление побежать безоглядно по шелковистой степи, до извилистой кромки горизонта, распугивая пташек, снующих в ковылях. Умиляясь пению крошечных, похожих на крестики жаворонков в синем небе. Были там и нотки отчаяния, похожие на встревоженный крик лебедей. Словно забили они тугими крыльями над темной, вспученной водой. Даже тонюсенький звук слезиночки – бусиночки, сорвавшейся с задрожавшей от горести реснички и упавшей прямо на стылую арматуру камерной решетки – услышал в этих аккордах Абай-жан.

– Свобода! – прошептали его омертвевшие губы. Голова кружилась, ноги подкашивались, словно были ватными, когда на утро он шел к вахте, одеревеневшими пальцами удерживая вещмешок. Ночью он не сомкнул ни на секундочку глаз, прислушивался к спящему барaku, жалеючи всех обитателей.

«О сколько же разбитых, словно уличные фонари, здесь судеб! И все они томятся, придавленные сроком, режимом, а главное – небесной божьей карой!» И Абаю было жалко их, никогда не жалевших его, не сострадавших. Напротив, жаждавших растоптать, пройти по нему. Злых, жестоких, хитрых, изворотливых. «Ах, от чего же узники не все, такие как Айтматан? Ведь обычного, среднего роста, а не согнули его годы в неволе. Как прямо он держал спину. Не согнул ее в угодлиности ни за жирный кусок, ни в страхе перед замахнутым острым жалом топора, зане-

сенным крепким лесоповальным мужиком. Не пошел на компромисс с лжетеоретиками не понятной для него, Абая, их идеи. Сохранил в себе человеческий облик, а главное способность любить. Ведь, это – он, Айтматан, его мужественный товарищ по киче, тяжеловесными словами взорвал заledenевшее его сердце. Каждое из этих слов, кинь его на весы, много весит».

Абай тяжело ступал по узкой дорожке к вахте. Из-за сетки рабица мелькали чьи-то серые, арестантские фигуры. Чьи-то глаза, настороженные, завистливые, провожали его, будто это он у них украл свободу.словно, он виновен в том, что сейчас выйдет на волю, а им еще топтать хрустящую, желтую до одури песчаную землю лагеря. Присогнулся Абай-жан в поясице, испугавшись чего-то, в стремлении стать менее заметным и добрел, наконец. Тут еще стоял в ожидании других счастливыхцев – тех, кто должен сегодня освободиться, притулившихся к проволочному забору.

И никто не кричал на него, не понукал. Скорым шагом пришел прапорщик с личными делами. Он должен был выпускать их. Подошли и звонковые. Приодетые, непривычно для зоны. С ухмылочкой оглядывая лагерь. «Мол, не удержала нас зонушка. Звонок от хозяина прозвенел». Веселые.

Увидев Абая, спросили:

– Ты че парень, понурый? Некуда ехать что ли? Из какого отряда? Погнали вместе, с нами не пропадешь.

Солдат звякнул стальным прутом-засовом, отпер решетку. Все прошли в тамбур. Прапор подал в окошечко папки с делами. Солдат долго сличал фото, спрашивал инициалы, место и дату рождения. Как во сне отвечал Абай. И вот, наконец, солдат отпер засов другой решетки. Той, за которой была воля. Воля! Один за другим освобождаемые вышли за вахту. Абай переступил через порог, высоко задрал ногу, и далеко, длинно шагнул, словно боясь, что захлопнется решетчатая дверь и не успеет он выйти!

Яркий свет декабрьского дня ударил в глаза. Будто он по эту сторону забора был гораздо ярче. Воздух свободы ожег легкие, резанул так, что стало больно дышать. А он теперь заулыбался. Страшная зона была позади!

Колеса самолета мягко коснулись бетонного покрытия взлетной полосы. Дремавшие пассажиры, очнувшись от легкого толчка, устремились взглядами к иллюминаторам. Лайнер еще катился по полосе, а все уже принялись шумно собираться.

Абай продолжал сидеть в кресле, разглядывая здание аэропорта. Ему собирать было нечего. Мешок он выбросил в урну, переложив содержимое в полиэтиленовый пакет. Он ужасно волновался. В аэропорту его должна была встретить Гаухар. Он сумел дозвониться ей из города, перед вылетом.

Гаухар! Абай мысленно произносил ее имя и от того волновался так, что по телу волнами прокатывала дрожь.

На ум, вдруг, пришли строки почитаемого им Олжаса:

*И клянусь, если стала еще красивей за два года,
Если я не узнаю твою задрожавшую речь.
Береги тебя бог,
В этот день я поверю в бога...*

И он верил. Так как молил его о том, чтобы у него хватило сил остаться интересным для Гаухар. Не разочаровать ее неосторожным словом, движением. Все таки прошло четыре года.

«О, Аллах!» – метался Абай в сомнениях, раздражающих его. Машинально, вместе со всеми он сел в поданный к трапу автобус, ни на секунду не прерывая своих размышлений.

Ее он узнал сразу же. Почему-то она выделялась среди разноликой толпы встречающих. Ноги тут же, в один миг отяжелели. В гортани пересохло так, что больно стало проглотить слюну. Его обгоняли, задевали сумками, а он тянул ноги, вышагивая навстречу ей, не отрывая взгляда с ее тонкой фигуры.

Наконец-то добрался до нее, подойдя вплотную. Они стояли лицом к лицу, молча рассматривая друг друга.

– Какой ты смешной в этой одежде! – улыбнулась Гаухар.

– Да. Наверное, – с трудом расклеивая губы выдавил он из себя.

– Ой, прости меня, – спохватилась Гаухар, – я не хотела тебя обидеть.

– Да, нет, ничего. Там, откуда я вышел, осталось еще полторы тысячи таких же смешных людей, – с горечью произнес он.

Они ненадолго замолчали, оба в мучительном поиске нужных слов и как всегда в такой момент куда-то пропавших.

– А ты стала еще ярче, – признался Абай.

– Правда? – Гаухар смутилась, опустив ресницы. Вокруг было пусто, пассажиры разошлись.

– Так и будем стоять? – Абай улыбнулся широкой, светлой улыбкой, почувствовав, как напряжение его медленно отступает.

Деньги у него были, заработанные в кузне за четыре года
– Мне надо купить какую-нибудь одежду. Чтобы не пугать добрых людей.

– Абай, – прошептала Гаухар, вскинув голову, – я так тебя ждала. – Она потянулась к нему и обвила руками, припав на грудь. Ее глаза оказались совсем рядом.

– Любимая... – вымолвил он, и речь его предательски задрожала. Какие-то спазмы перехватили горло, не давая досказать. И он чувствовал, что необходимо замолчать, так как разом нахлынувшие чувства могли окончательно расслабить его. Он взял ее ладонь в свою руку и отвернул взгляд чуть в сторону решительно потянул за собой.

– Пойдем...

Позже, когда у нее на квартире он переоденется в новые, гражданские вещи, посрывав с них этикетки и подойдет к зеркалу, он почувствует себя настолько неловко и непривычно. Ненавистная лагерная роба, которую он скинул с себя с остервенением и, замотав в один узел, зло пнул ногой, оказывается, срослась с его телом, стала за эти годы удобной для него. В зоне, рассматривая свое отображение в робе, он нормально воспринимал его таким, каким видел. Теперь же, эта новая одежда раздражала. Ему казалось, что она топорщится на нем, и вообще, проще и удобней та, которую он сбросил и пнул.

Гаухар, будучи умной и наблюдательной девушкой заметила это его состояние и постаралась успокоить.

– Не надо. Не нервничай. Все на тебе прекрасно сидит. Ты настоящий джигит. А ту одежду я сейчас вынесу, выброшу в мусорный ящик.

Абай был голоден. Освободившись из лагеря, находясь во власти переживаний, он толком ничего не ел. По мере того как он понемногу приходил в себя, голод стал давать о себе знать. Он признался в этом Гаухар, тут же спохватившейся:

– Идем в ресторан. Ты помнишь тот ресторан, у воды, в котором мы когда-то были.

– Прости. Не помню, – смутился Абай. Предложение повергло его в ужас. Он не был готов идти с ней сейчас на люди, оттого и попросил ее.

– Давай, не пойдем в ресторан. Здесь что-нибудь перекусим. Я за эти годы стал совсем непривередлив.

– Ну, хорошо. Как ты захочешь. Конечно, нам лучше сегодня побыть одним. Я сейчас все организую. Ведь к твоему приезду я забила холодильник. Даже хорошее вино приберегла. Так что ты пока полистай книжки, или, если хочешь, включи видео, а я займусь сервировкой.

Абай подошел к полке и принялся рассматривать книги. Порой брал какую-то из них, перелистывая, но сосредоточиться не мог. Взгляд его отрывался без конца и убегал вслед за Гаухар, по хозяйски степенно и в то же время быстро организовывавшей праздничный стол.

Между делом, освоившаяся Гаухар, рассказывала об учебе, о своей жизни в Алматы, о подругах. Абай слушал молча, не задавая вопросов, лишь изредка отвечая утвердительно на ее:

– Ты слушаешь?

– Да, конечно. Я внимательно тебя слушаю.

И он, и она, оба понимали, что главные разговоры им еще предстоят.

Но вот и стол. Он действительно выглядел праздничным. Столько вкусной еды, о которой даже мечтать в лагере Абаю не приходилось. В бокалах тяжело мерцало темное рубиновое вино, придавая торжественность отстукивающим минутам.

– Я хочу выпить за свободу и за тебя Гаухар, потому что для меня там, ты и свобода были неразделимы.

– Абай, – прошептала Гаухар, – спасибо милый.

– Давай выпьем.

Давно забытый вкус. Вино было терпким и приятным. Мгновенно внутри потеплело, давая какой-то новый импульс мыслям, желаниям. Лагерные горести на миг отхлынули, точно волна разбившаяся об скалистый берег.

– Ешь, Абай. Попробуй вот это.

– Ем я, ем. Господи, как вкусно. Такая еда мне снилась по ночам Гаухар. – Признался он.

– Выпьешь еще вина?

– С удовольствием!

– Абай. За тебя любимый. Прости, но я немного стыжусь проносить это слово вслух. В письмах не стеснялась, называя тебя любимым, наоборот, мне хотелось чтобы ты через строки почувствовал мои чувства.

В эти минуты она была необыкновенно красива. Румянец, заливавший белую кожу ее, делал ее близкой и доступной.

Абай, перешагнув, казалось бы, непреодолимый барьер неловкости, стыдливости, отчужденности, теперь любовался ею.

Выпитое вино вступало в свои права, раскрепощая, раскрывая его для Гаухар.

И она, освободившись от недавней скованности, шла к нему на встречу смело, своей участливостью, покорностью, немым восхищением им. От этого ему стало проще с ней, захотелось безбоязненно поделиться прожитым, рассказать о том что было, впустить ее в свою, ставшую привычной, замкнутость. Так кусок окаменелой черной смолы, нагреваясь под жаркими лучами солнца, постепенно становится податливым.

Они теперь сидели напротив друг друга, через стол, совсем рядом, так, что Абая жгло тепло идущее от ее плеч, бедер. Левая рука любимой доверчиво лежала в его заскорузлой от молота, мозолистой руке.

– Какие же нежные у тебя пальчики, – восхищался он, словно мальчик.

– А твои такие твердые, – поражалась Гаухар.

– Так чудно мне держать в руках хрупкие твои руки, я там при-вык к железу, – признавался немного неловко Абай.

– Ты возмужал, любимый. – Она восхищалась откровенно, открыто.

– Да, мне там было нелегко, признался он, порываясь рассказать о лагерных ужасах и одновременно пугаясь при мысли, что это может оттолкнуть ее от него.

– Когда-нибудь я расскажу тебе, но не сейчас. Я еще не готов. Нужно время, чтобы отойти от зоны, переосмыслить. Вся моя жизнь в лагере была похожей на сплошной кошмарный сон, в котором мои воспоминания о тебе, Гаухар, напоминали мне прилет жар-птицы, птицы Хумай. И тогда я вспугивал и прогонял ее прочь от нашей сумасшедшей жизни. Я боялся за тебя. Не скрою, зона оказалась тяжелым бременем, упавшим на мои плечи. Днем и ночью я размышлял о том, как же мне выстоять там. Пронести этот крест. Не сломаться. Было время, когда уже казалось, все, дальше не смогу. Душило отчаяние. Хотелось на волю. К черту. На необитаемый остров. Лишь бы подальше от сатанеющей лагерной публики. И уже если до конца быть честным, больше всего я боялся каждый день, что не выдержу и убью кого-нибудь. И тогда мне свобода не светит. Там знаешь, сколько таких...

Так было до тех пор, пока ко мне не пришел во сне аруах аксакала Каратаса. А может, это было наяву. Уже не знаю. Только произошло все в те дни, когда я уже мог сорваться.

– Как же это было, Абай? – Гаухар была встревожена. По ее лицу пробегали тени сострадания, а в больших глазах, словно льдашки в холодной воде, плавало негодование к проклятому лагерю, причинившему столько адской боли ее любимому человеку.

– Выпей вина, – девушка подала бокал.

И верилось, и не верилось Абаю, еще только три дня назад топавшему по зоновскому плацу, с ненавистью вбивая каблук сапог в рыжий асфальт. Верилось теперь в хорошее. Не верилось, что мерзкая зона уже в прошлом. Видно, еще долго он будет вздрагивать, и втягивать шею в плечи при звуке удара железной двери. А при виде офицера в форме за три шага сдерживать раболепно головной убор. Вот, и сейчас мысли поневоле отрывались от любимой девушки, о которой он мечтал эти годы, мучился, а, отрываясь, перелетали через лагерьный забор. Тогда он в страхе спохватывался, что на рубашке нет привычной обязательной бирки. Тут же мысль прозревала, что это гражданская рубаша. Легкие покидал короткий выдох успокоения. И он возвращался опять к Гаухар, которая видела его состояние.

– Лю-би-мый, ты так далеко от меня сейчас в своих мыслях...

– Прости. Прости Гаухар. Я люблю тебя. Я тебя никому не отдам. Никому, слышишь, никому. Я тебя выстрадал, я тебя выплакал. Никому на свете. Я встану черной горой, заслоняя тебя от невзгоды. Злобной гиеной перекушу горло твоему врагу. Превращусь для тебя в ласкового барса, охраняющего покой своей подруги, – шептал Абай, словно в белой горячке. Его и вправду, стало всего трясти от волнения. Оттого, что он производил как клятву эти важные слова.

Он не помнит, как с него слетела сорочка. Как высвободился из оказавшихся не ко времени брюк с новым, плохо расстегивающимся поясом.

Вот только когда будто в замедленной съемке опала с нее на пол одежда, он понял, что все происходит наяву.

Что-то шептала, словно в бреду она...

Прижав, по матерински его стриженную, непокорную голову к белому, точно облитую молоком благородной кобылицы обнаженному телу.

Что-то шептал, словно в бреду он...

Постеснявшийся бы, вот так прижаться к матери, доверившись ей.

Выпестованное величайшим скульптором – богом, нагое тело любимой, едва не лишало его зрения. Так бывает, когда красота ослепляет. Это была необыкновенная, неземная красота. В доверчивости. В стыдливости. В раскрывающейся к нему страсти. Такой красотой могла бы обладать лишь дивная пери.

Мраморные полукружия груди остро, двумя скифскими курганами тянулись вверх, беззащитно. Хотелось накрыть их ладонями. Защитить. Тонюсенькая талия смотрелась как стебелек луковицы. А высокие бедра изогнулись сакским луком, помимо воли, от стеснения.

В этот миг он явственно услышал степь. Ее шепот, таинственный, томный нарастал в ушах. Он почувствовал ее мирное чарующее дыхание. Истрадавшийся в чужой пустынной земле, истосковавшийся по родной дала, в запахе тела Гаухар он, словно бегущий из чужбины конь, учуял милую сердцу степь.

Точно опрокинулось все. Глаза любимой на мгновение озарились вспышкой. Так, в черной, как бархат ночи, вспыхивает ярко костер. Гаухар – кровь от крови, плоть от плоти, будучи дочерью степи, тоже слышала ее. Загадочный, он заполнил их обоих. Всецело, с трепетностью вслушивающихся в звуки степи.

Слились воедино взгляды, губы, молодые тела. Сплелись руки. Ее тоненькие. Его крепкие. Сплелись ноги. Ее стройные. Его – сильные.

Им обоим казалось, что звучит неземная, а райская, посланная Всевышним, музыка. Она набирала новые и новые обороты. Она звучала как набат. Как хор. Как плач. Призывая любить сильнее. Во славу любви. Во славу молодости. Во славу чистым, как утренняя роса помыслам. Тела их взлетали и опускались. Как во время галопа по бескрайним просторам, в игре «кыз-куу» – догони девушку. То отрываясь, то падая в седло. Тяжелые волосы Гаухар разметались. Так грива коня полощется знаменем.

Это муза заглушала звук набирающей скачки. Заглушала слова, крики, мольбу, летающую с искусанных в страсти губ.

Кричала она...

Кричал он...

Сгорая в божественном пламени любви.

И вновь она...

И вновь он...

Оба звали на помощь, на радость. Взывая к отцу - матери – богу! На белой, словно пенящийся ковыль, простыне.

Потом они уснули. Уставшие, счастливые, сплетясь телами. Абай проснулся от непривычной тишины. Услышал ее тихое, мирное дыхание. Легкое одеяльце сползло с нее, обнажив девичий стан. Холодный, тусклый свет сочился в окно и падал на любимую, а он боялся шевельнуться, чтобы не потревожить ее доверчивый сон.

Глаза его вдруг наполнились влагой от счастья. «Наверное, суждено мне было ради этого часа, пройти через тернии испытаний, выпавших на мою долю. Испить горькую чашу унижений. Испытать черную тоску. Чтобы оценить дар, сбереженный Милосердным». Ему стало, вдруг, так больно за прожитое, будто в пятки ему кто-то невидимый вколачивал большие гвозди. И он лежал, затаив дыхание, безмолвно слизывая сладковатые капли, произвольно бегущие из глаз.

Следующий день Абай и Гаухар, держась за руки ходили по институту. Ему удалось попасть на прием к проректору.

В просторном, светлом кабинете за т-образным столом восседал крупный, упитанный мужчина. Светлолицый казах. По широкой, светлой дорожке Абай прошагал к столу, намереваясь представиться. В это самое время зазвонил один из нескольких телефонов на столе проректора.

Он поднял трубку, поднося ее к уху. Через секунду брови проректора взметнулись вверх, и он стал с кем-то невидимым, любезно здороваться.

– Ассалам алейкум. Хе-хе. Ассалам алейкум. – Затем долго, как это принято у казахов стал расспрашивать у своего собеседника на другом конце. – Здорова ли ваша прекрасная половинка? Хе-хе-хе. Гм-м. Очаровательная женщина. Да-да. А как ваши дети? Ага. Ага. Да, ваш старший сын настоящий азамат. Машину купили ему? О, о-о каирлы болсын! Иномарка, говорите? Превосходно! Цвет серебристый? Ха-ха-ха. От меня обязательно будет суюнши. Да. А как же. А как себя чувствуют ваши родители? О-о! – проректор вновь закатил глаза к потолку. Зачем-то вынул из дорогого, кожаного футляра золоченую оправу и нацепил ее на кончик носа.

– Ха-ха-ха. Иншалла, дорогой Исаке. Да как же вы могли

усомниться в моей преданности вам? – Тут он остороженько, пухлыми руками снял оправу, и аккуратно сложив, вернул на место в футляр.

Абай все еще продолжал стоять, не смея присесть на один из многочисленных стульев.

– До свидания, дорогой Исаке. Нашей уважаемой жене мой низжайший поклон. Да, да. Ха-ха-ха. Конечно. Конечно, – он заверительно мотал крупной головой, точно собеседник его видел.

Проректор, наконец, положил трубку и поднял взор к парню, настойчиво стоявшему над душой.

– Слушаю вас, молодой человек.

– Моя фамилия Мырзахметов. Я студент вашего института.

– С какого курса?

– Со второго.

– Та-а-к. В чем нужна моя помощь?

– Я хочу восстановиться.

– Вы брали академический отпуск?

– Нет. Я был осужден. Находился в заключении.

– За что? – проректор нескрывая удивился.

– За события на площади в 86 году.

– Ах, вон оно что! – воскликнул тучный, холеный мужчина. – Вы отчислены из института. Поэтому вопрос о вашем восстановлении стоять никак не может.

– Почему? – спросил, багровея Абай.

– Вы были осуждены за хулиганство во время декабрьских событий?

– Да, – утвердительно ответил Абай, что ему оставалось сказать?

– Вот за это вы и отчислены. Как студент, бросивший пятно на свой ВУЗ. Так что о возвращении на тот же курс не может быть и речи, – категорично закончил проректор, зачем-то опять цепляя на кончик мясистого носа свою дорогую оправу.

Абай вышел из кабинета белый, как мел. Дожидавшаяся его в приемной Гаухар, догадалась обо всем не задавая вопросов. Она молча последовала за ним в коридор. А он шел, ничего не видя перед собой, от клокотавшей в нем ярости.

– Абай. Ну, погоди же. Я не успеваю за тобой. – Гаухар почти бежала за ним, мелко рассыпая стук каблучков.

Наконец, он опомнился и прервал свое бегство от приемной. Когда он повернулся к ней, глаза его, метавшие до этого молнии,

теперь были наполнены тихой грустью. Взяв за руку, притихшую Гаухар, Абай произнес:

– Если бы ты знала, как мне снились дремотными ночами там, эти шумные коридоры. Мне их так сильно не хватало. А теперь, когда я здесь, мне отказали в праве на восстановление, Гаухар.

– Абай. Милый, успокойся, – просила она его.

– Значит на мне это клеймо нестираемо. Я отсидел незаслуженно срок, за наши справедливые требования. А такие, как ваш толстый, холеный проректор считают, что меня осудили за хулиганство.

– Абай. Ты же знаешь, что им так удобней считать. И толстопузый проректор это знает.

– Я это знаю. Ты это знаешь. Все это знают. Однако мне пришлось отстрадать четыре огненных круга ада.

Абай внезапно замолчал, прервал свою горячую речь, словно запнулся от нехватки воздуха. А когда набрал полную грудь, промолвил:

– Ну что ж, я не прекращу на этом своей борьбы, за справедливость. Я вернусь в наш институт.

День был испорчен. Но Гаухар не хотела оставлять его наедине с мрачными мыслями. Теперь, когда он был рядом, она трепетала от одной только мысли, что как только он уедет домой, останется одна.

ГАУХАР

Гаухар была родом из Приуралья. Их небольшая семья, в то время, когда она была совсем еще крошкой, переехали в Уральск. Отец ее, потомственный рыбак, в последние годы возглавлял профсоюзный комитет на рыбзаводе. А мама учительствовала в той самой школе, в которую пошла Гаухар. Будучи маленькой она докучала непрерывными просьбами отца, чтобы он брал ее с собой на рыбный промысел. И он, уступая ей, не выдерживая натиска своей единственной дочери. Мама заботливо кутала ее в теплые одежды, негодуя:

– Ну, зачем маленькой девочке ходить на промысел? Ведь это очень опасно. Там, на дне лодки скользкая рыба. Ты можешь оступиться и упасть в воду. Мутный Урал проглотил много взрослых, сильных мужчин. А ты бы лучше сидела дома со своими игрушками, или бегала с подружками.

Гаухар отвечала как взрослая.

– Папа любит Урал и я хочу понять, за что он его любит, потому что я тоже его люблю, – вызывая невольные улыбки на лицах строгих родителей.

Еще одной ее страстью было чтение книг. Трудно, почти невозможно было оторвать девочку от них. Она таскала их за собой всюду. За едой, перед сном, даже в лодку умудрялась пронести, несмотря на то, что отец выговаривал.

– Нельзя читать книги при такой качке. Ты испортишь зрение.

Так и росла она, соединяясь с природой и любимыми книгами. И с годами превратилась из худой, тонконогой девчонки в красивую юную девушку.

Пришло время и длинная, сильная шейка приняла горделивую царственную осанку. Худенькие плечики развернулись, выдавая вперед еще не сформировавшиеся бутоны груди. Упругие мышцы выгнули спинку, подчеркнув тончайшую в обхват талию. А ягодички налились природной, ядерной силой и стали выпуклыми, невольно притягивая к себе взоры парней.

Теперь она читала взрослые романы. Сопереживая Анне Карениной, влюбляясь вместе с Наташей Ростовой. Вместе с ней мысленно кружилась в удивительных танцах на грандиозных балах. Скакала на конных прогулках в сопровождении бравых гусар. Куда только не окуналась Гаухар, в какие разные миры и события.

Ах, как она презирала мопассановского «милого друга», чувствуя, жестоко обманутой в любви, Кло. Восхищалась мужественным Мартином Иденом из романа Джека Лондона. Мечтала, чтобы таким оказался ее избранник. Она великодушно, по-женски, простила красавицу Аксинью, за ее измену с холерным генеральским сынком. Жалела Григория, досыта нахлебавшегося войны, мечущегося как щепка в жестоком водовороте жизни, не зная к какому берегу ему прибиться.

К моменту поступления в институт она неожиданно стала строже и критичней относиться к окружающей жизни, к процессам, происходящим в обществе. Стала задумываться об исторических корнях собственного народа, больше читать казахской литературы. Она часто досаждала отцу вопросами о существующих на ее взгляд перекосах в общественном устройстве их страны.

Гаухар, выросшая на степных просторах Приуралья, безумно любила эти степи, реки. Она была чиста и категорична. Не терпела фальши, несправедливости. Окончив школу, неожиданно для родителей и знакомых она решила поступать в сельскохозяйственный институт. Хотя, до этого, неприятного для родных решения, говорила об археологии. Именно это ее непреклонное решение привело ее на ту памятную дискотеку, где они впервые познакомились с Абаем.

Ее тоже повергла в шок молодая, красивая Алма-Ата. Закружило голову в первое время. И она охотно позволяла знакомиться с собой городским, щеголеватым парням. Столичные ребята были дерзкими и настойчивыми в своих ухаживаниях. Смело, не считая, тратили деньги в ресторанах, модно одевались. Большинство из них учились в престижных вузах и удивлялись тому, что такая красавица выбрала сельскохозяйственный институт.

– Да, тебе необходимо учиться в Нархозе. На юриста. Будешь красавицей-прокурором, – шутили они, отдавая дань ее расцветшей в ту пору очаровательности.

– Гаухар, ты обворожительна, – без тени стеснения признавались ей столичные кавалеры.

Вступительные экзамены она сдаст играючи, в одночасье став студенткой первого курса.

Потом, будут хлопоты по снятию квартиры в городе, отец настаивает на этом. А чуть позже она познакомится с молодым, симпатичным, робким парнем. Он был высоким, светлолицым, красивым. Темные, большие, смеющиеся глаза освещали какой-то особенной чистотой его открытое лицо. Темный пушок усов над красиво вычерченными пунцовыми губами, делали его мужественным. Никогда прежде она не встречала парня с таким лучистым, сочившимся искренностью, взглядом. А иссиня черные, волнистые вихри придавали ему поразительное сходство с героем ее любимого фильма «Легенда о Сиявущем».

Когда он, подойдя к ней, протянул руку, она непроизвольно залюбовалась его красотой.

«Сиявущ» – подумала Гаухар.

А он неловко топтался на месте и уже намеревался развернуться и уйти. Но она поспешно подала ему кисть, ощутив сильные пальцы.

Он не произнес, а еле слышно прошептал: – Абай. А с ее губ чуть было не сорвалось удивленное:

– Почему Абай, а не Сиявуш?

Но она удержалась и назвала в ответ замеревшему парню, свое имя.

Абай с первого взгляда понравился Гаухар. Было в нем что-то необычное, притягивающее. Может быть нераспескавшаяся самобытность. В те годы казахская молодежь все больше общалась между собой на русском языке. Причины этому были разные. Городские попросту не владели языком, а провинциалы говорили на русском, чтобы в них не разглядели провинциалов. Поэтому ее, воспитанную в народных, казахских традициях, очень тронуло, что он заговорил с ней на родном языке.

Его язык оказался чист и многогранен и звучал естественно. Гаухар, пораженная вначале, быстро сориентировалась и также в ответ ответила на казахском. Глаза и улыбка Абая были такими светлыми и чистыми, что, глядя на него, все окружающее казалось прекрасным и красивым. Они стали встречаться.

Каждая встреча с ним была интересной. Он был интеллектуальным, интересным рассказчиком. Абай увлекал ее в своих рассказах на неведомые луга, в нарядные березовые колки, где, укрывшись в сочных травах, текли холодные родниковые ручьи.

Чтобы не рассказывал он, о чем бы не рассуждал, ей никогда не было с ним скучно. Но слишком много внимания ей уделяли парни. Большей частью городские, обеспеченные дети высокопоставленных родителей. А она порой забывалась и в силу своей молодости, жизнерадостности проводила время с этими ребятами, не запрещая им ухаживать за собой. Гаухар даже не задумывалась, как больно она ранит Абая, молчаливо сносившего ее увлечения. И лишь однажды, увидев в его глазах не укор, нет, тихую грусть, ей стало так стыдно за себя, что щеки ее вспыхнули и запылали огнем.

Она поняла, что он любит ее..

Абай и Гаухар, гуляя по городу, часто посещали картинную галерею. Любовались работами Куинджи, Шишкина, Айвазовского. Они оба безумно обожали живопись и могли часами говорить о ней. Абай и сам неплохо писал маслом. Отчего то смущаясь, пунцовая, раскрыл он перед ней свой секрет, показав несколько незаконченных полотен.

Гаухар очень активно жила общественной жизнью института, она участвовала в нескольких кружках. И часто после кружка, выходя к поджидавшему ее Абаю, она переносила обсуж-

дение кружковых тем в их общество, вовлекая его в дискуссию. Тогда они говорили о справедливости устройства мира, о плюсах и минусах капитализма и социализма и о многом другом. В политическом курсе страны задул уже ветер перемен, и это ощущалось в институтских аудиториях. Порой, их с Абаем обсуждения перерастали в спор, она была категорична и, как ей хотелось, принципиальна в своих убеждениях.

И может быть, со временем они бы расстались, скорее всего, она бы увлеклась кем-нибудь другим, не случись тех страшных декабрьских событий.

Десятки, сотни раз она потом анализировала их, словно просматривала в памяти ужасающую хронику. И поняла главное: Абай, может, и не попал бы в тот день на главную площадь. Но он пошел, потому что не мог иначе, видя, что гуда идет она. А она шла, разгоряченная своей речью, наивно убежденная в том, что им по плечу остановить ревуший маховик истории и запустить его в обратную сторону.

Гаухар прочувствовала девичьим сердцем, что Абай, ее Абай, шел вслед за ней, чтобы не оставлять ее одну в такой бурный день. Точно благородный рыцарь двигался он рядом со своей возлюбленной, убаюкивая ее в водовороте возбужденной толпы.

«Ах, зачем он полез на злосчастную трибуну!» – стонала она позже, когда его арестовали.

Стоя внизу она слышала, как он закричал, что площадь окружают солдаты. И в этот миг все вокруг зашевелилось, дрогнуло. Люди в страхе стали отступать. Ее, словно щепку, попавшую в пучину, крутило, отрывало и опускало на скользкую почву. Она кричала, звала его, и видела, как он прыгнул, прямо на чьи-то головы. Подпрыгнув, что было сил вверх, она увидела, как он вынырнул из толпы падающих тел. Его глаза, огромные, ищущие ее в мечущемся людском море, все последующие годы нестерпимо проступали в памяти.

– Абай! А-б-а-й! – пронзительно звала она. Но все вокруг кричали, призывая на помощь. Толпа, словно сошла с ума, шарахаясь из стороны в сторону. Слышен был рев бронетехники, хриплый, беснующийся лай псов. В тот же миг ударили бронспойты пожарных машин, в морозный вечер, щедро поливая толпу ледяной водой. Где-то горели машины, посылая, как укор властям, в густеющее небо клубы дыма.

– Абай! А-б-а-й! – она уже рыдала. Кричала, что было мочи,

зовя его, словно в нем было ее спасение. Вдруг толпа хлынула в пробитую в стене курсантов брешь, увлекая ее. И она не смогла противостоять, хоть и отчаянно пыталась, упираясь слабыми руками. Но ее уже понесла обезумевшая людская стихия.

Ноги почти не касались земли, ее тащила плотная и быстрая река, состоящая из молодых парней и девушек. И все же она делала отчаянные попытки увидеть его, взвываясь над несущими ее телами. В какой-то миг она его увидела, он был совсем рядом.

– Абай! – прорыдала она. И он услышал. Она видела, как, перебарывая бешеное течение, он рванулся к ней и, крича, звал ее.

Но в эту минуту, она вдруг оказалась совсем рядом с рубящими саперными лопатками солдатами. Их глаза напоминали взгляды людей, обкурившихся какой-то дрянью. Они были полны безумия. Толпу несло мимо огромного транспаранта с надписью: «Народ и партия – едины», покоившемся на двух монолитных столбах. Гаухар видела, как взмахнул остро отточенной лопаткой солдат и крошечная, худенькая, простоволосая девочка-подросток, заливаясь хлынувшей алой кровью, стала сползать на землю, обхватив ручонками столб. Впервые в жизни Гаухар так близко увидела смерть. Голова девочки была раскрыта надвое.

– А-а-а-а! – заголосила она, и рванулась, выставив впереди себя, словно орлица, кисти рук с острыми ногтями на пальцах.

Впервые в жизни человеколюбивой Гаухар в таком полуживотном порыве потребовалось выцарапать глаза курсанту-убийце, перегрызть ему горло.

Но вдруг ее швырнуло куда-то в сторону, на аллею посаженных посреди улицы кустарников. Толпа, издавая нечеловеческий рев, стремительно потекла вниз по улице. А она бросилась бежать сквозь кустарник, в безумном страхе, что вот-вот ее догонят и полоснут по затылку лопаткой. Острые ветви раздирали в клочья ее новый плащ, рвали кожу на коленях, но она неслась не разбирая дороги, не чувствуя боли, лишь руками прикрывая лицо.

Сколько продолжалось это спасительное бегство, Гаухар не знала. Она летела, словно лань-подранок, пытаясь спастись от настигающих, бегущих по пятам охотников с собаками. Боковым зрением Гаухар успевала замечать как спрятавшихся в подъездах близлежащих домов молодых людей, настигали и там. Их

вытаскивали за волосы и бросали на снег, топча, словно ветошь, ногами, а по сходявшие с ума от злости псы, урча, вгрызались в человеческую плоть.

До сих пор в глазах Гаухар эти рубиновые пятна крови на декабрьском снегу.

Ей удалось чудом спастись. Унесли ее от разящей насмерть саперной лопатки молодые, быстрые ноги. В глубоком шоке, добралась она домой, позапирала замки на входной двери и всю ночь, в охватившем ее ужасе, прислушивалась к каждому шороху, звуку.

А когда на стылых ступенях лестничной площадки раздавался топот ног, сердце ее замирало от страха и она была готова выпрыгнуть вниз с балкона.

Под утро, выбившаяся из сил Гаухар, задремала, как и сидела, на корточках, в углу, рядом с балконной дверью. Снился ей страшный сон – какой-то вселенский потоп.словно, откуда-то вдруг хлынувшие, мутные потоки воды разбросали, державшихся за руки ее и Абая по сторонам. И как они не гребли навстречу друг другу, его все дальше и неизбежно уносило в открытое море. Голова Абая державшаяся над волнами, удаляясь, превращалась в маленькую точку, пока, наконец, не пропала из вида в ревущей морской стихии.

Этот сон еще много раз периодически будет приходить к Гаухар, навязчиво возвращая ее к Абаю, словно он был его союзником. И всякий раз, проснувшись, она принималась думать о нем.

Потом в институте начались репрессии. С насиженных мест слетело несколько деканов факультетов. Сотни студентов в один день были отчислены. По институту шныряли противные типы из органов, вынюхивая, словно ищейки.

Доносились слухи, что на многих студентов завели уголовное дело. До нее дошло, что ищейки интересуются ею. Тревожные, смутные это были дни. И не известно, каким острым боком ударила бы ее карающая десница органов, за ее горячую, призывную речь, в холле института. Спас ее один парень. Он был городской и учился в престижном, столичном вузе. Они познакомились на межинститутской встрече по историческому наследию Казахстана. После той встречи он стал ухаживать за ней, дарить цветы, приглашать в рестораны

Оказывается, он был сыном крупного гэбэшного чиновника.

Как уже удалось ему убедить своего отца, только ее оставили в покое. И все же она продолжала чувствовать, что вокруг что-то незримое продолжает происходить. Ей было страшно. Очень страшно.

Потянулись дни, плывущие точно льдинки посреди черной воды. Об Абая не было ни слуха. Словно пропал, канул в неизвестность Абай. И вот тогда, когда прошел первый страх за себя, когда все вокруг понемножечку успокоилось, затрепетала Гаухар. Она стала волноваться, переживать, думать о нем и днем и ночью. Все ей казалось, что вот-вот он появится. Но его не было. Томительно тянулись месяц за месяцем. Гаухар попросила того же парня узнать, что с Абаем, и где он, отчетливо понимая, насколько трудна ее просьба. Через некоторое время ей станет известно, что Абая содержат в тюрьме. Потянулись темные дни ожидания.

Что-то похожее на любовь разрывало ее изнутри. Еще отчетливо не осознавая, любовь ли это, не хотела об этом думать. Сейчас думать. Все ее мысли были посвящены ему, потому что знала, что он ее очень любит и мечется, переживая за нее. По ночам к ней приходили бредовые идеи: что наутро пойдет к следователю, расплатится, упадет в ноги и попросит свидания. Или признается во всем, что она призывала молодежь идти на площадь и тогда ее посадят рядом с ним и ей удастся увидеть его. А, проснувшись, Гаухар понимала всю абсурдность своих затей и отбрасывала их в сторону.

Она не могла заснуть, в ушах слышался его зовущий голос: «Гау-ха-ар!» А утром дремала на лекциях, словно девка, проводившая страстную бессонную ночь. Она совершенно забросила институтские, веселые кружки. Разуверилась во всем: в стране, в строе, в партии. Гаухар в те дни боялась смотреть на себя в зеркало. Вся почерневшая, с темными кругами под когда-то чаровавшими парней глазами. Краса и гордость курса, она медленно, на глазах у всех тускнела.

Потом, тот же парень сообщил ей, что Абая осудили на четыре года. Это известие окончательно свалило Гаухар. Она заболела. Откуда-то вдруг возник рвущий легкие коварный кашель, поднялся жар, она теряла сознание. А когда возвращалась в явь, то эта явь была настолько блеклой, словно застиранная, выцветшая тряпочка, что бессознательность, в которую являлся Абай стала для нее нужней. Молодая девушка вновь лишалась чувств.

За ней заботились и трогательно ухаживали подруги, сокурс-

ницы. Систематически приходил врач. Ее поили разными травами, питали таблетками, кололи уколами, а она даже не чувствовала их, в забытии продолжая метаться в постели и звать Абая!

Когда Гаухар, наконец, выздоровела, мир вокруг, все, все, до мелочей приобрело другую, какую-то иную окраску.

Еще слабенькая, прислушалась она к своему трепещущему, словно крохотная пташечка, попавшая в силочки, сердцу, и осознала, что любит Абая.

Вот так бывает в жизни. Чтобы понять, что ты любишь, оказывается надо терять любимого или стоять на острой, режущей грани, бороться, спасая его. Потому что он уже в целом свете один для тебя. Твой любимый человек.

Узнав, что Абай находится в колонии, Гаухар написала ему нежное, трогательное письмо. Глаза проглядела, потом, в ожидании конверта. Но Абай, ее Абай, ее любимый человек не отвечал ей. И это ей стоило невыносимых мук. Подушка к утру была мокрой от слез, она плакала во сне. Несмотря ни на что, Гаухар продолжала писать. И все же день за днем интересная институтская жизнь втянула ее в свои заботы. Вновь в длинных коридорах стал звучать ее звонкий смех, разносясь эхом, будто кто-то щедрый бросил об стену жмень монет. Но в одном она стала очень требовательна к себе, так может лишь давшая обет целомудрия монашенка – никаких поклонников. От ворот-поворот безжалостно отшивала Гаухар пытавшихся поволочиться красавчиков. словно сбесившаяся прекрасная сучка, щелкала острыми клыками, отпугивая собравшихся вокруг кобелей. И в какой-то бессильной, спасительной надежде продолжала писать, переносила на бумагу рождаемые в сердце ласковые нужные ему слова. Порой ей казалось, что вокруг мало воздуха, и она задыхалась, как те рыбины, что сохранились в ее детской памяти, трепыхавшиеся на дне лодки. В отчаянии, она решила на самый дерзкий шаг, какой только могут себе позволить воспитанные казахские девушки. Гаухар поехала к родителям Абая. На ту самую железнодорожную станцию, о которой он всегда рассказывал ей с необъяснимым упоением. Никогда не забыть ей этого путешествия на север страны.

Она назвалась невестой Абая, удивленным его родителям, и поселилась у них. Вот тогда и возникло то памятное письмо, написанное двумя самыми дорогими Абаю людьми.

Его мамой и любимой Гаухар.

АМИР

Банда Факира все активней укоренялась в столице. Секретарь, используя боевиков Факира, начал проворачивать операции с недвижимостью. Покупая необходимую информацию о домовладельцах преклонного возраста, он устраивал дело таким образом, что вместо внезапно умиравших владельцев, хозяевами квартир становились их опекуны – «факиры». Этот бизнес приносил значительные доходы. Теперь главари банды стали все чаще и чаще пропадать за границей. Швеция, Испания, острова Майорки, роскошные казино в Монте-Карло... Это были маршруты передвижений лидеров по дальнему зарубежью. Главари тратили крупные суммы, жировали, в то время, как рядовые бойцы погибали в кровопролитных перестрелках.

Несмотря на то, что Факир объяснял бригадирам свои зарубежные поездки, как поиск легальных бизнесов и банков для отмывки денег, тем не менее обстановка внутри банды стала нарывать и нагнаиваться, словно большой чирей.

Амир в коротких телефонных переговорах с домом сообщал, что работает в крупной коммерческой фирме начальником службы безопасности. Родители были довольны и успокоены, тем, что их любимец наконец-то обрел себя. И хотя переживали, что сын уехал так далеко от дома, он обещал им в скором времени приехать в отпуск.

Теперь у него появилась эта возможность. За последние полгода он значительно приблизился к главарю. Наконец-то у него появились большие деньги. Он приобрел для себя новенький «Мерседес», и готовился в дорогу, собираясь съездить к родителям.

Ехать он решил на двух автомобилях. Он с Кабаном будут попеременно сменять друг друга за рулем, а сзади на джипе, в качестве охраны, поедут Хайдар и Сухой. Пусть на станции все односельчане видят, что он стал богатым. Но самое главное, это должен увидеть соседский парень Абай.

«Мать мне в телефонном разговоре обмолвилась о том, что он освободился из лагеря, а за что сел – для меня непонятно», – Амир так и не сумел понять, чего они тогда поперлись на площадь? Страна, так или иначе, сама по себе рассыпалась. Выходит, зря они там горлопанили. Он вспомнил слова старика Каратаса, сказанные перед смертью, что он, Амир, будет несчастлив.

– А я вот приеду сейчас на двух крутых тачках, пусть посмотрит любимец старика, кто из нас добился успеха?»

В намеченный день Амир со своими подручными выехали из Москвы. Дорога была длинной. Новенький «Мерседес» прекрасно слушался руля. Амир незаметно для себя отдался во власть воспоминаний.

Прошло уже столько лет с той поры, он никак не мог забыть образ прекрасной белокурой немки. Так смело, решительно отдавшейся ему в холодном мокром стогу. До сих пор ему явственно слышатся ее смешно произносимые с немецким акцентом слова.

«Почему же, несмотря на пройденное время, на то, что после Греты у него были десятки разных женщин, он продолжает помнить ее?» Воспоминания возбудили желание. Амир вновь захотел ее. Нет, совсем не другую, а именно ее. Хотя это было невозможно. Грета давно уехала жить вместе с мужем в Германию. «Так почему же она не стирается в его памяти?»

Он искал ответ и не находил. И злился из-за этого, умышленно наслаивая на образ Греты, другие. Может быть более красивых, дорогих женщин. Но как он не пытался избавиться, лицо, тело, мягкие руки немки, словно наваждение, всплывали перед глазами. Амир даже занервничал, и стал мотать головой. Грета исчезла, а вместо нее в памяти всплыл Провидец.

Старик Каратас был бездетным, но очень любил детей. Может быть поэтому, а может быть еще по какой причине, но со временем так сложилось, что они с Абаем, всегда оказывались рядом со старцем. Амир никогда не пытался анализировать причину. Старик ему нравился и Амир, сам не зная почему, все больше привязывался к Каратасу. Возможно, своим детским сознанием, он осознавал, что старик очень крут характером. А так как Амир по своему складу стремился к лидерству, неудивительно, что он постоянно стал тереться около Каратаса.

Абай держался особняком и не поддавался под влияние Амира, в отличие от аульных сверстников. И сам старик как-то по-особому относился к Абаю. Не то, чтобы по-отечески. Нет. Он обращался с ним, как со взрослым. Давал непонятные для Амира наставления Абаю об аульчанах, о земле на годы вперед.

Амиру же старик нудил своими разговорами про человеческие отношения. Он говорил о людях. О том, что каждый человек есть прекрасное творение бога. И в душе всякого челове-

ка скрытый внутренний мир. Его видение и понимание жизни и окружающей природы.

Старик талдычил, что нельзя разрушать этот мир. И не стоит обижать человека словом, делом. Оскорблять достоинство, унижать честь. Он говорил, что нужно относиться с пониманием, а если необходимо - то с состраданием относиться к ближнему. И нельзя ставить себя над людьми. Выше их. Смотреть на людей с презрением. Так как это большой грех. Он усаживал обоих мальчишек рядом с собой, и объяснял им значение знаков. Каратас говорил о божьей судьбе и кару за нарушение космических законов. Амира злило то, что Абай внимательно слушает, вникая с умным видом.

«Нашел старик свободные уши и вешает лапшу дурачку», – с гордым презрением думал он. Ему это было не интересно. Он был разочарован, – «Я-то думал, старик раскроет какую-то тайну».

Эти разговоры были скучными для его деятельного непоседливого характера. И он исчезал, чтобы найти себе более интересное занятие, оставляя старика сидеть в одиночестве.

Горько вздыхал старец, глядя в глубокое раздумье в спину уходящему юноше, неразумному. И еще более ожесточенно принимался чертить своей сучковатой палкой по рыжей выжженной земле.

Денег у Амира было достаточно. Он вез домой родителям и старикам дорогие, диковинные для аульчан подарки. Отцу вез хорошую австрийскую дубленку. Матери – дорогую норковую шубу. Старику Ережепу и бабке Айганым захватил какие-то импортные теплые вязанные свитера.

«Пусть хвастаются», – размышлял он самодовольно. Его буквально распирало от гордости. Еще бы! Иметь под собой такие тачки, как у него, даже в Москве считается круто! А уж в их-то дыре – у всех челюсти поотваливаются.

Амир ни на мгновение не задумывался о том, что, может быть, его родителям нужно совсем не это. Ни цветной телевизор «Сони» последней марки, с огромным экраном, который он хотел с помпой вручить своим предкам. Ни его «крутые» тачки. Ни эти четверо «отморозков», что сопровождают его. А его любовь, внимание, забота. Об этом он совершенно не думал. Его волновали другие мысли.

Приблизившись к главарию, он увидел краешком глаза, какими баснословными цифрами крутят Факир вместе с Секретарем. И как они отдыхают. Теперь он потерял покой и сон. По ночам лежа с открытыми глазами, Амир вспоминал дипломат с новенькими зелеными банкнотами.

«Какие же они девственные, нетронутые, не замаранные грязными руками людей!» – восхищался Амир. А ведь те банкноты – это дань лишь одной фирмы с какой-то сделки. Амир не мог спать по ночам, ворочаясь сбоку на бок, он никак не мог отмахнуться от мыслей о долларах. Эти мысли уводили его далеко-далеко. В них он видел себя на сверкающей, залитой светом палубе роскошного морского лайнера. Рядом с ним, покорная, украшенная бриллиантами, Юлия. Целые города, вся заграница, вместе с их сраными небоскребами, семизвездочными отелями, белыми «роллс-ройсами» станут доступными ему, Амиру по кличке «Душман»

Амир наслаждался, размышляя об утопающих в роскоши казино с мелькающими рулетками. О возможности до глубокой ночи разгуливать по мягким, ворсистым, белоснежным коврам, в ботинках из дорогой крокодильей кожи. Словно псы-дворняги в ожиданиях щедрых чаевых как кости – лощеные официанты, предано заглядывая в глаза, будут подносить бокалы. Он видел себя, раскрасневшегося от азарта игры, проигрывавшего высокие стопки жетонов без всякого огорчения, а затем удалявшегося взяв под руку царственную подругу. Прямо к ярко освещенному подъезду бесшумно подается сверкающий лаком лимузин. Усталые, но довольные они растягиваются на кожаных сиденьях, возвращаясь в отель, в апартаменты. В прохладе от кондиционеров, разбрасывая беспорядочно одежду, они соскользнут в голубую, бурлящую воду джакузи, освежая себя перед занятиями любовью. Нет, не любовью. Любить Юлию – себе дороже. На широком ложе с искусно выточенными, молочного цвета ножками из слоновых бивней, скользя на прохладных шелках, они предадутся сексу. Неутомимая, утонченно развратная самочка, она создана для него, играющая с жизнью словно капризный ребенок.

Единственная безумная, дочь банкира. Порой заводила в тупик своими выходками бывшего афганца. Юлия могла часами просиживать в дорогих, модных салонах. Без усталости таскаться по фешенебельным бутикам всемирно известных кутюрье. И она же в вытертой джинсовой паре появлялась на супермодной

столичной тусовке, где собирались одни знаменитости. Словно сама Грация, ловко маневрировала белокурая богиня среди их скученности, упиваясь от пожирающих её мужских взглядов. И за ней, истекающей соком сучкой, мгновенно увязывался шлейф именитых кобелей.

Незаметно мысли Амира переключились от красивой, ускользающей как мираж Юлии, к давним афганским событиям. Память о них со временем стали покрываться серой пылью и зарастать паутиной. Они отдалялись от него с годами, подобно уходящему вдоль каравану. Превращаясь в крошечную, колышущуюся нить. Но, порой от встряски пыль пропадала, забывая дыхание от вернувшихся воспоминаний. Тогда мерно вышагивающий караван, будто по мановению волшебной палочки оказывался рядом, заново начиная пройденный путь. События оживали, будто кадры немого кино. И опять он часами мог глядеть ему в спину, просматривая текущие вереницей картины Афгана.

Это была его война. Его. И еще тысяч таких же, как он. Тех, кого отправило туда государство, бросив в жерло полыхающей топки. Та, теперь уж далекая страна, с гортанным, так и не понятым им народом приходила к нему и по ночам. Вперемежку с его бандитскими снами. В этих запутанных кошмарных снах, убитый ими зверски Седой, превращался в Квадрата. А Леха Фельбуш вдруг становился Седым. И Седой-Квадрат, коротким взмахом топорика рубит на куски его однополчанина-друга. Амир хочет броситься на помощь, но вдруг возникшая в углу груды золота ошеломляет его и он забывает про Леху.

Он до смерти пугал беззаботно засыпавшую после долгого секса Юлию, пронзительными выкриками, вылетающими из груди во время этих жутких снов. Нашаривая рукой лежавшие на прикроватной тумбочке сигареты, закуривая, озаряя в затяжке красивое лицо любовницы, раскидавшейся по постели в безмятежном сне. Тяжелые думы давили ему на грудь, затрудняя дыхание. Остуженный кондиционером воздух комнаты, превращался в знойный сухойей, именуемый афганцем. Становилось тесно в просторной спальне. Мерещилось, будто стены сдвигаются, грозя раздавить его. Эта мысль становилась навязчивой и не давала покоя, окончательно выветривая остатки сна. Он тогда выбирался из-под одеяла и принимался вымеривать между стенами. Успокоившись, ложился, раздражаясь от того, что Юлия

закидывала на него свою ножку. Словно от скользнувшей по телу змеи, отпрыгивал он к другому краю кровати. Высвободившись, ложился так, чтобы между ними возникало расстояние, лишь бы не касаться её.

Кровь. Это пролитая кровь не давала ему покоя. Слишком много ее. Но что же ему, Амиру, делать? Убивать он научился там, в брезжащем в памяти словно рассвет, Афгане. Хотелось по молодости стать суперменом. Лживые замполиты говорили о долге, об их высокой миссии в той стране. А они оказывается были попросту оккупантами, жгущими их кишлаки, сея смерть на чужой земле, убивая свободолюбивый народ. Вначале, обманутые, они выходили на боевые с переполняющим их чувством того самого пресловутого долга. А со временем, теряя друзей, мстили, убивая со звериным рыком в груди. Превращаясь из вчерашних юношей в алчущих крови вампиров. Иначе съехала бы крыша. А после боевых, дрожащими пальцами разминали пластичный план и скручивали косяк. Чтобы забыться.

Вернувшись домой, в тихую жизнь станции, где смиренный покой нарушали лишь проносящиеся грязные поезда, он вдруг почувствовал что ему душно от висевшей в воздухе тишины. Ему бы тогда прислушаться к тихому, усталому дыханию земли. Сесть на коня и помчаться во весь опор, стараясь обогнать как в детстве, ветер. Вглядеться, как колыхаясь шепчутся налитые соком травы. Запрокинуть голову, любуясь бегущими неторопливо, кучерявыми, точно молодые ягнята облаками. Боль, саднившую сердце от пережитого, забрала бы к себе заботливая мать-земля.

Но он не сделал этого, вслушиваясь лишь в себя. Ему не хватало теперь этой войны. Так наркоману необходима для жизни очередная доза наркотика. А без него наступает ломка, хандра, слезятся глаза, текут сопли, а в душе холод и пустота.

Лишь порой, взревевший рокот далеких тракторов, поднимающих зябь, заставлял его оживленно вздрагивать и настораживаться. Так натружено ревели колонны бронетехники на вкручивающихся ввысь дорогах через Саланг. Это волновало его, выводило из оцепенения. Он на мгновение оживал. Но вскоре осознавал что рокот, доносящийся издалека – принадлежит мирной технике и тут же снижал.

Война вошла в каждую его клетку мозга. Подобно печной саже въелась она в поры тела. Словно от наркотического зелья, вко-

лотого в вену взбодрялся он при воспоминаниях о боевых. Как крались по пышущим жаром камням, изнемогая от жажды в пересохшей гортани. Шли, ползли – оставляя за собой кручи, чтобы выследить, нагнать и тогда! Радость в упругих руках от беснующегося, вырывающего смерть автомата. Радость в глазах при виде валяющихся тряпичными куклами врагов. Радость в душе от торжествующего чувства мести за погибших друзей. И ощущение настоящей, полноценной жизни.

Амир продолжал жить войной. Вечернее блеяние овец возвращающегося стада, отбрасывало его память к глиняным, афганским кишлакам с кривыми уголочками. Хлесткий звук пастишьего бича, раздавался словно выстрел духовского ружья дум-дум. Ему не хватало его однополчан. Откуда-то из обрывков мыслей выплывали пророческие слова недалеко как считали разведчики, Балбеса: «Нам всем, бля, не будет хватать Афгана».

Амиру до зуда, до боли не стало хватать теперь их всех. Балбеса, Алтунина, Кири, Дмитрича, Зайца, Гены Овчинникова. Он бросался из крайности в крайность, то ругая далекую сейчас страну, то умиленно похмыкивал вспоминая «командос». В ушах порой навязчиво слышалось родное оканье Гены. Даже его «офу-ел» в минуты негодования, звучало теперь трогаяще. Он соскакивал с места от понимания невозвратности ушедшего, и в приступе ярости звал их, заходясь в жутком крике, и тех, кто выжил и тех, кого уже нет.

– Ге-на! До-pp-a! Ле-ха!

Как-то раз позвал даже Философа. В пустой комнате крики казались зловещими. В испуге заглядывала в дверь полуоглохшая бабка, и что-то по своему уразумев, принималась шептать молитвы. По ночам мать на цыпочках, стараясь не скрипнуть половицей, прокрадывалась к нему, и долго, с тревогой в лице вглядывалась в сына. Отец тихонько, в страхе быть услышанным кем-нибудь, ругал политиков, партию, используя для этого родной, казахский язык.

В надежде забыть войну, словно дурной сон, он хватался за любую работу. Убирал за скотиной, носил им пахучее сено, подливал в корытце чистую воду.

Мысли упрямо возвращали его ко взводу. Карабкающемуся в горы, к раскаленной броне БТРов, ползущих вдоль зеленки. И опять он застывал посреди согретого дыханьем коров сарая, держа вилы наизготовку, будто это был пулемет, в напряженном

ожидании, что вот-вот обманчивую тишину распорят застрекотавшие автоматные очереди.

Придя в себя, оглядывался по сторонам, не увидел ли кто из домашних его состояния? А затем брел бесцельно по безлюдным улицам станции. И в голове неотвязно пульсировала мысль: «Почему стране, пославшей его туда, стало теперь безразлично что он, боевой Афганец, вернулся. Никому, ровным счетом никому, ни военкомату, ни поселковому совету не было дела до него».

Он просматривал прессу, но и там не было ни слова об их войне. Экран телевизора пестрил репортажами о стройках, достижениях в науке, в сельском хозяйстве, И вновь, нигде, хотя бы вскользь, никакой информации. Страна умалчивала про ту войну, как о чем-то постыдном.

Значит, прав был Лёха, бросивший за несколько дней до смерти:

– Кому, на фуй, нужна моя жизнь.

Эта Лёхина фраза, со временем осмыслилась, обрела выпуклость, и вычеканилась в его сознании как аксиома. Ему мучительно хотелось узнать, как живут сейчас его однополчане. Воюют ли они, как он, во сне? Воеет ли ночами покалеченная той войной Верка-чекистка? Вскоре не слушая слабый протест со стороны родителей, он уехал в город. Ему как воздух была нужна экстремальная ситуация. Вот так, с надломившейся в кровавой бойне психикой, в поисках экстремальной ситуации, с аксиомой из Лехиных слов, из бригадиров наперсником он стал бандитом. Одним из кровожадных лидеров группировки.

«Теперь терять уже нечего» – размышлял он, глядя на плывущую за окном «Мерседеса» степь.

– Не хочу я эту степь! Она мне противна. Подумать только, сколько ее, конца и края не видно. И что они, эти предки, воевали за нее? Земли им было мало, что ли? – Амир кривился, словно от зубной боли. Перед взором вырисовывались другие страны. С вечнозелеными пальмами, бирюзовым морем, золотыми пляжами.

– Кровь! Кровь! – в иступлении кричал он безмолвно. Не притянуть к себе эти манящие его страны, не проливая крови. Он ведь не Юлия.

Его отец, железнодорожник, а не банкир. Как без крови, ему, бывшему афганцу, без роду, без племени, построить для себя здесь рай на земле?

Он лютел, сатанел в незримом споре один на один с собой, находя, в конце-концов, удобную себе расщелину оправданий:

«Там мы лили кровь афганцев. Но духи воевали за свой народ, землю. А здесь я лью кровь зажавшихся нуворишей и таких же, как сам, бандитов. А наша кровь – она как вода, недорогая. Коммерсантов я ненавижу. Не могу глядеть на них сытые физиономии. И откуда только они вдруг взялись? Умные, разбирающиеся в компьютерах, пока мы гибли на скалах Саланга и Панджера. А бандиты? Бандиты – это стая безжалостных гиен, не гнушающихся ничем, даже падалью. Их кровь можно лить сколько угодно. Потому что они плодятся как крысы. И плодит их само государство. Вот они сидят! Кабан, Гусь, Хайдар, Сухой. Убей их сегодня. Завтра придут два Кабана, Гуся, Хайдара! Поэтому он будет крошить их безжалостно, пока не взойдет на трон Факира. И тогда весь общак банды окажется в его руках. А дальше он знает, как сделать. При помощи Юлии и её папаши отмоет эти деньги и свалит за бугор. А перед этим уничтожит всю банду. Вернее он создаст условия, при которых она сама уничтожит себя. Поест как стая крыс».

Так. Именно так текли его мысли, порой ненадолго сбиваясь, но опять возвращаясь и выстраиваясь.

Как и тогда, когда возвращался из армии, на такси, так же неожиданно из-за березового колка вынырнул поворот на Киялы. Ничто не дрогнуло внутри, не защемило. Он даже не стал обременять себя анализом, почему так не люб ему родной край. Раздумья его касались не предстоящей радостной встречи с отцом, матерью, с престарелыми дедом и бабушкой.

Амир размышлял о прекрасной, продажной любовнице. Удивлялся тому, что молоденькая девушка, успела так быстро всё познать, стать холодной, расчетливой, такой же, как он. Но ведь ему довелось пройти Афган. А она?

На доли секунд он задержал взгляд на заросшем сухим степным бурьяном кладбище, получая несказанное удовольствие, при мысли, что старик Каратас сейчас видит из могилы как он триумфально въезжает в аул на двух крутых тачках в сопровождении охраны.

Казахи говорят: у радости глаза на затылке. Родители встречали его шумно, единственный сын приехал из такого далека. Какое счастье! Да еще на таких дорогих машинах, каких никог-

да и не видели в их окрестностях. Улжан повисла на шее у сына, бесчисленно кроя поцелуями его щеки и не обиделась, когда Амир несколько холодно отодвинул её от себя.

– Ну хватит, хватит мать – проговорил он жестко. Не заметила она и то что упрямая, глубокая складка залегла на его переносице, когда произносил он эти слова. Как же тут было заметить, когда эмоции бурлили, в груди, переполняя.

Бектемир был немного сдержанней, хотя и он в глубине души был горд за сына. Придирчиво с ног до головы осмотрел Амира, отметив про себя что, он вызывающе дорого одет. Всю свою жизнь, проработав на железной дороге, Бектемир сросся с нею, не представляя свою жизнь иной. Знал, оторви его от этих двух сверкающих нитей, убегающих вдаль, в обе стороны, от шпал, засыпанных гравием – и засохнет он от тоски, если не будет слышать гула приближающегося состава, не видеть радостной дрожи в рельсах.

Доволен был своей жизнью Бектемир. Всё у него удалось. Женился на своей избраннице, такую девушку отбил у джигитов из соседнего аула Инталы, всем на зависть. А каких дочерей-красавиц родила ему Улжан. Все уже замужем, слава Аллаху, устроены в жизни. И зятья хорошие. К нему и Улжан относятся с уважением. Несмотря на то, что занимают важные посты, старшие два зятя стремятся приехать, помочь по хозяйству. Из вежливости это все, правда, но им приятно.

Дочери не забывают их, гостинцы присылают. А какие у них внуки растут! Каждые каникулы привозят внуков. Чтобы знали они, где их корни, потому что нельзя жить человеку не имея корней, не помня, откуда они произрастают. Без этого превратится он в перекати-поле. И будет носить его ветер – судьба по жизни. Застрянет ненадолго в каком-нибудь овраге, а налетит вновь шквальный порыв и покатится он дальше. В неизвестность.

Об этом думал Бектемир, переводя взгляд с сына на его мрачных охранников и обратно. Что-то, он и сам еще не осознал, что именно, за столь короткое время, его интуитивно настораживало. Но окрик Улжан вывел его из этого состояния, вынудив отвлечься и переключиться на другое.

– Отец ну что же ты застыл? От радости язык к небу прирос, а ноги к земле? – оживленно пошутила Улжан. Веди гостей в дом, пусть располагаются. Амир-жан, твоя комната ждет тебя. В неё мы никого не пускаем, даже нашим шаловливым внукам вход туда воспрещен.

Засуетился Бектемир, забегал по двору. Отправил в спешке водителя к пастуху станционного стада, с просьбой заколоть овцу. А сам схватился разводить огонь в летней печурке, сложенной во дворе. Потянулся, было к поленице дров, чтобы набрать охапку высохших за лето березовых чурок, как вновь сердце торкнулось в груди. Оглянулся Бектемир окидывая взглядом ино-марки, на которых приехал сын. Уж как-то недобро смотрелись они на фоне его дома.

– Ну что ж ты старый дуралей, сын приехал, а ты вместо того чтобы радоваться, распустил свои мысли, как глупых баранов, – укорил он себя. Отмахиваясь от прилипчивых думок, Бектемир развил бурную деятельность по хозяйству, – «Гости с дороги, надо им баньку истопить. Да так, чтобы вначале она жар набрала, а потом притомить его. Соскучился, наверное, сын по настоящей баньке. Что там эти городские, как их называют-то? Фу ты, черт чертыхнулся Бектемир – сауны. Слово то, какое. Так разве сравнишь эти самые сауны с нашей банькой».

Бектемир сам, своими руками вырубил ее. Помогли, конечно, ему друзья, родственники. Но всю ответственную работу он взял на себя, никому не доверяя. Вот и получилась она на славу. С отдельной раздевалкой, с просторной моечной, а главное, предмет его гордости – парилка была отменной. Здесь он хранил развешенные на крючьях свежие березовые веники, пучки всевозможных трав. Топить ее давно уже стало для него особым ритуалом. Бектемир нащепал тонкие лучины, выложил их ко-лодцем в топке и поднес зажженную спичку. Тоненькие язычки пламени поползли по ним, разгораясь. Убедившись, что тяга хорошая, и огонь не погаснет, положил сверху пару сухих, сучковатых поленьев и прикрыл дверцу. Нужно было наполнить холодной водой бочки, запарить в отдельном ковше травы.

Пока суетился Бектемир с банькой, водитель привез освеженного барана. Из дома вышли охранники сына, переодетые в спортивную одежду, как на подбор рослые, почему-то угрюмые.

Бектемир зашел в дом и заглянул в комнату. Улжан о чем-то расспрашивала его, Амир отвечал скупой и жена не дожидаясь ответа, рассказывала сама. Бектемир, давно не выдавший сына, немного стал робеть перед ним. Ему стало вдруг стыдно перед собой. Он нарочно громко кашлянул, чтобы привлечь к себе внимание, сообщая жене, что баран уже разделан и его можно закладывать в казан.

В это время в большой комнате, считавшейся залом, требовательно запищала рация. Его разыскивали с работы. Бектемир несказанно обрадовался призывному зову. Он как-то даже забыл о ней. Почему-то неуютно почувствовал старый железнодорожник себя в своем собственном доме. Вроде, как и не хозяин он в нем. И вот теперь настойчивый ее писк ставил все на свои места. Поспешно прижав наушник, Бектемир ответил на позывной. Дежурный диспетчер, сообщал, что на запасной путь должен подойти «наливняк», а переводная стрелка перестала подчиняться диспетчерскому пульту.

Очень беспокоился Бектемир, – «Надо же такому случиться. Видать где-то перебило кабель».

– Вызывай электрика. Срочно! – закричал он в трубку, – Я сейчас буду.

Ничего не объясняя, побежал из дома, боковым зрением замечая как метнулась следом обеспокоенная, Улжан. Услышал за спиной ее шаркающие, когда-то легкие, шаги. «Постарела», – метеоритом чиркнула мысль, тут же сгорая.

Он уже трясся в своем пыльном «УАЗе», а какие-то полудогадки в подсознании еще некоторое время одолевали его. Озлившись, Бектемир разогнал их, как рой нудивших пчел. Он живо представил себе картину: два доверчиво несущихся навстречу друг другу стальных богатыря, не подозревают о том, что у него не переводится стрелка на запасной путь.

Черными паучками по спине пробежала тревога. Конечно, он преувеличивал. Сейчас не то время. На станции, где раньше было два запасных пути, теперь их целых четыре. Это прежде случись такая беда, хоть самому ложись на рельсы. А сегодня, слава Аллаху, есть возможность быстро устранить неисправность. А нет, так примем на другой, свободный.

Вернулся домой Бектемир лишь к вечеру. Гости уже помылись, напарились и сидели чистые, румяные за столом. Заботливая Улжан поила их чаем. На столе аппетитно громоздились, свежеиспеченные баурсаки, в блюдах желтело коровье масло.

Завидев вернувшегося отца, сын не соскочил с места, лишь сделал вид что хотел подняться. Его здоровенные, охранники и вовсе не были обучены правилом приличия. Уважения к старшим.

Опять сердце заерзало в груди Бектемира, словно с сегодняшнего дня стало ему там тесно.

Насупившись, прошел он к столу, даже не стал мыть руки. Обжигаясь, торопливо выпил пиалу горячего чая, сославшись на то, что неважно себя почувствовал, удалился к себе в комнату.

– Улжан, ты уж сама покорми гостей бешбармаком. Амир, наверное, даже вкус его позабыл, – произнес с ноткой горечи, кляня себя. Ведь хотел промолчать, да не сдержался, уколол сына.

Ничего не ответил в ответ Амир, лишь, насупился.

«Совсем чужой стал сын. Когда же это было? Носил крошечное существо, получая несказанное удовольствие от его запаха. Да и было ли это?» – всерьез засомневался Бектемир, вконец огорченный.

Он прошел в спальню, и не включая свет, побряхтывая, принялся стаскивать с себя одежду. Оглядел ложе, которое вот уже столько лет делили они с Улжан. «На нем мы зачали его», – продолжая раздумывать о сыне.

До его слуха доносился приглушенный говор, звон посуды, хлопанье двери. По этим звукам определял Бектемир что сейчас происходит за столом. Вот Улжан собрала в стопку пиалы, об этом свидетельствовали характерные хлопки, значит, они закончили с чаем. Сейчас она сметает со стола. Скрип половицы подсказал ему о том, что жена с подносом в руках направляется к кухне. Затем хлопнула дверь – это Улжан вышла на улицу. Далее Бектемир почти синхронно мысленно прошел вместе с ней к казану. Также заглянул в булькающую, вкусно пахнущую сорпу. Представил, как она тычет ножом мясо, убеждаясь, что оно сварилось. Затем жена поспешно опускает в казан накатанное тонкими лепешками тесто, называемое жаим, высыпает загодя начищенную картошку.

«Бешбармак должен получиться на славу!» – удовлетворенно подумал он, и слотнул при этом слюну, – «Только вот оценят ли они его вкус?» Да и не только во вкусе дело, причина та крылась в самой радости, с которой он отправлял водителя наказывая резать овцу в честь приезда сына.

Сейчас Бектемир уже сомневался в том, что Амир способен принять в себя хлынувшую волну их долгожданного счастья.

«С ним происходит что то странное. Эта дорогая одежда на нем, иномарки, на которых они приехали, даже подарки вызвавшие восторг у жены, от всего этого почему-то шел дурной запах». Он был зол на Улжан: «лижет его всего, точно только что оценившаяся сука. Даже про меня забыла. Столько лет прожи-

ла на белом свете, неужели не видит что сидящий перед ней парень, это уже не её сын. Темная, злая сила исходит от Амира.»

Сердце уже не просто беспокойно ворочалось, оно стало жечь отдавая током в кисть руки.

Улжан внесла в дом блюдо с дымящимся бешбармаком. Дразнящий аромат молодой баранины мгновенно облетел дом, проникая и в комнату, где лежал он отрешившись от собственного дитя, в глубоком раздумье. Немного погодя слышал он шаги жены, направлявшейся к нему.

«Сейчас станет уговаривать пройти к столу», – подумал он, и хотя очень хотел есть, так что сосало в желудке, притворился спящим.

Он чувствовал, как Улжан постояла рядом с ним, и не решившись потревожить, заторопилась обратно к гостям.

Бектемир заснул неожиданно. Сон тихо, предательски подобрался и плотным туманом налег на веки, мгновенно отяжелевшие от дневных переживаний.

Уже засыпая, он подумал, о том, что с утра необходимо проложить новый кабель взамен пробитого, соединяющего переходную стрелку с диспетчерским пультом. Это задание себе на предстоящий день было ответственным, мысль о нем протаскилась в мозг напоминая останавливающийся состав.

Проснулся Бектемир спозаранку. Он и прежде вставал рано, но сегодня встал еще до пения петухов. Вышел на улицу и посмотрел на горизонт. Там зачиналась тонкая серая полоска, пробуждался новый день. Очень любил старый железнодорожник эти минуты, наблюдая за тем, как сереющая дымка медленно окрашивается, затягиваясь алым цветом. Вот уже стало слышно, как хлопала крыльями, сбрасывая с себя остатки сна, чуть было не проспавшие, певуны-петухи и закукарекали во все горло. Задвигались в овчарне соскочившие овцы, заблеяли, словно оповещая, что и они проснулись. С востока подул свежий ветерок, изгоняя прочь застоявшуюся духоту летней ночи. Ветер принес с собой запах вызревших пшеничных колосьев, напоминая людям, что пришло уже время жать. Убирать скорее в закрома дар матушки-земли, а не то дожди в этих краях подкрадутся неожиданно. Лишь только дохнет с севера, как потемнеют тут же облака. Небо станет хмурым, неуютным.

Темные, набрякшие тучки болезненно поплывут над несжатыми полями, грозя отомстить нерасторопным людям расхри-

станными дождями. Вначале как бы ещё предупреждая все живое в округе, потекут, словно слезы девицы на выданье, а затем уже хлынут ливневыми потоками. Но это еще предстоит. А пока все готовятся и сетуют. Окончательно развалилось сельское хозяйство в стране. Больно было видеть Бектемиру как постепенно без хозяйского ухода, превращалась техника в ржавеющий хлам. Вот и сетуют механизаторы, ругая новую жизнь, при которой ни кому уже ничего не нужно:

– Воруют все подряд бывшие директора совхозов. В один день хотят озолотиться.

«О, аллах, что же это за времена наступили! – вздохнул Бектемир, – Хорошо хоть у нас на железной дороге пока все идет как прежде. Главные составы продолжают грохотать. Пока они будут идти, значит, и жизнь будет продолжаться. Нынче, как и в прошлом году, дичи будет много, у охотников сейчас стало трудно с патронами, говорят дорого они теперь они стоят», – подумал он.

Сам Бектемир хоть и имел в доме ружье, но никогда не стрелял из него. Ему было жалко убивать все живое, нравилось больше любоваться, наблюдая в небе за тяжелыми, отъевшимися за теплое лето птичьими караванами. Иногда провожая их взглядом, ему самому хотелось пристроится к улетающему вдаль клину, мечтая с высоты птичьего полета полюбоваться родной землей.

Внезапно подавший голос старый пес Акбар, оторвал его от этих мыслей, возвращая в действительность. Бектемир вспомнил о сыне и хорошее настроение, тут же улетучилось. Он заторопился в еще не остывшую баньку. Окатил там себя из таза немного за теплевшей за ночь водой и стал в спешке натягивать на влажное тело одежду. Ему нужно было собраться с мыслями, чтобы обдумать хорошенько, как поступить ему с сыном. Может следовало поговорить с ним, а не бежать из собственного дома. Раздираемый сомнениями, тяжело ступая, он вышел со двора, торопясь уйти, чтобы не попасться на глаза выходявшей в это время к коровам Улжан.

Бектемир шагал широкими шагами по улице, хотя знал, что в этот час он застанет на работе лишь сонного диспетчера.

– Асалам-алейкум ага! – услышал он чей-то молодой, приветливый голос. Бектемир поднял голову и увидел спешащего к нему Абая, сына живущего неподалеку тракториста Естая.

Высокий, белолицый, с копной выющихся волос, Абай оза-

ря Бектемира светлой улыбкой, протягивал ему обе руки, здороваясь.

– Поздравляю вас ага, ваш Амир в гости приехал. Видел вчера, к дому две иномарки подъехали.

– Да, да, – кивал в ответ невесело Бектемир.

– А ты что, сынок, соскочил в такую рань? – в свою очередь спросил он, уводя разговор в другую сторону.

Абай опять улыбнулся ему. «Как то очень тепло улыбается этот парень. Весь светится изнутри, словно и не было для него страшного лагеря», – размышлял старый железнодорожник.

– Мне, как и вам, ага, не спится в эти летние ночи. Вот решил Карего с утра вычистить, – Абай показал на привязанного коня, – а потом надо трактор чинить, отец что-то занемог.

– А что с ним? – обеспокоился Бектемир, – живем тут через несколько домов, а ничего друг о друге не знаем.

– Не волнуйтесь ага, поясницу у него прихватило. Ему надо отлежаться парочку дней. А как вы себя чувствуете?

– Спасибо дорогой, у меня пока все нормально. Ну ладно, побегу-ка я, на работу – заторопился вдруг железнодорожник.

С дальнего конца улицы послышался редкий топот коровьих копыт, обеспокоенное мычанье молоденьких телят, отставших от матерей. Всю свою жизнь прожил Бектемир на этой станции, тысячи раз наблюдал он эту картину просыпавшегося аула. Почему-то сегодня все воспринималось совсем иначе, в других тонах, красках, звуках.

Горластый крик петухов, блеянье овец, щебет степных птах, мычанье глухих телят, в это утро явилось к Бектемиру, как внезапно пришедшее к нему откровение природы, высочайшая философия смысла человеческой жизни. Никогда до этого дня не задумывался об этом начальник участка. Днем и ночью, на протяжении лет мозг его был забит вечными проблемами железной дороги. Где-то размыло насыпь, треснул от мороза рельс, мост через речушку в аварийном состоянии, нехватка материалов для строительства мастерской. Вот и мотался без устали он, решая нескончаемые задачи, забывая про еду, семью, сон. Дети закончили школу, дочери повыходили замуж, нарожали внуков и все это воспринималось как нормальное, обычное течение земного пути.

И вот сегодня вдруг по-другому увидел он свое Киялы, утро, вступившее в свои права, приезд сына, даже боль поясницы тракториста Естая, воспринял Бектемир как свою, собственную.

Перед глазами все еще стояла чистая улыбка Абая, в ушах звучал его уважительный, участливый тон. От встречи с Абаем в такое чудное начало дня, стало легче на душе у терзающегося отца. Саднящая боль в сердце поутихла, и черные мысли о сыне немного просветлели.

«Может, излишни все мои подозрения?» – стал он корить себя и сомневаться в правильности своего вчерашнего поведения, – «Сын не успел на порог ступить, как я, старый дурак, закусил удила, словно сивый мерин. Что он подумает обо мне? А его спутники? Скажут вот-те на! Ехали через всю страну, а он даже за стол с нами не сел».

Размышляя, Бектемир не заметив расстояния, добрался до места работы.

Амир тоже в это утро проснулся на удивление рано. Обычно он до глубокой ночи не мог заснуть, в последнее время нервы совсем распались. Атмосфера всеобщей подозрительности, царившая в банде угнетала бригадиров. Особенно после расстрела Хохленка и Веселого. Уже тогда Амир серьезно задумался о своей дальнейшей судьбе. Он стал понимать, что Факир в каждом из членов банды видит измену. И он будет безжалостен по отношению к любому, на кого падет малейшая тень сомнения. Чтобы хоть как-то уснуть, по вечерам он стал выпивать несколько рюмок крепчайшего виски. А по утрам вставал разбитый, после снявшихся ночных кошмаров. И, чтобы взбодриться, с утра вливал в себя рюмку, а затем отправлялся в душ под ледяную воду. Но вчера, впервые за много дней, ощущение постоянной опасности оставило его, и он, поев бешбармак, почувствовал, что его клонит ко сну.

Его подручные ещё спали, а он, набросив на себя легкий спортивный костюм, собрался прогуляться по улице. Увидев на стене зеркало, подошел, чтобы причесаться. Парень, смотревший ему прямо в глаза, из собственного отображения выглядел круто и внушительно. Одна только витая крупными звеньями цепь, обрамляющая сильную шею, говорила бы окружающим, что человек он не простой.

Оставшись довольным собой, Амир натянул на ноги кроссовки и вышел во двор. Пес Акбар приподнял голову, рассматривая загноившимися глазами незнакомца. Но парень прошел мимо, даже не сказав ни одного ласкового слова. Старый Акбар тяжело

вздохнул, высказывая собачье разочарование и опять опустил запаршивевшую башку себе на лапы.

Под ноги Амиру попался крупный камешек. Он стал пинать его перед собой, раздумывая, чем занять себя на весь день. То, что отец повел себя вчера как-то странно, мало встревожило его.

«Чудит старик. Что-то ему не понравилось. Вон и мать просила, чтобы я не обращал на это вниманья».

Амир подумал, было об отце, но как-то вскользь, перепрыгивая в мыслях на другое, на его взгляд более важное.

Откуда-то сбоку донесся стук молотка по наковальне. Амир удивленно посмотрел в ту сторону: «Кто это ни свет, ни заря долбит по железу?» – и к своему изумлению в высоком кучерявом парне узнал своего соперника, Абая. Да и Абай обратил внимание на идущего вдоль домов, попинывая камешек, плечистого джигита.

Давно уже не виделись Амир с Абаем. Почти с того самого дня, когда старец Каратас открыл им страшную тайну своего видения. Некоторое время они смотрели друг на друга оценивающе. Оба прошедшие за эти годы жестокую школу жизни. Даже слишком жестокую. Золотая цепь на шее Амира поигрывала алмазными гранями в лучах встающего солнца. Черные от грязи и машинного масла руки Абая в льющих бликах казались фиолетовыми.

– Ну, здорово! Узнал меня? – спросил Амир

– Здравствуй. Конечно, узнал. С приездом. – Абай показал лоснящиеся кисти и произнес извиняющимся тоном: прости, что не могу руку подать, сам видишь! – он обезоруживающе улыбнулся.

– Ничего. Ну, как ты?

– Нормально. У меня все хорошо.

– Что мастеришь с утра пораньше?

– Перебираю двигатель трактора. Уборка на носу, а движок что-то закапризничал.

– Давненько мы не виделись, а ты возмужал, – признал Амир

– Да и ты джигит хоть куда. Надолго приехал?

– Да нет, что тут делать долго? Мать достала по телефону, последнее время без конца звонила, просила приехать.

– Ну, её можно понять. Она ведь скучает по тебе, переживает, волнуется, произнес Абай.

– Да, конечно – согласился Амир – вот я и приехал. Сам то когда освободился?

– Зимой вернулся. Заезжал по пути в Алма-Ату, восстановить-
ся в институте на заочное отделение.

– Вот как? На кого же?

– Хочу получить агрономическое образование. Правда, мно-
го времени потерял, теперь вот наверстываю. По ночам сижу за
учебниками. Хочу осенью экстерном сразу за два курса экзаме-
ны сдать.

– Ясно, – протянул Амир, – Где работаешь?

– Открыл крестьянское хозяйство «Тумар». Пока я один. И ди-
ректор, и рабочий, в одном лице. Вот выкупил у совхоза старый
трактор, надеюсь починить его. А ты как?

– Я поднялся. Передвигаюсь на «Мерсе», недавно взял, почти
в масле. И еще джип подо мной. Сейчас мое время наступило. И
я все возьму от жизни, по полной мере, – Амир рассказывая, воз-
буждался, – Живу в Москве. Кайфую как хочу. Провожу время в
обществе красивых телок, в казино, ночных клубах. Так что у ме-
ня как говорят американцы: все о кей!

– Ну что ж, я рад за тебя. А сюда возвратиться не думаешь? Ты
парень сильный, очень быгодились здесь твои руки.

– Мои руки? – Амир посмотрел на свои руки, демонстрируя
роскошный золотой «Ролекс» и расхохотался, – Да ты хоть зна-
ешь, что стоят вот эти часы? Да я на них только куплю весь этот
вшивый развезд!

Будто плеткой обожгли Абая слова Амира. Он вздрогнул и
отшатнулся.

– Ты не прав Амир. Нельзя все мерить деньгами. Есть вещи,
которые не поддаются никакому измерению.

– Например, что?

– Отчизна.

– Это старик тебе голову забил, – взъярился вдруг Амир, –
Земля. Народ. Да на черта мне эта степь. Я хочу, и буду жить на
юге Франции. Отдыхать на горных курортах Австрии и Швейца-
рии. Развлекаться в роскошных казино Лас-Вегаса. Доллары за-
меняют мне народ. Потому что жизнь устроена так, если иметь
деньги, будет у тебя народ. Любой. На выбор. Испанцы, францу-
зы, итальяшки, евреи, в конце концов.

– Ты не прав Амир – опять возразил Абай.

– Старик предрекал, что я буду несчастен. А я специально
приехал на двух крутых тачках, чтобы он из могилы увидел. Так
кто из нас несчастен? Я или ты? Ты пошел горлопанить на пло-

щадь за народ. И что он? Он отдал тебя на растерзание, и ты четыре года гнил в лагере. Я пошел воевать в Афган. Замполиты говорили: так надо для страны, для народа. Кому я был нужен после войны? Знаешь ли ты, сколько там погибло?

– Знаю, – ответил Абай, – Та война действительно была напрасной. Ты ожесточился на ней. Но ведь теперь она позади. Человек должен уметь забывать плохое, для того, чтобы жить дальше. А что касается декабрьских событий, – Абай пожал плечами, – я и сам потом столько передумал, там, в лагере. Вроде мы пошли с чистыми намерениями, уверенные в справедливости наших требований. Рассчитывали, что нас поймут. Ну что ж теперь все это в прошлом. Но и ты не прав, Амир. Деньги понятны, всем нужны. Но нельзя обожествлять их.

– Замолчи! – вскричал взбешенный Амир. Я думал ты хоть капельку поумнеешь после срока. Вот стоишь ты весь в дерьме, а все туда же. Рассуждаешь. Лучше бы о себе подумал, как жить будешь? Или тебе не хочется ездить на джипе, «Мерседесе»? Всю жизнь будешь на тракторе?

Абай был бледен. Кончики его черных усов подергивались от нервного напряжения. Нужно было найти в себе силы, чтобы не ответить резкостью на грубость Амира. И он нашел их, ответив искренне:

– Хочется, конечно, но я еще не заработал на «Мерседес».

Это его откровенное признание остудило пыл нервного Амира. Он замолчал, осмысливая произнесенное, Абаем.

– Если хочешь, я возьму тебя с собой. Пристрою тебя как земляка на непыльное, денежное место. Хотя выберешься из этой дыры, – Амиру казалось что он сделал Абаю хорошее предложение. И что он с радостью должен ухватиться за него. Тон Амира был снисходительный и покровительственный. И он не наигранно очень удивился, когда Абай отклонил его протянутую руку.

– Спасибо тебе Амир, за то, что заботаешься обо мне. Для меня, это не дыра, а действительно родная земля. Там в лагере я выжил благодаря тому, что думал о ней и она давала мне силу. И народ я считаю, за деньги не купишь. А дух Маркыма-аксакала ты зря обидел. Он сильно тебя любил и искренне переживал за тебя.

– Ну ладно, хватит. Поговорили. Трудно понять навьюченному мулу пронесшегося мимо как ветер тулпара.

Амир круто развернулся и пошел в другую сторону, оставив сетовавшего на себя Абая, одного.

«Как же я так неловко повел наш диалог? Он же всегда был горячим, а я не учел этого. Столько лет мы не виделись. А встретились как прежде, не нашли общий язык. А ведь я всегда помнил о нем и искренне желал, чтобы Амир нашел себя в жизни. А его что-то повело, не уж то он и впрямь заразился этой долларовой чумой?» – Абай был всерьез раздосадован, не сложившимся разговором, считая виновным себя, – Ну, ничего, он парень умный, остынет немного, тогда я и навещу его», – решил Абай, возвращаясь к прерванному занятию.

Амир вернулся домой, Улжан встретила его на пороге. Счастливая мать заулыбалась при виде сына.

– Ну, как ты отдохнул Амир-жан?

– Хорошо – буркнул он в ответ, неприветливо, хотя решил быть ласковым с родителями. Но у него это плохо получалось. Слишком разными они жили жизнями и различные у них были ценности.

– Ты чем-то озабочен, сынок? Иди же ко мне, мальчик мой, я хочу понюхать тебя, надышаться твоим запахом. Поделись со мной, раскройся мне.

Улжан протянула к нему руки, готовая принять в свои объятия. Её глаза излучали заботу о нем и желание понять раздиравшие его противоречия. Но Амир отклонился, шагнув назад. Его колючий характер мешал ему оценить материнское внимание. В то же время, не желая её обидеть, пробормотал:

– Ну что ты, мать. Тебе незачем волноваться, ты же видишь, мои дела идут прекрасно. Ничем я не озабочен. Так себе, размышлял обо всем понемногу, – и пытаюсь отвлечь её, стал спрашивать о жизни станции, хотя его это мало волновало.

– Ну что тебе рассказать? – Улжан вздохнула, прежде чем начать – в округе все очень плохо. Аулы разоряются. Пенсионерам по полгода не выплачивают пенсию. Автобусы, ходившие туда прежде по маршрутам, теперь не ходят. Говорят, что бензин подорожал, и дорога у шоферов не окупается. А ведь там люди живут. Мало ли, кто-то заболел, кому-то в центр надо. Теперь и электричество им стали отключать. Совсем техники у аульчан нет, а совхозы тоже находятся в кризисе. Нет запчастей, солярки для комбайнеров и тракторов. Посевные площади сократились. Вот и снимаются люди с нажитых мест, бросают дома, перебираются в совхозы, в надежде, что там легче будет пережить. Слава аллаху у нас пока все как прежде. Железная дорога нужна еще

государству. Хотя и здесь стали задерживать зарплату. Немцы и поляки по уезжали к себе, с нашего Киялы за один год почти все уехали. А ведь какие среди них специалисты были и хозяева хорошие, – сетовала Улжан.

– Я оставлю вам денег, правда, у меня только доллары.

– Сынок, нам с отцом от тебя денег не надо. Мы достаточно зарабатываем, хватает. Я рассказываю не для того чтобы жалиться на жизнь, ты отдалился от дома, тебя носит по свету как листок, оторвавшийся от дерева. Хочется, чтобы ты проникся к проблемам родного края.

– Мать, ну и ты туда же? Я что, могу решить нехватку запчастей или вопрос с невыдачей пенсии? Ты мне скажи лучше, когда мы поедем к старикам?

Улжан тронуло, что сын беспокоится о стариках. Она сразу же вся помягчела, с лица её спало напряжение.

– Вначале я должна покормить вас завтраком. Что бы ты хотел?

– Не знаю, что подашь, то и съедим.

– Амир-жан, неужели ты не соскучился по домашней еде, приготовленной руками твоей матери?

– Очень. Можно сказать, истосковался, только не пытай меня больше. Ладно?

День был причудливо тих и как то по особенному летний. Высокое, казавшееся бездонным, голубое небо, словно лепные узоры, украшали белые облака. Бектемир получив выговор от жены по рации, заспешил домой. Весть о том, что приехал его сын, моментально разнеслась по округе и сегодня на работе его все поздравляли, так, будто он был именинником. Коллеги норовили распознать, где и кем работает Амир, кое-кто видел въезжавшие в аул две дорогие иномарки. И он отвечал, что сын его начальник службы безопасности крупного банка, приехал проведать их в сопровождении четверых охранников.

Простоватые железнодорожники искренне восхищались, обсуждая новость.

– Говорят же, нет худа без добра, Бектемир-ага, вот и пригодился вашему сыну его боевой Афганский опыт.

– Как же, работа ответственная – соглашался он, начиная и вправду верить, тому, что говорил, забывая о мучивших его вчера подозрениях.

Получив выговор от Улжан и собираясь идти домой, он долго раздумывал над тем, на чем им добираться до аула тестя. В былые годы молодости, когда он только познакомился со своей будущей женой, пятнадцать километров, разделявшие их, он запросто преодолевал пешком. Теперь же, с возрастом это было бы затруднительно. Но мысль о том чтобы ехать на иномарке сына, он отбросил сразу. Он запряжет рыжую кобылку в служебный тарантас, на котором объезжал труднодоступные для его старого «УАЗа» участки дороги и повезет сына на нем. Бектемир это придумал специально для того чтобы разбудить в Амире забытые чувства.

«Пусть его немного потрясет в тарантасе, вдохнет нашего степного воздуха – глядишь, и вспомнит, как в детстве скакал, вцепившись руками в гриву коня. Может быть тогда проснется в нем казахский дух?»

Когда дома за чаем Бектемир сообщил Амиру и Улжан о своем решении, мать с сыном в недоумении переглянулись. «Волос длинный, а ум короткий», – рассердился не на шутку он на недогадливую жену. Но Бектемир был не прав, Улжан уже сообразила, что это не просто блажь со стороны мужа и поддержала его.

– Отец прав, сынок, ты же знаешь своенравный характер нашего дедушки, он к старости стал ещё консервативней, выговаривает, когда мы на служебной машине приезжаем.

– Но мы же запылимся, – попытался возразить Амир.

– Это не страшно, пыль с одежды всегда можно стряхнуть – возразил Бектемир, вставая из-за стола.

Улжан словно спохватившись, принялась суетливо собираться.

– Сынок, не забудь захватить подарки, которые ты привез. Положи их сразу в тарантас.

Амир решил подчиниться воле отца, хотя все внутри протестовало против такого чудачества. Забрав пакет, в котором лежали свитера и кофта для деда с бабкой, он вышел во двор.

Подручные, сидели на лавочке с удивлением наблюдая за тем, как отец запрягает в тарантас лошадь.

– Ты чё Душман, поедешь на этой телеге? – недоверчиво протянул Кабан.

– Прикуси язык. Ты забыл мой инструктаж, обращаться ко мне по имени и отчеству? – зашипел Амир, негодуя.

– Понял босс, извини.

– Не извини, а извините, – и, переходя на шепот, – Кабан, я из тебя отбивную сделаю.

– Извините босс!

Застоявшаяся рыжая кобылка бежала резво, будто радуясь тому, что она, наконец, понадобилась хозяину. Заботливо смазанный тарантас катился легко, без скрипа. Бектемир беседовал с сыном, сидя на облучке, довольный тем, что ему удалось настоять на своем. Улжан затаенно улыбалась, радуясь тихой, материнской радостью.

Ехали вдоль серых домов с покосившимися, выцветшими заборами. Улица была безлюдной, если не считать доносившееся урчанье трактора, грохот грузовика, за дальними домами и кучку пацанов, пробежавших через дорогу, в погоне за мячом. Амиру, быстро привыкшему к кишащему мегаполису казалось вокруг все вымершим.

«Как я раньше тут жил?» – ужаснулся он. Рыжуха протрусила около крайних изб, в памяти всплыл день когда он, уезжая в армию, проехал здесь, в надежде увидеть свою прекрасную немку.

Сразу за ними отец повернул вправо и Амир с удивлением обнаружил, что стог, немой свидетель их тайных встреч стоит на прежнем месте. «Не может этого быть», – засомневался он.

– Мать, этот стог стоял здесь еще до моей службы. Разве может быть такое?

– Сынок, его же каждый год докладывают. Вот он и стоит, чего ему будет – пояснила обрадованная Улжан, умиляясь от того что сын обратил на это внимание.

Степная дорога петляла между выбеленными рощами, за тарантасом клубилась густая пыль.

Улжан оживленно рассказывала сыну про сестер и племянников, а Амир опять вернулся мыслями к Москве, к Юлии, Факиру, не обращая внимание на красоту нарядных березок, словно одетых в белые сарафаны. Не пытаясь вслушаться в их шелестящий шепот.

Изредка задавал матери вопросы, чтобы она не думала, будто он стал безразличным. Наконец и отец разговорился и стал спрашивать о его жизни в городе.

«Оттаял батя», – удовлетворенно, решил Амир. Темные немногочисленные домики когда-то большого аула Инталы, показались ему убогими.

«Непонятно, во имя чего они держаться за этот аул? Боятся, наверное, что пропадут без него. Перебрались бы в совхоз, райцентр недоумевал он – хорошо, что отец настоял на своем, при-

шло бы потом «Мерс» отмывать от пыли. Да и кто тут оценит по достоинству, если они кроме быков и баранов здесь ничего не видят».

– Телевизоры хоть показывают в ауле? – спросил он мать.

– Конечно. Если есть электричество. Только когда им смотреть его?

– Чу, – поторапливал отец кобылу.

– В этом доме жил старик Кодар, – мать показывала на одинокий домик на краю аула, – помнишь его? У него была огромная, лохматая собака – она пыталась разбудить в нем воспоминания.

– Смутно, – сознался Амир.

– Старик скончался. Осталась бабка со своей снохой.

– А сын?

– Единственный сын Кодара в прошлом году упал с лошади и разбился.

– Умер что ли?

– Да, – горестно прошептала мать.

– Мне кажется, раньше здесь была улица.

– Ты прав Амир-жан, теперь вон одни развалины.

– А кто сломал дома.

– Хозяева и сломали, чтобы хоть что-нибудь что могло бы им пригодиться, увести с собой.

– А наш дед, не думает перебраться в совхоз?

– Твой отец и я, не раз затевали об этом разговор. Да только он и слышать ничего не желает. И еще сердится сильно, ты уж, пожалуйста обойди эту тему, не затрагивай её.

– Ладно, – согласился Амир.

В детстве дом деда казался ему большим, как было в юности, он уже не помнит, теперь же он гляделся Амиру грибок-поганкой. Фундамент дома врос в землю, оттого он был низким и косяким. Сарай для скота сиротевший в отдалении, давно не мажанными, разными стенами навевал уныние. Повсюду на земле коричневыми кляксами сохли коровьи лепешки, роняя ядовито зеленое дерьмо, гоготали встревоженные гуси.

На их шум, мотыляя пустым рукавом, выскочил из дома дед Ережеп. Скользя мимоходом по лицам, Бектемира и Улжан застыл, разглядывая Амира, не сразу распознав в нем любимого внука. А когда узнал, зашаркал, к тарантасу подняв единственную руку, готовясь обнять его.

Амир спрыгнул с подножки и дал прижать себя деду, терпеливо снося идущий от него резкий запах.

Айганым, увидев внучка, запричитала по-казахски нараспев:

– *Кулыным менын, ботам менын*, – называя его ласкательно «жеребеночком», «верблюжоночком».

По её разрезанным морщинами щекам, заструились слезы. Дед Ережеп сохраняя достоинство, торопливо отстранился, передавая внука в руки байбише. Так было положено, несмотря на радость, должна была она и заголосить и всплакнуть. Выразить, словно свалившемуся с неба внуку и неожиданное, безмерное счастье и немой упрек за то, что он совершенно забыл о них, поставших и наверно, поэтому, уже ненужных ему.

Дед поцеловал наклонившуюся к нему дочь, пожал руку тятю и произнес:

– *Хош келипсиздер!* – что означало «Добро пожаловать».

Бабка все еще всхлипывала, припав к нему на грудь. От неё тоже исходил запах пота, дыма, овец, и от этого его обоняние, улавливавшее тончайший букет духов Юлии, жесточайше страдало, и он незаметно отвернул лицо в сторону.

– *Болды, болды*. Пропусти внука в дом, – повысил тон дед Ережеп, отдавая команду как на фронте. Амир, отпустив бабку, облегченно вздохнул и это не укрылось от взора внимательно наблюдавшего за сыном Бектемира. Он был глубоко удручен.

Белый, нарядный, словно сверкающий жених, перед свадьбой, «Мерседес» Амира неторопливо выехал со двора. Большой, черный джип порывкая тронул вслед, широкими зубчатыми протекторами наехав на хвост дремавшего в тени старого пса Акбара. Акбар завизжал так, будто его резали пополам, откуда только в его хриплых, легких взялась такая пронзительная нота.

– *Кой енды!* – вскричал Бектемир, в душе ругая здоровяка выводившего машину со двора.

Акбар на мгновение прервал свой визг, горестно, вопросительно глядя на своего многолетнего хозяина. Видимо, старый пес, верно служивший всю жизнь этим людям, рассчитывал что хозяин сейчас защитит его, отомстит за его боль, большим неприятным парням, все эти дни относившиеся к нему без уважения. Но вместо этого он, всегда решительный, сколько его помнил Акбар, сконфуженно топтался на месте, да еще стал кричать на него. Старому Акбару стало очень обидно.

«Вот она несправедливость жизни. Будь это в дни, когда я был молод и полон сил. Когда от одного моего грозного рыка под-

жимая хвост, убегали все станционные собаки. А я бродил меж домов, не пугаясь даже грохочущих, несущихся железных чудовищ, выискивая самую ласковую из всех сук. Да, случись такое в те годы, одним могучим прыжком достал бы глотку этого злодея, сидящего за рулем с пустыми глазами. Но жизнь наша собачья коротка. А старость – вот она, лицо её сморщенное, шелудивое и незащищенное», – вот какие мысли пронеслись в песьем мозгу старого Акбара. Горечь от них разлилась по всему телу, подобно желчи. Отдавленный хвост нестерпимо болел, жег огнем. Но больнее этой физической боли, была другая – от нерешительности хозяина. И обиды, несправедливо нанесенной ему. Не выдержав этой муки Акбар задрал вверх морду, завыл громко, жалась и сетуя.

Услышав режущий перепонки визг Акбара, Амир понял, что Кабан наехал на него, чертыхаясь и кроя матом тупоголового качка, он выглянул в окно «Мерседеса». Отец и мать стояли растерянные, не зная, что предпринять. Мать, перед этим не выдержав всплакнувшая, прощаясь с ним, теперь переключила свое внимание на плачущего пса. Отец же, рассердившись, в сердцах закричал на собаку. Наконец пес смолк, так же внезапно, как и взвизжал.

– Не выходить же теперь из-за этого из машины. Сука, Кабан, всё испортил. А ведь так красиво выезжали, – огорчился он и махнул родителям рукой.

Машины уже развернувшись к дороге, плавно покатались, как вслед им завыл пес.

Страх, неприятный, тянущий жилы, словно омерзительный гад, втягиваясь извилистым телом, вполз в него и поселился внутри. Амир поежился, его вдруг забил озноб, несмотря на зной летнего дня.

– Выруби кондишен, – приказал он Хайдару, ведущему автомобиль.

– Но ведь жара, – возразил было татарин.

– Остынешь когда получишь пулю в лоб.

Хайдар сглотнул слюну, проглатывая угрозу, но охладитель выключил.

– Чего он завыл? – продолжал раздумывать Амир

Хайдар компенсируя выключенный кондиционер, включил кассету. Салон наполнился музыкой, постепенно отвлекая от мрачных мыслей.

Он вспомнил безумную радость бабки с дедом при виде внука. Аульную суету, стариков и старух, спотыкаясь спешащих к дому Ережепа со всех сторон. Брезгливость от ощущения в своей руке сморщенных, заскорузлых ладоней и невыносимый аульный запах, идущий от них, норовивших облобызать, слюнявя ему лицо. Полуразвалившиеся, согбенные старцы бормотали:

– *Кайырлы болсын!* – и он вынужденно, терпеливо сносил этот кошмар.

Дед Ережеп, не раздумывая, зарезал жирного барана. Какие-то неопрятные, невесть откуда взявшиеся мужчины помогали ему свежевать, мелькая ножами в окровавленных руках.

– *Жаксы екен. Оте жаксы!* – хвалили они мясо, умело расчленив бараньи суставы.

Мать, стараясь угодить властной бабке, раздувала сушеный кизяк в печурке. Другие женщины тоже дружно включились в работу. Старики, покряхтывая вошли в дом и, стеной, поэтапно сгибая свои кости, стали усаживаться вокруг закопченного, низенького столика. Затевался негромкий разговор. Опасаясь любознательных вопросов, сославшись на то, что у него разболелась голова, он удалился в другую комнату.

Прямая лента асфальта остроконечной стрелой упиралась в горизонт. Хайдар вел машину на большой скорости, хотя, в салоне это не ощущалось, и только мчащаяся сбоку степь свидетельствовала об этом.

«Прекрасная тачка!» – наслаждался он комфортом. Амир сознавал, что отец с недоверием отнесся к его рассказу о работе в Москве, очень настороженно присматривался батя к бугам-подручным, вслушиваясь в их бандитский сленг. Пожалел он, что взял их с собой. «Надо было оставить их в Петропавловске в гостинице». Но ему очень хотелось въехать на станцию на двух машинах, одна смотрелась бы сиротливо.

«Он умышленно затеял эту поездку на тарантасе!» – обожгла его догадка, – «Рассчитывал, что разбудит во мне ностальгию», – Амир был благодарен отцу за его попытки расшевелить в нем уснувшие чувства к родному краю. «А были ли они?» – стал вспоминать, вороша годы Амир, – «Нет, не было их. Просто я жил там, где меня родили. А теперь хочу жить в других городах, странах. Ну, зачем мне эта степь? Что мне тут, бегать за стадами глупых овец. Амир представил себя с пастушьей сумкой через плечо с длинной, загнутой сверху чабаньей палкой в руках».

– Бр-р-р! – поежился он.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ КОРОЛЬ!

Новости, которые ожидали Амира к моменту его возвращения в Москву, были подобны взорвавшейся бомбе. Сразу по возвращению в столицу Амир пытался связаться с Факиром. Но все его попытки были безуспешны, несмотря на то, что Амир регулярно отправлял им на пейджер условные обозначения. На связь с ним не выходил ни один из бригадиров. Амир недоумевал: «Что могло случиться?» Тревожные мысли испуганными стаями проносились во взбудораженном мозге. Он пытался выстраивать самые невероятные версии - за время его отсутствия менты загребли всю банду. Или другая, еще более невероятная: то, что банду в полном составе уничтожили конкурирующие группировки.

В связи с этим в памяти всплывала их жестокая расправа с Седым. И хотя до того момента, как они расправились с семьей этого старого арестанта, с человеком, пользующимся огромным авторитетом в одноименных крутах, они пролили достаточно много крови, но расправа над семьей Седого почему-то все не выходила из головы. Почти звериным чутьем он чувствовал, что там они переборщили, и за это с них будет спрос. Никогда до этого Амир не задумывался над неписаными законами преступного мира, полагаясь лишь на силу оружия. И вот теперь чутье подсказывало ему, что за Седого с них будут получать.

Вспомнился тот вечер, когда они ворвались на квартиру «положенца». Тоска, расплескавшаяся в глазах старого арестанта, отчаянные всполохи, метавшиеся в зрачках его жены и плач младенца, доносящийся из кровати. Он тогда не удержался, уж больно жена Седого внешней схожестью напомнила ему его далекую белокурую немку. Можно было ее просто убить, но он вспомнил Грету, отчетливо представил ее образ перед собой. А, представив, не удержал перевозбуждившуюся плоть.

В душу Амира черной змейкой вполз страх. Он еще не знал, что случилось с бандой, но страх уже успел ужалить его, впрыснув смертоносную порцию яда. Это было страшное чувство. Привыкший в последние годы ощущать себя частицей могучей машины, перемалывающей человеческие жизни, судьбы, подминающей под себя целые структуры, готовой дать отпор, огрызнуться десятками стволов, изрыгающих горячий свинец. На некоторое время ему показалось, что он стал ниже ростом, уже в

плечах, и в лице потерял, казалось, не стираемую печать прижившейся надменности.

Страх пожирал его. И, томясь от тревожного ожидания развязки, он не придумал ничего другого, как позвонить Юлии.

Только так, подмяв ее под себя, увидев в ее глазах ту фальшивую покорность, которую она демонстрировала ему в последнее время, он вновь мог почувствовать себя тем Амиром, каким он пытался представляться ей всегда.

Амир связался с Юлией. В голосе дочери банкира даже отдаленно не прозвучало нотки радости. Она не поинтересовалась, где он пропадал, почему так долго его не было.

– А, это ты... Привет! Как дела? Извини, я очень тороплюсь, ты меня застал буквально на пороге. Я опаздываю на встречу.

– Когда ты освободишься? Нам надо увидеться.

– Сегодня не получится. У меня день забит. Мне необходимо заскочить в университет, затем в бассейн, затем в салон, – Юлия намеревалась продолжить список своих неотложных дел, как взрычавший по-звериному Амир прервал ее:

– Юлия! Мне наплевать на бассейн и что там у тебя еще! Сегодня *надо увидеться!* – категорично потребовал он от любовницы.

Никогда до этого он не позволял себе говорить с ней в таком тоне. Но сегодня нервы его были на пределе. Беспокойство кружилось в его душе, словно хлопья осадка в недоброкачественной водке. Страх перед неизвестностью вынуждал его мерить шагами комнату, словно запертого в клетке зверя. Юлия была тем островком, с которым было все ясно. Поэтому ему потребовалось видеть ее, чтобы убедиться в том, что еще не все потеряно, и на ней выместить злость за свой страх и метания.

Девушка осеклась на полуслове, выслушав яростный голос Амира. Вспомнила, что в принципе, ей с ним было неплохо. Он очень азартен, темпераментен, а главное, что ее забавляло, так это его замашки восточного властителя.

– Я кто в твоём гареме? – спрашивала, куражась она.

– Ты – ханша. Тебе в ноги будут кланяться все мои враги, и трепетать при виде твоей красоты.

При воспоминании об этом у Юлии снова пробудился интерес к нему.

– Черт с ним, с бассейном, – она легко отказалась она от своих планов, будто забыв, как только что уклонялась от встречи с ним.

Юлия впервые согласилась приехать к нему на квартиру. В ожидании любовницы, Амир продолжал выстраивать различные версии, выискивая причину, по которой никто из лидеров банды не выходит на связь. Своим подручным он приказал залечь на дно и не высовываться.

Звонок прозвучал неожиданно, заставив Амира вздрогнуть, будто кто-то обдал его кипятком. Сжав в руках «Стечкин», он на цыпочках прокрался к двери и замер, вытянувшись вдоль стены и вслушиваясь в шорохи. Решившись, заглянул в глазок и увидел Юлию. Она была одна. Это успокоило его. Амир перевел дыхание и щелкнул замком, чтобы впустить девушку.

– Почему долго не открывал? – она покосилась на пистолет в его руке, но не выразила удивления, словно это было не боевое грозное оружие, а пластмассовая игрушка. Юлия догадывалась, что возникший на ее небосклоне новый «поклонник», как теперь модно было говорить, является бандитом. И хотя он ей говорил что-то про службу безопасности, она не сомневалась в том, что это ложь. Хотя, откровенно говоря, ей было все равно, кто он.

Вызывающей яркой красотой, пахнущая дорогими духами, Юлия мгновенно возбудила Амира. Находясь в дороге, и все последние дни он жаждал ее, и теперь, когда она оказалась рядом, его стала бить судорожная дрожь нетерпения.

– Потом, все потом... – бормотал он, отбрасывая ненужное ей объяснение в сторону, хватая ее за тонкую талию и увлекая за собой, – К черту одежду, все эти, придуманные людьми шмотки! Они только портят тебя. А я хочу твое прекрасное тело! – сгорая от желания, Амир стаскивал с нее коллекционные тряпки, – с ее гордого, молчаливого согласия.

Наконец, Амир получил на пейджер сигнал «сбор три». Этот сигнал мог ему отправить только Факир. Поэтому, получив приказ, он незамедлительно отправился в пресловутый дорогой бар в Лужниках.

На удивление Амира его встречал один Секретарь. Как всегда, изысканно одетый, без тени смятения в лице, Секретарь предложил Амиру присесть за стол в отдельно накрытой кабинке. Амир в тревоге пылливо вглядывался в лицо Секретаря, пытаясь угадать, причину вызова. Однако, Секретарь не торопился, в свою очередь, внимательно следя за его поведением. И только когда услужливый официант, разлив по бокалам вино, удалился, Секретарь разомкнул плотно сжатые губы:

– Ну, как ты съездил? – осторожно приступил он к расспросам.

– Да я-то что? Нормально съездил. Проведал стариков. Но вот по приезду ничего не могу понять. Что происходит? – спросил Амир.

Новость, которую сообщил Секретарь, произвела на него эффект взорвавшейся бомбы.

– Факира больше нет, – произнес тот, словно вылил ушат холодной воды. Словно с разбега хвативший стакан не разбавленного, чистого спирта, в одно мгновение потерявший голос, Амир прошептал:

– Как, «Факира больше нет»?

– Его взорвали, – ответил Секретарь, продолжая пытливо всматриваться в лицо Душмана.

– Кто взорвал? – пересиливая дрожь в голосе, спросил Амир. Сердце в его груди взволнованно забилося от этой новости, – Значит, Факир убит? – вновь переспросил он, боясь поверить в услышанное.

– Да, – ответил Секретарь, и тут же продолжил, – взрыв Факира организовал Квадрат.

– Откуда это стало известно? – прошептал Амир

– Да уж стало, шило-то в мешке не утаишь, – Секретарь улыбнулся такой улыбкой, которая мгновенно рассеяла все сомнения, бушевавшие в душе Амира, – Диспетчер подготовил для нас с тобой, – Секретарь, незаметно для Амира, стал говорить о них двоих, как о людях, одинаково оценивающих сложившуюся ситуацию, – Так вот, Диспетчер подготовил запись телефонных переговоров Квадрата с Немым. Немой продал Факира. Именно он предоставил возможность Квадрату прицепить под крышку стола взрывчатку. Ты помнишь наш уговор о «Реммоторс»? Ты обещал мне отплатить услугой за услугу!

Амир, взглядываясь в лицо Секретаря, чувствовал, что он в отлучии от него, не растерян и контролирует ситуацию, и у него есть план.

– Да, помню.

– Признаешь ли ты за собой этот долг?

– Признаю!

– Ну, тогда, давай подсчитаем очки. Что мы имеем: Факира нет, среди братвы разброд, бригады в растерянности, но это временно, так как скоро начнется грызня. Абдулла и Соболев –

этим двоим все равно, кому служить. Бульдозер честолюбив, он рвется к власти, но он туп, и поэтому в расчет не берется. Остается Чечен.

– А ты, Секретарь? Чего ты хочешь? – напрямую задал вопрос Амир.

– Порядка. Только порядка и ничего больше. Все остальное встанет на свои места, – Секретарь ответил тоном, не допускающим иного трактования. И Амир поверил ему. Он, наконец-то понял этого загадочного и умного бандита. *Лидерство Секретарю не нужно*, понял Амир. Его больше устраивает оставаться «серым кардиналом» преступной группировки. Деньги и влияние – почти те же самые, а риска значительно меньше.

От волнения у Амира пересохло в горле. Он чувствовал, что близится *его час*. Тот, о котором он, пугаясь собственных мыслей, позволял себе мечтать наедине с собой. Теперь, когда не стало Факира, появилась возможность приблизиться вплотную к лидерству, а значит и к самому лакомому, то есть завладеть «общаком» банды.

– Я предполагаю, – произнес Секретарь, – что на данном этапе будет лучше, если мы с тобой поддержим Чечена, – вымолвил Секретарь. Тут же, не прерывая своего монолога, добавил, – повторяю, на данном этапе, – давая понять Амиру, что и Чечен – проходная фигура в этой кровавой игре – борьбе за «общак». Секретарь замолчал, вглядываясь в лицо Амира, ожидая его реакции. Амир совершенно не сомневался в том, что прежде, чем прийти на разговор с ним, сюда, в этот бар, Секретарь хорошо подготовился, и у него есть в запасе варианты для отступления, и весь его диалог с Амиром – это лишь часть многоходовой, тщательно продуманной игры. Поэтому Амир ответил так, чтобы развеять все сомнения Секретаря:

– Я готов, во мне можешь не сомневаться. Но почему мы должны поддержать Чечена?

В ответ Секретарь рассмеялся характерным смехом. Клокочущую, закипающую воду в чайнике напоминал он.

– Эх-хе-хе. Все очень просто, Душман. Квадрат хочет стать во главе. Чечен тоже рассчитывает на это. Чечен ненавидит Квадрата. Но они могут и объединиться. Тогда мы с тобой станем лишние. Я чужак, но и ты чужой, по большому счету. Они из старых «факиров». Поэтому их надо опередить. Вызови Чечена на стрелку и объясни ему, что тебя устроит быть его правой рукой.

А без меня ему не обойтись. Таким образом, Квадрат в нашем треугольнике не уместается, – он вновь засмеялся, – Эх-хе-хе, – но взгляд его цепко следил за выражением лица Амира.

– А что будет потом? Когда не станет Квадрата, – Амир решил дожать Секретаря до конца, не исключая вероятия, что их сейчас пишет Диспетчер.

Секретарь не торопился ответить, словно на микронных весах выверивал ответ. Наконец он разомкнул губы и произнес:

– Ты же знаешь, Чечен меня не любит.

– Знаю, – ответил Амир. – Но почему я должен верить тебе? Может после. Квадрата вы уберете меня? Так почему?

Серый кардинал полез во внутренний карман. Амир напрягся. Но Секретарь вынул из кармана мягкую замшу и принялся протирать стекла золотой оправы.

– Потому что я умный. И предполагал такой расклад еще при жизни Факира. После того, как вы разделались с семьей Седого, я уже точно знал, что в Москве прошла сходка воров. И на Факире они поставили крест. На Квадрате тоже. Ведь они вдвоем относили кисть Седого к коммерсанту. А там писала скрытая камера. Так вот кассету с записью коммерсант отдал вора. Тебя на ней нет. Вот поэтому я и помог тебе тогда с «Реммоторс», зная, что они не жильцы на этом свете. Вопрос лишь во времени.

Обомлевший Амир не был в состоянии произнести слова. «Станный он человек, этот Секретарь», – кружилось в мозгу, – «Это же надо! Он еще тогда все просчитал и поставил на меня. А сам жировал с Факиром по заграницам», – думал он, а вслух произнес восхищенно:

– Ох и голова у тебя, Секретарь.

– Кто хочет многого достичь, тот должен много думать, – щегольнул он, – Квадрат убрал Факира, ты поможешь Чеченцу избавиться от Квадрата. Таким образом, мы с тобой сработаем на воров, оказав им такую услугу. Моя забота, чтобы они об этом узнали. Теперь ты все понял?

– Понял, Секретарь, – прошептал Амир.

Серый кардинал еще раз прощупал взглядом соучастника и, перед тем как уйти, положил на стол клочок бумаги с начертанными на ней цифрами.

– Это новый номер пейджера Чечена. Встретиться с ним завтра. Результат обсудим. За стол уплачено, – предупредил он уходя.

Амир остался сидеть в баре. Нужно было переварить поток

информации, который обрушил на него Секретарь. Его бил мелкий озноб, клацали противно зубы.

Он раздумывал над предстоящей встречей с Чеченом: «Удастся ли его убедить? Если нет, то его придется кончать прямо там, на стрелке». Амир мучительно размышлял над тем, на кого он мог бы опереться в таком деле. После долгих сомнений, выкурив несколько сигарет, понял, что полагаться может только на себя. И если Чечен придет не один, то ему придется очень туго. Секретарь устроил для него хитрый экзамен.

– Ну что ж. Посмотрим. Надо оттянуться, успокоить нервы, – решил он, залпом опрокинув в себя полный бокал вина. Вызвав к себе бармена, Амир заказал ему двух девочек.

Конечно, он мог провести ночь с Юлией. Но тогда бы ему пришлось терпеть ее выходки, смириться с ними. А потом, прощательная Юлия могла заметить его смятение. «Она ни в коем случае не должна видеть меня сомневающимся, мечущимся в тревоге. Эта самочка покоряется только сильным мужчинам. А с девочками мне не надо будет церемониться.

Вино было терпкое и приятно сушило рот, его хотелось пить. Таскаясь с Юлией по крутым ресторанам и клубам, Амир научился разбираться в хороших винах. И теперь, осушая бокал за бокалом, он мысленно одобрял выбор Секретаря. Как ни странно, он не пьянел, несмотря на то, что выпил изрядно. Хотя мысли уже стали плавно затормаживаться, напоминая ему плывущие отяжелевшие бревна в свинцовой воде.

Правая рука то и дело соскальзывала под стол, притрагиваясь к холодившему живот тяжелому «Стечкину».

Амир проснулся с тяжелой головой. Что-то больно давило ему в бок. Не открывая глаз рукой нащупал чье-то округлое колено. Он попытался отодвинуть его в сторону, но от всякого движения, усилия, его тут же мутило. Внутри черепа что-то опрокидывалось. Мгновенно подступала тошнота к горлу и тогда он замирал, смиряясь с чужим коленом.

Однако томящее любопытство не давало ему покоя, призывая к тому, чтобы он рассмотрел незнакомку. Однако для этого необходимо было открыть глаза и хотя бы повернуть голову в ее сторону. На это не было сил. И он решил упростить для себя проблему, не затрачивая энергии. Нужно лишь попытаться восстановить картину вчерашнего вечера. Но, как только Амир

приступил, напрягая память к воспоминаниям, вновь в голове возникла тягучая боль и он тут же отказался от трудной затеи. Лучше всего в его положении, оказалось лежать спокойно и ни о чем не думать. И попытаться уснуть.

Сколько он так пролежал в полудреме, он не знал. Очнулся оттого, что услышал какие-то звуки в номере. Осторожно, остерегаясь прилива тошноты, подтянул тело выше, к подушке и прислушался к организму. Да, сомнений не могло быть. Он чувствовал себя намного лучше. Амир открыл глаза. По номеру, устланному легким покрытием, расхаживала высокая девица с бокалом в руке. Почувствовав на себе его взгляд, девица обернулась.

– Очнулся?

Амир в ответ прикрыл веки.

– Как самочувствие?

Он не ответил.

– А вчера ты был веселей.

Девица была полногрудой, с короткой стрижкой. Но его это сейчас не интересовало. Он вспомнил вчерашний разговор с Секретарем и стал думать об этом, равнодушно наблюдая за тем, как одевается его случайная подружка.

– Вот мой телефон. На всякий случай. Вдруг захочешь повторить.

Она положила на стол визитную карточку.

– Ну, я пошла?

Амир равнодушно кивнул.

Оставшись один, Амир проверил под матрасом. «Стечкин» оказался на месте. Даже будучи пьян, он не изменил своей привычке.

Добравшись стола, осушил полный бокал вина. Через минутку ему стало легче. Теперь нужно было прибегнуть к испытанному приему: принять контрастный душ. Амир направился в ванную.

Встреча с Чеченом должна была состояться в пункте «сбор-1». Амир приехал сюда заранее и немного нервничал в ожидании бригадира.

Но вот, наконец, и он. К кафе осторожно подъехала бежевая «девятка». Из нее вышли трое крепких ребят и, осматриваясь по сторонам, шагнули в зал. Двое из них тут же прошли в сторону кухни.

– Ты один? – спросил телохранитель Чечена у одиноко сидевшего Амира.

– Как договаривались.

Телохранитель хмыкнул себе под нос и, развернувшись, пошел к выходу. Вскоре из машины показался Чечен. Он быстрым шагом направился к Амиру. Бывший афганец напрягся.

Однако бригадир взяв стул миролюбиво уселся напротив.

– Зачем звал? – спросил он.

Амир решил вести резкий диалог; чтобы немного сбить с него спесь.

– А ты радуйся, что я набил стрелку тебе, а не Квадрату.

– Да?

– Да. Я обо всем уже в курсе. Меня к тебе послал Секретарь. Он хочет, чтобы ты возглавил «факиров».

Чечен заволновался в ожидании подвоха. Он не верил ни единому слову Душмана.

– С чего это вдруг Секретарь заботится обо мне?

– Он на твоей стороне, – упрямо повторил Амир.

– Я не вижу причины, по которой очкарик испытывал бы ко мне любовь.

– Ты не девка, Чечен, чтобы тебя любить.

Чечен взметнулся от прилива ярости. Рука Амира тут же оказалась на поясе. Доли секунд они с ненавистью смотрели друг на друга. Однако взгляд Амира был холодней и расчетливей.

– Не пори горячку, Чечен. Меня устраивает стать твоей правой рукой.

Кровожадный бригадир понемногу остывал, осмысливая слова Душмана. Его телохранители держали оружие наготове.

– Факира и Квадрата приговорили воры на сходке за смерть положенца Седого, – прошептал Амир, наклонившись через стол, – Так или иначе, они были бы не жильцы. Если станешь ты, Секретарь утрясет с ворами. Подумай, Чечен, – с придыханием выговорил Амир.

Бригадир размышлял, взвешивая казалось бы убедительные аргументы приведенные Душманом. Он продолжал сомневаться.

– Принесите выпивку, – потребовал Чечен, отдавая приказ подручным. Он выпил подряд две рюмки водки. Амир же чуть пригубил вино.

– Кто будет кончать Квадрата? – наконец спросил он.

– Тот, кто должен стать главным. Ты должен замочить его.

Опять наступило молчание. Щелкнув, отключилась кнопка музыкального центра, в зале повисла тишина.

Чечен наполнил себе рюмочку водки. Неспешно поднес к губам и выпедил, не торопясь. Выдохнув, согласился с Амиром:

– Мне есть, что ему припомнить. Я ему набыю «стрелку» здесь. Ты должен быть рядом со мной и смотри... – пригрозил Чечен.

– Ладно. Свяжемся, – миролюбиво уступил Амир, поднимаясь из-за стола. Он был доволен, что все закончилось без стрельбы. Амир знал необузданный нрав бригадира. Стрелка могла плачевно закончиться для него. Над ним висела смертельная опасность. Он уже выбрался на улицу, как вновь ощутил приступ тошноты. На этот раз ему стало дурно из-за напряженных нервов. На протяжении всей встречи они были натянуты до предела. Порой Амиру даже казалось, что он слышит гул, идущий от них. Теперь они обвисли, от этого его затошнило.

С Секретарем он встретился в том же самом баре.

– Говорят, ты вчера хорошо отдохнул здесь? – съехидничал серый кардинал.

– Да, что-то накатило.

– Ну, как стрелка?

– Нормально. Чечен согласен.

– Долго пыжился?

– Чувствуется, что он на взводе. Приехал со своими стрелками. Стал водку пить.

– Во все времена трон одинаково манил к себе и одновременно пугал, – многозначительно промолвил Секретарь. Он порылся в кармане и достал от туда крохотный телефон.

– Это мобильник. Позвонишь со «стрелки» на него. Там могут возникнуть проблемы с людьми Квадрата. Передашь им трубку. Я им скажу кое-что.

– Понял, Секретарь, – согласился Амир.

– Ну, тогда до встречи, – кардинал ушел, не прощаясь.

Квадрата кончали в лесу. Первым в него выстрелил Чечен. Прежде, чем нажать на курок, он припомнил ему игру с путанами, в ходе которой Квадрат не удачно пошутил, сказав, что у Чечена вместо члена березовый сучок.

«Факиры» поразились злопамятности Чечена. Столько време-

ни он держал это в памяти, ожидая удобного случая. Четверка подручных Амира стояли, обезоруженные киллерами Чечена. Когда они переметнулись на сторону Квадрата, Амир не знал.

В очередной раз Секретарь преподавал ему урок своей осведомленностью. На стрелку в кафе Квадрат приехал в сопровождении этой четверки. Тогда и вспомнил Амир указание «кардинала» и набрал цифры мобильного телефона. Секретарь отозвался мгновенно.

– Квадрата сопровождает твоя четверка? – спросил он.

У Амира отнялся дар речи.

– Да, – пробормотал он.

– Дай-ка трубку Хайдару и Сухому.

«Факиры» с удивлением наблюдали за Душманом, вздумавшем звонить по телефону в такой момент.

– Возьми трубку, с тобой поговорить хотят.

– Кто? – держа на изготовку взведенный «ТТ», изумился Татарин.

– Узнаешь. Трубка не стреляет, чего боишься? – прикрикнул Амир.

Хайдар взял телефон. По мере того, как слушал, он все сильнее прижимал ее к уху. На виске татарина, набухая, забились синяя жила.

– Понял, понял, – произнес он в трубку и протянул ее недоумевающему Сухому.

– Что такое, Сухой? С кем ты базаришь? Брось трубку, – заорал Квадрат, не выдержав напряжения.

Сухой повиновался, положил трубку и направился к своему бригадиру. Лицо его было белым, словно его отлили из гипса. Никто, даже Чечен не понимали, что происходит. Сухой неожиданно, со всей силы ударил Квадрата кулаком снизу в челюсть. Квадрат пошатнулся от неожиданности, но устоял на ногах. Однако этого было достаточно для молниеносного Чечена, стоявшего на изготовку. Чечен подпрыгнул и воткнул в руку соперника нож, выбивая ствол. Его стрелки, держа под прицелом четверку, обезоружили Кабана и Гуся. Хайдар и Сухой поспешно отдали «волыны» сами. Ситуация круто поменялась.

Зажавшего рукой кровоточащую рану, Квадрата забросили в машину. Сбоку запрыгнул Чечен со стрелками. Сзади на джипе поехал Амир с дважды переметнувшимися за несколько дней предателями-подручными.

Чечен, хладнокровно выстреливший Квадрату в грудь, сверкнув зрачками, протянул пистолет Кабану.

– Теперь вы. Если хотите жить, – сурово приказал он.

По очереди, передавая «ствол» друг другу, словно эстафету, вся четверка всадила по пуле в своего бывшего бригадира. Чечен связал их кровью.

С Секретарем Амир связался на следующий день. Серый кардинал потребовал немедленной встречи. И вновь Амир, загоня поднимающийся от куда-то изнутри страх обратно, вынужден был ехать на эту стрелку. Он отдавал себе отчет, что на ней может произойти самое страшное. Его уберут. Но он стоял уже совсем рядом, в двух шагах от заветного лидерства. Всего в двух. Нельзя ему останавливаться на этом пути. Что там еще мог придумать изобретательный кардинал?

Секретарь ждал его в машине у театра. Дождавшись, пока Амир усядется и захлопнет дверь, он тронул машину с места. Ездил он на неприметной серой «Волге» с государственными номерами и притемненными стеклами.

– Куда едем, – спросил Амир, все еще державшийся настороже.

– Помянем убиенного, – цинично ответил кардинал, – А пока расскажи, не томи меня.

Амиру ничего не оставалось, кроме как вновь воссоздавать картину вчерашнего дня. Периодически он бросал взгляд на очкастого гроссмейстера,двигающего фигурами «факиров», словно на шахматной доске, разыгрывая одному ему известную комбинацию, не скрывая своего удовлетворения при этом.

Они сидели в скромном ресторанчике с милым названием «Русь». Заказывал Секретарь. Борщи, грибочки, какие-то кулебяки. Амиру не терпелось выпить. Он немного успокоился. «Стал бы он кормить меня борщом, если надумал избавиться» – выстроил он логическую цепь.

Опять, не выдерживая напряжения, у него взбрыкивали нервы. «Может разрядить в него обойму, чтобы не умничал, да и дело с концом?» Но тут же другие мысли опрокидывали предыдущие. «Нельзя этого делать. У него надо учиться».

Выпили по рюмочки остуженной водки. Закусили. Опрокинули еще по одной.

– С Чеченом сделай завтра, – спокойно проговорил серый кардинал так, будто посоветовал обратиться к врачу.

Амир весь натянулся как струна.

– Ты хорошо все взвесил?

– Есть такая партия в шахматах, когда надо действовать быстро. Очень быстро. Когда твои же фигуры мешают на поле более сильной для оперативного маневра. В этом случае не надо жалеть их если хочешь выиграть всю партию.

Он рассуждал очень убедительно. Но Амир, несмотря на выпитую водку, почувствовал дрожь в пальцах. Стараясь не выказывать свое волнение, он спрятал руки под стол.

– Как на это посмотрит Культя?

– А ты сам что думаешь? – прищурился комбинатор.

– Мне кажется, Культя поймет меня.

– Ты должен поставить его перед фактом. Культя, говорят, разумный парень.

Весь остаток дня Амир обдумывал, как ему подобраться к Чечену. И чем больше он размышлял над этим, тем для него становилось очевидней, что Секретарь прав. Угрызений на этот счет он не испытывал. С Чеченом у них никогда не было никаких отношений. Теперь же он стал той последней ступенькой, переступив через которую, он, Душман – бывший афганец, становился первым. Амир шел к этой цели, и ничто не могло остановить его.

Все должно решиться завтра. Завтра он может стать королем. Но сесть на трон – это еще полдела, главное, усидеть на нем, – отчетливо осознавал Амир.

Ночь тянулась медленно и томительно. Так, застоявшийся конь перед скачками храпит, прядет ушами, бьет копытом. В который раз осматривал протертый смазанный пистолет, прерывая бесконечную ходьбу по комнате.

Наконец, уставший Амир прилег на кровать, прикрыв глаза, и в это время, точно наваждение, то ли голос покойного Каратаса раздался в ушах, то ли в напряженном мозгу промелькнуло предостережение старца, сказанное ему еще в раннем юнстве.

– Ата, – спросил однажды провидца Амир, – почему вы, участник гражданской войны, орденоносец, так страдаете, будто что-то вам не дает покоя? В школе учительница говорит, что те, кто воевал против белогвардейцев – это герои.

– Амир-жан, мальчик мой, одурманенный идеей разрушить мир до основания, чтобы затем построить новый, я каленым же-

лезом пытался загонять людей в коммунистический рай, который мы им уготовили. И это была моя ошибка и еще сотен тысяч таких, как я, темных людей. За этот великий грех Всевидящий уготовил мне ад при жизни. Мальчик мой, крепко запомни то, что я тебе сейчас скажу. На земле не может быть рая.

– Но я построю его для себя.

– Нет. Чтобы больше не слышал от тебя такой глупости. Рай на земле можно создать только на страданиях других, но тогда рано или поздно хлеб, который ты будешь есть, превратится в гвозди. Вино, что ты выпьешь, станет смертельным ядом. И твоя жизнь превратится в ад.

– Почему ты так говоришь, ата? Я же вижу, многие так живут.

– Не прерывай меня, глупый птенец, – старик не на шутку рассердился, – Я прожил более восьмидесяти лет и каждый день ловлю себя на мысли, что многого не знаю, на многое не могу найти ответа в своих раздумьях. Что можешь знать ты, выпавший из гнезда? Не повтори моих ошибок!

Амир отчетливо вспомнил и тот день, и речь провидца, и гнев старика, когда он попытался противоречить ему. Вzbешенный навязчивостью духа Каратаса, парень соскочил с места и, бледнея, закричал изо всех сил в пустоту комнаты:

– Отвяжись от меня. Глупый старик! Твоя ошибка в том, что ты строил рай для других! А я строю его для себя. И я тебе докажу!

С утра зарядил дождь. Мутные струи, не переставая, тянулись с неба к земле, загоняя людей в дома, машины к обочинам. Амир сидел в автомашине в двух минутах езды от норы, где залег Чечен. Он ждал сообщения на пейджер. Чечен был на прослушке у Диспетчера. «Маленький, безликий, колченогий Диспетчер, вынеся на себе презрительные взгляды, ядовитые насмешки, в том числе и Чечена, теперь не даст ему сорваться», – думал он.

Пейджер требовательно запищал ближе к обеду. В тишине салона сигналы звучали громко и зловеще. Амир торопливо нажал кнопку, отключая музыку и вызывая текст. Возникшая на дисплее надпись, была лаконичной, ее смысл был понятен только ему.

Он подогнал замызганную грязью «девятку» почти к самому подъезду, откуда должен был выйти Чечен. С низкого темного

неба сеял холодный московский дождь. Щетки «девятки» шумно счищали набегающую воду.

Амир ждал. Вот, наконец, он появился.

Чечен осторожно выглянул из подъезда. Дождь мешал ему осмотреться. Подняв воротник кожаного пальто, держа обе руки в кармане, он нехотя шагнул из-под козырька, где было сухо. Чечен, хоть и был очень горячим, нервным, необузданного нрава лидером, но он обладал тонким, почти звериным чутьем к опасности и мгновенной реакцией. Это был достойный противник. Амир знал, что глубоко спрятанные в карманы руки Чечена лежат на пистолетах, но сегодня серый ливень невольно был на стороне Амира. Во-первых, он был под крышей автомобиля. Рядом с ним на сиденье лежал «Стечкин» с полной обоймой. Во-вторых, он был охотник, а Чечен – жертва.

Амир ждал, когда Чечен подставит ему спину. И он повернулся, направляясь в сторону автостоянки, узкой, сутуловатой спиной к нему, затаившемуся. Бесшумно отворилась дверь «девятки»... Амир стрелял как в тире, держа «Стечкин» двумя руками. Усилившийся дождь заглушал выстрелы. Чечен получивший первую порцию пуль, словно пьяный, качнулся сначала в одну сторону, затем его мотнуло, и бросило в другую.

Ноги, обутые в дорогие туфли, разъехались на скользкой, раскисшей глине. Он упал лицом вниз, так и не успев вынуть рук из карманов. Амир не пряча ствол в опущенной руке, подошел к лежавшему бригадиру. Было отчетливо слышно, как крупные капли дождя стучали по добротной коже его пальто. Согнув колено и склонившись к повергнутому противнику, Амир выстрелил ему в мокрый затылок.

ЦАРСТВОВАНИЕ АМИРА

Секретарь.

Холеный, изворотливый, демонически умный, он сдержал свое обещание, данное Амиру. Ему удалось решить проблему с Культей. Каков был характер их разговора, какую цену пообещал Секретарь приятелю Амира, ему об этом оставалось лишь только догадываться. Однако Культя сам позвонил Амиру и миролюбивым тоном поздравил его.

– Поздравляю тебя, Душман, – пророкотал в телефонной трубке его голос.

– Спасибо, – Амир отвечал с замеревшим сердцем.

– Того, что случилось, уже не воротишь, – фальшиво вздохнул Культя, – теперь ты первый.

Амир счел необходимым промолчать пока, не отвечать на эту реплику приятеля, в ожидании слов, которые должны были последовать.

Он хорошо знал Культю и тайно преклонялся перед ним. Способность Культи строить дипломатично беседу с большими людьми, его цепкий ум, талант бизнесмена, а главное умение подать себя.

Так в роскошном ресторане умеют подать хорошее блюдо. В прекрасной, дорогой посуде, с хорошими приборами. Лощеный официант так подносит его, чтобы клиент мог по достоинству оценить. Роскошь сквозит во всей процедуре подачи. Так и Культя обладал врожденным талантом преподнести себя. Об этом кричало все, что его окружало. Изысканная мебель квартиры с прекрасным дизайном, дорогая, со вкусом подобранная одежда, шикарный «Лексус» на котором он передвигался. И еще, Культе удалось окружить себя преданными людьми. Его телохранители всегда были на взводе, и готовы изрешетить любого, кто попытается вмешаться в жизнь их босса.

Культя безраздельно правил в городке. За прошедший период он не терял времени даром. Разумно вкладывая деньги, он подобрал под себя не только городок. Теперь его влияние распространялось и на окрестные городки. Но главное, ему удалось заставить признать себя в Новокузнецке, Кемерово и других сибирских городах. Повсюду он имел долю в крупных казино, фирмах. Ему удалось влезть в лесозаготовительный и деревообрабатывающий бизнес. Амир знал, что Культя пробирается в металлургический комбинат и уже скупил там часть акций. Он решил вложить деньги в финансирование предвыборной компании губернатора края. Так что он был на пике своего расцвета.

– Ты вот что, Душман. Проблем с братвой у тебя не будет. Я переговорил с бригадами. Они признают тебя. Правь разумно, у тебя был хороший учитель – Факир. Но у него были свои слабые стороны. Проанализируй это и слушай Секретаря, он далеко вперед видит.

– Понял, Культя, – пролепетал Амир, осознавая, что его жизнь теперь будет зависеть от этого человека.

– Не называй меня больше так! – взорвался приятель. – Зови

только по имени, отчеству, остальное – забудь, – потребовал он властно.

– Понял...Алек-сан-др-Кон-драть-евич! – тяжело было вымолвить Амиру полное имя Культи, так как, единожды промолвив их, он признавал этим самым его превосходство и власть над собой.

– И вообще, Душман, тебе не надо выходить на меня. Пусть это делает Секретарь. Так безопасней. У меня на носу предвыборная компания, ну и ... сам понимаешь. Нужно чтобы не единого пятнышка.

– Ясно, Александр Кон-драть-евич.

– Я принял твою сторону, хотя мог бы поступить иначе. Но я помню, что ты сделал для меня, когда я вынужденно гостил в Казахстане. Теперь мы квиты. А в дальнейшем, никогда не предавай меня. Усвой это правило.

– Уже усвоил, – произнес Амир, условно, на время признавая главенство Культи.

– Ну, вот и прекрасно, – не сдерживая торжествующих ноток проговорил Культя и положил трубку. Послышались прерывистые гудки.

– погоди, чуток я окрепну, а там и с тобой разберусь. Мы еще посмотрим, кто из нас круче, – раздраженно, с затаенной угрозой пробормотал Амир, с силой бросив трубку.

Амир прекрасно осознавал, что в результате сегодняшних переговоров с Культей, он не только получил ярлык на правление империей Факира, но и право на жизнь. Хотя взамен он вынужден был склониться перед Культей. «А что сделаешь, такая она жизнь бандитская», – размышлял Амир.

Самое страшное, что тревожило его – это связь с Юлией. Она была той самой ахиллесовой пятой Амира. «Если Культя узнает о моих отношениях с Юлией, он сойдет с ума от бешенства. И тогда приятель – мафиози пришлет киллера. Это однозначно», – просчитывал свои, слабые стороны Амир, прекрасно зная щепетильность и амбициозность этого «нового русского».

Амир догадывался о том, что и Культя держит ее в своей колоде, точно козырную даму Он также строит на ее папочку свои планы.

«Может отказаться от нее? Мало, что ли, крутых телок в Москве?» – сомневался, погруженный в раздумья, Амир. – «Нет. Не-е-т. Слишком многое я поставил на эту длинноногую цаплю

и ее папашу. Столько крови пролил, пока влез на престол. Теперь долларовая зелень потечет в мой карман и для правильного их размещения мне нужна она».

Прошло около года, авторитет Амира в банде окреп и стал непререкаем. Немало удалось ему за это время. Пришлось подчистить контингент «Факиров», отправив на тот свет некоторых, наиболее ретивых, дерзких стрелков из старой гвардии. Секретарь с помощью Диспетчера еще более ужесточил слежку и прослушку членов бригады. Амир не нарушал порядки, когда-то установленные бывшим грозным лидером. Так же, как и прежде три раза в день рядовые бойцы обязаны были выходить на связь с бригадами. А сами бригады докладывали Диспетчеру. Амир во всем прислушивался к советам Секретаря, видя, что это приносит свои плоды. Ему удалось присоединить к империи прежнего босса несколько коммерческих фирм. Одна из этих контор, которой они не только делали крышу, но и вложили в нее деньги, занималась финансовыми операциями. Точнее пирамидами. Доходы, получаемые от деятельности этой хитроумной фирмы, были колоссальными.

По совету Секретаря Амир много времени стал уделять для встреч и знакомств со столичным криминалитетом. К нему относились настороженно, присматриваясь к его действиям. С разными людьми приходилось встречаться бывшему афганцу. Очень крутыми авторитетами были эти люди. Все они имели устойчивый вес в преступном мире Москвы. Их группировки контролировали целые районы столицы. Амир чувствовал, что чего-то в нем еще нет, и мафиози это тонко чувствуют. Как в стае волков мгновенно чуют запах псины, так и крутые боссы с иронией разговаривали с молодым столичным выскочкой, позволяя вести себя с ним, как с человеком без прошлого.

Это очень бесило смелого и решительного Амира. В их полемике с Секретарем он зачастую словесно взрывался, доказывая, что необходимо изменить политику.

– Подумаешь, нашлись мне Аль-Капоне, – кричал он, размахивая пистолетом. – Я научу их вежливости.

– Каким образом? – улыбался Секретарь. – Ты не Факир.

– Факир, Факир. А что Факир? Был бы он умный, позволил бы он взорвать себя?

– В этом ты прав. Он расслабился в последнее время, поэтому Квадрату удалось подкрасться к нему.

Секретарь никогда не позволял себе повышать голос на кого бы то ни было. Он обладал воистину уравновешенным характером и аналитическим умом.

– Сколько мне еще необходимо пролить крови, чтобы я в твоих глазах стал таким же, как твой бывший дружок Факир? – кричал в гневе, покрываясь пятнами Амир.

– Всему свое время, Душман. Чечена или Квадрата московские авторитеты и дня не стали бы терпеть. Их бы пристрелили сразу же, как бешеных собак. А с тобой они встречаются, беседуют. И что уж скрывать, Факир мог любого осадить, его кровожадность была видна за версту.

– Ладно, рано или поздно я заставлю крутых боссов считать-ся с собой, – утрачивая воинственный пыл, миролюбиво уступал афганец, не замечая как усмешка скользила по тонким полоскам губ Секретаря.

Амиру казалось, что они ладят с серым кардиналом. И основания для этого у него были. Железной рукой ему удалось подчинить себе необузданную, кровожадную банду Факира, вдвое увеличить общак банды. И все-таки он во многом зависел от Секретаря. А главное, кардинал принимал непосредственное участие в размещении доходов. Он владел кодами сейфов в хранилищах банков, на совете банды ему было доверено отслеживать рост вложенных в бизнес финансов. Кроме всего, именно Секретарь курировал связи с силовиками.

Амир пытаясь исключить заговор за своей спиной, отдалил кардинала от непосредственных контактов с бригадирами. Будучи теперь боссом, он понимал, что ему нужно налаживать свою, личную разведку. Да ставить ее таким образом, чтобы она была выше, профессиональней разведки Секретаря.

А для этого необходимо было время. Время. Только оно могло сработать на него, поэтому ему приходилось балансировать словно канатоходцу, идущему без страховки на головокружительной, смертельной высоте. Да и людей для разведки нужно было подобрать отсюда, из местных и устроить их как самостоятельную структуру, исключив возможность контакта с членами банды. Амир присматривался к различным ловким еврейчикам, размышляя над тем, кого бы он мог в будущем поставить на место кардинала.

Обладая практически всеми необходимыми качествами жесткого лидера, Амир прекрасно понимал, что рано или позд-

но ему придется избавиться от двух людей. Первым надо будет убить Культию. Потому что пока жив и крепнет его давний приятель, он никогда не будет по настоящему боссом. А лишь марионеткой в его руках. Но пока валить Культию было нельзя, он еще не окреп настолько, хотя и промедление в этом деле может стоить ему жизни. Бесконечно просчитывая ситуацию, он отдавал себе отчет в том, что Культе пока нет необходимости убивать его. Амир признал себя его вассалом, исправно переправляет требуемые для нужд Культи суммы. Так что у рвущегося в общественную политику Александра Кондратьевича не должно быть оснований на данном этапе избавляться от него. Да и не до Амира ему сейчас. Это был серьезный просчет афганца, события в далеком городке свидетельствовали тому.

Там, в городке только поутихла шумиха, поднятая в прессе из-за убийства Бульдозера. Говорят, люди были в шоке из-за происшедшего.

Бульдозера, поехавшего в городок якобы проведать родителей, выследил и застрелил бывший чемпион-биатлонист. Тот самый парень, чью молодую красивую жену несколько лет назад Бульдозер со своей шайкой зверски изнасиловали в лесопосадке. Пацан, приехавший из городка, рассказал Амиру, как это случилось.

Расположенный, самоуверенный Бульдозер глубокой ночью выходил из помещенья, где располагался ночной клуб. Местность вокруг была ярко освещена фонарями. Бульдозера сопровождал этот пацан. Они прекрасно покуражились на дискотеке, и, забрав с собой двух молоденьких, смазливых путан, направлялись к стоянке, к ожидавшему их «мерседесу».

По рассказу пацана выстрела не было слышно. Бульдозер неожиданно схватился обеими руками за промежность и тонко завыл. Меж его пальцев украшенных бриллиантовыми перстнями, текла густая кровь. Ошарашенный пацан-телохранитель сообразив, что это был выстрел, выдернул пистолет и юлой закрутился на месте. Они были прекрасными мишенями посреди стоянки, залитой светом. Обезумевший от боли, получивший разрывную пулю прямо в пах, бригадир упал на колени. Следующая пуля разорвала его череп на мелкие куски, забрызгав кровавой кашей пацана, девиц, машины, стоявшие поблизости. Пуланы орали так, будто их резали на живую, показывая пальцами на труп Бульдозера, повыскакивавшим на шум с дискотеки людям.

Все смешалось. Тихая ночь, словно в одно мгновение сошла с ума. Из раскрытых дверей дискотеки хлынули вопиющие звуки музыки, на стоянке, безумными голосами, орали путаны, пацан-телохранитель, словно салютуя, шмалял из «стечкина» во все стороны до тех пор, пока охранники клуба, подобрившись не выбили у него из рук пистолет. А парень, бывший чемпион по биатлону, отомстив за поруганную честь любимой женщины, наутро сдался властям в Новокузнецке.

Во всех газетах края на первых полосах был помещен снимок Бульдозера, лежавшего в черной лужице крови. Газетчики напрямую связали его имя с именем Культи.

Бывший «афганец», поразмыслив, догадался, что неспроста Бульдозер оказался в те дни в городке. Пацан под нечеловеческими пытками, когда ему отрезали второй палец на руке, сознался, что Бульдозера вызвал Культя.

Александр Кондратьевич, зная о ненависти, залегшей в самолюбивом бригадире со времен проигранного поединка, приказал ему следить за Душманом и докладывать обо всем ему.

Именно на Бульдозера сделал ставку он. Осыпанный щедротами Культи, бригадир, в случае необходимости, должен был убрать Амира.

«Теперь, узнав о том, что пацан исчез, Культя обо всем догадается. Надо ожидать удара, вот только откуда? Кто станет готовить покушение на него? Секретарь, Соболь, Абдулла?»

Никому не верил Амир. Нервы его были на пределе. Он активно взялся за поиск в столице нужного ему человека. Киллера. Кто мог бы профессионально убрать его бывшего приятеля.

Ничто теперь его не радовало. Ни новая, отремонтированная по самым современным каталогам, огромная квартира с многочисленными комнатами, большой гостиной с мраморным камином, со сверкающим джакузи и сауной. Большие деньги уплатил Амир за нее, обставив шикарной мебелью и новейшей техникой. Ему не терпелось стать хозяином этого роскошества, чтобы вырасти в своих глазах и окружавших его людей. И машину недавно сменил он, сейчас под ним был точно могучий, сказочный тулпар, белый шестисотый Мерседес.

Но его тревожило поведение Юлии, в последнее время она стала фыркать, подобно хищной, дикой кошке. Что-то с ней происходило. Он не мог позволить ей бросить себя теперь, когда у него были деньги, серьезные лава. Достав из бара бутылку

«Камю», Амир плеснул в бокал. Коньяк был отменный. Опрокинув раз за разом несколько порций, он стал чувствовать, как мозг его просветляется. Так всегда с ним было. В дни, когда опасность, словно рок надвигалась, нависая, Амир находил спасение в алкоголе. И как это ни странно он не пьянел, разум его не мутнел, а наоборот, становился прозорливей. Амир совсем недавно перебрался в новую квартиру. Юлия здесь еще не была, и он решил ее пригласить.

«Она ничем не уступает коттеджу банкира - отца его взбалмошной любовницы. Пусть оценит и поймет, что у него есть настоящие деньги, и что он не какой-то там второразрядный бандит, а новая звезда на криминальном небосклоне столицы» - так он размышлял, набирая номер ее сотового телефона.

– Юлия, алло. У меня для тебя есть сюрприз. Да. Прекрасный. И подарок. В честь чего? Я тебе с удовольствием расскажу, когда ты приедешь. Что?

– Я не смогу приехать, у меня нет времени.

– Ты опять за свое, Юлия - Амир не скрывал раздражения. «Од-нозначно, я должен выяснить причину перемены ее поведения, слишком дерзкой она стала», - подумал он, а в трубку произнес примирительным тоном: – Ну, я тебя очень прошу, приедь ко мне, ведь я ради тебя готовил этот сюрприз.

– Пошли за мной машину, – как одолжение выговорила дочь бан-кира.

– Сейчас пришлю, – деланно обрадовался Амир и нажал на рычаг.

Выпив еще коньяка, он отправил за ней Хайдара, а сам в ожидании принялся нетерпеливо расхаживать по гостиной.

«Вот, уберу Культию и надо тормозить, – говорил ему внутренний голос. – Мне всего двадцать шесть, а я уже взобрался так высоко, очень высоко. Необходимо на некоторое время пойма-ть тишину», – диктовал ему инстинкт самосохранения. Ами-ру вспомнилось, как безобразно он вел себя на недавнем посеще-нии одного из самых крутых московских ресторанов «Тройка».

Пьяный, окруженный телохранителями, он куражился, стараясь произвести впечатление на любовницу. Заставив цыган-ский ансамбль петь и плясать для него, он осыпал разошедших-ся цыган долларовым дождем.

Всю ночь у его стола визжала скрипка, разгневанная любов-ница убежала, отбросив в сторону его руку, а он продолжал за-водить цыган, что-то бессвязно выкрикивая.

Целые сутки потом отходил Амир от того ночного перепоя.

Юлия, как всегда, вошла недовольная, скептически оглядывая квартиру.

– Это и есть твой сюрприз для меня?

– А что, тебе не нравится? – ответил он вопросом на вопрос и тут же миролюбиво предложил: – Пойдем, покажу тебе.

Заинтригованная дочь банкира позволила увлечь себя. Амир провел ее по всем комнатам, показав и сауну, еще пахнущую свежеструганным деревом.

– Ну, как? – спросил он ее.

– Крутая хата, – признала Юлия.

Она, как всегда, выглядела сногшибательно и сексуально. Сегодня на ней была красная кожаная безрукавка и такая же юбочка, открывающая для любопытных глаз безукоризненной формы стройные ноги.

– А это тебе, Юлия, – Амир взял со столика с мраморной поверхностью маленькую коробочку и протянул девушке, – Примерь, – предложил он.

– Что это?

– Взгляни.

Внимательно изучив дорогую упаковку, Юлия открыла ее.

– Ой, какое оно чудненькое, – она залюбовалась кольцом. – Какой прелестный бриллиант.

Юлия знала толк в драгоценных камнях, поэтому Амиру было лестно услышать похвалу в свой адрес.

– Ну что, давай, обмоем это дело? – предложил он с приподнятым настроением.

– Спасибо тебе, – девушка скользнула губами по его щеке, оставив на ней след помады.

Юлия заметно повеселела и принялась рассказывать ему последние сплетни со светских тусовок. Они выпили коньяк, закусывая бутербродами с черной икрой. Опять она магически действовала на него. Как бы он не был зол на эту красавицу, при встрече с ней, все куда-то улетучивалось и на смену злости приходило желание. А может, это было стремление в очередной раз утвердить свою власть над ней. Как бы не рос Амир по деньгам, имея их все больше и больше с момента знакомства с белокурой богиней, а ему так и не удалось изжить в себе комплекс неполноценности. Он продолжал в ее присутствии чувствовать себя провинциальным выходцем из далекой, богом забытой станций. Выскочкой. И это всегда злило его и от того возбуждало.

И в этот раз, не выдерживая нарастающих внутренних противоречий, Амир выхватил ее, уютно устроившуюся в мягком кресле, и понес в спальню, к новой роскошной кровати. Но Юлия, вдруг неожиданна взбунтовалась, словно муха укусила.

– Немедленно отпусти меня, – требовала она, пытаясь вырваться, трепыхая ногами.

Но это лишь больше разожгло Амира и он, положив ее на кровать, попытался снять с нее одежду. Девушка словно сошла с ума, она яростно отбивалась от наседавшего, жаждавшего ее тела парня.

– Отпусти меня, я тебе говорю, а не-то ты пожалеешь об этом, – угрожала она в гневе.

Но разгоряченный выпивкой Амир, решил добиться своего во чтобы то ни стало. Так бывает с мужчинами, когда зов плоти затмевает рассудок. Ему бы остановиться, внять угрозам девушки. Но он был кочевником, и эта кочевничья кровь не давала ему отступить до тех пор, пока не покорит, неожиданно взбесившую под ним прекрасную кобылицу.

Эта кровь призывала его скакать на ней, вцепившись руками в короткую, стриженную гриву до тех пор, когда она, изнемогая от усталости, признает его власть над собой.

Дурей от нестерпимого желания вновь обладать прекрасным телом Юлии, измать его, Амир, причиняя ей боль, посрыгивал одежды и, урча от вожделения, наслаждался девичьей плотью. А потом, не обращая внимания на ее протестующие крики и слабеющее сопротивление, пользовал дочь банкира.

Около часа продолжалась это бешеное противостояние. Измотавшийся, выбившийся из сил, он отвалился от тела девушки. И Юлия лежала неподвижно, бесстыдно разбросав ноги по новой кровати. Вдруг она повернулась к нему, на ее красивом лице была гримаса отвращения.

– Ты азиатская чурка, будешь валяться в моих ногах и умолять о прощении. Культя убьет тебя, – ожесточенно выкрикнула девушка.

– Что? Что ты сказала сука? Повтори! – вскричал в бешенстве Амир, – Ты сказала Культя? Так значит, стерва все еще рассчитывает на него? Так знай, скоро его не будет, он уже покойник, Культя, Культя! – взбудораженный Амир зачем-то выхватил из ящичка стола пистолет и, размахивая им, голышом метался по комнате.

– Культа, Культа! – продолжал выкрикивать он, словно старая, заигранная пластинка. Инстинкт самосохранения ухнул куда-то вниз, уступив свое место безумию.

Ты не ставь на него, Юлия, Культа уже труп, я его сделаю. Он что ж, думает со мной можно так обращаться. Он ошибается, бя. Это я крутой! Я!...

Постепенно Амир остыл. Юлия давно уже оделась, привела себя в порядок, наблюдая молча за тем, как он беснуется. Когда же, наконец, Амир опомнился, запоздалая догадка, вспыхнув свечей в его темном мозгу, осенила молодого авторитета.

«Что я наговорил», – пожалел о своей горячности парень. Нужно было каким-то образом выровнять ситуацию, уладить все, умиротворить девушку.

– Прости меня, Юлечка, прости, ради Бога, – стал шептать он ей, прося прощения, – сам не знаю, как сорвался. Я ведь это все для тебя старался, для тебя одной. – Амир широким жестом обвел квартиру, его слова звучали искренне, так что и девушка заколебалась, взглянув ему в лицо.

Но уже другие мысли, словно блохи, перепрыгивая одна на другую, выстраивались в голове авторитета. «Нельзя ее отпустить. Она сдаст меня Культе. Эх, мне бы немного выпиграть во времени. Чуть-чуть», – размышлял он, продолжая как заклинание, просить прощение.

– Прости меня, Юлия. Ты же знаешь, я за тебя горло перегрызу любому. Затмение нашло. Прости, – авторитет пытался жалобить девушку. В нем бушевали противоречия. Дочь банкира действительно нравилась ему. Очарованный ее дьявольской красотой, он увлекся ею. Всем она была хороша, рядом с ней Амир по настоящему почувствовал вкус жизни. Он полюбил ее холеное, ухоженное тело и шел за ней, точно заблудившийся в пустыне странник, бредущий к возникшему на горизонте оазису, отчетливо понимая, что он рано или поздно исчезнет – этот обманчивый мираж. Кроме того Юлия нужна была ему для осуществления его планов.

Не знал молодой авторитет о том, что Культа уже соблазнил его девушку, уговорив ее выйти замуж. Он тайно побывал в Москве, и встречался с банкиром, отцом его любовницы. На переговорах, которые им устроила Юлия, Культа сделал выгодное предложение банкиру. Как первый шаг, жених перевел все счета подконтрольных ему предприятий в филиалы частного бан-

ка, отца Юлии. Умный бизнесмен-мафиози пообещал банкиру стать владельцем части акций банка и попросил руки его дочери. В тот вечер красавица Юлия вновь вернулась в объятия своего давнего любовника, сделавшего головокружительную карьеру. Вот почему она фыркала, сторонясь Амира, держа последние дни его на расстоянии.

Но обо всем этом не знал молодой авторитет, вступивший в борьбу с очень умным и дальновидным врагом. События последних дней выстроились таким образом, что возникла необходимость предпринять решительные шаги. Нельзя ему было терять ни часа, для того, чтобы контролировать ситуацию. В течение этого года, после того как он расправился над Чеченом, ему казалось, что с его стороны ошибок нет. «Факиры» беспрекословно выполняли его приказы, общак увеличивался, у него появились связи.

Бывший афганец мучительно раздумывал над своими дальнейшими шагами. Ясно было одно: если Секретарь станет поддерживать его, тогда с Культей справиться будет проще. «А если кардинал предаст? – закрадывалась мысль, – хотя, зачем ему Культя, живущий в другом городе? Кардиналу так или иначе нужен лидер, который бы мог управлять дикими, разнузданными «Факирами», и в то же время на равных поставить себя с крутыми московскими авторитетами».

Теперь, когда не стало Бульдозера, альтернативы себе Амир не видел. Абдулла или Соболев? Нет, они не потянут, они хорошие исполнители, но не лидеры. По мере того, как мысли его текли в этом направлении, Амир все больше успокаивался. Он принял решение хорошенько все обсудить с кардиналом.

Но в последующие дни ситуация вдруг осложнилась, в один миг став неуправляемой. Бригады перестали выходить на связь. Так продолжалось трое суток, повторяя с хронологической точностью дни, когда не стало Факира. Авторитет понял: что-то назревает, и ничего хорошего для себя уже не ждал. Несколько раз Амир звонил Секретарю на мобильный, но телефон кардинала был отключен. На сообщения, посылаемые ему на пейджер, с предложением встретиться, он тоже не реагировал.

«Все, мне крышка. Проклятый очкарик продал меня. Видно все же он переметнулся на сторону Культи», – мозг молодого парня лихорадочно работал. Взяв себя в руки, он решил попытаться обмануть судьбу. Нужно было бежать, но прежде забрать

деньги, хранящиеся в сейфе одного из банков. Это было так называемое НЗ, распоряжаться им мог, на правах лидера, только он сам. В сейфе хранилось сто тысяч долларов. И это было все. До остальных денег ему уже не добраться. Общак банды частью был вложен в коммерческие схемы, частью также содержался в банковских хранилищах. Однако там для их получения, должны были одновременно присутствовать трое: Секретарь, Соболев и он. Значит, остается НЗ, немного, но на первое время хватит.

У него было два пути: первый – рискованный: нанять киллера и убрать обоих, Культю, затем, забрав баксы из хранилища, избавиться от Секретаря. Тогда Абдулла и Соболев, оба станут ручными. Без него им не выжить в Москве, а он подберет под себя хозяйство Культи и часть его людей.

Второй путь был проще, бежать за бугор. «Там он отсидится некоторое время, а позже сориентируется».

До нужного банка Амир добрался наняв такси. Предъявив паспорт, он получил у служащего хранилища ключ и вскрыл свою ячейку.

«Вот они родимые» – деньги ровными пачками были сложены в металлическом ящике, так как он положил. В специальной кабине Амир переложил их в тоненький кейс и покинул помещение банка.

Амир был воин. Поэтому он избрал первый путь. Не мог он прятаться как крыса, это претило его гордой натуре. «Война так война, он не боится! Еще посмотрим кто кого», – горел он жаждой мести, проклиная продажный мир, в котором он жил все эти годы. Юлию, Культю, Секретаря.

На новую квартиру ехать было нельзя, там уже могли ждать его. Но ему нужна была его машина, не новый шестисотый Мерседес. Нет, стоянка, где стоял шестисотый, засвечена. Его прежний «мерс» был надежно укрыт на одной из пригородных стоянок. Никто, кроме него не знал об этом. И хотя он не поменял на нем номер, пока еще им можно было попользоваться. Итак, Амир ехал на эту засекреченную стоянку. Всю дорогу время от времени, оборачиваясь, он высматривал, не висят ли у него на хвосте. Но ничего подозрительного в глаза ему не бросилось. Сзади было чисто. Но вот и стоянка. Амир рассчитался с таксистом, нащупал правой рукой «Стечкин» за поясом и, взяв кейс в левую, направился к стоянке.

«Мерседес», весь покрытый пылью, стоял под навесом. Одна-

ко, осторожный афганец не спешил. Щедро заплатив стоянщику, он попросил хорошенько вымыть машину и терпеливо дожидался, когда пожилой мужик закончит.

– Заведи машину, пусть поработает на холостом ходу – Амир протянул мужику ключ, внимательно наблюдая за поведением мужика. Он решил, на всякий случай, это сделать чужими руками. Но все было нормально, автомобиль легко завелся и бесшумно работал. Амир все же открыл капот и осмотрел под двигателем, затем, пачкая брюки, исследовал днище. Ничего подозрительного он не обнаружил. Можно было ехать.

Молодой авторитет решил обратиться за помощью к одному крутому столичному боссу, с кем он уже несколько раз встречался и который, как ему показалось, засимпатизировал ему.

Осторожно выруливая Амир медленно выехал со стоянки и, прибавив газ, направил «Мерседес» в сторону трассы. Повинуясь испытанному правилу, он глянул в зеркало заднего вида. Сзади, за ним, словно выросшая из под земли, возникла бордовая «девятка».

Звериный инстинкт самосохранения мгновенно подсказал ему, что это по его душу.

Заскрежетав зубами от прилива бешенства, Амир выхватил «Стечкин» и передернув его, стал разворачивать «Мерседес» намереваясь протаранить «девятку», а потом дострелять тех, кто был внутри ее.

И в этот миг, из-под капота его автомобиля, точно джин из бутылки, вырвался раскалённый, всепоглощающий, огненный шар. Взрыва он уже не слышал.

Чьи то далекие голоса слышались и пропадали. Амир силился открыть глаза, но ему почему-то не удавалось. Тогда он попытался вспомнить, что произошло. Он отдал эту установку своему мозгу, и тот в ответ выкатил чудную картинку: бескрайняя безжизненная пустыня, словно причудливая лунная поверхность, и вдруг огромное, красное, воспаленное солнце взорвалось, расплавляя высочайшим жаром песчаные барханы. Нечеловеческий хрип рванулся из его трепещущей груди, и он вновь провалился в темень. Много дней продолжало его изуродованное тело судорожно цепляться за жизнь.

Люди в белых халатах исполняли клятву Гиппократы, прогоняя косую, шлындавшую у порога реанимационной палаты. Но

она назойливо возвращалась и терпеливо ожидала своего клиента. Ах, если бы знать им, добрым врачам, чью жизнь они мучительно тянут с того света. Может, и не стали бы они так усердствовать. Медики отчаянно боролись, хотя обе ноги, оторванные во время взрыва, им пришлось аккуратно подравнять, почти до самого таза.

У израненного парня был сильнейший ожог. Лицо, руки, грудь сильно обгорели от жара, возникшего в момент взрыва, ему еще повезло, что волной тело выбросило из объятых пламенем автомобиля. Теперь уже по прошествии двух недель, появилась уверенность, что он выживет. Его молодое, сильное сердце стало биться ровным, размеренным пульсом. Из краткого телевизионного репортажа, увиденного кем-то из больничного персонала, врачам стало известно лишь, что их пациента взорвали.

– Ну и времена настали, – покачивали они головой. Пострадавший, не приходя в сознание, без конца просил пить, видно внутри у него все горело.

Когда, впервые придя в себя, Амир открыл глаза, он увидел белое облако. Оно почему-то было плоским. «Ах, это же я внутри него...», – протянулась сомнительная догадка. Опять слышались чьи-то веселые жизнерадостные голоса. Чей-то возглас радостно возвестил:

– Он пришел в себя, – но звук этот проник к нему из каких-то неясных заоблачных далей и потому его мозг не сообразил, что бы значила эта фраза. На фоне белесых паров стали возникать какие-то существа в белоснежных одеяниях и масках. Надвигаясь на него, они увеличивались в размерах, и это было непонятно его туманному сознанию. Он уходил в забвение от этой жути, в бессилии предоставив им всю власть над собой.

А когда сознание подобно воздушному пузырьку, поднимающемуся из мутных глубин, выскакивало на поверхность и поблизости не оказывалось их, тогда мозг успокаивался.

Очень трудно возвращался он в жизнь. Смерть манила его и, кто знает, может и вправду, было – бы лучше отдаться ей, но белые существа для чего-то отстояли. Может для земного суда.

Когда Амир пришел в ясное сознание, первое что он увидел, это была капельница, от которой тянулась прозрачная трубка, наполненная желтоватой жидкостью, к перебинтованной руке. То, что она принадлежала ему, в этом сомнений не было, потому что Амир чувствовал ее. Еще через мгновение он почувство-

вал остальное свое тело. Но ноги, почему-то он не чувствовал их. Амир попытался шевельнуть ступней, ему не удалось этого. Тогда он попробовал напрячь другую, и здесь его ожидало разочарование. Еще неокрепший, собрав силы, он решил подтянуть ногу к себе, согнув ее в колене. Но вместо этого чуть ниже таза, задирая вверх одеяло, взметнулся какой-то, похожий на пенек, нелепый обрубок. «Что это такое?» – возник в голове немой вопрос. Некоторое время он соображал, как вдруг яркой искрой сверкнула слепая догадка.

«Ноги! Мои ноги!...» – Не взирая на то, что к руке была подсоединена система, Амир отбросил ею край одеяла и с ужасом обнаружил, что ног у него нет. Вместо них были две лиловые культи с темными, бордовыми швами. Ему доводилось видеть точно такие же обрубки в Афгане, у солдат, подорвавшихся на минах. Но тогда он не занимал свои мысли чужим горем. Чужое горе всегда для него было посторонним.

– А-а-ах, – застонал он еле слышно в отчаянии, – а-а-ах-хх, – опустив голову на подушку

И вдруг, неконтролируемый им чудовищный крик вырвался из его груди: «Не-е-т, не-е-е-т! А-ааа-а..., а-аа-а.» С грохотом рухнула капелница, в сторону палаты в беге стучали чьи-то каблучки и теплые руки обвили его за шею. Затем Амир почувствовал, как ему вкалывают укол.

«Успокоительный» – догадался он. Его еще продолжали держать, как внезапно стало все безразлично.

Яркие лучи солнца били ему прямо в лицо, и от этого возник дискомфорт. Разомкнув веки, Амир увидел пожилую женщину в белом халате. Она сидела уткнувшись в книгу и пригревшись у окна, дремала. Амир мгновенно вспомнил о своем страшном открытии и стал материться. Женщина тут же соскочила и метнулась к нему.

– Ты кто такая? – резко спросил Амир.

– Я? Я няня, – замешкавшись, ответила она.

– Где мои ноги, какая б...ь мне их отрезала?

– Ой, что ты, сынок, тебя ведь привезли таким, – всплеснула в страхе сиделка, – их уже не было, оторвало во время взрыва. Говорят, что тебя взорвали, сынок. Ты потерял очень много крови, и врачи долго боролись за твою жизнь.

– Взорвали, говоришь, – в памяти Амира, подобно фотографии, лежащей в реактиве, проступая, стала вырисовываться «девятка».

– Тебя нашли далеко от машины. Хорошо, что выбросило, а то бы совсем сгорел. О, Иисус Христос, господь наш, что я несу, совсем не то хотела сказать, – взмолилась, перевидавшая всякого, сиделка.

– Ах, су-ки... – проскрежетал Амир, – значит, они заложили радиоуправляемую мину. А-а-х, су-ки, – стонал он.

– Принеси зеркало, – приказал он тетке.

– Может не надо? Я щас у врача спрошу, а то меня ругать будут.

– Тетка, – вскричал Амир, – то, что ног нет, я уже знаю, то, что рожа обгорела, я чувствую, должен же я хотя бы глянуть на себя?

– Ну, хорошо, сынок, ты только не кричи, ради бога, не кричи.

Амир себя не узнал. Это был не он. Вернее отображение в зеркале отражало совсем другое лицо, не то, которое он привык видеть.

Левая сторона сильно пострадала, обгоревшая кожа сморщилась и от того собралась, веко натянулось и глаз стал круглым, как у филина. Верхняя часть губы вывернулась наружу и вызывала отвращение. Небольшая черная борода уже успела закурчавиться.

– Ну и уродище, – пробормотал Амир. Его передернуло от своего вида. – Ах, су-ка, Культа. Что натворил, – молодой авторитет мотал головой от негодования, кипевшего в нем.

– Что натворил! Умней меня оказался, гаденыш. Вот гаденыш! Оперативно сработал, ничего не скажешь, – шипел он в бессильной злобе, точно змея, которой наступили на голову. Сам виноват. Сам. Расчувствовался, фраер. Надо было давно убрать его. А-а-ах.

С этого дня молодой парень стал чудить. Обслуживающий персонал боялся заходить к нему в палату. Никто не мог понять, что же с ним происходит. По утру, проснувшись больной громко звал няню, просил, чтобы она умыла его и привела в порядок. Напевал бравые армейские песни.

*Не плачь, девчонка, тра-та-та-та
Пройдут дожди, там-там-там
Солдат верне-е-тся, ты только жди.*

Потом ему хотелось оправиться, и няня подавала ему утку. Он неловко всовывал ее под одеяло и через некоторое время вытаскивал, наполненной.

– Ты знаешь, тетка, – обращался он к сиделке, – сколько солдатских ног осталось в Афгане? Я однажды, после нашего наступления на Саланг, пошел в госпиталь. А там, за хирургической палаткой лежит целая куча отрезанных ног, рук. Их потом санитары обливают бензином и сжигают. Так что я еще, можно сказать, походил, другие уже с той поры «обрубки».

Потом на больного, видимо, накатывали другие воспоминания и он начинал скрежетать зубами, словно задался целью, стереть их и бешено материться. Грозил каким-то людям, выкрикивая, что они зря рано обрадовались, и он еще доберется до них. Обещая резать их ножовкой, пить их свежую кровь и закопать заживо.

В такие минуты сиделка убегала в страхе. Больной опомнившись звал ее, крича так, что его голос разносился по всему коридору. Потом, в злобной ярости, выл, точно зверь и этот вой невыносимо было слушать. Опять ругался, все грозил какой-то стерве и вдруг затихал.

Долгое время лежал молча, о чем-то напряженно думая. Опять от чего-то стервенея взвизывался, подтягивая укороченное тело к спинке кровати.

– Тетка, там портфель был, тонкий такой, кейс называется. Ты узнай, его не нашли, а? Может, нашли, так это мой кейс, понимаешь? Узнай, тетка...

– Да какой там, кейс, все сгорело... Врачи же до сих пор твою фамилию не знают. Документов при тебе никаких не было. Ты сам то помнишь, как имя, отчество? – сиделка вопросительно тарщилась на него.

«Ах ты, карга старая, щас я разогнался тебе выложить», – Амир уже думал об этом ночью. Если люди Культи узнают, что он жив, тогда они добьют его прямо тут, в палате. Поэтому нет у него инициалов, не помнит, память отшибло.

Мало помалу молодой, сильный организм его оживал, он чувствовал, как тело наполняется прежней энергией. Собрав в стальной комок силу воли, авторитет приказал себе смириться со случившимся, прекратить истерики, и думать о мести. Все помыслы с этой минуты были обращены к этому сладчайшему слову. Месть... Он размышлял о ней, не зная усталости, баюкая эти мысли, заботливо, словно маленького ребенка, выстраивая самые невероятные планы.

«Ему бы изготовить протезы и научиться на них бегать, а затем добраться до оружия. Он заляжет с терпением рыси, про-

ползет, извиваясь, бесшумной змеей и выследит вначале Секретаря, а уж Соболь затем сам упадет ему в руки, словно спелое яблочко».

«Человек предполагает – господь располагает» – все его планы спутал визит мента.

Это был высокий, крепкий мужчина с цепким взглядом. Начав разговор издали, он уводил его в сторону, как вдруг неожиданно попросил назвать свою фамилию. Но Амир был начеку и на коварный вопрос лягавого стал строить гримасы на лице, делая вид, что никак не может вспомнить.

Но мент вел беседу в правильном направлении, авторитет это почувствовал. Вполне возможно, что он пришел сюда по поручению Секретаря. Кардинал не тот человек, чтобы оставить в живых такого свидетеля как он. Холодный пот прошиб Амира, все, до единой клетки его мозга разом вспыхнули тревожным светом, подавая сигнал беды.

Больше часа Амир бился с ментом, а мент с авторитетом. И все было безуспешно, больной так и не вспомнил ни фамилии, ни адреса, ни кого бы то ни было из родственников, знакомых.

– Ну, хорошо, выздоравливай. Врачи говорят, что это пройдет и память восстановится. А я позже навещу тебя, – пообещал лягавый уходя.

Когда дверь палаты закрылась за ним, Амир отчетливо услышал, как он произнес кому-то невидимому:

– Готовьте его к отправке, завтра заберем.

Жуткий жар пробежал по телу парня, в какое-то мгновение он даже дернул к себе обрубок, так показалось, что горит ступня. Надо было бежать, оставаться значило умереть. «Утром они придут за ним. Впереди у него ночь, он должен успеть, иначе будет поздно», – хладнокровно размышлял парень. Остаток дня он готовился к побегу. Плотно поел больничную еду, чтобы запастись силами, оправился в судно, позволил сестре поставить ему систему. Хорошо, что палата была на первом этаже. Амир, извернувшись, осмотрел запоры на окне, это были обычные шпингалеты. Настроение его тут же поднялось, план побега был прост, уходить ночью, через окно.

Никогда еще в его жизни так мучительно долго не тянулось время. Никогда. Даже в горах, когда они безмолвно лежали, притаившись, превратившись в серые камни.

Амир мысленно отчитывал тягучие, как патока, минуты, ожидая, когда покинет палату сиделка. Сегодня он с ней ни о чем не

говорил, чтобы ей быстрее наскучило дежурство. За окном давно уже загустело, и сквозь стекло просачивался фиолетовый вечер. Сиделка хотела включить свет, но Амир запротестовал, ссылаясь на резь в глазах. Все его мысли сосредоточились сейчас на тех, нескольких метрах, отделявших его от оконной рамы. Няня не выдержав томительного сидения в темноте, повздыхав, ушла. Нужно было дожидаться глубокой ночи, когда весь персонал уснет, и он терпеливо выжидал. На ум, не весть откуда, взбрели строчки школьного стихотворения:

*Белеет парус одинокий,
В тумане моря голубом,
Что ищет он, в краю далеком?*

«Действительно, что он искал вдали от дома? Хотел построить рай для себя? Он его почти построил, как вдруг потерял. Потерял построенный рай! Ладно, сантименты в сторону! Пора».

Амир приподнял корпус, откинув одеяло в сторону, внимательно осмотрел кульяшки, потрогал их пальцем, они еще болели. Вытащив из-под себя простыню, Амир разорвал ее на полосы, и свил из них веревки. Затем тщательно обмотал таз байковым одеялом, подвернув там, где кончались обрубки, и крепко перетянул одеяло веревками. Опираясь на руки, Амир спустился на пол и, подтягивая тело, в одно мгновение дополз до окна. Теперь ему предстояло задача посложней, нужно было взобраться на подоконник. Но и это он просчитал еще днем. Словно по висящей лиане поднялся бывший афганец по стояку. Шпингалеты на удивление легко подчинились его сильным пальцам. Он потянул на себя оконную створку, и она немного упираясь, отворилась, впуская в палату уже прохладный осенний ветерок.

Амир прыгнул вниз рыбкой, как учил его в свое время Хандохин, вытянув впереди себя руки. Кувыркнувшись через голову, он притаился в кустах. Вокруг была сонная тишина, лишь тихонечко поеживаясь от холода, подрагивали кусты. Амир пополз, забирая в сторону от того корпуса, из которого бежал. Он перетаскился через темную, твердую асфальтную дорожку, мимо деревьев, за которыми ему чудились чьи-то затаившиеся фигуры, мимо брошенной до утра машины «Скорой помощи», Прячась за ее колесом, вдыхая в себя запах резины, Амир передохнул. А

когда он, ухватившись за ее ребристые края подтянулся, опираясь на культи, чтобы, осмотреться, ничтожное колесо оказалось выше его роста. Это открытие глубоко оскорбило его самолюбие, так что от бешенства защипало в глазах.

Но нельзя было терять ни минуты. Амир вновь пополз. Путь ему преградила высокая ограда из арматурных прутьев. Парень попробовал просунуть голову, она пролезла. Тогда он, чертыхаясь, понемногу протиснулся весь и оказался по ту сторону болотного забора. Теперь надо было уползти как можно дальше, куда угодно, там будет видно. И он тянул свое укороченное тело через бордюры, по мягким травам газонов, не выползая на середину дороги. А когда улицу высвечивали фары одинокого автомобиля, Амир сворачивался в клубок, со стороны напоминая куст. Всю ночь полз молодой авторитет, все дальше отдаляясь от опасного места. Вокруг посерело и количество машин участилось на безлюдной улице, Амир понял, что ему нужно где-то укрыться от людских глаз. Он все еще полз, весь взмокший, ладони саднили, мучительно болели ободранные ногти, как вдруг рука его наткнулась на холодную ребристую крышку канализационного люка. Осмотрев ее, авторитет стал пытаться приподнять, чтобы сдвинуть в сторону. Но тяжелая крышка никак не поддавалась. Трудно было ее осилить лежа. Ему бы подняться опереться на свои сильные ноги, но, увы, у него их не было. Наконец, словно сжалившись над настойчивыми усилиями калеки, крышка сдвинулась над люком и он поднапрягшись еще, отбросил ее, открывая черную, вонявшую смрадом, дыру. Некоторое время Амир, опустив голову, всматривался внутрь, пока, наконец, его зрение не разглядело прилепившуюся к стене металлическую лестницу.

Он протянул обе руки вниз и ухватился за ржавую, сырую перекладину, а затем втащил внутрь обрубок туловища. Повиснув на руках, он раскачивался из стороны в сторону, пытаясь остановить амплитуду, возникшую от соскользнувшего вниз тела. Потом, перебирая врезающиеся в руки арматурины, спустился вниз. Дно оказалось мокрым, откуда-то из труб капала вода, и от того внутри пахло плесенью. Когда глаза привыкли к полумраку, Амир разглядел пристроенные на толстых трубах грязные доски.

Ужасно болели культи, они горели нестерпимым огнем, будто в их втерли жгучий перец. У него не было ни сигарет, ни спичек,

полосатая больничная пижама, превратилась в лохмотья, изодравшись об асфальт.

– «Ну и видуха, – мрачно вздохнул он, оглядев себя, – надо честно признаться, в «Тройку» в таком виде не пустят».

Амир приложил немало усилий, чтобы взобраться на трубы. Они были непомерной толщины, и не за что было зацепиться руками. Ладони тут же соскальзывали, стоило ему начать подтягиваться на них. И все же ему удалось это сделать, и эта маленькая победа доставила ему на несколько минут удовольствие.

Амир лежал на сырых досках, и глядел на круглый люк, в который теперь мощным снопом струился утренний свет. Парень непроизвольно сравнил эту металлическую дыру с отверстием шанырака в казахской юрте. Сквозь него также в кочевничье жилище степняков льются солнечные лучи. Но они совсем не такие как эти, синюшные, отвратительные. Те лучи, теплые, искрящиеся, ласковые.

Лежа на неудобных досках, Амир настойчиво продолжал размышлять о мести, выстраивая и тут же с глубокой горестью отбрасывая несбыточные версии.

Из памяти афганца не выветривался образ проявившего к нему симпатию босса. Он тоже, оказывается, прошел Афган, только там босс был офицером. «К нему бы добраться. Афганское братство не позволит ему оттолкнуть меня. Босс помог бы мне взять обоих, Секретаря и Соболя». Но у Амира не осталось записной книжки, в которой были записаны координаты лидера крутой московской группировки.

Сутки метался авторитет, корчась от боли в культяшках, и еще гораздо страшней – от унижения, которое ему довелось испытывать, прячась как бомж, в канализационной яме.

На следующее утро отчаяние и голод выгнали его, толкая, на улицу. Опять пришлось ему, трепыхаясь на металлических перекладинах, вытягивать обрубленное тело на руках из колодца.

Было раннее утро, прохожие, торопящиеся к автобусным остановкам, не обращали внимания на ползущее, точно крот, страшное существо. В эти годы в Москве их собралось великое множество, съехавшихся отовсюду, в поисках хлеба. Безногих, безруких, горбатых, слепых и прочих разных уродов.

Амир дополз до оживленного перекрестка и, выбившись из сил, прислонился спиной к толстому клену. Осеннее солнце в это время года ласкало скупое, лучи, падавшие ему на грудь, едва

грели. Всю ночь не сомкнувший в раздумьях, глаз, парень мгновенно задремал. В недолгом, тревожном сне ему приснилась белоснежная яхта, уверенно разрезавшая бирюзовые морские волны, они с Юлией на желтой, выдраенной до блеска палубе. И во сне парень увидел свои ноги. Это были мощные, мужские ноги, стройные, длинные.

Растревоженный сновидением мозг, вмиг прояснился, когда прямо над ухом раздался оглушительный клаксон. Перепуганный Амир вскинулся, но это был всего лишь автобус.

День тащился подобно азиатской арбе на каменистой дороге. Истошные вопли сигналов, визжащий скрип тормозов, урчание десятков двигателей. Стоило светофору зажечь красный глаз, как несущаяся армада автомашин останавливалась, как вкопанная, и отравляла окрестность выхлопными газами. Но этот момент, как оказалось, был важным для сидевшего безучастно под кленом калеки. Ему кидали скомканные, мелкие купюры, монеты. Вспыхнувший зеленый свет срывал с места колесную братию с взрепевшими моторами, оставлявшую после себя висеть в воздухе гарь и копоть.

Амир внимательно наблюдал за местами, куда падали деньги. Воздушными порывами от проезжавших машин могло унести бумажки, поэтому после трех – четырех остановок машин, он полз и собирал их, пряча за пазуху.

Прохожих на этом перекрестке почти не было.

Ближе к вечеру налетел колючий ветер, отрывая от клена, под которым устроился парень, редкие, желтые листья. Стал накрапывать дождь. Амир принялся подсчитывать деньги, их набралось не так уж мало. Могло бы хватить на хлеб, водку и сигареты. Когда он утром полз к этому перекрестку, Амир заметил маленький магазинчик. Туда он и направился теперь, трепыхаясь по намокшей земле.

Продавщица, простоватая девушка, ахнула от страха, увидев вползающее в магазин, безногое тело. К его счастью, из-за дождя людей там не было, и это спасло его, а не то могли возникнуть проблемы.

Прислонившись спиной к косяку, он обтер тыльной стороной ладони грязное, мокрое лицо и попросил девушку отпустить ему еду. Голос Амира вызвал у девушки немое удивление. Это не был плаксивый, пропитый голос бомжа, холодные, властные нотки звучали в нем. Пораженная девушка переборов персона-

чальный испуг, заинтригованная от скуки, набралась храбрости и стала выпрашивать кто он.

– Я оторвавшийся осенний, ржавый листок, гонимый под людскими ногами, – злобно ответил он ей.

– Посчитай, на что здесь хватит, дай мне хлеб, банку консервов, водку и курево.

Девушка опасливо вышла из-за прилавка и, приблизившись к калек, взяла деньги. Амир, дожидаясь, когда она посчитает эту собранную дешевую мелочь, о существовании такой, авторитет даже не знал в былое время.

– Ну что, – спросил он.

– На все хватает, даже останутся сдачи, – непонятно почему радуясь, объявила девушка. Она положила покупки в пакет и поднесла его к инвалиду.

– Как же ты потащишь это? – засомневалась продавщица.

– Дотащу. Не подыхать же с голоду. Ты мне только дай кусок веревки, я должен вначале спустить вниз пакет.

– Куда вниз? – изумилась девушка.

– В колодец. Ты что, глупая, не видишь что ли, что я калекой стал совсем недавно. Даже тележкой еще не обзавелся. А это, – Амир кивнул на пакет, – мой первый заработок в роли нищего, поэтому и решил обмыть этот день. Все-таки, какое никакое, а событие для человека, еще недавно ездившего на шестисотом Мерседесе, – Амир заразительно рассмеялся, – Ха-ха-ха-ха!

Девушка молчала, потеряв дар речи, она почему-то поверила тому, что произнес этот парень.

– Возьми сдачи.

– Сдачи? Ха-ха-ха! Что я раньше не нищенствовал? Даже сдачи остаются, – заородствовал он, и вдруг спросил:

– Тебя как зовут?

– Ольга.

– Хорошее имя. Княжеское. Помогите мне Ольга. Я ведь бомж всего сутки. Найми какого-нибудь плотника, пусть он смастерит мне тележку. А то сама видишь, – он взглянул на себя и стыдливо произнес, – весь грязный.

То ли сердце у Ольги было отзывчивым, то ли заинтриговал ее безногий, но она согласилась помочь.

– Ладно. Недалеко тут есть цех какой-то, заплачу им, попрошу, чтобы сделали. Ты завтра заходи, – промолвила девушка и тут же осеклась.

– Спасибо тебе, Ольга, – Амир приоткрыл дверь, дождь поутих, держа пакет в одной руке и, загребая другой, он пополз, радуясь, что яма была недалеко.

В этот день у него был настоящий пир. Он выпил с горла всю водку, немного захмелел, поел хлеба с кабачковой икрой, а потом с великим наслаждением скурил дешевую сигарету.

«Интересно, чем в эту минуту занимается Юлия? – размышлял Амир. – Наверняка, чистит перышки и готовит себя к вечерней развлекательной программе. Куда она сегодня поедет? В «Редисон – Славянскую», «Балчуг»? – Авторитету очень хотелось хотя бы одним глазом увидеть ее издалека. Все же он очень любил ее прекрасное тело. – «Женщина возбуждает желание, а потом принесит страдания» – кто же это сказал из великих? Какая, впрочем, разница, но подмечено очень точно». – Мысли его опять обратились к мести. Как он жаждал этого, почти святого для него, акта и раскаивался в том, что недооценил Культю.

– «Врага лучше переоценить, – запоздало думал он. – Ничего, я землю грызть буду, на милостыню куплю ствол, но так или иначе отомщу», – заводил себя молодой авторитет, с усмешкой оглядывая свое мрачное пристанище. Где-то отдаленно он все же понимал, что теперь ему просто невозможно будет добраться до них, если только не случайная встреча.

– Спать, спать, завтра меня ждут новые испытания. Мне теперь необходимо осваивать профессию, не просто сидеть безногой куклой, а научиться просить, тогда станут больше бросать.

Тяжелый день, алкоголь и полный желудок клонили его ко сну и последние мысли текли в голове загустевшие.

Сон его был беспокойный, рваный, обрывками вдруг являлся Афган, какие-то бессвязные события, старый пес Акбар, скуливший от боли и обиды, самодовольная харя Кабана. Амир хрипел, выкрикивая бессвязные фразы, соскакивал в страхе и натывался на зловещую темноту.

Лишь только первые посветлевшие рассветные лучи, словно споткнувшись об люк, свалились в колодец, парень стал собираться к рабочему месту. Опять, как и вчера, подобно крупной рыбине, выброшенной на берег, он полз по пустынной, в ранний час, улице, извиваясь, оставляя за собой черный, словно хвост, след на мокрой траве. Добравшись, наконец, до своего кормильца – перекрестка, Амир припал к толстому основанию клена, прячась от колючего ветра, достал из-за пазухи остатки

вчерашней роскоши и принялся жевать. Крупная крошка хлеба выскользнула из грязных, окровавленных пальцев. Авторитет принялся искать ее, но не нашел, а она повисла, запутавшись в жесткой бороде, и шевелилась вместе с ней, от налетающих порывов.

Весь световой день просидел калека у самой дороги. Припомнив слова, которыми пользуются нищие, усмирив в себе великую гордыню, во имя будущей священной мести, он сидел с протянутой рукой и произносил:

– Ради благополучия ваших детей, подайте на пропитание калеке..!

И глядя на этого еще молодого, безногого, с обожженным лицом инвалида, смиренно просящего подавание под занудливым, морозящим дождем, люди бросали ему деньги.

Но главное открытие, которое удалось сделать наблюдательному парню – то, что владельцы крутых иномарок, отворачивали лицо, чтобы не встретиться с ним взглядом, и уезжали, так и не подав. Ему протягивали из автомобилей попроще. Видно там за рулем сидели люди, еще страдающие чужой беде. Авторитет негромко матерно ругал зажавшихся нуворишей на дорогах тачках. Со стороны могло казаться, что он попросту шевелит губами, а может, благословляет их, так как шум двигателей заглушал слова калеки.

Амир припоминал, подавал ли он сам хотя бы раз, когда сидя в «мерсе» вот также останавливался на светофоре. И к своему просыпающемуся теперь стыду, вспоминал: нет, ни разу.

Вечером он приполз к магазину и около часа сидел под бесконечно сеявшем дождем, дожидаясь, пока уйдут посетители. А они выходили, раскрывая зонты, лишь на доли секунд задерживая на нем свой взгляд. Люди, сделав покупки, торопились в свои дома, туда, где их ждали семьи.

Рассмотрев, сквозь мокрое окно, что Ольга осталась одна, Амир втащился в магазин, пачкая кафельный пол.

– Ты прости, что я наследил, вычти вот из этих денег, – он вынул их из-за пазухи, завязанные в тряпичный узелок, – карманов нет, – виновато пояснил калека.

– Да ладно тебе, техничка уберет, сегодня у всех ноги грязные. – Ольга нагнулась и достала из под прилавка деревянную тележку.

Она была великолепна. С крошечными подшипниковыми

роликами, с мягким дермантиновым сиденьем под зад, а самое главное, с широким кожаным ремнем.

– На, держи. Попробуй, примерь...

Амир опираясь на руки, забросил свой обрубок на тележку, поудобней устраиваясь в ней, затянул крепезный ремень на поясе и рассмеялся.

– Ну, как? – спросила Ольга.

– Замечательно. По сравнению с тем, что я был пеший...

– А это для рук, – девушка протянула ему две обыкновенные терки.

– О-о-о! – Парень взял их в руки и, отталкиваясь ими, прокатился по магазинчику

Даже когда он приобрел шестисотый, когда въехал в роскошную, новую квартиру, он так не радовался, воспринимая их как должное. А сейчас ликовал, не скрывая этого.

– Спасибо Ольга, – его круглый левый глаз сверлил, стоявшую перед ним добрую девушку.

– Уже осень, ты заболеешь и умрешь, что мне с тобой делать, – девушка была искренне озабочена.

– Ольга, я не умру, у меня на земле есть еще неотплаченные долги, – произнес он со злостью.

– Ты бы лучше о себе подумал, ведь молодой еще, – укоризненно произнесла девушка.

– Посчитай, пожалуйста, деньги. Дай мне что и вчера, если останутся лишние, оставь, тебе за тележку пришлось свои добавить...

Ольга ушла в подсобку и вынесла оттуда старую фуфайку.

– Одень это. Грузчик оставил, так и лежит с тех пор.

Амир безропотно принял очередной подарок, тут же надев на себя.

– «Пьер Карден», бляха муха.

– Зато в тепле будешь, – в голосе Ольги звучали чистые, заботливые нотки.

– Оля... – позвал Амир.

– Что?

– Вот на таких, как ты, держится наша долбанная земля.

– Почему ты такой лютый? – спросила девушка, но Амир вдруг заторопился, – ладно, давай мне паек, поеду попробую свой «Лексус».

День за днем потянулась новая жизнь у бывшего лидера «факиров», похожая на мутную сточную жижу. Ему, прошедшему в составе «командос» горнило Афгана, десятки раз участвовавшему в боевых, орденоносцу, даже в самом кошмарном сне не снилась такая житуха.

Зато, теперь он лихо катался на своей тележке по тротуару, укутавшись в фуфан, не обращая внимания на прохожих и мысленно бесконечно благодарил Ольгу.

К его радости, погода переменилась, дожди поунялись, затаившиеся ветра ожидали первых заморозков. Амир раздумывал над тем, как скоро в окружающие дома подадут тепло? Тогда и в его апартаментах стало бы уютно спать на горячих трубах.

Бывший авторитет от безделья высчитывал количество «мерседесов», проехавших мимо него за десять красных светофоров. Увлеченный этим бестолковым занятием, он не заметил, как к нему подошел одноногий бомж. Бомж больно ткнул острым концом костыля ему в шею и зашипел:

– Сгинь отсюда, обрубок, это мой перекресток.

Так шипит, отравляя воздух вонючим газом, грязная ехидна. Амир безмолвно оглядел на невесть откуда взявшегося, нарушившего его идиллию, претендента. У бомжа была красная, испитая, опухшая харя. Его пальто в красно-черную клетку было рваным.

– Видно бормотуху хлещет, или одеколон, – подумал бывший авторитет, а вслух лаконично, угрожающим тоном послал бомжа подальше.

И тут взъяренный соперник, размахнувшись со всей силы, ударил Амира крепким костылем по голове, рассекая кожу черепа. По лицу парня заструилась кровь. Удар был настолько силен, что некоторое время он отходил, пытаясь избавиться от искр, сыпавшихся из глаз. «Пусть я не могу сейчас добраться до Кульги, Секретаря, но ты то рядом, вошь одноногая», – так подумал Амир и в этой мысли прозрела страшная кара.

Молниеносным движением он схватил его и рванул на себя. Претендент рухнул как спиленное бревно. В зверином прыжке афганец приземлился тележкой ему прямо на помятую, с синими мешками под глазами, морду. А затем в приступе бешенства молотил по ней деревянными терками, превращая мерзкую физиономию в сплошное месиво.

Со всех сторон сигналили машины, в знак солидарности ему.

Их скопилась целая пробка. Амир схватил бомжа за глотку, намереваясь вырвать ее, как вдруг пожилой мужик схватил его за руку.

– Не надо парень. Он свое получил, оставь его. Я тут езжу каждый день, если что в обиду не дам.

Мужик подмигнул ему и направился к своей потрепанной «шестерке».

– Че, браток, конкуренция? – кричали ему наблюдавшие за схваткой водители.

– Приходится драться за место под солнцем, хотя солнца-то нет, хмуро ответил Амир.

Задние возмущенно сигналили передним, и вся армада на колесах, газуя, умчалась вслед за своими заботами.

Амир глубоко страдал. Разгульный образ жизни последних лет, ощущение власти и силы оружия, доступная любовь за деньги очаровательных женщин, растили душу простого казахского парня. Привыкший к дорогой одежде, модным аксессуарам, проводить время в изысканных заведениях, теперь он, рухнувший с головокружительной высоты на самое дно, – мучился. Дно оказалось кошмарным. Его, лидера «факиров», по трупам проложившего себе дорогу на трон, посмел ударить, весь пропитанный вонючим дерьмом, бомж. И это было коварной местью дна ему, в недалеком прошлом крутому бандиту.

Понимая, что одноногий вновь попытается отбить лакомый перекресток, Амир в тот же вечер вооружился острой железной арматуриной. И он не ошибся. На следующее утро, подкатывая к рабочему месту, бывший авторитет издали заприметил томящуюся в ожидании его компанию нищих. У него еще было время повернуть назад, не вступая в конфликт, но так поступить он не мог. И он направился к ним.

Теперь уже они услышали грохочущую, точно шайтан-арба тележку. Стоявший впереди однорукий мужчина единственной рукой опирался на крепкую палку. На нем была куце обрезанная солдатская шинель без хлястика, затертая и грязная до такой степени, что казалось, она могла бы стоять сама по себе, без владельца. Один рукав был пуст и запровлен в карман.

Белая точно мел, с выцветшими зрачками физиономия мужчины напоминала лицо покойника. Соломенного цвета патлы безобразно свисали вниз слипшимися, спутанными прядями. Уродливый нос завершал отвратительный портрет.

Третьим был обыкновенный спившийся алкаш, невероятно худой, точно прообраз легендарного Дон-Кихота. Даже издали было видно, как его колотило с глубокого похмеля, бедняга так тряс своими мослами, что на секунду Амиру показалось, будто он слышит, как бренчат его кости. На алкаше были нелепые короткие брюки-клеш, из которых словно из раструбов канализационных труб торчали тонкие ноги.

«Этот не в счет, хотя если не уследить за ним, то и он может напасть сзади. Надо с ходу сломать безрукого, наиболее решительно настроенного», – решил афганец.

Он продолжал катиться прямо на этого мерзкого нищего, отталкиваясь терками от земли. Теперь он видел только его пах с расстегнутой, вывернутой ширинкой. И как только расстояние между ними достигло досягаемости арматурины, Амир молниеносно выхватил из-под себя стальной прут и изо всей силы нанес удар ему по голени. Раздался хруст лопнувшей кости и утреннюю тишь разорвал булькающий вопль. Не выпуская боковым зрением из вида алкаша, бешено выпрыгивая в воздух вместе с тележкой, Амир вертелся посреди оставшихся теперь вдвоем бомжей и орал в приступе безумия.

– Мрази поганые, вы не на того нарвались, я из вас щас кишки повытаскиваю! – верча над головой прутом как дубиной.

Одноногий, только вчера испытывший на себе гнев этого обрубка, не пытаясь вступить в бой, ловко отпрыгивая на костылях, умело уходил от удара. И все-таки бывшему авторитету удалось его достать. Лишь на доли секунды замешкался он, как Амир острым концом насквозь проткнул его единственную ступню.

А вот за алкашом углядеть же не успел. Подобрав выпущенную одноруким палку, скелет ударил Амира сзади по затылку. Голова от удара точно раскололась, он перестал соображать от боли. Где-то неподалеку хрипел, подвывая словно гиена, обняв поломанную ногу, однорукый, а бывший авторитет и тощий алкаш катались, сплетаясь в клубок, вцепившись, друг в друга на смерть.

Амир выполз из этой яростной схватки победителем, выплевывая изо рта набившуюся траву.

Но еще нигде, никогда, ни разу он не ломался во время боя. А сегодня он почувствовал, как где-то внутри что-то щелкнуло, точно переломилась надвое сухонькая веточка. В бывшем афганце лопнул тот самый стержень, который питал его все эти годы мстительным духом.

В тот день безжалостная судьба решила методично добить надломленного парня. Повергнутые им, искалеченные бомжи, стеная и подпрыгивая, убрались восвояси, а он остался сидеть на отвоеванном перекрестке. Дул пронизывающий холодный ветер, с мрачного неба, кувыркаясь летели, словно крупные мухи, белые снежинки и падали на мерзлый асфальт.

Целый день молодой парень просидел с безучастным видом, зябко кутаясь в порванный во время драки, с торчащими кусками грязной ваты, тощий фуфан. Завихрявшийся снежок скрипел под колесами автомобилей, останавливающихся на светофоре, но никто не бросал денег нищему инвалиду. Видно, даже на минуту не хотелось водителям открывать окно в такую неуютность. И лишь под вечер, когда включились уличные фонари, понимая, что останется голодным, если не выпросит хотя на хлеб. Амир собрался подъехать вплотную к дороге.

Светофор, дважды предупреждающе моргнув, вспыхнул рубиновым цветом. Сразу несколько автомашин, опасаясь гололеда, осторожно притормаживая, остановились на запрещающий знак.

В крайнем к Амиру шестисотом «Мерседесе» приглушенно слышалась музыка, как вдруг стекло задней двери стало сползать вниз и в ее щель вылетела пустая пачка из-под дамских сигарет.

Этот беззаботный, заразительный смех он бы не спутал ни с чьим, так могла смеяться только одна женщина – Юлия. Бедный парень вздрогнул, будто его ударило током. И вместо того, чтобы отвернуться, вжать итак неузнаваемое, обезображенное лицо в плечи, он тихонечко, словно крадущаяся по карнизу кошка, подобрался к автомобилю. Сомнений не было, его Юлия, прекрасная, избалованная роскошью белокурая дочь банкира в элегантной меховой шубке сидела на заднем сиденье. Она чему-то весело смеялась и в отблесках света, падающего с фонаря на ее лицо, была очень красива.

Кто был за рулем, ему не удалось разглядеть, хотя крупный затылок водителя показался знакомым. Сидевший рядом мужчина в этот момент в полоборота повернулся к Юлии, жестикулируя руками. То, что это был никто иной, а Культия, Амир отдал бы голову на отсечение. Позабыв обо всем на свете, глядел бывший авторитет на свою утерянную любовницу. Что с ним произошло в тот самый миг, спроси его, и он не смог бы ответить

вразумительно. Ему бы объехать машину, и ударить острым стальным прутом врагу прямо в висок, а он, словно навек, опоненный колдовским зельем – ее чарами, любовался ею. То ли девушка почувствовала взгляд идущий из сгустившихся сумерек, то ли случайно обронила взор за окно, как наткнулась на лицо нищего. Было видно, как отшатнувшаяся красавица презрительно сморщила губы:

– Ну и урод за окном! – успел расслышать Амир и в тот момент «Мерседес», обдав его снежной кашей, сорвался с места.

Давно уже крутая тачка увезла прочь предавшую его любовницу и самого ненавистного им врага, по приговору которого он на всю жизнь теперь остался «обрубком». А бывший авторитет лежал на стылой земле и глухо, точно раненое животное, жалобно стонал.

Сколько прошло времени, Амир не помнил, придя в себя у дверей магазинчика. Так получилось, добрая, милосердная девушка Ольга забрала его к себе домой. Чертыхаясь в полумраке на скользких ступеньках, она втощила все-таки калеку на второй этаж в свою крошечную квартиру.

И уже позже, после того как она раздела его донага, усадила в горячую ванну, присмирившего, отдраила до блеска, обливаясь слезами, Ольга проговорила:

– Ну что ж ты сотворил со своей жизнью, а-а? Как мне с тобою быть, ведь сердце разрывается, глядя на тебя.

– Пожалуйста, не плачь, не надо, я прошу тебя, – шептал молодой парень. Впервые чужие слезы тронули его за живое, зацепили, – Налей водки, ну, давай выпьем вместе, мне так плохо, хоть в петлю лезь...

Ольга налила обоим, и они выпили по одной, затем еще, она продолжала плакать, жалуясь и на свою, ни как не складывавшуюся, жизнь. На одиночество в этом огромном городе, на постоянную нехватку денег и еще много печального выплеснула девушка своему случайному слушателю.

Амир, захмелевший, вконец сраженный событиями прошедшего дня, тоже, точно его прорвало, стал рассказывать ей о том, кем он был и как остался без ног.

В ту ночь некрасивая девушка Ольга, вспоминая которую потом, Амир будет называть святой, устав от слез, подняла на руки и уложила его рядом с собой.

ВОЗВРАЩЕНИЕ АМИРА

Высоко в холодном, сером небе расправив могучие крылья, парил орел. С земли он казался крошечной, черной точкой, что всякого, кто следил бы за ним, брала бы оторопь. Оттуда, из мрачной небесной выси наблюдала вольная птица за вытянувшимся узкой змейкой, пассажирским поездом. Непонятно было ей, куда погромыхая, тянется эта железная, зеленая вереница, за какой надобностью? Эта неясность раздражала ее, и она уже дважды стремительно соскальзывая, точно с крутого склона, бросалась на нее. Но оба раза ее отпугивал пронзительный тепловозный гудок и громкий перестук колес.

Тогда птица вновь широкими, плавными взмахами взбиралась на головокружительную высоту, оставляя в покое скучный поезд. И там продолжала купание в острых как бритва, воздушных потоках. А упрямая змейка продолжала, извиваясь, уползать, приближаясь все ближе к заснеженным казахстанским степям.

В одном из битком набитых общих вагонов, запрятавшись в угол, озираясь по сторонам, точно загнанный зверь, возвращался на разъезд Амир. Люди внизу сидели впритык, забив багажные полки огромными, китайскими сумками со всяким барахлом. Здоровые, русские бабы-«челночницы», вот уже третьи сутки отъедались дешевой, московской вареной колбасой, заедая черным хлебом и чесноком. Никто особо не обращал внимания на безногого калеку, будто бы не замечая, что он голоден. Лишь одна, моложавая, со следами утраченной былой яркости, заметив, как парень-инвалид слотнул слюну, не удержалась и накормила его. Народец подобрался разный, Амир со своего места наблюдал, как по проходу шныряли темные личности, выискивая для себя жертву.

За грязным, мутным окном наступила черная темень, наконец-то прекратилось брожение. Здоровенные челночницы задремали, периодически беспокойно вскидываясь и сонными глазами оглядывая: на месте ли громадные сумки. Сон их был чуток. Всю дорогу они с подозрением разглядывали Амира. Как бы раздумывая над тем: чего можно ожидать от этого безногого, уж больно нелюдимым он выглядел. Однако, убедившись, что парень-инвалид, целиком занят своими мыслями, забыли о его существовании.

Амир, не отрываясь, смотрел в ночь, из глубины которой то и дело неожиданно высвечивались, выкатываясь, далекие, сиротливые желтые огоньки. Где-то в стороне от выстукивающего, нарушающая покой окрестности поезда, теплилась жизнь. Там, в окнах горел свет, и в домах спали люди, уставшие в заботах прошедшего дня.

Откуда-то из-за липких обшарпанных перегородок, разносился одновременный храп нескольких человек, точно заключили они меж собой нелепое пари. От запаха давно не мытых, потных тел, женских выделений, грязных носков воздух был спертым до такой степени, что казалось его можно было вырезать ножницами, точно бумагу.

Всю дорогу Амира терзал один единственный вопрос: как он предстанет перед глазами матери? И хотя добрая Ольга состригла его черную бороду, тщательно выбрила и, как смогла, одела в чистые, какие-то оставшиеся от отца вещи, бывший авторитет боялся, что не вынесет она такого удара. Он вспомнил ее, ворвавшуюся в такую же темную ночь перед его отъездом к нему в комнату. Мать была в длинной ночной рубашке, простоволосой и чем-то встревоженной. Амиру отчего-то не спалось, лежа на кровати, он рассматривал при свете ночника цветной иллюстрированный журнал.

– Что с тобой мать? – удивился он.

– Сынок, мне во сне сердце сдавило сильно.

– Может, неудобно легла?

– Нет, Амир-жан, нет, мне кажется, это знак был.

– Ты о чем?

– Послушай меня, сыночек, материнское сердце никогда не обманывается. Оно у меня во сне так больно ударило, точно ребенок острым копытом лягнул в грудь. Он тогда приподнялся, подтянувшись к подушке. Ему захотелось обнять мать, все-таки он ее очень любил, но опять, как всегда, что-то изнутри сдержало его. С юношеских лет, с тех пор как он поставил перед собой цель стать крутым суперменом, Амир был сдержан в проявлении чувств к родителям. Хотя он всегда по сыновнему чутко относился к ней, и она была единственным человеком для него в Афгане, по ком сильно по настоящему скучал.

Отца он тоже любил и уважал, однако всегда считал, что отец неправильно живет. Не стремится сделать карьеру, чтобы вырасти по служебной лестнице, больше зарабатывать, тогда бы ма-

тери не пришлось всю жизнь проводить у вонючей железной дороги, днем и ночью слушая отвратительный грохот проносившихся составов.

И уже вернувшись из Афгана, нервный, с надломленной психикой, иногда становился случайным свидетелем счастливо воркующих родителей, тогда он раздраженно думал, что все-таки темный человек его отец, недоумевая, отчего родители довольны своей жизнью? Его чувства к отцу были противоречивы, так как, с одной стороны, сетуя на отца, с другой, он тайно гордился им, таким трудолюбивым, не знающим покоя, ни днем, ни ночью, в заботе о станции.

В полумраке качающегося вагона, Амир глядел с тоской на свои обрубки, и сердце его разрывалось: «Вот она, интуиция матери, подсказавшая ей, что сыну грозит беда». И Амир задавал себе вопрос: мог ли он, послушав мать, не поехать в Москву. Остаться, как того очень хотел отец в Киялы, крутить гайки, как Абай или ковыряться в шпалах, как отец.

И даже сейчас, уже в безногом калеке, в нем начинал kloкoтaть немой протест такой жизни. Он ни на секунду не сомневался в том, что шел правильно избранной дорогой. Ему всего лишь не повезло, не до конца все просчитал.

«Зато, я пожил, — думал он, — расслаблялся в шикарных ресторанах, носил дорогую одежду, раскатывал на крутых тачках, отдыхал на знаменитых курортах Европы. Кто еще из нашей роты мог бы стать таким крутым, каким был я?» — размышлял бывший авторитет, перебирая в памяти однополчан-«командос», — «Безусловно, это старшина Хандохин, погибший Леха Фельбуш, Леха был злой и дерзкий, Философ тоже мог подняться, Дора?... Нет, Дора, наверняка, неплохо живет, ездит на хорошей машине, но в голове у него только бабы».

Мысли текли дальше, наполняясь, набухая воспоминаниями. «Гена Овчинников? Нет, Гена колхозник, вот его бы устроила станционная жизнь. Огонь? Огонь был слабоват. Может, Киря? Нет, Славик, вероятно, давно женат, имеет кучу детей».

Припомнив, что Киря любил хорошо, вкусно поесть, бывший «афганец» представил, как чистюля Славка садится за стол, а его милашка-жена подает ему горячие, дымящиеся котлеты с корочкой, подвигает тарелки с маринованными огурчиками, солеными помидорами, а Славка потирает руки в предвкушении!

Глубокой ночью поезд, притормаживая со скрипом, лишь на пару минут остановился в Киялы. Амир, сидя в тележке, торопливо пробрался по длинному проходу, уклоняясь от, выпирающих ему в лицо, чьих-то грязных босых ног. Заспанная проводница, сердито бурча под нос, злобно косилась на калеку, отпирая ключом дверь.

Парень надеялся, что она поможет ему спуститься, но понял, что рассчитывать придется на себя, спустившись на нижнюю ступень, он прыгнул на припорошенную снегом насыпь.

Хорошо, что поезд пришел ночью, днем ему было бы мучительно катиться по улицам и ловить на себе изумленные поневоле, взгляды.

Еще бы, здесь, в этой дыре, вряд ли скоро позабудут, как сын Бектемира, чуть более года назад приезжал на двух иномарках в сопровождении охраны. И теперь, завидев идущую вдоль вагонов, чью-то смутную фигуру с желтым фонарем в руках, парень, испугавшись, юркнул под колеса, стоявшего на запаснике «товарняка».

Осторожно, точно вор, крался он в направлении дома. Вот в темноте белеющий забор мастерской, где когда-то работал муж его Грегы. Дальше мимо МТС, вдоль единственной «двухэтажки», швыряя снегом в разрывающихся на цепи собак:

– Че, псы, волка учуяли? Я хоть и безногий, но все еще волк!

В темноте было плохо видно дорогу и, тележка то и дело проваливалась в глубокие выбоины. Амир непроизвольно подумал о том, что по московскому асфальту ему ездилось удобней.

От морозца изо рта разгоряченного Амира валил белый пар. Голые руки, вместе с терками проваливаясь в успевший затвердеть снег, были мокрыми, замерзли и оттого горели огнем. Засунув за пазуху, он некоторое время отогревал их. До дома оставалось совсем немного, как вдруг за чьим-то забором он увидел стоявшего человека. Амир обомлел, перепугавшись, что тот увидит его, такого убогого. А затем поведает другим, как сын Бектемира, одетый в рубища, безногий, на тележке, прячась от людских глаз глубокой ночью пробирался домой.

Нервная дрожь пробежала по телу парня при этой мысли, не смея пошевелиться, Амир продолжал всматриваться в неподвижный силуэт, как вдруг до него дошло, что это всего лишь огородное пугало. Крепко ругнувшись в сердцах, он сорвался с места, принявшись ожесточенней отталкиваться деревяшками.

Он торопливо проехал мимо дома Абая, давнего своего соперника, слышно было, как по двору, волоча за собой цепь, бродит собака. Еще поднажал бывший авторитет и вот уже калитка родного дома.

– Наконец-то, – прошептал он сквозь зубы, теперь предстояло самое страшное для него – встреча с родителями. Неожиданно хриплым, кашляющим лаем разразился дряхлый пес Акбар. При виде странного существа, вкатившегося во двор, перепугавшись, поджав трусливо хвост, он забился в дальний угол, и оттуда теперь уже не лаял, а скулил, жаясь от страха.

В комнате вспыхнул свет, и за аккуратными белыми занавесками промелькнула тень женской фигуры. Звякнула на веранде входная щеколда. Амир замер с посеревшим лицом, заострившимся до такой степени, словно его только что вырубili из дерева острым топориком. С резким скрипом дверь открылась вовнутрь. В проеме возникла мать в наброшенной на плечи пуховой шали, а в упавшем на заснеженное крыльцо, освещенном прямо-угольнике на уровне материнских колен сидел ее безногий сын.

Мать не сразу его заметила, а увидев, не поняла поначалу, кто этот калека, а только тогда, когда услышала родной, до боли родимый голос:

– Мама, – с трудом разлепляя губы, позвал Амир, – я вернулся к тебе.

Больше всего он боялся, что она рухнет как подкошенная, опознав его. Но она все поняла в одно мгновение, не бухнулась на холодный пол и не застыла как изваяние. Тонко запричитала Улжан, боясь переполошить отца и внучат, гостивших у них, присев около сына, называя его как когда-то в детстве:

– Бедный мой жеребеночек, что же они с тобой сделали? Как же ты добрался, из такого далека на свою землю, без своих резвых ноженек? – Улжан, держа в своих ладонях, с трудом узнаваемое лицо, целовала каждый его сантиметр. Глаза, щеки, шею, лоб, вдыхая в себя вместе с ночным морозным воздухом, сыновний запах.

– Мама, я замерз, пока добрался, давай я въеду в дом, – произнес бывший авторитет, умышленно переключая ее внимание на заботу о нем.

– Ой. А ты сможешь? Тебе помочь?

– Нет, не надо, только открой дверь, – попросил он робко, вкатываясь в веранду, а затем в комнату.

Прямо по середине ее стоял отец. Увидев сына, вернее то, что от него осталось, закусил он губу до крови и сжал тяжелые, натруженные кулаки.

– *Осындай мен болдым, аке!* Вот таким я стал, отец, – запинаясь, выговорил Амир и увидел, как из глаз его двумя ручьями хлынули горячие слезы.

– Значит, мои догадки были верны, – проглатывая сбегающие к уголкам губ струйки, прошептал Бектемир.

Трудно, ой как трудно протекали эти первые минуты, затем часы, дни. Старый железнодорожник Бектемир надломился от тягостных переживаний. Ему было больно наблюдать за женой Улжан, мечущейся вокруг сына, точно старая, разжиревшая клушка. Жизнь в их тихом, уютном домике, словно, перевернулась.

Исчез в зрачках Бектемира затаенный счастливый блеск, лихое, закрученные усы его в один миг обвисли, еще крепкие плечи согнулись за одну ночь, подавшись вперед. И опять, как и в те дни, когда приезжал сын на побывку, Бектемир просыпался чуть свет и с закрытыми глазами вслушивался в тишину дома. Лежавшая рядом Улжан крепко спала, хотя Бектемир был уверен, что и она всего лишь делает вид, что спит.

Из комнаты сына не доносилось ни звука. Это пугало его и наводило на тревожные мысли. Не выдерживая этой муки, тихо-нечко, стараясь не скрипнуть старой кроватью, перелезал он через жену и крался на цыпочках к его двери. И только разглядев сквозь узкую щель, спящего сына, он успокаивался и вновь пробирался на свое место. Взбудораженные в голове мысли, теперь напоминали растревоженный улей, выстраивая перед ним тысячи вопросов, на которые он не знал ответа.

Как он сообщит об этом старикам? Что скажет людям? Как теперь сын будет передвигаться по улице? Кто выйдет замуж за калеку?

– О горе мне! Горе! – вздыхал про себя Бектемир, чувствуя по напряженному телу жены, как его состояние передается ей. Так и лежали молча до тех пор, пока он бесшумно одевшись не уходил на работу.

Но и там он не находил забвения, лишь отвлекаясь, ненадолго отключался. Но стоило ему остаться одному, как упрямые думы, назойливо возвращались. Возвращаясь домой поздно, Бекте-

мир неохотно ел поданный Улжан ужин, а потом уходил к себе в комнату и там сидел на стуле, уставившись в одну точку.

Так продолжалось около месяца. Ни сын, ни отец не стремились увидеть друг друга, словно их разделяла не стенная перегородка, а расстояние, в тысячи километров. Да и Улжан теперь напоминала человека, тщетно пытающегося построить шаткий мост, через отвсечивающую холодом реку. Надеялась она, что перейдет кто-то из них первым, ставшую непреодолимой ширь отчуждения.

Сколько могло бы так продолжаться, если бы в одно утро Бектемир не запряг в сани кобылу, и не поехал в Инталы к старику Ережепу. Невыносимо стало ему в одиночку нести свалившийся на плечи камень.

Рыжая кобыла легко бежала по затвердевшему от ударившего ночью мороза, снегу. Бектемир правил, сидя на старой кошме, расстеленной поверх пахучего сена и укутавшись в теплый, длиннополый тулуп, размышлял о судьбе сына.

«Вроде рос нормальным парнем и учился хорошо, спортом занимался. Почему он сбился с дороги? Все перевернулось вверх дном в государстве, – горестно раздумывал он, – пришла эта рыночная экономика и разрушила старый уклад жизни. Молодые точно помешались на деньгах. На что угодно готовы пойти, только бы занять их побольше. И не оправдание – то, что нет работы, хотя и вправду черт знает что, происходит сейчас. Взять даже наше Киялы. Столько людей осталось без дела, на глазах все разваливается, от того и побежали немцы, поляки – хорошие специалисты. Будто река, вышедшая из берегов, смыла в одночасье сложившиеся устои. Никто теперь никого не уважает, молодежь перестала считаться со старшими, закусили удила и понесли. А это вон куда приводит». – Бектемир вновь подумал об Амуре.

Когда-то большой, аул Инталы теперь сиротливо серел несколькими домиками и пристройками. Как только пронесся по стране ураган тревожных перемен, так и отсюда стали уезжать люди. Решение принимали тайно, собирались стыдливо, осознавая, что предадут землю предков, испугавшись надвигавшихся трудностей.

- Тпру-у! - остановил, натягивая вожжи, разбегавшуюся рыжую кобылу Бектемир.

- *Ассалам-алейкум*, – отдал он салем, ожидавшему, утирая

слезящиеся глаза, тестю. Как и подобает зятю, с уважением протянул железнодорожник обе руки старику, с ходу расспрашивая о здоровье.

– Что с нами может случиться? – отмахнулся Ережеп, – старость лишь сгибает человек, а смерть забирает. Проходи в дом, я сам управлюсь с твоей рыжей.

Бектемир сбросил на сани тулуп и, обтряхнув от снега валенки, потянул на себя дверь и шагнул в тепло. Старуха Айганым, завидя зятя, не стала скрывать радости. Задавая ему многочисленные вопросы, усадила на почетное место в доме – торь, а сама захлопотала у печки о чае. Разговор с тестем опять, как и в который раз завертелся вокруг переезда.

– Зимы нынче холодные, трудно в наше время теперь завезти вам уголь для топки. Поговаривают, что и электричество могут обрезать, как тогда без света будете жить?

Ережеп моментально нахмурился, собрав брови у переносицы.

– Э-э-э, Бектемир, сколько не говори «халва», во рту слаще не станет. Пойми же ты, наконец, здесь на этой земле жили родители моих родителей, а еще раньше их предки. Сюда я вернулся с фронта с пустым рукавом, и с тех пор уже прошло столько лет. Отсюда ты увез нашу единственную, богом данную нам дочь. Уже ты стал дедом, а я выходит им прадед. Так, куда же мы поедem, со своей байбице какой лучшей доли искать? Разве простит нам аллах этот грех, если мы покинем отцов завещанную землю? Да и на кого мы оставим аульное кладбище? Об этом ты подумал?

– А что кладбище, разве может с ним что-нибудь случиться? Живым – выживать надо, – пробормотал Бектемир неуверенно, чувствуя, что не то он говорит.

– Только тогда живым прок будет, когда они помнят об ушедших. По другому не должно быть, а если такое настанет, значит, конец света наступает, – сердито возразил Ережеп.

Прихлебывая горячий чай, издалека завел Бектемир разговор на волнующую его тему.

– Когда ты думаешь, что дети уже устроены в жизни, и можно отдалиться таким вот размышлениям, вдруг обрушивается беда. Не даром говорили в старые времена: «рвется там, где тонко».

– Ты о чем, Бектемир, – оторвалась от чайника старая Айганым.

Словно взбирающийся на плаху, обречено выдохнул воздух из груди железнодорожник, продолжая.

– Оторвавшийся от стада кулан, становится добычей волков. Не одобрял я того, что Амир так далеко уехал от дома и вознесся к богатству. Чужало мое сердце, что добром это не кончится.

– Что случилось с Амиром, говори, – потребовал Ережеп.

– Калекой вернулся наш Амир, без обеих ног, обронил убитый горем Бектемир.

– О-о-о-о! – завывала Айганым.

– Как это случилось? – с трудом владея собой спросил Ережеп.

– Кто знает? Лишь один Всевышний все ведает. Добрался до родного дома, вот уже месяц тому. Вам сообщать все боялись. Но что делать, новые ноги не пришьешь, рано или поздно вы должны были об этом узнать.

– *Балапаным!* Цыпленочек мой! – опять стала плакать, уткнувшись в кончик платка, теща.

Ережеп сидел молча, как бы осмысливая услышанное. Долго ничего не говорил. Словно онемел, от черной вести.

– Я подозревал, что он там, в этой не знакомой нам Москве, занимается плохим делом. Не нравилось мне его изменившееся отношение к вечным человеческим ценностям. Да, только что мог я сделать? Потерявший зрение – рано или поздно упадет в пропасть, – говорил Бектемир, но ему никто не отвечал, не возражал, не оспаривал.

Ережеп и Айганым всегда безумно любили Амира, настолько тяжело им было сейчас. И только одну фразу произнес старик после получасового молчания:

– Что бы он ни сотворил против людей, это теперь на его совести. Нам лучше не знать всего. Мы не боги. Раз аллах отнял у него ноги, значит, он так решил и мы покоримся. Не добивай его. Если суждено ему стать человеком, это произойдет.

* * *

Зима в этот год выдалась лютая. Несколько лет уже не бесилась так природа, насылая жестокие морозы и круговертные бураны. Словно сговорившись между собой, попеременно испытывать здешних людей, раз за разом наваливались они по всему фронту. То вначале подступали морозы, длинными ночами вы-

кладывая на оконных стеклах неповторимой красоты узоры. День ото дня они крепчали, набирая силу так, что рельсы звенели, словно литавры от малейшего прикосновения к ним.

В такие дни в домах приходилось орудовать кочергой, шуруда печи, чтобы поддержать тепло. Затем, вволю налютовавшись, они, тихонечко пятясь задом, отступали, усыпляя бдительность обманчивым потеплением. И вот тут подбирались бураны. Вначале небо тяжело и прижималось к земле. Задувал тоненький безобидный ветерок, гоня перед собой длинные язычки из снега. Это была поземка, предвестница метели. Так могло продолжаться несколько дней, и когда расслаблялись люди, во тут то и налетал он. Ветер усиливался, начиная порывивать, потом подвивать, поднимая вверх снежные шапки. А потом, словно окончательно сойдя с ума, принимался метаться, беснуясь в огромной степи в поисках жертвы, закруживал отрывая вверх снежные сугробы и тогда все в округе превращалось в сплошную круговерть.

Буран носился по степным просторам, точно заболевший бешенством пес, набрасываясь на все живое на своем пути: людей, животных, поселки. В такие дни на станции начинался аврал. В комнате Бектемира непрерывно звонил служебный телефон.

Ни разу с момента возвращения Амир не выходил из дома, общаясь только с матерью. Улжан не лезла в душу к сыну, не пыталась досаждать ему расспросами, молча выслушивая только то, что он сам ей рассказывал. Сама же делилась с ним своими переживаниями, постепенно втягивая Амира в мир семьи.

После того, как Бектемир раскрыл тайну Ережепу и Айганым, ему немного полегчало. И еще одному человеку рассказал, не удержавшись, опечаленный отец, Абая.

– Только ты можешь помочь моей беде Абай-жан. Амиру нужна коляска, ты ведь человек молодой, грамотный, часто бываешь в городе. А я даже представления не имею, где ее искать, проклятую. Ведь весна не за горами, как он будет выбираться на улицу?

– Не печальтесь Бектемир-ага. Я целиком разделяю ваше горе. Поверьте, Амир мой ровесник, все детство мы пробегали бок о бок. Я обязательно решу эту проблему, не сомневайтесь. К весне будет у Амира коляска.

Растроганный, Бектемир обнял Абая, пожимая ему руку:

– Абай-жан, ты знаешь, мы люди постарше, но все тебя ува-

жаем и ценим. Знаем, что ты печешься не только о себе. Только, пожалуйста, никому пока не говори об Амуре. Пусть никто этого не знает, придет время тому. А пока ему самому, нам с Улжан, твоей тате, надо смириться, привыкнуть с этой мыслью.

– Я умею хранить тайны Бектемира-ага, раз доверили ее мне, значит, вы во мне не сомневаетесь. Амуре сейчас тяжелее всех, поддержите его. На меня можете рассчитывать, ага.

– Спасибо, спасибо Абай-жан.

Вечером Бектемир, сидя в своей комнате, разбирал бумаги, как вдруг в комнату вкатился на тележке Амур.

– Что это за бумаги, отец, – поинтересовался он.

Бектемир удивленно поднял глаза. Сын никогда не вникал в суть его работы, с юношеских лет вбив себе в голову, непонятные для Бектемира, идеалы.

– Этот рулон, сынок, кардиограмма железной дороги.

– То есть, как это, кардиограмма, – не понял Амур.

– Ну, я не совсем правильно выразился, точнее она напоминает ее. Вот, посмотри сам.

Бектемир, радуясь, что нашелся повод завести разговор с сыном, схватил рулон и расстелил его перед Амуром. На длинном листе были вычерчены причудливые, ломаные зигзаги.

– Что это значит?

– Есть такой специальный вагон, в котором стоит этот прибор, определяющий так называемые выплески. Это, когда после дождя, проникшая в гравий вода замерзает и поднимает шпалы и рельсы. Он же, очень точно фиксирует перекосы. Вот, видишь, здесь эти выступы, – Бектемир, ползая на коленях, живо рассказывал сыну, – Кроме того, этот умный прибор видит, если, не дай бог, в рельсе есть углеводород. На таких, как сейчас морозах, они могут лопнуть, под тяжестью грузовозов. Тогда не избежать схода, а то и крушения. Эта бумага называется путевой «измеритель». Видишь, вот здесь есть штамп проверяющих, а тут моя подпись. Так что все очень и очень ответственно.

Бектемир, увидя, что сын искренне заинтересовался, вынул из шкафа еще свитки.

С той поры, как вернулся Абай в Киялы, прошло уже два года. Гаухар, закончив учебу в институте, получила диплом. Радости ее не было предела. На улице всюду бушевала весна. Сады стояли наряженные, словно свадебные невесты, одетые в белые

подвенечные платья. Запахи цветущих деревьев носились по городу, дурманя голову молодым.

Гаухар, в пору, когда ее возлюбленный еще находился в заключении, добровольно назвавшаяся родителям Абая его невестой, в ту самую ночь подтвердила джигиту о серьезности своих намерений.

– Тебя не оттолкнет мое признание? – робко, стыдливо спросила она.

– Ты о чем, Гаухар?

– Абай, я хочу связать свою судьбу с тобой, – произнесла девушка, потупив взгляд.

Эта фраза, не то чтобы ошеломила джигита, в тайне размышляя об этом, он сам хотел завести разговор. Но смелость любимой девушки просто поразила его, поэтому он некоторое время сидел, не смея шелохнуться, точно его пригвоздили к стулу.

– Ты это сказала, – прошептал он. Его глаза засияли счастливым блеском. Абай склонил перед ней колени и попросил ее руки.

– Гаухар, я прошу тебя, стань моей женой. Давай, будем вместе шагать по жизни, я клянусь тебе, что постараюсь быть достойным для тебя мужем.

И вот в такие дни Абай прилетел к своей любимой девушке, ради которой, коснись, переплыл бы море, прошел через непроходимые топи, взобрался бы на самую высокую гору.

Родители добирались на поезде, пока Амир и Гаухар готовились к самому главному в их жизни празднику.

Отшумела весело свадьба, десятки выпускников их вуза, пришли поздравить молодых. Родители Гаухар, перед которыми исполнили все необходимые обряды сватья, не стали возражать, когда молодожены объявили им о своем решении жить в Кыялы.

– Воля ваша, мы благословляем вас. Где бы вы не были, любите друг друга, большего нам от вас ничего не нужно, – немного расстроенные сказали они.

Абай и Гаухар поселились у родителей.

Веселая, приветливая невестка, еще в свой прошлый приезд полюбила Улжан и Бектемиру. Теперь же, войдя в их дом, она легко подобрала ключик к сердцам обоих, озарив их быт особенной, чистой радостью. Первая красавица института, вслед ко-

торой оборачивались крутые столичные парни, легко и гармонично вписалась жизнь небольшой станции. Никто, даже самые злые завистники, не смели сказать плохо о ней, наоборот, радуясь, что такая чудесная девушка появилась у них. С каждым она умела поздороваться, озаряя белоснежной улыбкой, очаровывая едва знакомых людей. А когда шла она, неотразимо красивая, грациозная по улице, то, глядя на нее восхищенно, забывали люди о своих житейских проблемах. Даже раскисшая после ливневого дождя, с образовавшейся колеей, полной грязными лужами улица, казалась им вымощенной булыжной мостовой.

Абая тоже уважали местные старожилы, и стар и млад здоровались с ним. Глядя на счастливую пару, самые скептики воодушевлялись, размышляя: раз такая молодежь не бежит отсюда, значит, все еще обрывается, и откладывали в сторону чемоданы.

Как не бесилась зима, как не лютовала, дни ее оказались сочтены. Она еще напоследок огрызалась небольшими метелями, но уже другая сила шла неустрашимо издалека. Весна двигалась в эти края, показались ее первые предвестники. Всю зиму хмурое небо, посветлело, бодрящий ветерок поразгонял тучи, понагнав вместо них кучерявые, веселые облака. Сугробы потемнели, а там, где снега было мало, появились крошечные лужи.

Абай всю зиму много трудился, пытаясь укрепить свое слабое крестьянское хозяйство. Вел переговоры с банками по кредитованию, заключал договоры о покупке химикатов для полей, доставал запчасти для старой техники. Шла вторая весна для его хозяйства. Прошедшей осенью с превеликим трудом собрав урожай с отведенной небольшой площади, ему удалось свести концы с концами, рассчитавшись за семена и ГСМ.

Абай добился увеличения посевных в два раза. Это был рискованный шаг, но, посоветовавшись с Гаухар, Абай пошел на это. Теперь перед ним стояла главная задача, обеспечить новую. Деятельная Гаухар подняла всех своих институтских друзей в столице, и они помогли. Им должны были дать новую технику в лизинг. Они оба работали, не зная устали, каждый раз, возвращаясь домой, торопились к появившемуся в их жизни первенцу. Санжар, так называли они кроху после долгих споров, в честь великого ученого. Малыш уже начинал робко ползать, мог самостоятельно сидеть, поджав под себя белые, пухленькие ножки.

Родители Абая души не чаяли в маленьком Санжаре, пылин-

ке не давая сесть на него. И молодожены все свое свободное время крутились вокруг сына. Они были счастливы.

Абай исполнил обещание данное Бектемиру-ага. И опять ему помогла Гаухар. Новенькую коляску с никелированными ободами на шинах, им передали поездом. И Абай, довольный тем, что ему удалось содержать свое слово, передал ее отцу Амира

– Ага, вот она, чудо-коляска.

Бектемир расстрогался.

– Абай-жан, спасибо тебе, что не бросил мою просьбу на землю, я не забуду того, что ты для нас сделал.

– Ну что вы, Бектемир-ага, Вы меня, наверное, хотите в краску вогнать.

Всю зиму Амир отлеживался в жарко натопленной комнате. Так израненный матерый хищник зализывает кровоточащие раны, укрывшись в глухом степном буераке. Разные мысли беспрерывной чередой текли в его голове. Обо всем думал, ставший калякой парень. Вспоминал картины детства, провидца Каратаса, любившего его, как сына.

Его увлекательные рассказы, уводившие мальчика в далекую страну Китай, где людской говор напоминает птичий щебет. Вместе с аксакалом мальчик переправлялся через бурлящие, стылые; словно свинец, воды Каратала. Порой детская фантазия уносила его вскачь, с переброшенной через седло красавицей – дочерью эмира, у которого Каратас служил он-баши. Отстреливаясь от преследующих его сарбазов, он, как и его кумир, спасался в горах. Старец рассказывал мальчику о том, как сшибались, на полном скаку, красные с белоказаками, как разваливалась человеческая плоть под гибельным сабельным ударом.

Мысли прыгали, словно блохи, и за ними было невозможно угнаться. Они вернули его в недавнее унижительное прошлое. В памяти всплыла картина его драки с одноногим бомжем, водителя, сигналившие ему в знак солидарности, и Амир задумался над тем, почему же они сочувствовали ему, а не противнику. Тогда, в тот момент Амир подумал, что им просто понравилось, как он избил бомжа. Теперь же, анализируя, разбирая их поступок, ему стало ясно, что это было ошибочное мнение.

И хотя он убийца, бандит, насильник, а бомж мог быть обыкновенным опустившимся пьяницей, не знавшие его прошлого,

могли подумать, что ноги молодой парень мог потерять в Афганистане, в горячей точке, в конце концов, просто в аварии.

«Ах, если бы они знали истину, может стали бы плевать в меня», — думал Амир.

От вспыхнувших догадок он злился, разъяренно метался по кровати, не желая признавать, что в случившемся виною не то, что он не просчитал Культю, а образ жизни, который он вел.

«Эх, дурак, столько было денег. Надо было построить родителям дворец, купить им джип, мебель. Не догадался».

Когда отец принес ему коляску, Амир вначале обрадовался, но, узнав, откуда она взялась, неожиданно для родителей разнервничался, с обидой выговаривая:

– Не надо было, отец, обращаться к Абая?

Расстроенный, Бектемир удалился в свою комнату. Улжан, все эти месяцы метавшаяся, точно потерявшая теленка, косясь, между мужем и сыном, нахмурившись, впервые жестко высказала:

– Усмири гордыню, сын, ты не справедлив по отношению к нему.

– Ты что, мам, идешь против меня из-за какого-то соседа?

– Нельзя так Амир, ну, почему ты такой злой, спесивый. Чем он заслужил твое презрение? — мать стояла, натянувшись, как струна, готовая отстаивать свое мнение. Ее нервы тоже уже были на пределе.

Ничего не сказал Амир, отвернулся лицом к стене. Рассказывая новости, мать постоянно говорила об Абая, его жене, которую Амир видел только в окно. С нескрываемым умилением описывала их сына. Это корбило Амира, било его по самолюбию, он с ехидцей выпаливал.

– Ну, че ты радуешься чужому счастью? За меня ни ты, ни отец так не радовались, когда я приехал на шикарной машине с кучей подарков.

– Почему бы нет? Абай пострадал за народ, Гаухар четыре года его ждала, любила. Они поженились. Такая красивая девушка приехала жить из города на станцию, не побрезговала. Родила ему сына. Уважает его родителей. Вместе с ним работает. Все вокруг разваливается, а они заботятся о людях, помогают им выстоять в это смутное время. — Улжан разошлась не на шутку. — А что касается твоего приезда, так отец сразу почувствовал, что ты занимаешься чем-то нехорошим в Москве.

– Прекрати мама! — крикнул Амир.

– Кого ты хотел удивить своей машиной, нас с отцом? Да, ты понавез дорогие подарки, только до сих пор мы не знаем, что это за деньги, на которые ты их приобрел. Нет ли на них чужого проклятья?

– Мама!

– Что, мама? Я тебя родила, а не ты меня, слушай, даже если тебе неприятно. Моя ошибка в том, что я всегда тебе потакала. Как ты пришел из армии, так все тебя не устраивало. Тебя раздражала наша Киялы, грязные отцовские руки, грохот поездов. Кто ты такой, что всегда стремился жить лучше других, любой ценой?

– Мама, в Афгане я воевал, – Амир пытался остановить мать.

– Не только ты один воевал, многие воевали, кто-то погиб там...

– Ты хочешь сказать, что было бы лучше, если бы я там погиб?

– Я не хочу так сказать. Твой дед всю войну прошел, без руки вернулся. А до сих пор аул не хочет покидать, только из-за того, что не на кого оставить кладбище. Он чувствует себя ответственным за это перед умершими предками. А ты?

– Что, я?

– Разве ты чувствовал ответственность, когда бросил нас и уехал, сначала в город, затем куда-то в Сибирь, а оттуда в Москву. Что ты там искал, какой лучшей доли? Ты думаешь, нам твои деньги нужны?

Амир молчал, опустив голову. Ему нечего было ответить. Он был шокирован поведением матери. Никогда она не смела так кричать на него. А сегодня выплеснула, точно резала по живому безо всякой жалости.

После этого разговора, в их отношениях пролегла трещина, увеличиваясь день ото дня. О чем бы ни заговаривал с ним отец, что бы ни говорила ему мать, из памяти не уходили обидные слова, как удары плетью стегавшие его.

Подарок Абая он принял, негодуя от мысли, что он станет злорадствовать.

«Наверняка, подумает: приезжал крутой, на «мерсе», теперь катается на моей коляске», – Амир от бессилия вскипал, сжимая кулаки, желчь пожирала его:

– Почему ему все? И красавицу жену, и сына, и уважение людей, даже между мной и матерью клин вбил. И старик Каратас его всегда любил больше, чем меня.

Амир ненавидел Абая.

* * *

Весна тем временем уже во всю хозяйничала на дворе. Люди недаром ее любят, ожидая прихода, связывая с ней лучшие надежды. После дремотных, злых зимних ночей, когда назойливые думки одолевают человека, кусая, точно, клопы, к концу зимы не знают станционные жители, куда от них деваться. Многие, не выдерживая напряжения, ищут спасения в мутном, крепком перваче. Да и скотина в лютое время застоялась в сараях, перетирая зубами безвкусную солому. Заскучав по яркому весеннему солнышку, мычит нетерпеливо, в надежде, что выпустят ее на луга, где уже пробивается вверх зеленая травка.

Темные, нежные кобылы, давшие на свет за зиму тонконогих, ласковых жеребят, посылают ржание, задрав голову к низким крышам конюшен. Так им хочется быстрее на раздольные, степные просторы, мчаться к горизонту, развеивая шелковистые гривы. Словно в благодарность, весна в этом году выдалась чудная. Она стремительно расправилась с остатками зимы, растопив сугробы, и теперь подсушивала все вокруг. Даже горбатая насыпь, по которой протянулись стальные нити рельс, убегающие вдаль, парила под теплыми лучами. Даже поезда, поредевшие зимой, к весне участились и людям казалось, что веселей им стало бежать, выстукивая: тим-там, там-там.

Обезлюженные в суровые морозы улицы, оживились. Приветливое солнышко вытягивало во дворы молодых, взрослых и детвору. Старый пес Акбар, коротко взвизгивая от удовольствия, целыми днями лежал, развалившись, с прикрытыми глазами, подставляя ему плешивые, провалившиеся бока.

Молодежь, как когда-то Амир со сверстниками, на подручном транспорте: велосипедах, мотоциклах, порой даже верхом, потянулась на дискотеки.

Совхоз готовился к посевной, на станцию доносился тяжелый рокот тракторов, проходивших проверку, прежде чем выйти в поле.

Не выдерживая больше страшной муки одиночества, Амиру, несмотря на предстоящие удивленные лица земляков, немые вопросы, что зародятся в их глазах, безумно захотелось на улицу. Когда кто-то входил в дом, он чувствовал, как оттуда, словно бальзам, вливается чудотворный воздух.

С утра он стал готовиться. Тщательно побрился, побрыз-

гался одеколоном, причесался, надел на себя лучшее из того, что было. Он уже ловко разъезжал на коляске по дому, так что без особых проблем выехал на улицу. Остановив ее посередине двора, Амир поздоровался с Акбаром. Удивленный пес приоткрыл глаза и, словно соглашаясь, широко зевнул, оголяя гнилые зубы.

С юга, посылая мягкий приветливый гудок, притормаживая, вкатился состав «наливников». В это время прямо у калитки услышал он лошадиный храп и забытый сердитый голос деда.

– Стой, сумасшедшая лошадь, забор хочешь снести, что ли?

В длиннополом выцветшем брезентовом дождевике с кашпоном, дед показался Амиру огородным пугалом. Сойдя с рессорного тарантаса, он неспешно набросил конец вожжей на столбик ограды, и вошел в калитку.

Амир сидел, накрыв обрубки клетчатым пледом, так, что явного отсутствия ног не было видно. Это немного смутило деда, он замешкался на доли секунд, а потом шагнул к любимому внуку и прижал к себе. Жесткий брезент пах коровьим дерьмом и больно корябал заживающую нежную кожицу. Отстранившись назад, дед Ережеп совершенно безапелляционно рассмотрел изувеченное лицо внука, затем, отбросив край пледа, осмотрел культишки и горестно покачал головой. Было видно, что он сильно расстроился.

– Ну, че расклеился, ты же прожил с одной рукой, – деланно бодро проговорил Амир.

– Ах-ах-ах-ах... – Ережеп, не в силах совладать с собой, продолжал качать головой, – Ах-ах-ах-ах... Внучек ты наш любимый, выслушай старика и не сердись. На дальней дороге жизни нельзя было скакать, иначе даже тулпар обезножееет. Ах-ах-ах-ах...

Налетел резкий порыв ветерка и разнес по собравшимся у глаз морщинкам скопившуюся соленую влагу.

– Не надо дед, мне и так плохо.

– Хорошо, не буду, внучек, не буду. Твой отец, когда еще рассказал нам об этом горе. Но ни я, ни твоя бабушка не могли приехать к тебе, нам нужно было время привыкнуть смириться с этим. А сегодня, когда уже лошадь была запряжена, твоя бабушка разрыдалась и не поехала: езжай, говорит, один сначала.

Бектемир и Улжан были на работе, им никто не мешал. Целый день провели они вместе, пили чай, сваренный дедом. Первые между ним и дедом был такой разговор. Амир рассказал

о том, что их банда вымогала деньги с богатых коммерсантов, угрожая им, умолчав об убийствах.

– Взорвали меня, дед. В машину подложили радиоуправляемую мину. Очнулся в больнице. Без ног. Вот моя история. К тому времени у меня было много, очень много денег, понимаешь, дед, ну, как тебе объяснить величину этих денег. Ну, вот у вас сейчас продают целые совхозы. Так вот, у меня их было столько, я мог бы выкупить целый район. Со всеми потрохами, элеватором, зернотоками, техникой и людьми, – Амир увлекся, не заметив, как давно уже дед закрыл ладонью лицо, сгорая от стыда.

– Ты че, дед?

Ережеп медленно отнял заскорузлую, темно-коричневую ладонь и глухим, старческим голосом произнес:

– Земля бы давно уже провалилась в тартарары, если бы все у людей измерялось только количеством денег.

– Дед, ну ладно тебе, я сболтнул лишнее, забудь об этом. У меня вот здесь, – Амир поднес ребро ладони к горлу, – все стоит, кому, как не тебе стоило выслушать меня, ты же мой родной дед... Мать со мной почти не разговаривает. Отец тоже все больше отмалчивается. Что мне делать?

– Ты должен вернуть к себе их любовь, – ответил старый, однорукий фронтовик.

Прошло несколько дней, после приезда деда Ережепа. С утра на дворе выдалась солнечная погода, становилось жарко. Родители, как всегда, были на работе. Амир, сидя на полу, хорошенько размялся, сделав несколько упражнений. Упершись на обрубки, поотжимался от пола и стал собираться на улицу.

Опять он долго приводил себя в порядок, выгладил теплую, байковую рубашку и, надев на себя, подкатился к зеркалу, задумчиво разглядывая отображение.

Когда-то веселая чистенькая станция была в упадке. Многие дома были брошены и стояли убогие, с грубо заколоченными окнами. Другие, полу разобранные, зияли пустотой осиротевших стен. Эта картина напомнила ему Афган. Глинобитные киплаки, перепаханые «эрэсами», после самолетной бомбежки, выглядели примерно также, во время зачистки. Почти весь край, где раньше жили немцы и поляки, теперь уехавшие на исконную родину, прежде нарядный, с лубочно выкрашенными домами был разобран, лишь ветерок хозяйничал в обвалившихся фундаментах.

По грязным улицам, роняя пух, гогоча, важно вышагивая, бродили гуси. Амир катился на коляске, разглядывая покосившиеся, грубо сколоченные из черных шпал сараи. Около выкрашенного белой известью диспетчерского пункта, на фоне зазеленевших деревьев, мотала головой, отбиваясь от оводов, чья-то лошадь. Возле дома путевого мастера, среди надворных построек, синел разобранный мотоцикл. Из двух врытых в землю кривых деревянных столбов с металлической трубой, был устроен турник. Рядом, на земле, валялась самодельная штанга из ржавых тракторных катков, напомнившая Амиру его юность, тогда еще чистую от человеческой крови. Жиденькой стайкой, шустро передвигаясь, рядом с коляской пробежали рыжие куры. Вдоль железнодорожного полотна валялась как попало, наваленная груда старых рельс. Амир ехал мимо вытянувшихся вдоль полотна, растрескавшихся от времени деревянных электрических столбов, с белыми фарфоровыми изоляторами.

На провиснувших, точно белье, веревки, проводах, оголено трещали белобокие сороки, а под ними, волоча за собой пеньковые веревки, паслись несколько пятнистых телят. Не переставая жевать, они равнодушно покосились крупными, черными глазами на проезжавшего мимо Амира. В это время, откуда-то сверху, до слуха парня, перекрывая гул тракторов, донесся тревожный крик, вытянувшийся клином, гусиной стаи.

Убогое однообразие произвело тягостное впечатление на Амира, еще недавно проводившего время в роскошнейших ресторанах «Балчуга», «Тройки». Он тоскливо подумал о том, что та жизнь для него теперь ушла безвозвратно. Его обуял ужас при мысли, что все оставшееся время ему придется влачить жалкое существование в этой, забытой богом, дыре.

– Эх, эх, эх, эх, – хрипел он, сверкая глазами, точно зверюга, попавшая в стальной капкан.

Улжан никак не могла оправиться после той, памятной ссоры с сыном. Что-то неведомое треснуло в материнском сердце и ее любовь к нему стала чахнуть, засыхая, подобно комнатному цветку, лишенному влаги. С излучавших ранее томительную нежность глаз, в один миг слетела пелена и другим она увидела, своей грудью выкормленного сына. Как ни пыталась она вернуть свое отношение на прежнее место, ей не удавалось. Не понятно, откуда пришло к ней это. Теперь вычитывая в газетах криминальные очерки, она содрогалась при мысли, что ее Амир мог

также жестоко убивать людей. Она не могла избавиться от этих мыслей, ведя внутренне яростный спор с собой. Замкнувшись на этих мыслях, как то вечером Улжан искоса наблюдала, как Амир, прямо из банки, пьет густой томатный сок. А когда он оторвал ее от губ и улыбнулся, бедной матери на мгновение показалось, что рот сына в человеческой крови, которую он пил с наслаждением.

Улжан дико вскрикнула, показывая пальцем на Амира, и рухнула на пол без сознания. Перепугавшийся не на шутку сын и, прибежавший на шум, Бектемир долгое время не могли привести ее в чувство.

А, придя в себя, она не стала ничего объяснять, отговорившись тем, что вдруг ей стало плохо. Однако, белый свет померк с этого дня в глазах у Амира и как то раз сам того не замечая, точно заговоренный, он взял в руки веревку и стал проверять ее по всей длине, оценивая прочность. Смастерив петлю, он опробовал ее, хладнокровно проверяя, хорошо ли скользит она сквозь узел и, убедившись, выкатился на улицу, направляясь к сараю.

С трудом перебросив колеса через поперечную доску при входе, Амир некоторое время привыкал к полумраку. Ему удалось высмотреть крепкую поперечину на потолке: вот эта выдержит – удовлетворенно вздохнул бывший афганец. Теперь перед ним стала задача посложней. Необходимо было каким-то образом перебросить через балку конец веревки. Привстав на обрубки в кресле, парень сделал попытку дотянуться, но его укороченного роста не хватало.

– Вот же, бя, даже для того, чтобы повеситься, нужны ноги, – выругался он огорченно.

Однако не в его характере было отступать. Бывший авторитет достал из кармана сигарету, чиркнул спичкой, прикуривая. Еще и еще раз задирал он голову к балке, как вдруг разглядел на ней две характерные бороздки.

– Отчего бы могли остаться эти выемки, – раздумывал он, и вспомнил, что в детстве отец смастерил ему качели. И он качался на них, в то время, как отец управлялся со скотом.

Амир, используя навильник, наколол на один из сверкающих зубьев конец веревки и, поднимая вверх, протолкал через поперечину. Подтягивая ее, Амир задумался: «Сейчас не станет меня. Я и вправду ошибся, не послушав старика Каратаса, желая построить рай для себя». Перед затуманившимся взором отчетли-

во проступил образ прекрасной дочери банкира Юлии. «Господи! До чего же она красива!».

Наедине с собой, перед близкой смертью, он искренне раскаялся за надругательство над женой Седого, за расстрелянных дагестанцев, Чечена, пацана, приближенного Бульдозера. Ранее не признававший бога, взяв в руки петлю, прежде, чем просунуть в нее голову, застыл на мгновение, закатив глаза в темный потолок, словно он мог быть там, бог – взмолился о прощении. В этом состоянии он не услышал, как кто-то с улицы звал его. Встрепенулся, точно вор, пойманный с поличным, когда вошедший в сарай мужчина, бросился к нему. Это был Абай.

– Ты что удумал, афганец, – кричал джигит, – ты что удумал?

Абай вырвал из рук Амира веревку и отбросил ее в сторону.

– Ты же был крутой, что, весь вышел? Отвечай же? – Абай со всего маха ударил ладонью по щеке бывшего авторитета.

– Да, пошел ты, – безразлично, беззлобно ответил Амир.

– Нет, ты будешь жить, будешь землю пахать на тракторе. Все кругом рушится к хреновой матери, а ты в петлю. Кто будет сеять, жать, молотить? Один я, что ли? – точно безумный орал Абай.

– Да не ори ты, сейчас соседи сбегутся, – поморщился, будто от зубной боли Амир.

– Я в город собрался. Давно хотел зайти к тебе. Да то одно, то другое, рано уезжаю, поздно возвращаюсь. Хотел узнать у тебя, может что надо...

Амир глядел на Абая, сверля взглядом так, словно впервые его увидел.

«Рехнутый он, что ли?», – думал бывший авторитет, – «Я его ненавижу, а он обо мне переживает».

– Ты, давай, вытолкай меня отсюда, раз помешал, – злобно произнес Амир и вдруг, совсем неожиданно для себя, попросил Абая, – Давай съездим сейчас к старику Каратасу.

– На тракторе.

– Нет, не надо на тракторе. Я хочу своими силами добраться к нему.

– Ты правильно решил, Амир. Давай навестим маркыма-Каратаса, я тоже уже очень давно у него не был.

Абай помог Амиру выехать на улицу. Сверстники двинулись в сторону кладбища. Со стороны можно было видеть, как Абай что-то быстро говорил, возбужденно размахивая руками. Амир

напрягался. Усиленно толкая коляску вперед, катился рядом, стараясь не отставать. Он внимательно вслушивался в речь Абая.

– Ты не представляешь, что происходит в стране. Сельское хозяйство разваливается, кругом, начиная от совхозного директора, и выше, акимы требуют взятки, бессовестно набивают свои карманы, грабят народ, сдирая с него семь шкур. На бюджетные деньги покупают ГСМ, запчасти, химикаты, у своих же, подставных фирм, втридорога. Крестьянин не успел еще посеять, а уже все то, что вырастет отойдет этим, потерявшим стыд, хапугам. Помешались на деньгах, не боятся прогневать бога. А что делать, скажи? Ты Афган прошел, в большом городе крутился. Земля ведь ждать не будет, пары надо поднимать, семя бросить надо? А иначе все зарастет бурьяном к чертовой матери. Ты, Амир, парень умный, боевой, я в прошлый раз, когда ты приезжал, надеялся, думал, может останешься...

Ровесники сидели в траве, у поросшего новой зеленой травой холмика. Амир достал из кармана сигареты и протянул Абаю.

– Не кури, нельзя здесь, молитву читать буду.

Абай громко, нараспев затянул:

– *Агузу билляхы мина шойтан ирраджим.*

Он читал долго, удивляя Амира своей набожностью. Вдруг, как и в ту ночь, перед убийством Чечена, парень явственно услышал голос провидца: «Вот уже несколько лет, как я умер, плоть моя давно уже превратилась в прах, а душа моя лишь только теперь обрела прощение аллаха и покой».

– А что она делала до сих пор? – прошептал вслух пораженный Амир.

– Она витала неприкаянной в ожидании главного суда. Ангелы ада, ликуя, рассчитывали утянуть ее, зацепив острыми крючьями. Однако, всевышний счел, что мои земные благородные поступки искупили мои грех, через мои страдания. И он простил меня!

Абай продолжал все еще читать и не слышал вопроса сверстника, обращенного к духу провидца.

– А как мне заслужить прощение? Подскажи.

– Верни свое сердце людям, – донеслось до слуха Амира. Голос исчез так же внезапно, как и появился.

Амир, глядя на Абая, сложил ладони перед собой и сидел, потрясенный, в глубоком раздумье.

Еще один месяц прошел с того дня. Много передумал за эти дни Амир.

– Есть! – врываясь однажды к нему в комнату, радостно прокричал Абай.

– Что, есть? – удивился калека.

– Есть такие протезы, которые необходимы тебе. Их изготавливают в Германии, в клинике. Но туда надо ехать и ложиться, тебе будут примерять, подгонять, а потом учить ходить, но... – Абай опечалился.

– Что для этого надо? Договаривай, – попросил Амир

– Это очень дорого, сейчас у меня таких денег нет. Вот соберу урожай, и тогда мы отправим тебя туда. Вернешься как новенький!

Давно прошла посевная. Трава в округе поднялась буйная, под знойными лучами палящего солнца.

Неосознанное чувство позвало его на край станции, именовавшейся «Берлином». Подчиняясь ему, Амир направил коляску в ту сторону.

Стог, их с Гретой стог, он стоял, как и прежде, высок и величав.

Амир подкатился к нему и потрогал рукой сено, взял в руку, понюхал его. Бывший авторитет задумался над тем, почему он все годы не мог забыть ее.

«Только ли потому, что она была моей первой женщиной? – размышлял он, как вдруг понял, – Потому что в то время он был чище. Тогда в его жизни еще не было Афгана, Факира, продажной Юлии».

Он стал задыхаться. Дыхание перехватило, Амир засипел, хватаясь за грудь, мощный рев рванул из легких, оглашая округу.

– А-а-а-а-а! А-а-а-а-а! – истерично рыдал безногий парень. В голове возникли и завертелись воспоминания: он, вбежавший, запыхавшись, в грот, мокрый от ливня, теплое, белое тело Греты, рыжий пацан, подгоняющий пятнистую корову, явственно слышались слова:

– Че, боксер, немку ждешь?

– А-а-а-а-а! А-а-а-а-а! – точно тот, давно минувший ливень лил теперь из его глаз. Амир рыдал долго и страшно, чувствуя, как вместе со слезами выходит из него скопившаяся за все время грязь с души. Так, в один момент лопается мучительный чирей, извергнув отвратительный гной, и тут же наступает облегчение. С трудом успокоившись, он поехал к дому, к родному дому.

Прошло несколько дней. Амир катался по станции. Его внимание привлекло бляние овечки, одиноко пощипывающей травку.

«Как же все до мелочей продумано в природе, – поразился он, – травинка растет, чтобы ее сщипала овечка, овечка даст человеку шерсть, мясо, а он, питаясь, станет рожать детей, обрабатывать землю, и так будет до тех пор, пока крутиться земля» – никогда прежде не задумывался об этой простой истине Амир. А когда старец Каратас пытался раскрыть ему значение постигнутых им самим знаков о смысле жизни, юноша уходил из-за скуки.

Похмыкивая над своим открытием, Амир поехал в сторону дома. Выбравшись на свою улицу, он увидел перепачканного машинным маслом Абая, выпрыгнувшего из кабины колесного трактора.

Не видя Амира, Абай направился к калитке. Оттуда, навстречу ему шла высокая молодая женщина, осторожно ведя вцепившегося в нее малыша.

– Санжар, – окрикнул кроху Абай.

Малыш поднял головку и посмотрел на простеревшего издали руки отца.

Молодая женщина, наклонившись, что-то шепнула сыну и легонько подтолкнула в сторону мужа. И удивительно, шажочек, за ним еще один, неуверенно, точно лоя землю ногами, малыш пошел, переваливаясь.

Невольно залюбовавшись чужим счастьем, Амир не позавидовал, а искренне радуясь, не удержался и весело рассмеялся. И тут он заметил мать, подходившую к нему. При виде беззаботно смеявшегося сына, Улжан чуть было тоже не улыбнулась. Но вновь что-то, идущее изнутри, против воли удержало ее, вынуждая, наоборот, нахмуриться. Растерянный Амир резко крутанул колеса навстречу матери и только в последний момент заметил глубокий ров, прямо перед ним. Но, уже было поздно.

Коляска, медленно переваливаясь через край, стремительно покатила вниз. Амир, в тщетной попытке как-то остановить ее, дернулся, что было сил, но коляска, накренившись, стала заваливаться набок. Парень с ужасом увидел, что падает виском прямо на торчащий из земли острый палец от сенокосилки. И ничего не мог поделать, он был обречен.

– Ма-а-ма! – беспомощно закричал Амир. Безумный зов сына,

исчезнувшего на глазах, точно земля разверзлась под ним, отточенным лезвием резанул по сердцу Улжан. В это мгновение она простила свое несчастное дитя за все, чего не знала о нем.

– Сы-но-чек! – разрезая тишину, в отчаяннии взметнулась мать. Сжавшись в крошечный клубочек, он опрокинулся на землю, видя, как раскинув руки, словно крылья, на дно рва слетает его мама.

Голова Амира лежала в нескольких сантиметрах от злополучного пальца, а сам он крепко вцепившись руками в подлокотники, что-то шептал беззвучно. Он был блее снега, ни кровинки в лице, огромные зрачки его глаз были устремлены к ней.

– Смотри, мама, – Амир взглядом показал на металлическое жало, которое должно было оборвать его жизнь. Улжан рыдала, обняв голову лежавшего сына, положив ее к себе на колени. Одежда матери пахла солнцем, коровьим молоком и еще чем-то, неуловимо родным, как когда-то в детстве. Со стороны города, неудержимо нарастая, на станцию влетел грохочущий лязг состава.

Роман начат в августе 1998 г. в урочище Жедибай, близ Семипалатинска-закончен в сентябре 2001 г. в 2 часа ночи на железнодорожном разъезде Тениз Северо-Казахстанской области

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	3
Каратас	4
Амир	20
Ережеп	21
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	213
Жельтоксан	216
Абай	216
Амир	236
Абай	244
Амир	251
Абай	262
Амир	277
Абай	287
Банда	301
Амир	305
Банда в Москве	319
Освобождение Абая	371
Гаухар	386
Амир	395
Да здравствует король!	423
Царствование Амира	437
Возвращение Амира	469

Конуров Марат Сеитович

ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ

Издается в авторской редакции

Технический редактор Т.Б. Алексютина

Сдано в набор 20.11.2001. Подписано к печати 27.11.2001

Формат 84x108 1/32 Бумага офсетная. Печать офсетная.

Объем 3,03 уел. л. Тираж 3000 экз. Заказ 714.

Цена договорная.

Издательско-книготорговая фирма «Фолиант»

473000, г. Астана, Главпочтамт, а/я N 2652

Отпечатано с готовых диапозитивов в ЗАО «Дәуір».

480044, г. Алматы, ул. Жибек жолы, 50.